

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – XIV

Материалы чтений,
посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

21–23 июня 2010 г.

Часть II

Санкт-Петербург
Наука
2010

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ-XIV (чтения памяти И. М. Тронского). Материа-
лы Международной конференции, проходившей 21–23 июня
2010 г. В двух частях / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Часть 2.
СПб.: Наука, 2010. – 499 с.
ISBN 978-5-02-025602-6

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);
к. филол. н. Н. А. Бондарко, д. филол. н., проф. Л. Г. Герценберг,
д. филол. н. А. В. Грошева, к. филол. н. Е. Р. Крючкова,
к. филол. н. А. П. Сытов.

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при поддержке программы целевых расходов Президиума РАН
«Поддержка молодых ученых»

и

при поддержке РГНФ – грант № 10-04-14087г

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РГНФ – грант № 10-04-00293а (рук. Н. Н. Казанский)
РФФИ – грант № 08-06-00122а (рук. Н. Н. Казанский),
РГНФ – грант № 08-04-00157а (рук. И. М. Стеблин-Каменский),
гранта № НШ-5630.2010.6 Президента РФ
«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

ISBN 978-5-02-025602-6

© Коллектив авторов, 2010

© ИЛИ РАН, 2010

M. S. Kasyan

TWO VIRGINS – TWO CITIES: ARTEMIS EPHESIA AND ASENETH, THE WIFE OF JOSEPH¹

Резюме. В настоящей статье делается попытка прояснить символику апокалиптической сцены иудео-эллинистического апокрифа «Иосиф и Асенет» через сравнение с архаическим культом Артемиды г. Эфес и ее иконографии. Сопоставление мифологических, археологических, а также историко-литературных данных приводит нас к заключению, что литературная образность (пчелы рая, небесный сот, мистическое включение Асенет в сферу божественного и ее новое имя «град убежища») отражает древнейшее представление о божественности пчел, как оно было представлено в малоазийском культе Артемиды Эфесской.

Ключевые слова: апокриф, роман, пчелы, мифология, Артемиды Эфесская, иудео-эллинизм, эссены.

There are two scholarly enigmas: one is the iconography of the Artemis of Ephesus and The other is the origin of the name of the Jewish sect *essenés*. These two traditionally difficult problems seem to have nothing in common: the former is what we see on the breast of the goddess usually called *polymastos*, while the other concerns the meaning of the name *essenés*, Hebrew or Aramaic. I'll try to resolve both problems with the help of the ancient mythological concept of divine bees, and of an intermediate literary source – a Jewish-Hellenistic apocryphal text *Joseph and Aseneth (JosAs)*.

The Old Testament apocrypha *Joseph and Aseneth* has been regarded since M. Philonenko as a *sui generis* Greek erotic novel (Philonenko 1968: 43–49; esp. West 1974: 70–81). The similarity of the general pattern of the narrative (beautiful people both of high social position meet each other, sudden love disease of a misandric virgin, impediments to their union,

¹ This paper is a result of two my reports in ICAN-2009 (Lisbon), and FIEC 2010 (Berlin).

divine intervention, happy wedding) was seen as influenced by the Greek novel.

Being a love story *JosAs* has its own peculiarities if compared with other Greek novels: it is not only a story of the marriage of the patriarch Joseph to the Egyptian Aseneth, it is also a story of her conversion to the true God of Israel and it contains an apocalyptic vision. The language of *JosAs* is borrowed from the *Septuagint* (*LXX*), the characters and the events are from Genesis (Gen. 41: 45–47), a lot of exact or implicit quotations are taken from the Bible etc. These show to us the intersections of the various Mediterranean traditions of the Hellenistic epoch.

Nevertheless there are details and symbols of the central apocalyptic scene (ch. 14–17) which are unique. This scene involves bees and honeycomb. While sacral honeycomb might be regarded as an analogue with the *manna* from Exodus, (Ex16:31: ‘like coriander seed, white, and the taste of it was like wafers made with honey’), the presence of bees in the conversion mystery has not been fully clarified by the Biblical tradition².

The scene looks like this: after a prayer of repentance a heavenly messenger (‘the Man’) appears before Aseneth and they partake of a miraculous ‘honey comb’, which ‘was big and white as snow’. Then white bees came up from it, covered Aseneth’s body (“and all those bees encircled Aseneth from feet to head”) and built a new comb on her mouth. However, not all the bees built the new comb, but only specific ones that were “great and chosen (ἐκλεκτοί), like their queens (βασίλισσαι), and they rose from <...> the comb and encircled Aseneth’s mouth, and made upon her mouth and her lips a comb similar to the comb which was lying before the man” (16, 19–20)³.

² Bees and honey in the Biblical tradition have been recently considered by the following authors: Hubbard 1997; Wong 1998; Portier-Young 2005.

³ We use critical edition: Burchard 2003, and English translation: Burchard 1985.

These most enigmatic images of the novel – a virgin covered by bees, the wonderful bees themselves, and partaking of honey as sacramental culmination of conversion – seem to have no parallels in the Greek literary sources as well.

We will try to find an explanation in a wider context, taking into account the ancient ideas about the bees and the data of the archaic Greek cults.

The mythological and sacred function of bees is universal in various cultures of the Mediterranean. A hive is a natural model of a human community, like a *polis*, while a brood with its queen can be compared to a colonial settlement. Meanwhile this concept was not a Greek invention. Archaeological evidence from Asia Minor suggests that the idea of a city as a hive goes back to Neolithic cultures. Bees are counted among demonic creatures such as Italic *manes*, Greek *μύρμηκες*/*Μυρμιδόνες* or Jewish *Rephaim*⁴. The bees serve in different myths as mediums between the world of the dead and that of the living⁵, between the gods and the people, i.e. they are servants of gods and heavenly messengers. And this is not their only function. The myth about the building of the second temple of Delphi points towards bees as builders⁶. They are also feeders of gods (Zeus, Dionysus and Artemis), poets, prophets; they attend to the fertility deities, and keep hidden knowledge, being in contact with the oracle. Their food (honey) gives life or immortality and the honey they give characterises the blissful «golden age» (often in combination «milk and honey»). In many Greek cults and myths, bees are present in full variety of their functions: medial, ominous, feeding and building.

⁴ About *Rephaim* see Schnell 1986: 35. Detailed study of bee mythology is found in Olck, Bees (*RE s.v.*; A. B. Cook's article is still among the best studies on the subject (Cook 1895). See also Burchard 1985: 230-231, notes f2, h2, and MacInnes 2000.

⁵ Cf. the neo-Platonic interpretation – Porph. *Antr.* 14–15.

⁶ According to Pausanias the bees built the temple with wax and bird wings (Paus. 10, 5, 4). This description corresponds to natural habits of bees (building of honeycombs). See Sourvinou-Inwood 1979.

We can see that white divine bees and honey have the same functions in *JosAs* as well: “For this comb is (full of the) spirit of life. And the bees of the paradise of delight have made this from the dew of the roses of life that are in the paradise of God. And all angels of God eat of it and all the chosen of God and all the sons of the Most High, because this is a comb of life, and everyone who eats of it will not die for ever (and) ever” (16, 14). The miraculous snow-white bees that came up from the cells of the divine comb (‘innumerable, ten thousand <times> ten thousand and thousand upon thousand’) had “wings like purple and like violet and like scarlet (stuff) and like gold-woven linen cloaks, and golden diadems <were> on their heads” (16, 17–18).

Let’s look at the ‘chosen’ and ‘remarkably big’ bees that covered Aseneth. It is well known that a Queen-bee is the biggest bee in a colony. Aristotle (*HA*), Plinius (*NH*) and their compilers referring to the ‘leader’ of a swarm regularly call it by the masculine terms – ἡγεμών, βασιλεύς, rex⁷. Feminine terms like βασίλισσα in our text are not found in Greek sources before 1–2 AD⁸.

M. Philonenko analyzed the whole bee scene in *JosAs* and especially the virgin’s image *sub specie Aegypti* (Philonenko 1968: 67–79). He believed that Aseneth is a representation of Egyptian Neith (with her ‘bee-symbols’), or, to be precise, the Hellenistic combination of Neith and Athena worshipped in Sais⁹. Ch. Burchard was skeptical about it and paid more attention to the tradition of Sion, the City of God being described as a feminine figure. However, the Biblical tradition leaves the bee scene unexplained (Burchard 1985: 189). Beside Neith of Sais, bees are also associated with Greek deities, mostly of chthonic origin.

⁷ Aristotle notes that these kings are sometimes called ‘mothers’ because they ‘beget <progeny>’ (H. A. 5, 112).

⁸ Βασίλεια, βασίλισσα according to Arrian (Epict. 3.22.99). ‘Bee-queen’ replaces ‘Bee-king’ considerably later (Phryn. Eclogae, 197).

⁹ According to Philonenko the name *Aseneth* is etymologized as *Belonged to the Goddess Naith* (Philonenko 1968: 61–62).

Taking into account the lack of literary sources, we may try to follow similar visual images in the arts and point to another virgin covered with bees whose image was famous throughout Mediterranean, to Artemis of Ephesus (further *AE*), one of the oldest Greek colony's goddess. In Hellenistic times, *AE* was a more influential and powerful deity than Egyptian Neith, and I believe *AE* to become Aseneth's prototype, is so to say visual etymology. Let us follow some of the intriguing crossovers between the Ionic deity and the heroine of the story.

It is well known that *AE* had a special status among the other city deities. She was the major goddess of the *polis*, the city's protective deity (she was often portrayed as bearing either *corona muralis*, the city walls, or a temple on her head). A virgin Goddess with bees on her garment (bigger than lions and bulls, which shows their exclusive and high status) is both the defender of the city, and the City itself.

Aseneth after her conversion and transformation accepts a new name: "...your name shall be City of Refuge, because in you many nations will take refuge with the Lord God, the Most High, and under your wings many peoples trusting in the Lord God will be sheltered, and behind your walls will be guarded those who attach themselves to the Most High God in name of Repentance" (15, 7); "You shall be like a walled mother-city of all who take refuge with the name of Lord God" (16, 16)¹⁰. Thus, the Egyptian priest's daughter is transformed into the City itself and becomes the protector for all proselytes.

Aseneth is compared to Biblical foremothers: "and she was tall (*μεγάλη*) as Sarah and handsome as Rebecca and beautiful as Rachel" (1, 8). One of the epithets, 'tall', seems here rather curious. In *LXX* the definitions of Rebecca and Rachel are the same, while the term used for Sarah (*μεγάλη*) isn't applied to her. In general it is seldom applied to women only to describe their high social position, not their appearance (e.g. *2 Kings* 4:8). On the other hand, the term is often used to refer to a city

¹⁰ Cf. the Biblical concept of 'cities of refuge' (*Num* 35; *Josh* 20, 2-3; 21, 13 etc.).

(both in *LXX* and *NT*: Gibeon, Sidon, Nineveh, Babylon etc.). Meanwhile *μεγάλη*, *μεγίστη* are well-known cultic epithets of Artemis, the main city Goddess of Ephesus¹¹.

The divine city of Aseneth and that of *AE* are both cities of *newcomers*. A bee is stamped on the Ephesian coins of archaic period (attested from 6th c. B.C.¹²) possibly as a sign of a colony (the swarm leaves its native hive). A new honeycomb on Aseneth's lips can be taken as a symbol of a new community. The answer to a question, what a community it could be, is disputable¹³. What is said explicitly is that the newly converted, Aseneth, is herself a symbol of the new Jewish proselytes' community. Artemis Ephesia is also not only a city goddess, but also the goddess, who protects the refugees¹⁴. Why is she so kind to strangers?

Ephesus is one of the oldest Greek colonies in Asia Minor (dated by the 1st millennium B.C.). It is also known that one of the collegiums of *AE* priests was called *melissai* (the bees) while another was called *essen*¹⁵. Ἐσσην is a rare (Ionic) word which Callimachus uses for 'king or leader', 'the leading one' (Zeus is called θεῶν ἔσσηνα «the *essen* of gods», Call. *Jov.* 66) and he calls someone Μυρμιδόνων ἔσσηνα (Call. *Fr.* 178)¹⁶. Scholia to Callimachus explain the term as follows: ἔσσην κυρίως ὁ βασιλεὺς τῶν μελισσῶν, νῦν δὲ ὁ τῶν ἀνδρῶν ("Essen is a regular term for 'bee King', but now it is also applied to king of peoples"). Bee as a King and King as a

¹¹ This very formula (*μεγάλη ἡ Ἄρτεμις Ἐφεσίων*) was used by «men of Ephesus» in the argument with Apostle Paul (*Acts* 19, 28. 34). In the inscriptions – see also Engelmann 2001: 34.

¹² Ephesian coins are among the earliest Greek coins; see Karwiese 1995: 99–130.

¹³ G. Bohak explains the divided swarm symbolically: the story represents the historical schismatic movements of the Maccabean period (divided priesthood).

¹⁴ Cf. e.g., in Achilles Tatius Artemis is described as the only savior of those who ask her for protection (*αὐτὴ μόνη τοὺς ἐπ' αὐτὴν καταφεύγοντας ἔξεστι σώζειν* Ach. Tat. 8, 8, 9).

¹⁵ About Ephesian priests see Oikonomos 1924; Engelmann 2001: 37.

¹⁶ Callimachus uses such a rare Ionic word probably because he knew the details of *AE*'s cult; cf. his Hymn to Artemis (Call. *Dian.* 237–258).

Bee is attested in ancient times – the Egyptian hieroglyphic representation of a bee (*bjtj*) means “King”.

Classical and Byzantine lexicographers (*Etym. Magnum*, for example, s.v.) often interpret this rare word *essen* in a similar way: ὁ βασιλεὺς κατὰ Ἐφεσίους ἀπὸ μεταφορᾶς τοῦ μελισσῶν βασιλέως – “the Ephesian word for ‘king’ is transferred from <the term for> bee King”. But the most important for us now is the meaning ‘colonist, settler’ (ὁ οἰκιστής), ‘citizen’ (ὁ πολίτης)¹⁷. It points to the fact that beside its general metaphors (bees as a nation, *essen* as its king and leader) in the Greek mentality the term is also associated with historical events, i.e. with Greeks' migration to Asia Minor¹⁸.

The great bee-goddess *AE* being the queen of the ‘hive-city’ or *polis* open to newcomers has her own leader-servants, the *Essenes*, the cultic kings of archaic tradition. She was the queen of her people who had a strict social hierarchy reflecting the universal religious and mythological imagery of Anatolian (or Cretan) antiquity. In our apocrypha *Aseneth* is also the city of refuge for the pious citizens and has priests-citizens, the God’s people represented by bees around her.

Essenes lived ritually pure lives and had a special cultic function as it is attested in epigraphic material from Ephesus and literary sources¹⁹. Pausanias (8, 13, 1–2) compares the rule of life of Ephesian *Essenes* to that of the servitors of Artemis Hymnia in Orchomen: “The Mantineans there <in Orchomen>

¹⁷ *EM*, s.v. ἔσσην. It should also be noted here that βασιλεὺς was an Ephesian priest title – see Karwiese 1995: 43 note 175. The etymology of ἔσσην is unclear. This word could be of Phrygian or Lydian origin, cf. Engelmann 2001: 37; on Asia Minor’s background see also Morris 2001: 135–138. I should like to thank prof. V. Tsimbursky, for his valuable suggestion that he gave me in personal conversation regarding possible affinity of Ionic ἔσσην and Hittite *išha* (acc. *išhan*) «lord, master».

¹⁸ See Cook 1895: 13, note 97. Ephesus probably had a so-called ‘quarter of refuge’: unlike other Ionic cities, Hellenistic Ephesus had 5 (not 4) phyla, the extra one being reserved for newcomers (Jews among them). The Jewish community probably constitutes one of its *chiliastias*; see Ramsay 1904: cap. 17.

¹⁹ See first of all Oikonomos 1924; also Engelmann 2001.

have <...> a priestess and a priest. It is a custom for them to live their whole lives in purity, not only sexual but in all respects, and they neither wash nor spend their lives as ordinary people do, nor enter private persons' homes. I know that the *hestiatores* of the Ephesian Artemis live in a similar fashion, but for a year only, the Ephesians calling them *Essenes* (Ἐσσηῆνας)."

The inscriptions from Ephesus often mention «the two *essenia*»²⁰. It is possible to suppose that their two duties were: 1) preparing a sacred meal for the goddess and serving food for worshippers during the goddess' feast; 2) housing newcomers or «immigrants». The latter duty may well have been inherited from the first settlers. If we assume this, the semantic development of the word in question seems very natural: from the self-designation of the first settlers, the colonial nobility so to say, to an appellative applied to the priests of the major local cult. Some services probably involved a kind of magic rituals including the initiation, during which the goddess herself gave the oracles (Engelmann 2001: 37).

Artemis in Ephesus is usually portrayed as “Mistress of animals” (standing goddess flanked by two sacred animals) and she, the goddess, who has bees as her servants, has bees in her garment as well. The word *kosmos* (the general term for statue apparel in inscriptions) was used to refer to her cultic garment (*ependytos*) (Engelmann 2001: 38–39). The wardrobe of *AE* is evidently exclusive. Many Greek goddesses have some special attributes like the helm of Athena, for instance. But no one has a sacred vestment of such a complex and recognisable appearance. Its most remarkable feature is called *polymastia*. There are many ways to understand this feature. I suggest that we should regard the bulbs on her breast as the cocoons of the King-bees=*essenenes*²¹. I suppose that Ephesian *essenenes* give us a key both to the garments of *AE* and the image of Aseneth.

²⁰ E.g. *IvE* 1582b; Oikonomos 1924: 336–339. On the Ephesian mysteries in general see also Portefaix 1999: esp. 613.

²¹ Sir W. M. Ramsay was the only one who assumed that this element may have something to do with bees. He believed that «bulbs» were

In our apocrypha the garments of the heroine are of great importance. When Aseneth meets Joseph for the first time, she is dressed as a noble Egyptian lady: “and dressed in a (white) linen robe interwoven with violet and gold, and girded herself (with) a golden girdle and put bracelets on her hands and feet, and put golden buskins (*or* anaxyrides) about her feet, and around her neck she put valuable ornaments (κόσμον πολύτιμον) and costly stones which hung around from all sides, and the names of the gods of the Egyptians were engraved everywhere on the bracelets and the stones, and the faces of all the idols were carved on them. And she put a tiara on her head and fas(t)ened a diadem around her temples, and covered her head with a veil” (3,5). As a character Aseneth may be an allusion to the famous Anatolian goddess, to *AE*. Four times Aseneth changes her clothes and each change symbolise the stages of her transformation. It should be noted that Aseneth’s outfit is called *kosmos* (ὁ κόσμος τῆς παρθενίας αὐτῆς 2,4; αἱ θῆκαι τοῦ κόσμου αὐτῆς – 10,8; 14,14; 18,5), just like *AE*’s apparel.

To summarise the parallels of *AE* and Aseneth we would like to stress the following points. The feeding function of mythic bees we encounter both in *JosAs* and in the Ephesian cult. Honey is sacral food in *JosAs* and has a heavenly origin: “For this comb is (full of the) spirit of life. And the bees of the paradise of delight have made this from the dew of the roses of life that are in the paradise of God. And all angels of God eat of it and all the chosen of God and all the sons of the Most High, because this is a comb of life, and everyone who eats of it will not die for ever (and) ever” (16, 14). *Essenes* in Ephesus had their special function: to prepare the meal for the goddess and her guests at the annual feasts (Oikonomos 1924: 333–336). In the first case (*JosAs*), sacral food is a symbol of immortality presented in literature, in the second case – a part of actual ancient ritual (Ephesus).

symbolic representations of working bee cocoons (but according to him, *essenes* were drone-bees), see Ramsay 1927: 81–83. Ch. Seltman in his excellent paper polemized with Ramsay’s point of view and proposed his own interesting interpretation (Seltman 1952).

Artemis and Aseneth are parallel images not only because of the bees. One is a goddess, the other is a divine creature after her conversion. The tower chambers, Aseneth's private quarters that she never leaves, have temple features (idols and sacrifices) and from the time of her birth seven maids are there to serve her (*JosAs* 2). The crowded temple of Artemis in Ephesus is the home of the goddess' servants (both *essenēs* and *melissai*), who stay there during their service. Bees in myth represent chastity²² – Aseneth and *AE* are chaste virgins. And the chastity of Ephesian goddess' priests is attested by Pausanias. So we can see that the functions of mythic bees coincide with the functions of bees in *JosAs* and of Ephesian priests.

Combining an analysis of mythological concepts, archaeological evidence, historical and literary data and the Jewish Hellenistic imagery we come to the following conclusions: the literary images (the bees, heavenly honeycomb, Aseneth's mystical inclusion to the divine sphere and her being called the 'place of refuge' for the chosen) reflect the ancient concept of divine bees as it is known within the Ephesian cult of Artemis. Although we do not know *AE*'s cultic practices in every detail, it is clear that her cult involved elements of mystery and her bee-priests were rooted in the same mythic idea.

The intersections of the Ephesian cult and the Judeo-Hellenistic apocrypha evoke a further comparison of Ephesian realia with Judeo-Hellenistic realia.

Gideon Bohak sees, like M. Philonenko, in ch. 14–17 of *JosAs* in the bee scene the key to the novel, but he uncovered the similarity between divine bees in the novel and the Jerusalem Temple's priests. That means that bees in *JosAs* represent angels in the celestial sphere (and priests). The parallel with Ephesian *essenēs* seems to confirm Bohak's hypothesis, because *essenēs* in Ephesus are priests and bees. Bees as builders create a new comb that is symbolic for a new community and city in *JosAs*, as for *essenēs* in Ephesus. They

²² Cf. the notion of their chastity in the works describing real bees: Arist. *HA* 1, 12; Colum. *De r. rust.* 9, 14, 3).

give places to new citizens, and thus their role would have been to organize the *polis*.

It was already observed that *essenes* (lat. *essenii*), the name of Judaic community of Qumran, is not Semitic, but Greek in its origin, and that it had been transferred from the famous Ephesus' priests to the Palestinian community (or communities) in the Greek-speaking environment (Jones 1985; esp. Kampen 1986; and 1988: 151–185; 2003). The transference is supposed to have taken place on the Greek soil and via an unidentified literary source known to Plinius, Philo and Joseph Flavius. But this explanation, exceeding the limits of the Semitic languages, was not supported by modern Hebraic scholars. To support this hypothesis we propose to examine the problem in question not so much from the linguistic point of view as from that of the imagery. We suggest that *essene* as a bee king, *essene* as a priest of Artemis, and *essene* as a member of a Judean community are not accidental homonyms (as they are usually represented in many dictionaries). The transference of the name of the Ephesian community to the Palestinian one became possible thanks to the semantics of bee-life and the bees-like priesthood, because both Qumranites and *essenes* regarded themselves as people of priests with similar features of ritual chaste life²³. And the white bees like angels or heaven priests in Jewish-Hellenistic narrative *JosAs* give us the additional argumentation for it. The metaphor of this image goes back to the image of bee community as an ideal community in general. And a proselyte community is an ideal society for some derivations of Hellenistic Judaism in Hellenistic epoch.

However, it would be a reasonable question – why did the author of *JosAs* make his heroine who rejected pagan gods so similar to the pagan goddess? Egyptian Aseneth appears before Joseph with her complete *kosmos* looking like an idol and so he rejects her. Aseneth's idol-like appearance symbolizes her old pagan rule of life. But not only is pagan Aseneth similar to the idol, when she is converted she acquires

²³ According to Aristotle's classification, bees belong to social animals with no individual features and no distinction of sexes (*HA* 1, 12).

the features of the most powerful goddess of the pagan world. She is covered with divine white bees and her *kosmos* is now symbolic.

Thus, the story about Joseph and Aseneth directed to Jewish diaspora uses a well-known image to demonstrate how paganism can be transformed into the righteous monotheism of a different religious society, a society desperate to defend its religious uniqueness in pagan environment.

Artemis of Asia Minor was worshipped far from Ephesus and became the main symbol of Greco-Roman paganism for Jews and later for Christians. If our hypothesis is correct, we would not exclude the possibility of using the image of *AE* for the story of conversion in order to show the turning to the true God by not merely a heathen but by a powerful pagan goddess.

Bibliography

- Aptowitz 1924 – Aptowitz V. Aseneth, the Wife of Joseph: A Haggadic Literary-Historical Study // Hebrew Union College Annual 1. P. 239–306.
- Bohak 1996 – Bohak G. Joseph and Aseneth and the Jewish Temple // Heliopolis, Early Judaism and Its Literature 10, Atlanta, Ga.: Scholars Press.
- Брагинская 2005 – Брагинская Н. В. “Иосиф и Асенет”: “мидраш” до мидраша и “роман” до романа. Ч. 1 // Вестник древней истории. № 3. С. 73–96;
- Брагинская 2007 – Брагинская Н. В. “Иосиф и Асенет”: “мидраш” до мидраша и “роман” до романа. Ч. 2 // Вестник древней истории. № 1 С. 32–75.
- Burchard 2003 – Burchard Ch. (ed.). Joseph und Aseneth (critical edition), Leiden: Brill.
- Burchard, Ch. 1985. ‘Joseph and Aseneth: A New Translation and Introduction’, in: James H. Charleworth (ed.), The Old Testament Pseudepigrapha, Vol. 2, Garden City, N.Y.: Doubleday, 177–247.
- Cook 1895 – Cook A. B. The Bee in Greek Mythology // JHS. P. 1–24.
- Elderkin 1939 – Elderkin G. W. The Bee of Artemis // AJPh. 60–2. P. 203–213.
- Engelmann 2001 – Engelmann H. Inschriften und Heiligtum // Der Kosmos der Artemis von Ephesos / Ulrike Muss (ed.). Wien. P. 33–44.
- Fleischer 1973 – Fleischer R. Artemis von Ephesos und Verwandte Kultstatuen aus Anatolien und Syrien. Leiden: Brill.

- Fleischer 1999 – Fleischer R. Neues zum Kultbild der Artemis von Ephesos // H. Friesinger and F. Krinzinger (eds.), 100 Jahre österreichische Forschungen in Ephesos: Akten des Symposions. Wien, 1995. Vienna, 1999. P. 605–609.
- Hubbard 1997 – Hubbard M. Honey for Aseneth: Interpreting a Religious Symbol // *Journal for the Study of the Pseudepigrapha*. 16. P. 97–110.
- Jones 1985 – Jones A. H. *Essenes, the Elect of Israel and the Priests of Artemis*. University Press of America.
- Kampen 1986 – Kampen J. A Reconsideration of the Name Essene in Greco-Jewish Literature in Light of Recent Perceptions of the Qumran Sect // *HebrUCA*. 57. P. 61–81.
- Kampen 1988 – Kampen J. *The Hasideans and the Origin of Pharisaism: A Study in 1 and 2 Maccabees*. Society of Biblical Literature Septuagint and Cognate Studies Series, Claude E. Cox ed. Atlanta: Scholars Press.
- Kampen 2003 – Kampen J. The Cult of Artemis and the Essenes in Syro-Palestine // *Dead Sea Discoveries*. 10/2. P. 205–220.
- Karwiese 1995 – Karwiese S. *Die Münzprägung von Ephesos. Die Anfänge, die ältesten Prägungen und der Beginn der Münzprägung überhaupt*. P. 1. Wien.
- Касьян 2005 – Касьян М. С. Пчелы для Асенет – жрецы, священники или ангелы? // *Кентавр № 2 (Centaurus. Studia classica et mediaevalia)*, М. С. 71–90.
- MacInnes 2000 – MacInnes D. «Dirum ostentum»: bee swarm prodigies at Roman military camps // *Studies in Latin literature and Roman history*. 10. P. 56–69.
- Morris 2001 – Morris S. P. The Prehistoric Background of Artemis Ephesia // Ulrike Muss (ed.). *Der Kosmos der Artemis von Ephesos*. Wien. P. 135–150.
- Oikonomos 1924 – Oikonomos G. *Naopoiioi kai Essenej* // *AD 7*. Athenai. P. 258–346.
- Olck. Biene, RE, s.v.
- Philonenko 1968 – Philonenko M. *Joseph et Aseneth: Introduction, Texte critique, Traduction, et Notes*, *Studia Post Biblica*. Leiden: E. J. Brill.
- Portefaix 1999 – Portefaix L. The Image of Artemis Ephesia – A Symbolic Configuration Related to Her Mysteries? // Friesinger, H. and Krinzinger, F. (ed.), 100 Jahre österreichische Forschungen in Ephesos. Akten des Symposions. Wien 1995, Vienna. P. 611–615.
- Portier-Young 2005 – Portier-Young Anthea E. Sweet Mercy Metropolis: Interpreting Aseneth's Honeycomb // *JSP*. 14–2 P. 133–157.
- Ramsay 1904 – Ramsay W. M. *The Letters to the Seven Churches of Asia*. London.
- Ramsay 1927 – Ramsay W. M. *The Asianic Element in Greek Civilization*. London.

- Schnell 1986 – Schnell R. F. Rephaim // The Interpreter's Dictionary of The Bible. Nashville. Vol. 4. P. 34–35.
- Seltman 1952 – Seltman Ch. The Wardrobe of Artemis // NC 12. P. 33–44.
- Sourvinou-Inwood 1979 – Sourvinou-Inwood Ch. The Myth of the First Temples at Delphi // CQ. 29-2. P. 231–251.
- West 1974 – West S. Joseph and Aseneth: a Neglected Greek Romance // CQ. 24. P. 70–81.
- Wong 1998 – Wong Fook-Kong. Manna Revisited: A Study of the Mythological and Interpretative Contexts of Manna. Diss. Harvard Univ.

Summary

The aim of this paper is to demonstrate, that the most enigmatic apocalyptic scene in Old Testament apocrypha *Joseph and Aseneth* involving bees and honeycomb could be explained in some details with the help of the cult and iconography of Artemis of Ephesus (AE). Conclusions presented in the paper are based on combined analysis of mythological conceptions, archaeological evidence, historical and literary data and this Judeo-Hellenistic novel's imagery. Bees, heavenly honeycomb, Aseneth's mystical inclusion to divine sphere and her being called «place of refuge» for the chosen – all these are literary images reflecting the ancient concept of divine bees, that was presented in historical reality in Ephesian cult of Artemis.

Н. Л. Кацман

**ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК КАК ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ
ОБУЧЕНИЯ В РОССИИ НА ПРОТЯЖЕНИИ XX ВЕКА**

Резюме. В статье рассматривается роль и место латинского языка как общеобразовательного предмета в России в разные периоды XX века.

Дореволюционный период ознаменовался сокращением числа классических гимназий, преобразованием большей части из них в полуклассические и полной неясностью относительно будущего древних языков, в связи с начавшейся в 1901 г. реформой школьного образования. Эти проблемы обсуждались на состоявшемся в СПб. в декабре 1911 года Первом Всероссийском съезде учителей древних языков, материалы которого, опубликованные в 1912 г., как и вышедший в следующем году монументальный труд П. Д. Первова по методике преподавания латинского языка автор считает итогом этого периода.

Далее рассматривается введение латинского языка в систему высшего образования, разработка в связи с этим новых, сначала общих, а затем профилированных учебников для разных специальностей гуманитарного профиля, становление и развитие вузовской методики преподавания латинского языка.

Завершается XX век частичным возвращением латинского языка в систему среднего образования – введением его в учебные планы ряда лицеев и гимназий гуманитарного профиля и созданием двух классических гимназий, что отвечает пожеланиям, высказанным на съезде С. И. Любомудровым: «Пусть таких гимназий будет немного, но они сделают свое дело».

Ключевые слова: гимназия, учитель, средняя школа, высшая школа, реформа, метод, методика, учебник, автор. grammar school, gymnasium, higher education, reform, method, methodology; manual, author.

В конце декабря (29–31) 1911 г. в Санкт-Петербурге состоялся Первый Всероссийский съезд преподавателей древних языков. Уже в 1912 г. были напечатаны его материалы¹. Это был очень представительный съезд. На нем

¹ Труды первого Всероссийского съезда преподавателей древних языков. СПб., 1912.

было избрано 45 почетных членов; непосредственно в работе съезда принимали участие 269 действительных членов из 125 городов (кроме Санкт-Петербурга и Москвы были представлены Киев, Минск, Вильнюс, Царицын, Саратов, Севастополь, Самара, Баку, Астрахань, Томск, Казань, Ялта, Рига, Одесса, Белгород, Гродно, Житомир и мн. др., в том числе значительное количество малых городов: г. Балашов, Сувалки и др.).

В это время положение древних языков в российских гимназиях было не самым лучшим. Оставались еще классические гимназии с двумя древними языками, но большинство из них стали «полуклассическими»: в них преподавался только один древний язык – латинский (наряду с двумя новыми); кроме классических и полуклассических существовали также и реальные гимназии, в которых вообще не было древних языков. Это было время начавшейся на стыке XIX–XX вв. очередной реформы среднего образования (так и не завершившейся до октябрьского переворота). В обществе шли дискуссии как о том, нужны ли вообще древние языки в системе среднего образования, так и – это уже среди специалистов – о содержании курсов древних языков и о методике их преподавания, особенно под влиянием реформы в преподавании новых языков – появлением т. н. прямого, натурального, интуитивного, наглядного методов. Не буду останавливаться на различиях между ними, но стержнем каждого из них было изгнание родного языка и перевода как средства семантизации из процесса обучения. Часть преподавателей пытались использовать эти методы в преподавании латинского языка. Получалась весьма парадоксальная картина, поскольку новые методы, *возникшие как протест против преподавания новых языков по методу древних*, который не способствовал развитию умения *говорить* на этих языках, теперь предлагалось использовать при преподавании древних языков! Поэтому доклад А. А. Турчиновича: «Применение наглядного метода к преподаванию латинского языка» вызвал большие споры. С. Ц. Янушевский (Одесса) и ряд других участников съезда предлагали использовать лишь некоторые приемы этого метода, считая что полностью он неприемлем даже в обучении живым языкам. Общий вывод,

принятый большинством участников был примерно одинаков: В. И. Орлов (Царское село): «Никогда натуральный метод не сглаживает различия между древними и новыми языками и никогда не сделает древние языки живыми». Любомудров С. И.: «Натуральный метод преподавания совершенно неприменим к древним языкам. Совсем не нужно оживлять то, что умерло. Нужно изучать это мертвое тем путем, который ему свойственен: путем анатомии, ибо тогда лишь мертвое приобретает громадную ценность для живого» (с. 97)².

Кроме того, на съезде обсуждались и научные проблемы. Так, в обстоятельном докладе И. И. Холодняка «Краткий очерк современного состояния науки латинского языковедения» (с. 352–374), констатируя тот факт, что латинский язык в настоящее время вышел «из узких и душных пределов школьной дисциплины» и стал превращаться в «настоящую науку», звучит призыв к созданию новых учебников латинского языка, построенных на научной основе. Приводя в качестве примера лучшие зарубежные, главным образом, немецкие учебники, докладчик заключает: «... с уверенностью могу заявить, что лучшие наши учебники не уступают западноевропейским, и, если только не суждено окончательно заглушить античности в нашей средней школе, то, я уверен, и в создании идеального руководства для средней школы русские силы не отстанут от своих западных собратьев!» (с. 374). Но при этом было сделано весьма важное примечание: «мы разумеем учебники серьезные, достаточно полные, а не начавшие появляться в последнее время «сокращения», «компендии», “*vademecum*”, “ы etc». Обращаю на это внимание, п. ч. все идет по кругу: и в наше время таких «учебников» (порою с теми же названиями) появилось великое множество.

² Небезынтересно заметить в связи с этим, что подобные дискуссии возобновились в конце 50–60-х гг. прошлого столетия, когда широко распространился, особенно в англоязычных странах, структурный метод в изучении языков, а вслед за этим и в методике их преподавания, к том числу и по отношению к латинскому языку. Подробно об этом см.: Н. Л. Кацман. Методика преподавания латинского языка. М., 2003. Гл. I, ч. 1.

Серьезные споры вызвал вопрос об использовании в процессе обучения переводов *с русского языка на латинский*. Особенно эмоциональным было выступление по этому вопросу П. С. Урядинского (Балашов): «Во имя любви к античной культуре прошу вас не соглашаться с тем положением, что нужны переводы с русского языка на латинский. ... Я скажу вам, с каким наслаждением мы читаем Цицерона! ... Как класс заражается интересом и какие начинаются споры! И вот этот интерес и наслаждение непременно пропадут, когда явятся переводы с русского языка на латинский. Та волна, которая поднимется против этих переводов, она сметет не только их, но и всю античную культуру в русских гимназиях» (с. 40). Надо сказать, что сторонников переводов с русского было немного. Кроме того, предлагалось значительно сократить читаемых авторов. Обратимся опять к Любомудрову: «... Латинский язык изучается для того, чтобы дать ученику как бы опору в знании языков ...» (ср. Л. В. Щерба: «Старая латынь и ее серьезное изучение открывали двери во все языки» – Н. К.). «Для чтения на латинском языке, – продолжает Любомудров, – я бы взял только Цезаря, Овидия и Цицерона, – у них совершенно прозрачный строй, – а не брал бы запутанного Ливия и миновал бы Вергилия»³.

Наиболее важным выводом (при всем разнообразии мелких, вплоть до взаимоотношений между преподавателями и директорами гимназий, распределением нагрузки по классам и т. д., и крупных проблем, обсуждавшихся на съезде) я бы назвала следующий: *«Надо же, наконец, прямо и категорически сказать: единая общеобразовательная школа в настоящее время невысказана!»* Нам следовало бы

³ Не будем забывать, что речь идет о средней школе и – в данном случае – о «полуклассических» гимназиях, т. е. о тех, в которых уже не было греческого языка. Многие говорили о негативном отношении к латинскому языку и вообще к учебе в ряде гимназий; привожу высказывание Л. Н. Явдыка, который охарактеризовал настроение современной молодежи: «... мысли вразброд, полное равнодушие к какой бы то ни было науке и только одно желание – достать себе как можно скорее и как можно легче наиболее выгодный диплом» (с. 52).

вынести резолюцию, которая бы ясно выражала наш взгляд на различные типы школ. Как классикам, нам надо заняться типом школ с двумя древними языками и подробно его разработать. Пусть таких гимназий будет немного, но они смогут сделать свое дело» (с. 84; выделено мной – Н. К.).

Как видим, и в этом вопросе все повторяется: если бы не было точно известно, что эти слова были произнесены в декабре 1911 года, их можно было бы смело датировать концом 80-х – началом 90-х гг., когда те же проблемы вновь горячо обсуждались (и обсуждаются до сих пор) в нашей стране.

Своеобразным завершением «Трудов» съезда и вообще предреволюционного периода существования латинского языка как учебного предмета средней школы, можно считать монументальную монографию одного из участников съезда П. Д. Первова⁴. К проблемам, которые особенно подробно рассматривает Первов относятся следующие:

1) Логический процесс при переводе с латинского языка на русский и обратно (с. 5–145). В этой части подробно рассматривается роль этого процесса для всестороннего образования и умственного развития учащихся.

2) Что такое содержательная фраза и содержательная статья. Особенно следует отметить то внимание, которое Первов уделяет подбору отдельных фраз с точки зрения их содержания. Он считает также, что надо как можно раньше вводить местоимения, союзы, наречия и выражения, служащие для перехода от одной мысли к другой. Широко использовать пословицы, сентенции, крылатые выражения. При переводе с самого начала следить за правильностью русской речи учащихся: «Каждый урок должен быть и уроком русского языка» – говорит он. Нетрудно заметить тесную взаимозависимость этих двух аспектов обучения.

3) Методологические наблюдения в области латинского синтаксиса, особенно: а) **Consecutio temporum** в сопоставлении с русским; б) **Accusativus cum infinitivo**. Его

⁴ Очерки по методике преподавания латинского языка сравнительно с русским. М., 1913.

роль в ряду других явлений языка; в) залого, анализ их употребления в сравнении с русским; г) употребление падежей.

4) Дедуктивный и индуктивный методы преподавания латинской грамматики. *Чисто индуктивный* метод автор считает неприемлемым, с чем невозможно не согласиться, хотя и в наши дни некоторые преподаватели считают такой метод возможным и даже была диссертация, в которой делалась попытка обосновать его⁵.

Работой Первова завершается целая, я бы сказала, лучшая, несмотря на все ее недостатки, о которых немало было сказано на съезде, самая благополучная эпоха изучения латинского языка в системе среднего образования в России. Конечно, до революции гимназии продолжали существовать, а некоторые, особенно в провинциальных городах продержались еще два-три, но в целом после 1917 года древние языки – латинский и древнегреческий – как учебные предметы прекратили свое существование в школах России.

Они возродились – уже **как предметы высшей школы** – с образованием в 1934 г. в Москве и Ленинграде двух ИФЛИ, одновременно с открытием которых латинский язык стал обязательным учебным предметом (в качестве общеобразовательного) на филологических и исторических факультетах университетов и педагогических институтов. Вот когда были вновь востребованы специалисты по древним языкам, в первую очередь – учителя гимназий, как хорошо известные многим поколениям выпускников классического отделения филологического факультета МГУ (в который после войны вошел МИФЛИ) А. Н. Попов,

⁵ Л. Л. Спасский. О преподавании элементарного курса латинского языка. ДК. Л., 1947. Обращаю внимание на то, что это вообще была первая попытка исследования методического аспекта преподавания латинского языка в **высшей** школе. Ведь по понятным причинам ни в дореволюционной русской, ни в зарубежной практике не возникал вопрос о преподавании этого предмета **учащимся высших учебных заведений ab initio**. В обращении к этой проблеме несомненная ценность данного исследования.

П. М. Шендяпин, К. Р. Мейер (он был участником съезда), А. В. Донников и др. (Я перечислила здесь тех, у которых мне самой посчастливилось учиться; это были блестящие педагоги).

Перенесение латинского языка из средней школы в высшую, специальную, поставило перед ним совершенно новые и притом неодинаковые (в вузах и на факультетах разного профиля) задачи. Однако в силу многовековой и глубоко укоренившейся традиции преподавания его в школах, т. е. в системе среднего образования, это принципиальное различие было осознано не сразу, и курс латинского языка во всех вузах гуманитарного профиля на первых порах представлял собой не что иное, как значительно сокращенный гимназический курс. К этому надо добавить, что не годился и опыт преподавания древних языков в университетах дореволюционной России, п. ч. студенты того времени поступали в университет уже с хорошим знанием этих языков.

Для вузовского курса латинского языка необходимы были новые учебники, и они начали создаваться. Почти одновременно, в 1939–40 гг. вышли учебники: Н. Г. Крихацкого, А. Н. Попова и П. М. Шендяпина, Я. М. Боровского и А. В. Болдырева, С. И. Соболевского. Учебник Крихацкого был написан им еще для дореволюционной школы, но затем переработан для вузов и издан в 40-м году уже посмертно. Он больше не переиздавался и скоро вышел из употребления, хотя это был, на мой взгляд, вполне добротный учебник. Самым популярным стал учебник Попова и Шендяпина, который многократно переиздавался и по которому долгие годы занимались во всех вузах гуманитарного профиля.

Тщательный анализ этих учебников был сделан Виктором Сергеевичем Соколовым в статье «К вопросу о методике и методологии учебников по древним языкам», напечатанной в № 4 журнала ВДИ за 1949 г. Появление этой обширной (6 полных страниц) статьи в журнале, который вообще рецензий на учебники не печатает, объясняется

тем, что в конце войны в ряде школ был введен латинский язык⁶, и в 1948 г. вышел учебник для школ С. Кондратьева и А. Васнецова. Статья была приурочена к выходу в свет именно этого учебника, который был, мягко выражаясь, не очень удачным и подвергся в этой статье очень серьезной критике. Наряду с этим учебником В. С. Соколов, который в то время был заведующим кафедрой древних языков исторического факультета МГУ, уделил большое внимание анализу *вузовских* учебников. Из латинских учебников он особенно подробно остановился на учебниках А. Н. Попова и П. М. Шендяпина, Я. М. Боровского и А. В. Болдырева. Отметив новаторский характер и несомненные достоинства обоих, хотя и столь разных учебников, В. С. Соколов пришел к выводу, что ни один из них не может считаться полностью удовлетворительным по нескольким причинам, из которых я назову важнейшие, а именно: для обоих учебников характерна **аморфность адресата**, в результате которой не учитываются специфические цели изучения латинского языка в связи с профессиональной подготовкой будущего специалиста. «Учебники по латинскому языку для в ы с ш е й ш к о л ы (разрядка автора) – пишет он – естественно, должны соответствовать задачам отдельных факультетов. ... Если обособление в этом отношении медицинских и юридических институтов всеми признано, то следует пойти дальше в этом направлении и создать особые учебники для факультетов исторических, филологических и иностранных языков. Для историков латинский язык нужен лишь как подсобный язык; историк должен уметь читать и правильно понимать, или, в спорных случаях, уметь аргументировать свое понимание латинских авторских текстов или документов. ... Факультеты иностранных языков интересуют не столько латинские авторы, сколько лингвистика, отдел фонетики, историческое развитие и отмирание форм И тексты для упражнений должны быть подобраны ... со сведениями из истории каждой страны, соответствующей основному языку факультета. ... Наконец, у филологов требования к языку

⁶ В 1955 г. он был отменен.

опять свои, другие. К ним ближе всего разобранные выше пособия. Но ни одно из них не может быть признано вполне удовлетворительным. ... Наша высшая школа требует *научного изложения фактов изучаемого языка* (выделено мной – Н. К.). Поэтому совершенно методологически неправильным является встречающийся в современных учебниках оборот речи: «Русские безличные выражения такие-то на латинском языке выражаются так-то ...». (Я бы сюда еще добавила пресловутую «замену герундия герундивом»! – Н. К.). Иначе говоря, речь идет о том, что изложение грамматики идет от русского к латинскому, что неправильно с научной точки зрения и не отвечает практическим задачам обучения⁷.

По-настоящему научный подход к изложению латинской грамматики впервые осуществлен в учебнике Боровского и Болдырева, благодаря чему теоретическая часть этого учебника полностью отвечает требованиям, предъявляемым к вузовскому учебнику, поэтому он очень полезен для преподавателей, особенно не получивших фундаментального классического образования. Однако практическая часть этого учебника делает его неприемлемым для практической работы. «Наиболее слабой частью этой книги, – пишет в рецензии на ее второе (переработанное) издание А. В. Донников⁸, – является раздел «тексты к отдельным главам морфологии», т. е. та именно часть, которая особенно важна для закрепления теоретического курса. Этих текстов и мало, и перевод их требует значительно больше знаний, чем указывает подзаголовок. ... В учебнике нет основного, что требуется от учебника, – материала для упражнений и закрепления. Думается, что *совершенно напрасно авторы отказались от адаптированных текстов* (выделено мной – Н. К.), в создании и подборе которых и состоит трудность составления учебников». Отмечу попут-

⁷ «Не надо забывать, – пишет В. С. Соколов, – что безвозвратно прошло время, когда знание латыни требовалось для написания диссертации на латинском языке или для участия в научных диспутах».

⁸ ВДИ, 1950. № 1, с. 162

но, что упражнений нет и в других учебниках этого периода, в том числе, и в учебнике Попова и Шендяпина. Нет в учебниках и лексического минимума.

Итак, в статье Соколова была поставлена совершенно четкая задача: учебники по латинскому языку должны быть дифференцированными и строиться в зависимости от профиля вуза, для которого они предназначены. При этом были в общих чертах определены цели изучения латинского языка в гуманитарных вузах различного профиля. Далее я буду говорить только о языковых вузах и факультетах не только потому, что работаю именно в этой области, но и потому, что особые, специфические задачи курса латинского языка в них выступают наиболее отчетливо.

По вопросу о целях изучения латинского языка в вузах указанного профиля, я несколько расхожусь с автором статьи. Я бы скорее говорила о двойственном характере этих целей: теоретической и практической, не умаляя ни ту, ни другую, о чем я подробно пишу в упомянутой выше «Методике».

Осуществлению целей, намеченных Соколовым, препятствовало как отсутствие специализированных учебников, так и неподготовленность преподавателей к такому курсу. Поэтому появление в 1950 г. диссертации В. Н. Никольского⁹ было более чем своевременным. Никольский был первым в разработке методики преподавания латинского языка, учитывающей специфику языковых вузов. Его несомненной заслугой является сама постановка вопроса, а также ряд теоретических положений, которые он выдвинул: а) о построении латинского языка в сравнительно-сопоставительном плане; б) об отборе лексического минимума; в) о необходимости разработки упражнений; последний пункт чрезвычайно важен, п. ч. в имеющихся учебниках, как уже было сказано, какие бы то ни было

⁹ В. Н. Никольский. Основные положения методики преподавания латинского языка в пединститутах и на факультетах иностранных языков. ДК, Л., 1950.

упражнения, кроме переводов с латинского языка на русский и с русского на латинский, отсутствуют.

Однако *никаких конструктивных решений* в этой работе не было предложено

В 1956 г. на сходную тему была защищена диссертация Л. В. Голодникова¹⁰. Постановка вопроса была весьма актуальна. Со времени исследования Никольского прошло 6 лет. За это время не вышло ни одного нового учебника для гуманитарных вузов, не говоря уже о специализированном учебнике для языковых вузов. Между тем курс латинского языка был значительно сокращен. (Когда я начинала работать, в языковых вузах был двухлетний курс, а в романских группах он преподавался даже 2,5 года!). А ведь известно: чем меньше *время* обучения, тем острее стоит вопрос о *методах* обучения. Когда Щерба говорил о том, что «старая латынь и ее серьезное изучение открывали двери во все языки», он не имел в виду специально разработанной для этого методики: «Достаточно того, – говорил он, – чтобы читалось и переводилось значительное количество трудных текстов – и все остальное прикладывается само собой»¹¹. (Так, собственно, и изучался латинский язык на классическом отделении в мои студенческие годы: никакой лингвистики, никакого научного подхода: элементарная грамматика, а затем только чтение текстов, при котором знания грамматики углублялись и прочно усваивались).

Что касается диссертации Голодникова, то с реальной жизнью она не имела ничего общего. Он предложил учебник и еще 15 (Sic!) пособий («История, мифология, искусство древних», сб. «Античная мифология в античная поэзия» и т. п.); список авторов, предложенных им для чтения, включает 13 имен (Цезарь, Цицерон, Петроний Апулей, Пл. Младший, Петроний, Плавт, Лукреций, Гораций и т. д., исходя при этом из утверждения, что «количество

¹⁰ Л. В. Голодников. Система пособий по латинскому языку для пединститутов и факультетов иностранных языков. ДК. Л., 1956.

¹¹ Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М., 1947. С. 47.

часов на латинский язык будет, конечно, увеличено»). Что же касается специфических задач курса латинского языка именно в языковом вузе, то о них говорится весьма расплывчато. О методах обучения вообще речь не идет.

В это же время коллективом кафедры классических языков МГПИИЯ (теперь кафедра классической филологии МГЛУ) под руководством зав. кафедрой профессора Виктора Ноевича Ярхо уже шла большая работа по созданию специализированного учебника по латинскому языку для языковых вузов и факультетов. В автобиографической книге В. Н. Ярхо¹² об этой работе, которая продолжалась несколько лет и в которой принимали участие практически все тогдашние члены кафедры, подробно рассказано. Этот учебник вышел первым изданием в 1961 году¹³.

Это был принципиально новый учебник. Его отличительные черты:

1. Строго научное изложение теоретического материала с привлечением, где это необходимо, данных исторической фонетики; в этом отношении авторский коллектив продолжил традиции Я. М. Боровского и А. В. Болдырева, но осуществил этот подход более детально.

2. Построение курса на сравнительно-сопоставительной основе, последовательно на всех уровнях языка.

3. Наличие лексического минимума с лексическими параллелями из русского, французского, английского и немецкого языков¹⁴.

4. Наличие упражнений и учебных адаптированных текстов.

¹² В. Н. Ярхо. Внутри и вне Садового кольца. М., 2003. С. 150–153.

¹³ Латинский язык. Учебник для студентов педагогических вузов. Под ред. В. Н. Ярхо и В. И. Лободы. Учебник много раз переиздавался. Последнее издание вышло в 2008 г.

¹⁴ В учебнике Боровского и Болдырева есть лексические параллели, но они даются не систематически, притом только из русского и французского; лексического минимума в нем нет. На уровне грамматики сопоставляются только словообразовательные суффиксы. Именно поэтому Донников (ук. рец., с. 160) отмечал, что сопоставительный материал этого учебника для языковых вузов явно недостаточен.

Выход в свет этого учебника ознаменовал начало периода создания нового поколения учебников латинского языка, а именно – специализированных учебников, притом не только по профилю, но и по формам обучения. На той же кафедре классических языков МГПИИЯ – З. А. Покровская и Н. Л. Кацман написали еще один учебник, построенный на тех же научных принципах, но учитывающий нужды студентов заочных отделений, т. е. с подробными методическими указаниями как по организации самостоятельной работы студентов, так и по методике выполнения упражнений и переводу с латинского языка на русский; с обширным комментарием к текстам; с контрольными работами в нескольких вариантах и другими компонентами, в которых может возникнуть нужда у студента-заочника. Этот учебник вышел первым изданием в 1969 году и также переиздается до сих пор. Таким образом, институты и факультеты иностранных языков получили специализированные учебники по латинскому языку, к которым вскоре добавились статьи и сборники упражнений по отдельным разделам грамматики, в том числе – с использованием имевшихся тогда технических средств (обучающей машины «Лингва») ¹⁵.

Затем начали издаваться учебники по другим специальностям гуманитарного профиля. Назову наиболее распространенные и переиздающиеся до сих пор: учебник для отделений русского языка и литературы А. А. Дерюгина и Л. М. Лукьяновой; для филологических факультетов университетов В. И. Мирошенковой и Н. А. Федорова в Москве и авторского коллектива ленинградских классиков под ред. А. И. Доватура в Ленинграде; для исторических

¹⁵ Теоретическим обобщением этой работы явилась монография Н. Л. Кацман. Методика преподавания латинского языка в институтах и на факультетах иностранных языков. М., 1979. 141 с. Упомянутая выше (сн. 2) «Методика» – это значительно переработанное и расширенное издание данной книги, включающее оригинальные авторские фразы и отдельные главы из “*Bellum civile*” Цезаря с комментарием и переводом, а также раздел о преподавании латинского языка в средней школе (гл. II).

факультетов А. Ч. Козаржевского и Г. Г. Козловой (для заочников) в Москве и Н. А. Гончаровой в Минске; последним, насколько мне известно в XX в. вышел в свет учебник Ю. М. Каган (в том же году ушедшей из жизни), предназначенный для самостоятельного изучения латинского языка¹⁶.

Продолжают выходить новые учебники для вузов и в наши дни¹⁷, что может стать предметом отдельного рассмотрения.

Начиная с 90-х гг. латинский язык начал возрождаться и как учебный предмет в системе *среднего* образования. Вышли и продолжают выходить учебники для средней школы. В 1993 г., практически одновременно, вышли 1-я часть учебника А. В. Подосинова и Н. И. Щавелевой и 1-я часть учебника Н. Л. Кацман и И. Л. Ульяновой. Затем стали выходить остальные части учебника Подосинова, Щавелевой (всего их 7, включая Хрестоматию; последние части вышли уже после 2000-го года)¹⁸. Учебник Кацман и Ульяновой вышел затем в двух частях, при 3-м издании объединенных в одну книгу¹⁹. По этим, совершенно разным по методологии учебникам занимаются в большинстве лицеев и гимназий нашей страны. Поскольку этот курс не является обязательным, его сроки и распределение по классам зависят исключительно от воли директора школы. Чаще всего он преподается в старших классах. Однако есть гимназия (1507, Москва), в которой латинский язык и античная культура преподаются (начиная с 1992 года) в течение почти всего периода обучения: с 1-го по 10-й класс, правда всего по одному уроку в неделю

¹⁶ Ю. М. Каган. Латинский язык. М., 2000.

¹⁷ Назову наиболее заметные: А. М. Белов. *Arts grammatica*. М., 2004; В. В. Файер, Е. С. Наумова. Латинский язык М., 2007; А. И. Солопов, Е. В. Антонец. Латинский язык. М., 2009. Это совершенно разные учебники, их анализ представляет несомненный интерес. Но XXI век остается за рамками этого доклада.

¹⁸ А. В. Подосинов, Н. И. Щавелева. *Lingua Latina*. Введение в латинский язык и античную культуру, ч. 1–7, М., 1993–2002.

¹⁹ Н. Л. Кацман, И. Л. Ульянова. Латинский язык. Учебник для лицеев и гимназий. М., 1999. (Последнее изд. вышло в 2009 г.).

(кроме 10-го класса, где 2 урока за счет отказа от уроков латинского языка в 11-м классе). Для начальной школы разработан специальный курс²⁰.

Однако самым важным событием конца XX века в области школьной латыни мне представляется создание в Москве и Санкт-Петербурге классических гимназий; осуществилось, таким образом, пожелание, высказанное на том, ушедшем в историю, съезде. Хотя хотелось бы, конечно, чтобы таких гимназий было больше ...

Чтобы завершить тему о школьной латыни остается добавить, что с 1995 года в нашей стране проводятся олимпиады по латинскому языку для учащихся 5–11-х классов. Подробные сведения обо всех олимпиадах (их структуре, организаторах, выполнявшихся на них заданиях) собраны и изданы по инициативе и под руководством М. Н. Славятинской, благодаря поддержке и помощи академика РАН Н. Н. Казанского²¹.

Таким образом, начало XX века было тревожным для учителей древних языков, которых, в свете начатой, но не проводившейся реформы, очень беспокоила судьба классического образования в России. Эта тревога привела к созыву съезда, проведенного – это важно отметить – *на их собственные средства*. Спасибо этим бескорыстно преданным своему делу людям за те поистине бесценные и уникальные свидетельства, которые они нам оставили в опубликованных материалах съезда! Затем – революция и полное изгнание древних языков из школьного образования. Однако, изгнанный из школы, он пришел через несколько лет в вузы, что привело к созданию нового типа учебников и разработке нового типа методик изучения древних языков, особенно, конечно, латинского в силу большей потребности в нем. Завершился же XX век частичным возвращением латинского языка в систему среднего образования, что в современных условиях следует, как мне кажется,

²⁰ Н. Л. Кацман. *Meus primus libellus Latinus*. 1-е издание, экспериментальное, М., 1992, затем М., 1996 и М., 2005.

²¹ Сборник материалов российских олимпиад по латинскому языку. Под ред. А. В. Подосинова. СПб.: Нестор-История, 2010.

считать большим достижением. Совсем не нужно, чтобы латинский язык был во всех школах. Надо проанализировать и осмыслить тот опыт, который у нас уже имеется и попробовать договориться с региональными департаментами образования об определенном типе школ, в которых этот предмет включался бы в число обязательных.

Summary

This presentation looks at the role and the significance of the Latin language as a general education subject in the 20th Century Russia.

The period before the Revolution saw a reduction in the classics-based grammar schools, as their majority was converted into semi classic schools. The future of the classical languages was also uncertain as a consequence of the school education reform commenced in 1901. These challenges were discussed during the First Convention of Teachers of Classics that took place in St Petersburg in December 1911, with the materials published in 1912. The author believes that these papers, as well as the fundamental oeuvre of P. D. Pervov on the method of teaching the Latin language in 1913, summarised the findings of that period.

The introduction of the Latin Language into the higher education system will also be reviewed, with the focus on the development of general and then specialised manuals for a choice of humanity education specialities; as well as the methodology of teaching Latin in higher education establishments.

The end of the 20th Century saw a partial reintroduction of Latin into the general school education. It was introduced into the curricula of a number of grammar schools and gymnasia specialising in the humanities. Two specialist classics gymnasia were also founded. In the opinion of the author, this meets the wish expressed by S. I. Lyubomudrov at the Convention: "Even few, these schools will achieve the goal".

Artemij Keidan

COMPOSITIONAL HISTORY OF PĀṆINI'S KĀRAKA THEORY

Резюме. В статье обосновывается гипотеза о текстологической неоднородности древнеиндийской грамматики Панини. В частности, обращается внимание на разительные несоответствия в грамматическом описании и терминологии, которые наблюдаются в сутрах, посвященных вопросу семантических ролей и падежей (прежде всего в секции *kāraḥ*, а также в других отделах). Разница в теоретическом подходе настолько сильная, что кажется логичным заключить, что имеющийся сегодня текст — результат наслоения теорий нескольких авторов.

Ключевые слова: древнеиндийская грамматическая традиция, Панини, текстология Аштадхьяи, семантические роли и падежи.

1. Introductory remarks

The question of philology, textual analysis and compositional history of the *Aṣṭādhyāyī* has provoked long-standing debates among Pāṇinian scholars in the last decades. For a long time the opinion prevailed that Pāṇini's grammar has been perfectly preserved in its original shape, while any conjecture of textual stratification or interpolation hypothesis was rejected in advance. Though a critical analysis of the extant manuscripts is still lacking, many authoritative scholars have claimed that the received text is virtually identical with the original one, and that the manuscripts do not exhibit relevant variations (e.g. Renou 1969: 484). This uncritical philological approach falls perfectly within the "myths of Pāṇinian studies" recently discussed in an insightful paper by J. Houben (2003). However, already from a general point of view, the claim for textual integrity cannot be accepted: no text of Antiquity—not even in India—has preserved exactly its original wording, and Pāṇini's grammar would hardly be an exception. Moreover, from very ancient times many instances of textual corruption in the official text of the *Aṣṭādhyāyī* have been observed by the indigenous grammarians (see Iyer 1983 for a collection of such cases), though this fact was scarcely

considered significant for the preservation of the grammar. The traditional scholars, indeed, have always been confident of their capacity to restore the original wording of the *Aṣṭādhyāyī* on the ground only of the knowledge of *what* was described in it—i.e., the Sanskrit language—and *how* the description would be shaped in order to describe it perfectly. Since every change in the text of the grammar would lead to mistakes in the description of Sanskrit, it seemed to them a simple task to emend the possible errors and to restore the right description.

At the beginning of modern Pāṇinian studies only very few philologists (primarily F. Kielhorn) dealt with textual problems, mainly, but not only, from a methodological point of view; however, the common traditionalist view remained. Unfortunately, the most reliable edition of the *Aṣṭādhyāyī* until now remains Böhlingk's translated edition, and little, if any, textual criticism has been made on the manuscripts. Therefore, scholars can mostly postulate secondary hypotheses regarding the compositional history of the *Aṣṭādhyāyī* based on some extra-textual ground (cf. Aklujkar 1983: 1). More recently, in such papers as Bahulikar (1973), Birwé (1955, 1958), Butzenberger (1995), Joshi, Roodbergen (1983), Iyer (1983) and Keidan (2007) the dogma of textual integrity has been questioned, and several interpolations have been hypothesized; see also the criticism by Cardona (1999: § 2.1.2.3).

In the present paper I wish to apply the principles elaborated by preceding scholars (especially by Joshi, Roodbergen 1983). I shall attempt to reconstruct the compositional history of the syntactic sections of the *Aṣṭādhyāyī*, corresponding to the *sūtras* describing the formation of the simple sentence starting from basic semantic categories and the morphological inflectional classes expressing them, namely the *sūtras* 1.4.23 to 1.4.55 dealing with the definitions of *kāraka* categories, and the *sūtras* 2.3.1 to 2.3.73 dealing with *vibhaktis* 'case-from categories'. My main claim is that these sections of the grammar must be considered heavily interpolated, since several parts of them are so strongly inconsistent with one another from a theoretical point of view that they must be considered mutually exclusive.

2. On methodology

As a general principle, I have considered (following Bahulikar 1973: 80) the text of the *Aṣṭādhyāyī* per se as the only relevant data, getting rid of all what we know from later discussions and comments made by ancient commentators and grammarians (which can serve, at most, as indirect evidence). Furthermore, I assume that Joshi and Roodbergen's (1983) criteria for the individuation of textual interpolations in the *Aṣṭādhyāyī* are correct in essence, at least as a general guideline. These criteria are listed below in a lightly modified and expanded form. Thus, a rule may be considered possibly interpolated if:

- (a) it presents theoretical inconsistencies with other parts of the grammar;
- (b) it interrupts the logical order of the *sūtras*, inserting unrelated material in an otherwise homogenous thematic section;
- (c) it shows an inconsistent use of metalinguistic markers and terminology;
- (d) it presents discrepancies in phrasing, style and mutual disposition of the *sūtras*;
- (e) it is formally or theoretically paralleled by other ancient Indian texts and/or schools, e.g. parallelism between the *mīmāmsāka* tradition and certain *sūtras* of the *kāraka* section suggested by Butzenberger (1995);
- (f) it prescribes unattested Sanskrit forms, e.g. the *sūtras* 2.3.57–60 dealing with case government rules that are unattested in Classical Sanskrit and found only in Prakrits, see Speijer (1886: 90);
- (g) it mentions unattested lexical meanings—and ones even totally unintelligible without the purport of later commentaries—as a condition for the application of a rule;
- (h) it is a *paribhāṣā* 'metarule of the grammar': such kinds of rules are mostly provided by later commentators, and only some of them entered the received text of the *Aṣṭādhyāyī*;

- (i) it is considered, by the ancient scholarship, as a quotation from a *pūrvācārya* 'preceding author' or as an emendable rule;
- (j) it lacks a direct or indirect mention in Patañjali's *Mahābhāṣya*, being a later interpolation still unknown to this commentator when he composed his glosses; however, this argument is considered insufficient or totally inconsistent by some more traditional scholars (see Cardona 1976: 158).

For my concern here, the most important criterion of those listed above is the first one. My claim is that the theoretical contradictions within the sections dealing with *kāra*kas *vibhaktis* are so strong that we are forced to hypothesize a manifold authorship for them. This approach is not unprecedented. The most known example of the application of this criterion is Joshi and Roodbergen's (1983) hypothesis on the interpolated nature of the *taddhita* 'secondary derivation' and *samāsa* 'compounding' sections of the *Aṣṭādhyāyī*, both of which would have been added to the main text in a later period (at least later than the *kr̥t* 'primary derivation' section, which is claimed to pertain to the original version of the grammar). The major evidence for such a hypothesis is a theoretical one, namely a difference in the way the semantic conditions for the application of morphological rules are stated (see below for a detailed analysis).

3. The functioning of the *kāra*ka-device

Generally speaking, *kāra*ka categories roughly correspond to what today's linguists call *semantic roles* or, to some extent, even to the *macro-roles* (for these notions see Van Valin and Lapolla 1997: chap. 4). The *kāra*kas are six in number and have essentially semantic definitions, though the most important *kāra*ka, i.e. the so-called *karṭṛ* 'agent', could be considered, from a certain point of view, more similar to a syntactic entity, namely the subject, since it is defined as *svatantra* 'the independent one' (for a detailed discussion of possible modern equivalents for Pāṇinian syntactic categories in the light of modern Functionalism see Keidan forthcoming b). Besides the

karṭṛ, the other *kāra*ka categories, listed in the traditional order, are: *apādāna* ‘source’, *saṁpradāna* ‘receiver’, *karāṇa* ‘instrument’, *adhikarāṇa* ‘location’ and *karman* ‘patient’. Each *kāra*ka, it is taught, has many possible morphological expressions. Interestingly, the finite verbal terminations are considered one such possibility, but we are more interested here in the other possible expression, namely the nominal case-form endings called *vibhakti*. The latter are similar to our grammatical cases, except for the fact that their nomenclature is purely formal and avoids any semantic reference. The *vibhakti* terms are based on their serial number within the standard sequence of cases: *prathamā* ‘first’, *dvitīyā* ‘second’, *tṛtīyā* ‘third’, *caturthī* ‘fourth’, *pañcamī* ‘fifth’, *ṣaṣṭī* ‘sixth’ and *saptamī* ‘seventh’, corresponding, respectively, to *nominative*, *accusative*, *instrumental*, *dative*, *ablative*, *genitive* and *locative*. Each *kāra*ka has a standard or “canonical” *vibhakti* realization: thus, the *karṭṛ* is taught to be primarily expressed by the instrumental case, the *karman* by the accusative, etc. Notice, however, that, besides a certain privileged status of *kāra*kas’ canonical *vibhakti* realizations, there is no one-to-one relationship between *kāra*ka roles and the *vibhaktis*: each *kāra*ka may be expressed by more than one case-form; similarly, each *vibhakti* expresses several semantic functions, not even limited to *kāra*kas.

Thus, Pāṇini’s most brilliant achievement in the field of syntax amounts exactly to this treatment of semantic categories as separate entities with respect to their morphological realization. Such a clear-cut differentiation of the two sides of the language—the plane of forms and the plane of functions—remains unparalleled in any other ancient grammatical tradition, and has been fully attained by western linguistics only in the last few decades, particularly, as far as the sentence arguments realization is concerned, after the formulation of the Deep Case theory by Ch. Fillmore (1968).

However, if we take into account not only the definitions of the *kāra*ka categories, but also the other rules of this section, where the primary definitions are emended and enlarged, the situation changes: the separation between the forms and the functions becomes far less accurate and rigid. The general tendency in this respect was to identify the *kāra*kas with their canonical *vibhakti* realization and, eventually, to replace

completely the former with the latter. This is what happened, according to Joshi and Roodbergen's (1983) analysis, to the *taddhita* section where the *vibhakti* terms are used as if they were equivalent to the *kāra*kas 'semantic roles', in order to indicate the semantic constraints on compound formation. In the *taddhita* section even the *vibhakti* terms seem to be disclaimed: instead, inflected pronouns are used in order to denote their own case-form category, and therefore the related semantic role, as a constraint to the application of certain secondary nominal suffixes.

It must be stressed that the abovementioned approaches to one and the same linguistic material—namely, the morphological coding of sentence arguments—are so antithetical as to induce the hypothesis of a possible difference in the authorship. The separation of the forms and the functions represents a revolutionary paradigm change in linguistics that should not be underestimated. A sudden abdication of this principle must be considered strong evidence for textual interpolation. Thus, my claim is that the present text of the *Aṣṭādhyāyī* is to be analyzed in different theoretical strata put together only in a later period lying between Pāṇini's time and the earliest extant ancient commentary, namely the *Mahābhāṣya* of Patañjali. Indeed, it seems impossible for one and the same author to have adopted so many contradictory positions inside one and the same grammatical treatise.

4. Theoretical layers in the syntactic rules of the *Aṣṭādhyāyī*

What follows is a mere listing of the relevant theoretical layers. The listing itself does not imply very much regarding the relative chronology of the corresponding textual strata. However, the succession of the list entries is obviously not random, and could be taken as a preliminary approximation of the historical development of the *Aṣṭādhyāyī*.

The *first* and most "primitive" layer, which can be called the "proto-*kāraka* layer", corresponds to the *kāraka* terms in their "etymological" or "everyday" meaning. Already the ancient tradition considers them borrowings that Pāṇini inherited from some *pūrvācāryas* 'preceding authors' of whom

we know little. Genuine Pāṇinian terminology, indeed, is usually made of meaningless marks and abbreviations. The etymological meanings of *kāraka* terms vaguely recall the semantic definition of the relating *kāra*kas. Hypothetically, in a pre-Pāṇinian period, the *kāraka* terms were conceived as self-explanatory (as similarly the European case nomenclature), and were probably used for both semantic and morphological categories, i.e. semantic roles and grammatical cases, with no clear distinction yet between the two planes of the language.

The *second* layer corresponds to the standard *kāraka/vibhakti* framework. Pāṇini takes the pre-existing *kāraka* terms, gets rid of their “etymological” interpretation, gives them some abstract, clear-cut, but still semantic definitions, and puts them into correlation with *vibhaktis*. The latter are given their “numbering” names, and put into a special section of the grammar where all their uses are listed. Thus, the opposition between semantics and morphology is, for the first time in history, clearly stated and observed (notice that such level of sophistication has been reached by western linguists only in the second half of the 20th century).

Let us take as an example the definition of *karṭṛ* ‘agent’ (or ‘actor’, if we accept the view of *kāra*kas as macro-roles), which is qualified as *svatantra* ‘self-standing, independent’. This definition has generated long-standing debates among traditional Indian grammarians, but could simply be an attempt to provide a more general definition of this semantic role, going beyond the literal meaning of ‘doer’. Only with such a broadened definition could some peripheral semantic roles, such as experiencer (i.e., the one who experiences a feeling), be subsumed into the greater category of the macro-role. The *karṭṛ* is expressed by either *kṛt* ‘primary suffixes’, such as the suffix *-aka*, or finite verb endings, such as the 3rd person singular active *-ti*, or some *vibhakti* ‘nominal case-form’, primarily the *tṛtīyā* ‘third one’, i.e. the instrumental case, but sometimes also by the *ṣaṣṭhī* ‘sixth one’, i.e. the genitive case.

Soon after the establishment of the *kāraka/vibhakti* device the definitions of *kāraka* started to be emended and enlarged, partly because the original general and abstract sense of the primary definitions was not understood anymore. Thus, the degradation of the theory of *kāra*kas began. Initially this

process did not result in a change of the theoretical approach, since the *kāra*kas were still conceived as semantic categories, not yet fused with morphological ones. However, already Patañjali noticed that such rules were useless, since the additional semantic definitions could be metaphorically deduced from the primary ones. For example, at some point, the ancient commentators disregarded the real sense of Pāṇini's definition of *karman* as *īpsitatama* 'the most desired' (which, in its original formulation, was probably intended as something similar to what modern linguistics calls *undergoer* macro-role). They started to interpret this *sūtra* in its literal sense, thus implying an excessively restrictive characterization of this macro-role. Therefore two *sūtras* were added (1.4.50–51), in order to provide a better definition thereof (it was stated, e.g., that the undergoer happens also to be 'undesired'). It has been convincingly suggested by Butzenberger (1995) that this interpolation was made under the influence of the *mīmāṃsā*ka tradition and its terminology.

The *third* theoretical layer surfaces in those rules where the *kāra*ka categories are identified with corresponding canonical *vibhakti* realizations. At the beginning it was only an implicit tendency, and the *kāra*ka terms were still in use, though the distinction between semantics and morphology was being blurred. At this stage, given a certain primary semantic definition of a *kāra*ka, some rules were added where the semantic definition of a *kāra*ka was changed and/or the *kāra*ka category assignments underwent a modification depending on a certain case-form governed by some verb that had to be accounted for. On the contrary, within the standard *kāra*ka/*vibhakti* framework, all such cases would have been treated in the *vibhakti* section, simply as alternative expressions of a given *kāra*ka.

Let us analyze the *sūtra* 1.4.43 *divaḥ karma ca* as an example. It describes the fact that the verb *div* 'to gamble' can optionally code with the accusative—instead of instrumental—the argument corresponding to 'what is gambled with'. In the view of the standard *kāra*ka/*vibhakti* framework, it would be simply a case of alternative coding of a *kāra*ka, to be taught in the *vibhakti* section. According to the commentators, instead, the *sūtra* means that, with the verb *div*, what seems a *karāṇa*

may also be optionally classified as *karman*. The implicit reasoning here seems to have been the following. a) The instrument of an action is primarily classified as *karaṇa* by 1.4.42 *sādhakatamaṇi karaṇam*; b) the verb *div* exhibits an argument matching the semantics of the *karaṇa* category; c) the canonical *vibhakti* realization of the *karaṇa* is the instrumental case by 2.3.18 *kartṛkaraṇayos tṛtīyā*; d) the *karaṇa* argument of the verb in question, however, may also be coded by the accusative; e) the accusative case is taught to be the canonical realization of another *kāraka* category, namely *karman* by 2.3.2 *karmaṇi dvitīyā*; f) ergo, the semantics of an instrumental argument must be classified, limited to the verb *div*, as belonging to the category of *karman* instead of *karaṇa*. In other words, according to this new approach, whatever stands in the accusative case-form must be automatically considered a *karman*. Therefore, the privileged one-to-one relationship between a *kāraka* and its canonical realization brought about a complete fusion of these two planes of the language.

It may be noted that many of the *sūtras* pertaining to this theoretical layer also exhibit some of the features listed at § 2 above that substantiate their interpolated origin. Thus, exactly half of them are not mentioned in Patañjali's *Mahābhāṣya*. The *sūtra* 1.4.38 uses a non-standard terminology: only here the term *upasrṣṭa* is used to denote a 'prefixed verb' (Sharma 1990: 249). *Sūtras* 1.4.34, 1.4.39 and 1.4.40 rely completely on otherwise unattested verbal meanings.

The *fourth* layer is the one to be found in the sections devoted to *samāsa* 'compounding', and in some other rules, where the *kāraka/vibhakti* distinction seems to be completely abandoned. While *kārakas* are not mentioned at all, the *vibhakti* terms are used here in order to express semantic functions totally undistinguishable from the corresponding morphological classes. Effectively, every *kāraka* is indicated by its canonical *vibhakti* realization. The *vibhakti* terms are used as such, or in composition with the word *arthe* 'in the meaning of'. Thus, the *sūtra* 2.1.37 *pañcamī bhayena* teaches the formation of compounds whose first member is intended in the sense conveyed by the *pañcamī* 'fifth case' (i.e. ablative), hence the *apādāna* 'source' semantic role (e.g. *caurabhayaṃ* 'fear of thieves').

The *fifth* layer is the one attested in the *taddhita* section as well as in some of the *paribhaṣā*sūtras 'meta-rules' of the grammar. Here, even the *vibhakti* terms are no longer in use. In order to refer to both semantic roles and case categories inflected pronouns are used: they indicate "iconically" their own case category, which, in its turn, refers to the corresponding semantic role (as in the preceding layer). A good example is that of the *paribhaṣā*sūtras defining the metalinguistic case-forms. Thus, *sūtra* 1.1.67 *tasmād ity uttarasya* defines the "left context ablative" (referred to as *tasmād* 'from that'); *sūtra* 1.1.66 *tasminn iti nirdiṣṭe pūrvasya* defines the "right context locative" (referred to as *tasmīn* 'in that').

Interestingly, this layer is paralleled in the western grammatical tradition. Inflected indicative or interrogative pronouns symbolizing the corresponding case-forms have been used as a descriptive and didactic means starting from Ancient Greek and Latin grammarians (see Belardi, Cipriano 1990: chap. III) up to modern times. Even today, the case-forms are sometimes taught as "answers" to some "questions", which the pupils are supposed to know by heart. Thus, B. Liebich (1886: 209, 215) glossed the *kāraka* categories precisely in this way: «Das *karman* antwortet daher auf die fragen 'wen' oder 'was' und bei der bewegung auf die frage 'wohin'»; «Das *sampradāna* antwortet daher auf die fragen 'wem' oder 'für wen'», etc.

Regarding the post-Pāṇinian developments, it must be noted that the idea of a radical *kāraka/vibhakti* distinction was often partly or completely disregarded within the grammatical schools which arose outside the strictly Pāṇinian tradition (see Butzenberger 1995: 54). For instance, in Candragomin's grammar, the *vibhakti* categories and terminology prevailed for both morphology and semantics (as in our fourth layer). On the other hand, in the *Kātantra* tradition a more etymological interpretation of *kāraka* terms was restored (similarly to our first layer). For example, the *karman* is defined here by the *sūtra* 2.4.13 *yat kriyate tat karma* 'what is being done that is *karman*' (since the latter is a passive formation from the root *kṛ* 'to do'). Eventually, an intelligent synthesis of Pāṇini's *kāraka/vibhakti* device is to be found in the *Saddanīti*, an indigenous grammar of Pāli. Thus, the *sūtra* 551 defines the

patient role as follows: *yaṁ kurute yaṁ vā passati taṁ kammaṁ* ‘what is done or seen is *karman*’. Here, the semantic definition of this meta-role is “demystified”, resulting simply in a summation of its most frequent components: the patient and the so-called *stimulus* (something that is perceived by our senses).

The question of authorship may arise regarding the different theoretical layers listed above. It must be noted that their theoretical “quality” is varying: the second layer seems to be the most complex and sophisticated, while the subsequent ones represent a continuous degradation of the original theory. So where should we collocate Pāṇini in this respect? Since we do not know much about Pāṇini’s dates (which is still an open question, notwithstanding all the hypotheses thus far proposed in this regard, see the “Introduction” chapter to Joshi, Roodbergen 1976), I feel justified in arbitrarily identifying his authorship with the abovementioned second theoretical layer, as homage to the great prestige Pāṇini has had through many centuries in Indian grammatical thought.

5. Possible causes of the interpolations

A grammar can change mainly for two reasons: the evolution of the language that it describes, or the evolution of the theoretical ideas regarding the description itself. Both these circumstances may have appeared in the case under consideration.

Thus, on the one hand, the passage from the first to the second layer, when the *kāraka/vibhakti* framework had been established presumably by Pāṇini, represented a revolutionary advance in the description. The subsequent layers might be at least partly explainable by an increasing misunderstanding of Pāṇini’s original ideas (already starting, for instance, with the supplementary semantic qualifications added to the second layer in order to clarify some *kāraka* definitions that no longer appeared intelligible).

On the other hand, the evolution of some important facts of language may also have played a role. Some grammatical phenomena that could be inexistent or excessively peripheral and therefore irrelevant in Pāṇini’s time, became more

pertinent in the subsequent periods. One such feature that strongly challenged the standard *kāra*ka/*vibhakti* device was the rise in Sanskrit of many subject-related phenomena, namely voice transformations and valency derivation. Now, an explicit delineation of the grammatical relations is completely lacking in the original *kāra*ka theory. However, the subsequent theoretical layers within the *Aṣṭādhyāyī*, and even more some theories of ancient commentators, went clearly in the direction of a gradual and tacit rejection of the semantic-based *kāra*ka category in favour of a more syntacto-centric categorization similar, though not identical, to that of the grammatical relations (for a detailed account of how voice and derivation phenomena can explain grammarians' theory of the "agentness" of all *kāra*kas see Keidan forthcoming a). Furthermore, the later origin of the *taddhita* and *samāsa* sections of the *Aṣṭādhyāyī*, claimed by Joshi and Roodbergen (1983), may be substantiated if we think of the increasing importance assumed by compounding and secondary affixation in Late—i.e. post-Vedic—Sanskrit.

5. Concluding remarks

As pointed out by A. A. Zaliznjak (2007), the linguistic evidence can easily be underestimated or disregarded by non-specialists. Indeed, the hypotheses I suggest in the present paper might not seem persuasive to many traditional indologists and specialists in Pāṇini's grammar (as Cardona's critique against Joshi and Roodbergen's hypothesis shows). However, no linguist would deny that the distinction between semantic roles and case-form categories is such a revolutionary approach that a "backwards trip" would be virtually unimaginable for one and the same author. Therefore, I think that a theoretical stratification inside the received *Aṣṭādhyāyī* must be considered, unless a possible critical edition of its text, based on the collation of the extant manuscripts, would disallow such a hypothesis.

Reference

- Aklujkar 1983 – Aklujkar A. N. The Aṣṭādhyāyī as a case in textual criticism. Part 2 // Proceedings of the International Seminar on Studies in the Aṣṭādhyāyī of Pāṇini / ed. by S. D. Joshi and S. D. Laddu. Pune: University of Poona. P. 1–10.
- Bahulikar 1973 – Bahulikar S. Concerning the structure of Pāṇini's Aṣṭādhyāyī // Indian Linguistics. Vol. 34. P. 75–99.
- Belardi, Cipriano 1990 – Belardi W., Cipriano P. Casus interrogandi. Nigidio Figulo e la teoria stoica della lingua. Roma, Viterbo: Il Calamo.
- Birwé 1955 – Birwé R. Interpolationen in Pāṇini's Aṣṭādhyāyī // Studia Indologica. Festschrift für Willibald Kirfel zur Vollendung seines 70. Lebensjahres / ed. by O. Spies. Bonn: Selbstverlag des Orientalistisches Seminars der Universität Bonn. P. 27–52. (Bonner Orientalistische Studien. Vol. 3).
- Birwé 1958 – Birwé R. Variæ lectiones in Adhyāya IV und V der Aṣṭādhyāyī // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 108. S. 133–154.
- Butzenberger 1995 – Butzenberger K. Pāṇini's sūtra.s on *karma-kāraka* (Aṣṭādhyāyī 1.4.49-51) and their historical development // Berliner Indologische Studien. Bd. 8. S. 9–62.
- Cardona 1976 – Cardona G. Pāṇini: A Survey of Research. The Hague, Paris: Mouton.
- Cardona 1999 – Cardona G. Recent Research in Pāṇinian Studies. Delhi: Motilal Banarsidass.
- Fillmore 1968 – Fillmore Ch. J. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory / ed. by E. Bach and R. T. Harms. New York: Holt, Rinehart & Winston. P. 1–88.
- Houben 2003 – Houben Jan E. M. Three myths in modern Pāṇinian Studies // Asiatische Studien. Études Asiatiques. Vol. 57. P. 121–179.
- Iyer 1983 – Iyer V. S. On Variations in the Aṣṭādhyāyī // Proceedings of the International Seminar on Studies in the Aṣṭādhyāyī of Pāṇini / ed. by S. D. Joshi and S. D. Laddu. Pune: University of Poona. P. 141–155.
- Joshi, Roodbergen 1976 – Joshi S. D., Roodbergen J. A. F. Patañjali's Vyākaraṇa-Mahābhāṣya: Anabhihitāhnika (P. 2.3.1–2.3.17). Poona: University of Poona.
- Joshi, Roodbergen 1983 – Joshi S. D., Roodbergen J. A. F. The Structure of the Aṣṭādhyāyī in Historical Perspective // Proceedings of the International Seminar on Studies in the Aṣṭādhyāyī of Pāṇini / ed. by S. D. Joshi and S. D. Laddu. Pune: University of Poona. P. 59–95.
- Keidan 2007 – Keidan A. Pāṇini 1.4.23: emendation proposal // Rivista di Studi Sudasiatici Vol. 2. P. 209–241.

- Keidan Forthcoming a – Keidan A. Labiality in Middle Indo-Aryan: theories, facts, and indirect evidence // Papers from the Workshop 'Typology of labile verbs: Focus on diachrony' (ISTAL 19) / ed. by L. Kulikov and N. Lavidas / Linguistics. Special Issue.
- Keidan Forthcoming b – Keidan A. Theoretical stratifications in Pāṇini's *kāra* system // Papers from the panel 'The Indian traditions of language studies' (ICHoLS XI) / ed. by J.-L. Chevillard and É. Aussant.
- Liebich 1886 – Liebich B. Die casuslehre der indischen grammatiker verglichen mit dem gebrauch der casus im Aitareya-Brāhmaṇa // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. Bd. 10. S. 205–233.
- Renou 1969 – Renou L. Pāṇini // Current Trends in Linguistics. Volume 5. Linguistics in South Asia / ed. by T. A. Sebeok. The Hague, Paris: Mouton. P. 481–498.
- Sharma 1990 – Sharma R. N. The *Aṣṭādhyāyī* of Pāṇini. 2. English translation of *Adhyāya* one with Sanskrit text, transliteration, word-boundary, *anuvṛtti*, *vṛtti*, explanatory notes, derivational history of examples, and indices. Delhi: Munshiram Manoharlal.
- Speijer 1886 – Speijer J. S. Sanskrit Syntax. Leiden: Brill.
- Van Valin, Lapolla 1997 – Van Valin R. Jr., Lapolla R. J. Syntax: structure, meaning and function. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zaliznjak 2007 – Зализняк А. А. «Слово о полку игореве». Взгляд лингвиста (2е изд.). Москва: Рукописные памятники Древней Руси.

Summary

The main claim is that Pāṇini's *Aṣṭādhyāyī* may be viewed as a result of several consecutive textual stratifications. Such strata are now primarily distinguishable on the theoretical basis, since there are some relevant dissimilarities in the analysis of the simple clause in different parts of the grammar. Particularly, the *kāra* section as well as some other parts of the *Aṣṭādhyāyī* connected with the role/case-form distinction are taken into consideration. The radical paradigm change in categorization and terminology that is observable in these sections could be explained if a change in the authorship is also assumed.

М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко

«ЕВАНГЕЛИЕ ЛЮБВИ» (ИОАНН 20: 19–25):
ЦАКОНСКИЙ ВАРИАНТ*

Резюме. Настоящая статья посвящена разбору перевода отрывка Евангелия от Иоанна (20: 19–25) на цаконский диалект новогреческого языка. Традиционно считается, что цаконский — это единственный из современных диалектов, напрямую восходящих к древнегреческому (даконскому диалекту). Помимо указания на особенности перевода, в статье описаны основные черты цаконского.

Ключевые слова: цаконский диалект, дорийский, анализ перевода, фонетика, морфология, синтаксис.

Празднование Пасхи представляет собой важнейшее событие для современной Греции, где этот праздник проходит повсеместно, сопровождаемый пышными действиями. Несмотря на то, что это событие общегреческое, во многих регионах наблюдаются свои локальные особенности. Одним из наиболее знаменитых мест в Греции в связи с празднованием Пасхи является город Леонидион на Пелопоннесе. Туда на Пасху съезжаются с разных концов Греции посмотреть, как во время ночной пасхальной службы от каждой из четырех церквей запускают в небо **аэроостаты** — своего рода яркие воздушные шары с привешенным к ним куском горячей пакли. Считается, что традиция запускать аэроостаты сложилась в XIX в. и символизирует скорее не воскресение, а вознесение Христа.

Во время Пасхального богослужения на нескольких языках читается отрывок из Евангелия от Иоанна (20:19–25). По-гречески этот текст называется «Το Εὐαγγέλιον τῆς Ἀγάπης» 'Евангелие Любви' и был переведен на разные

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 09-04-00415а и гранта Президента РФ МК-428.2009.6. Материалы были получены в ходе двух экспедиций в январе и марте 2010 г.

варианты греческого языка, включая гомеровский и аттический диалекты¹, причем последний перевод выполнен ямбом. Местной пасхальной традицией Леонидиона стало чтение «Евангелия Любви» на цаконском диалекте (см. § 1 и далее). Традиция складывается в 1980-х гг., когда и был выполнен перевод «Евангелия Любви» на цаконский. Перевод этот был выполнен в рамках общей тенденции статусного утверждения цаконского диалекта, когда появился самый большой трехтомный словарь цаконского диалекта (Κωστάκης 1986; 1987), начала издаваться серия «Χρονικά των τσακώνων», включившая в себя диалектные тексты, и была предпринята попытка преподавать диалект в школе. Сейчас «цаконский бум», видимо, немного поутих, и хотя продолжают издаваться отдельные книги на цаконском², чтение «Евангелия Любви» по-цаконски на Пасху оказывается фактически единственным мероприятием, официально поддерживающим статус цаконского диалекта.

§ 1. Общие сведения о цаконском диалекте

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей цаконского перевода «Евангелия Любви», имеет смысл кратко отметить основные особенности цаконского диалекта. Традиционно считается, что цаконский — единственный из всех новогреческих диалектов, восходящий непосредственно к древнегреческому языку (лаконскому (дорийскому) диалекту), а не образовавшийся из койне (Κωντοσόπουλος 2001: 4). Это мнение, с одной стороны, базируется на большом количестве древнегреческой лексики, сохранившейся в этом диалекте: οράκαϊ (20)³,

¹ Варианты перевода доступны, например, в интернете: http://users.uoa.gr/~nektar/orthodoxy/prayers/easter_love_gospel.htm

² Это как оригинальные цаконские тексты, так и переводы на цаконский, например, детских сказок.

³ Здесь и далее примеры из «Евангелия Любви». Ф. Костаки разработал для цаконского диалекта свою орфографию, базирующуюся на греческой графике, в которой теперь традиционно издаются цаконские тексты в Греции. В этой орфографии в

οράκαμε и οράου (25) < ὄραω 'видеть'; ἀπολύττε и απού (21) < ἀπολύω 'отпускать'; ἀρετε (22) < ἀίρεώ 'брать'; αούντε (24, 25) < λαλώ 'говорить'⁴; ἐκάνε (24) < ἱκάνω 'прибывать, приходиться'; ὀ (25) < οὐκ (отрицание)⁵. С другой стороны, гипотезу о происхождении цаконского диалекта подтверждают некоторые фонетические признаки, например:

1. отражение дорийского ā как а: ταϞ (артиклъ род. п. ж. р. в заглавии; см. также ниже о ротацизме), ἀμέρα 'день' (19) и проч.;
2. присутствие ротацизма, то есть перехода s > r перед гласным: ταϞ Αγάκη (артиклъ род. п. ж. р. в заглавии), τουϞ Εβραίοι и τουϞ ἀμαρκίλε (артиклъ вин. п. м. р. в 19 и 23 соотв.)⁶.

Носители цаконского диалекта долгое время были оторваны от остальной Греции (дорогу к ним проложили только около 1960 г.), что, во-первых, (вместе с бедностью и воинственностью) спасло их от турок, а во-вторых, позволило сохранить/развить в своем диалекте множество уникальных черт, делающих их диалект непонятным для

§ 4 приводится текст «Евангелия Любви» и примеры из него. Основные особенности орфографии связаны с согласными и выглядят следующим образом: λ — l велярный, v̇ — n велярный, v̇ — n палатальный, ḥ — r придыхательный глухой, ṭ — t придыхательный глухой, ṭṣ — шумный глухой как в англ. much, ṭṣ — ts палатальный. Примеры, полученные у информантов, даются в фонематической транскрипции с пометой И. Нумерация стихов приводится по Евангелию от Иоанна (сохранена и в приведенном в § 4 цаконском тексте).

⁴ В отличие от прочих примеров, употребление глагола λαλώ (или производных от него) в качестве одного из основных глаголов речевой деятельности характерно для многих новогреческих диалектов, например, для кипрского.

⁵ Одной из важных лексических особенностей цаконского, отличающих его от прочих диалектов, является сохранение древнегреческого глагола ποιέω 'делать': рiu (И). В других традиционно используются производные от κάμνω.

⁶ Другим важным фонетическим признаком цаконского диалекта, не представленным в «Евангелии Любви», является сохранение исконного и-неслогового в начале слова: vāne 'баран' (И) < φαρός.

остальных греков⁷. Некоторые из этих черт стоит здесь указать, чтобы сделать понятнее приводимый в § 4 текст «Евангелия Любви».

§ 2. Фонетика

Как уже можно было убедиться из двух отмеченных выше фонетических признаков, фонетика цаконского диалекта очень сильно отличается от новогреческой и, в основном, это касается согласных⁸:

1. выпадение интервокального I: *αποού* (21) < *ἀπολύω*, *αούντε* (24, 25) < *λαλῶ*;
2. переход *ri* > *ki*: *Αγάκη* ‘любовь’ (заглавие) *vs.* *Αγάπη*; *κιστήου* ‘верить’ (25) *vs.* *πιστεύω*⁹;
3. переход *ti* > *tsi*: *γιατσι* ‘потому что’ (19), ср. с новогреч. *γιατί*¹⁰;

⁷ В XVII в. известный турецкий путешественник Эвлия Челеби отмечал, что цаконский диалект никому не понятен. Эта ситуация сохранялась и в середине XX в., когда учителя, приезжавшие в цаконские школы, не понимали своих учеников и, в результате, строго запрещали разговаривать в школе на диалекте. Информанты рассказывали забавные истории о том, как учитель писал на доске *γάτα* ‘кошка’ (новогреч.), а дети читали вслух по-цаконски: *katsúa*.

⁸ Из особенностей системы вокализма, помимо уже упомянутого сохранившегося дорийского *ā*, стоит отметить, а) отсутствие перехода др.-греч. *υ* в *i*, как это случилось в новогреческом: *κίε* ‘собака’ (I) < *κύων*, *κύρακα* ‘воскресение’ (I) в отличие от новогреч. *Κυριακή* /*kir’akí*/; б) переход др.-греч. *οἰ* (*ω*) в *u*: *έγώ* ‘я’ > *εζού* (21, см. сн. 11), *εφουσάττε* (аорист) ‘подул’ (22) < *φυσάω*, *αποού* ‘посылать’ (21, см. также п. 1 в этом параграфе) < *ἀπολύω*, *αούντε* ‘говорить’ (24, 25) < *λαλῶν*; в) возможность появления и на стыке согласных: *αυγό* ‘яйцо’ (I), ср. с новогреч. *αυγό*. О некоторых особенностях консонантизма можно судить по орфографии; см. сн. 3. Несмотря на то, что уже была предпринята целенаправленная попытка описать цаконскую фонетику [Χαραλαμπόπουλος 1980], статус многих звуков и характер сочетаний ряда согласных пока остаются под вопросом.

⁹ Вероятно, можно говорить и о нерегулярном переходе *ti* > *ki*: *αμαρκίλε* ‘грехи’ (23) *vs.* *αμαρτίας*.

¹⁰ В *tsi* также может переходить *ki*: [*rd?*]žátsi ‘ручеек’ (I), ср. с новогреч. *ρύακι*; см. также сн. 12.

4. палатализация ge: Εὐατζέλιε (заглавие) < Εὐαγγέλιον¹¹;
5. палатализация k'e и k'i: καί 'и' > τῶαι (*passim*), Τόύριε 'Господь' (20), ср. с Κύριος.
6. переход r'i > ši: τρεῖς 'три' > τῶαι (22)¹².

Стоит отметить, что цаконский оказался одним из немногих (единственным?) новогреческим диалектом, в котором в результате палатализации образовывалось как ts, так и č и š.

§ 3. Морфология

Морфология цаконского диалекта не менее необычна, чем фонетика. В нем, в отличие от большинства прочих диалектов, существуют времена перфекта. Так, в «Евангелии Любви» встречаются формы плюсквамперфекта (о них см. также коммент. № 7 в § 5): ἡγκιαῖ κλειστοί 'двери] были закрыты', ἡγκιαῖ μαζουτοί '[ученики] собрались/ были собраны', ἡγκιαῖ φοζουμένοι '[ученики] испугались' (19). Очень необычны и времена инфекта, образующиеся с помощью вспомогательного глагола *быть* и причастия в соответствующем роде и числе: ἐνι αποού 'посылаю (букв. есмь посылающий)' (21), ἡγκιαῖ αούντε '[они] говорили/называли (букв. [они] являлись говорящие)' (24, 25). Как будет видно из текста, в диалекте нет родительного падежа мн. ч. (см. коммент. №№ 5, 6, 23 в § 5), а именительный и винительный в мн. ч. совпадают: τουρ Εβραίοι 'евреев' (19).

Кроме того, диалект отличается «нехарактерными» для греческого языка формами как личных местоимений: σι (σ') 'им/их' (19, 21, 22, 23), ѱ' 'его/ему' (20, 24, 25), εμού 'вам/вас' (19, 21), так и притяжательных σι 'его' (20, 25), σου 'их' (23)¹³.

¹¹ Не исключено, что в результате сходных процессов ἐγώ 'я' превратилось в цак. εζού (21), ср. с кипрским еγίονι.

¹² Регулярен также переход ri > [rd?]ži: m[u?]á[rd?]ža 'мулы' (II), ср. с новогреч. μουλάγια; см. также пример в сн. 10.

¹³ Синтаксические особенности разбираются в комментариях в § 5, см. №№ 1, 3, 6, 9, 14, 22, 23, 30, 34, 38.

§ 4. Текст

Το Εὐαγγέλιον τῆς Ἀγάπης Το Ευατζέλιε ταρ Αγάκη¹⁴

19. Οὐσης οὖν ὀψίας τῇ ἡμέρᾳ Ἐκὶ ἀργά ἐτάνι ταν ἀμέρα, ἐκείνη τῇ μιᾷ σαββάτων, καὶ ἓνα Σάμπα, τῶαι οἱ πόρου τῶν θυρῶν κεκλεισμένων ἡγκιαῖ κλειστοί, οπά π' ὄπου ἦσαν οἱ μαθηταὶ ἡγκιαῖ μαζουτοί οἱ μαθητέ, συνηγμένοι διὰ τὸν φόβον γιαισί ἡγκιαῖ φοζουμένοι τουρ τῶν Ἰουδαίων, ἦλθεν ὁ Εβραίοι. Ἐκάνε ο Ἰσοῦ τὸ Ἰησοῦς καὶ ἔστη εἰς τὸ μέσον, εστάτε τα μισά τῶι σ' καὶ λέγει αὐτοῖς· Εἰρήνη ὑμῖν. ἐπέττε: Εἰρήνη σ' εμου.
20. καὶ τοῦτο εἰπὼν εἶδειξεν Τὸ ἅμα ὅ ἐπέττε ἐγκεινι, σ' αὐτοῖς τὰς χεῖρας καὶ τὴν εδενάε του χέρε τῶαι το πλευρὰν αὐτοῦ. ἐχάρησαν πλευρέ σι. Ἐχαιρήτῆι τότε οἱ οὖν οἱ μαθηταὶ ἰδόντες τὸν μαθητέ π' οράκαῖ τον Κύριον.
21. εἶπεν οὖν αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς Σ' ἐπέττε πάλι ο Ἰσοῦ: πάλιν· Εἰρήνη ὑμῖν. καθὼς Εἰρήνη σ' εμου. Ὅπου μ' ἀπέσταλκέ με ὁ πατήρ, κάγῶ ἀπολύττε ο ἀφέγκη μι, τὸ εζού ἐνι ἀποου εμου.
22. καὶ τοῦτο εἰπὼν ἐνεφύσησε Τῶαι ἅμα σ' ἐπέττε ἐγκεινι, καὶ λέγει αὐτοῖς· Λάβετε σ' εφουσαττε τῶι φορέ τῶαι σ' ἐπέττε: Ἀρετε Ἀγιε Πνεῦμα ἅγιον· Πνέμα.
23. ἄν τινων ἀφήτε τὰς Ἀμα σκωρέτε τουρ ἄλοι για ἁμαρτίας, ἀφίενται αὐτοῖς, τουρ αμαρκίλε σου, θα ἄν τινων κρατήτε, σκωρεθούνι. Σ' ὅποιοι σι κεκράτηνται. κοντούτε θα κοντουθούνι.
24. Θωμᾶς δὲ εἰς ἐκ τῶν δώδεκα Ὁ Θωμά, ἓνα ἀπο του ὁ λεγόμενος Δίδυμος, οὐκ ἦν δώδεκα π' ὅ ἡγκιαῖ αούντε μετ' αὐτῶν ὅτε ἦλθεν ὁ Δίδυμο, ὅκι μαζί μ' ἐτεῖ τότε Ἰησοῦς. π' ἐκάνε ο Ἰσοῦ.
25. ἔλεγον οὖν αὐτῶ οἱ ἄλλοι Τῶαι ὅ ἡγκιαῖ αούντε οἱ μαθηταὶ· Ἐωράκαμεν τὸν ἄλοι μαθητέ: Οράκαμε τον Κύριον. ὁ δὲ εἶπεν αὐτοῖς· Τῶριε! Τῶαι σ' ἐπέττε Ἐὰν μὴ ἴδω ἐν ταῖς χερσῖν ετήνε: Α δεν οράου του χέρε αὐτοῦ τὸν τύπον τῶν ἡλων, σι τα σημάδια ἀπό τα καὶ βάλω τὸν δάκτυλόν μου καρθία, τὸ α δε βάλου το

¹⁴ Цит. по Лусика́тос 1990: 45.

εἰς τὸν τύπον τῶν ἤλων, καὶ δάτυλέ μι το σημάδι ἀπό τα
βάλω τὴν χειρά μου εἰς τὴν καρθία, τὸ α δε βάλου τα
πλευράν αὐτοῦ, οὐ μὴ χέρα μι το πλευρέ си ό θα
πιστεύσω. κιστήου.

§ 5. Комментарии

Основные отличия перевода и оригинала обычно связаны с синтаксисом: упрощение предложно-падежных конструкций, независимых причастных оборотов и иногда сложных предложений. Все это характерно и для цаконского текста «Евангелия Любви», однако встречаются и свои особенности.

Стих 19:

1. Др.-греч. независимый причастный оборот (*genetivus absolutus*) передается предложением с личными глагольными формами: еванг. οὔσης οὖν ὀψίας τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ > цак. ἐκί ἀργά ἐτάνι ταν ἀμέρα 'было поздно в тот день', еванг. τῶν θυρῶν κεκλεισμένων > цак. οἱ πόρου ἡγκιαῖ κλειστοί 'двери были закрыты'. Эта вполне ожидаемая замена объясняется отсутствием в цаконском соответствующего оборота.

2. В цаконском переводе никак не передается частица οὖν. Видимо, в диалекте вообще отсутствуют такого рода частицы.

3. В переводе меняется порядок слов в именной группе: еванг. τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ > цак. ἐτάνι ταν ἀμέρα. Возможно, в диалекте существует запрет на постпозицию указательного местоимения.

4. Дательный падеж оригинала заменен на винительный без предлога: еванг. τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ > цак. ἐτάνι ταν ἀμέρα. Можно предположить, что опущение предлога связано с темпоральным значением.

5. Родительный падеж мн. ч. заменяется винительным: еванг. τῇ μιᾷ σαββάτων > цак. ἐνα Σάμπα 'одна суббота'. Замена обусловлена либо отсутствием родительного падежа мн. ч. в цаконском, либо устоявшимся характером термина Σάμπα.

6. В переводе вместо предложно-падежной конструкции употреблено придаточное предложение: еванг. διὰ τὸν φόβον τῶν Ἰουδαίων > цак. γιὰτσι ἡγκιαῖ φοζουμένοι τουρ

Εβραίοι ‘потому что они боялись евреев’. Подобная замена решила сразу две сложности: ограниченность употребления предлогов в цаконском и отсутствие родительного падежа мн. ч.

7. Обращает на себя употребление времен в первой фразе в цаконском тексте: ἐκί ‘был’ — имперфект, ἡγκιαῖ κλειστοί ‘были закрыты’ и ἡγκιαῖ μαζουτοί ‘собрались’ — плюсквамперфект, ἡγκιαῖ φοζουμένοι ‘боялись’ — имперфект. Появление плюсквамперфекта можно объяснить двояко: во-первых, в соответствующих местах в оригинале наблюдается либо плюсквамперфект ἦσαν οἱ ... συνηγμένοι, либо перфектное причастие κεκλεισμένων в составе оборота *genetivus absolutus*; во-вторых, здесь, вероятно, можно говорить об интродуктивной функции плюсквамперфекта, маркирующего введение к истории и сочетающегося с имперфектом (ἡγκιαῖ φοζουμένοι) вне видовременных отношений (Сичинава 2008), ср. с русск.: *жили-были старик со старухой, и был у них ... (там же)*. Отметим также, что далее повествование идет в аористе: ἐκάνε ‘пришел [Иисус]’, ἐπέτῳε ‘сказал [Иисус]’. Показательно, что в тексте оригинала употребление плюсквамперфекта свидетельствует о предшествовании.

8. ‘Иудеи’ оригинала (Ἰουδαίων) заменены в переводе на ‘евреев’ (Εβραίοι), скорее всего, в связи с большей понятностью термина.

9. Как и в новогреческом языке, в цаконском личное местоимение в слабой форме в функции объекта предшествует глагольной форме: цак. σ’ ἐπέτῳε ‘им сказал’, ср. с еванг. λέγει αὐτοῖς.

10. Вместо настоящего времени λέγει, маркирующего дальнейшие слова Иисуса, в переводе употреблен аорист ἐπέτῳε (как и в предшествующем глаголе ἐκάνε).

11. Дательный падеж оригинала (ὑμῖν) заменен в переводе предложной конструкцией (εμου).

Стих 20:

12. Вместо аористных причастий εἰπών и ἰδόντες, в цаконском тексте употреблены личные формы глагола (ἐπέτῳε и οράκαῖ ‘[ученики] увидели’ соответственно). Можно предположить, что в цаконском причастия могут употребляться только в составе аналитических форм

глагола, однако это предположение требует дополнительной проверки.

Стих 21:

13. Без перевода остается частица οὖν (см. коммент. № 2).

14. Σ' ἐπέτρε, μ' ἀπολύτρε 'меня послал [Отец]' — см. коммент. № 9.

15. σ' εμου — см. коммент. № 11.

16. В цаконском переводе к слову 'отец' добавлено притяжательное местоимение (αφέγκη μι 'мой отец'), отсутствующее в оригинале (πατήρ). Скорее всего, это объясняется влиянием новогреческого языка, где употребление слов типа 'отец' и 'мать' без соответствующего притяжательного местоимения крайне не желательно.

Стих 22:

17. Аористное причастие εἰπών заменено на личную форму ἐπέτρε (ср. с коммент. № 12) с добавлением указательного местоимения ἐγκεινι 'тот' в функции подлежащего.

18. σ' ἐπέτρε, σ' εφουσάτρε '[Иисус] на них подул' — см. коммент. № 9.

19. В переводе почему-то добавлено τρει φορέ '[подул] три раза'.

20. В переводе намеренно употреблен архаический глагол ἀρετε 'примите' (см. также § 1), так как далее речь идет о Святом Духе.

21. Евангельское словосочетание Πνεῦμα ἅγιον переведено с изменением порядка слов: Ἀγίε Πνέμα 'Святой Дух'. Здесь, несомненно, наблюдается влияние новогреческого языка.

Стих 23:

22. Союз ἄν передан в переводе как ἀμα 'когда'. Второй раз он вообще остается без перевода, хотя, как следует из стиха 25, такой союз имеется (α). Вместо него употреблена предложная конструкция с местоимением: σ' ὅποιοι σι 'тем, кому'.

23. В оригинале имеется родительный падеж мн. ч. τινων. Чтобы избежать его, в цаконском тексте меняется конструкция: σκωρέτε τουρ ἄλοι για τουρ αμαρκίλε 'простите других за грехи', вм. 'отпустите грехи других'.

24. В переводе добавлено притяжательное местоимение σου 'их', отсутствующее в оригинале.

25. В цаконском варианте глаголы в главной части условного периода даются в будущем времени, в отличие от оригинала: цак. θα σκωρεθοῦνι 'будут прощены' (ср. с еванг. ἀφίενται) и θα κόντουθοῦνι '[грехи] будут удержаны'.

Стих 24:

26. В отличие от оригинала, имя Фома в цаконском переводе дается с артиклем: Ο Θωμά.

27. Без перевода остается частица δέ (см. коммент. № 2).

28. Вместо распространенного определения с причастием (ὁ λεγόμενος Δίδυμος), употреблено придаточное предложение с местоименным повтором дополнения: ἃ' ὅ' ἡγκιαῖ αοῦντε Δίδυμο 'которого его звали Близнец'; ср. с аналогичными фразами в разговорном новогреческом: που τον ἔλεγαν...; см. также коммент. № 12.

Стих 25:

29. Без перевода остается частица οὖν (см. коммент. № 2).

30. ὅ' ἡγκιαῖ αοῦντε 'ему говорили [другие ученики]' — см. коммент. № 9.

31. Вместо перфекта ἑωράκαμεν в переводе использован аорист οράκαμε '[мы] увидели'. Возможно, это вызвано внешним сходством форм.

32. Без перевода остается частица δέ (см. коммент. № 2, а также 34).

33. σ' ἐπέτρε — см. коммент. № 9.

34. При переводе ὁ δὲ εἶπεν αὐτοῖς сохранено указательное местоимение в качестве подлежащего (ετήνε), но изменен порядок слов: τῶαι σ' ἐπέτρε ετήνε 'и им сказал тот'. Вероятно, изменение порядка слов выделяет эту фразу, являющуюся маркером прямой речи, то есть выполняет функцию опущенной частицы δέ.

35. Предложная конструкция с дательным ἐν ταῖς χερσὶν передается винительным падежом без предлога: του χέρε 'на руках'.

36. Предложные конструкции с винительным падежом εἰς τὸν τύπον и εἰς τὴν πλευρὰν передаются винительным без предлога: το σημάδι 'в отметину' и το πλευρὲ 'в ребра' соответственно.

37. Родительный падеж мн.ч. τῶν ἤλων переведен винительным падежом с предлогом: ἀπό τα καρθία 'от гвоздя' (В Κωστάκης 1986 отсутствует слово καρθία).

38. При переводе последней фразы с условным периодом α δεν οράου του χέρε си τα σημάδια από τα καρθία, τὸ' α δε βάλου το δάτυλέ μι το σημάδι από τα καρθία, τὸ' α δε βάλου τα χέρα μι το πλευρέ си ό θα κιστήου 'если не увижу на руках его отметины от гвоздя и если не вложу палец мой в отметины от гвоздя, и если не вложу руку мою в ребра его, не поверю', наблюдается интересная особенность: в условных придаточных употреблено отрицание δεν, а в главном предложении — отрицание ο (см. § 1). Скорее всего, появление отрицания δεν — влияние новогреческого языка, однако факт употребления иного отрицания в условном периоде даже при реальном условии крайне интересен и требует дальнейшего исследования.

Λιτεράтуρα

- Сичинава Д. В. 2008. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // Плуныян В. А. (отв. ред.), Гусев В. Ю., Урманчиева А. Ю. (ред.). Грамматические категории в дискурсе. Исследования по теории грамматики 4. М. С. 241–274.
- Κοντοσόπουλος Ν. Γ. 2001. Διάλεκτοι και ιδιώματα της Νέας Ελληνικής. Αθήνα.
- Κωστάκης Θ. Π. 1986. Λεξικό Τσακωνικής διαλέκτου. Αθήνα. Τ. Ι, ΙΙ.
- Κωστάκης Θ. Π. 1987. Λεξικό Τσακωνικής διαλέκτου. Αθήνα. Τ. ΙΙΙ.
- Λυσικάτος Σ. (επιμ.). 1990. Τσακονικό ανθολόγιο. Χρονικά των Τσακώνων. Τόμος Θ'. Αθήνα.
- Χαραλαμπίδου Α. Α. 1980. Φωνολογική ανάλυση της Τσακωνικής διαλέκτου. Θεσσαλονίκη.

“Love Gospel”: Tsakonian Version

In our paper we analyze the translation of an extract from the Gospel of John (20: 19–25) in Tsakonian. This is the only Greek dialect that was not radically changed in the period of Koine and preserved some Doric features. Our analysis does not content just with differences between the translation and the original, but also provides necessary information on phonetics and morphological peculiarities of Tsakonian.

С. Д. Клейнер

**AUREUS И FLAUA OLIUA
В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕСАКСОНСКИХ ГЛОСС**

Резюме. В статье исследуется семантика словосочетания flaua oliua в сопоставлении с латинским цветообозначением aureus. Отправными точками для сопоставления этих лексем являются саксонское *uuahs* и днв. *wahs* «воск», которые передают латинские слова в глоссах. Автор приходит к выводу, что первичной составляющей в обоих цветообозначениях является не оттенок, а наличие блеска.

Ключевые слова: латинский, древневерхненемецкий, цветообозначения.

В рукописи X или начала XI века Codex Auct. F. 1. 16 содержатся Георгики (II,120 по IV, 566), Argumentum к третьей книге Георгик, Argumenta к Энеиде, комментарий Сервия к Эклогам, Георгикам и Энеиде, Vita Vergilii, неизвестный пролог к Эклогам и Георгикам, текст неизвестного комментатора¹, список глосс, фрагмент Энеиды, а также не относящиеся к Вергилию тексты. Глосс, согласно описанию, 350. В их числе выделяется список на странице 6b, озаглавленный DE EQUIS и содержащий следующие слова:

Aureus. uuahsblanc |
 Gilb; badius. falu |
 Spadix. dun |
 Glaucus. glasag |
 Cadi^dus. blas |
 Petilus. fitilu.t |
 Scutulatus. appul/gre. |
 Guttat. sprutodi |
 Mann'. fiarscutig |

¹ Мейдан (Madan 92) считает, что это по крайней мере частично список с Исидора Севильского.

Mirteus. dosan † / uuirebrun. †
 Maurus. alsuart †
 Ium̄ta. mergeh †
 Toctonarii. thra/uāndi †
 Tottolarii. Telderias.

Первая же строчка, Aureus. uuahsblanc, «золотой – белый, как воск» представляет значительный интерес и, как нам представляется, проливает свет на цветовую гамму сразу нескольких латинских слов.

На первый взгляд, в латинской части глоссы речь может идти о сверкающей, золотистой масти лошади. Но в том же манускрипте слово uuahsblanc присутствует еще раз и соотнесено с комментарием Сервия к Verg. G. III, 82: *Sed aliud est candidum esse, id est quadam nitenti luce perfusum; aliud album quod pallori constat esse vicinum, uuahsblanc.* «Но одно дело быть candidus, то есть крашенным неким сияющим светом; другое дело – быть albus, который, как известно, соседствует с бледным». Возможно, еще в одном случае это же слово встречается чуть раньше и глоссирует albis из самого текста Георгик². Aureus в качестве синонима albus смотрится, хотя и объяснимо, но несколько странно: albus, в отличие от aureus, не блестит, и обозначает скорее матовые грязно-белые, чем сверкающие красно-желтые тона³. Но в любом случае, очевидно, что речь идет о светлом цвете.

В этой связи любопытно, что древневерхненемецкий композит wahsfaro «цвет воска»⁴, который содержит uuahs, имеющееся в саксонской глоссе, регулярно передает значение лат. glaucicomans (StWG 691, StSG II, 349, 36).

² В тексте стоит uua[...].

³ Хотя изредка albus сочетается с глаголами nitere, lucere, refulgere и splendere. Стоит также вспомнить albus sol Энния (Ann, 89) вместо обычного aureus sol. Андре (Андре 28) считает, что дело в упрощении до оппозиции «темный – светлый». Однако в случае Энния, это может быть аналогией с греч. λευκός, так же как и само «золотое солнце».

⁴ Koebler АНД: W 35 переводит этот цвет как «синезеленый; обычно красноватый темно-желтый, как воск», однако саксонские данные позволяют говорить о совсем светлых оттенках.

Это самое *glaucomans* встречается у автора IV в. н. э. Гая Веттия Аквилы Ювенка в контексте *glaucomantis oliuae*⁵, а комментатор Ювенка Шётген сообщает, что это *conueniens oleae epitheton*, «обычный эпитет оливы»⁶. Слово это выглядит как позднее образование и, возможно, калька с греческого. И действительно, в греческом языке стандартный эпитет оливы – это *γλαυκόχροος* «сероцветный». Какое отношение сероцветность имеет к воску (и, потенциально, к *aureus*), не слишком понятно. Можно предположить, что воск бывает разного цвета, и в одном случае имелся в виду серый, а в другом – светло-желтый. Если, впрочем, посмотреть на полный контекст *glaucomantis*, то читаем: *Proxima tum Solymis conscendit culmina montis, / ordinibus lucent quae glaucomantis oliuae*. «Тогда он взшел на вершины горы близ Иерусалима, которые блестели рядами серолистных олив».

Можно предположить, что речь идет не о конкретном цвете, а о блеске, который свойственен также и золоту. Это соответствует традиционному мнению, что первичное значение *γλαυκός* передает именно наличие блеска, а не конкретную цветовую гамму. Эта точка зрения регулярно подвергается критике (последняя известная нам попытка сделана в диссертации Е. Дружининой⁷), однако приписать *γλαυκός* чисто хроматическое значение не удастся. Даже если отойти от коннотации «блеск», коннотация «светлый» остается очень сильной и не позволяет толковать *γλαυκός* исключительно в значении «серо-голубой».

Вполне вероятно, что именно блеск или некая «светлость», а не конкретный хроматический оттенок, сыграли основную роль при переводе слова *aureus* на древнесаксонский.

Здесь стоит вернуться к самому слову *aureus*. Этот эпитет регулярно применяется в латинском языке к

⁵ И им придумано, как и прилагательные *flammicomans*, *flammipes*, *multifluus*, *frugiferens* и др. (Estilo: 141)

⁶ Juvencus 1710: 329.

⁷ См. обобщение предыдущих попыток, которое приведено в Дружинина 2009: 10

волосам – причем не только лошадиным. В этом качестве aureus выступает как синоним flauus, хотя и реже: мы встречаем его только у Var. L. L. VII, 83; Ov. Met. XII, 395; Am. I, 14; Apul. Met. V, 22, 5; 30, 6. Также aureus регулярно используется для характеристики волос Амура (Ov. R. A. 39; Am. I, 2, 42; II, 18, 36) и Венеры (Verg. Aen. X, 16; Ovid. Met. X, 277 и т. д.). Андре считает, что такое употребление является калькой с греч. χρυσοῦς «золотой» ср. греч. χρυσοχάιτης «златолистый» Пиндара или χρυσοκόμης «златовласый» Алкея и Анакреонта. В пользу этого предположения свидетельствует также и калька с греческого χρυσοκόμης auricomus (Sil. It. III, 608; Val. Flac. IV, 92; Verg. Aen. VI, 141).

Возможно, в этом же контексте стоит вспомнить о плохो объясненном Verg. Aen. V, 309 flavaque ... oliva, возможно⁸, ради которого Авл Геллий добавляет viridis «зеленый» в свою трактовку этого цвета: flauus e uiridi et rufo et albo concretus «flauus состоит из зеленого, красного и белого» (Noct. Att. II, 26). У Вергилия речь идет о наградном венке; учитывая хорошую сочетаемость flauus с золотом и синонимическое употребление flauus и aureus по отношению к светлым волосам богов (aureus для Амура и Венеры, flauus для Цереры, Минервы и Аполлона), мы полагаем возможным выдвинуть предположение, что речь опять-таки идет не о цвете как таковом, а о наличии блестящего венка на голове у победителя.

Литература

- Андре 1949: André J. Étude sur les termes de couleur dans la langue latine. Paris.
Дружинина 2009: Дружинина Е. А. Обозначение холодных цветов спектра в древнегреческой литературе VIII–IV вв. до н. э. // Автореф. дис. канд. н. Санкт-Петербург.
Koebler AHD: Köbler, G, Althochdeutsches Wörterbuch, (4. Auflage) 1993.

⁸ По крайней мере, так считает Андре (Андре 1949: 128). Мы полагаем возможным с ним согласиться.

Estilo: Castro Jimenez D., Cristóbal V., Mauro Melle S. Sobre el estilo de Juvenco // Cuadernos de Filología Clásica Nº 22. 133–148. 1989. Madrid.

Juvenus 1710: C. Vetti Aquilini Juvenci, Hispanii presbyteri, Hustoriae Evangelicae libri IIII ... Erhardus Reusch recensuit. Francofurtus et Lipsia, 1710.

Madan: Madan F. Old German Glosses from a Bodleian Manuscript. // Journal of Philology, vol. X., 1882. P. 92–110.

Summary

The author investigates why the Latin horse color name *aureus* and an epithet for olive *glaucicomans*, though obviously different in color, were translated in glosses with the same Germanic root meaning 'wax'. The author concludes that the main component of both colors must have been not their hue, but their shininess; it is possible that Verg. Verg. Aen. V, 309 *flavaque ... oliva* was also meant to be perceived as shiny.

A. Corso

CUPIDO FULMEN TENENS

Резюме. Статья представляет собой подборку материала об античных изображениях, на которых Эрос представлен держащим молнию.

Ключевые слова: Eros holding a thunderbolt, Scopas, Praxiteles, Alcibiades

The aim of this note is to collect the extant evidence concerning an important statue which represented the god of love with a rather unusual attribute: the thunderbolt.

This topic has been understudied¹ and this observation hopefully justifies this short article.

A marble statue of Eros with the thunder is known from Pliny 36. 28:

"Equally there is doubt as to whether the Dying Children of Niobe in the temple of the Sosian Apollo was the work of Scopas or of Praxiteles. Similarly, we cannot tell which of the two carved the Father Janus which was dedicated in its rightful temple by Augustus after being brought here from Egypt; and now a covering of gilt has hidden its secret still more. Equally there is a controversy about the Cupid Holding a Thunderbolt in the Hall of Octavia. Only one thing is stated with conviction, namely that the figure is that of Alcibiades, the most handsome youth of that time" (transl. Loeb) (*Par haesitatio est... Scopas an Praxiteles fecerit (...). Similiter in curia Octaviae quaeritur de Cupidine fulmen tenente; id demum adfirmatur, Alcibiadem esse, principem forma in ea aetate.* Text by Corso, Mugellesi, Rosati).

So, there was a marble statue of Eros holding a thunderbolt which was regarded work of either Scopas or Praxiteles and which in fact represented Alcibiades.

¹ See my review of the issue in Corso 1988: 107–109.

It is likely that the statue portrayed Alcibiades as the most beautiful among mortals, thus worthy to lend his features to Eros, the most beautiful of the gods.

In fact the case of a statue of Eros whose features are inspired by those of Alcibiades is similar to those of Phryne who gave her features to Praxiteles' gilded bronze statue of Aphrodite set up in Delphi² as well as to Praxiteles' bronze statue of the Merry Courtesan.³

Indeed Alcibiades was proclaimed the most beautiful of men in a tradition which is handed down by Plutarch, *Alcibiades* 1. 3:

"As regards the beauty of Alcibiades, it is perhaps unnecessary to say aught, except that it flowered out with each successive season of his bodily growth, and made him, alike in boyhood, youth and manhood, lovely and pleasant. The saying of Euripides, that 'beauty's autumn, too, is beautiful', is not always true. But it was certainly the case with Alcibiades, as with few besides, because of his excellent natural parts" (transl. Loeb).

This tradition is echoed also by Athenaeus 12. 534 b – e on the authority of the late Hellenistic biographer Satyrus (= *FHG* iii. 160):

"In his account of the handsome Alcibiades Satyrus says: '(...). Extremely handsome in appearance, he let his hair grow long during a great part of his life, and he wore shoes of a striking pattern, which from him were called Alcibiades. Whenever a choregus he entered the theatre with the procession, robed in purple, he was admired by men and women alike. Hence also Antisthenes, the disciple of Socrates, being one who had seen Alcibiades with his own eyes, affirms that he was strong, manly, cultivated, daring, and beautiful at every period of his life. (...). Returning from Olympia, he dedicated at Athens two tablets painted by Aglaophon; one of

² For the representation of Aphrodite with this statue, see Diogenes Laertius 6. 2. 60. Nevertheless the features of Phryne appeared on the statue: see the several *testimonia* listed by Corso 1997: 123–150, particularly 123, note 1.

³ See Pliny 34. 71.

these showed figures representing the Olympian and Pythian festivals placing crowns on his head, and on the other was the seated figure of Nemea with Alcibiades on her lap, more beautiful in appearance than the faces of the women' " (transl. Loeb).

The similarity of the cases of Phryne and Alcibiades, both having been of outstanding beauty and both having given their features to images of deities, had been noticed already in antiquity: this comparison is handed down by Clement, *Protrepticus* 4. 47:

"When Phryne the Thespian courtesan was in her flower, the painters used all to imitate her beauty in their pictures of Aphrodite, just as the marble sculptors (*lithoxooi*) copied Alcibiades in their Herms at Athens" (transl. Loeb with amendments).

Thus Clement also testifies to the habit at Athens of marble sculptors to shape gods according to the features of Alcibiades, conceived as the supreme emblem of male beauty.

The late classical statue of Alcibiades as Eros Ceraunophorus probably commemorated the fact that the emblem (*episema*) of Alcibiades' chryselephantine shield was exactly an Eros holding the thunderbolt.

This information is also provided by Plutarch, *Alcibiades* 16. 1-2:

"He (*scil.*: Alcibiades) had a golden shield made for himself, bearing no ancestral device, but an Eros armed with a thunderbolt" (transl. Loeb).

Athenaeus 12. 534 e, who quotes Satyrus, confirms that detail:

"And even when he was a general he wanted to be a dandy still: he carried, for example, a shield made of gold and ivory, on which there was the device of Eros who held through a loop a thunderbolt". (transl. Loeb with an amendment).

The presence of the iconography of Eros with the thunderbolt in the visual culture of the late 5th c. BC is

probably confirmed by a gem of that period (fig. 1).⁴ Eros is portrayed on the gem standing and frontal. His appearance and style are close to those of Polycleitan athletic youths, particularly to that of the Polycleitan Discophorus.⁵ The shape

Fig. 1

of his wings is similar to that of the wings of the Phidian Eros as he is represented in vase painting of this period.⁶ The god looks a teenager and not a child. In his right hand he holds the sceptre rather than the spear while in his left outstretched hand he holds the thunderbolt.

The athletic look of the god, his apparent age in his late 10s, finally the conception of this figure in the context of the tradition of Phidias and Polycleitus suggest that this iconography was conceived in the late 5th c. BC, in the eclectic tradition derived from the two above mentioned masters. Of course the sceptre suggests the ruling power of Eros while the thunderbolt – being the usual attribute of Zeus – is meant to express that Eros, not Zeus, is the most powerful god.

In order to understand the link of this iconography with the Eros *Ceraunophorus* on the shield of Alcibiades⁷ it is necessary to remind that Alcibiades took part to the symposium which is described in Plato's *Symposium* and

⁴ Ancient clay impression from a convex ring-stone in a private collection: see Boardman 1975: 19, 92, no. 58, who dates the gem to the late 4th c. BC, and Hermary 1986: 850–942, particularly 928, no. 945, who dates the gem to the end of the 5th c. BC. I believe Hermary is right: should this Eros be early Hellenistic, he would be a child and would not be conceived as a Polycleitan athlete!

⁵ See Kreikenbom 1990: 21–44, 143–156, nos. I. 1–48.

⁶ See Cullen Davison 2009: 301, no. 1, and 1345, fig. 9. 3.

⁷ On the Eros *Ceraunophorus* on the shield of Alcibiades, see Blanckenhagen 1964: 38–42 and Schneider 1999: 18–44, particularly 32–38. Concerning the visual arts around Alcibiades see Shapiro 2009: 236–263, particularly 246 and 261, note 40. On *epismata* on shields at Athens, see Giuman 2000: 31–42.

during which the all-mighty power of Eros was celebrated. Thus the iconography of Eros with sceptre and thunderbolt on the above described classical gem may well depend on the actual *episema* of Alcibiades' shield and should be understood in the context of the conception of Love as the supreme power which characterized the circle of Athenians who are evoked in Plato's *Symposium*.

The loop on the right wrist of the god can be detected on the gem and this detail matches perfectly which Satyrus' report that the god held the thunderbolt through a loop.

Since the iconography of Eros *Ceraunophorus* is unattested before Alcibiades, it is quite possible that he conceived it, in the context of the above mentioned social circle of devotees to Eros.

The fortune of the association of Eros with the thunderbolt in the early 4th c. BC is known thanks to another gem: an onyx at Berlin, Muenzkabinett, no. 355, showing Eros holding the thunderbolt in his right hand while his left hand rests on the shoulder of a smaller male figure who carries the sceptre. It was interpreted by Furtwaengler as Eros with his protege Alcibiades.⁸ Thus this gem would suggest that Alcibiades' predilection for such an iconography became a well known story already in the decades following his death.

Concerning the statue of Eros–Alcibiades seen by Pliny, of course it was late classical because it was made by either Scopas or Praxiteles. Since the association of Alcibiades with Eros was Platonic and celebrated in the *Symposium*, the idea to patronize this statue may have occurred in the social world of the Academy of Plato.

We can go closer to this creation thanks to the ekphrastic epigram *Anthologia Graeca* 16. 250:

“To Eros.

See how winged Eros is breaking the winged thunderbolt showing that there is a fire stronger than fire”.

The configuration of this creation is recognized on a few gems. An excellent example for quality is the cornelian ring-

⁸ See Furtwaengler 1896: 35, no. 355.

stone which is kept at The Hague, The Royal Coin Cabinet, no. 323 (fig. 2).⁹ The gem is attributed to the so-called Pellet Style

Fig. 2

which is characteristic of late – republican Rome and dates to the 1st c. BC. The winged nude boy is bent forward with his torso, presses his left knee into the middle of the thunderbolt, which is held with both hands. His hair is tied in a knot in the nape of the neck. Below his right foot there is a ground line which occurs often on Roman gems when an *opus nobile* is copied.¹⁰

Other, more coarse examples of the same iconography are a ring-stone which also dates to the 1st c. BC, is also kept at The Hague, The Royal Coin Cabinet, no. 1984 and is endowed with the ground line as well,¹¹ a paste at Berlin, Muenzkabinett, no. 1628 (the ground line is provided too)¹² and the reverse of a Roman coin type struck in 85 BC by C. Julius Bursio which is known by only one coin; the only surviving example is preserved at Paris, Cabinet des Medailles, no. A 10778.¹³ All of these examples date to the late- or post-Sullan times and have been cut or struck at Rome. As we shall see, these facts are not without a meaning.

As the epigram makes clear, the obvious message of the Eros who breaks the thunderbolt is that the fire of Eros is more powerful than that of Zeus, i. e. that Eros is the real ruler of the universe.

⁹ See Maaskant-Kleibrink 1978: 138, no. 206 and Hermary 1986: 928, note 947.

¹⁰ See, e. g., Horster 1970: pls. 1, figs. 1–2; 3, figs. 3–4; 4, figs. 2–4; 8, figs. 1 and 3; 9, figs. 1 and 4; 10, fig. 3; 11, fig. 4; 12, figs. 1 and 4; 13, figs. 1 and 3–4; 15, figs. 3 and 4; 16, fig. 1; 17, figs. 1–4; 18, figs. 1–2 and 4; 19, figs. 1–2 and 4; 20, figs. 1–2 and 4; 21, figs. 1–4.

¹¹ Maaskant-Kleibrink 1978: 84, no. 29.

¹² See Furtwaengler 1896: 90, no. 1628.

¹³ See Crawford 1974: 368–369, no. 2.

The sinuous conception of Eros shown on these miniature copies is close to that of the god on a cornelian gem signed by Olympius¹⁴ which dates to around 370 BC (fig. 3). In both cases

Fig. 3

the torso of the god is bent forward, the legs are disposed according to an oblique line, the leg which rests on the ground line is bent at the knee both arms are outstretched in order that the hands hold the weapon which in the case of Olympius' gem is the bow. Moreover in both cases the hair is composed of long, wavy locks. The age of our Eros *Ceraunophorus* is that of a 15–16 years old boy and is thus close to that of late classical Erotes, such as the Centocelle Eros, the Farnese – Steinhäuser Eros and the Eros from *Parium*.¹⁵

Thus he looks a little older than the Eros by Lysippus.¹⁶ The Eros of Lysippus appears to have been inspired by our Eros: in both cases the torso is bent forward, the two arms are outstretched in order to hold the weapon and are one parallel to the other both hands hold the instrument which is brought across according to a diagonal line. However our Eros is earlier because he is still in the late classical tradition of pubescent Erotes.

Let us enter into the details of our Eros *Ceraunophorus*.

The locks of hair brought behind and collected in a chignon probably characterized already the Eros of *Parium* as it is argued from his reproduction on coins.¹⁷ This feature confirms the pertinence of our type to the late classical Erotes.

¹⁴ See Ridgway 1990: pl. 36 and Lang 2004: 153.

¹⁵ See Damaskos 2007: 134–135, no. 33; Plantzos 2007: 138–139, no. 35; Mposnakis 2007: 140–141, no. 36.

¹⁶ See, *e. g.*, Maderna 2004: 303–382, particularly figs. 314–317.

¹⁷ See Touratsoglou: 72, no. 4.

The eyes look hard to the thunderbolt and suggest a comparison with the corresponding features of several works attributed to Scopas.¹⁸ Moreover in the best miniature copy of our type it is possible to see a shadow all around the eye bulb: that suggests that the portrayed statue was characterized with deep eyes – sockets and as a consequence by a pathetic eye. This is another well known feature of Scopadic creations.¹⁹ The wavy locks collected behind in a chignon characterize the Pothos.²⁰ The stocky head is also a well known Scopadic feature.²¹ The strong, aggressive nose is also well within the Scopadic anatomic grammar of faces.²² Finally, the predilection for representations of bodies according to diagonal lines is another well known feature of the Scopadic conception of figures as it is confirmed by several figures of the pediments of the temple of Athena Alea at Tegea²³ as well as by the Pothos,²⁴ perhaps by the Phaeton²⁵ as well as by several figures on friezes of the Mausoleum which are traditionally associated with Scopas.²⁶

The muscular conception of body and his nervous attitude are also typical of creations which are attributed to Scopas.²⁷

The unavoidable conclusion is that the attribution to Scopas was the right one. The attribution of the *Cupido fulmen tenens* to Praxiteles may have become established because of the standard association of the Athenian master with Eros.

Since the portrait of Alcibiades is thought to have been the first endowed with the sense of *pathos*²⁸, Scopas' study of this

¹⁸ See Todisco 1993: figs. 138 (Maenad), 142–145 (heads from Tegea), 150 (Pothos), 154–155 (Triton).

¹⁹ See Todisco 1993: figs. 138 (Maenad), 142–145 (heads from Tegea), 150 (Pothos), 154–155 (Triton).

²⁰ See Todisco 1993: fig. 150.

²¹ See Todisco 1993: figs. 138 (Maenad), 142–145 (heads from Tegea), 150 (Pothos), 154–155 (Triton).

²² See e. g. Todisco 1993: figs. 143 and 145 (Tegea).

²³ See Stewart 1977: pl. 53.

²⁴ See Todisco 1993: figs. 138 (Maenad), 142–145 (heads from Tegea), 150 (Pothos), 154–155 (Triton).

²⁵ See Stewart 1977: pl. 45 (b).

²⁶ See Stewart 1977: pl. 40 and Cook 2005: pls. 2–15.

²⁷ See the examples in notes 17–25.

subject may have been crucial toward his establishment of an aesthetic based on *pathos*.

Concerning the date of Scopas' Eros *Ceraunophorus* the comparison with the above mentioned very similar Archer Eros by Olympius, which dates to around 370 BC, suggests that this statue also dates to around 370. Thus it should be regarded one of the earliest works by Scopas.

Thanks to this commission, Scopas may have become well introduced at Athens and perhaps in the world of the Academy of Plato. The Academy of Plato was also closely linked to Mausolus: Eudoxus from Cnidus, a former pupil of Plato, after his studies at Athens in the Academy ended moved to the court of Mausolus and settled in Caria.²⁹ Thus it is possible that Scopas was able to reach Mausolus and the important commissions offered by the wealthy satrap of Caria through the world of the Academy.

It should be specified that Scopas understood the new times much better than other contemporary artists: in fact, many of his works were commissioned not by the traditional Greek poleis but by autocrats such as Mausolus and Philip II: the latter was the likely patron of his works on Samothrace.³⁰

The new absolutistic ruler was perceived close to the gods who command the sensual satisfaction of instincts – such as Dionysus, Aphrodite, Eros, etc. – and thus was thought to spread the *pathos* in the world: of course this trend will peak with the figure of Alexander the Great³¹ but began exactly with the new life style introduced by Alcibiades.³²

A lot of Scopas' activity was devoted to fleshing out deities who were fashionable at the time (Aphrodite, Pothos, Maenad).³³

²⁸ See Shapiro 2009: 236–263, particularly 246 and 261, note 40.

²⁹ See Corso 2007: 173–197.

³⁰ See Pliny 36. 25; Corso 1988: 511–739, particularly 555–556, note 2 to 36. 25). Concerning the activity of Scopas for Mausolus, see Vitruvius 7 *praeformatio* 12 and Pliny 36. 30–31.

³¹ See *e. g.* Moreno 2004.

³² See Shapiro (note 7).

³³ See Stewart 1977: 127–135, *testimonia* nos. 3–5; 17; 26; 29–31.

Coming back to the *Cupido fulmen tenens*, this statue was moved from Athens to Rome because Pliny saw it in the *Urbs*.

It is probable that Sulla looted the statue in 86 BC, when he burned Athens and stripped this city of many works of art because, as we have seen, this iconography is shown at Rome on a coin type of the following year – 85 BC – as well as on gems of the late- and post-Sullan period. It is likely that the well known devotion of Sulla to *Venus*,³⁴ the wish to exhibit the statue as a trophy of Rome's victory and the prestige of Platonic themes in the golden period of the 5th Academy contributed to the iconographic fortune of this *opus nobile*.

Perhaps the statue at Rome was set up in the *porticus Metelli*³⁵ because the *porticus Octaviae* where Pliny saw it will be constituted in the same area of the previous *porticus Metelli*.³⁶

The enduring fortune of the iconography of Eros *Ceraunophorus* is shown by a Roman late-republican paste at Berlin which shows Eros leaning on a pillar with a thyrsus in his left hand and a thunderbolt in his right hand.³⁷

The statue will be again set up in the *porticus Octaviae* which substituted the previous *porticus Metelli* in the 20s BC. The *curia Octaviae* where the statue was erected is identified with the great exhedra which was behind the two temples of *June Regina* and *Juppiter Stator*.³⁸ This setting of the statue is coherent with the placing in the same building complex of an Aphrodite by Phidias (Pliny 36. 15) and of Praxiteles' Eros from Thespieae (Pliny 36. 22).

Phidias' Aphrodite may have been brought from Athens together with the Eros *Ceraunophorus* at the time of Sulla and thus its moving may be explained with the previously mentioned devotion of Sulla to *Venus*.

³⁴ On Sullan sack of Athens see Christ 2002: 83–93. Works of art looted by Sulla during his eastern campaigns: Celani 1998: 78–84. Devotion of Sulla to *Venus*: see Fadinger 2002: 155–188.

³⁵ See Viscogliosi 1999₁: 130–132.

³⁶ See Viscogliosi 1999₂: 141–145.

³⁷ See Furtwaengler 1900: 209, pl. 43, fig. 55.

³⁸ See Viscogliosi 1999₂: 141–145.

On the contrary, the Eros of Thespieae by Praxiteles was removed by Caligula, returned by Claudius and eventually brought back to Rome by Nero (Pausanias 9. 27. 3-5).

The emphasis given to love deities in the decoration of the *porticus Octaviae* is probably due to the circumstance that *Venus* was the *Aeneadum genetrix* and that the *gens Julia* which ruled the empire from August to Nero, claimed to descend from this goddess.

Probably during the Augustan age Dionysius, the curator of the sanctuary of Aphrodite at Side, dedicated a statue of Eros with the thunderbolt.³⁹ The following metric inscription was inscribed on the round base of the statue:

κάμὲ τὸ[ν Ἄφρογενο]ῦς Διονύ[σι]ος εἶσεν Ἔρωτα
τὴν αὐτὴν [τιμὴν Παίον]ι πατρὶ λαχὼν,
ἐν παλάμαι με φέροντα πυριφλεγέ[θ]οντα κεραυνόν,
ὃν ποτε Κύκλωπες τεῦξαν ἄνακ[τ]ι θεῶν,
Ζητὴν βαρυβρε[μ]έται, δεικνὺς ὅτι κὰν ὀλίγωι μο[ι]
μειζότερα δύναμις γίνεται ε[ῦ]περου[γ]ω[ι].

Διονύσιος Παίονος | τοῦ Πολυχάρου Μαλεις | ἐπιστάτης
γενό[μ]ενος | Ἄφροδίτη

“Dionysius set up also me, Eros the son of the born from the foam having got this honour for the father Paeon bringing in my hand's palm the blazing as fire thunderbolt which once the Cyclops lighted for the lord of gods, for loud-thundering Zeus, showing that although I am small the well-winged has a greater power. Dionysius Maleis of Paeon of Polychares having become curator to Aphrodite”.

Probably the statue of Side was a copy or a variation of that in *curia Octaviae* because Dionysius' epigram asserts the same concept – that Eros is more powerful than Zeus – which is enunciated in the above quoted ekphrastic epigram which supposedly describes the statue seen by Pliny.

³⁹ See Merkelbach, Stauber 2002: 149–150, no. 18 / 15 / 07 Side.

During the age of Nero the above quoted epigram of the *Anthologia Graeca* was composed.⁴⁰ Of course the age of Nero must have been a good time for the dissemination of this iconography: this emperor must have liked the life style of Alcibiades!

In the same period a sardonix formerly in the Poniatowski collection was cut: it shows Eros ready to strike his thunderbolt held in his raised left hand: Blanckenhagen thought that this figure was inspired by the *episema* of Alcibiades' shield⁴¹ but I find its style typical of the Neronian baroque and thus I regard it rather as a re-invention of this pattern. In any case this gem shows the favour enjoyed by this iconography during the Neronian period.

Pliny wrote about our statue in 78 AD. Perhaps it burned with the great fire which destroyed much of the porticus Octaviae in 80 AD: Praxiteles' Eros of Thespieae also burned in the same occasion.⁴²

Literature

- Blanckenhagen 1964 – Blanckenhagen P. H. The Shield of Alcibiades // L. F. Sandler (ed.). *Essays in Memory of Karl Lehmann*. New York. S. 38–42.
- Boardman 1975 – Boardman J. *Intaglios and Rings Greek, Etruscan and Eastern from a Private Collection*. London.
- Celani 1998 – Celani A. *Opere d'arte nella Roma di Augusto*. Naples.
- Christ 2002 – Christ K. *Sulla*. Munich.
- Cook 2005 – Cook B. *Relief Sculpture of the Mausoleum at Halicarnassus*. London.
- Corso 1988₁ – Corso A. *Libro trentaseiesimo. Introduzione e note* // G. B. Conte (ed.). *Gaio Plinio Secondo. Storia Naturale 5*. Turin, 1988. P. 511–739.
- Corso 1988₂ – Corso A. *Prassitel* // *Fonti epigrafiche e letterarie. Vita e opere 1*, Rome, 1988.
- Corso 1997 – Corso A. The Monument of Phryne at Delphi // *NumAntCl* 26 (1997). P. 123–150.
- Corso 2007 – Corso A. The Cult and Political Background of the Knidian Aphrodite // *Proceedings of the Danish Institute at Athens 5*. P. 173–197.

⁴⁰ See Corso 1988₂: 286, note 675.

⁴¹ See Blanckenhagen 1964: fig. 1.

⁴² See See Viscogliosi 1999₂ and Pausanias 9. 27. 3–5.

- Crawford 1974 – Crawford M. H. *Roman Republican Coinage* 1. Cambridge.
- Cullen Davison 2009 – Cullen Davison C. *Pheidias*. London, 2009.
- Damaskos 2007 – Damaskos D. *Agalmatio Erotas, o legomenos Erotas Centocelle* // N. Kaltsas and G. Despinis (eds.). *Praxitelis*. Athina.
- Fadinger 2002 – Fadinger V. Sulla als “imperator felix” und “Epaphroditos” (“Liebling der Aphrodite”) // N. Ehrardt (ed.). *Widerstand – Anpassung – Integration*. Stuttgart. P. 155–188.
- Furtwaengler 1896 – Furtwaengler A. *Beschreibung des geschnittenen Steine im Antiquarium*. Berlin, 1896.
- Furtwaengler 1900 – Furtwaengler A. *Die antiken Gemmen* 2. Lpz.
- Giuman 2000 – Giuman M. *Episemata e politica* // *Ostraka* 9 (2000). P. 31–42.
- Hermary 1986 – Hermary A. *Eros* // *LIMC* 3 (1986). P. 850–942.
- Horster 1970 – Horster G. *Statuen auf Gemmen*. Bonn, 1970.
- Kreikenbom 1990 – Kreikenbom D. *Bildwerke nach Polyklet*. Berlin, 1990.
- Lang 2004 – Lang B. *Olympios* // R. Vollkommer (ed.). *Kuenstlerlexikon der Antike* 2. Munich, 2004.
- Maaskant-Kleibrink 1978 – Maaskant-Kleibrink M. *Catalogue of the Engraved Gems in the Royal Coin Cabinet*. The Hague.
- Maderna 2004 – Maderna C. *Die letzten Jahrzehnte der spaetklassischen Plastik* // P. C. Bol (ed.). *Die Geschichte der antiken Bildhauerkunst* 2. Mainz am Rhein. S. 303–382.
- Merkelbach, Stauber 2002 – Merkelbach R., Stauber J. *Steinepigramme aus dem Griechischen Osten* 4. Leipzig, 2002.
- Moreno 2004 – Moreno P. *Alessandro Magno*. Rome.
- Mposnakis 2007 – Mposnakis D. *Agalmatidio Erotas apo tin Ko* // N. Kaltsas and G. Despinis (eds.). *Praxitelis*. Athina, 2007.
- Plantzos 2007 – Plantzos D. *Agalma Erotas* // N. Kaltsas and G. Despinis (eds.). *Praxitelis*. Athina.
- Ridgway 1990 – Ridgway B. S. *Hellenistic Sculpture* I. Bristol, 1990.
- Schneider 1999 – Schneider W. J. *Eine Polemik Polemons in den Propylaeen. Ein Votivgemaelde des Alkibiades – Kontext und Rezeption* // *Klio* 8. S. 18–44.
- Shapiro 2009 – Shapiro H. A. *Alcibiades. The Politics of Personal Style* // O. Palagia (ed.). *Art in Athens during the Peloponnesian War*. Cambridge. P. 236–263.
- Stewart 1977 – Stewart A. *Skopas of Paros*. Park Ridge.
- Todisco 1993 – Todisco L. *Scultura greca del iv secolo*. Milan.
- Touratsoglou – Touratsoglou I. *Parion, chalkino nomisma epi Aimilianou* // Kaltsas and Despinis.
- Viscogliosi 1999₁ – Viscogliosi A. *Porticus Metelli* // E. M. Steinby (ed.). *Lexicon Topographicum Urbis Romae* 4 (1999). P. 130–132.
- Viscogliosi 1999₂ – Viscogliosi A. *Porticus Octaviae* // E. M. Steinby (ed.). *Lexicon Topographicum Urbis Romae* 4. P. 141–145.

А. О. Корчагин

О ЖЕРТВЕ ВСЕСОЖЖЕНИЯ В ГРЕЧЕСКОЙ БИБЛИИ

Резюме. Статья посвящена одному из самых распространенных видов жертвоприношения – жертве всесожжения и ее передаче в LXX, где используется сложная основа *όλοκαυτ-*, которая впервые появляется у Ксенофонта в “Анабасисе” (7.8.4–5). В Ветхом Завете установления относительно жертвы всесожжения приводятся в первой главе книги Левит. Всесожжению подвергали как крупный, так и мелкий рогатый скот, а также птицу. Обычно *όλοκαυτ-* передает еврейское *‘ōlāḥ*, изредка – *’iššē*, так что греческая основа не является буквальной передачей древнееврейских терминов, за исключением Пс. 50 (51):19, где *όλοκαύτωμα* передает еврейское *kāfil*.

Ключевые слова: жертвоприношение, жертва всесожжения, *όλοκαύτωμα*, Септуагинта (LXX), Масоретский текст.

В Септуагинте (далее – LXX) для обозначения жертвы всесожжения используется сложная основа *όλοκαυτ-* (греч. *όλος* – “целый” и *καίω* – “жечь, сжигать”). Эта основа является одним из наиболее употребительных для обозначения жертвы в переводе LXX. Она встречается там 291 раз (включая девтероканонические книги). В LXX используются два слова, образованных от этой основы - *όλοκαύτωσις* (процесс принесения жертвы, 87 раз) и *όλοκαύτωμα* (сама жертва всесожжения, 204 раза).

Основа *όλοκαυτ-* впервые появляется в греческой литературе у Ксенофонта в “Анабасисе”, в 7 книге. В конце данной книги повествуется о том, что эллины приплывают в Лампсак, где Ксенофонт встречается со жрецом Эвклидом. Выясняется, что у Ксенофонта закончились все деньги, не хватает средств даже на дорогу. Эвклид на это отвечает, что Ксенофону препятствует Зевс Мелихий, которому Ксенофонт уже давно не приносил жертв, с тех самых пор, как он выехал из дому. На следующий день эллины отправились в Офриний, и там Ксенофонт, как сказано, “*ἐθύετο καὶ ὀλοκαύτει χοίρους τῷ πατρίῳ νόμῳ, καὶ ἐκαλλίερει*” (он принес жертву, и сжег целиком

поросят по отеческому закону, и жертва оказалась благоприятной). На следующий день пришли деньги для войска. В том месте, где речь идет о жертвоприношении в честь Зевса Мелихия (7.8.4-5), использован глагол ὀλοκαυτέω. У того же Ксенофонта в “Киропедии” (8.3.24) употреблен глагол ὀλοκαυτόω (ἐπεὶ δὲ ἀφίκοντο πρὸς τὰ τεμένη, ἔθυσαν τῷ Διὶ καὶ ὀλοκαύτησαν τοὺς ταύρους, когда же они прибыли в святилище, то принесли жертву Зевсу, и совершили всесожжение быков). Из иудео-эллинистических авторов эта сложная основа зафиксирована только у Иосифа Флавия в “Иудейских древностях” (ὀλοκαυτόω и ὀλοκαύτωσις – 3.9.1, ὀλοκαύτωμα – 10.4.5), где дается пересказ и толкование книги Левит. В греческих надписях встречается слово ὀλοκαύτησις (IG 4² (1) 97.2), надпись из Эпидавра – εἰς τὴν] ὀλοκαύτησιν τῷ θεῷ Ἀλεξανδρο[εἰ]ας δραχμὰς τρεῖς καὶ δέκα (в жертву всесожжения богу Александрии – тринадцать драхм). В Новом Завете трижды употреблено слово ὀλοκαύτωμα (дважды – в Послании к Евреям, 10:6 и 10:8, где содержится явная аллюзия на Пс. 39 (40):6, а также один раз в Евангелии от Марка, 12:33, где сказано, что любовь к ближнему значит больше, чем все всесожжения и жертвы: περισσώτερον ἔστιν πάντων τῶν ὀλοκαυτωμάτων καὶ τῶν θυσιῶν).

Посмотрим, что подразумевается под жертвой всесожжения в LXX. Религиозные установления относительно жертв всесожжения даны в книге Левит, в которой основа ὀλοκαυт- встречается наибольшее количество раз (61). Уже в первой главе данной книги подробно говорится о совершении всесожжений. Жертва всесожжения – одна из разновидностей кровавой жертвы (в отличие от бескровной жертвы, *minḥā^h*). Всесожжению подвергали как крупный, так и мелкий рогатый скот (Лев. 1:2), а также птиц (Лев. 1:14). Подчеркивается, что жертвенное животное должно было быть мужского пола (что касается других видов жертв, например, жертвы за грех, благодарственной жертвы, то могли использоваться в качестве материала и животные женского пола) и не иметь порока (евр. *tamîm*, греч. ἀμύμων), то есть недостатка из указанных в Лев. 22:21–23. Жертвоприношение подобного рода совершалось в несколько этапов:

1. На голову животного священник возлагал руку (ст. 4).
2. Жертвенное животное закалала на алтаре (ст. 5)
3. Кровью жертвенного животного окропляли жертвенник (ст. 5)
4. С животного сдирали кожу, а тушу рассекали на части (ст. 6)
5. Голову, другие части тела и жир животного отдельно раскладывали на жертвеннике всесожжения (ст. 8)
6. Внутренности и ноги животного тщательно промывали водой (ст. 9)
7. После всего вышеперечисленного жертвенное животное полностью сжигали на северной стороне жертвенника (ст. 11), так как северная сторона оставалась единственно свободной, а также, возможно, потому, что север имел символическое значение смерти (Лопухин 1904–1913, т. 1: 411).

Жертвоприношение мелкого скота практически не отличалось от принесения в жертву крупного. Для жертвенных животных существовали ограничения по возрасту. Минимальный возраст животного определялся в 8 дней (Лев. 22:27), максимальный возраст сжигаемого животного в Библии не оговорен, очень часто говорится о принесении в жертву годовалых тельцов (напр., Исх. 12:5), однако могли быть принесены в жертву и более зрелые животные, например, во времена судьи Гедеона был принесен семилетний телец в знак того, что в Израиле было семилетнее иго мидианитян (Суд. 6:25). Что касается жертвоприношения птиц (к жертвоприношению допускались горлицы и голуби), то оно совершалось гораздо проще, и вообще принесение птиц часто рассматривалось как жертва для бедных, поскольку горлицы и голуби водились в Израиле в большом количестве. Нужно также отметить, что приносимая в жертву птица могла быть и женского пола. Священник должен был свернуть птице голову и выцедить ее кровь на жертвенник, причем голова не отделялась от туловища. В Ветхом Завете также говорится о том, что всесожжения приносились на особом жертвеннике, обложенном медью (Исх. 27: 2,8), который кроме того посыпался землей (Исх. 20: 24). По словам Киднера, принесение жертвы всесожжения символизирует тесную

связь жертвы с тем, кто ее приносит. Этот человек не просто жертвователь, он “сам является ответственным за все то, что происходит с жертвой” (Kidner 1951:13).

Сравнивая древнееврейские и древнегреческие жертвоприношения, можно выявить некоторые общие закономерности. В книге Левит содержится подробное описание всесожжения крупного рогатого скота. В приведенном выше пассаже из “Киропедии” Ксенофонта сказано о принесении в жертву быков. Однако подчеркивается, что в Греции часто совершались всесожжения тех животных, мясо которых по тем или иным причинам не могло быть съедано, например, если мясо не было пригодно для употребления в пищу. Всесожжения в Древней Греции приносились также подземным богам. При этом подчеркивается, что “кровь животного выливалась в яму и таким образом сходила в подземное царство, туша разрезывалась на куски и сжигалась на жертвеннике, а затем пепел сбрасывался в ту же яму или зарывался подле нее. Подобным же образом поступали при жертвоприношении героям или душам усопших” (Латышев 1897–1899, ч. 2:97). Следует обратить внимание на то, что в книге Левит также идет речь о выцеживании крови (при всесожжении птиц). Можно сказать, что древнееврейская жертва всесожжения символизировала полную отдачу человека Богу Яхве (например, сказано, что Авраам должен принести своего сына Исаака во всесожжение, чтобы доказать свою преданность Богу). В то же время греки, как справедливо замечено, “повиновались скорее чувству страха, чем благоговения и благодарности” по отношению к своим богам (Латышев 1897–1899, ч. 2:79).

Теперь рассмотрим, какие еврейские слова передаются по-гречески словами, образованными от основы *όλοκαυτ-*. Примеры соотношения греческого слова и его эквивалентов в Масоретском тексте (по одному примеру на каждый случай, древнееврейский текст дан в латинской транслитерации) приведены в таблице.

όλοκαύτωμα = ʿōlāḥ. καὶ ἐκδείραντες τὸ и снимет кожу с Лев. 1:6 wəhipšit ʔet- όλοκαύτωμα μελοῦσιν [жертвы] всесожже- hāʿōlāḥ wənitah ʔōtāh αὐτὸ κατὰ μέλη ния и рассечет ее на linṭaḥēḥā части.

όλοκαύτωμα = ʔiššê καὶ πᾶν αὐτοῦ τὸ и весь тук ее отде- Лев. 4:35 wəʔet-kol- στέαρ περιελεῖ ὄν лит, как отделяется ḥelbāḥ yāshir kaʔšer τρόπον περιαιρείται тук овцы из жертвы yūsar ḥēleb-hakkešeb στέαρ προβάτου ἐκ τῆς мирной, и сожжет mizzēbah ḥaššōlāmim θυσίας τοῦ σωτηρίου сие священник на wəhiqtir hakkōhēn ʔōtām καὶ ἐπιθήσει αὐτὸ ὁ жертвеннике в жер- hammizbēḥāḥ ʿal ʔiššê ἱερεὺς ἐπὶ τὸ тву Господу; и так yhwḥ(ʔādōnāy) wəkipper θυσιαστήριον ἐπὶ τὸ очистит его священ- ʿālāyw hakkōhēn ʿal- όλοκαύτωμα κυρίου ник от греха, кото- ḥatṭāʔtō ʔāšer-ḥatṭāʔ καὶ ἐξιλάσεται περὶ рым он согрешил, и wənislah lô p αὐτοῦ ὁ ἱερεὺς περὶ прощено будет ему.

τῆς ἁμαρτίας ἧς ἥμαρτεν καὶ ἀφεθήσεται αὐτῷ

όλοκαύτωμα = kālil τότε εὐδοκήσεις θυσίαν тогда благоудны Пс. 50/51:19. δικαιοσύνης ἀναφοράν будут Тебе жертвы ʔāz taḥrōš zibḥē-šedeq καὶ όλοκαυτώματα τότε правды, возношение ʿōlāḥ wəḵālil ʔāz yaʿalū ἀνοίσουσιν ἐπὶ τὸ и всесожжение; тог- ʿal-mizbahāḳā pārim θυσιαστήριόν σου да возложат на μόσχους алтарь Твой тельцов

В большинстве случаев όλοκαύτωμα и όλοκαύτως передают древнееврейское слово ʿōlāḥ. Большинство этимологов сходятся на том, что данное существительное можно рассматривать как deverbative от глагола – “подниматься, восходить”, то есть ʿōlāḥ – это та жертва, которая возносится на алтарь, а следовательно, метафорически, на небеса (Brown, Driver, Briggs 1907: 750–751). Однако греческое όλοκαύτωμα/ όλοκαύτως не является буквальным переводом еврейского ʿōlāḥ. Возможно, όλοκαύτωμα/ όλοκαύτως – специальный термин, приспособленный переводчиками LXX для передачи ʿōlāḥ на основании сведений о том, что жертва сжигалась целиком. В ряде случаев όλοκαύτωμα/ όλοκαύτως передает еврейское слово ʔiššê – “целиком или частично сжигаемая жертва”

(Harrison 1980:172), в особенности – жертвоприношение первых плодов. Этимология ʾiṣṣê связана, вероятно, со словом ʾēš, “огонь”. В тех местах, где ʾiṣṣê переводится как ὀλοκαύτωμα, переводчики, скорее всего, хотят подчеркнуть, что жертва сжигается полностью (Лев. 4:35, 5:12, 23:8, Исх. 30:20).

Самым интересным, на наш взгляд, является употребление слова ὀλοκαύτωμα в 21 стихе знаменитого 50-го (51-го) псалма; в этом стихе так переводится еврейское kâlîl “полностью сжигаемая жертва”, от слова kôl “весь, целый”. Собственно говоря, в МТ ʿôlā^h wəḳâlîl может рассматриваться как гендиадис. Перевод LXX здесь является более буквальным и более точно соответствует еврейскому оригиналу. Примечательно также, что в этом стихе ʿôlā^h, обычно переводимое как ὀλοκαύτωμα, передано словом ἀναφορά “возношение” (от глагола ἀναφέρω “поднимать, возносить”), что также более точно соотносится с текстом оригинала. Отметим, что слово ἀναφορά в LXX встречается всего лишь два раза (кроме 50-го (51-го) псалма слово еще употреблено в Чис. 4:19). Следует, кроме того, обратить внимание на Лев. 6:16, где kâlîl переводится прилагательным ὀλοκαυτός (в остальных случаях, когда речь идет о жертвоприношении, переводчики предпочитают употреблять местоимение ὅλος или πᾶς, даже когда слово используется как terminus technicus для обозначения жертвы): καὶ πᾶσα θυσία ἱερέως ὀλόκαυτος ἔσται καὶ οὐ βρωθήσεται (“И всякая жертва [от] священника будет все-сожигаема, а не съедаема”).

Из всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод: термин ὀλοκαύτωμα/ὀλοκαύτως в большинстве случаев не является буквальным переводом древнееврейского слова, но сложная основа ὀλοκαυт-, встречающаяся в текстах античных авторов, была приспособлена Семьюдесятью Толковниками для обозначения жертвы всеожжения, и поэтому можно говорить о том, что представление о LXX как о буквалистском переводе не совсем верно.

Издания текстов:

- Biblia Hebraica Stuttgartensia. Stuttgart, 1990.
 Septuaginta, id est Vetus Testamentum Graeciae LXX interpres / ed.
 A. Ralfs, Stuttgart, 1971.
 Xenophon. Expeditio Cyri / ed. E. C. Marchant. Oxford, 1910.
 Xenophon. Institutio Cyri / ed. E. C. Marchant. Oxford, 1910.

Литература

- Латышев 1897–1899. – В. В. Латышев. Очерк греческих древностей. СПб.
 Лопухин 1903–1913. – Толковая Библия или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Заветов А. П. Лопухина. СПб.
 Brown, Driver, Briggs 1907 – F. Brown, S. R. Driver, Ch. Briggs. Hebrew and English Lexicon of the Old Testament. Oxford.
 Harrison 1980 –R. Harrison et al. The Theological Wordbook of the Old Testament. Chicago.
 Kidner 1951 – F. D. Kidner. Sacrifice in the OT. London.

Summary

This article analyzes the origin of the term ‘whole-burnt offering’ (or holocaust) in the Greek Bible. The Greek stem *όλοκαυτ-* is one of the most frequently used in the Septuagint (LXX), where it is used 291 times (including deuterocanonical books of the Old Testament). There are two words with this stem in the Greek language – *όλοκαύτωμα* and *όλοκαύτωσις*. In the ancient Greek literature this stem first appears in Xenophon’s “Anabasis” (7.8.4-5). The burnt offering was a bloody victim. It is discussed in detail in the first chapter of *Leviticus*. It could have been cattle or bird sacrifice. Usually the Greek term is a translation of the Hebrew word *‘ōlāḥ* (from the verb, “to ascend”) and sometimes of the word *ʾiššê* (from the noun *ʾēš*, “fire”), though these are non-literal translations of the Hebrew terms. Only once LXX translates Hebrew *kālil* as *όλοκαύτωμα* in the Psalm 50/51:19.

P. Kocharov

THE ETYMOLOGY OF ARMENIAN *gelardn* 'SPEAR'¹

Резюме: Статья посвящена происхождению др.-арм. *gelardn* 'копье', которое до сих пор не имеет надежной этимологии. Предлагается возводить *gelardn* к и.-е. **welH-wr̥-ti-* — деривату гетероклитической основы от корня **welH-* 'бить', ср. хетт. *wal̥zi* 'бить', лат. *vellō* 'ощипывать; разрушать' и т. д. Аналогичная морфологическая структура засвидетельствована в др.-арм. *neard* 'жила' из **sneh₁-wr̥-ti-* ← **sneh₁-wr̥-/-wen-*, ср. др.-инд. *snāvan-*, мл. авест. *snāvarə*, др.-гр. *νεῦρον*, лат. *nervus*. В статье затрагиваются проблемы отражения в древнеармянском индоевропейской группы фонем **-Hwr̥-* и гетероклитических основ на **-wr̥-/-wen-*.

Ключевые слова: древнеармянский язык, древнеармянская этимология, индоевропейские гетероклитические основы, композиты.

Arm. *gelardn* 'spear' has not so far received a satisfactory etymological explanation. The word is amply attested in Classical Armenian; in the Bible, it renders a variety of Greek designations of spear such as *δόρυ* [VT, Sam. I, 26: 7], *λόγχη* [VT, Esr. II, 4: 16], and *σειρομάσσης* [VT, Num., 25: 7], see [NHB I: 535-536]. Nevertheless, this word is not mentioned in standard handbooks on Armenian etymology such as [Hübschmann 1897], [Solta 1960], [Olsen 1999], and [Martirosyan 2010]. However, it

* Статья написана в рамках проекта «Древние индоевропейские тексты», выполняемого по Программе ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации», направление V «Лингвистические аспекты исследования текста».

¹ The etymology considered in the present article was inspired by the discussion of Arm. *leaṙn* 'mountain' following a talk on the etymology of Gk. *λάας* held by Alexander Nikolaev at the Institute of Linguistic Studies (November, 2009). I would like to thank Prof. Leonard Herzenberg, Sergei Ivanov, Prof. Nikolai Kazansky, Hrach Martirosyan, Alexander Nikolaev, and Andrei Shatskov for many valuable comments and suggestions on the first drafts of the paper. All the responsibility for the actual content of the paper is mine.

is mentioned in [HAB I: 533]; as to the etymology of *gelardn*, H. Ačāryan references to [NHB loc. sit.], where it is considered to be a compound of *gelec’ik* ‘beautiful’ or *gelič’* ‘wringing’ and *ardn* ‘lance’, and to [Hiwnk’earpēyēntean 1894], where it is derived from a combination of Pers. *gelan* ‘big, thick’ and *ardn*. Although Ačāryan does not express his opinion explicitly, he seems to support the etymological connection between synonymous *gelardn* and *ardn*, see also [HAB I: 310]. In the present article, I shall consider the above-mentioned etymological solutions and provide arguments for a new one.

The noun in question is attested as an *n*-stem in the early Classical Armenian texts and as a consonant stem *gelard* in some later texts, e.g. in Movsēs Kałankatuac’i’s *Patmut’iwn Ałuanic’ Ašxarhi*, II, 11: *Ew afeal gelard i jeřn...* “And, having taken a spear in hand...” It is once attested in the form *geleardn* in Ephrem’s *Meknowt’iwn Awetarani hamarbar* (Venice, 1836; apud. [HAB I: 533]). The *n*-stem oscillates between the two inflectional types — the *jukn*-type (gen. sg. *-an*, nom. pl. *-unk’*, gen. pl. *-anc’*) and the *stin*-type (gen. sg. *-ean*, gen. pl. *-eanc’*), see [NHB loc. sit.]. The *n*-stem declension is beyond doubt relatively recent with this word: it must have developed according to the pattern of other secondary *n*-stems like *ehungn* ‘nail’ (gen. sg. *-an*, nom. pl. *-unk’*), *steln* ‘branch’ (gen. sg. *-an*, nom. pl. *-unk’*), etc. This secondary *-n* should come analogically from neuter nom.-acc. **-n*, e.g. *tasn* ‘ten’ < **deķ-n* ‘id.’ [Meillet 1936: 56], [Viredaz 2001-2002], even in the case of inherited heteroclitic stems like *leařn* ‘mountain’, against [Olsen 1999: 122], where *-řn* is considered as the contamination of nom.-acc. sg. **-r* and oblique **-n*. The *n*-stem of *gelardn* may be due to the analogy with *ardn*.

Given the proposed etymologies of *gelardn*, I shall start with some remarks on Arm. *ardn* ‘lance’ (nom. pl. *-unk’*, gen. pl. *-eanc’*). In the Bible, the word renders Greek ἄρδις, δόρυ, and λόγχη and, as such, almost completely overlaps semantically with *gelardn*; in [VT, Job, 41: 18], *ardunk’* and *gelardunk’* are the reading variants that translate Gk. λόγχοι, see [Cox 2006: 264].

As a second member of a compound, *-ardn* is only attested in *erkardeay* ‘double-edged lance’ in the 5th c. (?) text —

Patmut'iwn Atek'sandri Makedonac'woy (Venice, 1842; apud. [HAB I: 310]). No safe etymology has been proposed for Arm. *ardn* so far, see [HAB loc. sit.], [Ałayan 1974: 31-34], and [Ĵahukyan 1987: 158] in the first place.

From my point of view, the comparison of *gel-* with a derivative from the verb *gelum* 'to wring', be it an agent noun *gelič* (as in *NHB*) or a participle, is the most reasonable of the proposals mentioned in *HAB*. Still, the semantic side of this etymology is not entirely convincing if we interpret *gel-ardn* as a compound 'the wrung/wringing lance' along with *ardn* 'lance'. In this connection, I would like to propose yet another etymological solution and consider *gelardn* as a continuant of a simplex, not a compound.

In my opinion, the inherited morphology of *gelardn* is comparable to that of *leard* 'liver' (gen. sg. *lerdi*) and *neard* 'sinew' (gen. sg. *nerdi*). While *leard* is most plausibly derived from PIE **(H)yek^w-r̥-ti-* (Ved. *yákr̥t*, gen. sg. *yaknáḥ*) ← PIE **(H)yek^w-r̥-/-en-* (see [Wodtko et al. 2008: 392-395] for an account of the proposed reconstructions), *neard* comes from **sneh₁-wr̥-ti-* ← PIE **sneh₁-wr̥-/-wen-*, cf. Ved. *snāvan-*, YAv. *snāvarə*, Gk. *νεῦρον*, Lat. *nervus* 'sinew' (see [Martirosyan 2010, s. v.] with references). In the same way, *gelardn* may be derived from **welH-wr̥-ti-*, a derivative of heteroclitic **welH-wr̥-/-wen-*. The root **welH-* may be further compared to Hitt. *walḫzi* 'to hit', Toch. A *wällästar* 'dies', Lat. *vellō* 'I pull out', etc., see [LIV²: 679] and [Kloekhorst 2008: 945-946], where the PIE **welh₃-* 'to hit' is reconstructed.

Both *neard* and *leard* are **-ti-* derivatives from the nominative case of inherited heteroclitic stems. It is difficult to decide whether **-ti-* is original or an inherited **-t-* stem that turned into the Armenian *i*-declination, see [Clackson 1994: 55-56]. In the case of *leard*, the latter scenario is supported by Ved. *yákr̥t*. Furthermore, we may recall the secondary *t*-stems derived from *n-* and *r/n-*stems in Greek, see [Sihler 1995, § 293] and, from a larger Indo-European perspective, noun stems extended with a *-t-* in Hitt. *išpan-t-* 'night' (besides Ved. *ksáp-'id.*'), whereas a *-t-* looks like a deverbal suffix of *nomen instrumenti* in Hitt. *šaš-t* 'bed' (next to *šeš-* 'sleep'). Still, there

are too few decisive morphological correspondences to establish *t*-stems as a type for Proto-Armenian.

Another solution is to reconstruct a pure **-ti-* stem for the above-mentioned Armenian words. This accords with the pattern of substantivization of an underlying **-to-* adjective discussed in [Nussbaum 2004]: PIE **keh₃-* 'sharpen' (Ved. *śísāti* 'id.') → **koh₃-t-* 'the sharpening one' (Lat. *cōs* 'whetstone') → **kh₃-tó-* 'sharp' (Ved. *śítá-* 'sharp', Lat. *catus* 'shrill') → **koh₃-ti-* / **keh₃-ti-* 'the sharp one' (Lat. *cōtēs* 'reefs'). The morphological and semantic aspects of the etymology of *gelardn* may be supported by such examples as Av. *tīyra-* 'sharp' → *tīyri-* 'arrow' and Gk. *ἄκρος* 'topmost' → *ἄκρις* 'peak'. Another parallel is the insightful etymology of Gmc. **swerða-* 'sword' from **s(h_{2/3})w-er-t-ó-* 'sharp' proposed by A. Nikolaev [Nikolaev 2009]. Without immediately accepting the hypothesis of the delocative origin of *r/n*-stems (**sēh_{2/3}u-* 'sharpness' → delocative derivative **s(h_{2/3})w-er-t-* 'that which is in/of sharpness' → **s(h_{2/3})w-er-t-ó-* 'sharp'), I assume that both designations of weapons may ultimately come from similar Indo-European morphological structures. Unlike **per-wṛ₁-to-* 'rocky' (Ved. *párvata-*, YAv. *pauruuatā-* 'id.') from **per-wṛ₁-/-un-* 'rock', **s(h_{2/3})wer-to-* is a derivative from the *r*-stem just like Arm. *leard*, *neard*, and *gelard*.

Thus, it seems plausible to reconstruct the following derivational chain: **welH-* 'to strike, overturn' → neuter abstract noun **welH-wṛ₁-/-wen-* 'strike' (heteroclitics often denoted *inanimate entities capable of performing an action* like 'fire', 'water', and 'sun' as well as *abstract notions of action*) → adjective **welH-wṛ₁-tó-* 'striking' → substantivized adjective **welH-wṛ₁-tí-* 'the striking one' > 'spear'.

The development of PIE **-wṛ₁-* is troublesome in Armenian. The most straightforward examples are *aliwr/alewr* 'flour' < **alēwr* < PIE **h₂léh₁-wṛ₁* (Gk. *ἄλευρον*, *ἄλεαρ* '(wheat) flour')² and *atbiwr* 'fountain' < **arbēwr* < PIE **b^hréh₁-wṛ₁* (Gk.

² N. Kazansky [Kazansky 2001: 118] evokes Gk. *ἄχρι* and *μέχρι* 'up to' along with Arm. *merj* 'near' from PIE **meg^hr-* as a possible parallel to Gk. *ἄλευρον* and Myc. *me-re-u-ro*; if the two latter words belong

φρέαρ), see [Martirosyan 2010, s. vv.]. The coherent evidence of *neard* < **nēar-ti-*, *leard* < **lēar-ti-*, and *gelard* < **welar-ti-* shall be correlated with the accent shift to a *-*ti-* suffix from the root. Here may also belong Arm. *leaṙn* ‘mountain’ < **lēar-nó-* if from PIE **lēh₂-wr̥-no-* (Gk. *λαῖαζ*, see [Nikolaev 2010] for this etymological solution). Still, the behavior of *-*w-* in such double outcome of *-*H-wr̥-* is enigmatic, see [Kortlandt 1993]. Arm. *hur* ‘fire’, gen. sg. *hroy* < **pūro-* < PIE **ph₂-ur-/-un-* (Gk. *πῦρ*, ON *furr* ‘fire’; Arm. *hnoc* ‘oven’ from oblique *n-*stem) < PIE **peh₂-wr̥-/-wen-* (Hitt. *paḥhur*; see [Wodtko et al. 2008: 540-545]), shall be due to the root zero-grade and laryngeal metathesis that occurred with this word in some of the Indo-European languages. In view of the etymology of Arm. *hur*, it is tempting to postulate analogical reconstruction for Arm. *sur* ‘sword, dagger’ (gen. sg. *sroy*) < **sūro-* < PIE **k_h3-ur-/-un-* (against [Olsen 1999: 55] and [Nussbaum 2004: 1]). Arm. *oloṙn* ‘drop’ and *olor* ‘twisting’ are hard to explain as derivatives from PIE **k^w!h₁-wr̥-* [Olsen 1999: 139] on formal grounds, see [Martirosyan 2010, s. v.].

In view of the heteroclitic stem underlying *gelardn*, it is tempting to draw Gk. *εἶλαρ* ‘protection; fence of canes’ (e.g. [Od. 5: 257]) < **ḗλαρ-* to the comparison. Although, the conversive semantic shift from ‘to hit’ to ‘to repel, protect’ presumably bound to the middle voice connotations of the underlying verbal root **welH-* may well appear to be a phantom. A semantic parallel, still, would be cognates Arm. *slak* ‘spear, dagger, arrow’ and MPers. *swl’ck* ‘grill’ from **kúHlos* [Mallory, Adams 2006: 245].

According to the proposed etymology, the Armenian word for ‘spear’ is a substantivized epithet — ‘the striking one’. The archaic morphology of **welH-wr̥-t(i)-* makes this designation of spear a suspect for the Indo-European lexicon.

Bibliography

together and are cognates to Lat. *molō* ‘to grind’, Arm. *aliwr* is not related to them. Still, the similarity of between Greek and Armenian, both formal and semantic, is hardly by chance [DELG I: 59].

- Ałayan, E. B. 1974. *Bařaknnakan ew stugabanakan hetazotu'yunner*. Erevan.
- Clackson, James. 1994. *The Linguistic Relationship between Armenian and Greek*. Oxford: Blackwell.
- Cox, Claude E. *Armenian Job: Reconstructed Greek Text, Critical Edition of the Armenian with English Translation*. Leuven, Paris, Duple, MA: Peeters.
- DELG = Chantraine, Pierre. 1968-1980. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Heidelberg, Paris.
- HAB = Acařyan, Hraç'ya Hakobi. 1971-1979. *Hayerēn armatakan bařaran*. 2nd ed., 4 vols. Yerevan (1st ed., 8 vols. Erevan, 1926-1936).
- Hiwnk'earpēyēntean, J. 1894. *Stugabanakan bařaran*. Polis.
- Hübschmann, Henrich. 1895-1897. *Armenische Grammatik. I Teil: Armenische Etymologie*. Leipzig: Breitkopf & Härtel.
- Ĵahukyan, G. B. 1987. *Hayoc' lezvi patmut'yun: naxagrayin žamanakašřjan*. Yerevan.
- Kazansky, Nikolai N. 2001. PIE *megh-. *Zeitschrift für celtische Philologie* 52, 118-120.
- Kloekhorst, Alwin. 2008. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden, Boston: Brill.
- Kortlandt, Frederik. 1993. Intervocalic *-w- in Armenian. *Annual of Armenian Linguistics* 14, 9-13.
- LIV² = Rix, Helmut et al., eds. 2001. *Lexicon der indogermanischen Verben*. 2nd ed. Wiesbaden: Reichert Verlag.
- Mallory, J.P., D.G. Adams. 2006. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford University Press.
- Martirosyan, Hrach. 2010. *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden, Boston: Brill.
- Meillet, Antoine. 1936. *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*. Vienne.
- NHB = Awetik'ean G., X. Siwrmēlean, and M. Awgerean. 1836-1837. *Nor bařgirk' haykazean lezui*. 2 vols. Venice: St Lazar (reprinted Yerevan: University Press 1979-1981).
- Nikolaev, Alexander. 2010. Time to gather stones together: Greek *λάσ* and its Indo-European background. *Proceedings of the 21st Annual UCLA Indo-European Conference* / edited by C. Melchert, B. Vine, and S. Jamison. Bremen: Ute Hempen Verlag.
- . 2009. The Germanic word for 'sword' and delocalizational derivation in Proto-Indo-European. *The Journal of Indo-European Studies* 37, 3/4: 462-488.
- Nussbaum, Alan. 2004. A -t- Party: Various IE Nominal Stems in *(o/e)t-. Sixteenth Annual UCLA Indo-European Conference; November 5-6, 2004. Handout.
- Olsen, B. A. *The Noun in Biblical Armenian: Origin and Word-Formation: With Special Emphasis on the Indo-European Heritage*.

-
- Berlin, New York: Mouton de Gruyter (Trends in linguistics. Studies and monographs 119).
- Sihler, Andrew. 1995. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. Oxford University Press.
- Solta, George R. *Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen: eine Untersuchung der indogermanischen Bestandteile des armenischen Wortschatzes*. Wien: Mechitharisten. (Studien zur armenischen Geschichte 9).
- Viredaz, Rémy. 2001-2002. Sur le traitement arménien des sonantes voyelles. *Slovo* 26-27 (Actes du 6e CILA, 5-9 juillet 1999, Inalco): 24-36.
- Wodtko, Dagmar S., Britta Inslar, and Carolin Schneider. 2008. *Nomina im Indogermanischen Lexicon*. Heidelberg: Winter.

М. Н. Крючков

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЕ СЖАТИЕ ЗАВИСИМЫХ УСЛОВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Резюме: В статье рассматривается одно предложение из восьмой книги писем Цицерона к Аттику (Att. VIII 8, 4), во второй части которого, оформленной как условное сложноподчиненное предложение, автор выявляет семантико-синтаксическое сжатие.

Ключевые слова: латинский язык, синтаксис, зависимые условные конструкции, семантико-синтаксическое сжатие

Обычно выделяется два типа зависимости условных конструкций: в первом случае главная часть зависит от глагола, который преобразует ее в *accusativus cum infinitivo* (*putat, si hoc dicas, te errare*), во втором – главная часть становится в зависимость от союза, управляющего сослагательным наклонением (*non dubitat quin, si hoc dicas, erres*). В данной работе мы ограничимся первой возможностью.

Типичной следует считать ситуацию, когда в структуре такого синтаксического целого мы можем выделить три элемента: вершину (финитную или нефинитную глагольную форму) и зависимое, т.е. условный период, состоящий из главной части (ГЧ) и зависимой части (ЗЧ).

Например, в предложении *Cum mihi per legem Cinciam licere capere Cincius amicus tuus diceret, libenter dixi me accepturum, si attulisset* (Att. I 20, 7) такой вершиной будет *dixi*, а зависимым – *me accepturum, si attulisset*, в котором легко вычлняются ГЧ и ЗЧ: *me accepturum* и *si attulisset* соответственно.

Однако встречаются такие синтаксические образования, в которых вычлнить эти три элемента не представляется возможным без развертывания структуры данных образований. Рассмотрим одно место из восьмой книги писем Цицерона к Аттику.

Sic enim existimat [Pompeius], si ille [Caesar] vel dimisso exercitu consul factus sit, σύγχυσιν τῆς πολιτείας fore... sin

autem ille fureret, vehementer hominem contemnebat et suis et rei publicae copiis confidebat. (Att. VIII 8, 4)

Приведенный пример содержит в себе косвенную речь. Цицерон пишет Аттику о встрече с Помпеем и передает мнение последнего относительно возможного примирения с Цезарем.

В первой части этого предложения (*sic enim existimat... fore*) перед нами типичная зависимая условная конструкция (УК), вершиной которой является глагольная форма *existimat*. Эта УК оформлена как сложноподчиненное предложение, в котором ЗЧ, выражающая некоторое условие, предшествует ГЧ, выражающей следствие реализации этого условия. Налицо семантическая связь между пропозициями, выраженными в ЗЧ и ГЧ.

Вторая часть (*sin fureret...confidebat*) анализируемого пассажа также оформлена как условное сложноподчиненное предложение. Сказуемое его ЗЧ стоит в форме *imp. conj.* (*fureret*). Положение дел, выраженное в ЗЧ, локализовано в плане будущего, что явствует из контекста. Отсюда следует, что ЗЧ данного предложения является частью зависимой УК, так как глагольные формы, стоящие в форме *imp. conj.* и употребляющиеся для описания ситуаций в будущем, не могут использоваться в ЗЧ независимых УК. Положение дел, выраженное в ГЧ, локализовано в плане прошлого и при этом является фактивным, на что указывают форма *imp. ind.* однородных сказуемых (*contemnebat, confidebat*). Кроме того, ГЧ оформлена как независимое предложение и, следовательно, должна являться частью независимой УК. Таким образом, анализируемая УК не удовлетворяет некоторым признакам стандартной УК. Во-первых, условие, выраженное в ЗЧ, отнесено к плану будущего, в то время как следствие, выраженное в ГЧ, – к плану прошлого, что противоречит традиционным представлениям о сопутствии условия и следствия (Храковский 1998: 35). Во-вторых, условие нефактивно, а следствие фактивно, что также противоречит общепринятому положению о нефактивности обеих пропозиций УК (Храковский 1998: 17). В-третьих, имеет место анаколуф: ЗЧ оформлена как часть зависимой УК, а ГЧ – как часть независимой УК. Отсюда следует, что в рассматриваемой УК (*sin fureret...*

confidebat) положение дел, отображенное в ЗЧ, не является условием ситуации, представленной в ГЧ. И действительно, высказывание, соответствующее ЗЧ, принадлежит Помпею, потому что ЗЧ, как мы помним, оформлена как часть зависимой УК, а все зависимые предложения рассматриваемого пассажа (*sic enim existimat... confidebat*) представляют собой косвенную речь. Высказывание же, отображенное в ГЧ (*vehementer... confidebat*), – это речь уже самого Цицерона, описывающая, какое следствие Помпей связывал с выдвинутым им же условием, описывающая, но не передающая в точности.

Учитывая все приведенные выше соображения, мы вправе констатировать наличие семантико-синтаксического сжатия во второй части (*sin fureret... confidebat*) анализируемого пассажа. Так как глаголы *contemnere* и *confidere* являются перформативами, мы можем развернуть структуру ГЧ следующим образом: *contemnebat* = *dicebat* + асс. *cum inf.*, выражающий такое положение дел, из которого явствует, что Помпей весьма невысокого мнения относительно умения Цезаря вести войну, а *confidebat* = *dicebat* + асс. *cum inf.*, выражающий такое положение дел, из которого явствует, что Помпей очень высокого мнения относительно боевых качеств своего и республиканского войск. Такое прочтение позволяет свести структуру рассматриваемой УК к структуре, типичной для всех зависимых УК: ЗЧ, выражающая определенное условие, и ГЧ в виде двух асс. *cum inf.*, выражающих соответствующее этому условию следствие, образуют зависимую УК, вершиной для которой является глагол *dicendi*.

Литература

Храковский В. С. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология)// Храковский В. С. (ред.). Типология условных конструкций (семантика, исчисление, типология). СПб., 1998.

Summary

The article deals with a phenomenon of semantic-syntactic compression in the dependent conditional clauses in Latin. In a typical situation the head is the verb and the dependent is the conditional clause. But sometimes it is difficult to demarcate the head-verb from the dependent conditional clause. In this case we have to suppose the semantic-syntactic compression of the head and dependent. To demarcate them we should modify the structure of the whole syntactic group.

А. Е. Кузнецов

**САТУРНОВ СТИХ И ГРЕЧЕСКИЙ ГЕКСАМЕТР:
СТРУКТУРНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ**

Резюме. В докладе рассматриваются сатурновы стихи «Одиссеи» Ливия Андроника, которые наследуют колометрическую структуру оригинала. Признаком такого соответствия является расположение в сопоставимых позициях на колометрических границах стиха слов-эквивалентов, которые оказываются и ключевыми словами высказывания. В некоторых случаях переводчик изменяя стих, сохранял эти опорные слова. Представляется вероятным, что Ливий сознательно учитывал колометрию гомеровского гекзаметра и связанные с ней модели анжамбемана. Благодаря этому, переводчик мог выделить наиболее удобные для передачи целым сатурновым стихом сегменты гекзаметра (например, буколический колон). В статье обсуждаются фрагменты: α 1 = Livius fr. 1 Blänsdorf; δ 52-53 = fr. 6; β 317 = fr. 9; γ 110 = fr. 10; δ 557 = fr. 13; ζ 142 = fr. 14; κ 395 = fr. 25.

Ключевые слова: сатурнов стих, Андроник, Гомер.

Настоящая работа посвящена выявлению метрических соответствий между сатурновым стихом «Одиссеи» Ливия Андроника и дактилическим гекзаметром¹.

Один из стихов «Одиссеи», который надежно распознается в переводе Ливия Андроника, δ 557 = fr. 13 FPL³, является частью сложно построенного периода с искусным сдвигом синтаксических границ относительно границ стиха²:

¹ Поэтика «Одиссеи» Ливия Андроника и его переводческий метод были предметом нескольких исследований и комментариев: Mariotti 1986; Goldberg 1993; Buechner 1979; Goldberg 1995; Albrecht 1999. Фрагменты Ливия Андроника цитируются по изд. *Fragmenta Poetarum Latinorum Epicorum et Lyricorum praeter Ennium et Lucilium*. Post W. Morel novis curis adhibitis edidit C. Buechner. Editionem tertiam curavit J. Blänsdorf. Stutgardiae et Lipsiae, 1995. Скобки [] показывают границы метрических колонов.

² Из относительно новых работ, исследующих анжамбеман у Гомера, укажем: Kirk 1976; Clayman & Nortwick 1977; Higbie 1990; Dukat 1991; Clark 1997.

- 556 [τὸν δ' ἴδον ἐν νήσῳ] [θαλερὸν κατὰ δάκρυ χέοντα]
 557 [νύμφης ἐν μεγάροισι Καλυψοῦς] [ἥ μιν ἀνάγκη]
 558 [ἴσχει ὁ δ' οὐ δύναται] [ἦν πατρίδα γαῖαν ἰκέσθαι]

Для нашего вопроса важно последовательное размещение ключевых слов на колометрических границах. Необходимо заметить положение τὸν — θαλερὸν — χέοντα по краям полустигий. Таким же образом в следующем стихе с буколической диерезой располагаются слова νύμφης — Καλυψοῦς, которые обрамляют выражение ἐν μεγάροισι. В свою очередь эта предложная конструкция занимает такое же метрическое положение, как ἐν νήσῳ в предшествующем стихе. Далее, ἴσχει созвучно ἰκέσθαι, причем оба слова противопоставлены по смыслу. Само ἰκέσθαι синтаксически зависит от δύναται. Неслучайным следует признать и созвучие ἥ μιν — ἦν.

Эта структура, в особенности *double-rejet* после буколической диерезы 557/558³, должна была представлять значительные трудности для Ливия, который не мог располагать столь совершенной поэтической техникой.

Fr.13 [apud nympham Atlantis] [filiam Calypsōnem]

Сохранившаяся строка сатурнова перевода примечательна в двух отношениях. Переводчик удалил ἐν μεγάροισι, и изменил синтаксическую конструкцию всего периода: *apud nympham* указывает на то, что ἥ μιν ἴσχει не могло быть передано активным глаголом. Однако эти перемены не были мотивированы необходимостью сократить оригинал. Переводчик добавил отсутствующий у Гомера патроним *Atlantis filiam* (типичный прием Ливия – Mariotti 1986: 33; Albrecht 1999: 36, 56). В результате сатурнов стих передает первое полустигийе δ 557 (до буколической диерезы). В переводе слова *apud nympham* — *Calypsōnem* занимают такое же положение относительно границ стиха, как в оригинале νύμφης — Καλυψοῦς относительно границ колона. Несмот-

³ Важность буколической диерезы неоднократно подчеркивалась исследователями гомеровского гекзаметра, см., в частности работу Кларка, который называет структуры, подобные δ 557, 'bucolic anticipation' (Clark 1997: 107 sqq.); см. также Higbie 1990: 111 sqq.

ря на незначительный объем фрагментов сатурновой «Одиссеи», этот пример не уникален.

Fr. 1 [virum mihi Camēna] [insece versūtum]

α 1 [ἄνδρα μοι ἔννεπε Μοῦσα πολύτροπον] [ὅς μάλα πολλά]

Сатурнов стих передает буколический колон, при этом сохранены позиции крайних слов ἄνδρα — πολύτροπον. Кроме этого переводчику удалось разместить Camēna в конце полустушия, то есть в позиции, структурно соответствующей положению греческого Μοῦσα (место пятиполовиной цезуры⁴). Компоновка первого полустушия потребовала перемещения глагола ἔννεπε insece во второй колон.

Аналогичное перемещение наблюдается и в другом фрагменте

Fr. 14 [utrum genua amplotēns] [virginem ōrārēt]

ζ 142 [ἢ γούνων λίσσοιτο λαβῶν] [εὐώπιδα κούρη]

Здесь первое полустушие сатурнова стиха воспроизводит семиполовинный колон ἢ utrum — λαβῶν amplotēns. Приемлемая длина первого полустушия достигается перемещением λίσσοιτο ōrārēt во второе полустушие, ради чего переводчик жертвует эпитетом εὐώπιδα.

Fr. 25 опирается на буколическое деление. Второе полустушие точно воспроизводит последние два метра гекзаметра, но первое полустушие сокращено за счет νεώτεροι, в результате чего смысл изменился, но гекзаметр переведен одним сатурновым стихом.

Fr. 25 [topper facit hominēs] [ut prius fuērunt]

κ 395 [ἄνδρες δ' αἴψ' ἐγένοντο νεώτεροι] [ἢ πάρος ἦσαν]

Несколько иной случай представляют стихи

Fr. 10 [ibīdemque vir summus] [adp̄rimus Pātrōclus]

γ 110 [ἔνθα δὲ Πάτροκλος] [θεόφιν μῆστωρ ἀτάλαντος]

Сатурнов стих передает относительно короткий пятиполовинный колон. Ливий сохранил позиции крайних слов ἔνθα δὲ ibīdemque — Πάτροκλος Patroclus. У Гомера γ 110 входит в анафорическую систему, где ἔνθα начинает стихи (исключая анжамбеман γ 108 и повторение в γ 109, текст

⁴ Пятиполовинный колон был воспроизведен Горацием с изменением порядка слов Ars 141: [dic mihi Musa, virum] [captae post tempora Troiae].

цитируется далее). В корпусе латинских текстов мы не знаем примеров, в которых *ibidem* было бы опорным словом анафорической системы⁵, поэтому можно предположить, что анафорическая структура периода не была сохранена переводчиком. Что касается второго полустишия γ 110, то после классической статьи Карла Бюхнера fr. 10 Ливия Андроника считается образцом изменения, внесенного в перевод по идеологическим соображениям (Vueschner 1979: 45). Бюхнер полагал, что 'богоподобие' было заменено переводчиком на прямо и недвусмысленно выраженную идею социального превосходства⁶. Эта гипотеза должна быть уточнена, поскольку влияние социальных мотивов на перевод этого места кажется преувеличенным. Важно определить место латинского и греческого эпитетов в структуре стиха. Анафорическое построение гомеровского текста требует, что каждому герою посвящен не менее, чем один целый стих. Формула *ἄριστος ἀτάλαντος* заполняет необходимое пространство стиха γ 110.

107 ἦδ' ὅσα καὶ περὶ ἄστυ μέγα πριάμοιο ἄνακτος
 108 μαρνάμεθ'. ἔνθα δ' ἔπειτα κατέκταδεν ὄσσοι ἄριστοι,
 109 ἔνθα μὲν αἴας κείται Ἀρήϊός ἔνθα δ' Ἀχιλλεύς,
 110 ἔνθα δὲ Πάτροκλος θεόφιν μῆστωρ ἀτάλαντος,
 111 ἔνθα δ' ἐμὸς φίλος υἱὸς ἅμα κρατερός καὶ ἀταρβής
 112 Ἀντίλοχος περὶ μὲν θεῖναι ταχύς ἠδὲ μαχητής ...

В латинском переводе пустота возникает из-за раздвижения первого полустишия оригинала. Таким образом, *vir summus adprimus* является метрически мотивированной

⁵ Кроме обсуждаемого фрагмента, редкое *ibidemque* встречается у Плавта *Capt.* 872–874: ... nam filium | tuum modo in portu Philopolemum vivum, salvum et sospitem | vidi in publica celoce, *ibidemque* illum adulescentulum. Это место подтверждает, что у Ливия *ibidemque* было включено в бинарную конструкцию 'там — и там же', а не в списочную анафорическую структуру как у Гомера.

⁶ Комментаторы, писавшие после Бюхнера, высказывались с большей решительностью: "Here the collision between social codes is the obvious reason for a considerable deviation from the model" (Albrecht 1999: 39); ср. Goldberg 1995: 69.

вставкой, очень похожей на *Atlantis filiam* fr. 13. В отличие от Гомера, римский поэт не располагал готовой эпической формулой и должен был заполнять свой стих плеонастическим набором слов, очевидно, придуманным *ad hoc*. Если выражение *vir summus adpr̄imus* мотивировано текстом Гомера, то это, скорее, ὅσσοι ἄριστοι γ 108, чем θεόφιν μήστωρ ἀτάλατος⁷.

На основании этих наблюдений можно предположить, что целостность гомеровских колонов (полустигий) была для Ливия первостепенным конструктивным принципом перевода, более важным, чем точная пословная передача оригинала. Ради сохранения колометрической структуры переводчик отказывался от передачи деталей (например, ἐν μεγάροισι), но, с другой стороны, делал тавтологические вставки (*adpr̄imus*). Удаление гомеровского эпитета (fr. 14) или, напротив, появление добавочных характеристик (патронимы или *vir summus adpr̄imus*) могли быть мотивированы колометрической структурой.

Можно предположить, что, определяя сегменты текста, удобные для перевода целым сатурновым стихом, Ливий учитывал гомеровский анжамбеман, прежде всего переносы, связанные с буколической диерезой. Гекзаметры, в которых буколическая диереза сочетается с цезурой в третьем метре, например *a* 1, идеально соответствуют сатурнову стиху и по структуре, и по объему.

Ливий Андроник часто допускал решительную переработку текста. В результате для части фрагментов отношение с оригиналом не вполне прозрачно. В других случаях гомеровский источник может быть точно определен, но латинский перевод не наследует колометрическую структуру оригинала. Таков, например, весьма приблизительный перевод формулы δ 52–53 (η 172, ο 135, ρ 91), где сходство ограничивается положением λέβητος *eglutrō* в конце стиха.

⁷ Создавая хвалебную формулу, Ливий следовал римским образцам. Бюхнер указывал на *populi primarium fuisse virum* из элогия Атилия Калатина.

Fr. 6 [argenteo polūbrō] [aureō eglutrō]
 [ἡ χέριβα δ' ἀμφίπολος] [προχόω ἐπέχευε φέρουσα]
 [καλῆ χροσίῃ] [ἵπερ ἀργυρέοιο λέβητος]

Однако в ряде сложных случаев метрический колон гомеровского гексаметра распознается как опорный элемент сатурнова перевода. Ограничимся одним примером.

Fr. 9 [in Pylum dēveniē<n>s] [aut ibi<dem> ommetāns]
 β 317 [ἦε Πύλονδ' ἐλθών] [ἦ αὐτοῦ τῶδ' ἐνὶ δήμῳ]

Текст второго полустихия *aut ubi* или *aut ibi*, переданный в рукописях Феста (208 L), не соответствует смыслу оригинала. Фр. Лео связал фрагмент с другим эпизодом Одиссеи, *a* 284 sqq., предполагая, что Афина наставляет Телемаха: “Отправляйся в Пилос, но там не задерживайся”. Эта интерпретация сохраняет рукописное *dēveniēns* (исправлено Скалигером), но требует исправления <h>*aut ibi* (Leo 1905: 40)⁸. Конъектура Мариотти *ubi <sum>* (Mariotti 1950) восстанавливает ожидаемый смысл β 317; менее успешна конъектура Бюхнера *ibi<dem>* (Buechner 1979: 49). Если fr. 9 действительно является переводом β 317, то отсутствие *aut* в начале стиха будет значительным искажением: разделительное ἦε — ἦ содержательно важно в речи Телемаха. Точность, с которой Ливий передает первые слова колонов в рассмотренных выше примерах, заставляет нас вернуться к старой конъектуре <aut> *in Pylum...?*, которая имеет сильное палеографическое обоснование. Лемма Феста сформулирована: *ommentans <Livius> in Odyssea cum ait*. Восстановив *aut* в начале цитаты, получаем последовательность *ait aut*, которая легко могла быть сокращена переписчиками. Таким образом, с правкой Мариотти, которая представляется наиболее правдоподобной, fr. 9 читается

[<aut> in Pylum dēveniēns] [aut ubi <sum> ommetāns].

⁸ Чтение, принятое в первом издании *Fragmenta Poetarum Latinorum* Мореля (1927).

⁹ Принята Беренсом в изд. *Fragmenta Poetarum Romanorum* (1886), fr.9.

Литература

- Albrecht, Michael 1999. Roman epic: an interpretive introduction. Leiden.
- Buechner, Karl 1979. Livius Andronicus und die erste Künstlerische Übersetzung der europäischen Kultur // *Symbola Osloenses*. Vol. 54. S. 37–70.
- Clark, Matthew 1997. Out of line: Homeric composition beyond the hexameter. Oxford.
- Clayman, Dee Lesser & Nortwick, Thomas van 1977. Enjambement in Greek Hexameter Poetry // *Transactions of the American Philological Association*. Vol. 107. P. 85–92.
- Goldberg, Sander M. 1993. Saturnian Epic: Livius and Naevius // *Roman Epic*. Ed. A. J. Boyle. P. 19–36.
- Goldberg, Sander M. 1995. Epic in Republican Rome. Oxford.
- Higbie Carolyn 1990. Measure and Music: Enjambement and Sentence Structure in the Iliad. Oxford.
- Kirk, Geoffrey Stephen 1976. Homer and the oral tradition.
- Leo, Friedrich 1905. Der saturnische Vers. Berlin.
- Mariotti, Scaevola 1950. *Adversaria philologica* // *Studi italiani di filologia classica*. Vol. 24. P. 85–90.
- Mariotti, Scaevola 1986. Livio Andronico e la traduzione artistica. Saggio critico ed edizione dei frammenti dell' *Odyssea* [2. ed.]. Urbino, 1986.

Saturnian and Greek Hexameter: a structural parallels

The paper deals with the examples of Livius Andronicus' translation, in which a saturnian metre inherits the cola structure of its Greek prototype. This correspondence is indicated by the fact that on cola boundaries there are just the same words in both Latin and Greek verses. These words are generally the key words of the sentence. In such cases a body of an inherited colon may undergo more or less strong changes in the translation. It seems probable that Livius deliberately observed cola structures in hexameter verses as well as related enjambement patterns. Thus, Livius could effectively select the segments suitable for rendering in a single saturnian (e.g. bucolic cola). The fragments discussed in this paper are: α 1 = Livius fr. 1 Blänsdorf; δ 52-53 = fr. 6; β 317 = fr. 9; γ 110 = fr. 10; δ 557 = fr. 13; ζ 142 = fr. 14; κ 395 = fr. 25.

А. В. Лебедев

ЗАПАДНОГРЕЧЕСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПОЭМЫ И ГОМЕРОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИЛИ РАЗРЫВ?

Резюме. В статье рассматривается вопрос, почему западные греческие философы (Ксенофан, Парменид, Эмпедокл) использовали для выражения своих взглядов гекзаметрическую поэзию, при том что восточная (ионийская) философия использовала прозу.

Ключевые слова: древнегреческая философская терминология, Ксенофан, Парменид, Эмпедокл

Поскольку речь пойдет в основном об италийских философах и их отношении к эпической традиции, необходимо начать с того, как мы понимаем специфику италийской традиции. Как нам неоднократно уже приходилось указывать, «досократическая» философия – это искусственная конструкция XIX века, не имеющая ни исторического, ни теоретического смысла. Авторы древних «Преемств» были ближе к истине, когда различали две относительно независимые раннегреческие философские традиции – Ионийскую от Фалеса, и Италийскую от Пифагора. Италийская философия была создана Пифагором на принципиально иных началах как антитеза к ионийскому натурализму и ставила перед собой не конкретные научно-исследовательские цели, а мировоззренческие и жизнестроительные задачи. Представители двух традиций по-разному понимали и даже называли свою науку: ионийцы называли ее «разведыванием» (*ιστορία*), италийцы – «любомудрием» (*φιλοσοφία*). Для первых ключевым понятием было *φύσις*, для вторых *ἀλήθεια* и *ψυχή*. Космическая гармония пифагорейцев была не просто законом природы (как анаксимандров закон равной компенсации), а этико-политической парадигмой для аскетической дисциплины духа. Во всех фундаментальных проблемах философии эти две традиции противоречили одна другой и стояли на противоположных позициях. В метафизике и космологии ионийцы утверждали нату-

ралистический монизм, признававший универсальность законов природы и фактически упразднявший понятие «неба» (небесные тела состоят из земных элементов), а вместе с ним и традиционное мифопоэтическое деление мира на небесное-божественное-бессмертное и земное-человеческое-смертное. Они также верили в бесконечность Вселенной и бесчисленные миры (Анаксимандр, Анаксагор, Демокрит). Италийцы были дуалистами и в метафизике, и в космологии; деление космоса на божественную надлунную и текучую подлунную часть представляло собой реставрацию мифопоэтической картины мира. В теории познания ионийцы тяготели к сенсуализму, италийцы – к радикальному рационализму и априоризму. Для ионийского монизма была непреложной телесная природа и смертность души, которая ничем не отличалась от физических элементов. Италийцы признавали душу бессмертным существом иной природы, лишь временно связанной со смертным телом.

Греческая проза родилась вместе с ионийской философией: «О природе» Анаксимандра (ок. 546 года до н. э.). Италийцы (Ксенофан, Парменид, Эмпедокл) избрали поэтическую форму. Спрашивается, почему и каково их отношение к эпической традиции? Одни исследователи (обычно философы) не придавали этому факту особого значения, очевидно считая вслед за Плутархом, что «стихи Эмпедокла и Парменида, «Противоядия» Никандра и «Гномологии» Феогида суть теоретические рассуждения (λόγοι), заимствующие у поэзии как средство возвышенность слога и размер, чтобы избежать прозаичности» (Как слушать поэтов, 2. 16 С). Другие (обычно филологи), наоборот, признавали конгенитальность мифопоэтического языка философским поискам, а некоторые заходили так далеко, что что видели в эпической традиции ключ к интерпретации философских поэм 5 века. Наша позиция сводится к следующему. Поскольку западногреческие философы использовали размер и язык (правда, не всегда и не вполне) эпической традиции Гомера и Гесиода, постольку исследователю раннегреческой философии придется время от времени обращаться к «Гомеровской грамматике» Шантрена или «Лексикону раннегреческого эпо-

са» для интерпретации отдельных синтаксических конструкций или некоторых темных выражений Парменида или Эмпедокла. Но теория, согласно которой Парменид был живым продолжателем эпической традиции и что в ней содержатся уже в преформированном виде, как в панспермии Анаксагора, все «темы» и «мотивы» парменидовской поэмы, дающие отгадки ко всем загадкам философских текстов, или больше того – даже парадигматические модели для интерпретации, например, проэмия Парменида как целого, совершенно безосновательна и может только плодить герменевтические химеры. Это теория восходит к трудам Германа Дильса (который сам, надо признать, не преувеличивал зависимость Парменида от Гомера), а впоследствии различные аспекты ее были развиты Эриком Хэвелоком, Александром Мурелатосом, Япом Мансфельдом и другими. Следует подчеркнуть, что ключевым текстом для сторонников этого подхода всегда был именно проэмий Парменида, и прежде всего – сравнение путешествующего Куроса в проэмии Парменида с «возвращением» гомеровского Одиссея. В свою очередь такое сравнение держалось на чтении третьего стиха проэмия Парменида в том виде, как оно было установлено Дильсом в его отдельном издании Парменида 1901 года и затем перепечатывалось во всех изданиях «Досократиков» вплоть до 6-го издания под редакцией В. Кранца (1951):

δαίμονος, ἧ κατὰ πάντ' ἄσση φέρει εἰδότα φῶτα

«... (путь) богини, которая ведет знающего мужа по всем городам».

Тут видели прямую аллюзию на третий стих «Одиссеи» *πολλῶν δ' ἀνθρώπων ἴδεν ἄσσηα...* В критическом аппарате Дильса-Кранца было указано, что ἄσση – чтение лучшего кодекса N Секста Эмпирика (цитирующего проэмий Парменида), тогда как два других кодекса дают бессмысленные чтения πάντ' ἄση (L) и πάντα τη (Ez).

В своем критическом издании фрагментов Парменида Коксон (Сохон 1986: 45) убедительно показал, что Дильс ошибся. На фотографии рукописи Секста (после стр. 40) отчетливо видно, что и кодекс N дает то же самое бессмысленное чтение. Итак, пресловутые «города», по которым якобы путешествует парменидовский Курос, оказались

фикцией, а вместе с ними – и вся высосанная из пальца теория влияния мотивов «Одиссеи» на Парменида. Чтение Дилса не только не засвидетельствовано, но и не подлежит восстановлению даже в качестве конъектуры, так как Курос Парменида вовсе не путешествует по городам, как Одиссей, а летит в крылатой колеснице на небеса, прочь от людских городов. Одиссеей же, в свою очередь, не путешествует в колеснице, так что от сравнения не остается ровным счетом ничего.

Коксон предлагает (вслед за Heune) такое восстановление: δαίμονος, ἣ κατὰ πᾶντ ἄ<v>τη<v> φέρει εἰδότα φῶτα «...богини, которая повсюду ведет знающего мужа напрямиком вперед», что не очень убедительно. В основе нашего перевода, опубликованного в 1989 (ФРГФ: 286) «божества, который (путь) ведет знающего мужа в стремительном полете по Вселенной» лежит наша конъектура πᾶντα ποτῆι. Очевидно, образ крылатой колесницы души в Платоновском «Федре» (246a) вдохновлен этим стихом Парменида в его изначальном виде.

Другие сомнительные интерпретации принадлежит Буркерту, усмотревшему в путешествии Куроса катабасис, и Мансфельду, который утверждает, что Курос возвращается «уже знающим», то есть уже получившим откровение, и следовательно цель его путешествия – царство Ночи, а не Света. Интерпретация Мансфельда построена на произвольном сравнении космологии Парменидовского проэмия («Врата Дня и Ночи») с описанием Тартара в Теогонии Гесиода. Эта интерпретация воспроизводится в недавней статье «Парменид» в «Стенфордской энциклопедии философии». Мансфельд и его сторонники игнорируют тот факт, что между Гесиодом и Парменидом пролегли века, в течение которых произошла и научная революция 6 века, радикально изменившая картину мира, и возникли неизвестные в 8–7 веках мистические движения, и пифагореизм, с которым неразрывно связан Парменид. Парменид был не только метафизиком, но и ученым, находившимся на высоте медицинских и астрономических знаний своего времени. Он принимал геоцентрическую космологию, ему была известна шарообразность Земли, истинная причина солнечных затмений и ему приписывает-

ся открытие тождества Утренней и Вечерней звезды. Человек такого уровня знаний в области астрономии никак не мог принимать всерьез наивную мифопоэтическую космографию Гесиода с ее «корнями Земли»: она могла разве что вызывать его улыбку. Имплантировать ее в астрономию Парменида – такой же анахронизм, как приписывать Гесиоду пифагорейскую или платоновскую астрономию. Но дело не только в сомнительности метода, но и в абсурдности результата. Автор статьи «Парменид» (Дж. Пальмер, редакция 2008 г.) в «Стенфордской энциклопедии философии» пишет следующее:

«These maidens take Parmenides to whence they themselves have come, to “the halls of Night” (fr. 1.9), before which stand “the gates of the paths of night and day” (fr. 1.11)».

Автора не смущает то, что вся поэма Парменида построена на параллелизме оппозиции «бытие – небытие» в «Пути Истины» с оппозицией «свет – ночь» в «Пути мнения». На языке Парменида свет – символ бытия и истины, ночь – символ небытия и невежества. Учителем Парменида был пифагореец Аминий, а в пифагорейской таблице основных начал свет отождествляется с добром, а тьма – со злом. Во всех известных версиях этой метафизики света, засвидетельствованных в религиозных и мифологических традициях разных народов, такое соотношение является инвариантным. Спрашивается, каким образом Парменид, который был законодателем в Элее, удостоенным памятника в эллинистическую эпоху, мог учить свои адептов, что цель человеческой жизни – падение в бездну мрака и зла, а не восхождение к горним высям добра и света?

Пальмеру следовало бы не обрывать цитату на 9 стихе, πέμπειν... προλιπούσαι δώματα Νυκτός, а продолжить 10 стихом: εἰς φάος κτλ.

Очевидно, что цель путешествия – Свет, а не покинутые в начале пути «чертоги Ночи». То, что Курос летит на Небо, дополнительно доказывается стихом 13, где цель путешествия – «Врата путей Дня и Ночи» – описываются как «горные» или «находящиеся в эфире» (αἰθέρια).

Итак, поэмы «италийских» философов предполагают совершенно иную картину мира, имеющую мало общего с представлениями о мире и человеке гомеровского или

гесиодовского времени. То же самое приходится сказать об использовании в философской поэзии традиционных мифологических имен. Референциальные значения этим имен практически во всех без исключения случаях не просто изменились, но сознательно изменены, и именно для того, чтобы соответствовать новой картине мира. Эти имена отсылают уже не к антропоморфным богам Гомера и Гесиода, а к физическим элементам, частям космоса, силам природы, абстрактным и эсхатологическим понятиям и т. д. У Эмпедокла Зевс с Герой, и Аид с Нестидой – аллегорические имена четырех элементов, Афродита – название силы притяжения и гармонического соединения элементов. В «Доксе» Парменида приводилась (к сожалению известная только отрывочно) целая Теогония. Мы знаем только, что демиургом, как и у Эмпедокла, выступала Афродита, и что первым ее творением был Эрот (фр. В 13): «Наипервейшим из всех богом она смастерила Эрота...».

Очевидно, за этим следовала целая генеалогия аллегорически реинтерпретированных богов традиционной поэтической мифологии. Тот факт, что генеалогия этих народных богов помещена в «Путь Доксы», сам по себе указывает на иллюзорность политеистического пантеона по контрасту с монотеистической доктриной «Пути истины». Божественное знание признает только одного бога, человеческое – многих. Такая теологическая теория «двойственной истины» в поэме Парменида находит точное соответствие у Ксенофана Колофонского, который с одной стороны натуралистически интерпретирует богов народной веры (вроде Ириды и Диоскуров) как поэтическую фикцию (В 10–16), с другой – утверждает существование «единого, величайшего» пантеистического бога (В 23–26).

Это подводит нас к нашему основному вопросу. Если картина мира, теология и представления о человеке и смысле его жизни италийских философов были не просто отличны от, но и часто противоположны картине мира и соответствующим представлениям ранней эпической поэзии, то спрашивается, чем они мотивировались, когда избрали для изложения своих воззрений гомеровский гекзаметр? Почему они не последовали примеру своих ионийских коллег и не отбросили архаическую форму

вместе с архаическим содержанием? Мы видим здесь отнюдь не выражение преемственности, а нечто другое. Во-первых, притязание на сверхчеловеческое знание и «божественное» авторитет, о котором уже говорилось выше в связи с особенностями италийской философии в отличие от ионийской. Из всех размеров греческой поэзии гекзаметр был наиболее «иератическим», на нем были написаны гомеровские гимны и оракулы Пифии (по крайней мере, в отредактированной окончательной форме). Предшествующие элейцам мистические движения 6 века (Орфические теогонии, космогонические поэмы вроде Эпименида) тоже выбирали гекзаметр как наиболее адекватный размер для поэтов, писавших до Троянской войны (Орфей, Мусей и Лин). Второй момент, связанный с первым и не менее важный, описал Платон в 10 книге «Государства» как «старинную распрю» (παλαιὰ ἔχθρα) между философией и поэзией. Речь идет о попытке свергнуть Гомера с престола царя поэтов и лишить его поэмы эксклюзивного права на учительную и воспитательную функцию, узаконенную греческой школьной практикой. По согласному свидетельству Гераклита и Ксенофана, в конце 6 – начале 5 века Гомер почитался «мудрейшим из эллинов» (Гераклит В 56), а все греки «искони учились по Гомеру» (Ксенофан В 10). Философский или теологический текст, написанный прозой, мог не восприниматься как альтернатива Гомеру; философские поэмы, провозглашавшие новую теологию и учение о мире и человеке гомеровским гекзаметром, как бы давали понять, что Гомер преодолен и антиквирован. Такое полемическое использование художественной формы или фразеологии оппонента для его же опровержения (напоминающее пародию, но лишенное юмористического подтекста) можно назвать перитропным – от περὶτροπή. В греческой логике – это технический термин для «оборачивания» довода оппонента против него самого. Так, согласно Сексту Эмпирику, Демокрит и Платон «оборачивали» против Протагора его же собственный тезис о том, что «πᾶσα φαντασία ἐστὶν ἀληθής»: если всякое представление истинно, то и представление о том, что не всякое представление истинно, как представление, тоже истинно, и, следовательно, исходное положение Протагора ложно

(Sext. Emp. Adv. Math. 7. 389). Мы используем этот термин не в строго логическом смысле, а в расширенном – как название полемического приема, использующего по принципу «бумеранга» любые средства (в том числе выразительные и риторические) или положения оппонента против него самого, или «переиначивающего» его утверждения в противоположном смысле. Перитропный характер имеет, например, следующий фрагмент Гераклита (В 53):

Πόλεμος πάντων μὲν πατήρ ἐστι, πάντων δὲ βασιλεύς, καὶ τοὺς μὲν θεοὺς ἔδειξε τοὺς δὲ ἀνθρώπους, τοὺς μὲν δούλους ἐποίησε τοὺς δὲ ἐλευθέρους. «Война – отец всех и царь всех: одних она обращает в богов, других – в людей, одних делает рабами, других – свободными».

Заменяя в гомеровском формульном определении Зевса («отец богов и людей») имя Зевса на Полемос, Гераклит риторически использует гомеровскую формулу для опровержения Гомера, который считал «богов и людей» двумя отдельными и неизменными категориями существ. По Гераклиту, мировой процесс взаимоперехода противоположностей постоянно меняет их местами.

Перитропный характер имеет та же теория происхождения божественных имен в Дервенийском папирусе. Софистический автор (Продик или его окружение) в полемике с гадателями и ревнителями благочестия (вроде Диопифа), требовавшими запретить преподавание в Афинах «анаксагорейских» теорий происхождения мира и небесных явлений и ссылавшимися на авторитет Орфея, полемически реинтерпретирует Орфическую теогонию как раз в духе анаксагорической физики, тем самым «оборачивая» главный аргумент оппонентов против них самих. Примеры можно умножать. Очевидно, что перитропэ была распространенным приемом в греческой философской культуре полемики. Такой перитропный характер, на наш взгляд, имела и адаптация гомеровского гекзаметра к нуждам во многом отменявшей авторитет Гомера философии. Внутри философской поэмы Парменида перитропный характер имеет и «Докса», то есть ассимиляция совершенно чуждой духу пифагорейской философии (в традиции которой был воспитан Парменид) ионийской натуралистической физики. Экстраполируя это наблюдение

на всю западногреческую философию, мы можем сказать, что само создание пифагорейской дуалистической метафизики и космологии содержало в себе перитропную тенденцию: нейтрализовать опасность, которую представляла ионийская физика для традиционной религиозной картины мира и веры в богов не путем обскурантистского отрицания физики и науки как таковой, а путем создания новой, реформированной и «перевернутой» физики, не только не противоречащей религиозному дуализму (тела и души, неба и земли), но и подводящей под него квазинаучное математическое основание. Такой же полемическим «перевертышем» атомистической физики Демокрита можно считать и «Тимей» Платона.

Литература

ФРГФ – Фрагменты ранних греческих философов / подготовил А. В. Лебедев. Ч. 1. М., 1989.
Coxon 1986 – Coxon A. H. The Fragments of Parmenides. Assen.

Andrei V. Lebedev. Western Greek Philosophical Poems and the Homeric Tradition: Continuation or Reform?

Why did western Greek philosophers (Xenophanes, Parmenides, Empedocles), unlike their Eastern Ionian colleagues, chose the Homeric hexameter rather than prose to express their thought? It has been thought by some that these philosophical poems represent a continuation or adaptation of the Homeric tradition for didactic purposes. We reject this interpretation because it ignores the fundamental difference between the Ionian and Italian philosophical traditions. The Ionian tradition was scientific in spirit and therefore used Ionian prose. The Italian tradition starting from Pythagoras was a revolt against the Ionian naturalistic monism and an attempt to restore the traditional mythopoetic world-view in a new quasi-scientific form. Western Greek philosophy from the start was ethical-religious in its aims, and therefore it chose the most “hieratic” poetic medium of the time, the language of Pythia and Apollo. And in doing so it did not aim so much at the “continuation” of the Homeric tradition as at “replacing” the old bad mythology of the poets with a good new one, just as Plato later tried to replace bad old myths with new philosophical myths of his own. Western Greek philosophical poems, consequently, should be viewed not as a revival of the old epic poetry, but as its radical reform and a *peritope*. In Greek dialectics *peritrope* was a technical term for “turning” the

opponent's argument against himself. We use this term in a less technical and wider sense of a polemical device which aims at "defeating an opponent with his own weapons". *Peritrope* is an often neglected polemical device of the Greek culture of the philosophical debate. E.g. the cosmogony of Plato's "Timaeus" can be interpreted as a peritrope of the Ionian (and atomistic) determinist physics.

С. Н. Лебедев

**СПАРТАНСКИЙ ДЕКРЕТ ПРОТИВ ТИМОФЕЯ МИЛЕТСКОГО В
МУЗЫКАЛЬНОМ ТРАКТАТЕ БОЭЦИИ**

Аннотация: В статье рассмотрен Спартанский декрет против Тимофея Милетского (ок. 450 г. — ок. 360 г. до н.э.), опубликованный Боэцием в трактате «Основы музыки» (ок. 500 г.), как подлинный памятник древнегреческой истории музыки и музыкальной теории. Ключевую фразу в реконструированном тексте декрета предлагается трактовать как констатацию смены («метаболю») традиционной мелодии от энгармонического рода мелоса к хроматическому при переходе от строфы к антистрофе. Метабола по роду трактуется как причина увеличения количества струн на кифаре Тимофея — «многоструния», прямо осуждаемого спартанцами. В Приложении к статье публикуется полный перевод декрета на русский язык.

Ключевые слова: Боэций, Тимофей Милетский, Спарта, дорийский диалект, древнегреческая музыка, теория музыки, гармония, метабола.

Boethius, Timotheus of Miletus, Sparta, Doric dialect, Ancient Greek music, music theory, harmony, modulation.

Старого я не пою, новое мое — лучше.

Царь наш — юный Зевс,

а Кроново царство миновало:

*Прочь ступай, древняя Муза!*¹

Тимофей Милетский

В первой книге трактата «Основы музыки» (Boetii de institutione musica, ок. 500 г.), написанного на латыни, Боэций размещает небольшой текст на странном греческом языке, который напоминает дорийский диалект². Западные исследователи твердо придерживаются мнения, что

¹ Перевод Н. Т. Голинкевича.

² Редакция текста, на которую я ориентировался, предложена Г. Фридляйном (Friedlein 1867: 182–183); см. в Приложении к этой статье.

этот текст Боэций заимствовал у Никомаха. Еще в начале XX в. У. Виламовиц–Мёллендорф исследовал «...lakonisches Psephisma, das Boethius <...> aus Nikomachos von Gerasa erhalten hat» (Wilamowitz-Möllendorf 1903: 70), датируя текст I или II в. до н.э. (ib.). В том же духе в середине века выразился П. Курсель: «C'est sans doute au Περί μουσικῆς de Nicomaque que Boèce emprunte le texte grec du décret de Sparte relatif à Timothée de Milet» (Courcelle 1948: 262). В 1980-х гг. К. Бауэр, опубликовавший критический (по рукописям) английский перевод музыкального трактата Боэция³, написал более осторожно: «Boethius copied this text from Nicomachus, but Nicomachus's source is unknown» (Bower 1989: 185). И наконец, крупнейший в США специалист по древнегреческой музыке Т. Матисен, в своей обобщающей монографии поставил в «атрибуции» жирную точку: «Boethius follows the lost *musica* of Nicomachus» (Mathiesen 1999: 67–68).

Таков status quo мировой науки. Между тем, никакого прототипа для текста, опубликованного Боэцием, не обнаруживается, в том числе, нет его и среди сохранившихся текстов Никомаха. На одном только этом основании мы обязаны признать Спартанский декрет у н и - к а л ь н ы м д р е в н и м д о к у м е н т о м , и как таковой он уже вполне заслуживает пристального изучения.

Все современные исследователи пунктуально описывают новации Тимофея в области «избыточных» струн на кифаре⁴. В тексте декрета это авангардистское нарушение определено загадочным словом πολυχορδία, букв. «многоструние», или «многострунность». Древние источники (Боэций в том числе) дают различные сведения о том, сколько именно «лишних» струн добавил Тимофей — большинство считает, что на его кифаре было 11 струн, но есть мнение, что их было 12⁵. Я полагаю, что не так уж

³ К сожалению, к греческому тексту Бауэр свой перевод не предоставляет.

⁴ Напомню, что нормой считалась 7-струнная кифара.

⁵ Псевдо-Плутарх (в трактате «О музыке») цитирует фрагмент комедии «Хирон» Ферекрата, который приписывает Тимофею

важно, сколько именно струн добавил Тимофей. Гораздо важнее понять причину «многоструния», которое привело к досадному «многозвучию» (в исследуемом тексте — полуφωνία⁶). В этом смысле только один документ — Спартанский декрет, как мне видится, и дает ответ, для чего Тимофею понадобилось многоструние и отчего возникло порицаемое за свою пестроту многозвучие. Ключевая фраза текста, в которой описывается дерзость Тимофея, —

ΕΠΙ ΧΡΩΜΑΤΟΡ ΣΥΝΕΙΣΤΑΜΕΝΟΡ ΤΑΝ ΤΩ ΜΕΛΕΟΡ
ΔΙΑΣΚΕΥΑΝ ΑΝΤΙ ΤΑΡ ΕΝΑΡΜΟΝΙΩ ΠΟΤ ΤΑΝ
ΑΝΤΙΣΤΡΟΦΟΝ ΑΜΟΙΒΑΝ

В переводе на аттический диалект:

ἐπὶ χρώματος συνιστάμενος τὴν τοῦ μέλους διασκευὴν ἀντὶ
τῆς ἐναρμονίου πρὸς τὴν ἀντίστροφον ἀμοιβήν⁷,

что по-русски я понимаю так

*обрабатывая мелодию в хроме вместо энармона путем
антистрофической смены*

или же так:

*мелос в антистрофе он облакает в хроматику вместо
энармоники⁸*

использование 12 струн (Plut. Mus. 1142a). Боэций (Mus. I.20) считает, что на авангардистской кифаре Тимофея было 11 струн. То же число приводится в небольшом анонимном тексте, известном как «Четвертый фрагмент Никомаха» (Jan 1895), и в «Описании Эллады» Павсания (III.12). Афиней в «Пире мудрецов» (XIV. 40) знает про конфликт Тимофея со спартанцами, но не сообщает точное число струн, говорит только, что кифаред пользовался «более многострунным [т. е. многоступенным — С.Л.] звукорядом» (полуχορδοτέρον συστήματι).

⁶ Разумеется, это слово не имеет никакого отношения к современному музыкально-теоретическому термину «полифония», которым обозначается склад многоголосной музыки, характеризующийся одновременным звучанием, развитием и взаимодействием нескольких фактурно *равноправных* мелодий («голосов»).

⁷ Реконструкция В. Г. Цыпина.

⁸ Перевод В. Г. Цыпина.

Мне представляется, что в структуру конкурсного произведения (по-видимому, дифирамба) «Роды Семель»⁹ входило чередование метрически идентичных строфы и антистрофы — именно в этом контексте мне хотелось бы трактовать ἀντίστροφος ἀμοιβή¹⁰. Очень вероятно, что музыкальное «оформление» дифирамба для каждой пары строфа/антистрофа тоже было идентичным, а точнее, мелодия каждой строфы и каждой антистрофы восходила к инварианту некой мелодии-модели, предписанной традициями состязаний.

С точки зрения тогдашней музыкальной практики устного исполнительства (без толстых партитур на пульте) мне трудно представить себе, чтобы для каждого нового блока «строфа-антистрофа-эпод» использовались *постоянно меняющиеся разные мелодии*¹¹. Обновление мелоса от строфы к строфе происходило скорее подобно тому, что историкам музыки хорошо известно из практики псалмовых тонов католиков, нормативных «тонов» миннезингеров и мейстерзингеров, обиходного пения по гласам в православном храме и т. п. При том, что мелодия и ритм тимофеева дифирамба могли варьироваться в зависимости от распеваемого стиха, остов все равно *был узнаваемым* благодаря опорам мелодической линии (с точки зрения современной теории гармонии = устоям модалного лада.) — потому такая мелодия и идентифицировалась как *соответствующая модели*, а не какая-то иная, произвольная,

⁹ Напомню содержание мифа (по Аполлодору): Влюбившись в Семелу (дочь Кадма и Гармонии), Зевс разделил с ней ложе и пообещал ей, что сделает всё, о чем только она его ни попросит. Семела настаивала на том, чтобы ее любовник явился к ней в своем подлинном обличье. Тогда разгневанный Зевс прибыл в брачный чертог на колеснице с молниями и громами и метнул перун. Семела, от страха упав замертво, родила шестимесячное дитя, а Зевс извлек дитя из огня и зашил его в свое бедро. В положенное время Зевс родил Диониса, распустив швы на своем бедре.

¹⁰ Букв. «взаимное чередование», или «взаимная обратимость».

¹¹ На манер «unendliche Melodie» в оперных сценах Рихарда Вагнера.

«песня»¹². Возможно, именно потому что мелодия была канонической и общеизвестной, она и не записывалась (потому, увы, и не дошла до нас).

Итак, закончив, как этого требовала традиция, мелодию строфы в энгармоническом роде мелоса¹³, Тимофей заиграл и запел мелодию антистрофы в хроматическом роде, потрясая и ужасая присутствующую публику. Именно увеличение количества струн на кифаре («многоструние») позволило музыканту без перестройки инструмента¹⁴, а значит и без малейшей паузы перейти из одного рода мелоса в другой. Переход, перемена, или *метабола* (μεταβολή) была известна греческой науке со времен Аристоксена¹⁵, но описанием метаболы по

¹² До нас дошел папирус, датируемый III в. до н. э., с текстом и нотами одной антистрофы из «Ореста» Еврипида (Pap. Vienna G 2315). В ее нотной записи присутствуют графемы, которые следует понимать как ступени звукоряда в хроматическом либо энгармоническом роде мелоса (в каком именно, точно сказать невозможно). В оксфордской публикации памятников древнегреческой музыки (DAGM: 13) Э. Пельман и М. Л. Вест интерпретируют сохранившуюся мелодию Еврипида как *одну и ту же* для строфы и антистрофы стасима, расшифровывая музыку в энгармонике. Т. Матисен, предпочитающий транскрипцию той же антистрофы в хроматике (Mathiesen 1999: 117–118), замечает, что мелодия меняет ритм текста («it seems that the music once again modifies and expands the textual rhythm» — *ib.*), что свидетельствует об использовании в строфических текстомзыкальных формах мелодии-модели.

¹³ В VI–V вв. до н.э. энгармонический род мелоса пользовался огромной популярностью — более красивый, более благородный, как говорит Аристоксен (Elem. Harm., I.23). При этом он замечал, что в его время стремление у многих пользоваться хроматическим родом, «располагая лиханы (изменяемые по высоте ступени греческого звукоряда — *С.Л.*) слишком высоко, чтобы смягчить мелос», привело к неупотребительности строгой энгармоники.

¹⁴ Перетягивания струн колками, ответственными за «подвижные ступени» (кинумены) тетрахордов.

¹⁵ После Аристоксена учение о метаболе стало стандартной частью древнегреческой и византийской теории музыки (гармоники). В частности, оно изложено у Клеонида, Аристиды

роду в связи с этосом музыки и в связи с конкретикой текстомзыкальной формы мы обязаны именно декрету, опубликованному Боэцием.

В I в. до н. э. у Дионисия Галикарнасского, в трактате «О сочетании слов» слышны отголоски скандальной истории с Тимофеем, причем с интересующими нас «техническими» подробностями — именно в аспекте порицаемой в декрете метаболы по роду. В главе 19 трактата Дионисий пишет:

«Сочинители музыки и поэзии (τοῖς μὲν οὖν τὰ μέτρα καὶ τὰ μέλη γράφουσιν) могут переменять не всё, и не во всем, и не настолько, насколько захотят. <...> Сочинители музыки (τοῖς δὲ τὰ μέλη γράφουσιν) не могут менять музыку (μέλος) строф и антистроф, но положив в основу энгармоническую, хроматическую или диатоническую мелодию (μελωδίας), они должны соблюдать один и тот же характер развертывания (ἄγωγάς) во всех строфах и антистрофах. <...> Древнейшие поэты-мелодисты (μελοποιοί) — я имею в виду Алкея и Сафо — слагали строфы короткими, так что лишь в немногие колонны вводили нечастые метаболы, и эподами тоже пользовались лишь немногими. Ученики же Стесихора и Пиндара только из любви к переменам (μεταβολῆς) увеличили свои периоды, поделив их на много метров и колонов. А дифирамбисты меняют даже лады (τρόπους), употребляя в одном и том же песнопении (ᾄσματι) и дорийский, и фригийский, и лидийский; меняют и мелодии (μελωδίας), употребляя то энгармоническую, то хроматическую, то диатоническую¹⁶; и в использовании ритмов ведут себя независимо и весьма свободно, — по крайней мере, таковы последователи Филоксена, Тимофея [Милетского] и Телеста, между тем как у древних дифирамб был построен надлежащим образом»¹⁷.

Квинтилиана, Бакхия, Анонимов II и III Беллермана, а лучше всего — в «Гармонике» Птолемея.

¹⁶ Т. е. делают метаболу из рода в род в пределах одного дифирамба — как раз таков случай Тимофея.

¹⁷ В основу этого текста положен перевод М. Л. Гаспарова, который я модифицировал с учетом своего понимания античной

Любителей музыки, а равно и профессиональных музыкантов, воспитанных на образцах новоевропейской мажорно-минорной тональности, не может не восхитить тонкость слуха спартанских «царей и эфоров», которые, непосредственно внимая исполнению Тимофея, вряд ли занимались подсчетом струн на его кифаре — это они сделали позже, чтобы найти причину его «злостных нарушений». Зафиксировать на слух, то есть без помощи технических средств вроде современных частотомера или хотя бы магнитофона перемену энгармонического рода на хроматический род, то есть недостаток ожидаемых микроинтервалов¹⁸ — без специальной тренировки это не каждый в состоянии сделать даже в наше время, познавшее крайние дерзости музыкального авангардизма.

Приложение

[182] ΕΠΕΙΔΗ ΤΙΜΟΘΕΟΡ Ο ΜΙΛΗΣΙΟΥ
 ΠΑΡΑΓΙΝΟΜΕΝΟΡ ΕΝ ΤΑΝ ΑΜΕΤΕΡΑΝ ΠΟΛΙΝ ΤΑΜ
 ΠΑΛΑΙΑΝ ΜΩΑΝ ΑΤΙΜΑΣΔΕ, ΚΑΙ ΤΑΝ ΔΙΑ ΤΑΝ ΕΠΤΑ
 ΧΟΡΔΑΝ ΚΙΘΑΡΙΣΙΝ ΑΠΟΣΤΡΕΦΟΜΕΝΟΡ ΠΟΛΥΦΩΝΙΑΝ
 ΕΙΣΑΓΩΝ ΛΥΜΑΙΝΕΤΑΙ ΤΑΡ ΑΚΟΑΡ ΤΩΝ ΝΕΩΝ ΔΙΑ ΤΕ
 ΤΑΡ ΠΟΛΥΧΟΡΔΙΑΡ ΚΑΙ ΤΑΡ ΚΕΝΟΤΑΤΟΡ ΤΩ ΜΕΛΕΟΡ
 ΑΓΕΝΝΗ ΚΑΙ ΠΟΙΚΙΛΑΝ ΑΝΤΙ ΑΠΛΟΑΡ ΚΑΙ
 ΤΕΤΑΓΜΕΝΑΡ ΑΜΦΙΕΝΝΥΤΑΙ ΤΑΝ ΜΩΑΝ ΕΠΙ
 ΧΡΩΜΑΤΟΡ ΣΥΝΕΙΣΤΑΜΕΝΟΡ ΤΑΝ ΤΩ ΜΕΛΕΟΡ
 ΔΙΑΣΚΕΥΑΝ ΑΝΤΙ ΤΑΡ ΕΝΑΡΜΟΝΙΩ ΠΟΤ ΤΑΝ
 ΑΝΤΙΣΤΡΟΦΟΝ ΑΜΟΙΒΑΝ

ΠΑΡΑΚΛΗΘΕΙΣ ΔΕ ΚΑΙ ΕΝ ΤΟΝ [183] ΑΓΩΝΑ ΤΑΡ
 ΕΛΕΥΣΙΝΙΑΡ ΔΑΜΑΤΡΟΡ ΑΠΡΕΠΗ ΔΙΕΣΚΕΥΑΣΑΤΟ ΤΑΝ

музыкально-теоретической специфики. Оригинальный перевод см. в книге: Античные риторики. М., 1978, с. 199.

¹⁸ Микроинтервалами в теории музыки называются музыкальные интервалы меньше полутона, наименьшего структурного элемента привычных нам «европейских» звукорядов.

ΤΩ ΜΥΘΩ ΔΙΑΣΚΕΥΑΝ ΤΑΝ ΤΑΡ СЕМΕΛΑΡ ΟΔΥΝΑΡ
ΟΥΚ ΕΝΔΙΚΑ ΤΩΡ ΝΕΩΡ ΔΙΔΑΣΚΗ¹⁹ ΔΕΔΟΧΘΑΙ

ΦΑ²⁰ ΠΕΡΙ ΤΟΥΤΟΙΝ ΤΩΡ ΒΑΣΙΛΕΑΡ ΚΑΙ ΤΩΡ ΕΦΟΡΩΡ
ΜΕΜΨΑΤΤΑΙ ΤΙΜΟΘΕΟΝ ΕΠΑΝΑΓΚΑΖΑΙ ΔΕ ΚΑΙ ΤΑΝ
ΕΝΔΕΚΑ ΧΟΡΔΑΝ ΕΚΤΑΜΩΝ²¹ ΤΑΡ ΠΕΡΙΤΤΑΡ
ΥΠΟΛΠΟΜΕΝΩΡ ΤΑΡ ΕΠΤΑ ΟΠΩΡ ΕΚΑΣΤΟΡ ΤΟ ΤΑΡ
ΠΟΛΙΟΡ ΒΑΡΟΡ ΟΡΩΝ ΕΥΛΑΒΗΤΑΙ ΕΝ ΤΑΝ САРТАΝ
ΕΠΙΦΕΡΕΝ ΤΙ ΤΩΝ ΜΗ ΚΑΛΩΝ ΕΟΝΤΩΝ ΜΗ ΠΟΤΕ
ΤΑΡΑΡΡΕΤΑΙ ΚΛΕΟΡ ΑΓΩΝΩΝ

[Спартанский декрет о Тимофее Милетском]²²:

В связи с тем, что Тимофей Милетский, прибыв в наш город, бесчестит древнюю музу — пренебрегая семиструнной кифарой [и] вводя многозвучие, он портит уши юношей; посредством многострунности и обновления мелоса он делает музу неблагородной и пестрой, тогда как надлежит ей быть простой и строгой; мелос в антистрофе он облакает в хроматику вместо энармоники, — кроме того, приглашенный на состязание в честь Элевсинской Деметры он недолжным образом представил миф о родах Семелы — тем самым он внушает юношам не то, что следует, — извещаем о том, что цари и эфоры вынесли решение по этим фактам: осудив Тимофея, повелели из одиннадцати струн отрезать лишние, оставив семь, дабы каждый, видя суровость города, остерегся нести в Спарту что-либо не прекрасное, а добрая слава состязаний никогда не была поколеблена.

¹⁹ ΔΙΔΑΣΚΗ] DIDAKKH *Friedlein*.

²⁰ ΦΑ = ΦΑΜΕΝ.

²¹ ΕΚΤΑΜΩΝ] ΕΚΤΑΜΩΝΤΑΡ *Friedlein*.

²² Перевод В. Г. Цыпина (Московская государственная консерватория).

Литература

- Bower 1989 – Bower A.M.S. (ed.). Boethius. Fundamentals of music. Translated, with introduction and notes by C. M. Bower. New Haven, London.
- Courcelle 1948 – Courcelle P. Les Lettres grecques en Occident. Paris.
- DAGM = Documents of Ancient Greek Music. The extant melodies and fragments edited and transcribed with commentary by Egert Pöhlmann and Martin L. West. Oxford, 2001.
- Friedlein 1867 – Friedlein A.M.T.S. (ed.) Boetii de musica institutione libri quinque. Lipsiae.
- Jan 1895 – Musici scriptores graeci: Aristoteles, Euclides, Nicomachus, Bacchius, Gaudentius, Alypius et melodiarum veterum quidquid exstat. Ed. Carolus Jan. Lipsiae.
- Mathiesen 1999 – Mathiesen T. Apollo's lyre. Greek music and music theory in Antiquity and the Middle Ages. Lincoln, London.
- Wilamowitz-Möllendorf 1903 – Wilamowitz-Möllendorf U. Die Perser <...>. Berlin.

Summary

Author of the article treats Spartan decree against Timotheus of Miletus (ca. 450 — ca. 360 B.C.) published by Boethius in his *Fundamentals of Music* (ca. 500) as an authentic document of ancient Greek music history and theory. The text reconstruction allows for identification of the avant-garde feature of Timotheus' performance as sudden generic modulation (μεταβολή κατὰ γένος) in a given formulaic melody from strophe to antistrophe. This modulation is considered a reason of extending number of strings on the modernist cithara of Timotheus, that is *polychordia* condemned by Spartans. Full Russian translation of Spartan decree is supplied.

О. Л. Левинская

**«МЕТАМОРФОЗЫ, ИЛИ ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ» АПУЛЕЯ
КАК «РОМАН С КЛЮЧОМ»: ЕГИПЕТСКИЙ КЛЮЧ**

Резюме. В статье рассматриваются слова о «египетском папирусе, исписанном острием нильского тростника» (*papyrus Aegyptium argutia Nilotici calami inscriptum*), содержащиеся во вступительной главке романа «Метаморфозы, или Золотой осел» Апулея. Автор предлагает понимать «египетский папирус» как лежащую в основе сюжета историю борьбы и победы над Сетом-ослом в «основном мифе» египтян. Для решения вопроса о том, как и откуда эта история могла стать известна Апулею, очень важно, что именно в такой, «ослиной» версии она не рассказывалась, а разыгрывалась.

Ключевые слова: Апулей, роман, сюжет, Луций, Исида, Сет, Осирис, египетский, миф, храм, рельефы, иконография, культ, драма, осел,

Популярность «Метаморфоз» Апулея в научном мире сравнима, пожалуй, лишь с популярностью гомеровских поэм. К одной только вступительной главке романа, часто именуемой Прологом (I.1), выпущен отдельный *Companion* (*Companion* 2001). Пристальный интерес к этой главке-прологу объясняется тем, что здесь, по мнению большинства исследователей, заложены ключи к той прихотливой литературной конструкции, созданной Апулеем, которую мы для простоты именуем «романом». Так, выражение «*sermone Milesio*» заставляет думать о «милетском рассказе»¹, а «*fabula graecanica*»² сразу о мифе, басне и драме³.

¹ *At ego tibi sermone isto Milesio uarias fabulas conseram* – «К рассказу приступаю, чтобы сплести тебе на милетский лад разные басни» – пер. М. Кузмина

² *Fabulam Graecanicam incipimus* – «Начинаем греческую басню» – пер. М. Кузмина

³ Слово *fabula* в широком смысле обозначает повествование с выраженным сюжетом, а потому может именовать разные виды

Слова о «египетском папирусе, исписанном острием нильского тростника» в этом контексте давно уже не воспринимаются буквально (Griffiths 1975: 28). В самом деле, зачем сообщать читателю, что роман написан на обычном писчем материале обычным (пусть импортным) орудием письма? Иносказательный смысл этого сообщения все понимают по-разному: как намек на «египетский» финал романа, как аллюзию на александрийскую поэзию, как реминисценции из платоновского «Федра» (Companion, 2001: 39 sq.; 67 sq.; 178 sq.). Но, в любом случае, слова о египетском папирусе и нильском тростнике расшифровываются как указания Апулея на особенности устройства его романа.

Предлагаемые расшифровки основаны, главным образом, на значении отдельных слов («египетский», «острие», «папирус»). С моей точки зрения, можно попытаться истолковывать это высказывание в целом, рассматривая его иносказательный смысл сквозь призму смысла прямого. Папирус – это основа для записываемого текста, причем основа единая и общая. В иносказательном смысле, применительно уже не к тексту как таковому, а к произведению, к роману это означает, что роман создан на единой, общей основе. Определение «египетский» явно избыточно для слова «папирус» в его прямом смысле, но важно для смысла иносказательного: оно подчеркивает, что роман создан не просто на некоей единой основе, но на основе исконно египетской. В той же оптике следует рассматривать и «нильский тростник». Т. о., иносказательный смысл интересующего нас высказывания таков: роман Апулея создан на *единой*, причем *египетской основе* и к тому же *египетским способом*.

таких повествований, главным образом, – миф и басню. В узком смысле *fabula* означает «сюжет». Кроме того, слово *fabula* широко применялось в системе римских театральных терминов как родовое обозначение драмы (сокращенная форма выражения *fabula scaenica*), разновидности которой уточнялись соответствующими определениями: *fabula Atellana*; *fabula palliata*; *fabula togata*.

Но если смысл иносказания понят нами верно, то это возвращает нас к одной из основных проблем, связанных с апулеевским романом, – к проблеме его единства. В первую очередь, это касается взаимосвязи «египетского» финала романа со всем предшествующим повествованием. В самом деле, как связана история злоклучений и мытарств осла-Луция с богиней Исидой и богом Осирисом, служителем которого и становится, в конце концов, Луций? Этот вопрос тем более труден, что история Луция считается греческой, поскольку зафиксирована в корпусе сочинений Лукиана в виде небольшой новеллы под названием «Луций, или Осел».

Попытки отыскать египетский прототип истории приключений человека-осла оказались безрезультатными. «Египетская версия этой истории, – пишет Гриффитс, – не засвидетельствована» (Griffiths 1975: 26). С Гриффитсом согласны и другие комментаторы Апулея (Scobie 1983: 174).

Р. Меркельбах, убежденный сторонник концепции «исидического» единства апулеевского романа, доказывает, что все повествование буквально прошито египетскими аллюзиями. Египетский подтекст он усматривает и в эпизоде с покупкой рыбы на рынке (I.24–25), и в описании скульптурного изображения Дианы с Актеоном (II.4–5), и в любовной сцене с Фотидой (II.16–17), и в празднике Смеха (II.31 – III.12), и т.д. (Merkelbach 1996: 426 sq.). Но это всего лишь египетские «метки», подготавливающие внимательного читателя к финалу, а не та общая египетская основа романа, на которую, как мы предполагаем, иносказательно указывает Апулей.

В качестве связующего звена между историей Луция-осла и «египетским» финалом романа рассматривается, конечно, и египетский Сет – злой бог, главный враг Исиды и Осириса, ведь одна из его ипостасей – осел (Ward 1978; LA II. 28). Гриффитс выявляет в египетской традиции (беря ее широко, от текстов эпохи Среднего Царства до магических папирусов римской эпохи) несколько соответствий между образом Сета и апулеевским романом: а) мотив *превращения* («Спор Хора и Сета»), б) связь Сета-осла и *магии*, в) *похотливость* Сета-осла (Левинская 2008: 8–28).

Но это лишь частичные и к тому же разрозненные соответствия, не совпадающие в каком-либо общем контексте. Их явно недостаточно для объяснения специфической структуры романа. А потому я предлагаю сфокусироваться не на ослиной ипостаси Сета как таковой, а на той роли, которую Сет-осел играл в самой египетской традиции, на характере его взаимосвязей с богиней Исидой и богом Осирисом.

Все они – персонажи «основного мифа» египтян. Последовательного изложения этого мифа в собственно египетской традиции, как известно, нет. Отдельные его эпизоды и повороты рассеяны по всей литературе Древнего Египта, а потому представление о характере отношений между Сетом в ослиной ипостаси и остальными персонажами «основного мифа» мы можем лишь складывать из отдельных фрагментов. Очень важным в этом отношении является текст Драматического папируса Рамессеум⁴. Папирус датируется временем Аменемхета III (1844–1797), но сам текст был создан, по-видимому, лет на 200 раньше, т. е. в сер. XX в. до н.э., а потом переписывался. Это драма или точнее, подробный сценарий драмы, которая разыгрывалась по случаю восшествия на престол нового фараона (Sethe 1928; Frankfort 1948; Gaster 1975; Nielsen 2004; Лаврентьева 2001).

В основе сюжета этой драмы лежит история смерти и воскрешения Осириса. Сохранившийся текст устроен сложно, и исследователи по-разному членят его и, следовательно, переводят и интерпретируют, но в целом структура представляется такой:

1. Нарративная часть, кратко описывающая происходящее «на сцене».
2. Нарративная часть, объясняющая мифологический смысл происходящего.

⁴ Судить о содержании этого текста я могу, разумеется, только по имеющимся научным комментированным переводам и специальным исследованиям. Приношу искреннюю благодарность О. В. Томашевич за помощь в работе с египетским материалом.

3. Диалогическая часть – обмен репликами между персонажами.

4. Сценические ремарки. Как правило, эти ремарки вклиниваются в диалогическую часть текста, объясняя связь между актуальным действием и его мифологическим подтекстом.

Сет – важный персонаж Рамессейской драмы. Фактически, вокруг него «закручен» весь ее сюжет. Ведь драма рассказывает (точнее, показывает) историю победы, которую одержал над Сетом Хор, карая его за убийство Осириса. Сет предстает здесь в трех «животных» ипостасях – сначала *козла*, потом *гуся* и, наконец, *осла*. В сцене 12 козла и гуся приносят в жертву, и смысл жертвоприношения разъясняется так: «козла обезглавливают»/«Сет обезглавлен», «с гусем покончено»/ «Сет побежден» (Gaster 1975: 385). А вот в третьей своей ипостаси – ослиной – Сет не принесен в жертву. Об этом свидетельствует сценическая ремарка «Сет/ослы/ восхождение на небо». Мифологический смысл этого действия Г.Франкфорт объясняет через сопоставления с рядом мест из Текстов пирамид, где Сету отводится роль «средства передвижения» для Осириса – или выючного животного, или лады (Frankfort 1948: 128; Griffiths 1980: 77). В интерпретирующем переводе Т. Гастера эта ремарка выглядит так: «Осириса нагружают на спину Сета, чтобы он отвез его на небо» (Gaster 1975: 383–384)⁵. В любом случае, в контексте Рамессейской драмы Сет в ипостаси осла покорен и предназначен служить Осирису.

Итак, в официальной драме, разыгрывавшейся регулярно и, что не менее важно, подряд в нескольких городах (Frankfort 1948:123), Сет показан не просто как враг Исиды и Осириса: он побежден, но не уничтожен и в ипостаси осла принужден служить Осирису. Рамессейская драма не единственная, где фигурировал Сет и разыгрывались те или иные эпизоды «основного мифа».

⁵ Перевод с английского мой – О.Л.

Существует еще целый ряд текстов, отнесенных египтологами к числу драматических.

1. Памятник мемфисской теологии. По интерпретации К. Зете, он представляет собой своего рода сценарий драмы о борьбе Хора и Сета. Текст датируется VIII в. до н.э., хотя, возможно, он воспроизводит гораздо более ранний текст 1-ой половины III тыс. до н.э. (Nielsen 2001: 24). Текст делится на две части: в первой, диалогической, происходит беседа между богами Гебом и Сетом, а во второй части рассказывается миф о Хоре и Осирисе. Диалог между богами сопровождается ремарками, указывающими, какому персонажу принадлежит какая реплика. Возможно даже, в этих ремарках содержались и более подробные указания (куда смотрит действующее лицо или в каком направлении указывает) (Nielsen 2001: 24).

2. Текст на стеле Ихернофрета, названной так по имени чиновника, от лица которого текст и написан (датируется XX в. до н. э.) (Матье 1996: 28). Из текста следует, что автор надписи занимался строительством храма Осириса в Аби-досе и следил за проведением праздника. В тексте кратко описаны главные сцены, которые разыгрывались в ходе праздника. Его содержанием была, по-видимому, вся история жизни и смерти Осириса (Nielsen 2001: 25; Матье 1996: 210). Разыгрывалась здесь и сцена битвы Осириса и Сета, а также поиски тела Осириса (Budge 2002, I: 1–20; Nielsen 2001: 25).

3. Текст на рельефах храма Хора в Эдфу. Храм и рельефы относятся к эпохе Птолемеев, но сам текст восходит, возможно, к эпохе Нового Царства, предположительно к 1300–1200 гг. до н.э. Текст делится на акты и сцены, с прологом и эпилогом, и в нем есть сюжет – сражение Хора с Сетом (Fairman 1974: 26; Nielsen 2001: 30–31; Матье 1956: 126–138).

4. Фрагменты драматических произведений были идентифицированы и в составе целого ряда текстов недраматического характера (Drioton 1942: 52; Drioton 1984: 209–226; Nielsen 2001: 26).

Т. о., история смерти и воскрешения Осириса, важнейшую часть которой составляла борьба с его убийцей Сетом, целиком или отдельными эпизодами разыг-

рывалась в разных частях Египта столетиями. Правда, Сет не всегда выступает в обличи осли (так, в драме, разыгрывавшейся в храме Хора в Эдфу, Сет имеет обличие гиппопотама), а иногда просто неизвестно, как именно показан Сет. Однако есть основание предполагать, что в греко-римскую эпоху Сет фигурировал в драмах, посвященных Осирису, именно в ослином обличи. Основания для таких предположений дают рельефы «часовни» Осириса в Дендере (I в. до н.э. – I в.н.э.), где во время праздника Осириса тоже разыгрывалась история его смерти и воскресения.

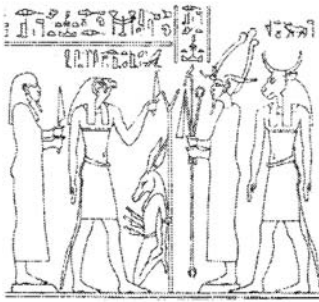

Рис. 1

На одном из рельефов изображен Сет в виде фигурки с ослиной головой на обнаженном (?) человеческом теле; он привязан у ног Осириса (Mariette, 1870–1873: I. Pl. 56) (рис.1). Истолковывая это изображение, нужно учитывать общие иконографические свойства египетских храмовых рельефов. С одной стороны, это их реалистичность, под которой подразумевается способность храмовых рельефов «иллюстрировать мистерии и церемонии», которые разыгрывались во время празднеств в честь бога (Budge 2002: 21). Иными словами, рельефы позволяют представить драматургию действия, совершившегося во время празднества. С другой стороны, храмовая иконография не только фиксирует особенности ритуальной драматургии – она включает элементы, пользуясь терминологией А. О. Большакова, фантастические (Большаков 2003: 4), т. е. изображающие нечто никогда не виданное человеком и относящееся к миру богов. Этот мир можно назвать и миром мифа. При этом границы между мифом и ритуальной церемонией в храмовой иконографии не существует: во многих случаях практически невозможно различить, изображено ли перед нами мифологическое событие или ритуальное действие.

Как же осуществлялась ритуальная драматургия? Исследователи согласны в том, что «актерами» были в

первую очередь жрецы и жрицы. Кроме того, главную «роль» мог исполнять фараон, а также «члены его семьи, должностные лица... и даже ремесленники» (Frankfort 1948: 123–124). Не исключено, что «в роли» животных выступали настоящие животные, и если сценарий предполагал жертвоприношение, то оно было частью разыгрываемой драмы (Матье 1996: 210 сл.). Текст папируса Рамессеум как будто бы подтверждает это. Дело в том, что «игровой» части, где участвуют Хор, Тот и Исида, к Сету все время обращаются, но у него самого нет ни одной реплики. Когда от него требуется некое действие («Отдай мой глаз назад!», говорит Хор), то, судя по реакции Хора, оно совершается – глаз отдан, но кто и как совершил это действие, неясно ни из ремарок, ни из текста драмы. Участвовали в ритуальных драмах и другие безмолвные «актеры», а именно, статуи и мумии: так, например, «роль» Осириса в Рамессейской драме «исполняла», скорее всего, мумия фараона, по смерти которого и восходил на престол его преемник (Матье 1996: 212). Особую роль в ритуальной драматургии играли маски. Примером такой маски может служить терракотовая маска Анубиса (*terminus ante quem* – IV в. до н. э.) (Pelizaeus Museum 1993: 87).

Вернемся к рельефам из Дендеры. О. Мариетт подчеркивал их особую реалистичность в изображении действий (Mariette 1870–1873: I. 278). В самом деле, в одном из помещений храма изображена процессия жрецов, один из которых в маске, надетой поверх его головы (рис.2).

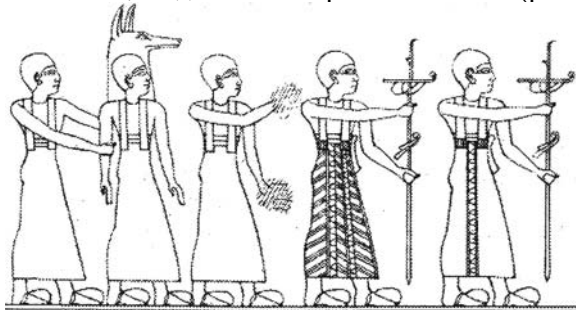

Рис. 2

Еще одна любопытная деталь: голова Осириса на рельефах храма всегда изображена с явными полукружьями

под челюстью, отсутствующими в изображениях всех остальных фигур (рис. 3).

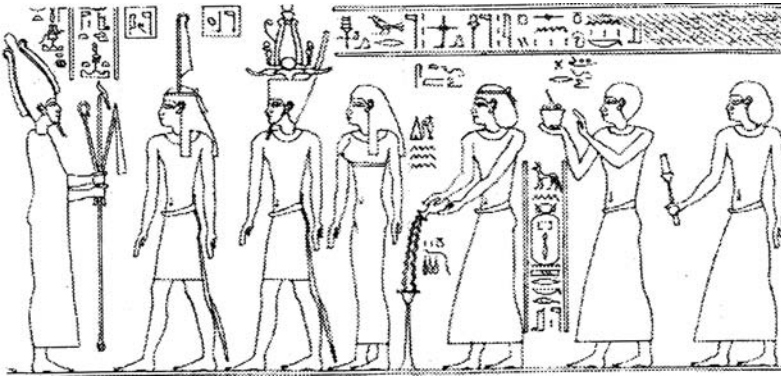

Рис. 3

Если в «роли» Осириса действительно выступал не живой актер, а мумия, то рельеф адекватно отображает «постановочные» особенности ритуального действия (Матье 1996: 212). Очень показательна и серия рельефов с ладьями Осириса: они изображены не условно, а наоборот, совершенно реалистично, как элемент ритуальной утвари (рис. 4).

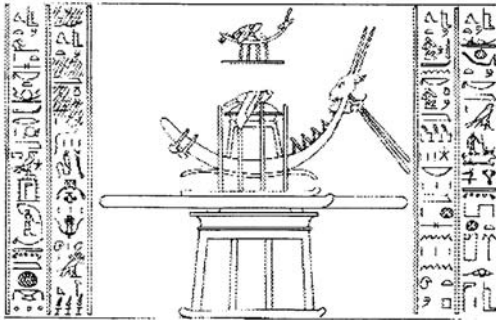

Рис. 4

Таким образом, изображение Сета на рельефе в виде коленопреклоненной фигурки с ослиной головой на обнаженном (?) человечьем теле может быть истолковано, с одной стороны, как изображение мифологического персонажа, и в таком случае его «ослиноголовость» объясняется

особенностями иконографии, сложившейся к этому времени для изображения Сета. С другой стороны, если рельеф способен отображать реальную драматургию ритуальных действий, то перед нами, возможно, сцена, разыгрываемая с участием Сета, которого изображал человек в маске осла.

Но в любом случае, Сет в облики осла оказывается включенным в самую сердцевину истории страстей Осириса и в эпоху Среднего царства, и в конце эллинистической – начале римской эпохи. Судя по тексту драмы из папируса Рамессеум и по характеру изображения Сета на рельефах в Дендере, он проходил путем мытарств, причем проходил его, как свидетельствует содержание папируса Рамессеум, безмолвно, чтобы в финале потерпеть полное поражение и покориться Осирису. И если рассматривать сюжет апулеевского романа с такой точки зрения, то завершение истории мытарств осла-Луция приобщением к культу Исида, а затем и Осириса, будет выглядеть не неожиданно и экстравагантно, но абсолютно естественно и органично.

Египетская парадигма просматривается и в той роли, которую играет Исида в судьбе осла-Луция. В египетской традиции победу над Сетом одерживает не сама Исида, а ее сын Хор. Исида лишь помогает ему, хотя степень и характер этой помощи в разных источниках выглядит разным. В «Споре Хора и Сета» Исида даже щадит Сета, отводя от него гарпун (Матье 1956: 103 сл.). Любопытно, что Плутарх, похоже, имел в виду именно эту версию истории: он говорит, что Исида, получив связанного Сета, «не казнила его, но развязала и отпустила» («Об Исиде и Осирисе», 19). По-разному в разных версиях выглядит и окончательный суд над Сетом: в «Споре Хора и Сета», как и в папирусе Рамессеум, его не уничтожают, а в ритуальной драме, разыгрывавшейся в храме Гора в Эдфу, расчленяют, причем по распоряжению Исида. Но в любом случае, Исида полностью разделяет с Хором торжество над Сетом. В романе Апулея решающая роль в судьбе осла-Луция, на первый взгляд, принадлежит Исиде. Но если приглядеться, то здесь просматривается египетская парадигма: мучения осла, смирившие его перед богиней,

производятся другими персонажами – Исида в них не участвует, хотя и глубоко в них заинтересована.

С такой точки зрения интересно рассмотреть ключевую сцену романа, когда Луций-осел появляется на празднестве Исиды в коринфской гавани Кенхрее и вторгается в праздничное шествие. Для исследователей истории культов роман Апулея является одним из основных и, главное, достоверных источников сведений о культе Исиды в греко-римскую эпоху (Beard 2001; Knauer 1995; Walters 1988; Witt 1971; Pakkanen 1996: 82). Действительно, множество сообщаемых Апулеем сведений подтверждается другими источниками, хотя в целом таких источников немного и Апулей из них – самый развернутый и пространный. Достоверность описания праздничных шествий, к которым присоединяется Луций (XI. 8–11), также не подвергается сомнению, хотя исследователи не согласны в том, следует ли считать культовой процессию «ряженных» (8–9), или таковой является лишь вторая процессия, в которой участвуют посвященные, жрецы и сами «боги, посчитавшие достойным ступить человеческими ногами» (11) (Takacs 1995: 87; Witt 1971: 165; Beard 2001: I.264).

Однако появление в этом праздничном контексте осла воспринимается как плод авторского воображения и, естественно, при анализе особенностей праздника Исиды не рассматривается (Witt 1971: 166; Griffiths 1975: 31). Но если иметь в виду роль осла-Сета в религиозных действиях египетской традиции, о которой я говорила, то его появление на празднестве Исиды в Кенхрее уже не кажется произволом Апулея. Более того, рискну предположить: демонстрация победы и власти богини над ослом-Сетом могла быть частью праздничного триумфа Исиды в Кенхрее.

Рассматривая сюжет романа Апулея сквозь призму египетского материала, необходимо, как мне кажется, еще раз обратить внимание на то, что Сет в ослиной ипостаси брошен к ногам Осириса (как это изображено на рельефах «часовни» Осириса в Дендере) или принужден служить ему (как в драме из папируса Рамессеум). В любом случае, в этих версиях истории над Сетом-ослом в финале торжествует Осирис. А в заключительных трех главах

романа Апулея (27–30) выясняется, что именно в служении Осирису и состоит судьба Луция.

Итак, «египетский папирус» апулеевского романа – это лежащая в основе его сюжета история борьбы и победы над Сетом-ослом в «основном мифе» египтян. Для решения вопроса о том, как и откуда эта история могла стать известна Апулею, очень важно, что именно в такой, «ослиной» версии она не рассказывалась, а разыгрывалась – ведь именно из текста драмы и из рельефов, иллюстрирующих драму, мы о ней и узнаем. Более того, рельефы из Дендеры дают основания предполагать, что действие с Сетом в ослиной ипостаси разыгрывалось вплоть до начала императорской эпохи (по меньшей мере!), так что не исключено, что Апулей мог знать о содержании таких действий, если не быть их свидетелем. Что же касается «нильского тростника», понимаемого как орудие или, точнее, способ написания романа, то некоторые предположения у меня есть, но это требует дополнительных размышлений и может составить материал отдельной статьи.

Литература

- Лаврентьева 2001 – Лаврентьева М. Ю. Рамессейский драматический папирус как один из источников по вопросу о драматических представлениях в Древнем Египте // *Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира МГУ. Вып. IV. М.*
- Левинская 2008 – Левинская О. Л. Античная Asinaria: история одного сюжета. М.: РГГУ.
- Матье 1956 – Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. М.; Л.
- Матье 1996 – Матье М. Э. Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. М.
- Budge 2002 – Budge E. A. Wallis. Osiris and the Egyptian Religion of Resurrection. London: NY.
- Companion 2001 – A Companion to the prologue of Apuleius' *Metamorphoses* / Ed. Ahuvia Kahane, Andrew Laird. Oxford; New York.
- Drioton 1942 – Drioton E. Le Theatre egyptien. Cairo.
- Drioton 1984 – Drioton E. Le texte dramatique d'Edfou. 1984 (reprint 1948) // *Supplement aux Annales du service des Antiquites de l'Egypte* (11).

- Frankfort 1948 – Frankfort H. Kingship and the Gods. A study of Ancient Near Eastern Religion as the Integration of Society and Nature. Chicago.
- Gaster 1975 – Gaster Th. H. Thespis: Ritual, Myth and Drama in the ancient Near East. N.Y.
- Griffiths 1975 – Apuleius of Madauros. The Isis-Book (Metamorphoses, Book XI) / Ed. J. Gwyn Griffiths. Leiden, 1975.
- Griffiths 1980 – Griffiths, Gwyn J. The Origins of Osiris and his Cult. Leiden.
- LA – Lexikon der Aegyptologie. Hrsg. Helck W., Westendorf W. Bd. I–VII, Wiesbaden, 1975–1992.
- Mariette 1870–1873 – Mariette A. Denderah. Planches. 4 vol. in 2 fol. Paris.
- Merkelbach 1995 – Merkelbach R. Isis regina – Zeus Sarapis. Die Griechisch-ägyptische Religion nach dem Quellen dargestellt. Stuttgart; Leipzig.
- Nielsen 2004 – Nielsen I. Cultic Theatres and Ritual Drama. A Study of Regional Development and Religious Interchange between East and West in Antiquity. Aarhus University Press.
- Scobie 1983 – Scobie A. Apuleius and Folklore. London.
- Sethe 1928 – Sethe K. Dramatischer Texte zu Altaegyptischen Mysterienspielen // Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens, v. X. Leipzig.
- Takacs 1995 – Takacs S. A. Isis and Sarapis in the Roman World. Leiden; NY
- Ward 1978 – Ward W.A. . The HIW-Ass, the HIW-Serpent, and the God Seth // Journal of Near Eastern Studies, 37.
- Witt 1971 – Witt R.W. Isis in the Graeco-Roman World. London.

Summary

Apuleius' famous novel "Metamorphoses, or The Golden Ass" is a very problematic work. The problem of its unity was always one of the most intriguing. How is the whole story of Lucius' adventures connected with its "Egyptian" denouement? The answer is concealed in the starting chapter, namely in the words *papyrusum Aegyptiam argutia Nilotici calami inscriptam*, which should be interpreted as an allegory. "Egyptian papyrus" in its literal sense means simply, that the novel is written on Egyptian "writing paper", but in its figurative sense it means, that the whole story is created on a single, namely Egyptian, basis. This Egyptian basis lies in the dramatic versions of the basic Egyptian myth of Isis, Osiris and Seth.

S. Luraghi

TRANSITIVITY, INTRANSITIVITY AND DIATHESIS IN HITTITE

Резюме. Статья посвящена категории переходности/непереходности в хеттском языке и некоторым вопросам, касающимся ее взаимоотношений с категориями каузативности, неэргативности/неаккузативности и залога в исторической перспективе. Среди прочего, рассматриваются такие вопросы, как признаки переходности/непереходности у глаголов движения и связь между контролируемостью действия и залогом глагольных форм.

Ключевые слова: хеттский язык, глагол, переходность, непереходность, залог, медиальный залог, неаккузативность, неэргативность, каузатив, антикаузатив.

1. Introduction

The aim of this paper is to explore some transitivity related phenomena in Hittite. As well known, Hittite has a variety of features that affect or are affected by transitivity, such as the distribution of nominative and accusative third person clitics, affixes used for verb derivation, the so-called reflexive particle *-z(a)*, and verbal diathesis. Arguably some of these features are connected with degrees of transitivity or intransitivity. After surveying some relevant concepts related to (in)transitivity (sec. 2), I will especially concentrate on the rise of split intransitivity (sec. 3), and on (pairs of) verbs that display a causative vs. anticausative semantic opposition (sec. 4). I will then discuss the relevance of the findings in sec. 4 for the reconstruction of the PIE voice system (sec. 5). Section 6 contains the conclusions.

2. Transitivity, intransitivity and types of event

Transitivity is a semantic property of predicates and clauses: as such, it reflects properties of events.¹ It is a scalar notion, which is defined in terms of a number of features

¹ I use the word 'event' as synonym of 'state of affairs', rather as the label for one specific type of state of affairs, as some others do.

which presence/absence determine varying degrees of transitivity. Highly transitive predicates, which may be regarded as prototypical (Næss 2007), refer to controlled states of affairs in which a volitional, and typically human, agent causes a change of state on the side of a patient. Other features of high transitivity involve telicity, realis modality, punctuality, and affirmative polarity (Hopper, Thompson 1980).

Semantic transitivity has reflexes on argument structure and on syntactic transitivity, even though such reflexes are indirect. Indeed, many verbs that indicate states, that is, predicates which are positioned at the lower edge of the transitivity scale, are typically transitive in the Indo-European languages. This is also true for Hittite, in which verbs such as 'see' and 'know' are syntactically transitive.²

Degrees of intransitivity may also have reflexes on the syntactic behavior of certain predicates. In many languages there is evidence for split intransitivity (Van Valin 1990), whereby subjects of certain intransitive verbs, called unergative, share properties of subjects of transitive verbs, while subjects of other intransitive verbs, called unaccusative, share properties of direct objects. In Hittite split intransitivity affects the distribution of clitic subjects. However, even though many middle verbs are unaccusative, middle voice in itself does not seem to be a manifestation of unaccusativity in Hittite. Split intransitivity reflects properties of participants coded as subjects only partially. It might be thought that subjects of intransitive verbs that share object properties are semantically patient-like, i.e. they are not the controller. Note however that this is not always the case: in particular, directional motion verbs such as 'come' and 'go' are typically

² Note that these particular verbs belong to the *-hi* conjugation in Hittite, which is possibly connected with the PIE middle (see Rose 2006). Since in Hittite such verbs do not build a semantically motivated group and do not display semantic features of middle voice synchronically, I am not going to consider their possible origin here. However, when discussing the Indo-European origin of the Hittite middle, one should keep in mind that PIE middle verbs might be reflected either by Hittite *media tantum*, or by (often morphologically active) *-hi* verbs.

unaccusative in languages for which thorough descriptions of unaccusativity are available, such as Italian, German, and Dutch. As we will see, Hittite motion verbs provide interesting evidence in this respect.

Transitivity cross-cut parameters are relevant for lexical aspect. In particular, atelic and non-dynamic predicates (states) are on the lower edge of the transitivity scale, while activities and transitions may display different degrees of transitivity. Activities are atelic, thus not highly transitive, but, contrary to states, they can be controlled, as in (1), (2) and (3), or uncontrolled as in (4) and (5); syntactically, they are often intransitive, but they may also be transitive when the direct object is non-referential as in (1):

- (1) *The child eats pasta.*
- (2) *Paul is drinking.*
- (3) *Mary is walking.*
- (4) *The door squeaks.*
- (5) *The river flows.*

Controlled activities are often denoted by unergative verbs in languages which display split intransitivity, while uncontrolled ones are unaccusative.

Transitions³ are telic. They may be controlled or uncontrolled and syntactically transitive or intransitive. They can further be divided into achievements and accomplishments:

- (6) *The snow melted.*
- (7) *The door opens.*
- (8) *Mary walked home.*
- (9) *John is eating a dish of pasta.*
- (10) *The wind broke the window.*

Lexical aspect identifies event types. In some classifications of event types, the feature(s) of control and/or of causation are considered basic, as for example in Croft (1991), where events are divided into causative, as in (9) and (10), inchoative as in (6) and (8), and stative. Inchoative events typically take place spontaneously. Following this approach, one might further distinguish between causative and non-

³ See Pustejovsky (1995: 68) for this terminology.

causative (including stative and spontaneous) events. Note however that activities are left out of this classification. Indeed, Croft discusses this issue, and concludes that activities should be grouped with inchoative events. According to Croft (1991: 265), evidence for this conclusion is provided by the fact that activities may lead to a resulting state, in much the same way as inchoative events:

(11) *The ice is melting / The ice is melted.*

(12) *Torey is dancing / Torey is all danced out.*

In addition, Croft (1991: 266) also suggests that activity verbs all have an understood direct object: while this view is shared by other authors regarding those activity verbs which have a transitive counterpart, such as *eat* or *paint*, Croft extends the analysis to other verbs. However, this analysis obscures the similarity of activities and states, which lies in their being both atelic; it also shows that combining telicity and causation is not an easy task. Note further that causation does not mean control in Croft's approach:⁴ activity verbs may indicate controlled events, but they are treated as inchoative (i.e. non-causal) in this classification.

The parameter of causation is relevant not only for semantic, but obviously also for syntactic transitivity, as shown by cross-linguistic evidence based on the causative/anticausative alternation (or causative/inchoative, following the terminology in Haspelmath 1993). Such alternation may be expressed through voice. Indeed, one of the functions typical of middle voice is to indicate inchoative events, as in Italian:

(13) *Paolo ha chiuso la finestra.*

"Paul closed the window."

(14) *La finestra si è chiusa.*

"The window closed."

The Italian particle *si* functions as a detransitivizing device in (14), which refers to a spontaneous, uncontrolled event. As we will see in section 4, middle voice is connected with this

⁴ A classification of states of affairs in which control is considered basic is the one originally devised in Dik's Functional Grammar, on which see Luraghi, Parodi (2008: 174-175).

type of alternation in Hittite as well, even though the contrary strategy, namely transitivization, is also widely employed.

3. Intransitive verbs in Hittite

In Hittite the distribution of subject and object third person clitics is sensitive to transitivity: while third person forms of intransitive verbs cannot occur without an overt subject, third person forms of transitive verbs can. On the other hand, omission of a referential direct object is less frequent than in the other ancient Indo-European languages. As shown in Luraghi (1990), third person subject and object clitics have a complementary distribution: subject clitics can only occur with intransitive verbs, and are virtually obligatory for third person when the subject is not a full NP or an accented pronoun; they never occur with transitive verbs, which allow zero third person subjects in case no subject NP occurs.⁵ In addition, transitive verbs used intransitively, i.e. unergative verbs, share the distribution of subject clitics typical of transitive verbs (see example (22) below). As argued in Garrett (1990) this can be taken as an indication of split intransitivity. Examples are the following⁶:

- (15a) *nu= kan INA KUR URUarzauwa parranda paun*
 CONN PTC in country A. upwards go:PRT.1SG
- b) *nu INA URUapasa ANA URULIM ŠA muhha-LÚ andan paun*
 CONN in A. to city of U. into go:PRT.1SG
- c) *nu= mu muhha-LÚ-is UL mazzasta*
 CONN 1SG.OBL U.-NOM not resist:PRT.3SG.M/P
- d) *n= as= mu= kan huwais*
 CONN 3SG.NOM 1SG.OBL PTC escape:PRT.3SG

⁵ The distribution of obligatory subject clitics follows the animacy hierarchy (see e.g. Comrie 1989: 189–195): 1st and 2nd person pronouns, which rank highest on the hierarchy allow null subjects with all types of verbs; third person subjects, which rank lower, can have null subjects with transitive (and unergative, see below) verbs but must have overt subjects with intransitive (unaccusative) verbs.

⁶ Examples are glosse following the Leipzig glossing rules; added abbreviations include: N/A = nominative/accusative neuter; PREV: preverb; PRT: preterite.

e) *n= as= kan aruni parranda gursawanza pait*
 CONN 3SG.NOM PTC sea:D/L toward island-DIR go:PRT.3SG

f) *n= as= kan apiya anda esta*
 CONN 3SG.NOM PTC there in be:PRT.3SG

“I went up to the country of Arzawa. In the city of Apasa I went into Uhhaziti’s quarters and Uhhaziti did not make any resistance. He escaped me and went to the island and stayed there.” *AM* 50.28–32;

(16 a) *sallanun= war=an kuit amruk*
 promote:PRT.1SG PTC 3SG.ACC because 1SG.NOM

b) *nu= war=an huwappi DI-esni huwappi DINGIR^{LIM}-ni UL para*
 CONN PTC 3SG bad:D/L tribunal:D/L bad:D/L god:D/L NEG PREV
UL kuwapikki tarnahhun
 never hadle:PRT.1SG

c) *kinuna=ya= war=an karapmi*
 now and PTC 3SG.ACC take:PRS.1SG

d) *nu= war=an ANA ^DUTU ^{URU}TÚL-na AŠŠUM ^{LÚ}SANGA-*
 CONN PTC 3SG.ACC to sungod Arinna for priesthood
UTTİM tittanumi
 install:PRS.1SG

“Because I promoted him, I never handled him over to a bad tribunal or to a bad god; and now I will take him and make him priest for the sungoddess of Arinna.” *StBoT* 24 iv 11–15.

The above examples contain coordinated clauses with a high degree of continuity, both for the third person subject in (15d-f) and for the third person direct object in (16a-d). In such conditions, other ancient Indo-European languages usually display coordination reduction, i.e. omission of both the subject and the direct object (see Luraghi 2004). The fact that such context does not trigger omission in Hittite demonstrates that Hittite third person clitics do not only have anaphoric function, but also have the function of indicating verbal transitivity.

Note that I am not saying that null direct objects never occur in Hittite. Indeed they do occur; what is remarkable, however, is that they are much less frequent than in the other ancient Indo-European languages. In particular, coordinated clauses which present the coordinating conjunctions *et* or *-que* never allow for repetition of direct objects in Latin, as argued

in Luraghi (1997), (1998), unless specific discourse factors intervene (i.e. if the object is emphatic, a condition which obviously cannot hold for a clitic), and apparently the same conditions hold for Greek (see Luraghi 2003). Possibly, obligatory coordination reduction of direct objects was a feature of PIE (see Luraghi 2004). Thus, the syntax of object clitics in Hittite hints at an ongoing process: null objects can still occur as an inheritance from PIE, but they are no longer obligatory in coordinated clauses, as shown in example (16). This is especially clear in (16c), where the coordinating conjunction *-(y)a-* occurs, which corresponds to Latin *-que* but, as remarked above, does not share its behavior (contrariwise, shared by other ancient Indo-European languages).

As for clitic subjects, renownedly they do not occur in other ancient Indo-European languages, and are a Hittite innovation. Garrett (1990) mentions a few occurrences of intransitive verbs with what he regards as discourse conditioned null subjects; he also notes that in most occurrences motion verbs are involved (Garrett 1996), beside a small number of stative verbs. Goedegebuure (1999) has gone a step further: by carefully analyzing all passages where intransitive verbs occur without a third person subject in Old Hittite, she has shown that they all contain motion verbs, while no change-of-state or stative verb can occur without subject clitics. Apparent exceptions are, as reported by Goedegebuure, the verb *es-* 'sit', which, however, occurs without a third person subject in passages in which it means 'to sit down' (and thus, must rather be taken as a motion verb), and the verb *es-* 'be', which she leaves out of consideration on account of the fact that "the expression of subject clitics in nominal clauses is based on different principles" (p.c.).⁷ In

⁷ Although I have not studied the distribution of subject clitics in nominal clauses, I suspect that it might be affected by negation. Passages where no subject clitics occur in Old Hittite are from negated sentences, such as *natta* GUD.MAH-*as* '(that) is not an ox' *HG* § 57, in which the negated predicate is non-referential. This is remarkable in the light of the fact that non-referential third person subjects of unaccusative verbs are not cliticized (that is, such occurrences have zero subjects), as shown in Garrett (1990: 106).

Middle and Late Hittite, motion verbs take subject clitics as consistently as other unaccusative verbs.

Goedegebuure (1999) further observes that the distribution of subject clitics in Old Hittite “indicates that OH represents a period in which the language is changing. Originally the language grouped transitive and motion verbs together (subject = agentive, expressed as Ø), and change-of-state and stative verbs (subject = non-agentive, use of the enclitic Subject).” This is an interesting conclusion in the light of what has been remarked above in sec. 1 regarding motion verbs. Motion verbs are somewhat different from other unaccusative verbs because their subject is volitional. However, they denote a change of position undergone by their subject: displacement in space can be conceived as equivalent to a change of state. In this case, only the feature of change of position/state is focused, and not the feature of volitionality. Hence, subjects of verbs of directional motion can be treated as patients, rather than as subjects of transitive verbs.

Indeed, in languages with split intransitivity, directional motion verbs are usually unaccusative; however, the double nature of the subject (undergoes a change, but acts intentionally) makes them non-prototypical. Note further that in some languages in which motion verbs are unaccusative, there appears to be a difference between verbs that indicate directional motion vs. verbs that indicate manner-of-motion, whereby the former are unaccusative and the latter unergative. This contrast may involve different constructions of the same verb, as shown in German:

- (17) *Peter hat (zwei Stunden lang) geschwommen.*
 “Peter swam for two hours.”
- (18) *Peter ist bis ans andere Ufer geschwommen.*
 “Peter swam to the other bank.”

These two types of verbs are also distinct by lexical aspect: while manner-of-motion verbs, as in (18), are atelic and indicate activities, directional motion verbs, as in (17), are telic and indicate transitions.

In Hittite, all types of motion verbs offer evidence both for use or for possible omission of subjects clitics, with subject clitics being more frequent than omission with virtually all

verbs. However, the feature of telicity might have played a role in Old Hittite as well. Indeed, the only relevant exception, if one considers the data collected in Goedegebuure (1999), is constituted by the verb *huwai-* ‘run’, which occurs nine times with a null subject and never with a third person clitic.⁸ This contrasts with other frequently attested verbs, such as for example *pai-* ‘go’, which occurs 21 times with a subject clitic and 7 with a null subject.

Further characteristics of *huwai-* deserve to be mentioned in this connection. In the first place, one may observe that this verb never takes a complement in the directive case (or in the dative-locative) in Old Hittite: rather, it either occurs without a complement, or with a complement in the accusative. Remarkably, the accusative does not occur with other motion verbs in Old Hittite original texts (direction complements in the accusative are attested only starting from texts in Middle Hittite script). The meaning of the participle of *huwai-* provides evidence for lack of telicity: it indicates a state, rather than a result, in much the same way as the participle of other verbs that denote atelic events. In (19) the participle *huyanza* means ‘running’, in much the same way as the participle of *huis-* ‘live’ in (20), which means ‘living’, ‘alive’:

- (19) LÚ^{LUM}-*ma kuis piran huyanza esta ...*
 man CONN REL.NOM.SG before run:PTCP.NOM.SG be:PRT.3SG
n= an= kan GIM-an kuenun
 CONN 3SG.ACC PTC when kill:PRT.1SG

“When I killed the man who was running before (them) (i.e. who was leading them)” *StBoT* 24 ii 39-40;

- (20) *man MUŠEN haranan husuwandan appanzi n= an udanzi*
 when eagle:ACC.SG live:PTCP.ACC.SG take:PRS. 3PL CONN 3SG.ACC
 carry:PRS.3PL

“When a living eagle is captured, it is carried (inside)” *StBoT* 8 ii 19.

⁸ The verb *salik-* ‘approach’ also only occurs with a null subject, but only one occurrence is available, and cannot provide enough evidence for its habitual syntax.

On the contrary, the participle of directional motion verbs, which denote telic events, indicates a result:

- (21) [] *INA* ^{URU}*puranda sara pan esta*
 in P. upwards go:PTCP be: 3SG.PRT
 “[The population] had gone to Puranda.” AM 60.55.

Another manner-of-motion verb provides evidence for atelic aspect: the verb *iya-* ‘walk’, ‘march’, as observed by Goetze (1925: 73) never occurs with a direction complement, and must be taken as referring to the activity of walking (see further Neu 1968b: 87). The participle *iyant-* likewise indicates a state and means ‘walking’. Unfortunately, Old Hittite texts offer no evidence for the use of subject clitics with this verb.

Thus, in Old Hittite most verbs of motion were still partly treated as unergative: at the time when special syntax for unaccusative verbs was being established, they were the last to acquire it. In particular, while directional motion verbs had already started acquiring unaccusativity features, the verb *huwai-* was consistently treated as unaccusative, and its subject shared coding properties with direct objects rather than with subjects of transitive verbs. I have remarked above that the reason why verbs of directional motion are often unaccusative across languages is that displacement (change of location) is understood as change of state, but this did not work for *huwai-*, which, at least at the Old Hittite stage, was a manner-of-motion verb. Unaccusative syntax extended to manner-of-motion verbs apparently only after the Old Hittite stage. The relative chronology of the extension of unaccusativity features is given in (21):

- (21) states, spontaneous events > directional motion verbs > manner-of motion verbs

To sum up, one can see that unaccusativity started from uncontrolled events; it then extended to motion verbs, which indicate controlled events, starting from directional motion verbs, and only later extending to manner-of-motion verbs. This chronology partly reflects the findings from other languages, in which directional motion verbs are unaccusative while manner-of-motion verbs are unergative.

4. The causative/anticausative alternation

Transitive verbs can be detransitivized: in the Indo-European languages, this is typically a function of middle voice. Detransitivized verbs have a single argument, the subject, which corresponds to the patient of their active counterpart. Thus, they are typically unaccusative. However, middle voice does not seem to be especially connected with unaccusativity in Hittite: among Old Hittite unaccusative verbs listed in Goedegebuure (1999) just a few are middle, with the exception of stative verbs, which are by th most part *media tantum*. The connection between middle verbs and stativity is well known, and it does not only concern Hittite, but it was most likely a feature of PIE as well.

Beside detransitivization, transitivization is also possible, through the formation of causatives (see Comrie 1995). Causatives of stative verbs are well known from Hittite, they are formed though the suffix *-nu-*. Examples are: *a-le-* 'be warm' / *inu-* 'warm up (tr.)'; *tarra-* 'be powerful' / *tarranu-* 'make powerful'. In addition, various intransitive verbs that indicate change of state have causative counterparts; many of them are also *media tantum*, such as *war-* 'burn (intr.)' / *warnu* 'burn (tr.)'. As remarked by Neu (1968b: 53), *-nu-* causatives build transitive counterparts of ancient *media tantum*, whose diathesis was connected with either states or change-of state verbs, that is, typically uncontrolled events. Thus, with these verbs the basic form is intransitive and indicates an uncontrolled event, while the transitive form is derived.

Haspelmath (1993) describes causative and anticausative derivation in a typological perspective. He singles out four possible situations (some languages, as English and Hittite, have more than one):⁹

- i. **causative** alternation: the anticausative verb is unmarked, the causative verb is marked: this is the case of the Hittite verbs described above;
- ii. **anticausative** alternation: the causative verb is

⁹ Note that Haspelmath uses the term 'inchoative' for anticausative. The examples below are partly from Haspelmath (1993) partly mine.

unmarked, the anticausative verb is marked, as in Italian: *rompersi/rompere* (break), Russian: *rasplavit'/rasplavit'sja* (melt), German: *verändern/sich verändern* (change) (These three examples involve the usage of the reflexive particle for anticausative derivation.);

iii. **equipollent** alternation: both the causative and the anticausative verb have the same number of morphemes, but they are different, as in English *fall/fell*, Japanese *atumaru/atumeru* 'gather';

iv. **suppletive** alternation: the alternation involves lexically different verbs: English: *die/kill*; Russian: *goret'/žec* (burn);

v. **labile**: there is no overt marker of the alternation:¹⁰ English: *break, melt, open, ...*

Below I give a non-exhaustive list of Hittite verbs that display either causative derivation or causative/anticausative meaning connected with diathesis, whereby the middle voice is typical for states and spontaneous events; in addition, a few verbs display suppletion. Note that causative verbs in *-nu-* may have middle voice, see sec. 5.¹¹

SUPPLETION:

1. die/kill = *ak-* (active *-hi* verbs, infreq. middle=active);/ *kuen-*
2. fall/fell = *maus-* (active=middle) / *pessya-*
3. appear/show = *dug-* (middle) / *tekkussai-* (active)

CAUSATIVE DERIVATION:

4. be warm / warm up = *e-* (middle) / *inu-*
5. collapse/destroy = *hark-* (active=middle) / *harganu-*
6. dry = *hates-* (mostly active) / *hatnu-* (both verbs from OS)
7. delay = *istnatai-* (active) / *istandanu-*
8. go out/put out = *kist-* (middle) / *kistanu-*
9. grow = *makkes-* middle (from MS also active=middle)

¹⁰ Some verbs can be labile or have anticausative derivation, as Italian *fondere* 'melt': *Il metallo fonde/ il calore fonde il metallo* 'the metal melts/heat melts the metal' (labile); *Il metallo si fonde* (anticausative) 'the metal melts'. The same is also true for some Hittite verbs, as I will show below.

¹¹ The data are partly from Neu (1968a), partly from *CHD*, and, for causative verbs, from Luraghi (1992). Listed verbs are arranged in Hittite alphabetical order.

maknu- both verbs from OH

10. get lost/loose = *mer-* active=middle (middle only after OH/OS)¹²/*marnu-*
11. fear/frighten = *nahsariya-* (active=middle more frequent) /*nahsarnu-* ('be afraid' is *nahh-*, a *-hi* verb, mostly act.)
12. become/make drunk = *nink-* (active= middle) /*ninganu-*
13. become/make tall = *parganes-* (active=middle) /*parganu-*
14. become/make tall = *parkiya-* (active=middle) /*parkiyanu-* (in OH apparently LABILE, causative derivation from MS)
15. grow/raise = *salles-* (active) /*sallanu-*
16. disappear/eliminate = *samen-* (active) /*samenu-*
17. sleep/cause to sleep = *ses-* / *sassanu-*
18. burn = *war-* (middle)/*warnu-*
19. turn = *weh-* (active=middle)/*wahnu-*
20. fear/scare = *werite-* / *weritenu-*
21. boil = *zea-* (middle) /*zanu-*

VOICE ALTERNATION:

22. split = *harp-* (active=transitive; middle= anticausative)
23. finish = *irha-*(active=transitive; middle= anticausative)
24. prosper, flourish/set straight = *lazziya-* (active=transitive; middle= anticausative; middle also 'recover', from OS; more frequent than act.; as 'heal' also *huisnu-* caus. from *huis-*, 'live')
25. survive/sustain = *luluwai-* (active=transitive; middle= anticausative; both from OH with same frequency)
26. melt down/melt = *mariya-* (active=transitive; middle= anticausative; middle from OS, active from OH/NS less frequent)
27. to be invisible/hide = *munnai-* (active=transitive; middle= anticausative; active from OH/NS, middle from MH/NS, less frequent)
28. turn = *nai-*(active=transitive; middle= anticausative; both from OS)
29. break = *pars-* (active=transitive; middle= anticausative or transitive; active only from OH/NS; thus in OH possibly LABILE)
30. fill = *suwai-* (active=transitive; middle= anticausative)

¹² See below sec. 5.

31. break = *duwarnai-* (active=transitive; middle= anticausative)
 32. finish = *zinna-* (active=transitive; middle= anticausative;
 partly LABILE: active can also be anticausative)

Verbs such as 6, 9, 13, and 15 build apparently equipollent pairs with verbs in *-es*, which are taken as derived from adjectives; however, such *-nu* verbs are usually taken not as derived from adjectives, but from other de-adjectival verbs. I do not wish to enter a discussion of word formation here, and consider them part of the group of verbs with causative derivation.

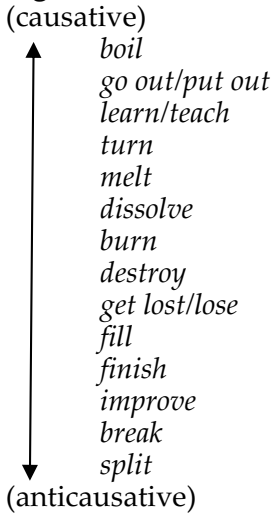
Haspelmath (1993) provides cross-linguistic evidence for certain verbs to display more frequently either causative or anticausative derivation, depending on their meaning, reproduced below in Figure 1.¹³ Even though the list does not cover all Hittite verbs surveyed above, it can be seen that, with few exceptions, verbs that have causative derivation in Hittite are the same or are semantically similar to verbs that tend to have causative derivation across languages, while verbs that have a causative/anticausative alternation based on voice are close to those that tend to have anticausative derivation. Thus, voice seems to be connected with the causative/anticausative alternation in Hittite.

At the core of the causative alternation, we find stative verbs: indeed, such verbs do not even indicate a dynamic event, thus, causativization does not only indicate that they are brought about by an agent, but also adds a dynamic dimension. Other verbs (often, but not necessarily middle) which exhibit the causative derivation indicate events that are most likely to occur spontaneously, that is, that are most likely to be uncontrolled. Lack of control is indicated by middle voice in cases of middle/active alternation; however, with some of these verbs there is evidence for late development of the alternation. In the first place, some of them seem to be labile in Old Hittite, such as 29 and 32 (there is similar evidence also for 14, with causative derivation); in the second

¹³ These are only a part of the verbs surveyed in Haspelmath (1993), for which I have found a correspondence in Hittite.

place, with some of these verbs the active seems to be as basic as the middle, or in some cases even older, as I will show in sec. 5.

Figure 1.

To sum up, causative derivation is older than voice alternation.¹⁴ Note that according to Haspelmath (1993) the tendency shown in Figure 1 for verbs to display either type of derivation depends on likelihood for events to occur spontaneously (causative derivation) or be brought about by an agent (anticausative derivation).

5. Diathesis, control and unaccusativity

Below are some observations that can be made regarding to the distribution of Hittite diatheses:

- Inchoative verbs that have morphological causative counterparts are either *media tantum* or they have active=medium, i.e. no matter the morphology, they denote uncontrolled events.

¹⁴ See also Шацков (2008).

- Morphological causatives with the suffix *-nu-* can often be inflected in the middle. In the middle, they have reflexive (mostly with the reflexive clitic =z(*a*)) or passive meaning; i.e. they denote controlled events. The main function of *-nu-* then can be said to change the meaning of the predicate from [-control] to [+control].
- The Hittite middle can have passive meaning, but this semantic extension was only at the onset in the Old Hittite period (cf. Neu 1968a, b). In some cases, suppletive verbs that appear in the causative/anticausative alternation can be used as lexical pairs of active/passive (see below, the remarks from Justus 2000).
- This alternation is parallel to the alternation transitive/causative found with action verbs as in *kank-* ‘hang (tr.)’ / *ganganu-* ‘cause to hang’.¹⁵
- Intransitive verbs denoting controlled events are very often active (*pai-* ‘go’, *uwa-* ‘come’).
- Stative or change-of-state verbs with typically human subjects (as ‘live’ or ‘die’) are often active.

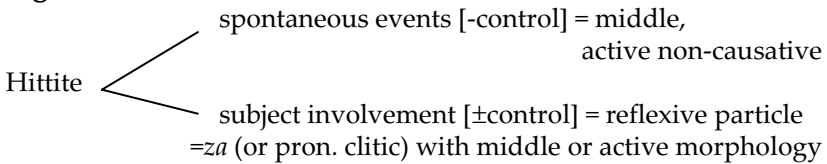
Benedetti (2002) has argued that the Indo-European middle was connected with unaccusativity. As we have seen in sec. 2, unaccusativity is connected with the syntax of subject clitics in Hittite; the Old Hittite data points in the direction of an ongoing extension of unaccusativity, which started with stative and change-of-state verbs, that is, with verbs that denoted lack of control. Indeed, these two groups of verbs cover the original functions of middle voice in Hittite, according to Neu (1968a).

According to Kemmer (1993), middle voice is a semantic

¹⁵ Intransitive verbs with causative derivation outnumber transitive ones. Note that there is very little evidence for causatives of transitive verbs to be ditransitive: usually, the causee remains unexpressed even with causatives. The whole Hittite corpus only contains one occurrence (in HG § 43) of a ditransitive causative, as I have shown in Luraghi (1992), in which I checked all available occurrences. Thus, the statement that “Double accusatives ... are particularly common with verbs which are causatives of transitive verbs” (Hoffner, Melchert 2008: 247) is false, since it is based on a single occurrence.

category intermediate in transitivity between one-participant and two-participants events. It is typically used with verbs that denote spontaneous events ([-control]), or to indicate subject-affectedness ([±control]). Kemmer's definition has recently been shown to fit the PIE middle (see Meiser 2010), as well as morphological middles of many Indo-European languages, as e.g. Ancient Greek (see Allan 2003). In Hittite the semantic properties of middle voice are distributed between morphological middle and reflexive constructions, as shown in Figure 2:

Figure 2.

The use of the particle =z(a) to indicate subject involvement developed especially after Old Hittite, as shown in Boley (1993). Josephson (2003) argues, among other things, that the subject of an intransitive verb with =z(a) is more actively involved in bringing about a certain event than the subject of the corresponding verb without =z(a). Both Josephson and Boley compare the use of =z(a) with some usages of reflexives in the Romance languages: Josephson refers to Maldonado (2000) on Spanish *se*, while Boley has some non-systematic remarks on Italian *si*. Non-reflexive usages of *si* have been connected with unaccusativity. Note however that the notions of 'typical' middle voice meaning and unaccusativity do not coincide: as remarked by various authors, middle voice is not necessarily connected with intransitivity. Some typical usages of middle voice are found with transitive verbs. See for example the following passage from Ancient Greek:

- (23) *oúte bōmōus poieûntai oúte pûr anakaíousi méllontes thúein*
 "When about to sacrifice, they do not build altars or kindle fire"
 (Hdt. 1.132.1).

In the above example, the form *poieûntai* is middle. As well known, active voice could also occur in this same context,

without any changes in transitivity: by the choice of middle voice the author indicates that the agent performs an action in his/her own interest. A further example from Italian can illustrate this point, and also offer a parallel with Hittite:

(24) *Mi sono mangiato tutta la torta che era rimasta*

“I ate up (lit.: I ate + reflexive) all the cake which had been left over.”

(25) NINDA-*ann=a*=z TI-*annas azikkizzi*

bread:ACC and PTC live:INF eat:PRS.3SG

“she eats the bread of life” (from Boley 1993: 168).

Thus, the Hittite data seems to point toward a division in the domain of middle voice: in particular, subject involvement is connected with the particle *-z(a)*, while spontaneous events are connected with grammatical middle.

The development of Hittite middle voice also involves morphology. Morphological marking of middle voice became heavier after Old Hittite: Neu (1968a) has shown that middle endings containing *-r* are later than middle endings that did not contain it. Justus (2000) argues that the extension of *-r* endings owed to a re-structuring of the voice system, in the transition from phase I to phase II illustrated in Table 1.

Justus provides examples with the verb *mer-/mar-* which is active in Old Hittite and later acquires middle morphology (but active morphology still continues, with no apparent change of meaning):¹⁶

(26) *man=kan* ^{LU}*MESHEDI=ma arha mirzi*

when PTC M.

CONN PREV go.missing:PRS.3SG

‘When the *MESHEDI* men go entirely missing ...’ (IBoT I 36 I 53)

(27) *martari= war=at= kan nu= war=at= kan aszi*

disappear:PRS.3SG.M/P PTC 3PL.N/A PTC CONN PTC 3PL.N/A PTC

remain: PRS.3SG

“(Some) things get lost, (others) are left over”

(KUB XIII 35 IV 45–46).

As Justus points out, in Hittite “counterpart intransitives or

¹⁶ Table 1 and examples (26) and (27) are from Justus (2000).

transitive actives tended to be expressed suppletively (*ak-hi* ‘die’: *kuen-* ‘strike’; *kisa(ri)* ‘come about, happen’, *iya-* ‘make’; *kitta(ri)* ‘lie, be placed’: *dai-* ‘put, place’). One can add that derivation, that is word formation, rather than inflection was used to create causative counterparts to basic anticausative verbs, as we have seen above.

Table 1.

Stage I	Verb classes: person endings have a classifying function.
	Verbs are semantically either (intransitive) active or stative, transitive actions are syntactically or morphologically derived.
Stage II	Transition: verb classes are collapsing together.
	Various transitivity-changing strategies appear.
Stage III	One overt verb class with voice transformation.
	Verbs can be transformed from (transitive) active to passive.

Such evidence points toward a lexical distribution of PIE diatheses, as represented in Table 1, which summarizes a view shared by numerous scholars who subscribe to the reconstruction of PIE as an active language (see Meiser 2010 with references). In the Indo-European languages, and possibly in late PIE, the transition from active to nominative/accusative alignment had already been completed, but there were remnants of the old alignment type, among which the *media tantum*. In the meantime, diathesis became inflectional, and middle forms started to appear with verbs which were formerly only active. This was the onset of the process that led middle voice to acquire passive meaning. Presumably, in PIE passive was expressed by activizing intransitive (stative) verbs (Meiser 2010: 331). With its array of lexical means to implement the causative/anticausative alternation, which supplement inflectional diathesis, Hittite offers evidence for this transitional stage.

6. Conclusion

Middle voice in Hittite is typical of stative and change-of-state verbs, as shown in Neu (1968a, b).¹⁷ The same verbs constitute the core of Hittite unaccusatives, as shown on the evidence offered by the distribution of subject clitics. However, unaccusativity as we can observe it in the Hittite texts was an expanding phenomenon, as it extended to include not only verbs whose subject is more readily comparable with a direct object because it is nonvolitional, but also verbs that indicate directional motion, whose subject, being volitional, is semantically closer to an agent. When this extension took place, unaccusativity was no longer connected with middle voice, either semantically, because it was no longer limited to verbs indicating uncontrolled events, or morphologically, because it extended to active verbs. The starting point however was provided by the close connection of middle voice with unaccusativity, favored by the presence of =z(a), which covered non-unaccusative usages typical of middle across languages. In its further development, middle inflection extended to once only active verbs, and the middle voice acquired passive meaning. Causativization strategies remained, as did *media tantum*, as vestiges of older stages.

References

- Allan, Rutger 2003. *The Middle Voice in Ancient Greek*. Amsterdam: Gieben.
- AM = Goetze, Albrecht 1933. *Die Annalen des Mursilis*. Leipzig: Hinrichs.
- Benedetti, Marina 2002. Radici, morfemi nominali e verbali: alla ricerca dell'inaccusatività indoeuropea. *Archivio Glottologico* 87, 20–45.
- Boley, Jacqueline 1993. *The Hittite Particle -z/-za*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft.

¹⁷ Note however that a number of such verbs, as *es-* 'be' and *huis-* 'live' are active *-mi* verbs, some others, such as *ak-* 'die', *sagahh-* 'know' are (active) *-hi* verbs. As I remarked above, fn. 2, the fact that verbs of the *-hi* conjugation are clearly connected with the Indo-European middle does not simplify things when one tries to reconstruct the history of the Hittite middle voice.

- CHD = The Chicago Hittite Dictionary, Chicago, 1980-.
- Comrie, Bernard 1985. Causative verb formation and other verb-deriving morphology. In T. Shopen (ed.) *Language Typology and Syntactic Description* vol. 3 *Grammatical Categories and the Lexicon*. Cambridge: CUP, pp. 309-348.
- Comrie, Bernard 1989. *Language universals and linguistic typology*. 2nd edition. Chicago: University of Chicago Press.
- Croft, William 1991. *Syntactic Categories and Grammatical Relations*. Chicago: University of Chicago Press.
- Garrett, Andrew 1990. *The Syntax of Anatolian Pronominal Clitics*. Ph.D. diss., Harvard University.
- Garrett, Andrew 1996. Wackernagel's Law and inaccusativity in Hittite. In A. Halpern (ed.), *Approaching Second*, Chicago: CSLI Publications, pp. 85-133.
- Goedegebuure, Petra 1999. The use and non-use of enclitic subject pronouns in Old Hittite", paper read at the IV. Internationaler Kongress für Hethitologie, Würzburg, October 1999.
- Goetze, Albrecht 1925. *Hattusilis*. Leipzig: Hinrichs.
- Haspelmath, Martin 1993. Inchoative/causative verb alternations. In B. Comrie, M. Polinsky (eds.), *Causatives and Transitivity*, Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, pp. 87-120.
- HG = Friedrich, Johannes 1959. *Die hethitischen Gesetze*. Leiden: Brill.
- Hoffner, Harry A. and H. Craig Melchert 2008. *A Grammar of the Hittite Language*. Winona Lake: Eisenbrauns.
- Hopper, Paul and Sandra Thompson 1980. Transitivity in Grammar and discourse. *Language* 56/4, 251-299.
- Josephson, Folke 2003. The Hittite reflexive construction in a typological perspective. In B. L. M. Bauer, G. Pinault (eds.) *Language in Time and Space. A Festschrift for Werner Winter on the Occasion of his 80th Birthday*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, pp. 211-232.
- Justus, Carol 2000. The Age of the Indo-European Present -R Person Endings. *Proceedings of the 11th UCLA Indo-European Conference*. JIES Monograph 35, 267-292.
- Kemmer, Suzanne. 1993. *The Middle Voice*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins.
- Luraghi, Silvia 1990. *Old Hittite Sentence Structure*. London/New York: Routledge.
- Luraghi, Silvia 1992. I verbi in -nu- e il loro valore causativo. In O. Carruba (ed.) *Per una grammatica ittita*, Pavia: Iuculano, pp. 153-180.
- Luraghi, Silvia 1997. Omission of the direct object in Classical Latin. *Indogermanische Forschungen* 102, 239-257.
- Luraghi, Silvia 1998. Participant tracking in Tacitus. In B. García-Hernandez, ed., *Estudios de Lingüística Latina*, Madrid, Ediciones Clásicas, pp. 467-485.
- Luraghi, Silvia 2003. Definite referential null objects in Ancient

- Greek. *Indogermanische Forschungen* 108, 2003, 169–196.
- Luraghi, Silvia 2004. Null Objects in Latin and Greek and the Relevance of Linguistic Typology for Language Reconstruction. In *Proceedings of the 15th Annual UCLA Indo-European Conference*, *JIES Monograph* 49, 234–256.
- Luraghi, Silvia and Claudia Parodi, 2008. *Key Terms in Syntax and Syntactic Theory*. London/New York: Continuum.
- Maldonado, Ricardo 2000. Conceptual distance and transitivity increase in Spanish reflexives. In Z. Frajzyngier, T. Curl (eds.) *Reflexives: Forms and Functions*, Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, pp. 153–185.
- Meiser, Gerhard 2010. Zur Typologie des urindogermanischen Mediums. In R. Luehr, S. Ziegler (eds.) *Protolanguage and Prehistory: Akten der XII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft*, Wiesbaden: Reichert, pp. 318–334.
- Naess Ashild 2007. *Prototypical transitivity*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins.
- Neu, Erich 1968a. Interpretationen der hethitischen mediopassiven Verbalformen. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Neu, Erich 1968b. *Das hethitische Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen*, Wiesbaden: Harrassowitz.
- Pustejovsky, James 1995. *The Generative Lexicon*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Rose, Sarah R. 2006. *The Hittite -hi/-mi Conjugations: Evidence for an Early Indo-European Voice Opposition*. Innsbruck: *Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*.
- StBoT 24 = Otten, Heinrich 1981. *Die Apologie Hattusilis III*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- StBoT 25 = Neu, Erich 1980. *Althethitische Ritualtexte in Umschrift*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Шацков, А. В. 2008. Хеттские глаголы с суффиксом -ни-. In *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII Санкт-Петербург: Нестор-История*, pp. 471–474.
- Van Valin, Robert 1990. Semantic parameters of split intransitivity. *Language* 66, 221–260.

Л. В. Луховицкий

ВИЗАНТИЙСКОЕ ИКОНОБОРЧЕСТВО – СПОР О ТЕРМИНАХ?

Резюме. Статья посвящена анализу полемического приема, разработанного Константинопольским патриархом Никифором в трактате «*Apologeticus atque Antirrhethici*», созданном в 815–820 гг. и посвященном опровержению учения императора Константина V (741–775 гг.). Этот прием заключается в сведении догматических противоречий к своеобразному спору о терминах, когда полемист рассматривает заблуждения своего оппонента как следствие не собственно еретических взглядов, а всего лишь ошибки в употреблении того или иного богословского термина.

Ключевые слова: Византия, иконоборчество, Никифор Константинопольский, иконопочитание, полемический трактат, опровержение ересей, христология, греческая богословская терминология; Byzantium, iconoclasm, Nicephorus of Constantinople, icon veneration, polemical treatise, refutation of heresies, christology, greek theological terminology.

Любому исследователю, впервые обратившемуся к историографии византийского иконоборчества, приходится столкнуться с великим множеством взаимоисключающих концепций, объясняющих природу и сущность спора об иконах. По меткому замечанию П. Брауна, феномен иконоборчества как никакое другое явление византийской культуры страдает от «кризиса сверх-объясненности» (Brown 1973: 3). Известны попытки описать его исключительно в рамках социально-экономической истории (Сюзюмов 1948), вскрыть его философские основания (Florovsky 1950; Сидоров 1990; Живов 1991/2002), рассмотреть с точки зрения развития общественно-политической мысли (Barnard 1973; Auzéry 1998; Афиногенов 1997) и т. п.

Значительно реже исследователи обращаются к вопросу о том, как рассматривали иконоборческий конфликт сами его участники. Среди множества объяснений, предложенных иконопочитателями, обращает на себя внимание трактовка спора об образе как спора о терминах, которая характерна для авторов второго периода иконоборчества (815–843 гг.) и, в первую очередь, для ключевой

фигуры «схоластического периода» иконопочитательского богословия (в терминологии П. Александера) – Константинопольского патриарха Никифора (806–815 гг.). Речь идет о приеме, который заключается в том, что полемист рассматривает заблуждения своего оппонента как следствие не еретических взглядов (что, впрочем, также происходит весьма часто), а всего лишь ошибки в употреблении того или иного философского или богословского термина. Таким образом, в глазах читателя оппонент предстает не только нечестивцем, но и неумелым богословом.

Наиболее яркие примеры использования такого приема мы можем найти в богословско-полемическом трактате «*Apologeticus atque Antirrheticus*» (далее АА), созданном в 815–820 гг. и посвященном опровержению богословского учения императора Константина V (741–775 гг.). В этом трактате Никифор регулярно высказывает претензии к сочинениям своего противника (т.н. «Вопрошаниям») именно как к теоретическому рассуждению, осуждая не еретическое содержание, а способ его выражения.

При этом Никифор предъявляет достаточно высокие требования: наряду с очевидным обвинением в тавтологии (АА: 313А, 329А, 340В) и непоследовательности (Константин называет Евхаристию то «телом Христа в собственном смысле», то говорит о ней как об «образе Его тела» – АА: 336А), Никифор высказывает и менее очевидные претензии. Так, он указывает на то, что в богословском рассуждении нельзя пользоваться общими понятиями и определениями, как это свойственно Константину, поскольку такая манера делает предмет разговора неконкретным и открывает простор для манипуляций: «Он пользуется общим определением (*τῷ καθολικῷ δὲ προσδιορισμῷ κέχρηται*), чтобы все подумали, что он ведет речь вообще о всякой иконе (*περὶ πάσης εἰκόνας τὸν λόγον ποιεῖσθαι*), и никто не мог его заподозрить...» (АА: 225А). Рассуждая о важных богословских вопросах, требующих большой точности, необходимо, по мнению Никифора, употреблять слова в их основном, терминологическом значении (*ταῖς κυρίαις τῶν λέξεων σημασίαις*), а не использовать синекдоху или иной троп (*κατὰ συνεκδοχὴν, ἢ καθ' ἕτερον τρόπον* – АА: 236АВ). Сходные утверждения мы встречаем

и в других сочинениях Никифора, например в более позднем «Обличении и опровержении»: «Разумные могут заметить здесь скрытое коварство и примитивность и несуразность способа выражения мысли: взявшись строить свою речь против икон, они рассуждают вообще и неопределенно, а каких <первообразов> эти иконы и чьи они, и кого изображают и чью память сохраняют, этого они вовсе не добавляют, оставляя это слово как бы висеть в воздухе <...> Им следовало бы – поскольку слово «икона» есть понятие относительное, которое никогда не помыслится отдельно, особенно когда употреблено в собственном смысле (потому что всегда с ним мыслится и то, к чему оно относится), – четко сказать, чья это икона и подобие, чтобы стало ясно, что они имеют в виду» (Refutatio et Eversio: 7, 6–2).

Отметим, что сам Никифор всякий раз после такого неточного, нетерминологического употребления, допущенного им самим, считает необходимым поправиться и пояснить, почему это было сказано именно так: «мы и сами выше пользовались этими словами как придется, чтобы не нарушить последовательности речи, иногда в прямом смысле, сохраняя присущее значение слова, а иногда ведя рассуждение, не обращая внимания на их различие; но мы обещали представить знание о них и провести различие между ними, показав, чем они отличаются друг от друга» (AA: 353D–356A).

Отсюда вытекает и общая претензия к манере Константина: он не владеет необходимым философским инструментарием, например, не понимает, чем отличаются «подобие» (ὁμοίος) и «тождество» (ταὐτόν), что в свою очередь ведет к смешению двух понятий: «иной и иной» (ἄλλος καὶ ἄλλος), предполагающего природное различие, и «иное и иное» (ἄλλο καὶ ἄλλο), употребляющегося по отношению к ипостасям (AA: 281AB). Он не знает, что есть причина, а что следствие (αἰτίου καὶ αἰτιατοῦ – AA: 229B), а эти понятия чрезвычайно важны при рассуждении об иконе (AA: 277C). Константин не видит разницы между образом «по природе» (φύσει), единосущном первообразу, и образом «по установлению» (θέσει), отличному от первообраза по сущности, но общему с ним по имени (AA: 225CD). С другой стороны, он объясняет вещи, не

подвергающиеся сомнению, самоочевидные и не нуждающиеся в каких-либо доказательствах (AA: 337D–340A); употребляет слова, невозможные в теоретическом рассуждении, такие как «если бы мы пожелали» (ἄν θελήσωμεν – AA: 336AB), и др.

Вывод, который делает Никифор на основании своих наблюдений над манерой Константина, заключается в том, что тот не обладает ни «следами благочестия» (ἐναυσμα εὐσεβείας), ни «хотя бы крупницей логики» (λογικῆς ἐπιστήμης καὶν βραχὺ γοῦν τι – AA: 229B), что для Никифора одинаково достойно порицания. Итак, мы видим, что Никифор стремится опровергнуть своего противника на самом элементарном, языковом уровне.

Исключительно важную роль описываемый нами прием сыграл в рассмотрении ключевого в иконоборческой полемике вопроса об изобразимости и описуемости Христа.

Поясним, как именно. Известно, что особое значение в иконоборческих спорах приобрели вопросы христологии. По мнению обеих сторон, от решения вопроса об изобразимости Христа зависела судьба и всех остальных священных изображений. Константин V предложил следующее решение: Христос неизобразим (ἄγραπτος), поскольку неопишуем (ἀπερίγραπτος), неопишуемость при этом не подвергается сомнению, поскольку является одним из атрибутов Божества и отрицать ее значит утверждать, что Христос есть «всего лишь человек» (ψιλὸς ἄνθρωπος), т. е. впадать в несторианскую ересь (AA: 236CD).

С точки зрения логики возможны два пути опровержения этого тезиса: можно либо отрицать зависимость изобразимости от описуемости (лингвистический подход), либо, признавая эту зависимость, опровергать саму неопишуемость Христа и доказывать, что Он изобразим в силу описуемости (богословский подход). Богословский подход встречается в сочинениях иконопочитателей значительно чаще, чем лингвистический (например, к нему неоднократно обращается Феодор Студит). Не избегает его и Никифор: в силу *communicatio idiomatum* Христос не может быть охарактеризован ни как «только описуемый», ни как «только неопишуемый». Хотя Божество Христа

неописуемо, признание неописуемости ипостаси Христа приводит к ереси докетизма, поскольку делает призрачным Воплощение и крестное страдание, а значит невозможным и Спасение: «Неописуемое не присутствует в каком-либо месте; то, что не присутствует где-либо, – не тело; если же не тело – то тем более и не человек. А это значит, Он не вочеловечился и не воспринял падшую природу» (АА: 368А).

Если Феодору Студиту было бы достаточно уже такого аргумента, то Никифор продолжает рассуждать. Оказывается, что между категориями описуемости и изображимости вообще нет прямой зависимости, а его противники являют собой жалкое зрелище, не замечая столь очевидных различий (АА: 353D). В подтверждение Никифор приводит примеры явлений неизобразимых, но описуемых (годовой круг, болезни, свойства живой природы, например, благоухание цветов и т. п. – АА: 360В–364С). Изображение понимается Никифором двояко: это либо словесное описание, либо искусство живописи (АА: 356АВ). В свою очередь, описуемость – это способность быть ограниченным некими рамками (местом, временем и постижением – ἡ γὰρ τόπω περιγράφεται τὸ περιγραφόμενον, ἡ χρόνῳ καὶ τῷ ἡρῆθαι, ἡ καταλήψει – АА: 356ВС). Ср. определение Иоанна Дамаскина в главе 13 «Точного изложения православной веры»: «Описуемо то, что обнимается местом, или временем, или пониманием; неописуемо же – то, что не обнимается ничем из этого» (Johannes von Damaskos: 39; Иоанн Дамаскин: 182).

Таким образом, изображение Христа на иконе не делает Его описуемым, а Его изображения допустимы не в связи с Его описуемостью или неописуемостью, но исключительно благодаря Его изображимости: «Итак, мы Его не описываем (περιγράφομεν), ибо как это возможно, если телесно Он не присутствует? Но мы изображаем (γράφομεν) Его не благодаря Его описуемости (οὐ καθὸ περιγραπτός), но только в силу того, что по природе Он телесно изобразим (γράφεσθαι πέφυκε σωματικῶς)» (АА: 369С).

Такое доказательство, строящееся на различии значений терминов, Феодору Студиту неизвестно. Особенно хорошо это видно на примере первой главы третьего

«Антирретика» Феодора (Theodori Studitae Antirrhetici: 389C–416D), в которой один за другим приводятся аргументы в защиту священных изображений, но ни один из них не связан с вопросом о значении терминов. По мнению Феодора, разницей между ними можно пренебречь: когда некий гипотетический иконоборец заявляет, что «нечестиво описывать Христа» (ἀσεβές, τὸ Χριστὸν περιγράφειν), Феодор отвечает: «У всякого изображаемого изображается (εἰκονίζομένου εἰκονίζεται) не природа, а ипостась»; а затем резко меняет термин: «Итак, Христос описуем (περιγραπτός) по ипостаси...».

Однако Никифор отдаёт себе отчет в том, что его логика небезупречна и определенная связь между изображением и описанием все же имеется: все изображимое описуемо, но не наоборот (ἢ μὲν γραφή περιέχεται ὑπὸ τῆς περιγραφῆς... εἴ τι μὲν γὰρ γραπτόν... φήσειεν ἄν τις τάχα που καὶ περιγραπτόν – АА: 360АВ). Именно поэтому легко привести пример явления неизобразимого, но описуемого, в то время как пример неопишуемого и при этом изображимого – нет, ибо неопишуемо лишь Божество (об этом же говорит и Иоанн Дамаскин в 13 главе «Точного изложения православной веры»). То есть признание Христа лишь неопишуемым все же неизбежно ведет к признанию Его и неизобразимым, что никак не противоречит логике Константина.

Как мы видим, лингвистический аргумент в сочетании с богословским оказывается излишним, а сам по себе – недостаточным. С какой же целью Никифор обращается к нему? Необходимо подчеркнуть, что у Никифора все отступления о значении употребляемых им и его противником терминов имеют вполне определенную полемическую задачу, которая принципиально отлична от той, что имеют сходные рассуждения, например, в современной научной литературе. Эта задача заключается не только и не столько в том, чтобы дать необходимые пояснения читателю, но в том, чтобы представить противника в наименее выгодном свете, заранее лишив его рассуждения доказательной силы. Таким образом, в общей полемической программе трактата роль лингвистического аргумента оказывается весьма важна: он позволяет автору еще до

рассмотрения вопроса по существу (то есть с богословской точки зрения) дискредитировать оппонента в глазах читателя, продемонстрировав, что тот не способен участвовать в теоретической дискуссии, необходимым условием которой является четкое понимание используемых терминов.

Выбор подобного приема при опровержении сочинений именно Константина V неслучаен. Из сохранившихся фрагментов следует, что он сам был весьма высокого мнения о своих богословских заслугах. О крайне серьезном отношении Константина к своим богословским сочинениям можно судить по постоянным ремаркам Никифора, который с большой иронией называет своего оппонента то «мудрейшим» (АА: 228В, 257В, 284В), то «пустым богословом» (АА: 256D), то «великим философом» (АА: 228ВС), то «догматичнейшим» (АА: 269С), то «необоримым и искусственным составителем речей» (АА: 237А) или же просто «великим учителем» (АА: 253D) и «мудрецом» (АА: 308D, 336А). Никифор постоянно подчеркивает несоответствие между тем, что думал о своих работах Константин, и тем, чем они являются на самом деле для опытного богослова. По словам Никифора, на первый взгляд необоримые доводы позволили Константину «много о себе полагать и бахвалиться» (АА: 316А), так как он думал, что один сумел достичь даже не третьего, а четвертого неба и получить представление о том, что «никто и никогда не познавал» (АА: 329В). Обращаясь к «наиразумнейшему», который «желает рассуждать о догматике» (АА: 221А), Никифор не забывает каждый раз с иронией отмечать «умозрительную возвышенность и высоту догматов» (АА: 289А).

На самом же деле, все разумное, что есть в сочинениях Константина, взято им от других (см. рассказ Никифора басни о галке, разукрасившейся чужими перьями, – АА: 224С). Все же, что отражает его собственные взгляды, не основательней и не ближе к реальному богословию, чем детский лепет: «И вышло, что его серьезные и искусные аргументы, от которых, как он полагал, нельзя ни уклониться, ни спрятаться, ничем не отличаются от детского лепета. Истинно, все это не лучше ребяческих мыслей и подобающего скорее младенцу рассуждения» (АА: 241АВ). Все измышления Константина, согласно Никифору, могут

вызывать лишь смех (АА: 225В), ибо на поверку это «росказни, не лучше тех, что распевают в женских покоях во время долгих встреч пьяные старухи» (АА: 229В).

Таким образом, прием, выбранный Никифором, как нельзя лучше подходил для такой мишени, как Константин. Если исторические фрагменты трактата развенчивали миф о Константине как о выдающемся полководце (Луховицкий 2009), то филологические ремарки (и в первую очередь, отступления о значении терминов) полностью лишали его славы умелого богослова, на которую он претендовал.

Источники

- Иоанн Дамаскин – Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания. М., 2002;
- Apologeticus atque Antirrhетиci – Nicephori Apologeticus pro sacris imaginibus // Patrologia graeca. Т. 100. Cols. 533В–832А; Nicephori Antirrhетици tres adversus Constantinum Copronymum // Patrum nova bibliotheca / Patrologia graeca. Т. 100. Cols. 205А–533А;
- Johannes von Damaskos – Die Schriften des Johannes von Damaskos. Expositio fidei / Besorgt von P. B. Kotter. В.; N.-Y., 1973 (Patristische Texte und Studien 12).
- Refutatio et Eversio – Nicephori Patriarchae Constantinopolitani Refutatio et Eversio definitionis synodalis anni 815 / Cura J. M. Featherstone. Turnhout, 1997 (Corpus Christianorum. Series Graeca 33);
- Theodori Studitae Antirrhетици – Theodori Studitae Antirrhетици tres adversus iconomachos // Patrologia graeca. Т. 99. Cols. 327–436.

Литература

- Афиногенов 1997 – Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784-847). М.
- Живов 1991/2002 – Живов В. М. Богословие иконы в первый период иконоборческих споров // Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М. С. 40–69 [расширенный вариант доклада на XVIII Международном конгрессе византинистов, 1991].
- Луховицкий 2009 – Луховицкий Л. В. История первого периода иконоборчества и актуальная политика в «Apologeticus atque Antirrhетици» патриарха Никифора Константинопольского // Византийский Временник 68. С. 59–74.
- Сидоров 1990 – Сидоров А. П. Послание Евсевия Кесарийского к Констанции (к вопросу об идейных истоках иконоборчества) // Византийский Временник 51. С. 58–73.

- Сюзюмов 1948 – Сюзюмов М. Я. Проблемы иконоборчества в Византии // Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. Т. 4. С. 48–110. Свердловск.
- Auzépy 1998 – Auzépy M. F. Le Christ, l'empereur et l'image (VIIe-IXe siècle) // ΕΥΨΥΧΙΑ. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. P. (Byzantina Sorbonensia 16). P. 35–47.
- Barnard 1973 – Barnard L. W. The Emperor Cult and the Origins of the Iconoclastic Controversy // Byzantion 43. P. 13–29;
- Brown 1973 – Brown P. A Dark Age Crisis: Aspects of the Iconoclastic Controversy // English Historical Review 88. P. 1–34;
- Florovsky 1950 – Florovsky G. Origen, Eusebius, and the Iconoclastic Controversy // Church History. Vol. 19. P. 77–96.

Byzantine Iconoclasm – a Dispute about the Terms?

The paper deals with one of the polemical methods employed by the partisans of icon veneration during the second period of the iconoclastic controversy in Byzantium (815–843 A.D.). This specific method was introduced and elaborated by patriarch Nicephorus of Constantinople in his theological treatise *Apologeticus atque Antirrheticus*. It consists in reduction of dogmatic contradictions between iconoclasts and their opponents to a sui generis dispute about the terms: Nicephorus tends to explain his opponent's errancies as a logical result not of his heretical beliefs but of misuse of theological terminology.

E. g. the iconoclastic assertion that the pictorial representation of Christ (γραφή) is impossible because of His incircumscribability (ἀπερίγραπτος) is refuted not only by proving that this property is attributed not to the person (ὑπόστασις) of Christ but to His divine nature (an argument known to all iconophiles), but also by the demonstration that these categories are independent as circumscription does not imply representation and Christ is represented not as περιγραπτός but as γραπτός. In other chapters of his treatise Nicephorus shows also that his opponent constantly uses such categories as “identity” and “similarity”, “natural” and “conventional” icon etc. without paying any attention to the differences between them, and does not realize whether they should be used in their proper (κυρίως) or figurative sense.

The necessity of such method in a refutation of the iconoclastic doctrine introduced by Constantine V who himself had a very high opinion of his own theological skills is self-evident. Convinced that Constantine does not even know for sure the true meaning of the words he uses, the reader does not trust him and does not take his assertions seriously any more.

А. И. Любжин

**АНТИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ИВАНА ИВАНОВИЧА ШУВАЛОВА
(ЗАМЕТКИ К КАТАЛОГУ ЕГО БИБЛИОТЕКИ)**

Резюме. Состав библиотеки Ивана Ивановича Шувалова показывает, что незначительный его интерес к изящной словесности классического мира (как и к изящной словесности вообще, за исключением театра) сочетается с ярко выраженными историческими и философскими интересами, очевиден такой же интерес к истории и философии Нового времени, истории — преимущественно, а философии — исключительно европейской. Трудно сказать, насколько типичным было очевидное преобладание интеллектуальных интересов над эстетическими; но то, что античность входит в круг интересов просвещенного аристократа наравне с западноевропейским наследием Нового времени, не подлежит не малейшему сомнению.

Ключевые слова: Иван Иванович Шувалов, императрица Елизавета, книжное собрание И. И. Шувалова, античные авторы в России XVIII в.

Личность Ивана Ивановича Шувалова не может быть отнесена к числу обделенных вниманием историков¹. Тем важнее представить научному сообществу его библиотеку — разбросанную ныне по многим книгохранилищам РФ². Двойственный характер фаворита Императрицы Елизаветы делает его книжное собрание вдвойне интересным:

¹ Из недавних публикаций отметим: И. И. Шувалов. К 270-летию со дня рождения. М., 1997. Книга содержит перепечатку (к сожалению, неполную) не потерявшего своего значения труда П. И. Бартенева «И. И. Шувалов» (Русская беседа. 1857. Т. 1, кн. 5. Биографии. С. 1–80 6-й пагинации), с полезной библиографией, а также специально посвященный Шувалову альманах: Философский век. Альманах. Вып. 8. Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории. Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. — СПб., 1998.

² Книги И. И. Шувалова содержатся также в РГБ, РНБ, ГПИБ, Научной Библиотеке Академии Художеств, в Научной Библиотеке Музея Московского Кремля и в других хранилищах.

интеллектуальные и нравственные качества Шувалова обеспечивают за ним роль и значение одного из самых выдающихся представителей российской элиты славного столетия, но его образование вполне типично для дворянского сословия эпохи. Потому его интересы — это своего рода предельный, «идеальный» вариант для интеллектуала-аристократа. Фрагмент шуваловской библиотеки, содержащийся в Отделе редких книг и рукописей НБ МГУ, по-видимому, является одним из наиболее значительных: по оценке современных специалистов³, коллекция шуваловских книг в голицынском имении Петровском, откуда они поступили в Московский государственный книжный фонд и — через него — в библиотеку МГУ, состояла более чем из 500 книг; 448 томов, принадлежащих МГУ, по-видимому, представляют собой львиную долю этого собрания⁴. В состав библиотеки входят книги, вышедшие

³ Исаева Е. В. Библиотека князей Голицыных усадьбы Петровское. — Хозяева и гости усадьбы Вязёмы. Материалы XIV Голицынских чтений. Большие Вязёмы. Издательство «Мелихово». 2007. С. 469. Там же (с. 475–476) библиография. Книги обладают характерными суперэкслибрисами; см. Дружинин П. А. Русский геральдический суперэкслибрис. М., 2000. №№ 98–101 (с. 185–188).

⁴ Библиотека И. И. Шувалова была представлена сотрудником Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ Татьяной Михайловной Головиной на конференции 1997 года в Петербурге; очень краткие тезисы этого доклада вошли (с. 21) в резюме конференции: Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. Сюжеты исторической персоналогии. — Философский век. Альманах. Выпуск 2. Провещенная личность в европейской истории: проблемы историко-социологической антропологии к 270-летию со дня рождения, 200-летию со дня смерти И. И. Шувалова (1727–1797) и к 275-летию Академии наук. Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург 23–26 июня 1997 г. СПб., 1997. С. 5–28. Там названа несколько другая цифра (453 тома). Расхождения объясняются тем, что некоторые экземпляры из «библиотеки Шувалова» имеют штампель Московского археологического института и попали в данное собрание ошибочно. В названную нами цифру входят еще несколько книг, никогда не принадлежавших Шувалову, но имеющих владельческие надписи семьи Голицыных и, по-видимому, имеющих общий провенанс; разумеется,

не позднее 1760 года; из этого можно заключить, что в московский дом И. И. Шувалова на Покровке попали издания, оставшиеся в России после отъезда за границу в 1763 году; отсюда библиотека, отказанная после смерти владельца племяннику вельможи, кн. Федору Ивановичу Голицыну, сыну Николая Федоровича Голицына и сестры Ивана Ивановича, Прасковьи Ивановны, была перевезена в Петровское. Невозможно представить, чтобы живя в Петербурге после возвращения в 1777 г. Шувалов мог обходиться без книг; но судьба его «второй» библиотеки — совсем другая история.

Многие книги имеют пометы — как чернильные, так и карандашные (красным и простым карандашом). Доказать их принадлежность И. И. Шувалову невозможно; тем не менее характер библиотеки — менее всего «библиофильский», ориентированный на актуальные потребности просвещенного вельможи, — позволяет предполагать с большой долей вероятности, что это так: в момент его смерти интеллектуальные интересы времен его молодости не слишком разделялись потомством (напр., читать Пуфендорфа в самом конце XVIII в. и позднее было бы изрядной экстравагантностью); с другой стороны, отчеркивания вместе взятые дают цельное и рельефное представление о личности, что делает наше предположение психологически убедительным. Надо отметить, что фрагментарный характер библиотеки не позволяет говорить с полной уверенностью об «отсутствии» того или иного автора или издания; единственное вполне надежное в нашей ситуации — пропорции, которые достаточно ярко демонстрируют характер интересов.

Для той эпохи, в которую жил Шувалов, найти книгу, свободную от античных влияний, непросто: читатель Мишеля Монтеня, Гуго Гроция и Самуэля Пуфендорфа практически произвольно получал самый широкий доступ к классическому наследию. Отчеркивая в демографическом трактате Мирабо приведенную без ссылки на источник

мы не учитывали их при анализе интересов основателя Императорского Московского университета.

фразу Югурты у Саллюстия о продажности Рима, который нашел бы своего хозяина, если б только сыскался покупатель (*Iug.* 35, 10, 3–4), Шувалов, возможно, и не знал о ее происхождении⁵. Мы выделим четыре области, которые и рассмотрим: 1) издания с текстами самих античных авторов, 2) книги об античности, 3) книги, содержащие разделы об античности, и 4) художественные произведения, основанные на классическом материале. Мы будем рассматривать только те тома, которые содержатся в собрании; можно с большой долей вероятности предположить, что первоначально все многотомные издания — или по крайней мере большинство — были в полном комплекте, но на данной стадии исследования было бы более целесообразно ограничиться описанием наличного материала.

Прежде всего — издания самих античных авторов. Их сравнительно немного. Начнем с греческих. В пять томов из знаменитого шеститомника Пьера Брюмуа, посвященного греческому театру, входят: в первый том — «Царь Эдип» и «Электра» Софокла⁶, во второй — «Филоктет» Софокла, «Ипполит» и «Ифигения в Авлиде» Еврипида, в третий — «Ифигения в Тавриде» и «Алкестида» Еврипида. Впрочем, наличие этого издания свидетельствует об интересе не столько к античности, сколько к театру — наряду с собраниями сочинений драматургов и отдельными пьесами (о чем ниже) Шувалов располагал такими многотомниками, как «Новый итальянский театр», «Английский театр», «Французский театр»⁷. Из авторов первого ранга

⁵ [Mirabeau, Victor Riqueti, marquis de]. *L'ami des hommes, ou Traité de la population*. Nouvelle édition corrigée. Seconde partie. A Avignon. M. DCC. LVIII. P. 78 Шифр: Ш 334. Инвентарный номер: 331. В дальнейшем шифр и инвентарный номер будут указываться следующим образом: Ш 334/331.

⁶ Brumoy, Pierre. *Le Théâtre des Grecs*, Par le R. P. Brumoy, de la Compagnie de Jesus. A Amsterdam, aux dépens de la Compagnie. M. DCC. XXXII. T. I (Ш 292/289); T. II (Ш 293/290); T. III (Ш 294/291).

⁷ *Le Nouveau Théâtre Italien, ou Recueil général des Comédies Representées par les Comédiens Italiens Ordinaires du Roi. Augmenté des Pièces nouvelles, des Argumens de plusieurs autres qui n'ont point été imprimées, & d'un Catalogue de toutes les*

И. И. Шувалов владел сочинениями Плутарха — в нашем фрагменте сохранились два разрозненных тома его «Жизнеописаний»: Plutarque. Les Vies des Hommes Illustres de Plutarque, traduites en François, Avec des remarques historiques et critiques, par Mr. Dacier, De l'Academie Royale des Inscriptions & Belles Lettres, &c. Nouvelle Edition, augmentée de plusieurs Notes & d'un dixième Tome⁸, с приложением — десятым томом Дасье: Dacier, André; Rowe, Thomas. Les Vies des Hommes Illustres omises Par Plutarque, T. X⁹; здесь также доминирует не античный интерес, а исторический. Остальное напрямую связано с философскими и военными увлечениями Шувалова: у него есть двухтомник Диогена Лаэртца¹⁰ и «Военные хитрости» Полиена (с добавлением Фронтинана)¹¹.

Comédies représentées depuis le rétablissement des Comédiens Italiens. Nouvelle Édition... T. I. A Paris, Chez Briasson... M. DCC. XXXIII (Ш 204/204). Кроме того, представлены: т. 4 (1733, Ш 205/205), т. 7 (1733, Ш 206/206), т. 8 (1733, Ш 207/207) и т. 9 (1733, Ш 208/208); Le Théâtre Anglois. A Londres. T. VI. M. DCC. XLVIII (Ш 290/287); T. VII. M. DCC. XLIX (Ш 291/288); Théâtre François ou RECUEIL des meilleures pièces de Théâtre. T. I. A Paris, Chez : P. Gandouin, Nyon Pere, Valleyre, Huart, Nyon Fils, Clousier. M. DCC. XXXVII (Ш 297/294); T. II. (Ш 298/295); T. IV. (Ш 299/296); T. VI. (Ш 300/297); T. VI. (Ш 300/297); T. VII. (Ш 301/298); T. VIII. (Ш 302/299); T. X. (Ш 303/300); T. XII. (Ш 304/301).

⁸ A Amsterdam, Chez Zacharie Chatelain. 1735. T. III (Ш 315/312), с владельческой записью на титульном листе: Jean Schischkin; T. IX (Ш 316/313), с такой же владельческой записью и надписью чернилами на внутренней стороне верхней доски переплета: Куплень в Стеклолмъ (?) Дѣкабря 9 дня 1743 году.

⁹ Contenant Annibal, par M^r. Dacier. Enée, Tullus Hostilius, Aristomene, Tarquin l'Ancien, L. Junius Brutus, Gelon, Cyrus, Jason, traduites de l'Anglois de Thomas Rowe, Par M. l'Abbé Bellenger. A Amsterdam, Chez Zacharie Chatelain. 1735 (Ш 317/314), с владельческой записью: JW. Schischkin. Ниже, другим почерком: Prince Тео Galitzin. На 2-й с.: Prince Theodore (sic!) Galitzin, тем же почерком, что и соответствующая надпись ранее.

¹⁰ Diogène Laërce. Les Vies des plus illustres Philosophes de l'Antiquité, avec leurs Dogmes, leurs Systèmes, leur Morale, & leurs Sentences les plus remarquables; traduites du grec de Diogène Laërce. [Par J.-G. Chauffepié.] Auxquelles on a ajouté la Vie de l'Auteur, celles d'Épictète, de Confucius, & leur Morale, & un

Среди немногочисленных изданий римлян внимания прежде всего заслуживает ключевой для русского XVIII века античный текст — «Панегирик» Плиния, послуживший основой для знаменитого «Панегирика Елизавете» М. В. Ломоносова: *Panegyrique de Trajan, par Pline le Jeune. Traduit Par Mr de Sacy, de l'Academie Française. A Paris, Par la Compagnie des Libraires. M. DCC XXII*¹². Книга содержит ряд чернильных и множество карандашных помет, свидетельствующих о пристальном и пристрастном чтении. До определенной степени случайным выглядит в нашем книжном собрании «Жизнеописание Проперция» Жийе де Муавра: *Gillet de Moivre. La Vie de Properce, Chevalier Romain*¹³. Интересна антология высказываний античных (прежде всего латинских) авторов, сгруппированных по тематическому признаку: [Heuzet, Jean]. *Histoires choisies des Auteurs profanes, Où l'on a mêlé divers Principes de Morale, tirés des mêmes Auteurs*¹⁴. В общем и целом подборку античных авторов можно считать случайной; сви-

Abrégé historique de la Vie des femmes Philosophes de l'Antiquité. A Amsterdam, Chez J. H. Schneider. M. DCC. LVIII. T. I. (Ш 313/310). T. II (Ш 314/311).

¹¹ *Les Ruses de Guerre de Polyen, Traduites du Grec en François, avec des notes. Par D. G. A. L. R. B. D. L. C. D. S. M. [Dom Gui-Alexis Lobineau]. Contenant en abrégé les Faits les plus mémorables de tous les grands Capitaines de l'antiquité, & de quelques Femmes illustres. Avec les Stratagèmes de Frontin. T. I. A Paris, Chez Ganeau... M. DCC. XXXIX (Ш 277/274); T. II. A Paris... M. DCC. XXXVIII (Ш 278/275).*

¹² [A Paris, de l'Imprimerie De J-B-Christophe Ballard, Seul Imprimeur du Roy pour la Musique, & Noteur de la Chapelle de sa Majesté. 1722] (Ш 241/240).

¹³ *Et la Traduction en prose & en Vers François, de ce qu'il y a de plus intéressant, dans ses Poësies. Avec des Remarques, & l'Histoire des principaux événemens de son siècle, qui ont rapport à ses Ouvrages. Par M. Gillet de Moivre. Nouvelle Edition. A Paris, Chez Duchesne, Libraire... M DCC LIV (Ш 319/316).*

¹⁴ *Traduites en François, avec les notes morales et historiques, Par Charles Simon, Maître ès Arts; Dédiées à M. le Recteur de l'Université de Paris. T. II. A Paris, Chez d'Houry Père, Imprimeur-Libraire de Monseigneur le Duc d'Orleans... M. DCC. LII (Ш 117/117).*

детельством глубоких познаний в древней словесности — со всеми мыслимыми поправками на фрагментарный характер нашего собрания — она никак не является. Впрочем, она разделяет судьбу современной: историческая и философская литература в библиотеке Шувалова представлена гораздо лучше, чем беллетристика и поэзия (за исключением театра, но, как мы видели, греческий театр у Шувалова также представлен).

Среди книг, посвященных античности, прежде всего отметим исторические: история — одна из самых представительных частей в нашем фрагменте шуваловской библиотеки. Он располагает подробнейшей римской историей иезуитов Катру и Руйе: Catrou, François; Rouillé, Pierre-Julien. *Histoire Romaine depuis la fondation de Rome. Par les RR. PP. Catrou & Rouillé de la Compagnie de Jesus. A Paris, Par la Compagnie des Libraires. M. DCCXXXI*¹⁵. Отдельной истории Греции нет, но зато есть двухтомник Ле Бо, посвященный византийской истории: Le Beau, Charles. *Histoire du Bas-Empire, en commençant à Constantin le Grand*. Как показывают пометы на полях первого тома, эта

¹⁵ Chez : Jacques Rollin... Jean-Baptiste Delespine, Imprimeur du Roi... Jean-Baptiste Coignard Fils, Imprimeur du Roi... Charles Jean-Baptiste Delespine Fils... T. I. Depuis la premiere année du Regne de Romulus, jusqu'à l'année 244. (III 121/121). T. II. Depuis l'année de Rome 244. jusqu'à l'année 286. (III 122/122). T. V. Depuis l'année de Rome 416. jusqu'à l'année 468. (III 123/123). T. VI. Depuis l'année de Rome 468. jusqu'à l'année 510. (III 124/124). T. VII. Depuis l'année de Rome 511. jusqu'à l'année 538. (III 125/125). T. VIII. Depuis l'année de Rome 538. jusqu'à l'année 542. (III 126/126). T. IX. Depuis l'année de Rome 543. jusqu'à l'année 548. (III 127/127). T. X. Depuis l'année de Rome 549. jusqu'à l'année 556. (III 128/128). T. XI. Depuis l'année de Rome 556. jusqu'à l'année 564. (III 129/129). T. XII. Depuis l'année de Rome 564. jusqu'à l'année 582. (III 130/130). T. XIII. Depuis l'année de Rome 582. jusqu'à l'année 590. (III 131/131). T. XV. Depuis l'année de Rome 606. jusqu'à l'année 625. (III 132/132). T. XVI. Depuis l'année de Rome 607. jusqu'à l'année 624. (III 133/133). T. XVII. Depuis l'année de Rome 651. jusqu'à l'année 667. (III 134/134). T. XVIII. Depuis l'année de Rome 667. jusqu'à l'année 683. (III 135/135). T. XIX. Depuis l'année de Rome 683. jusqu'à l'année 695. (III 136/136). T. XX. Depuis l'année de Rome 695. jusqu'à l'année 705. (III 137/137).

книга по крайней мере была прочтена¹⁶. Вместе с разделами всеобщих историй, о которых будет ниже, общий объем «исторического нарратива» по античным цивилизациям в книгах И. И. Шувалова, весьма велик и позволяет заключить, что древняя история, в отличие от словесности, привлекала самое пристальное его внимание.

Монументальная «Всеобщая история», сочиненная Обществом литераторов и переведенная с английского языка, содержит несколько томов, посвященных греко-римской античности: V том — греческой¹⁷; VI — эллинистических государств¹⁸; VIII — неримской Италии и раннему Риму¹⁹;

¹⁶ Par Monsieur Le Beau, Professeur Émérite, en l'Université de Paris, Professeur d'Éloquence au Collège Royal, Secrétaire ordinaire de Monseigneur le Duc d'Orléans, & Secrétaire perpétuel de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres. A Paris, Chez Desaint & Saillant. T. I. M. DCC. LVII (Ш 112/112, с отчеркиваниями). T. II. M. DCC. LVIII (Ш 113/113).

¹⁷ Histoire universelle, depuis le commencement du monde jusqu'à présent. Traduite de l'Anglois d'une Société de gens de lettres. A Amsterdam et a Leipzig, Chez Arkstée et Merkus. M. DCC. XLIV. T. V. Contenant L'Histoire d'Achaïe, d'Ætolie, d'Athènes depuis la Ligue des Achéens jusqu'à présent; des Etats Grecs dans l'Asie Mineure, d'Ionie; des Iles de Sicile, de Crète, de Samos, de Rhodes &c. jusqu'au tems où elles furent assujétis à l'Empire Romain; de Sicile, de Syracuse, de Rhodes, de Crète, de Cypré, de Samos, des autres Iles Grecques, & de Macédonie (Ш 59/59).

¹⁸ T. VI. Contenant L'Histoire des Macédoniens, depuis le Règne d'Alexandre le Grand, jusqu'au tems où les Romains en firent la conquête: des Seleucides en Syrie, jusqu'au tems où ils furent assujétis aux Romains: d'Égypte, depuis la fondation de cette Monarchie par Ptolémée Soter, jusqu'au tems où elle fut réduite en Province Romaine: de la grande & petite Arménie: du Royaume de Pont, des Cappadociens, des Rois de Pergame: de Thrace, de l'ancien Royaume d'Épire, de Bithynie: des Royaumes de Colchide, Ibérie, Albanie, Bosphore, Médie, Bactrie, Edesse, Emese, Adiabene, Elimaide, Characene, Comagene, & Chalcidene (Ш 60/60).

¹⁹ T. VIII. Contenant L'Ancien Etat de l'Italie jusqu'à la Fondation de Rome. Description de l'Italie. Son ancien Etat & ses premiers Habitants. Les anciennes Rois d'Etrurie, du Latium, & d'Albe. L'Histoire depuis Romulus jusqu'au Gouvernement Républicain. L'Etat de Rome sous les Consuls jusqu'à la Prise par les Gaulois. Depuis sa Prise jusqu'à la première Guerre Punique. Jusqu'à la fin de la seconde. Jusqu'à la Destruction de Carthage, & la Sédition des

X — одному из эпизодов истории Римской Империи²⁰; XI — ее концу²¹. Эти тома, впрочем, не содержат помет. Но и в историях европейских государств присутствовали античные разделы — напр., в «Истории Португалии» Никола Ла Кледа²².

Из трудов энциклопедического характера чрезвычайно любопытен многотомник Адриана Байе, известного прежде всего как первый биограф Рене Декарта; по-видимому, его нужно рассматривать как пионера в исследовании истории репутаций²³. Второй том (Т. II, troisième partie; III 147/147) содержит информацию о грамматиках латинского и греческого языка — от позднеантичных до Нового времени. Важна первая часть третьего тома (Т. III, première partie, III 147/147). Там мы обнаруживаем на сс. 117 sqq. Jugemens des principaux auteurs qui ont traité de l'art

Gracques jusqu'à la Dictature perpétuelle de Sylla (M. DCC. XLVII; III 62/62).

²⁰ T. X. Contenant L'Histoire Romaine depuis le Règne de Néron jusqu'à celle de Vitellius. Depuis la mort de Vitellius jusqu'à celle de Domitien. Depuis la mort de Domitien le dernier des douze Césars, jusqu'à celle de Trajan. Depuis la mort de Trajan jusqu'à celle de Marc-Aurèle. Depuis la mort de Marc-Aurèle jusqu'à celle d'Alexandre Severe. Depuis celle d'Alexandre Severe jusqu'à la Captivité de Valerien. Depuis la Captivité de Valerien jusqu'à l'Abdication de Dioclétien. Depuis l'Abdication de Dioclétien jusqu'à ce que le Trône Impérial fut transféré à Constantinople par Constantin le Grand (M. DCC. XLIX; III 63/63).

²¹ T. XI. Contenant L'Histoire Romaine depuis la translation du Siège Impérial à Constantinople, jusqu'à la prise de cette Ville par les Turcs & l'entière destruction de l'Empire Romain, & le Commencement de l'Histoire des Carthinois (M. DCC. L; III 64/64).

²² La Clède, Nicolas de. Histoire générale de Portugal, par M. de La Clède. T. I, Contenant l'origine, les mœurs et les guerres des anciens Lusitaniens; leur état sous la Domination des Romains; l'invasion des Gots & celle des Maures; l'érection du Portugal en Royaume; & les Regnes de Henry & d'Alfonse, jusqu'à celui de Dom Juan III. inclusivement. A Paris, Chez Guillaume Cavelier... M. DCC. XXXV (III 36/36).

²³ Baillet, Adrien. Jugemens des Savans sur les principaux ouvrages des Auteurs, par Adrien Baillet, Revûs, corrigez, & augmentez par. Mr de la Monnoye. Nouvelle Edition. A Amsterdam, aux dépens de la Compagnie. M. DCC. XXV.

roétique: Платон, Аристотель, Гораций, Петроний (только с. 140), Теренциан Мавр (142). Следующий раздел (215 sqq.) посвящен греческим поэтам: Гомеру, Гесиоду, Алкману, Архилоху, Стесихору, Сапфо, Алкею, Ивику, Фокилиду, Мимнерму, Анакреону, Пифагору, Симониду, Феогниду, Пиндару, Эхилу, Паниасиду, Эмпедоклу, Софоклу, Евполиду, Кратину, Еврипиду, Аристофану, комику Платону, Вакхилиду, Менандру, Филемону, Дифилу, Аполлодору из Гелы, Посидиппу, Феокриту, Каллимаху, Ликофрону, Арату, Аполлонию Родосскому, Мосху и Биону, Никандру. О Гомере, в частности, в этой книге можно было прочесть следующее: «J'ai ouï dire à un homme de Lettres des pays étrangers qu'on travaille en Allemagne à faire voir qu'il n'y a jamais eu d'Homere, & que les Poèmes qui portent son nom ne sont que des rhapsodies ou des compilations que les Critiques ont composées de diverses pieces de vers ou chansons detachés, à qui on a donné la liaison & la suite que nous voyons aujourd'hui. J'avouë que se sentiment me paroîtra toujours paradoxe, jusqu'à ce que le public soit en possession de ce curieux Livre. Et il faut une resolution plus qu'ordinaire pour entreprendre de déraciner un préjugé établi depuis plus de vingt-sept siècles»²⁴. Следующий том — Т. III, seconde partie, III 148/148 — целиком посвящен суждениям о римской поэзии. Входящий в ту же серию восьмой том — Gibert, Balthasar. Jugemens des Savans, sur les Auteurs Qui ont traité la Rhetorique, avec un précis de la doctrine de ces Auteurs²⁵ — возвращает нас к Платону и Аристотелю, а

²⁴ Сс. 277–278: «Я слышал от одного иностранного литератора, что в Германии кто-то стремится доказать: Гомера никогда не было, а поэмы, носящие его имя, — не более чем рапсодии или компиляции, которые Критики составили из различных стихотворных отрывков или отдельных песней, придав им связь и последовательность, с которой мы ныне имеем дело. Признаюсь, это мнение мне будет казаться парадоксальным, — всегда, пока Публика не получит доступа к этой любопытной книге. И явно нужно обладать решимостью, превосходящей обыкновенную, чтоб отважиться на такое предприятие: искоренить предрассудок, установившийся более двадцати семи веков тому назад».

²⁵ Par M. Gibert ancien Recteur de l'Université & Professeur de Rhétorique au Collège de Mazarin. T. VIII, première partie. A

также иным риторическим писателям Греции и Рима. Есть и труды, где присутствуют античные реалии, напр., медицинский словарь Никола Элуа²⁶.

Четвертый тип представлен прежде всего театральными пьесами. Не затрагивая сборников, о которых уже шла речь выше, отметим, что среди немногочисленных отдельных изданий пьес в библиотеке Шувалова есть две трагедии о Катилине: «Спасенный Рим» Вольтера и «Катилина» Проспера Жюлио Кребийона²⁷. Чем объяснить внимание просвещенного вельможи к разнузданному заговорщику, если только наличие этих двух трагедий рядом не является чистой случайностью, мы не знаем.

Итак, незначительный интерес к изящной словесности классического мира (как и к изящной словесности вообще, за исключением театра) сочетается у нашего героя с ярко выраженными историческими и философскими интересами (что также не выделяет античность из круга однородных явлений — очевиден такой же интерес к истории и философии Нового времени, истории — преимущественно, а философии — исключительно европейской. Трудно сказать, насколько типичным было очевидное преобладание интеллектуальных интересов над эстетическими; но

Amsterdam, aux dépens de la Compagnie. M. DCC. XXV (III 154/154).

²⁶ Eloy, Nicolas-François-Joseph. Dictionnaire Historique de la médecine, contenant son Origine, ses Progrès, ses Révolutions, ses Sectes & son Etat chez différens Peuples; ce que l'on a dit des Dieux ou Héros anciens de cette Science: L'Histoire des plus Célèbres Médecins, Philosophes ou Personnes savantes de toutes Nations qui ont concouru à son avancement; des Fameux Anatomistes, Chirurgiens, Botanistes & Chimistes... Par Mr. Eloy, Médecin-Consultant de S.A.R. Madame la Princesse de Lorraine... T. II. A Liège & à Francfort en Foire, Chez J. F. Bassompierre, Imprimeur & Libraire. 1755 (III 380/377).

²⁷ Rome Sauvée, Tragédie de M^r. de Voltaire. Représentée pour la première fois à Paris par les Comédiens Français Ordinaires du Roi, le Jeudi 24. Février 1752. A Amsterdam, Chez Etienne Ledet & Compagnie, M DCC LII. (III 250/249); Catilina, tragédie. Par M. de Crébillon, de l'Académie Française. Représentée par les Comédiens ordinaires du Roi pour la première fois, le 20 Décembre 1748. A Paris, Prault fils... M. DCC. XLIX (III 352/349).

то, что античность входит в круг интересов просвещенного аристократа наравне с западноевропейским наследием Нового времени, не подлежит не малейшему сомнению.

Les intérêts antiques d'Ivan Chouvalov. Quelques notes au catalogue de sa bibliothèque

Le favori de l'Impératrice Elisabeth Ivan Chouvalov est une figure trop célèbre pour qu'il soit nécessaire de le présenter au public. Mais d'autant plus remarquable doit être pour la communauté humanitaire sa bibliothèque dont une part considérable est conservée actuellement dans la réserve de la Bibliothèque scientifique de l'Université d'Etat de Moscou. La collection des livres du fondateur de l'Université ne devint part de la Bibliothèque de celle-ci qu'après l'époque des confiscations révolutionnaires, lorsque la collection des héritiers d'Ivan Chouvalov, des princes Golitzine, située dans leur domaine Petrovskoe, fut transportée à Moscou.

La bibliothèque d'Ivan Chouvalov est presque toute en français. Malgré les capacités intellectuelles et morales qui le firent une des figures les plus remarquables du milieu du XVIIIe siècle, il n'y resta qu'un représentant typique des gentilshommes russes. Les textes des auteurs classiques ne sont pas assez nombreux dans sa collection; «Le Théâtre des Grecs» de Pierre Brumoy n'est point la preuve de l'intérêt pour la littérature classique; il atteste plus probablement le goût scénique de son propriétaire dont les traces nous rencontrons assez souvent. Mais c'est très significatif qu'Ivan Chouvalov possède un exemplaire du «Panégyrique» de Pline le Jeune que l'on doit considérer comme un texte d'influence exceptionnelle dans le cadre de la situation culturelle du XVIIIe siècle; cet exemplaire est beaucoup noirci par la plume et le crayon de son maître.

Le domaine historique de la bibliothèque d'Ivan Chouvalov est beaucoup plus considérable. On y trouve, sauf des Histoires universelles et des chapitres des histoires des pays modernes, consacrés à leurs périodes antiques, l'«Histoire Romaine depuis la fondation de Rome» de François Catrou et Pierre-Julien Rouillé et l'«Histoire du Bas-Empire, en commençant à Constantin le Grand» de Charles Le Beau. Ivan Chouvalov fut le possesseur d'un ouvrage encyclopédique d'Adrien Baillet, ses «Jugemens des Savans sur les principaux ouvrages des Auteurs» où il était possible de puiser l'information précieuse sur les auteurs antiques les plus importants, y compris les philosophes tels que Platon, Aristote, les grammairiens et les poètes. Dans le cadre des intérêts intellectuels d'Ivan Chouvalov les belles lettres cèdent à l'histoire et la philosophie, mais (toutes proportions gardées) l'antiquité ne cède pas à l'époque moderne.

В. Л. Макарова

**ET ABIGO EA MANU CORDIS:
О НЕКОТОРЫХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ УПОТРЕБЛЕНИЯХ
ЛЕКСЕМЫ COR В «ИСПОВЕДИ» АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА**

Резюме. В тексте «Исповеди» Аврелия Августина лексема *cor* 'сердце' употреблена 186 раз, при этом всегда речь идет о сердце человека. Всего в трех контекстах бл. Августин употребил слово *cor* анатомически, во всех остальных случаях оно выступает в метафорических значениях, ср.: *manu cordis* 'рукой сердца' в значении «мысленно»; *ares cordis* 'уши сердца'; *incrassatus corde* 'ожиревший сердцем'; *cor dicit* 'сердце говорит' и др. В статье делается попытка объяснить обилие в «Исповеди» подобных метафор.

Ключевые слова: латинский язык, «Исповедь» Аврелия Августина, метафорическое употребление лексемы *cor* 'сердце'.

В тексте «Исповеди» Аврелия Августина обнаруживается 186 случаев употребления лексемы *cor* 'сердце'. Следует отметить, что речь у Августина идет о сердце человека; слово *cor* в «Исповеди» не употребляется по отношению к сердцу животного и не обозначает абстрактных понятий¹. Интересно, что всего три контекста в 13 книгах «Исповеди» представляют нам сердце как анатомический орган². Во всех остальных случаях лексема *cor* употребляется бл. Августином в метафорических значениях³.

Как латинский христианский писатель, Августин (354–430 гг.) сформировался в условиях особой языковой ситуации, сложившейся в Римской империи IV – начале V в.:

¹ Как, например: Tert. anim. in corde terrae 'в сердце земли'; Ps 45:3 *cor maris* 'сердце моря'.

² Aug. Conf. 6. 1. 1, 8. 6. 15, 10. 39. 64.

³ Медицинские знания периода поздней Римской империи позволяли составить подробное представление о строении и функционировании сердца (см. об этом, например: Стрельцов 1888; и др.). Видимо, Августин, следуя христианской онтологии и морали, придавал телу мало значения, и сердце как орган тела его интересовало мало.

ситуации (на большей части территории Империи) билингвизма, осложненной структурными сдвигами в системе языка. Два функциональных стиля латыни оказали влияние на язык его произведений – разговорная форма латинского языка (народная латынь), и письменно-литературная форма, адресатом которой была образованная публика. Перед Августином стояла задача выразить новое мировоззренческое содержание на языке, доступном пастве.

Эта сложная задача обусловила конвергенцию значений отдельных лексических единиц и появление новых метафор в его текстах. Известные значения лексем не всегда позволяли Августину – философу, теологу, епископу и проповеднику – выразить новые смыслы, которые он хотел донести до читателей и слушателей. Решая задачу «передачи смыслов», Августин дополняет семантику отдельных слов новым (метафорическим) содержанием.

Среди метафорических употреблений лексемы *cor* ‘сердце’ у Августина выделяется целый ряд метафор, включающих названия частей человеческого тела.

Одна из таких метафор – *manu cordis* ‘рукой сердца’ в значении «мысленно». В 10 Книге «Исповеди» Августин начинает рассуждение о процессе познания исследованием памяти. Погружаясь в глубины своей памяти, он обнаруживает там сокровища бесчисленных образов разного рода вещей, воспринятых чувствами: Aug. Conf. 10. 8. 12 uenio in campos et lata praetoria memoriae, ubi sunt thesauri innumerabilium imaginum de cuiuscemodi rebus sensis inuectarum. Ibi reconditum est, quidquid etiam cogitamus. В памяти хранится то, что мы обдумываем, в том числе – ненужные мысли, которые *prosiliunt in medium quasi dicentia*: «Ne forte nos sumus?» Et abigo ea *manu cordis* a facie recordationis meae donec enubiletur quod uolo atque in conspectum prodeat ex abditis ‘выскакивают в центр, как бы говоря: «это, случайно, не мы ли?». Я гоню их прочь *рукой сердца* от лица моих воспоминаний, пока не прояснится то, что я хочу, и не выйдет на обозрение из

тайников', – говорит Августин о таких мыслях и образах⁴. Когнитивная деятельность *сердца* подтверждается глаголом *enubilare* 'становиться ясным, проясняться'⁵. *Manu cordis* в значении «мысленно» можно отнести к метафорам, имеющим, согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, эмпирическое основание «понимание есть схватывание» (Лакофф, Джонсон 1990 : 403–404)⁶.

Наиболее часто в тексте «Исповеди» встречается выражение *ures cordis* 'уши сердца' (Aug. Conf. 1. 5. 5, 4. 5. 10, 11. 16, 15. 27). Августин употребляет его при описании общения человека с Богом. После слов о величии Бога Августин обращается к нему с просьбой: Aug. Conf. 1. 5. 5 Sic dic, ut audiam. Ecce *ures cordis* mei ante te, domine; *aperi eas* et dic animae meae: *Salus tua ego sum* 'Так скажи, чтобы я услышал. Вот *уши сердца* моего пред Тобой, Господи: *открой их* и скажи душе моей: «Я спасение твое»'⁷. В другом отрывке Августин (потерявший друга) просит у

⁴ Значение выражения точно передано в переводах. М.Е. Сергеевко: «Я мысленно гоню их прочь» («Исповедь» 2006 : 252). То же значение в переводе П. Лабриоля: «Je les chasse, avec la main de l'esprit, du visage de mon souvenir... / Я отгоняю их *рукой разума* от лица моих воспоминаний» (Confessions 1994 : 248).

А. Садов заметил, что африканские писатели (Августин род. в североафриканском г. Тагасте) употребляют отвлеченные существительные вместо наречия, произведенного от соответствующего прилагательного, и объясняет эту особенность «пуническим влиянием»: в семитских языках не было соответствующих наречий (Садов 1917 : 192).

⁵ Ср.: Tert. Apol. 35. 11 et clarissimis lucernis uestibula *enubilabant* 'и от ярких фонарей прихожая становилась светлой'. Глаголы со значением «освещать, просвещать» употреблялись Августином, когда речь шла о процессе познания. В отрывке Aug. Conf. 2. 8. 16 *Illuminare* 'освещать, просвещать' – синоним *docere* 'учить, обучать': *Quis est, qui doceat me, nisi qui illuminat cor meum et discernit umbras eius?* 'Кто Тот, Кто *обучит* меня, если не Тот, Кто *просвещает* мое сердце и рассеивает его тени?'

⁶ Примеры таких метафор есть в римской литературе. См. у Плавта: Plaut. Merc. 346 nec quid corde nunc *consili capere* possim scio 'не знаю, какое бы мне теперь принять [букв.: *схватить сердцем*] решение'.

⁷ Августин дословно повторяет просьбу царя Давида в Ps 34:3: *dic animae meae: salus tua ego sum*.

Бога разрешение «*приблизить ухо сердца*» к Его устам: Aug. Conf. 4. 5. 10. *Possumne audire abs te, qui ueritas es, et admouere aurem cordis mei ori tuo.* К Богу он обращается как к Истине (*qui ueritas es* 'Который есть Истина') и хочет услышать Истину (просит объяснить ему природу его собственного плача по умершему другу: *ut dicas mihi, cur fletus dulcis sit miseris?* 'чтобы сказал Ты мне, почему плач сладок несчастным?').

Уши сердца гложнут, если в них вливается не-Истина, а суетное, *внешнее*, противоположное тому, что в следующем примере выражено прилагательным в сравнительной степени *interior* 'внутренний'. Рассказывая об обстоятельствах работы над книгой «О прекрасном и ответственном», Августин впоследствии назвал собственные мысли «выдумками». По его словам, это были Aug. Conf. 4. 15. 27 *corporalia figmenta obstrepentia cordis mei auribus, quas intendebar, dulcis ueritas, in interiorem melodiam tuam* 'телесные образы, *оглушавшие уши* моего сердца, их <уши сердца> я *втягивал*, о сладкая Истина, в <звучащую> глубоко внутри мелодию Твою'.

Оказавшись в ситуации «внешнего», человек не слышит внутреннего слова. Его *сердце* искажается⁸. *Incrassatus corde* 'ожиревший сердцем'⁹, – назвал себя Августин, повествуя о своей жизни в Риме: Aug. Conf. 7. 1. 2. *Ego itaque incrassatus corde.* Такое *сердце* уже не различает, что есть добро, а что – зло: Aug. Conf. 6. 11. 20 *amans beatam uitam timebam illam in sede sua et ab ea fugiens quaerebam eam* 'любя счастливую жизнь, я боялся <найти> ее там, где она находится, и, убегая от нее, искал ее'. «Не распознающее» *сердце* находится вне досягаемости голоса Бога, но не потому, что Бог молчит, а потому, что не слышит Его голоса. Вот как

⁸ М. Нейш назвал такое *сердце in coeur sourd* 'глухое сердце'. «Глухота сердца» у Августина – фигура речи, передающая состояние «внешнего», а не «внутреннего» человека (Neusch 1986: 77).

⁹ Образ «ожиревшего сердца» Августин почерпнул в Библии. В Псалмах Давид говорит о гордецах (*superborum*): Ps 118:70 *coagulatum est sicut lac cor eorum* 'загустело их сердце, подобно жирному молоку'.

пишет Августин о карфагенском периоде своей жизни (370–383 г.), когда он не хотел внять уговорам матери обратиться в христианство и вести праведную жизнь: Aug. Conf. 2. 3. 7 *Et audeo dicere tacuisse te, deus meus, cum irem abs te longius? Itane tu tacebas tunc mihi? Et cuius erant nisi tua uerba illa per matrem meam, fidelem tuam, quae cantasti in aures meas? Nec inde quidquam descendit in cor, ut facerem illud* 'И я осмеливаюсь говорить, что Ты, Боже мой, молчал, когда я уходил от Тебя <все> дальше? Да разве Ты тогда молчал? И чьи, если не Твои были те слова, которые через мою мать, верную Твою <служу>, Ты твердил в уши мои? И ни одно из них *не сошло в сердце* мое, чтобы я это сделал'. Причину глухоты *сердца* следует искать в «грохоте суеты». Августин, призывая свою душу не быть *суетной*, просит: Aug. Conf. 4. 11. 16 *Noli esse uana, anima mea, et obsurdescere in aure cordis tumultu uanitatis tuae...* '... и не оглушай *ухо сердца* грохотом *суеты* твоей...'. .

Метафора *aures cordis*, которые человек «приближает» (*admovere*) или «дотягивает» (*intendere*)¹⁰ к устам Бога, дополнена в «Исповеди» метафорическим выражением *esse aures ad cor* 'приложить уши к сердцу' (Aug. Conf. 3. 11. 19, 7. 11, 9. 12. 33). В «Исповеди» Бог *прикладывает уши к сердцу* человека. Рассмотрим пример Aug. Conf. 3. 11. 19. Однажды, рассказывает Августин, его мать увидела вещий сон, в котором ее сын стал христианином. Это была давняя мечта Моники. И Августин восклицает: *nisi quia erant aures tuae ad cor eius* 'разве не были приложены уши Твои к сердцу ее?'

В *сердце* заключена сущность человека, скрытая для людей, но открытая для Бога¹¹. Объясняя цель своего исповедания, Августин пишет о том, что многие люди, желаю-

¹⁰ Интересно, что *intendere (tendre vers)* > фр. *entendre* 'слышать, слушать, понимать' (Dauzat, Dubois, Mitterand 1964 : 266), в то время как другие романские языки взяли форму *audire*. Ср. итал.: *audire* > *udire*.

¹¹ «Я сужу не так, как понимает человек, – говорит Господь Самуилу, – ведь человек видит то, что явлено, Господь же *понимает сердце*»: I Sam 16:7 *et dixit Dominus ad Samuhel:.. nec iuxta intuitum hominis iudico: homo enim videt ea quae parent, Dominus autem intuetur cor.*

щие знать, что представляет собой он, Августин, истинный, в данный момент времени, не могут этого знать, ведь Aug. Conf. 10. 3. 4 *sed auris eorum non est ad cor meum, ubi ego sum quicumque sum* 'ухом своим они не могут *прикинуть к моему сердцу*, где я таков, каков я есть'. Поэтому, пишет Августин, они хотят услышать его исповедь, чтобы понять: каков этот человек в глубине себя? – но до чего *quo nec oculum nec aurem nec mentem possunt intendere* 'они не могут дотянуться ни зрением, ни ухом, ни умом'.

Замечено, что метафора у Августина редко встречается изолированно. Ее дополняют новые метафоры, и их цепь составляет развернутую аллегорическую картину (Степанцов 2006: 19–22). В 7 Книге «Исповеди» Августин расширяет образ *aures cordis* до образа *слуха сердца*. Он задается вопросом: что есть истинное понимание, Истина? – и слышит ответ на этот вопрос в самом себе: Aug. Conf. 7. 10. 16 *Et audiui, sicut auditur in corde* 'Я услышал так, как слышат в сердце'. Услышанное в сердце не оставляет повода для сомнений, что же такое Истина, постигаемая рассудком через все то, что сотворено: *et non erat proorsus, unde dubitarem faciliusque dubitarem uiuere me quam non esse ueritatem, quae per ea, quae facta sunt, intellecta conspicitur*.

Мы как будто слышим *ictus cordis* 'удары сердца', которыми сопровождалось осторожное «прикосновение к Вечности» матери и сына в их последней беседе: Aug. Conf. 9. 10. 24 *attingimus*¹² *eam modice toto ictu cordis*. Удары сердца противопоставлены Августином *скрипу языка*, повествующему в данном случае о земных, обыденных делах, к которым мать и сын вернулись после беседы о вечном: *et remeauimus ad strepitum oris nostri*.

В изложении Августина *сердце* при общении с Богом Aug. Conf. 1. 18. 28 *cor dicit* / 9. 3. 6 *cor dixit* 'сердце говорит / говорило', в примере Aug. Conf. 9. 12. 29 *voce*¹³ *cordis* 'голосом сердца'. Человек, чтобы быть услышанным Богом, направляет к Его ушам *голос сердца*: Aug. Conf. 10. 35. 57 *ad aures tuas*

¹²Attingimus: GHMOPQ; attingimus: SW (Confessions 1994 : 226).

¹³ Voce voce – такое прочтение дает самая ранняя рукопись S (VII–VIII вв.) (ibid.: 222).

*uocem cordis intendimus*¹⁴. В минуты сильного душевного волнения *cor clamabat* 'сердце кричало' (Aug. Conf. 7. 1. 1; 12. 15. 22 *cor clamavit*). В рассказе о молитвах матери встретилось выражение *clamor cordis* 'крик сердца', которым она «ежедневно взывала к Господу», моля Бога о сокровенном – чтобы сын стал на правильный путь: Aug. Conf. 6. 13. 23 *forti clamore cordis abs te deprecaretur cotidie*.

Поскольку *сердце говорит* или даже *кричит*, имеет *голос*, Господь слышит обращенный к Нему *крик сердца* человека, логично (по аналогии с *audire in corde / aures cordis*) предположить существование еще одной метафоры для наименования соответствующего «органа» *сердца*. Такая метафора встретилась нам в 9 Книге «Исповеди»: *os cordis* 'уста сердца'. Августин передает последнюю беседу с умирающей Моникой, матерью и сыном был пережит мистический экстаз. Они говорили о Вечной жизни¹⁵: Aug. Conf. 9. 10. 23 *inhiabamus ore cordis in superna fluentia fontis tui, fontis uitae, qui est apud te, ut inde pro captu nostro aspersi quoquo modo rem tantam cogitaremus* 'мы жадно стремились устами сердца к потокам Вышнего источника Твоего, Источника жизни, который есть у Тебя, чтобы оттуда, окропленные <его водами>, каким-нибудь образом и в меру нашего понимания [букв.: pro captu 'схватывания'], мы бы охватили мыслью <эту вечную жизнь>'.
 Еще более яркий пример содержится в 6 Книге «Исповеди». Августин рассказывает о епископе Амвросии Медиоланском¹⁶, бывшем для него примером святой жизни.

¹⁴ Ср.: Act 7:56 *exclamantes autem voce magna continuerunt aures suas* 'закричав громким голосом, они <собравшиеся> удержали уши свои' (не прислушались к словам праведника Стефана).

¹⁵ В этом рассказе Августин описывает в духе неоплатонизма путь, которым человек идет к просветлению: от явлений природы – внутрь себя – к соприкосновению с Единым. Обращение Августина «внутрь себя» связано с Плотинином. См. об этом: Caru 1999 : 455.

¹⁶ Амвросий Медиоланский (род. в 333/34 или 339/40 г., ум. в 397 г.) – представитель патристики, гимнограф, с 374 г. – миланский епископ, оказал значительное влияние на становление Августина как христианина. Страстные проповеди Амвросия сильно воздействовали на слушателей. Приехав в Италию и получив

При чтении Писания Амвросий переживает радость: Aug. Conf. 6. 3. 3 et occultum os eius, quod erat in corde eius, quam sapida gaudia de pane tuo *ruminaret* 'и <те> скрытые уста, которые находились в его сердце, какие радости, имеющие вкус, пережевывали они от хлеба Твоего'¹⁷.

Источником аудиальных метафор в «Исповеди» была Библия¹⁸. При этом, заметим, в Библии ни разу не встретилось выражение *ures cordis*. Похожее выражение есть у Апулея¹⁹. В сочинении «О божестве Сократа» Апулей следующим образом выразился о верящих в приметы людям: Apul. Soc. 19 non animo sed *auribus cogitant* 'они мыслят не душой, а ушами' (т. е. слишком доверяют различным слухам).

Интересно, что, при таком обилии аудиальных метафор, в «Исповеди» ни разу не встретилось выражение, связанное со зрением сердца (оптическая метафора).

должность ритора в Медиолане (384 г.), Августин начал регулярно посещать проповеди епископа. Амвросий был знаком с трудами неоплатоников, знал некоторые трактаты Плотина. Августин прослушал цикл его проповедей «Шестоднев»: «Об Исааке, или о душе», «О благе смерти». После проповедей Амвросия Августин пришел к неоплатонизму, а в 387 г. крестился вместе с сыном Адеодатом и другом Алипием («Исповедь» 7. 1. 1; 9. 13; Голенищев-Кутузов 1972: 77; Courcelle 1968: 106–138, 311–382; Stock 1996: 113–116).

¹⁷ М. Е. Сергеенко, комментируя «Исповедь», обратила внимание на буквальный перевод глагола *ruminare* 'пережевывать'. Августин, по ее мнению, сравнил людей, которые, раздумывая над словами Писания, часто возвращаются к одному и тому же месту, со жвачными животными («Исповедь» 2006: 460). Возможно, добавим, молодому Августину, еще не пришедшему к христианству, не была понятна привычка перечитывать по нескольку раз один и тот же текст Писания (6. 3. 3 *pec expertus eram* 'я <такого> не испытал', – пишет он о себе).

¹⁸ В Библии сердце говорило: Ps 26:8 *dixit cor*; человек кричит в сердце своем: Ps 118:145 *clamaui in toto corde*. Сердце имеет уста (в нашем примере – «льстивые уста», на что и жалуется Давид Господу): Ps 11: 3 *labra dolosa, in corde et corde locuti sunt* 'в сердце – льстивые уста, и говорят они в сердце'.

¹⁹ Заметим также, что блестящий стилист, ритор Апулей (род. ок. 124 г.) – писатель-неоплатоник североафриканского происхождения.

Видение дает человеку возможность находиться *вне* самого себя²⁰. В «Исповеди» *видеть* – это функция души, а не сердца²¹. Как заметил М. Мерло-Понти, «глаз должен быть понят как окно души»; он совершает чудо, когда, оставаясь в темнице тела, позволяет душе воспринимать существующую вне ее красоту Вселенной (Мерло-Понти 1992: 51). Для сравнения возьмем употребляемое Августином выражение *oculus animae* ‘око души’. В 7 книге «Исповеди» он, в соответствии с плотиновским методом «познания себя», бродит по «лабиринтам своей души»: Aug. Conf. 7. 10. 16 *redire ad memet ipsum intraui in intima mea duce te... Intraui et uidi qualicumque oculo animae meae supra eundem oculum animae meae, supra mentem meam lucem incommutabilem* ‘я вернулся к себе самому и вошел вглубь себя, руководимый Тобой... Я вошел и увидел *оком души* моей, каким бы оно ни было <слабым>, над этим самым *оком души* моей, над разумом моим, Свет немеркнувший²².

²⁰ «...изнутри участвовать в артикуляции Бытия», по выражению французского философа, представителя феноменологии М. Мерло-Понти (1908–1961 гг.) (Мерло-Понти 1992: 51).

²¹ Существительное *anima* нередко употреблялось Августином как синоним *cor*, как, например, в эпизоде 7 Книги «Исповеди». Размышляя о природе зла, Августин испытывает сомнение: найдена ли истина? – и находит опору в своем собственном сердце: Aug. Conf. 7. 5.7 *stabilliter tamen haerebat in corde meo in catholica ecclesia fides Christi tui, domini et saluatoris nostri, in multis quidem adhuc informis et praeter doctrinae normam fluitans, sed tamen non eam relinquebat animus, immo in dies magis magisque imbibebat* ‘но стойко держалась в моем сердце вера во вселенскую церковь Христа Твоего, Господа и Спасителя нашего, во многом еще неопределенная, расплывчатая, не имеющая догматов, но душа ее не покидала, и все больше и больше день ото дня ее *впитывала*’. Лат. *anima*, ae f ‘душа’; *animus*, i m ‘дух, душа’; *mens, mentis* f ‘ум, разум’; *spiritus*, i m ‘дух’ известны как синонимы *cor* (Латинская синонимика Шмальфельда : 207).

²² «Свет немеркнувший» – это Бог, к единению с которым стремится душа. *Qui nouit ueritatem, nouit eam, et qui nouit eam, nouit aeternitatem* ‘Кто узнал истину, узнал Его, и кто узнал Его, узнал вечность’, – читаем мы далее у Августина.

Ф. Кери, комментируя данный отрывок, заметил, что через метафору внутреннего ока и способности интроспекции Августин осмысливает свой внутренний мир (Cary 2000 : 142).

Если принять во внимание фундаментальную значимость для современной культуры гегемонии зрения²³, то душа иерархически находится выше сердца²⁴.

В «Исповеди» оптические метафоры передают видение Бога. Бог видит людские сердца: Aug. Conf. 11. 2. 3 *uides in corde meo* 'Aug. Conf. Ты видишь в сердце моем', многократно, обращаясь к Нему, отмечает Августин (Aug. Conf. 4. 6. 11, 6. 6. 9, 10. 37. 60, 39. 64). Сердце человека находится в поле зрения Бога: Aug. Conf. 6. 2. 2 *est in conspectu tuo...* *cor meum*. Даже *cor clausum* 'закрытое сердце' не отдалено от глаза Божьего: Aug. Conf. 5. 1. 1 *oculum tuum non excludit cor clausum*. В сравнении с выражением *a corde abesse* 'далеко от сердца' в значении «непонятно»²⁵ это означает: «закрытое сердце понятно Богу». В трактате «О Троице», который соз-

Осознавая необходимость «очищения умственного взора для получения благодати, Августин настаивает на отвлечении взгляда от вещей внешних» (Казанский 2009: 72). См. также исследование Г. О'Дэйли, представившем многочисленные используемые Августином термины при описании интроспекции: *redire in se (met) ipsum, se sibi reddere, se ipsum in se colligere, in se intendi, reverti, converti* (O'Daly 1987: 208).

²³ Ср.: «картина мира».

²⁴ Это логично: *сердце* – это часть тела, а в христианской традиции «душа стоит выше тела, животворит его, и не только не принадлежит телу, но и, в принципе, может существовать сама по себе (в частности, после смерти тела)» (Ситников 2001: 124). В средневековой иерархии из органов чувств самым благородным признавалось зрение (Бицилли 1995: 54, Гуревич 1984: 70).

²⁵ Выражение *a corde abesse* Августин употребляет в 10 Книге «Исповеди»: Aug. Conf. 10. 22. 32 *Absit, domine, absit a corde serui tui, qui confitetur tibi, absit,.. beatum me putem* 'да будет, Господи, да будет далеко от сердца раба Твоего, который исповедуется Тебе,.. чтобы я считал себя счастливым'. Смысл выражения помогает раскрыть Псалом 63:7. Давид говорит Богу о врагах: они Ps 63:7 *defecerunt scrutantes scrutiny accedet homo et cor altum* 'проводили вновь и вновь расследования, и <благодаря> расследованию стал понятнее [букв.: приблизился] человек и [его] глубокое сердце'. В 13 Книге Августин употребляет это библейское выражение, разъясняя, что следовать за Господом нудно для того, чтобы понять мудрые слова Учителя. Но этого не случится, если Aug. Conf. 13. 19. 24, Mt 6. 21 *quod non fiet, nisi fuerit illic cor tuum* 'только не будет там сердце твое'.

давался Августином почти одновременно с «Исповедью»²⁶, Августин написал: Aug. Trin. 8. 2. 3 Deus lux est: non quomodo isti oculi uident, sed quomodo uidet cor' Бог есть свет; но не тот свет, которым видят глаза, а тот, которым видит сердце'.

В других произведениях Августина нечасто, но встречаются метафоры, связанные со слепотой сердца. Сердце, в котором поселились какие-либо негативные чувства (гнев, ненависть, упрямство), закрыто от знания, оно слепо²⁷. «Слепое сердце» упоминается в Библии: Isaiah 6:10 *excaeca cor populi huius et aures eius adgrava et oculos eius claude ne forte videat oculis et auribus suis audiat et corde suo intellegat et convertatur et sanem eum* 'ослепело сердце этого народа, и уши его отяжелели, и глаза его закрыты; да немного увидит он глазами и услышит ушами своими, и не узнает сердцем, и не обратится он, чтобы я исцелил его', – говорит Серафим Исайе. Людей, ненавидящих христиан, считает Августин, ждет наказание: Aug. civ. 20.8 in quorum cotidie... *caecis et profundis cordibus includatur diabolus* 'ежедневно в их слепых и падших в бездну сердцах будет заключен дьявол'.

М. Нейш заметил, что тема «глухоты» в произведениях Августина имеет связь с темой «слепоты». «Сердце глухое есть сердце слепое» (Neusch 1986: 77). Обратим внимание на следующие строки Августина из «Рассуждения на Евангелие от Иоанна»: Aug. In Jo. Eu. tract. 1. 7 'они были просвещены тогда, когда не были глухи'.

Рассмотрев сердце как некое подобие тела человека, поставим вопрос: какой источник приводит части этого тела в движение? У Августина мы нашли упоминание о таком источнике – это *ignis cordis* 'огонь сердца'. В 7 книге «Исповеди» содержится его рассказ об отце. Одно время тот вместе с другом увлеченно занимался астрологией. Августин назвал их занятия «пустяками», тем не менее, дружба «равным усердием и соучастием в этих пустых делах

²⁶ Согласно изысканиям П.-М. Омбера, трактат «О Троице» был написан Августином в 400–415 гг. (Hombert 2000: 638).

²⁷ У Акция есть следующие строки: Acc. Trag. 450 *cor ira fervit caecit* 'сердце, пылающее гневом, слепо'.

раздували огонь своего сердца»: Aug. Conf. 7. 6. 8 Qui pari studio et conlatione flatabant in eas nugas ignem cordis sui.

Сенека в одном из писем Луцилию написал, что в теле человека скрытым источником, от которого исходит энергия и зависят состояния частей тела, является само сердце. Обратим внимание на интересное совпадение. В метафорическом представлении сердца как скрытого источника энергии у Сенеки фигурирует существительное *manus, us f* «рука»²⁸: Sen. Epist. 95. 64 cor illud, quo manus vivunt, ex quo impetum sumunt, quo moventur, latet 'сердце, благодаря которому живут руки, от которого они получают порыв, которым они приводятся в движение, – сердце глубоко сокрыто'. Вспомним, что, начиная исследование подобных метафор у Августина, мы встретили Aug. Conf. 10. 8. 12 *manu cordis* 'рукой сердца'.

Действия, выполненные *auribus cordis et ore cordis*, передаются глаголами, делающими предмет материальным – зримым, слышимым, осязваемым: *admovere, inhiare, intendere, ruminare*.

Следующая метафора представляет нам Августина как тонкого психолога в его знаменитом рассказе о воровстве груш во 2 Книге «Исповеди». Будучи подростком, он, вместе с другими мальчишками, забрался в соседний сад. Августин так описывает состояние себя-подростка после совершения нехорошего поступка: Aug. Conf. 2. 9. 17 *Risus erat quasi titillato corde, quod fallebamus eos, qui haec a nobis fieri non putabant et vehementer nolebant* 'стоял смех, словно от щекотки по сердцу [досл.: сердцем, которое пощекотали], потому что мы обманывали тех, кто и не думал, что такое может быть совершено нами, и очень горючо не хотел бы этого'.

Августин подметил, что смех не овладевает человеком, когда тот находится наедине с собой (а если такое и случается, то очень редко): *Solus non facerem furtum illud, in quo me non libebat id quod furabar, sed quia furabar: quod me solum facere prorsus non liberet, nec facerem* 'Один я бы не совершил этого воровства, в котором мне нравилось не

²⁸ И сопоставим с Aug. Conf. 10. 8. 12.

то, что было украдено, а то, что я был вором; то, чего мне одному вовсе бы не понравилось делать, и я бы этого не делал'²⁹.

Обратим внимание: действие *щекотки по сердцу* передано через страдательное причастие от глагола *titillare* 'щекотать'; букв. *titillato corde* 'сердцем, которое пощекотали', что позволяет считать данную метафору антропоморфной. *Сердце* в данном примере явно играет страдательную роль. Далее, в соответствии с изложенной выше схемой, возникает смех как псевдонарушение правил и явно прослеживается связь смеха с воровством как действием, нарушающим нормы морали.

Теперь можно сделать попытку объяснить изобилие в «Исповеди» метафор, связанных с названиями частей тела. С одной стороны, такие метафоры типичны для различных языков, так как образ человеческого тела является универсальной категорией, порождающей метафоры (Ульманн 1970: 277–281). С другой стороны, в поздней античности зародилось представление: мир – иерархия символов. К Августину оно пришло от Порфирия. На символизируемое переносятся свойства символа, иначе говоря, духовное приобретает физические свойства³⁰.

Попробуем также соотнести сказанное с тем, что Г. Мадек³¹ назвал «дематериализацией» образа. Г. Мадек имел в

²⁹ А. Г. Козинцев анализирует этот пример в монографии, посвященной исследованию природы смеха. Опираясь на данные нейропсихолога Г. Дикона, он показывает, что смех является знаком коллективистской негативистской игры, направленной против речи, как системы коммуникации, и против культуры – свода обременительных правил и запретов, порождаемых речью (Козинцев 2002 : 5 – 43).

³⁰ Приведем мнение П. М. Бицилли: «в развитии человеческой речи был период, когда то, что для нас является метафорами, продолжающими обращаться в употреблении толко потому, что они уже умели и влачат призрачное существование, было когда-то самым точным воспроизведением мысли» (Бицилли 1995 : 67–68).

³¹ Мнение Г. Мадека приводится в изложении С. А. Степанцова (Степанцов 2006: 13). Г. Мадек нашел у Августина прием (замеченный у Плотина) «взаимоуничтожающего столкновения» об-

виду отвлечение внимания от материальных значений слова. Тогда при его переносном употреблении остается лишь «ценностная коннотация». Освободившись от старшего значения (*сердце* как орган физического тела), лексема *cor* у Августина приобретает ряд новых (метафорических) значений.

Литература

- Блаженный Августин. Исповедь. Пер. и комм. М. Е. Сергеевко. М.: ЭКСМО, 2006.
- Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
- Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М.: «Наука», 1972.
- Казанский Н. Н. Исповедь как литературный жанр // Вестник истории, литературы, искусства. РАН. Отделение историко-филологических наук. Том шестой. М., 2009. С. 73–90.
- Козинцев А. Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора // Смех: истоки и функции. СПб.: «Наука», 2002. С. 5–43.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. Н. В. Перцова // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
- Латинская синонимика Шмальфельда. Пер. А. Страхова. М.: Университетская типография, 1890.
- Мерло-Понти М. Око и дух. Пер. с французского, предисл. и комм. А. В. Густыря. М.: «Искусство», 1992.
- Плотин. Первая Эннеада. Вторая Эннеада. Пер. с древнегреческого, вступительная статья и комментарии Т. Г. Сидаша, Р. В. Светлова. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2004.
- Садов А. Латинский язык в памятниках христианской письменности древнейшего времени (до VIII века). Опыт исторического и системного обзора языка древних западных христиан-латинян. Часть первая – историческая. Вып. I. Петроград: Синодальная типография, 1917.
- Ситников А. В. Философия Плотина и традиция христианской патристики. СПб.: Алетей, 2001.

разов на примере семантики *высоты*. Душа приобретает блаженство, устремляясь «вверх» и «вглубь». Такой прием способствует стиранию материальных признаков образа.

- Степанцов С. А. *Добрый корень: любовь в образном языке проповедей блаженного Августина (по «Рассуждениям на Послание Иоанна к Парфянам»)* М.: ИВИ РАН, 2006.
- Стрельцов А. *Врачи у древних римлян: Эпиграфические очерки.* М.: Тип. О. О. Гербека, 1888.
- Ульманн С. Семантические универсалии. Пер. с английского // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 5 (Языковые универсалии).* М.: Прогресс, 1970. С. 250–299.
- Saint Augustin. *Confessions. Texte ét. et trad. par P. le Labriolle. T. II. Livres IX–XIII.* Paris: Les belles lettres, 1994.
- Cary F. *Augustine's Invention of Inner Self. The Legacy of a Christian Platonist.* Oxford, 2000.
- Cary F. *Interiority // Augustine through the Ages: An Encyclopedia / Gen. Ed. A. D. Fitzgerald. Grand Rapids (Mi.); Cambridge, 1999. P. 454–456.*
- Courcelle P. *Recherches sur les Confessions de Saint Augustin. 2 éd.* Paris, 1968.
- O'Daly G. *Augustine's Philosophy of Mind.* London, 1987.
- Dauzat A., Dubois J., Mitterand H. *Nouveau dictionnaire étymologique et historique.* Paris: Librairie Larousse, 1964.
- Hombert P.-M. *Nouvelles recherches de chronologie Augustinienne.* Paris: Institut d'Études Augustiniennes, 2000.
- Neusch M. *Augustin. Un chemin de conversion. Une introduction aux Confessions.* Paris: Declée de Brouwer, 1986.
- Stock B. *Augustinus the Reader. Meditation, Self-Knowledge, and the Ethics of Interpretation.* Cambridge (Mass.); London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1996.

Summary

The article discusses a series of metaphorical meanings of the Latin word *cor* (*heart*) in St. Augustine's "Confessions". We also analyze the verbs and adjectives used with *cor* in selected contexts of the "Confessions". The metaphorical meanings discussed are Augustine's original creations and some of them are only found in Augustine's works. In the study we explicate the causes for the appearance of such metaphors in the "Confessions".

B. Maslov

ON THE DERIVATION OF *προοίμιον*

Резюме. В статье рассматривается этимология существительного *προοίμιον*, которое традиционно описывается как образование от *οἴμη* ‘эпическая песнь’. Это объяснение, однако, нельзя считать удовлетворительным. Во-первых, гипотетическое исходное значение ‘текст, предворяющий эпическую песнь’ в памятниках архаического и классического периодов надежно засвидетельствовано лишь единожды (Thuc. 3.104.4–5). Во-вторых, отсутствуют бесспорные примеры сложных слов, образованных от *οἴμη*; само это слово представляет собой элемент позднего эпического языка. Таким образом, необходимо объяснять *προοίμιον* как образование от *οἶμος* ‘путь’ и постулировать метафорический перенос, аналогичный произошедшему в рус. *напутствие*. В качестве исходного значения греч. *προοίμιον* следует рассматривать ‘речь, предворяющая то или иное предприятие’.

Ключевые слова: prooimion, proem, Greek lyric, Pindar, Homeric Hymns, kitharody, aedic self-consciousness, genre evolution, compound formation

However familiar the word *προοίμιον* may appear to modern scholars, its derivational provenance, as well as its meaning in the Archaic period, are uncertain. Most modern discussions start from Thucydides’s designation of the text we know as the *Homeric Hymn to Apollo* as *προοίμιον Ἀπόλλωνος* ‘prooimion of Apollo’ (3.104.4-5) and the assertion in Plato’s *Phaedo* that Socrates before his death authored *τὸ εἰς τὸν Ἀπόλλω προοίμιον* ‘prooimion to Apollo’ (60d). The import of this Platonic passage is, in fact, moot; the authority of Thucydides 3.104.4-5, nonetheless, was sufficient to conjure up a consensus that regards all of Homeric Hymns as *prooimía*, i.e. “something that preceded the singing of a heroic *οἴμη*” (García 2002.8).¹

¹ Modern scholars who share this consensus include Böhme 1937: 28–30, Koller 1956, esp. 191; Costantini and Lallot 1987; Nagy 1990: 353–60; Watkins 1995: 97–8. The view that the performance of the Homeric hymns preceded a properly epic performance, upheld by

It is worth remarking, however, that neither the word *προοίμιον*, nor any phrase whose reanalysis it may represent (e.g. *πρὸ ... οἴμης*) is attested in the Homeric Hymns, or elsewhere in the hexameter corpus. The word *προοίμιον*, on the other hand, had a wide currency in Attic sources in the meaning ‘beginning of a speech, address, invocation.’ We must therefore consider the possibility that *προοίμιον* originally meant ‘opening prayer, invocation’, and the application of this term to the literary genre represented by the Homeric Hymns was a secondary development. The evidence of linguistic derivation supports this semantic reconstruction.

As acknowledged in Chantraine 1999: 783–4, the word *προοίμιον* can be derived from either *οἴμη* ‘song’ or *οἶμος* ‘path, way.’² While the derivation from *οἴμη* ‘song’ is generally preferred on semantic grounds, it is in fact a priori more likely that the underlying noun is ‘path, way.’ First, the contracted form *φροίμιον* points to the presence of aspiration /h/ in the beginning of the root. Whereas we know that there existed an aspirated form of *οἶμος*,³ the only confirmation for aspiration in *οἴμη* is a Hesychian gloss ἄοιμον· ἄρητον ‘unspeakable’ (cf. Chantraine 1999: 783⁴). That this gloss is correct may be doubted, since Hesychius and [Zonaras] preserve a homonymous word ἄοιμος explained as ἄπορος ‘lacking a path, resource-less’ (in Hesychius) and as ἀπόρευτος ‘non-traversable’ (in [Zonaras]). In view of the common use of road imagery for

most modern scholars (Wilamowitz 1912: 23; cf. Keyßner 1932: 9 with literature), goes back to F. A. Wolf (1985[1795].112-3). Nevertheless, the classification of the major Homeric Hymns as *prooimia* is often viewed as a problem, since these texts seem too long to have served as introductory pieces; E. G. Rabinovich has recently argued that this is an example of extended, misapplied nomination (2008: 14–8).

² The Hellenistic scholarly tradition, reflected in Quint. *Inst. Orat.* 4.1.2, included both the derivation from *οἴμη* and the derivation from *οἶμος*.

³ Herod. *Pros. cathol.* p. 546 Lenz; Soph. fr. 314.174 Radt; Call. 1.27.

⁴ The assumption that the preservation of an uncontracted vowel cluster indicates the existence of aspiration is itself questionable. The word could be part of poetic language; cf. the preservation of *ᾠοιδή*, *ᾠοιδός* alongside the contracted forms *ᾠδή*, *ᾠδός*.

discourse in Archaic poetry, it is easy to imagine the use of this adjective in a context that would call forth the gloss ‘unspeakable’; that we are dealing with an ad-hoc explanation of a single usage is confirmed by the fact that Hesychius uses a neuter form *ἄοιμον* (rather than the expected masculine).

Turning to the evidence of compounds formed from the words *οἴμη* ‘song’ and *οἶμος* ‘path,’ one has to acknowledge that there are several undisputed derivations from *οἶμος*, but not a single one from *οἴμη*:

Table 1: Compounds of *οἶμος* and *οἴμη*

<i>οἶμος</i>	<i>οἴμη</i>	?
<i>ἄοιμος</i> · ἄπορος (Hesych., [Zonaras])	[<i>ἄοιμον</i> · ἄρητον ?]	<i>προοίμιον</i>
<i>δύσοιμος</i> · δύσοδος (Aesch. Cho. 945, Hesych.)		<i>παροιμία</i>
<i>πάροιμος</i> · ὁ γείτων (Hesych.)		
<i>παροιμώσαντες</i> · ἐκτραπέντες τῆς ὁδοῦ (Hesych.)		
<i>οἴμηδοκέω</i> ‘waylay’ (Theognost. Can. 22)		

The two formations whose derivation may be disputed are *προοίμιον* and *παροιμία* ‘proverb.’ Hesychius transmits an ancient etymology that links *παροιμία* and *οἶμος*, explaining the former as *βιωφελῆς λόγος παρὰ τὴν ὁδὸν λεγόμενος* ‘useful saying which one says by/along the road’ (cf. English *by the way* ‘apropos’).⁵ The alternative explanation is to assign to *οἴμη* a broader meaning ‘word, speech’ (cf. similar formations in Lat. *pro-verbium*, Russ. *po-slovica*, *po-govorka*), since the word for ‘proverb’ cannot be easily linked to a word meaning ‘heroic lay.’ If this were possible, the probability that *προοίμιον* is also derived from *οἴμη* would be higher. As a final and, in my view, the least likely possibility, I cite the interpretation adopted in Chantraine 1999.783: *παροιμία* was derived from *οἴμη* in a more general meaning ‘remarque qui accompagne le propos principal,’

⁵ In favor of derivation from *οἶμος*, see Bieler 1936, who explains the form as «die Rede, die παρ’ οἶμον, den Weg entlang, geht, die ‘Wegbegleitung’» (246).

whereas *προοίμιον* is based on *οἴμη* in a more specialized meaning ‘chant, poème, récit poétique.’

The problem with the latter two hypotheses is that the extended meaning of *οἴμη* is entirely hypothetical. As a matter of fact, in the entire surviving corpus of Archaic and Classical Greek the word only occurs three times. These occurrences are restricted to the two books of the *Odyssey*, Bk. 8 and Bk. 22, that proffer an innovative “aedic ideology” and can therefore be identified as sites of metapoetic experimentation (Maslov 2009: 5–8).

Antonino Pagliaro (1953: 34–40; accepted by Durante 1976: 176) correctly notes that this poetic employment of *οἴμη* is an innovation peculiar to the *Odyssey* and stresses the fact that it is avoided in lyric. In particular, given the metapoetic self-consciousness of Pindar’s epinikia, it is indeed remarkable that it excludes the term *οἴμη*, while including a metapoetic use of the closely related notion *οἶμος* (O. 9.47, P. 4.248), especially in light of the fact that the two nouns are treated as synonyms in the corpus of hexameter poetry (as demonstrated by Hom. Hymn Herm. 451).

I conclude that *οἴμη* in the meaning ‘heroic lay’ is a poetic word, which in all likelihood could not have served as the basis for the compounds *παροιμία* and *προοίμιον*.

Instead, I believe that the semantic history of both *προοίμιον* and *οἴμη* points to the former’s derivation from the word *οἶμος* ‘path, way.’ The proper meaning of the compound *pro-oimion* would be ‘what one says before setting out on one’s way,’ with the extended meaning ‘proper speech act preceding any undertaking.’

It is not difficult to find parallels for such a metaphoric extension of the meaning ‘road, path.’ Many European languages have lexical doublets or triplets that show progressive availability of the extended meaning of this word; cf. English *road – way – path*, French *chemin – route – voie*, Russian *doroga – put’ – stezia*, etc.⁶ In Greek, *ὁδός* is the preferred

⁶ For a survey of this lexical field in Indo-European languages, see Buck 1949: 717–721, who remarks that ‘way’ was the usual word for ‘road’ in American English until ca. 1700.

word for 'road,' but it is also available in metaphoric extensions; *κέλευθος*, on the other hand, refers to 'road, way' in Homer and the conservative Arcadian dialect (Buck 1949: 717), but in later Greek it is reserved for extended meanings. *Ὀῖμος* tends to be used in extended meanings, and only rarely appears in literal contexts.⁷ In languages favoring compounding, these semantic differences are reflected not only in idioms, but also in compounds: e.g. Russ. *pere-put'e* lit. 'crossroads,' most often used in the extended meaning 'a critical point' (cf. English *at the crossroads* and *parting of the ways*, but not **parting of roads*), Greek *εὐπορία* lit. 'easy way' but much more commonly 'prosperity, abundance,' *εὐοδέω* 'to have a good voyage' but also 'to prosper,' *ἐφόδια* 'provisions for the road' but also 'resources.'

From the typological viewpoint, *προ-οῖμιον* can be directly compared to Russ. *na-putstvie*, lit. 'that which is [said] for the road' but generally used for a speech act that precedes an undertaking of any kind (cf. also English *farewell*, which originally referred to parting good wishes before a journey).

Bibliography

- Aloni, A. 1980. "Prooimia, Hymnoi, Elio Aristide e i cugini bastardi." QUCC 33: 23-40.
- Becker, O. 1937. *Das Bild des Weges und verwandte Vorstellungen im frühgriechischen Denken*. Berlin.
- Bieler, L. 1936. "Die Namen des Sprichworts in den klassischen Sprachen." RhM 85: 240-53.
- Böhme, R. 1937. *Das Prooimion, eine Form sakraler Dichtung der Griechen*. Bühl Baden.
- Buck, C. D. 1949. *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages*. Chicago.
- Chantraine, F. 1999. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Nouv. ed. avec un Supplément. Paris.

⁷ Examples of literal usage: Eur. *Alc.* 835, Aesch. *PV* 394 ('path through Aither'), Aesch. fr. 239 ('path to Hades'). Extended meanings: Hes. *Op.* 290 ('path of life'), Plato *Rep.* 420b ('method of argument'), Men. fr. 681 Kock ('path of action'). In metapoetic contexts: Hom. Hymn to Hermes 451; Pind. O. 9.47, P. 2.96, P. 4.248, possibly in Hes. *Op.* 662 (Hermann's emendation; cf. West 1978: 322).

- Costantini, M. and J. Lallot. 1987. "Le προίμιον est-il un proème." In *Le texte et ses représentations*, 13–27. Paris.
- Durante, M. 1976. *Sulla preistoria della tradizione poetica greca*. Vol. 2. Rome.
- García, J. F. 2002. "Symbolic Action in the Homeric Hymns: The Theme of Recognition." *CA* 21.1: 5–39.
- Keyßner, Karl. 1932. *Gottesvorstellung und Lebensauffassung im griechischen Hymnus*. Stuttgart.
- Koller, H. 1956. "Das kitharodische Prooimion. Eine formgeschichtliche Untersuchung." *Philologus* 100: 159–206.
- Maslov, B. 2009. "The semantics of *aidos* and related compounds: Towards a historical poetics of solo performance in Archaic Greece." *CA* 28.1 (2009) 1–38.
- Nagy, G. 1990. *Pindar's Homer: The Lyric Possession of an Epic Past*. Baltimore and London.
- Pagliaro, A. 1953. "Aedi e Rapsodi." In *Idem, Saggi di Critica Semantica*, 3–62. Messina and Florence.
- Rabinovich, E. G. 2008. "Zametki o nominatsii." In B. A. Uspenskii and F. B. Uspenskii, eds., *Fakty i znaki: issledovaniia po semiotike istorii*. Vyp. 1, 9–24. Moscow.
- Wackernagel, J. 2009. *Lectures on Syntax with Special Reference to Greek, Latin, and Germanic*. Ed. with notes and bibliography by D. Langslow. Oxford.
- Watkins, C. 1995. *How to Kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics*. Oxford.
- West, M. L., ed. 1978. *Hesiod. Works and Days*. Oxford.
- Wilamowitz-Moellendorff, U. von. 1912. "Die griechische Literatur des Altertums." In *Die griechische und lateinische Literatur und Sprache*, 3–318. *Die Kultur des Gegenwart I*, 8. Leipzig.
- Wolf, F. A. 1985. *Prolegomena to Homer*. Translated with Introduction and Notes by A. Grafton, G. W. Most, and J. E. G. Zetzel. Princeton: Princeton UP, 1985. [Orig. publ. in 1795.]

R. Matasović

THE DEVOICING OF FINAL STOPS BEFORE *S AND THE ROOT NOUNS IN PROTO-INDO-EUROPEAN

Резюме. В статье речь идет об альтернативах в трактовке звонких (аспирированных) и глухих смычных в исходе корня в праиндоевропейском. Многие случаи могут быть объяснены, если предположить, что конечный глухой является результатом аналогического распространения на всю парадигму аллофона, возникающего в номинативе единственного числа корневого существительного (перед флексией *s). Эта гипотеза позволяет предложить некоторые новые этимологии (например, лат. *focus* может быть возведено к и.-е. *d^heg^{wh}- 'гореть'), или же лучше понять неправоильности в этимологических сопоставлениях (например, между праславянским глаголом *lupiti и существительным *lubъ).

Ключевые слова: Proto-Indo-European, etymology, devoicing, root nouns

There are several apparently irregular correspondences of root-final voiceless stops in one IE language with voiced (or voiced aspirated) stops in others. In Pokorny's dictionary (IEW) they are usually treated as variants of the same root with different «extensions» (*Wurzelerweiterungen*), the status of which has never been explained. They are clearly not suffixes with determinable functions, and the distribution of voiced and voiceless «extensions» in different languages appears random. However, many of these irregularities disappear if the variants with the voiceless stops are due to devoicing before final *-s in the nominative singular of root nouns, and the subsequent generalization of the voiceless stop in the whole paradigm. In other cases, the final voiced stop may have been generalized from the 3rd person singular of the sigmatic aorist, where the devoicing before word-final *-st would also have been regular. In this paper, we shall see how this very simple process can help us better understand a number of otherwise rather difficult etymologies, and to propose some new etymological equations.

Our first example is Latin *focus*, which may be derived from the PIE root *d^heg^{wh}- 'burn'. This Latin word has not been treated convincingly in etymological dictionaries. The connection with Arm. *boc* 'fire' (Walde-Hoffmann's 1930-1950, I: 521, IEW 162) is untenable, since Arm. -c- points to the PIE cluster *-sk'-. The Armenian word might or might not be related to Arm. *bosor* 'red', but this connection would not help us understand the origin of Lat. *focus*. A PIE root of the shape D^heT- would contradict the phonotactic rules of PIE root-formation. The connection of *focus* with Lat. *fax* 'torch', Lith. *žvākė* 'candle' is impossible because of the diverging vocalism. Hamp's (1992) attempt to explain *focus* as a back-formation from *foculus* 'small stove' is extremely difficult. Hamp assumes that *foculus* is derived from *d^hg^{we}-tlo-, from the root *d^heg^{wh}- 'to burn' (Lat. *foveo* 'to warm'), and that Proto-Italic *x^wetlo-developed in Latin first to *x^wotlo-, and only subsequently to *fotlo- > Lat. *foclu*-. However, as Michiel de Vaan (2008: 228) points out, the change of *we- to *wo- is datable to the fifth century BC, and the development of *x^w to *f is almost certainly earlier (it is probably common Italic). After briefly reviewing the work of his predecessors, de Vaan follows Ernout and Meillet (1979: 243) in leaving the question of the etymology of *focus* unresolved.

I would like to propose a new solution to this old problem. I believe that Lat. *focus* developed from the PIE root-noun *d^hog^{whs} 'flame, fire' from the root *d^heg^{wh}- 'to burn' (Ved. *dāhati*, Lith. *degù*, *dēgti*, OCS *žega*, LIV 115f.). The root is attested in Latin in the derivative *febris* 'fever' (< *d^heg^{wh}ri-) and in the causative *foveo* 'to warm' (< *d^hog^{wh}-eye-)¹. The root-final *-g^{wh}- would have been devoiced and delabialized before the nominative *-s, and the result was the cluster *-ks-, as in Lat. *vōx* 'voice' < *wōk^w-s. Another reflex of the same PIE root

¹ The etymological connection of *focus* and *foveo* is alluded to in Servius' commentary on the Aeneid, 12.118: *quidquid ignem foet, focus vocatur*. This also shows that *focus* is not a sacrificial altar in Latin (*āra*), but rather a common fireplace, so that the semantic evolution from the noun meaning „fire” is even more probable. On the semantic opposition between *āra* and *focus* see Nagy 1974: 88.

noun is probably preserved in PCelt. *deg^{wi}- 'flame, blaze' (OIr. *daig*, cf. Matasović 2009: 93), with the transfer to the i-stems. If PCelt. *deg^{wi}- generalized the stem of the oblique cases, we may reconstruct to PIE a static paradigm with the Nom. sg. *d^hōg^{wh}-s, Acc. sg. *d^hog^{wh}-m, Gen. sg. *d^heg^{wh}-s. This would have been parallel to, e.g., the inflexion of the word for 'night', PIE Nom. sg. *nōk^{wt}-s (> Ved. *nā́k*), Acc. sg. *nok^{wt}-m (> Lat. *noct-em*), Gen. sg. *nek^{wt}-s (> Hitt. *nekuz*), cf. Schindler 1972. Of course, it is quite possible that in PCelt. *deg^{wi}- the e-grade was introduced analogically to the verb (PIE *d^heg^{wh}-o-> Skt. *dáhati*).

The evolution of meaning from 'flame, fire' to 'hearth' might appear problematic, but these meanings are quite often related. It is true that the attested developments are usually in the reverse direction, from 'hearth' to 'fire', as in the history of Lat. *focus* in the Romance languages, where the original Lat. *ignis* was generally replaced by the reflexes of *focus* in the meaning 'fire' (e.g. It. *fuoco*, Sp. *fuego*, Fr. *feu*). Similarly, Croatian *vàtra* (of unknown origin, but certainly connected with Alb. *vatër*, *votër* 'fireplace, hearth') changed the meaning from 'hearth' to 'fire' in the contemporary language, replacing the inherited reflex of Proto-Slavic *ognь (Russ. *ogón'*, etc.). However, the extension of meaning from 'fire' to 'fireplace, hearth' is attested in Celtic; the older meaning of PCelt. *tefnēt- is found in W *tân* 'fire', while OIr. *teine* (Gen. sg. *teined*) has both meanings, 'fire' and 'fireplace, hearth' (DIL 583).

Our second example involves Lat. *hortus* 'garden', which has the voiceless *-t-* rather than the expected *b < *d^h, because it developed by thematization of a root noun, PIE *g^hōrd^h-s, Acc. *g^hord^h-m, Gen. *g^hrd^h-os 'enclosure',² cf. OCS *gradъ* 'town', Lith. *gar̃das* 'pen', Skt. *gṛhā-* 'house' (with the zero-grade of the root from the oblique cases, cf. Matasović 2004: 99). Here too we have to start from a PIE root-noun in which the voiced or aspirated root-final consonant became voiceless

² For the ablaut patterns of PIE root nouns see especially Schindler1972.

before the word-final *-s.³ The voiceless root-final consonant was subsequently generalized throughout the paradigm. Of course, this etymology has long been recognized (IEW 444, LIV 176), but the true cause of the root-final alternation of *-d^h and *-t has never been clearly recognized.

Our third example involves PCelt. *druko- 'bad' (OIr. *droch-*, MW *drwg-*, etc., cf. Matasović 2009: 105). This PCelt. etymon represents a thematicization of the stem *druk-, which is the regular outcome of the PIE root-noun *d^hrōwǵ^h-s 'lie, deceit' (cf. Skt. *drúhyate* 'deceives', *drúh-* 'deceit', OHG *gi-trog* 'deceit', IEW 276, LIV 137) before word-final *-s (with *g^hs > *ks). The zero-grade of the root was generalized, apparently, from the oblique cases (Gen. sg. *d^hrug^h-os, etc.).

The same process will account for the next set of cognates, including OIr. *droch* 'wheel' (< PCelt. *droko-, Matasović 2009: 105, LIV 135, IEW 273), Gr. τροχός 'id.', Goth. *-dragan* 'carry', Arm. *durgn* 'potter's wheel'. The voiceless velar in Celtic may have been generalized from the Nom. sg. of the root-noun (PIE *drōǵ^h-), and the original lengthened grade, expected in the Nom. sg., may be preserved in Arm. *durgn* (with *-u-* regularly from *-ō). The same root is attested in the e-grade in the verb *d^hreg^h-o- (Gr. θρέχω, etc.). This verb probably formed the s-aorist in PIE (cf. Gr. Hom. ἔθρεξα 'I ran'), so that another, less probable analogical source of *-k- in Celtic is the 3rd person singular aorist (PIE *d^hrēǵ^h-s-t, which was probably pronounced as [d^hrēkst]).

Next, both PIE *lewb^h- and *lewp- 'peel, rind' (IEW 690, LIV 377) may represent the same root with the basic form *lewb^h-, if we start from a root noun *lōwb^h-s 'peel, rind'. The lengthened grade in the nominative may be preserved in Lith. *lúobas* 'peel', Latv. *luōbs* 'id.'. The full grade is attested in Alb. *labë* 'rind' and OE *léaf* 'leaf' (from the accusative singular *lowb^h-m), while the zero-grade, from the oblique cases (Gen. sg. *lub^h-os, etc.) is attested in Lith. *lùbena* 'peel', *lubà* 'plank', Russ. *lúb* 'bast' and Lat. *liber* 'bark, book' (if from unattested

³ In this case the generalization of root-final *t may have been Italo-Celtic, cf. also OIr. *gort* 'field' < **"enclosed field" and W *garth* 'pen, enclosure' < PCelt. *gorto- (Matasović 2009: 164-5).

*luber, cf. de Vaan 2008: 337). The same root is attested with final *-p in Russ. *lúpa* 'peel', Croat. *lúpež* 'thief' and the (presumably denominative) Lith. *lupù, lùpti* 'to peel', and Russ. *lupít'* 'peel, bark, thrash' (apparently a causative, parallel to Lith. *laupýti* 'tear off' < *lowp-eye-). Russ. *luská* 'skin, peel, chaff', Croat. *ljúška* 'shell, pod, scale' may be from *lewp-skā (Derksen 2008: 291). The Balto-Slavic forms with the unexpected root-final -p may be explained as analogically extended from the nominative singular of the original root noun (*lōwb^hs).

Our next example is less certain, because of the vocalism of Lat. *falx* 'curved blade, hook, scythe' (IEW 247). Its final voiceless stop may have been generalized from the Nom. sg. of a root-noun *d^hōlg-s 'sting', from which we also have Oic. *dálkr* 'pin, dagger' and Lith. *dilgè* 'nettle' (with the expected metatony in an -iyā stem), *dilgùs* 'stinging, smarting' and OIr. *delg* 'pin, needle', MW *dala* 'sting'. The ablaut pattern may have been Nom. sg. *d^hōlg-s (> Oic. *dálkr*), Gen. sg. *d^hlg-os (> Lith. *dilgè*), Acc. sg. *d^holg-m > Lat. *falx*, under the assumption that here *o changed into a after a labial, as in *mori > *mare* 'sea' (OCS *more*, OIr. *muir*, etc.). However, this is doubtful, since this change is regular only in open syllables. The e-vocalism in Celtic may be secondary.

Another possible example involves OIr. *líach* 'unhappy', Alb. *lig* 'bad', Lith. *ligà* 'illness' and Gr. *loigós* 'ruin, death, plague' (IEW 667). The voiceless velar in Celtic may be explained by devoicing in the Nom. sg. of the PIE root noun (*lēyg-s, or perhaps *lōyg-s, in which case the OIr. vocalism is secondary), while Albanian and Lithuanian point to the zero-grade, generalized from the oblique cases (Gen. sg. *lig-os). Greek may preserve the o-grade of the Acc. sg. (*lōyg-m), or it is analogical to other o-stems with the o-grade throughout the paradigm. The meaning of the PIE root noun may have been 'illness, weakness', or something similar.

In our last example, the root is clearly verbal, and there is no evidence for the existence of a root-noun in PIE, so it is possible that the variant with the voiceless root-final stop is due to the generalization of the root-form in the 3rd person singular of the root-aorist. PCelt. *sterkā 'love' (Matasović 2009: 355, cf. OIr. *serc*, W *serch*) is derived from PIE *sterg-

'take heed, care for' (Gr. στέρωω 'to love', στοργή 'love', OCS *strěga*, *strěšti* 'to guard', Russ. *stórož* 'guard'). This root formed the s-aorist in PIE, as evidenced by Gr. στέρωαι (LIV 544), and the de-voiced root-final *-k- in the 3rd person singular (PIE *stěrg-s-t) may have been generalized in Celtic.

Finally, there are a few less probable, but still possible cases. PCelt. *mēko- 'sack, bushel (of corn)' (OIr. *míach*) can be plausibly connected to OPr. *moasis* 'barley', Latv. *mīēži* (pl.), Lith. *mīēžiai* (pl.) 'barley', if one starts from PIE root-noun *mēyg^hs [mēyks] from which the root form with *k could have been extended analogically (Matasović 2009: 162). However, in the absence of cognates from other languages⁴, this last example is clearly less persuasive than the others. Similarly, positing a PIE root noun *b^hōg-s / *b^hog-os may help us to relate etymologically OCS *bokъ* 'hip', Russ. *bók*, Croat. *bök* and OE *baec* 'back', OHG *bah* both from PGerm. *bakan; for the semantic connection cf. OHG *bahho* 'side of bacon', MHG *bache* 'ham, bacon, Germ. *Hinter-backe* 'buttock'. Slavic would have generalized the voiceless velar from the Nom. sg. while the reflex of the original *-g- would be preserved in Germanic. Likewise, a PIE root-noun *(s)mōwg-s / *(s)mug-os 'smoke' (IEW 971) might account for the correspondence between Arm. *mux*, *mxoy* 'smoke', OIr. *múch*, W *mwg* (< Nom. sg. *mōwg-s) and OE *sméocan* 'to smoke', Lith. *smáugti*, Russ. *smúglyj* 'dark brown' (< Acc. sg. *smowg-). And, finally, positing PIE *wōlg-s / *wlg-os 'wetness' (IEW 1145, LIV 617, 621) can help us explain the relationship between OCS *vlaga* 'wetness', Russ. *volglyj* 'wet', Croat. *vlàga*, and Lith. *válgyti* 'make wet', *welc* 'wet' (with the expected reflex of PIE voiced *g) and Latv. *valks* 'wet', OIr. *folcaid* 'washes' OHG *welth*, OIr. *fliuch* 'wet' < PCelt. *wlík-wo-). Again the unexpected reflexes with the voiceless velar may be results of analogical extension of the devoiced stop from the nominative singular.

It is worth mentioning that the same process of the generalization of devoiced root-final stops in root-nouns can be observed in the history of Latin. Lat. *pāx*, *pācis* 'peace' owes

⁴ The comparison with Khotanese *māṣṣa* 'field' in Mallory and Adams (eds.) 1997: 51 is extremely doubtful.

its root-final *-c-* to the generalization of the root form which is expected before the final *-s*. The comparison with *pango* 'to fix', Gr. *πήγνυμι* 'to attach', Skt. *pajrá-* 'solid, firm' shows that the PIE root was **peh₂g'-*, and that the voiceless stop was generalized in Latin on the analogy with the Nom. sg., where **g* was regularly devoiced before word-final **-s*.

To conclude, then, many apparent root-final alternations of voiced (aspirated) and voiceless stops in PIE can be explained by assuming that the voiced (or voiced aspirated) stop is primary, while the final voiceless stop is the result of the analogical extension of the devoiced allophone, which is expected in the nominative singular of a root noun (before word-final **-s*). This insight can help us recognize some new etymologies (as in the case with Lat. *focus*, which may be derived from PIE **d^heg^{wh}-* 'burn') and better understand some apparently irregular equations (e.g. between Proto-Slavic **lupiti* and **lubъ*). In most cases we were able to adduce independent evidence for the existence of root nouns in PIE, while in other, less reliable cases, this assumption must remain conjectural.

References

- Derksen, R. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden: Brill, 2008.
- de Vaan, M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden: Brill, 2008.
- DIL = *Dictionary of the Irish Language*. Dublin: Royal Irish Academy, 1990.
- Ernout, A. & Meillet, A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. Paris: Klincksieck, 1979.
- Hamp, E. *Focus* // *Glotta*, 1992. Bd. 70. S. 82.
- IEW = J. Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: Francke, 1959.
- LIV = H. Rix et alii, *Lexikon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2000.
- Mallory, J. P. and Adams, D. Q. (eds.) *Encyclopedia of Indo-European Culture*. Chicago: Fitzroy Dearborn, 1997.
- Matasović, R. *Gender in Indo-European*. Heidelberg: Winter, 2004.
- Matasović, R. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden: Brill, 2009.
- Nagy, G. Six studies of sacral vocabulary relating to the fireplace // *Harvard studies in Classical Philology* 78/1974: 71–106.

- Schindler, J. L'apophonie des noms-racines indo-européens // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1972. T. 67. P. 31–38.
- Walde, A. & Hoffmann, J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Winter, 1930-1950.

Summary

Many apparent root-final alternations of voiced (aspirated) and voiceless stops in PIE can be explained by assuming that the voiced (or voiced aspirated) stop is primary, while the final voiceless stop is the result of the analogical extension of the devoiced allophone, which is expected in the nominative singular of a root noun (before word-final *-s). This insight can help us recognize some new etymologies (as in the case with Lat. *focus*, which may be derived from PIE *dʰegʷh- 'burn') and better understand some apparently irregular equations (e.g. between Proto-Slavic *lupiti and *lubъ).

Т. А. Михайлова (Смирнова)

ВЕТХОЗАВЕТНЫЙ АПОКРИФ «ИОСИФ И АСЕНЕФ» И НЕКОТОРЫЕ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Резюме. Статья посвящена анализу параллелей между двумя ветхозаветными апокрифами: «Иосиф и Асенеф» и «Книгой Иудифи». Сходства демонстрируют знакомства первого автора с сочинением второго. В статье разбираются лексические параллели между текстами и их роль в процессе установления датировок.

Ключевые слова: иудео-эллинистическая литература, апокрифы, «Иосиф и Асенеф», «Книга Иудифи», интертекст.

Иудейский ветхозаветный апокриф «Иосиф и Асенеф»¹ только в достаточно недавнее время получил более или менее определенный статус. Рассказ о женитьбе Иосифа Прекрасного на дочери гелиопольского жреца возникает, по мнению исследователей, в Египте, на греческом языке, примерно в период II в. до н.э. – II в.н.э. Однако промежуток этот достаточно широк, и вопрос о более точной датировке остается открытым. Работы современного израильского ученого Г. Бохака (Bohak 1996), уточняя историю создания повести, связывают автора с общиной в Гелиополе, основанной в середине II в. до н.э. Онией IV, сыном законного первосвященника, бежавшего в Египет от гонений на иудеев селевкидского царя Антиоха IV Эпифана. Известно, что Ония, заручившись поддержкой Птолемея Филометора, создал в Египте новый иудейский храм и достаточно крупное поселение. Расшифровывая некоторые до этого неясные элементы сюжета, Бохак интерпретирует их как иносказательное описание бегства Онии и строительства храма в Египте. Привязывая возникновение текста к этим событиям, Бохак настаивает

¹ Далее сокращенно «ИА» с согласованием по женскому роду как «повесть».

на несколько более ранней датировке, по сравнению с общепризнанной. Тем не менее, подобная же датировка может быть подтверждена и иным, независимым, способом: через сравнение ИА с другим ветхозаветным апокрифом – Книгой Иудифи². Последняя, по общему мнению, сложившемуся на данный момент, была также написана во времена Хасмонеев, то есть во второй половине II в. до н.э., хотя более конкретная датировка пока не ясна.

Указывая на то, что автор ИА должен был читать Иудифь, сравнение двух текстов дает список из множества пересечений и сходств. Это и параллели в композиционном устройстве, и переключки в образах, и повторяющиеся мотивы (Михайлова 2007; 2009). Принимая датировку ИА II в. до н.э., мы получаем не просто два сочинения, написанные примерно в одно время, а литературный диалог, где второй автор с помощью цитат и аллюзий выразил свою позицию и вступил в некоторого рода полемику с произведением первого. Позиции сторон, вероятнее всего, можно было бы сформулировать следующим образом: Иудифь отражала взгляд правоверных иудеев, находившихся в трудный момент на родине и сохранивших свою веру, что в результате окончилось победой. Эта книга прославляет храбрость и уверенность в божественной помощи. ИА же написана человеком из общины, оказавшейся в непростой, двусмысленной ситуации. С одной стороны, во главе стоит законный первосвященник, действия которого даже предсказаны авторитетным пророком³. С другой стороны, это беглецы, «авантюристы», попытавшиеся противопоставить иерусалимскому храму новую святыню. Такое положение, видимо, требовало некоторой апологии и, возможно, не в последнюю очередь для самих себя. Уязвимое положение нуждалось в некой устойчивой базе, в нахождении того, на чем могла быть утверждена подобная

² Далее просто «Иудифь».

³ Иосиф Флавий сообщает (*Ant* XIII.3.1), что Ония для подтверждения своего авторитета использовал слова пророка Исаяи о египетских городах, которые заговорят на языке ханаанском и о жертвеннике Господу посреди земли египетской (*Is* 19: 18–19)

позиция. По предположению Бохака, именно в такой ситуации создавалась ИА. Представив же, что автор повести действительно читал написанную в Иудее Иудифь, мы увидим в ИА отклик на прочитанное, переосмысление, предложение своего варианта, более мягкого, склонного к компромиссу.

Итак, несмотря на значительное число параллелей между данными произведениями, особую ценность составляют те из них, которые говорят именно о непосредственном заимствовании текстов, а не об идентичности их общего литературного окружения и единстве архетипов. На явную связь указывают текстовые переключки, то есть наличие уникальных лексем или их сочетаний. Разберем здесь примеры таких очевидных «неслучайных» пересечений, указывающих на знакомство одного автора с текстом другого.

Почти в самом начале ИА появляется «ключ», указывающий читателю, что текст, который необходимо сейчас вспомнить, это Иудифь. В данном случае толчком к развертыванию так называемой «интертекстуальной индукции»⁴ ведет выражение *Θυγάτηρ τῶν Ἑβραίων* – «Дочь евреев». В данном случае этот эпитет играет важную роль индикатора. Этот первоначальный текстовый указатель расположен автором так, чтобы навести читателя на нужное понимание, заставить его воспринимать произведение в особом ключе, в свете другого текста, использованного автором как прототекст. Дальнейшие указатели могут быть уже не столь очевидны и нуждаться в более внимательной дешифровке, так как основное направление уже задано. Чем больше явных текстовых указателей, тем

⁴ Так описывает процесс узнавания читателем «загаданного» автором текста Н. А. Кузьмина: «Авторская стратегия интертекстуальности срабатывает как пусковое устройство, включающее в читателе собственный механизм смыслопроизводства. Действует известный в механике «принцип камертона»: имплицитная энергия читателя, войдя в резонанс с соответствующей энергией автора, дает такой всплеск энергии, который распространяется на многочисленные элементы текста, заставляя увидеть в них глубокий интертекстуальный смысл» (Кузьмина 2006: 61).

уверенней читатель должен искать и находить остальные. В данном случае эпитет Асенеф является таким первичным «ключом»⁵. Если слово θυγάτηρ достаточно обычно, то Ἑβραῖος довольно редко. Первое встречается в разных формах более 600 раз во всей Септуагинте, в то время как второе менее 50, и при этом три случая приходится как раз на Иудифь. Более того, в десятой главе оба слова появляются вместе, образуя то самое выражение: Θυγάτηρ τῶν Ἑβραίων – «Дочь евреев». Иудифь, придя в лагерь к ассирийцам, отвечает на вопрос о том, кто она, следующими словами: «Я дочь Евреев и бегу от них, потому что они будут преданы вам на истребление»⁶. Это место является единственным, где оба слова встречаются вместе, то есть эпитет Θυγάτηρ τῶν Ἑβραίων встречается в Септуагинте только один раз. В сочетании оба слова образуют узнаваемую формулу, использованную автором ИА для указания на нужный «фильтр» прочтения.

Еще одна важная точка пересечения повестей заключена в образе казалось бы второстепенного персонажа, который тем не менее заслуживает пристального внимания. Это сын египетского фараона, который практически не действует в первой части ИА, зато активно вступает в действие во второй⁷. Несмотря на отсутствие

⁵ Эпитет появляется при первом описании Асенеф уже в начале первой главы апокрифа. Кроме указания на необычайную красоту, о дочери гелиопольского жреца говорится, что «ничем не походила она на дев египетских, а была во всем подобна дочерям еврейским» – Καὶ αὐτὴ οὐδὲν εἶχεν ὅμοιον τῶν παρθένων τῶν Αἰγυπτίων, ἀλλὰ ἦν κατὰ πάντα ὅμοία ταῖς θυγατράσι τῶν Ἑβραίων. (JosAs 1: 5).

⁶ *Judith* 10: 12 Θυγάτηρ εἰμι τῶν Ἑβραίων καὶ ἀποδιδρασκω ἀπὸ προσώπου αὐτῶν ὅτι μέλλουσιν δίδοσθαι ὑμῖν εἰς κατάβρωμα. Иудифь цитируется по синодальному переводу.

⁷ Оба апокрифа имеют двухчастную структуру. В ИА первая половина посвящена знакомству героев и обращению Асенеф, а вторая – заговору и измене братьев. Иудифь подобным образом делится на две отдельные части: путешествие Олоферна и начало осады Ветулии, а затем собственно все, что касается самой Иудифи и ее плана.

имени, этот герой занимает немаловажное место в произведении, и его поступки приводят к весьма значительным последствиям для остальных героев и для него самого. В результате неудавшегося заговора сын фараона гибнет, а Иосиф замещает его, став как бы новым сыном фараона и правителем Египта.

Активное появление этого персонажа именно во второй части апокрифа не случайно. Рассматривая композицию ИА в целом, мы видим, что вторая часть его довольно значительно отличается от первой. Перед нами явно «продолжение», «вторая серия». Однако, несмотря на вторичность, построена она по всем законам драматургии. Сюжетные нити связывают ее с первой частью, и многие темы, намеченные ранее, здесь получают свое развитие. Одной из важных черт второй части является ее «сниженность». Однако отрицательных коннотаций тут нет. Перед нами смена жанра: из мистерии, пророчества, иносказания мы попадаем в приключенческий роман, «триллер», что, тем не менее, нисколько не исключает и здесь глубины и символичности.

Направив вначале внимание читателя в нужное русло, автор ИА на время отступает в область более расплывчатых намеков, которые обнаруживаются уже с большим трудом и становятся понятны только на фоне общего количества аллюзий. Однако композиционное разделение текста на две части дает возможность появиться как бы второму началу. Вероятно для симметрии, а также для подкрепления своей интертекстуальной стратегии, автор помещает именно здесь второй явный маркер, указатель на прототекст. На этот раз построение оказывается более сложным, чем в первый. Уже указав ранее нужное направление, здесь автор получает возможность сыграть «более глубоко», т.е. нагрузить цитату еще и дополнительным смыслом. Достигается это как раз введением в действие сына фараона, с помощью которого тексты оказывается связанными и даже несколькими способами.

На фоне такого композиционного устройства этот второстепенный герой оказывается носителем важной функции. До того, как начать переговоры о заговоре с братьями Иосифа, сын фараона ненадолго появляется

перед читателем в кратчайшем эпизоде «тейхоскопии». Стоя на стене и видя красавицу Асенеф, обещанную ему в жены, а теперь ставшую женой Иосифа, он произносит короткую фразу, которая является результатом его недобрых размышлений: «Этому не бывать»⁸. В Иудифи это выражение находит достаточно неожиданную параллель. В эпизоде, предшествующем походу в ассирийский лагерь, героиня произносит подготовительную молитву. В ней она обращается к Богу, как к мстителю за нанесенное оскорбление, или вернее как к помощнику мстителей. Иудифь вспоминает историю в Сихеме, где жители города были уничтожены за оскорбление, нанесенное Дине, дочери Иакова. Обращаясь к Богу, Иудифь говорит следующее: «Господи Боже отца моего Симеона, которому Ты дал в руку меч на отмщение иноплеменным, которые открыли ложесна девы для оскорбления, обнажили бедро для позора и осквернили ложесна для посрамления! Ты сказал: **да не будет сего**, а они сделали»⁹. Таким образом, сын фараона употребляет здесь выражение Иудифи, «цитирует» ее.

Однако цепочка ассоциаций оказывается длиннее, и Иудифь не становится здесь конечной ступенью. К уже установленному точному совпадению фраз можно в качестве подтверждения интертекстуальной аллюзии добавить и тот факт, что в общем корпусе текстов Септуагинты, выражение это – «Ὁὐχ οὕτως ἔσται» – встречается в общей сложности только два раза. Один из них – в уже упомянутой Иудифи. Однако другой случай говорит нам о том, что само появление фразы в Иудифи уже в свою очередь является вторичным. Более раннее употребление этого выражения мы находим в Книге Бытия 34:7. Не кажется совпадением, что и здесь речь также идет о событиях в Сихеме. После насилия над Диной вернувшиеся братья приходят в гнев, узнав о случившемся. Говорится, что «Сыновья же Иакова пришли с поля, и когда услышали, то огорчились мужи те и воспылали гневом, потому что

⁸ οὐχ οὕτως ἔσται (JosAs 23: 1).

⁹ Judith 9:2 εἶπας γάρ Οὐχ οὕτως ἔσται, καὶ ἐποίησαν.

бесчестие сделал он [Сихем] Израилю, переспав с дочерью Иакова, а так не надлежало делать»¹⁰. Собственно говоря, это как раз и есть то самое место, на которое «ссылается» Иудифь.

Таким образом, если признать, что читатель должен распознать в монологе Иудифи цитату из книги Бытия, то следующим шагом будет предположить, что и создатель ИА аналогичным образом использовал цитату, предлагая своему читателю в качестве прототекста на этот раз уже не одно произведение, а два.

Однако, как уже было сказано, второе место гораздо сложнее. Здесь уже мало ограничиться просто констатацией наличия отсылки к другому тексту. Автор уже давно сделал это и может позволить себе более многогранное построение. Чтобы понять, в чем оно заключается, нужно изучить функцию сына фараона как персонажа. В контексте ИА одной из его функций является связывание частей произведения друг с другом, привнесение некой симметрии. В соответствии с исходным порядком вещей, он и Асенеф являются женихом и невестой. Каждая часть открывается напоминанием об этом. В начале первой части сам сын фараона просит отца дать Асенеф ему в жены, а затем на это указывает и Асенеф, отвергая предложение отца выйти за Иосифа. Подобным же образом и в начале второй половины повести снова звучит реплика молодого царевича о том, что Иосиф «взял Асенеф, жену мою, от начала мне обрученную»¹¹.

Параллелизм с Асенеф проявляется и в другом эпизоде. Сначала героиня, увидев сверху из окна Иосифа, внезапно влюбляется в него, а затем и сын фараона в свою очередь оказывается в подобной ситуации. Несмотря на то, что получить в жены дочь Пентефрея он хотел и раньше, однако настоящую любовь к ней он испытывает

¹⁰ Gen. 34:7 οἱ δὲ υἱοὶ Ἰακωβ ἦλθον ἐκ τοῦ πεδίου· ὡς δὲ ἤκουσαν, κατενύχθησαν οἱ ἄνδρες, καὶ λυπηρὸν ἦν αὐτοῖς σφόδρα ὅτι ἄσχημον ἐποίησεν ἐν Ἰσραὴλ κοιμηθεὶς μετὰ τῆς θυγατρὸς Ἰακωβ, καὶ οὐχ ὅτως ἔσται.

¹¹ JosAs 23: 3.

только в тот момент, когда видит ее со стены. Одинаковые эпизоды приводят к совершенно разным последствиям. Внезапная любовь, возникшая у Асенеф от вида Иосифа, заставляет ее сменить веру и затем ведет к счастливому браку. Героиня меняется и перерождается, получает «новую жизнь» и бессмертие. Сын фараона напротив продолжает упорствовать в своем ослеплении и, в конце концов, погибает.

Таким образом, уже только в контексте ИА этот персонаж оказывается довольно важным. Роль, которую он играет, это роль своеобразного двойника Асенеф, правда «перевернутого». Своими действиями он как бы оттеняет ее достоинства, подчеркивает ее праведность. Разлучитель влюбленных, в каком-то смысле даже комический, вступающий в дело слишком поздно, он «сшивает» части вместе и делает композицию более стройной.

Но как мы знаем, кроме своего значения непосредственно для ИА, фигура сына фараона важна и в плане сравнения с Иудифью. Во-первых, уже упомянутая нами реплика «да не будет сего» если уже не устанавливает впервые, то укрепляет связь двух произведений.

Чтобы понять, какую еще дополнительную нагрузку несет эта реплика, рассмотрим еще раз контекст, где она появляется в Бытии: «Сыновья же Иакова пришли с поля, и когда услышали, то огорчились мужи те и воспылали гневом, потому что бесчестие сделал он [Сихем] Израилю, переспав с дочерью Иакова, а так не надлежало делать». Из приведенной цитаты видно, что фраза *Οὐχ οὕτως ἔσται* не принадлежит здесь какому-либо из братьев Дины. Это не прямая речь одного из персонажей, а общее положение, универсально относящееся ко всем. На это указывает и будущее время глагола *ἔσται*, употребленное здесь¹². Иудифь именно в этом смысле и понимает фразу, и уже без колебаний прямо приписывает ее настоящее «авторство» самому Богу: «**Ты** сказал: да не будет сего, а они сделали».

¹² Русский канонический перевод не отражает этого смысла, используя прошедшее время – «надлежало».

Автор ИА, вкладывая данную реплику в уста персонажа с именно такими характеристиками, добивается этим весьма интересного эффекта. И так уже достаточно «вывернутый» герой становится таковым еще более. Сын фараона, практически цитируя упомянутое высказывание, становится на место даже не Иудифи, а самого Бога, и даже в каком-то смысле пародирует его, ложно представляя, что наделен какой-то властью. Фраза, которая должна ассоциироваться с божественным наказанием за незаконное насилие, попадает теперь к персонажу, который собирается ровно это насилие и совершить. Нарушителями же, грешниками, оказываются здесь сами Иосиф и Асенеф, якобы преступившие некий высший закон. Сын фараона будто бы пытается поставить себя на место законодателя, пытается диктовать правила, которые людям нельзя нарушать, но оказывается наказан за это, и возможно, в конечном итоге, именно за это, потому что похищение Асенеф – лишь частное проявление его «гибристичного» характера. Посягнувший на замещение истинного божества должен быть уничтожен, как уничтожается и сам Олоферн, заменяющий Навуходоносором богов других земель¹³. Ассоциация подкрепляется и еще одной лексической параллелью, хотя и не столь уникальной, как приведенное до этого выражение. Один из глаголов, которым описывается, в частности, эмоциональное состояние коварного царевича, увидевшего Асенеф, звучит как *καταύστομαι*, т.е. «огорчаться», «сокрушаться». Глагол, сам по себе очень редкий, почти не встречается в Септуагинте. Одно из его редчайших появлений приходится как раз на Бытие и как раз снова на эпизод с Диной. Этим словом характеризуется настроение Симеона и Левия, узнавших о происшествии с их сестрой¹⁴. Таким образом, это еще одна нить, скрепляющая ИА с Бытием, и

¹³ *Judith* 3: 8 «ему [Олоферну] приказано было истребить всех богов той земли, чтобы все народы служили одному Навуходонозору, и все языки и все племена их призывали его, как Бога».

¹⁴ См. примечание 10.

усиливающая характеристику сына фараона как отрицательного двойника Асенеф и Иудифи.

Однако переключки с Иудифью на этом не заканчиваются. Тему перевернутого параллелизма образов Иудифи и сына фараона можно продолжить и дальше. В исследованиях, посвященных образу героини этого апокрифа, в частности отмечается один момент: оказавшись в двусмысленной ситуации, героиня, обманывая свою будущую жертву, прибегает к иносказаниям, к сложным многозначным фразам, которые собеседник понимает одним образом, а читатель должен понять совершенно другим (White: 1992). Речь Иудифи построена так, чтобы правда не была искажена даже и в разговоре с врагом. Отсюда и оттенок иронии, неоднократно подмечаемый исследователями. Так, приступая к рассказу о причинах ее появления в ассирийском лагере, Иудифь предваряет свою речь словами: «И если ты последуешь словам рабы твоей, то **Бог** чрез тебя совершит дело, и **господин мой** не ошибется в своих предприятиях» – καὶ ἐὰν κατακολουθήσῃς τοῖς λόγοις τῆς παιδίσκης σου, τελείως πρᾶγμα ποιήσει μετὰ σοῦ ὁ θεός, καὶ οὐκ ἀποπεσεῖται ὁ κύριός μου τῶν ἐπιτηδεύματων αὐτοῦ¹⁵. Употребление двух разных слов – ὁ θεός и ὁ κύριος – казалось бы, относится и к разным объектам: под первым имеется в виду Бог, а под вторым – Олоферн. И это как раз то, что хочется услышать ассирийскому военачальнику. Однако слова Иудифи можно понять и совершенно иначе. Если понять «ὁ κύριος» как синоним для «ὁ θεός», фраза приобретает другое значение, гораздо более угрожающее, а дело, которое будет совершено через Олоферна, становится уже не победой, а его страшной гибелью. Также зловещая ирония звучит и в реплике Иудифи о еде, принесенной ею с собой. Удивленный небольшим количеством запасов, которые вскоре должны закончиться, Олоферн спрашивает: «а когда истощится то, что с тобою, откуда мы возьмем, чтобы подавать тебе подобное этому?». На это Иудифь отвечает все так же честно, но одновременно двусмысленно: «Да живет душа твоя,

¹⁵ *Judith* 11: 6

господин мой; раба твоя не издержит того, что со мною, прежде, нежели Господь совершит моею рукою то, что Он определил» – Ζῆ ἡ ψυχὴ σου, κύριέ μου, ὅτι οὐ δαπανήσει ἡ δούλη σου τὰ ὄντα μετ' ἐμοῦ, ἕως ἂν ποιήσῃ κύριος ἐν χειρὶ μου ἃ ἐβουλεύσατο¹⁶. Олоферн ожидает своей скорой победы, а читатель понимает, что смысл фразы сложнее и страшнее.

Подобную схему поведения выбирает для своего персонажа и автор ИА. Сын фараона, подобно описанной выше героической женщине, планирует совершить убийство с целью наказания нарушителя высшего закона, хотя в данном случае – его собственного. В план входит, в частности, и убийство самого фараона, покровителя Иосифа. Отправляясь, чтобы выполнить задуманное, сын фараона встречается со стражей, причем далее следует такой эпизод: «И в эту ночь встал сын Фараонов и пошел в покои отца своего, чтобы отца своего заколоть мечом. И стража отца его преградила ему путь к отцу его, говоря: “Что прикажешь, господин?” И сказал им сын Фараонов: “Я желаю видеть отца моего, потому что отправляюсь я срезать виноград мой, новосаженный”. И сказали ему стражники: “Головная боль мучает отца твоего, и не спал он всю ночь и только сейчас задремал немного»¹⁷. Используя такую практически притчеобразную метафору, сын фараона снова узурпирует место праведника, хотя то, что он собирается сделать в этом эпизоде, опять явно противоречит такому статусу.

Таким образом, автор ИА наделяет одного из второстепенных персонажей достаточно важной функцией. С помощью него произведение еще один раз сцепляется со своим прототекстом, причем несколькими способами. С одной стороны, это происходит через лексическое соответствие фраз, которое рассчитано на узнавание читателем. С другой стороны, этот персонаж связывает обеих героинь и на сюжетном уровне, являясь их «пере-

¹⁶ *Judith* 12: 4. Последняя фраза демонстрирует еще раз неоднозначность слова κύριος в устах Иудифи, так как употребляется здесь дважды, но в различных значениях.

¹⁷ *JosAs* 25: 1–3.

вертышем», их отрицательным двойником. Эта сторона его роли самоценна и в пределах только одного текста, собственно ИА, где эта параллель с главной героиней важна уже для связи частей произведения друг с другом. Кроме этого, данный герой становится таким же искаженным двойником и для Иудифи.

Данный эпизод вписывается в общую концепцию датировок и взаимоотношений двух произведений. Автор ИА наказывает своего персонажа, посмевшего претендовать на божественный авторитет Иудифи, положение которой непререкаемо, но вместе с тем мирная позиция Асенеф, прощающей врагов, предлагается здесь как альтернатива жестокой борьбе и мщению. Такой расклад точек зрения в целом соответствует нашим представлениям о настроениях в общине Онии и Иудее Маккавейского времени.

Литература

- Михайлова Т. А. Проблема датировки ветхозаветного апокрифа «Иосиф и Асенеф» / *Antiquitas Iuventae* III. Сборник научных трудов студентов и аспирантов Под. ред. Е. В. Смыкова, А. В. Мосолкина. Саратов 2007. С. 241–251.
- Михайлова Т. А. «Иосиф и Асенеф» и «Книга Иудифи»: проблема датировки / *От Библии до постмодерна. Статьи по истории еврейской культуры*. М. 2009. С. 221–233.
- Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., 2006.
- Bohak G. *Joseph and Aseneth and the Jewish Temple in Heliopolis*. Atlanta: Scholars Press, 1996.
- White S. A. *In the Steps of Jael and Deborah: Judith as Heroine / "No One Spoke Ill of Her": essays on Judith*. Atlanta: Scholars Press, 1992.

Summary

This article is dedicated to the analysis of some textual parallels existing between two Old Testament pseudepigrapha "Joseph and Aseneth" and "The Book of Judith". The aim of this paper is to find out unique expressions uniting the two texts and to define the specific role of these quotations.

М. Р. Ненарокова

СЕДУЛИЙ СКОТТ. «NOS SITIS ATQUE FAMES...»
(ОПЫТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ)

Резюме. Стихотворное послание ирландского богослова, грамматика и поэта Седулия Скотта (IX в.) к льежскому епископу Хартгарию *Nos sitis atque fames...* («Нас жажда и голод...») является ярким примером синтеза культурных и литературных традиций, проявляющегося и в использовании иноязычных заимствований, и в выборе латинской лексики для передачи реалий иной культуры, и в адаптации античного жанра в средневековой литературе.

Ключевые слова: средневековая латинская поэзия, кельтская мифология, Ирландия, Льеж, заимствование, лексика, оттенок значения, синоним, эклога.

Nos sitis atque fames conturbat, bestia duplex,
Vulnificis rostris nos laceratque suis.
Nec nos oblectat praedives copia rerum,
Sed nos excruciat horrida pauperies
Nec nos oblectant dulciflua dona Liei 5
Mellifluusque medus domata nostra fugit;
Nec nos oblectat cacavis biscocaque Mosa,
Flavicomae Cereris gratia dulcis abest.
Tenuida nos macerat, crudelis bestia, sophos;
Optime Christe, rogo, respice nos, domine: 10
Nec gustu facilis, nulli potabilis ipsa
Est quia nec Cereris dulcida progenies;
Non est Iordanis, non amnis filia Mosae,
Sed torrens Cedron turbidus hanc genuit.
Haec sophicae mentis cunctas obnubilat artes, 15
Laetitiam removet tristiamque gerit;
Flavicomum Cereris mentitur habere colorem:
Di, talem terris hanc removete feram;
Laetho fluvio vosmet summergite monstrum
Seu Stigiis undis condite tale nefas, 20
Illic quo valeat crudeles solvere poenas:
Quae nos excruciat, praemia digna luat.

Quid moror in verbis ventosque lacesso querelis?
 O pater, has geminas, obsecro, vince feras;
 Large salutiferum contra vulnuscula, praesul, 25
 Sedulio famulo da cataplasma tuo.

Ast his versicolis risit pius ille relectis
 Ac sophicis votis prospera cuncta dedit.
 (PLAC III: 177–178).

Имя Седулия Скотта, богослова, грамматика и поэта, появляется в истории латинской средневековой литературы всего на одно десятилетие – 848–859 гг, когда он жил в Льеже, в среде ученых ирландцев, пользовавшихся покровительством льежских епископов. После 859 г. следы Седулия теряются, но существует предположение, что в 60-ых гг. IX в. он перебрался на север Италии, возможно, в Милан (Brunhölzl 1991: 205–206).

Стихотворное послание *Nos sitis atque fames...* («Нас жажда и голод...») адресовано епископу Хартгарию, занимавшему Льежскую кафедру в 840–855 гг. Используя художественные средства буколического жанра, необыкновенно распространенного в эпоху Каролингов, Седулий создает комическое стихотворение, своего рода анти-эклогу. Композиционно стихотворение состоит из двух частей: собственно послание (PLAC III: 177–178, 1–26) и две заключительные строки, которые изображают реакцию Хартгария, прочитавшего присланный ему текст (PLAC III: 178, 27–28). Стихотворение, таким образом, состоит из прямой речи главных героев и напоминает отрывок драматического произведения, так как послание написано от первого лица *nos* (PLAC III: 177, 1), *sophos* (PLAC III: 177, 9) ‘мудрецов, богословов’, и авторской ремарки, которая описывает действие, последовавшее за этой речью.

Собственно послание состоит из нескольких частей: в первых двух строках кратко описывается причина обращения ирландцев к епископу – мучения, причиняемые им неким «зверем» (*bestia* – PLAC III: 177, 1–2). Далее Седулий, говоря о бедственном положении просителей, объясняет, что, по его мнению, включает в себя понятие «ужасная бедность» (*horrida pauperies* – PLAC III: 177, 3–8). От общего

поэт переходит к частному, называя еще одного «зверя», истощающего мудрецов (PLAC III: 177, 9). Перед тем как подробно рассказать об этом мучителе (PLAC III: 178, 11–17), он обращается с краткой молитвой ко Христу (PLAC III: 177, 10). Подробный рассказ сменяется обращением к «божествам» (*di*) с просьбой погубить «зверя» (PLAC III: 178, 18–20) и с надеждой на то, что мучитель понесет заслуженную кару (PLAC III: 178, 21–22). Седулий полагает, что Хартгарий и есть тот самый герой, который способен спасти страдальцев от мук, и обращается к нему с мольбой о помощи (PLAC III: 178, 23–26). Заключают стихотворение две строки, говорящие о действиях, предпринятых епископом (PLAC III: 178, 27–28).

Несчастье, постигшее ирландцев, является в образе неких звероподобных существ, поэтому в стихотворении используется несколько слов со значением «животное». Две первые строки описывают существо, называемое «голод и жажда» (*sitis atque fames*). Существо определяется как «двойной зверь» (*bestia duplex* – PLAC III: 177, 1–2), то есть «состоящий из двух отдельных, но соотносимых (по размеру, значению и т. д.) величин» (Doederlein 1841). В средневековой латыни у слова *bestia* появилось значение 'выючное животное, лошадь, мул' (Blaise 1975), но в тексте Седулия оно употребляется как 'дикое, хищное животное, враждебное людям' (Doederlein 1841). По средневековым представлениям животный мир делился на три части: *jumenta* 'упряжная лошадь, выючное животное, мул, осел', этимологически – 'подъяремные', *reptilia* 'пресмыкающиеся' и *bestiae, ut sunt leones, et ursi* 'хищные звери такие, как львы и медведи', причем их отличительной чертой была способность «когтями терзать» (*ungulis saevire* – Migne: 91, 199). В средневековых текстах *bestia* 'хищный зверь' характеризуется как «весьма быстрый» (*velocissima* – Migne: 91, 928), «дикий, неукротимый» (*ferox* – Migne: 93, 175), «безжалостный, жестокий» (*crudelis* – Migne: 96, 924), «страшный и наводящий весьма сильный ужас» (*terribilis ac formidolosissima* – Migne: 98, 1083), «неразумный» (*irrationabilis* – Migne: 101, 673), «хищный» (*rapax* – Migne: 101, 773), «сильный» (*fortis* – Migne: 102, 684). Сравнение существа, обозначаемого словом *bestia*, с кентавром (Migne: 107, 695)

и верблюдом (Migne: 106, 1418) указывает уже не на жестокость и быстроту хищника, а на его большие размеры. *Bestia* может обозначать и существо мифологическое, принадлежащее к потустороннему миру (*mala bestia, daemon videlicet* «злой зверь, а именно демон» – Migne: 102, 934), что оправдывает выбор этого слова для обозначения чудища по имени «Голод-и-Жажда». Седулий сообщает о чудище, что оно «наносящими раны клювами...разрывает» бедных страдальцев (*vulnificis rostris...lacerat* – ПЛАС III: 177, 2). Одним из качеств «клюва» (*rostrum*) является его острота (*acutum* – SETH), а, следовательно, и способность наносить раны (*mordax* ‘кусающийся’ – SETH). Прилагательное «наносящий раны» (*vulnificus*), как кажется, созданное Седулием (глагол *vulnifico* со значением «ранить» отмечен у Венанция Фортуната – Niermeyer 2002), обнаруживает это качество клюва. Поскольку *vulnus* имеет значение ‘рана, нанесенная извне, оружием или острым предметом’ (Doederlein 1841), образованное от него прилагательное поддерживает значение глагола *lacero* ‘разрывать руками, зубами, когтями’ (Doederlein 1841), ‘разрывать на куски, калечить, наносить глубокие раны’ (Cassell 1968).

«Голод-и-Жажда» и второй, безымянный, «зверь», о котором рассказывается описательно, относятся к типу существ, обитающих, согласно ирландским мифологическим представлениям, в подземном мире и враждебным по отношению к людям. В описании мучителей, например, хищного существа с клювом, терзающего бедных ирландских мудрецов, сказалось влияние ирландской мифологии. Этот образ, возможно, восходит к циклу ирландских сказаний о Кухулине. В поэме «Призрачная колесница» рассказывается о «мерзких тварях с острыми клювами» (Кельтская мифология: 192), обитателях подземного мира, которые набросились однажды на Кухулина и его спутников, пытаясь заклевать их. Известны были ирландцам и мифические птицы-оборотни (Бондаренко 2003: 78, 88, 172). Сходный образ встречается у Седулия в стихотворении, описывающем зимнюю стужу, где ветер изображается не только, как человек, но и как некое хищное существо с клювом, нападающее на бедных ирландцев («Жестоким

ключом нас раздирая своим» *crudeli rostro nos laniando suo* – PLAC III: 168, 16).

Строки 3–8 рассказывают о положении ирландцев: «пребогатое изобилие вещей» (*praedives copia rerum* – PLAC III: 177, 3) им недоступно, их гнетет «ужасная бедность» (*horrida pauperies* – PLAC III: 177, 4). Словосочетание *praedives copia rerum* имеет соответствие в последней строке стихотворения: *prospera cuncta* (PLAC III: 178, 28), где *prospera* – «все, что отвечает исполнению желаний и чаяний человека» (Doederlein 1841), а *cuncta* – «целостность, состоящая из отдельных, не похожих друг на друга единиц» (Doederlein 1841; Cassell 1968). Появление этого словосочетания, синонимичного по смыслу *praedives copia rerum* в конце стихотворения, показывает, что одна из целей послания достигнута, недостаток восполнен.

Понятие «ужасная бедность» (*horrida pauperies* – PLAC III: 177, 4) раскрывается Седулием при помощи группы слов с общим значением «напитки». В рассматриваемых шести строках, где речь идет о бедности (PLAC III: 177, 3–8), Седулий пользуется анафорой, чтобы достичь эмоционального напряжения: он трижды начинает предложение с фразы «Нас не улаждает/ют...» (*Nec nos oblectat/ant...* – PLAC III: 177, 3, 5, 7), повторение которой связывает этот фрагмент стихотворения воедино. Трижды повторяющемуся «не ..улаждают/ет» (*nec ... oblectat/oblectant*) противостоят глаголы «мучает» (*excruciat*), «бежит» (*fugit*), «отсутствует» (*abest*), относящиеся к описанию условий жизни, но которые жалуется ирландцы.

В группу «напитки» входят вино, медовуха и пиво. Для обозначения вина и пива поэт пользуется метафорами, тогда как медовуху он называет ее собственным именем: *medus* (PLAC III: 177, 6). Вино метафорически описывается как «сладкотекущие дары Лиэя» (*dulciflua dona Liei* – PLAC III: 177, 5). В текстах современников Седулия Бахус обычно упоминается как Лиэй, но сочетание *dona Liei* встречается только у Валахфрида Страба (Migne: 114, 1123). В ранне-средневековой Ирландии греческий язык знали (Laistner 1957a: 238, 241; Laistner 1957b: 230–231), поэтому можно предположить, что Седулий обыгрывает значение греческого эпитета античного бога вина: *Lyaeus* ‘освобождающий

от забот', 'утешающий' (Cassell 1968). Ирландцы, обращающиеся к епископу, жалуются на «ужасную бедность», и употребление именно этого эпитета в метафоре вкупе с отрицанием могло подчеркивать отсутствие утешения в заботах и безысходность положения просителей. В словосочетании «медоточный мед» (*mellifluous...medus* – PLAC III; 177, 6) существительное *medus*, имеет значение 'мед, медовуха, напиток из меда и воды'. Это существительное, скорее всего, заимствовано из англосаксонского языка: ас. *medu* (Bosworth-Toller: 676). Есть и третий напиток, на отсутствие которого жалуется Седулий. Названия его он не дает, но приводит достаточно деталей, чтобы Хартгарий мог понять, в чем все-таки нуждается его ирландская паства. Речь идет о пиве, или эле. Поскольку буколическая традиция не предполагает среди напитков, которые доступны героям эклога, такого простонародного питья, как пиво, Седулию пришлось выдумывать метафоры для описания пива, тогда как поэтическая традиция могла предложить широкий выбор художественных средств для описания вина.

Учитывая тот факт, что Седулий прибыл из Ирландии в Европу взрослым человеком, необходимо рассмотреть значение этих трех напитков в других традициях, а именно: в ирландской, которую поэт усвоил с детства, и в германской, в частности, в англосаксонской, поскольку контакты ирландцев и англосаксов были естественны и многочисленны (ASE: 89–90). Медовуха служила англосаксам аналогом вина и была праздничным напитком. В «Житии св. Дунстана» на пиру королю и его свите подают медовуху (Migne: 139, 1433). В англосаксонском поэтическом языке бытуют такие существительные, как *meduaern*, *meduheall* 'пиршественный зал, где пьют мед', *medustig* 'тропа к пиршественному залу', букв. 'медовая', *meduburg* 'праздничный', букв. 'медовый город' (Bosworth-Toller: 676–677). Существительное для обозначения вина было заимствовано из латыни во все германские языки, так как германские народы узнали вино от римлян (Bosworth-Toller: 1230–1231). В свою очередь, о пиве римляне узнали от германцев (Germ. 23). В христианской Европе пиво стало обычным, повседневным напитком, изготавливавшимся поначалу в

монастырях (Мулен: 109–111). У кельтов пиво было напитком бессмертия (Ellis: 29). Тара, сакральный центр Ирландии, называется «пивным домом» или «пивной оградой» (Бондаренко 2003: 131,132). Поэтому метафоры, которые создает Седулий для описания пива, должны были вызывать целый букет ассоциаций: «в котелках дважды сваренная Моса» (*sacavis biscoccta... Mosa* – PLAC III: 177, 7) и «златовласой Цереры сладкая на вкус милость» (*Flavicomae Cereris gratia dulcis* – PLAC III: 177, 8). Первая метафора относится к технологии производства и составу пива, но может заключать в себе воспоминание о волшебном котле кельтской мифологии, связанном с поэзией и знанием, а также производящем золото, серебро, пищу и даже возвращающем людей к жизни (Бондаренко 2003: 204; Ellis: 57), тем более что ирландские «мудрецы» (PLAC III: 177, 9) бедны и голодны, а Седулий ниже обвиняет дурное пиво в том, что оно отрицательно воздействует на «искусства/науки/навыки» (*artes*) просителей. Вода из Мосы (*Mosa*), использовавшаяся для приготовления пива определяется как «дважды сваренная» (*biscoccta*). Здесь имеется в виду старинная технология изготовления нехмельного пива, согласно которой смесь воды и прочих веществ подогревалась («варилась») дважды в процессе изготовления пива (RE: Bier), откуда произошел и сам термин «пиво-варение». Вторая метафора сочетает в себе одновременно и метафорическое наименование хлеба, и имя античной богини Цереры (*Ceres*) и указывает на цвет напитка – золотистый (*flavicoma* ‘златовласая’).

В строках 13–14 Седулий рассуждает о природе пива, вкус которого зависит от воды, взятой для его варки. Если верить стихам Седулия, вода Мосы (ныне – Маас) подходила для приготовления пива. Однако образованный богослов Седулий на этом не останавливается. Он противопоставляет две реки, упоминающиеся в Св. Писании, Иордан (напр., Мф 3: 13–17), вода которого была известна своим приятным вкусом (Библейская энциклопедия: 361) и Кедрон (этимологически ‘черный, темный’), который наполняется водой только после сильных дождей, а в Кедронской долине расположено обширное кладбище (Библейская энциклопедия: 387), так что вода не считалась

питьевой. Поэтому, ругая дурное пиво, Седулий говорит: «Он мудрецова ума все затуманивает искусства» (Haec sophicae mentis cunctas obnubilat artes – PLAC III: 177, 15). В средневековой латыни глагол *obnubilare* под влиянием христианского мировоззрения начинает использоваться не для того, чтобы означать «присутствие тьмы», так как «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (I Ин 1:5), а чтобы подчеркнуть «уменьшение света». В «Аллегорическом толковании на [Книги] Ездры и Неемии» Беды Досточтимого встречаем его при описании действий Божиих в оппозиции к *illustro* ‘проливать свет, просвещать’ (Migne: 91, 855). В принадлежащем ему «Толковании на Евангелие от Луки» глагол *obnubilare* обнаруживается в сходном контексте: в Раю «никакое ... воспоминание о несчастье или скорби... не затуманивает свет Вечного Мира» (*nulla ... memoria miseriae vel doloris... lucem perpetuae pacis obnubilat* – Migne: 92, 545). У Пасхазия Ратберта, современника Седулия Скотта, *obnubilare* является средним членом градации («славу Церкви затуманивает/ закрывает как бы облаком» – *Ecclesiae famam obnubilat*), занимая промежуточную позицию между *diminuo* («славу их [святых] уменьшает» – *gloriam eorum diminuit* – Cassell 1968; Blaise 1975) и *abscondo* («победу Христову скрывает [как бы покровом]/ заволакивает» – *Christi victoriam abscondit* – Cassell 1968), то есть скрывает от взоров, но не уничтожает (Migne: 120, 1489). Как кажется, Седулий выбирает из группы глаголов с общим значением ‘скрывать, покрывать, прятать’ глагол *obnubilare*, потому что, с одной стороны, в его значении присутствует оттенок «временного сокрытия», с другой, он изначально выражает более отвлеченные идеи. Так, глагол *obnubere*, имеющий тот же корень, встречается в сочетаниях «покрыть волосы накидкой» (*obnubere comas amictu*), «земля, скрытая тучами (вид сверху)» (*terra obnupta nubibus* – Cassell 1968), тогда как *obnubilare* входит в сочетания «затуманивать ясность лица» (*obnubilare serenitatem vultus*), «одурманивать душу» (*obnubilare animam* – Дворецкий 2003). Выбор Седулия мог определяться и той культурой, в которой он вырос и был воспитан. В ирландской мифологии есть понятие о «волшебном тумане», подобном савану, который связан с потусторонним миром и может

скрывать предметы от глаз людей. Этот туман может насыщаться сверхъестественными существами при помощи заклинаний, но может и исчезать, открывая человеческим взорам сокрытое (Бондаренко 2003: 265, 321–322). Глагол *obnubilare*, как кажется, может передавать такой оттенок смысла.

Обращение к богам (*di* – это языческие боги – PLAC III: 178, 18) напоминает об античной природе буколического жанра. В средневековых текстах *di* использовалось только для обозначения пантеона языческих богов (Migne: 98, 1014, 1022; 105, 516, 617). В 18–20 строках выстраиваются градации по возрастающей. Действие переносится в потусторонний мир, напряженность нарастает: «удалите» (*removete*), «потопите» (*summergeite*), «скройте от людских глаз в недоступном месте» (*condite* – Cassell 1968; Doederlein 1841), и одновременно все более страшным становится существо, мучающее ирландцев: «неразумный зверь» (*fera* – Cassell 1968; Doederlein 1841), «чудовище» (*monstrum*), «нечто, нарушающее божеские и человеческие законы» (*zd. nefas* ‘чудовище’ – PLAC III: 178, 18).

Число «пять» принадлежит индоевропейской, в частности, ирландской мифологической традиции, означая единство и целостность мира (Бондаренко 2003: 201, п 344). В средневековых текстах, созданных в Ирландии, упоминаются пять дорог, пять священных деревьев, пять священных домов. Территория средневековой Ирландии делилась на пять пятин (Бондаренко 2003: 11, 13–14, 194–195, 201). В новоирландском языке существует выражение «отправить на все пять сторон» (Бондаренко 2003: 206), где имеются в виду четыре стороны света и центр мира, место под названием «здесь» (Ris 1999: 211). В полном соответствии с ирландскими мифологическими представлениями в стихотворении Седулия Скотта находим пять рек, одна из которых соответствует понятию «здесь». Это Моса (ныне Маас), река, на которой стоит Льеж, место пребывания поэта. Моса – наиболее нейтральная из упомянутых поэтом рек: в текстах IX в. она часто упоминается в качестве границы между землями (Migne: 104, 973; 116, 51, 54, 65). О двух реках, имеющих определенное значение в христианской традиции, Иордане и Кедроне, сказано выше. Еще

две реки, Лета и Стикс, позаимствованы Седулием из античных текстов. В стихотворении их названия представлены в виде словосочетаний: «Летейский поток» (*Laetheus fluvius* – PLAC III: 178, 18) и «Стигийские волны» (*Stigiae undae* – PLAC III: 178, 18). Существительные *fluvius* ‘поток, текущая вода, река’ (Doederlein 1841; Cassell 1968; Gardin Dumesnil 1844) и *undae* ‘постоянно текущая вода, источник движения которой заключается в ней самой’ (Doederlein 1841; Gardin Dumesnil 1844), ‘вода в постоянном движении, волна’ (Cassell 1968) передают ощущение живой водной стихии. Принадлежность рек двум мирам, границей которым служит Моса – «здесь» автора: миру христиан (Иордан и Кедрон) и миру язычников (Лета и Стикс) отражает мифологические представления о мире у древних ирландцев с делением по горизонтали (Бондаренко 2003: 203). Так же и сама Ирландия в средневековье делилась на две части низким горным хребтом Эйскир-Риада, пересекающим остров по горизонтали от Дублина до залива Голуэй (Рис 1999: 113, 115).

Риторический вопрос «Что медлю в словах и ветры тревожу жалобами?» (*Quid moror in verbis ventosque lacesso querelis?* – PLAC III: 178, 23) привлекает внимание читателя к заключительной части послания, в которой поэт вместе с другими ирландскими «мудрецами» (PLAC III: 177, 9) обращается к Хартгарию с просьбой победить чудовищ-близнецов (*geminas... feras* – PLAC III: 178, 24). Поскольку с ними сразится епископ, через которого действует Сам Господь, чудовища теперь называются «неразумные звери» (*ferae*) и перестают пугать Седулия, уверенного в победе Хартгария. Строки 25–26 содержат глаголы в повелительном наклонении: *large* ‘сделай дорогой подарок’ (Doederlein 1841; Cassell 1968) и *da* ‘подай’. Словосочетания, в которые входят эти глаголы, «щедро даруй спасительное [средство] от ранок» (*large salutiferum contra vulnuscula* – PLAC III: 178, 25) и «подай припарку» (*da cataplasma* – PLAC III: 178, 26), по смыслу одинаковы и уравнивают друг друга. Слово *cataplasma*, некогда заимствованное из греческого языка, встречается в средневековых медицинских текстах со значением ‘компресс, припарка’ (Migne: 90, 764, 770). Возможно, оно было не совсем понятно читателям

Седулия Скотта, потому в следующей строке оно получает объяснение *salutiferum contra vulnuscula*.

По сравнению с текстом собственно послания, избыливающего глагольными формами настоящего времени (*praesens indicativi, praesens conjunctivi* и *imperativus praesentis*), в двух последних строках стихотворения собраны формы, передающие действия, которые относятся к прошлому (*perfectum indicativi* и *participium perfecti passivi*, входящий в оборот *ablativus absolutus*). Эти строки являются «авторской речью» и описывают результат, которого просители добились своим посланием: благочестивый муж «засмеялся» (*risit* – PLAC III: 178, 27) «весело» (Doederlein 1841), «дружески» (Cassell 1968), прочтя *versicolis* (PLAC III: 178, 27) – «стишки» и удовлетворил просьбы мудрецов.

Анализируемое стихотворение является ярким примером синтеза культурных и литературных традиций, выражающихся и в использовании иноязычных заимствований, и в выборе латинской лексики, которая может передать реалии иной культуры, и в адаптации античного жанра в средневековой литературе.

Литература

- ASE – The Blackwell Encyclopaedia of Anglo-Saxon England. Ed. M. Lapidge etc. Oxford, 2001.
- Blaise 1975 – Blaise A. *Lexicon Latinitatis Medii Aevi*. Turnholti.
- Bosworth-Toller – Bothworth J., Toller T. N. *An Anglo-Saxon Dictionary*. Oxford, 1972.
- Brunhölzl 1991 – Brunhölzl F. *Histoire de la Litterature Latine du Moyen Age*. Brepols. T. I, 2.
- Cassell 1968 – Cassell's Latin Dictionary. New York.
- Doederlein 1841 – Doederlein, L. van, Arnold H.H. (tr.) *Doederlein's Handbook of Latin Synonyms*. L.
- Ellis – Ellis P. B. *A Dictionary of Irish Mythology*. London, 1981.
- Gardin Dumesnil 1844 – Gardin Dumesnil J. B. *Synonymes Latins et Leurs Differentes Significations*. Paris.
- Germ – Тацит Корнелий. Соч.: в 2-х т. Т. 1. *Анналы. Малые произведения* / Пер. и комм. А. С. Бобовича. М.: "Литературные памятники", 1993.
- Laistner-1957a – Laistner M. L. W. *Thought and Letters in Western Europe. AD 500 to 900*. London.
- Laistner-1957b – Laistner M.L.W. *The Intellectual Heritage of the Early Middle Ages*. NY.

- SETh – Gradus ad Parnassum, sive Synonymorum et Epithetorum Thesaurus. London, 1819.
- Niermeyer 2002 – Niermeyer J. F., Van De Kieft C. Mediae Latinitatis Lexicon Minus. Brill.
- Ogilvy 1967 – Ogilvy J. D. A. Books, known to the English, 597-1066. Cambridge, Mass.
- Migne – Migne J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus.
- RE – August Pauly, Georg Wissowa, Wilhelm Kroll, Kurt Witte, Karl Mittelhaus, Konrat Ziegler, eds. Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: neue Bearbeitung, Stuttgart: J. B. Metzler, 1894–1980.
- PLAC – Poetae Latini Aevi Carolini / Ed. E. Duemmler. Berolini, 1881 (1964).
- Дворецкий 2003 – Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.
- Библейская энциклопедия – Никифор, архим. Библейская энциклопедия. М., 1891. Репр. 1990.
- Бондаренко 2003 – Бондаренко Г. В. Мифология пространства Древней Ирландии. М.
- Кельтская мифология – Кельтская мифология: энциклопедия. М., 2002.
- Мулен – Мулен, Л. Повседневная жизнь монахов Западной Европы. X–XV вв. М., 2002.
- Рис 1999 – Рис Алвин, Рис Бринли. Наследие кельтов. М.

Summary

Sedulius Scotus is a representative of the Irish influence in Europe in the IXth century. The poem “*Nos sitis atque fames ...*” demonstrates the merging of cultural and literary traditions. The poet turns to the ancient genre of bucolic, which became popular in the Carolingian era. Sedulius’ vocabulary is chosen to convey the concepts and ideas of the Irish mythology. The borrowings from other languages than Latin serve to express the realia of medieval European life.

А. С. Николаев

**A NEW ARGUMENT AGAINST THE ASSUMPTION
OF AN «ÆOLIC PHASE»
IN THE DEVELOPMENT OF HOMERIC EPIC DICTION***

As is well known, the language of Homeric epics contains a veritable host of Aeolic words and morphemes, many of which have a different metrical structure from their Ionic counterparts (or do not have equivalents in Ionic) and are deeply embedded in the formulaic system of Homeric dialect. While there is little disagreement that Homeric forms such as πότι, κε(ν), πόδεσσι, πίσυρες, πεμπώβoλα or ἄμμες derive from an Aeolic source, there are two schools of thought as to how exactly these Aeolic elements penetrated the Homeric epic diction. The more traditional view is that the Ionian epic tradition as we find it in Homer was preceded by an Aeolic phase and traditional stories, inherited from early Mycenaean times, were transmitted to the Ionian singers by Aeolians.¹ Under this theory the «Aeolisms» of the Homeric language are, in M. L. West's words, «a residue left after Ionian poets had adapted an Aeolic poetic language into their own dialect as far as it would go» (West 1988: 162). More recently, however, an alternative view has been gaining ground,

* Symbols: |,⁵ penthemimeral caesura, |,^{tr} tritotrochaic caesura, |,⁷ heptemimeral caesura, || bucolic dieresis, - = long, ∪ = short, ∩ = anceps, x ∩ = bridge. A number (1-6) above a vowel in the princeps indicates the foot. In using "princeps" and "biceps" instead of "arsis" and "thesis" I follow West 1982 (cf. Зайцев 1999: 5). I am deeply grateful to M. Peters without whose teaching and example of philological rigor this note would not have been written.

¹ Ever since Ritschl 1838: 59-60 an Aeolic phase has been postulated e.g. by Parry 1932; Wathelet 1970; Janko 1982; West 1988; Forssman 1991: 273; Ruijgh 1995; Berg-Haug 2000. See the recent surveys by Казанский 2004 and Hackstein 2010.

namely, that the Ionic epic tradition existed side by side with an Aeolic epic tradition and the «Aeolisms» are a result of borrowing and diffusion, rather than remnants of a preceding phase. Whenever the metrical structure of original Ionic forms was distorted by the sound changes or Ionic simply did not have a form needed to fill a particular metrical slot, the bards were able to borrow Aeolic forms from the parallel poetic tradition.² The purpose of this paper is to discuss one hitherto unnoticed argument in favor of the second view.

One linguistic feature that has figured prominently in the debate is the form of thematic active infinitives in Homer. In proto-Greek thematic present stems and thematic («second») aorists had the infinitive suffix *-ehen and this state of affairs is continued in Attic-Ionic, West Greek and «Achaean» dialects (cf. Mycenaean *e-ke-e / (h)ek^hehen/*).³ By the loss of intervocalic *-h- and vowel contraction *-ehen gave Attic-Ionic -ειν (i.e. /-ēn/, with a «spurious diphthong»), which is also the most frequently attested thematic infinitive suffix in Homeric dialect.⁴

However, in Homer we also find thematic infinitives in -έμεν (e.g. inf. pres. ἔλκέμεν, inf. aor. ἐλθέμεν). These forms have traditionally been viewed as Aeolic elements of the Homeric language, no doubt, correctly, since among all dialects of Ancient Greek, only in mainland Aeolic (or perhaps already in Proto-Aeolic⁵) was the originally athematic

² For the thesis of concurrent existence of Aeolic and Ionic epic traditions see e.g. Drerup 1903: 107; Hooker 1977: 70-82; Miller 1982: 34 *et passim*; Peters 1989: 6 *et passim*; Horrocks 1987; 1997: 214-17; Wyatt 1992; Hajnal 2003: 81.

³ On the dialectal outcomes of *-ehen see García-Ramón 1977.

⁴ See e.g. Meyer 1856: 5-7. It should be noted that there are formulae in Homeric epics where the ending of the thematic infinitive is used in princeps: in these cases -ειν is of course irresolvable and it is impossible to restore an «original» Aeolic ending -εμεν. The ending -ειν thus belongs to the inherited Ionic lore. This observation may by itself constitute an argument against the assumption of a special «Aeolic» phase in the development of epic diction (cf. Peters 1989: 6).

⁵ West Thessalian and Lesbian have thematic infinitives of the type φερεῖν / φέρον, but these forms do not have to reflect the original Proto-Aeolic situation: see García-Ramón 1975: 90.

infinitive suffix -μεν⁶ transferred to thematic stems: from epichoric Aeolic one may compare East Thessalian ὑπαρχε-μεν, μενεμεν, Boeotian καταβαλλεμεν, κριδδεμεν⁷ and an infinitive φ]ερεμεν is found in Corinna (fr. 654.20 *PMG*).⁸

The use of thematic infinitives in -έμεν in Homeric epics shows a remarkable tendency: the suffix of these forms for the most part occupies the biceps of the fourth or the fifth foot (before a vowel): see the material presented in Chantraine 1973 [1958]: 490–2. This distribution of forms in -έμεν conforms to the well-known preference for dactylic word-end before the bucolic dieresis and before the sixth foot.⁹ The question is then, why these Aeolic forms appear precisely under such metrical conditions. There are two possible explanations.

1) Forms such as inf. pres. ἔλκεμεν or inf. aor. ἐλθέμεν should be viewed as remnants from the «Aeolic stage» of epic diction: these forms were preserved in old formulae and they were not «ionicized» by Ionic bards, because Ionic -ἔη in ἔλκειν or ἐλθεῖν would then fill the biceps, resulting in an undesirable spondaic fourth (or fifth) foot. In other metrical contexts (e.g. the first or second foot) the pressure for a dactyl

⁶ *-men was probably originally used only with monosyllabic athematic stems: see Peters 1986: 308.

⁷ See Bechtel 1921: 193, 289; Thumb–Scherer 1959: 43, 71; Wathélet 1970: 319; Blümel 1982: 208–10. I am not sure I understand Haug (2002: 157), who objects to Horrocks 1987 on the grounds that inf. -εμεν is also found in Doric dialects and the extension of the suffix -μεν to thematic stems «est assez ancienne en grec»: at least, I am not aware of any such forms in any Doric dialects, save for Cretan προφειπέμεν on which see the next footnote.

⁸ We do not have a single inscriptional example of thematic inf. aor. (except ιδεμεν SEG 37.389 found on a Boeotian lead tablet dating from the 2nd cent. AD), but it is very likely that athematic -μεν, used with presents and aorists alike, was transferred to both thematic presents and aorists in Aeolic. Indirect support for this claim may come from Cretan π]ροφειπέμεν (*IC I xviii 1*), if the ending -μεν in this form should be attributed to an Aeolic substrate (however, this is not the only possible explanation of the form, see García-Ramón 1973: 268–9).

⁹ That is, the avoidance of bucolic bridge: -⁴, -⁵, and Meister's bridge: -⁵, -⁶, resp. See Bekker 1863: 144–8; Witte 1915: 484; Meister 1921: 7–9, 12–22; Witte 1972: 88–90, Nagy 1974: 74–5.

was felt less acutely and the singers were able to replace traditional infinitives in -έμεν with their native forms ending in -εἶν.

2) Forms such as inf. pres. ἔλκόμεν and inf. aor. ἐλθέμεν are products of secondary «aeolicization» of the Homeric epic diction: in cases where *-ehen in traditional (Ionic) formulae occupied the biceps of a dactylic fourth or fifth foot, the singers had an option of substituting Aeolic -έμεν for the metrically inept Ionic -ῆν. In the first, second, third or last foot of Homeric hexameter a spondee was more admissible and hence original Ionic forms in -εἶν could be retained there.

In order to decide between these two scenarios we must take a closer look at the distribution of the infinitives in -έμεν. While the majority of these forms fill a dactylic fourth or fifth foot (extending into the biceps of the preceding foot in case of longer forms), infinitives with the suffix -έμεν are also made from thematic stems derived from the roots of the structure (C)ṽC: ἀγ-, ἐχ-, μελ-, μεν-, φεϛ-. Even though the infinitives ἀγέμεν, φεϛέμεν, etc. had a metrical structure different from ἔλκόμεν or πεμπέμεν, such forms could of course still be used in hexameter: for instance, they may occupy the metrical slot after the penthemimeral caesura, cf. K 411:

διχθαδίας κῆρας |, ⁵ φερέμεν θανάτοιο τέλος δέ

In fact present infinitives of this type are reasonably well attested in Homer.¹⁰

The situation is vastly different, however, when we consider thematic aorists made from roots of the same type: aorists of the type φαγέμεν are exceptionally rare and are for the most part found in the Odyssey.¹¹ Instead we find a robust

¹⁰ ἀγέμεν A 323, 443, H 418, 420, 471, T 195, ξ 274; ἐχέμεν Δ 302, E 492, I 708, N 2, P 476, T 148, δ 419, η 313, θ 529; ἔσθι ἔμεν β 305, φ 69; μενέμεν E 486, O 400, ι 97, υ 330; φερέμεν E 234, I 411, Ω 119 (= 147, 176, 196); μελέμεν σ 421.

¹¹ They are: φαγέμεν κ 386, ο 378, π 143, ρ 404, σ3; τραφέμεν H 199, Σ 436, γ 28 (always in VE formula γενέσθαι τε τραφέμεν τε); πεφραδέμεν η 49; πιέμεν ο 378, π 143, σ 3 is found in the same verse with φαγέμεν (*Augenblicksbildung?*), but the form is also found at II 825.

group of aorist infinitives ending in -έειν: βαλέειν, φαγέειν, θανέειν, ἰδέειν, δακέειν, ἔλέειν etc., with 102 attestations from 19 verbal roots on the whole. The majority of these forms are found before consonant; whenever they stand before a vowel, they are almost invariably followed by a caesura. They usually are located in the biceps of the 3rd foot and the princeps of the 4th foot or in the biceps of the 2nd foot and the princeps of the 3rd foot (in rare cases -ειν fills the princeps of the 5th foot). In other words, we find aorist infinitives in this mysterious -έειν precisely where the proponents of the «Aeolic phase» would expect to find infinitives in -έμεν.

It behooves us to discuss the origin of the ending -έειν. According to the usual view (that goes back to G. Curtius *apud* Renner 1868: 34) these forms are a product of Attic μεταχαρακτηρισμός, viz. a transposition of ΦΥΓΕΕΝ written in an Old Ionic alphabet (with a metrical structure ∪ ∪ - before a consonant) into φυγέειν with the ending of Attic φυγεῖν.¹² But if this indeed were the process responsible for the creation of Homeric πῆειν, etc., one would expect that present stems of the type φέρω (inf. *p^herehen, spelled in Old Ionic alphabet as ΦΕΡΕΕΝ) would show such distraction, too, which is precisely not the case: simple thematic present stems never take this ending. For the same reason it is hard to believe the theory advanced by Mangold 1873: 204 («-εειν errori rhapsodorum recentiorum tribuendum, cui jam tribuimus formas in -ωντ- et -οφ-»): while there is no problem in assuming a «diachronically false» distraction, Mangold's theory fails to explain the absence of present infinitives of the type *φέρεειν.

The correct explanation was given by Chantraine (1973 [1958]: 493) who (somewhat implicitly) suggested viewing the suffix -έειν as a product of a four-part analogy to contracted and uncontracted infinitive forms from present stems in -έε/ο- (type φορεῖν : φορέειν)¹³:

¹² Rzach 1875-76: 441; Simmerle 1874: 8; Hermann 1914: 262; Schwyzer 1939: 807; Wuest 1943: 99.

¹³ Smyth 1894: 499 generally subscribes to Renner's view (see above), but adds a wise (if confusing) provision «false transcription of ΕΕΝ through the analogy of φιλέειν and congeners».

present stems in -έε/ο ⁻¹⁴		thematic aorists in -έ/ό-
-εἶν	:	-εἶν
-έειν	:	-Χ
		where X is resolved as -έειν

It now becomes clear why the presents of the type φέρω (inf. φέρειν) never have such distracted infinitives: they never had a circumflex suffix -εἶν.

It is not quite certain whether we should see the suffix -έειν as an analogical creation within the Homeric *Kunstsprache* or as a real form, current in Ionic dialect(s). This suffix is not found in epichoric Ionic, it is exceedingly rare in elegiac poetry and in prose it demonstrably has a pseudo-Ionizing function.¹⁵ Nevertheless, it cannot be excluded that we are dealing with a spoken language form that went into oblivion in later Ionic, both literary and colloquial. One thing is certain: it is a specifically Ionic formation¹⁶ which cannot be of Aeolic provenance.¹⁷

Now we can return to the peculiar distribution of thematic infinitives in Homeric epics and the two scenarios suggested above: «Aeolic phase» vs. «aeolicization».

Under a theory of an earlier «Aeolic phase» of Homeric epics it is simply impossible to adequately capture the distribution of the thematic aorist forms: why would a bard replace traditional Aeolic -έμεν (*ex hypothesi* the only active infinitive ending in all thematic forms) by -έειν specifically in

¹⁴ Including simple thematic verbs of the structure *CRe(h/υ)e/o-, e.g. χέω, inf. χέειν ~ χεῖν.

¹⁵ All -έειν aorist infinitives in Herodotus are Homeric, see Smyth 1894: 499.

¹⁶ The grammarians often call the infinitive ending -έειν specifically Ionic (e.g. Et.M. 465.49-50: <Ιδέειν>: [...] οἱ Ἴωνες ἐπὶ τῶν εἰς εἶν ἀπαρεμφάτων, πλεονάζοντες τὸ ε, διὰ τοῦ εεῖν προσφέρουσι, θανέειν, θανέειν), but it is very likely that « Ἴωνες » here stands for Ionic hexameter poetry.

¹⁷ In Thessalian and Boeotian contract verbs of the type φορέω have thematic active infinitives in -εμεν, while in Aeolic of Asia Minor these forms end in -ην.

the third/fourth foot before a consonant or a caesura? For instance, N 629 πῦρ ὀλοὸν βαλέε,³ ἰν κτεῖναι δ' ἦρωας Ἀχαιοὺς has no metrical advantage over its alleged Aeolic predecessor *πῦρ ὀλοὸν βαλέμε,³ ἰν κτεῖναι δ' ἦρωας Ἀχαιοὺς and similarly *δοιῶ δ' οὐ δύναμαι (F)ιδέμε,⁴ ἰν κοσμήτορε λαῶν is not metrically inferior to the actually transmitted Γ 236 δοιῶ δ' οὐ δύναμαι ιδέε,⁴ ἰν κοσμήτορε λαῶν. If — according to the «Aeolic phase» theory — the infinitives in -έμεν were able to survive in archaic formulae, there is no reason why they should not have likewise survived in contexts as above.¹⁸ The aorist infinitives of the type βαλέειν are thus very unlikely to be replacements for an older Aeolic *βαλέμεν.

It remains to test the «aeolicization» theory against the same facts. It can easily be seen that this theory accounts for Homeric present and aorist infinitives of the type ἐλκέμεν and ἐλθέμεν (- υ υ) at least just as well as the «Aeolic phase» theory does: for instance, a formula */nā,¹ μῶν ὀ,² kyporō,³ n sk^hedon e,⁴ lthehen/ 'go to quick-going ships' after the loss of *-h- and subsequent vowel contraction came to contain an undesirable spondee before the bucolic dieresis (*/nā̄μῶν ὀkyporōn sk^hedon elthēn/ - - - υ υ - υ υ -,⁴ - ||), but by borrowing the Aeolic form from a parallel tradition the singers were able to restore a dactyl in the fourth foot (cf. K 308+ # νηῶν ὠκυπόρων σχεδὸν ἐλθέμεν ἔκ τε πυθέσθαι). According to the diffusionist approach, a very similar motivation is behind the appearance of Aeolic genitives -ᾶο, -ᾶων as replacements of the archaic Ionic -ηο, -ηων.¹⁹

¹⁸ Hermann (1914: 262) suggested that «im Äolischen hatte man im Infinitiv des Präsens bei thematischen wie bei athematischen Stämmen -μεν, -μεναι, im Aorist aber nur bei den athematischen; die thematischen bildeten -εεν», but this theory lacks conviction and is not supported by the facts (see above, Fn. 8).

¹⁹ See e.g. Horrocks 1987: 290.

No doubt, there must also have been traditional formulae where the infinitive (for instance, *(h)ek^hehen) conformed to an anapaestic foot before a consonant (◡ ◡ -); compare *exempli gratia* reconstructions:

*/(h)ek^hehen lāuon k^{we} (h)ik^wons k^{we}/²⁰ or

*/(h)ek^hehen patrōiija panta/ (l, ⁵ ◡ ◡ - - - ◡ ◡ - ◡ #).

In this case, yet again, the sound change (*(h)ek^hehen > Old Ionic /ek^hēn/) must have distorted the metrical structure of the verse, resulting in a defective third foot (- |, ⁵ ◡[!] - - - ◡ ◡ - ◡ #). Two strategies were available: either the formula could be modified so that it could be used after the feminine caesura (compare π 388 καὶ ἔχειν πατρῷα πάντα ‘and hold his father’s property’²¹) or an Aeolic variant with a suffix -έμεν could be used instead (compare I 708 καρπαλίμως πρὸ νεῶν |, ⁵ ἔχέμεν λαόν τε καὶ ἵππους ‘forthwith bring out your host of warriors and your horsemen’ or Π 476 ἵππων ἀθανάτων |, ⁵ ἔχέμεν δμησίην τε μένος τε ‘have control and power over the immortal steeds’).²²

²⁰ For correlative *k^{we} ... *k^{we} in this reconstruction of the verse compare ἀνδρῶν τε θεῶν τε, δῆμός τε πόλις τε, etc.

²¹ Compare also β 22 ἔχον |, πατρῷα ἔργα. For πατρῷα πάντα occupying the metrical slot from the penthemimeral caesura to the princes of the fifth foot compare ο 80; υ 336; χ 61.

²² Of course, Aeolic forms with a different prosodic structure were not available in many situations where sound change affected the original scansion. This is the case with a likely archaic formulaic expression that violates both the bucolic and Meister’s bridge in Homer, namely, ἦῶ δῖαν, where spondaic ἦῶ is nine times located in the 5th foot and twice in the 4th foot: the accusative of ‘dawn’ (Proto-Greek *au^hohə < *h²eusosm) was disyllabic in Ionic and Aeolic alike and borrowing the form from the neighboring poetic tradition would not remedy the situation in this case. Κ 574 ἰδρῶ πολλόν in the Doloneia may or may not be a similar case, see Meister 1921: 182.

Another example of a spondaic fifth foot presents a trickier problem. Λ 639 αἴγειο, ⁵ ν κνῆ τυ, ⁶ ρόν may well reveal an old expression where the biceps of the fifth foot was filled by a disyllabic form *knēe < *knēhe < *knēje (Schmidt 1968: 29-31) or *knāe < *knāhe < *knāje (West 1998): but whatever the exact protoform should be, both

The question to be answered now is: why (1) the Ionic reflex of inf. pres. *(h)elkehen was replaced by its Aeolic counterpart ἔλκέμεν, (2) the Ionic reflex of inf. aor. *elt^hehen was replaced by ἔλθέμεν and (3) the Ionic reflex of inf. pres. *ek^hehen was replaced by ἐχέμεν, but inf. aor. *g^walehen was never replaced by *βαλέμεν in Homer?

One (and I think, the only) sensible answer to this question is the following: when the need arose to find a replacement for metrically undesirable forms of the type βαλεῖν (< *g^walehen) that in traditional formulae were supposed to fill a metrical slot $\cup \cup -$,^{3/4/5}, the bards had no need to borrow synonymous forms from the Aeolic tradition, since they were able to use the forms of the type βαλέειν, whether because such forms belonged to their native dialect or because these forms were familiar to them from the poetic tradition they belonged to. But they could not use the Ionic ending -έειν if the traditional formula contained a dactylic aorist infinitive (*elt^hehen > Ionic ἐλθεῖν, *rep^hehen > Ionic πεφνεῖν), since such forms would have had a cretic shape (*ἐλθέειν - $\cup -$), and therefore the singers had to resort to Aeolic aor. inf. ἐλθέμεν and πεφνέμεν. The reason why they did not have an option of substituting a form in -έειν for Old Ionic present infinitives

Ionic and Aeolic forms of this verb must have been monosyllabic by the time the Homeric text was taking its form and once again, «aelicization» would be of little avail. (West, who cites Boeotian τυροκνασσιτιδες SEG 24.361 as a piece of evidence for the root form *knā-, plausibly interprets κνη as an Atticism of the transmission: and yet, if *knā- is indeed the correct reconstruction, one wonders whether we might in fact be dealing with a Boeotian contraction product of *-āe- such as, according to M. Peters (p.c.), is also found in Homeric ἦρι < *ājeri; as far as Boeotian elements in the (West)Ionic component of Homeric diction are concerned, Peters reminds me of gen. sg. ἄᾱς, Zenodotus' reading in Θ 470). However, it is also possible to argue that *knēe (< *knēe < *knāe) is an artificial thematic form, based on an athematic 3 sg. *knā < *kneh-*t* and created by the singers precisely in order to fill the biceps (Hackstein 2002: 119); in this case κνη does not constitute a violation of Meister's bridge and the transmitted κνη would in this case be purely orthographic.

(*p^herehen > Ionic φέρειν) should now be clear: there has never been a pres. inf. of the type *φερέειν in their repertoire.

Not only does this solution explain why aorist infinitives in -έειν are only formed from stems of a specific prosodic structure, but we can now also understand why these forms are almost never found before a vowel: in original hexameter an aorist infinitive of the type *g^walehen could not have been used before a vowel, since the form would then scan as ∪ ∪ ∪. The predictable absence of such metrical contexts explains why the aor. inf. in -έειν (itself a replacement of original *-ehen) is only found before a consonant or a caesura.²³ The facts fit together as though dovetailed: the «aeolicization» theory is able to explain all the details of the distribution of active thematic infinitives in Homer.

The small section of Homeric grammar just surveyed has interesting implications for the proper appreciation of the other major representative of early hexameter poetry, namely Hesiod. It cannot be entirely fortuitous that Hesiod in *Works and Days* and *Theogony* uses only forms of the second aorist infinitive with contraction: ἀμφιβαλεῖν *E.* 787, εἰπεῖν *E.* 453, ἐνιοσπεῖν *Th.* 369, ἐξελεθεῖν *Th.* 772, παρελεθεῖν *Th.* 613, *E.* 216, ἰδεῖν *Th.* 701, θανεῖν *E.* 175, 687, παρασχεῖν *E.* 712, ταμεῖν *E.* 807, προφυγεῖν *E.* 647. In all cases -εῖν is either located in the princeps or fills the biceps of the 6th foot. Not a single aorist form in -έειν is attested.

²³ It should be noted, however, that there was a way of using forms of the type *g^walehen in hexameter before a vowel, namely, by a metrical lengthening of the first vowel. That this was indeed the case, can perhaps be proved by Π 825 πιέμεν ἄμφω = π 143 πιέμεν αὐτως (in both cases -,⁵ ∪ -,⁶ - #): aor. πιέμεν is here an aeolicized version of metrically lengthened *pī(i)ehen, similar to the case of ἐλεθέμεν substituted for dactylic *elt^hehen (one should bear in mind, nevertheless, that the lengthening of *pī(i)ehen to *pī(i)ehen had support elsewhere in the paradigm of this verb, e.g. in aor. ipv. πῖθι).

Things are different with Pseudo-Hesiodica, not unexpectedly. The *Shield of Heracles* (the *Scutum*) that in the antiquity was attributed to Hesiod, but is more likely to have been composed in the beginning of the 6th century,²⁴ shows the following forms: ἐλέειν (337), λιπέειν (332; before a consonant), πιέειν (252), προθέειν (240; before a consonant) and μαπέειν (231, 304). In all instances where -εειν is followed by a vowel, the infinitive ending stands before the main caesura of the third foot. The *Scutum* thus faithfully replicates the Homeric state of affairs, which is not surprising given that the central part of this poem is modeled on the Homeric description of the shield of Achilles (Σ 478–608) and the *Scutum* is in fact, in G. Most's words, "a striking example of interaction between the Hesiodic and Homeric poetic traditions" (Most 2006: lv). In the pseudo-Hesiodic fragments (which for the most part cannot be dated with any certainty) we find three examples of thematic aorist infinitives in -έειν, all of which are found in verses that are either direct borrowings from the Homeric text or have been constructed from Homeric material.²⁵

²⁴ The date of the composition of the *Scutum* is traditionally placed somewhere between 590 and 570 BCE. The *terminus ante quem* is based on the name of the centaur Melanchaetes on the François vase, likely due to a misunderstanding of Sc. 186, as well as on the much-discussed indication found at the end of Hypothesis A to *Scutum* that Stesichorus (who probably *floruit* ca. 570–540) knew the poem. The *terminus post quem* can be set at about 590: in the lines 390–401 the particular season in which Heracles faced off Cycnus is given as mid-July and the only reason for providing this information could have been the existence of a specific festival at Apollo's temple at Pagasae, where the action is said to take place. Such a festival could only have been instituted after the Sacred War when the Anthelan Amphictyony demolished the city of Crisa (591 BCE): the fall of Crisa was equated with Cycnus' demise (see Solmsen 1965: 3, Fn. 4; Janko 1986).

²⁵ προθέειν, ἰν μάλα περ μεμαῶτες (fr. 35.3 Merkelbach–West) can be viewed as an imitation of I 532 διαπραθέειν μεμαῶτες Ἄρηι (compare Sc. 240 προθέειν μεμαῶτες). The second example is found

The Hesiodic situation in regard to thematic aorist active infinitives is thus different from what we find in Homer and post-Homeric hexameter poetry: only 18% of these forms in Homer end in $-\epsilon\acute{\iota}\nu$, while 100% do in Hesiod.²⁶ This fact has not been duly exploited in the studies of Hesiod's language and poetic technique. In view of the paucity of active thematic aorist infinitives attested in Hesiod it might not seem to be totally unreasonable to question the validity of statistics in this case, but in fact the form has just the same frequency as it has in Homer: 12 aorist infinitives in $-\epsilon\acute{\iota}\nu$ for 1813 lines²⁷ gives us an average of one form in every 151 lines, while in Homer (27812 lines) there are 192 forms of active thematic aorist infinitive, viz. one form for every 145 lines.

Unfortunately, even though generally Hesiod is just as formulaic as Homer, in *Theogony* and *Works and Days* there is not a single formula, with or without Homeric parallels, that contains an infinitive of the type we are interested in (or any infinitive, in fact).²⁸ Whether or not this gap is significant, is probably impossible to say,²⁹ but as a result we cannot see in the same way as we can in the case of Homeric epics how exactly Hesiod may have handled some of the cases that must have come down to him from the stock of traditional material. Nevertheless, the conclusion that emerges is that even though the dialect of Hesiod's poems is «essentially the same as that

in fr. 58.12 ἰδέ[ειν] λαμπρ[ὸν] φάος ἠελίοιο which can be compared to Homeric verse-end formulae ζῶει καὶ ὄρα φάος ἠελίοιο and ὄψεσθαι λαμπρὸν φάος ἠελίοιο?). Lastly, ἐκφυγέειν καὶ ἀλύξαι (fr. 150.29) may have come directly from Θ 243 = μ 216.

²⁶ In Homer there are 35 active infinitives of the thematic aorist ending in $-\epsilon\acute{\iota}\nu$, 55 forms in $-\acute{\epsilon}\mu\epsilon\nu$ and 102 forms in $-\acute{\epsilon}\epsilon\iota\nu$.

²⁷ The "Days" section of *Erga* omitted; for argumentation see e.g. Solmsen (1963), who bracketed the entire section in his OCT text.

²⁸ As can easily be seen by consulting the collections by Krafft (1963) and Pavese (1972: 123–77).

²⁹ Note in any event that a spondee in the fourth or the fifth foot is avoided in Hesiod even more assiduously than in Homer: see the figures in Paulson 1887: 4.

of Homer»³⁰, the poet did not have access to the poetic tradition where thematic aorist infinitives in -εεiv were freely available as substitutes for *-ehen in traditional formulae.³¹ This paper is not the place to put forth far-reaching theories concerning the formation and constituent parts of Hesiod's poetic language: my purpose here is merely to signal an important isogloss separating the Homeric and Hesiodic dialects. The problem merits further study.

Let's take stock. In this paper I have argued that under the traditional theory of an «Aeolic phase» in the development of Homeric epic diction it is hard (if not impossible) to adequately explain the distribution of active thematic aorist infinitives in Homer where we find Aeolic -έμεν if the preceding syllable is heavy (-, ^{4/5}υ υ), but Ionic (likely *kunstsprachliches*) -έεiv before consonant or caesura if the preceding syllable is light (υ υ -, ^{3/4/5}): if -έμεν was the sole thematic active infinitive ending in Aeolic epic poetry, it is unclear why Ionic bards would replace a traditional form by an artificial one without any metrical reason to do so (*βαλέμε, ⁴ν δέ > βαλέε, ⁴iv δέ). But in case there never was a full-scale «Aeolic phase», things appear in an entirely different perspective: after the infinitive suffix *-ehen contracted to -ēn, the Ionic singers were nevertheless able to continue employing traditional formulae by replacing the aorist infinitive in former *-ehen (υ υ - before a consonant) by a likewise Ionic form in -έεiv. In cases where *-ehen used to fill the biceps and a spondaic foot would be undesirable the bards had no choice but to borrow (or create) Aeolic forms in -έμεν. The absence of aorist infinitives in -έεiv from Hesiod is likely to be significant:

³⁰ West 1966: 79.

³¹ Despite the fact that there are uncontracted present infinitives of -έε/o- verbs in Hesiod, e.g. προχέεiv (E. 596), viz. the very forms that served as the trigger for the creation of Homeric aor. inf. in -έεiv.

these forms seem to point to an Ionic poetic tradition alien to Hesiod.

The distribution of the forms of active thematic aorist infinitive thus supports the diffusionists' view of the Aeolisms in the Homeric dialect. It may not be the most important argument in favor of this view, but it is one.

References

- Зайцев 1999 — Зайцев А. И. «Греческая метрика» Б. Снедья // Б. Снедль. Греческая метрика. М.: Греко-латинский кабинет, 1999. С. 5-6.
- Казанский 2004 — Казанский Н. Н. «Микенская словесность» и проблема диалектной стратификации древнегреческой эпической традиции // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. — СПб.: Наука, 2004. С. 88–96.
- Bechtel 1921 — Bechtel Fr. Die griechischen Dialekte. Bd. 1: Der lesbische, thessalische, böotische, arkadische und kyprische Dialekt. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1921.
- Bekker 1863 — Bekker I. Homerische Blätter. Bonn: A. Marcus, 1863.
- Berg-Haug 2000 — Berg N., Haug D. Innovation vs. tradition in Homer — an overlooked piece of evidence // *Symbolae Osloenses*. 2000. Vol. 75. P. 5–23.
- Blümel 1982 — Blümel W. Die aiolischen Dialekte: Phonologie und Morphologie der inschriftlichen Texte aus generativer Sicht. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1982.
- Chantraine 1973 [1958] — Chantraine P. Grammaire homérique. 3ème tir. T. 1. Paris: Klincksieck, 1958.
- Drerup 1903 — Drerup E. Die Anfänge der hellenischen Kultur. Homer. München, Kirchheim, 1903.
- Forssman 1991 — Forssman B. Schichten in der homerischen Sprache // *Zweihundert Jahre Homer-Forschung* / Hrsgg. von J. Latacz. Stuttgart; Leipzig: B. G. Teubner. S. 259-288.
- García-Ramón 1973 — García-Ramón J. L. El llamado sustrato eólico: revision critica // *Quadernos de filología clásica*. 1973. T. 5. P. 235-277.
- García-Ramón 1975 — García-Ramón J. L. Les origines postmycéniennes du groupe dialectal éolien: étude linguistique. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1975.
- García-Ramón 1977 — García-Ramón J. L. Le prétendu infinitif «occidental» du type ἔχεν vis-à-vis du mycénien *e-ke-e* // *Minos*. 1977. 16. P. 179-206.

- Hackstein 2002 – Hackstein O. Die Sprachform der homerischen Epen: Faktoren morphologischer Variabilität in literarischen Frühformen: Tradition, Sprachwandel, Sprachliche Anachronismen. Wiesbaden: L. Reichert, 2002.
- Hackstein 2010 – Hackstein O. The Greek of epic // A companion to the Ancient Greek language / Ed. by E. J. Bakker. Malden, MA: Wiley-Blackwell. P. 401-424.
- Hajnal 2003 – Hajnal I. Troia aus sprachwissenschaftlicher Sicht: die Struktur einer Argumentation. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 2003.
- Haug 2002 – Haug D. Les phases de l'évolution de la langue épique. Trois études de linguistique homérique. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2002.
- Hermann 1914 – Hermann E. Die epische Zerdehnung // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung (= Kuhns Zeitschrift). 1914. Bd. 46. S. 241-265.
- Hooker 1977 – Hooker J. T. The language and text of the Lesbian poets. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1977.
- Horrocks 1987 – Horrocks G. C. The Ionian epic tradition: was there an Aeolic phase in its development? // *Minos*. 1987. T. 22-24 (= *Studies in Mycenaean and Classical Greek presented to John Chadwick* / Ed. by J. T. Killen, J. L. Melena and J.- P. Olivier). P. 269-94.
- Horrocks 1997 – Horrocks G. C. Homer's dialect // A new companion to Homer / Ed. by I. Morris and B. Powell. Leiden; New York: Brill. P. 193-217.
- Janko 1982 – Janko R. Homer, Hesiod, and the Hymns: diachronic development in epic diction. Cambridge [UK.]; New York: Cambridge University Press, 1982.
- Janko 1986 – Janko R. The shield of Herakles and the legend of Cycnus // *Classical Quarterly*. 1986. 36/1. P. 38-59.
- Krafft 1963 – Krafft F. Vergleichende Untersuchungen zu Homer und Hesiod. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1963.
- Mangold 1873 – Mangold B. De diectasi Homerica imprimis verborum in $-\alpha\omega$ // *Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik*. 1873. Bd. 6. S. 139-213.
- Meister 1921 – Meister K. Die homerische Kunstsprache. Leipzig: B. G. Teubner, 1921.
- Meyer 1856 – Meyer L. Der infinitive der homerischen Sprache. Göttingen, 1856.
- Miller 1982 – Miller D. G. Homer and the Ionian epic tradition. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1982.
- Nagy 1974 – Nagy G. Comparative studies in Greek and Indic meter. Cambridge, MA, 1974.

- Parry 1932 — Parry M. Studies in the epic technique of oral verse-making. II. The Homeric language as the language of an oral poetry // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1932. Vol. 43. P. 1-50.
- Paulson 1887 — Paulson J. *Studia Hesiodica I: de re metrica*. Lund: Malström.
- Pavese 1972 — Pavese C. O. *Tradizioni e generi poetici della grecia arcaica*. Rome: Edizioni del'Ateneo, 1972.
- Peters 1986 — Peters M. Zur Frage einer 'achäischen' Phase des griechischen Epos // *O-o-pe-ro-si*. Festschrift für E. Risch zum 75. Geburtstag / Hrsgg. von A. Etter. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1986. S. 303-319.
- Peters 1989 — Peters M. *Sprachliche Studien zum Frühgriechischen: Habilitationsschrift*. Universität Wien, 1989.
- Renner 1868 — Renner J. G. *De dialecto antiquioris Graecorum poesis elegiacae et iambicae* // *Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik*. 1868. Bd. 1. P. 133-236.
- Ritschl 1838 — Ritschl F. *Die Alexandrinischen Bibliotheken unter den ersten Ptolemäern und die Sammlung der Homerischen Gedichte durch Pisistratus nach Anleitung eines Plautinischen Scholions. Nebst litterarhistorischen Zugaben über die Chronologie der alexandrinischen Bibliothekare, die Stichometrie der Alten, und die Grammatiker Heliodoru*. Breslau: G. P. Aderholz, 1838.
- Ruijgh 1995 — Ruijgh C. J. *D'Homère aux origines proto-mycéniennes de la tradition épique. Analyse dialectologique du langage homérique, avec un excursus sur la création de l'alphabet grec* // *Homeric Questions. Essays in Philology, Ancient History and Archaeology* / Ed. J. P. Crielaard. Amsterdam, 1995. P. 1-96.
- Rzach 1875-76 — Rzach A. *Der Dialekt des Hesiodos* // *Jahrbücher für classische Philologie*. 1875-76. Suppl. Bd. 8. S. 355-466.
- Schmidt 1968 — Schmidt V. *Sprachliche Untersuchungen zu Herondas*. Berlin: De Gruyter, 1968.
- Schwyzer 1939 — Schwyzer É. *Griechische Grammatik auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik*. 1. Bd.: *Lautlehre, Wortbildung, Flexion*. München: C. H. Beck, 1939.
- Simmerle 1874 — Simmerle P. M. *Zur Bildung des homerischen Infinitivformen*. Innsbruck: Wagner'schen Buchdruckerei, 1874.
- Smyth 1894 — Smyth H.W. *The sounds and inflections of the Greek dialects. Ionic*. Oxford: Clarendon Press, 1894.
- Solmsen 1963 — Solmsen F. The "Days" of the Works and Days // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1963. Vol. 94. P. 293-320
- Solmsen 1965 — Solmsen F. *Ilias XVIII, 535-540* // *Hermes*. 1965. 93. P. 1-6.
- Thumb-Scherer 1959 — Thumb A. *Handbuch der griechischen Dialekte*. Bd. 2 / 2. erw. Auflage von A. Scherer. Heidelberg: C. Winter, 1959.

- Wathelet 1970 — Wathelet P. Les traits éoliens dans la langue de l'épopée grecque. Roma, Edizioni dell'Ateneo: 1970.
- West 1966 — Hesiod. *Theogony* / Ed. with prolegomena and commentary by M. L. West. Oxford: Clarendon Press, 1966.
- West 1982 — West M. L. *Greek metre*. Oxford: Clarendon Press, 1982.
- West 1988 — West M. L. The rise of the Greek epic // *Journal of Hellenic Studies*. 1988. Vol. 108. 151-172.
- West 1998 — West M. L. Grated cheese fit for heroes // *Journal of Hellenic Studies*. 1998. Vol. 118. P. 190-191.
- Witte 1915 — Witte K. *Wortrhythmus bei Homer* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1915. Bd. 70. S. 481-523.
- Witte 1972 — Witte K. *Zur homerischen Sprache*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972.
- Wuest 1943 — Wuest H. *Morphologie des homerischen Infinitivs auf Grundlage der Ablauterscheinungen*. Dissertation Freiburg i.d. Schweiz. Freiburg in der Schweiz: Paulusdruckerei, 1943.
- Wyatt 1992 — Wyatt Jr. W. F. Homer's linguistic forebears // *Journal of Hellenic Studies*. 1992. Vol. 112. P. 167-173.

Н. Б. Пименова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ КОМБИНАЦИИ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ
С ОСНОВООБРАЗУЮЩИМИ ФОРМАНТАМИ
В ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИХ ОТВЛЕЧЕННЫХ ИМЕНАХ

Резюме. Древнегерманские основообразующие суффиксы обычно рассматриваются как морфологические форманты, имеющие деривационную функцию в парах с ясным мотивационным отношением. Соответственно, их варьирование в синонимичных отвлеченных deverbatives, где деривация сведена к транспозиции, должно трактоваться как морфологическое. Однако анализ древневерхненемецкого языка показывает, что это варьирование регулируется семантическими параметрами словообразовательных типов, которые определяют также комбинации словообразовательных суффиксов с основообразующими.

Ключевые слова: основообразующие суффиксы, словообразовательные суффиксы, отвлеченные отглагольные имена, вариативность основ, правила варьирования суффиксов, древнегерманские языки, древневерхненемецкий язык, stem formation suffixes, word formation suffixes, abstract verbal nouns, stem variation, suffix variation rules, Old Germanic languages, Old High German

1. Традиционное понимание статуса древнегерманских основообразующих именных суффиксов, сформировавшееся в отечественной германистике, учитывает их роль как морфологических показателей, и, с другой стороны, их деривационную функцию в коррелятивных парах с ясным мотивационным отношением, ср. напр. в именах деятеля: гот. *hairda* 'стадо' – *hairdeis* 'пастух' (-ja-основа), *fisks* 'рыба' – *fiskja* 'рыбак' (-jan-основа) (СГЯ 1963: 74–75). В соответствии с данной интерпретацией, в отвлеченных отглагольных именах действия основообразующие суффиксы (ООС) оформляют их парадигму и одновременно переводят глаголы в класс существительных, выступая в качестве деривационных показателей словообразовательных типов. Следуя этой логике, мы должны квалифицировать варьирование таких ООС в синонимичных отвлеченных именах (ср.

напр. двн. *urstant*, основа на *-a-* или *-i-*, *urstenti*, основа на *-ja-* ‘воскресение’ от *irstantan* ‘воскресать’) как морфологическое варьирование, поскольку деривационная функция ООС в подобных именах едина и заключается лишь в транспозиции, т. е. в переводе глаголов в отвлеченные имена со словообразовательным значением отвлеченного действия. Однако, как обнаруживает более детальное исследование, границы варьирования ООС в мотивированных отвлеченных именах существенным образом отличаются от пределов их варьирования в немотивированных существительных¹. В отвлеченных именах, сохраняющих про-

¹ Как известно, методологическое разделение морфологических и словообразовательных функций ООС наиболее последовательно проводится именно в отечественной традиции. В классических зарубежных трудах варьирование ООС в синонимичных образованиях подводится под рубрику морфологического варьирования, кроме случаев с суффиксом *-ja-*, которому – неоправданно часто – приписывается собирательное значение, в том числе в комбинированных формантах. Другая линия анализа германского материала представлена попытками связать значение суффиксальных вариантов с предполагаемой семантикой индоевропейских родовых противопоставлений: мужской род – «сингулятивность, дефинитность», средний и женский род – «собирательность» и «недефинитность» (Vogel 1996; Leiss 1997). Однако несемантическая, т. е. чисто морфологический характер колебаний рода в древневерхненемецком и других древнегерманских языках отчетливо подтверждается наличием в корпусе многочисленных однокоренных дублетов, не проявляющих семантических различий. Последовательное проведение семантической классификации в вариантах с разными основами невозможно и с теоретической точки зрения, поскольку оно означало бы действие принципа семантической именных классов, что полностью противоречит типологической характеристике древневерхненемецкого языка. Речь может идти лишь о семантической дифференциации некоторых морфологических дублетов; однако и при подобном подходе следует усомниться в отражении этой дифференциацией принципов индоевропейской классификации имен. В частности, необходимо указать на то, что на уровне древневерхненемецкого языка мотивированные варианты с разными ООС относятся к разным синхронным словообразовательным типам, а семантика основообразующих (и собственно словообразовательных) суффиксов в словообразовательной системе оказывается уже, чем функции собственно рода.

значную мотивирующую связь с глаголом, возможность образования синонимичных суффиксальных вариантов регулируется параметрами системной продуктивности отвлеченных словообразовательных типов. Эти параметры допускают образование имен с различными суффиксами к разным классам основ и разным типам сопутствующих конкретных значений (Пименова 2006). Соответственно, варианты оказываются возможными к тем типам, системная продуктивность которых пересекается по определенным характеристикам.

Доказательство специфики системной продуктивности синонимичных типов и селективности в образовании суффиксальных вариантов позволяет существенным образом уточнить деривационный статус основообразующих суффиксов в мотивированных древневерхненемецких именах. Деривационные функции этих суффиксов не сводятся к транспозиции, поскольку их участие в образовании вариантов имен проявляет зависимость от системных характеристик типов, в качестве формантов которых они выступают. Тем самым варьирование основообразующих суффиксов в мотивированных именах обособляется от морфологического варьирования в именах немотивированных.

2.0. Другой, не менее интересный аспект этой проблемы затрагивает сочетаемость ООС с собственно словообразовательными суффиксами². Как выясняется, индивидуальные параметры системной продуктивности типов не только определяют, к каким основам возможно обра-

Заметим, что разрабатываемая нами и отраженная в данной статье концепция анализа варьирования ООС через параметры словообразовательных типов в отечественной и зарубежной лингвистике не представлена.

² Указания на формальную композиционность комбинированных формантов, ср. напр. Ю. В. Откупщиков о параллелизме отношений ИЕ *-no, *-ni, *-nā, *-ni и *-to, *-tī, *-tā, *-ti (Откупщиков 1967: 225), до сих пор не получили развернутого семантического обоснования (т. е. доказательства их семантической композиционности) для уровня отдельных древних индоевропейских языков.

зование вариантов с теми или иными значениями, но и в значительной степени регулируют комбинаторику суффиксов, т. е. закономерности сочетания словообразовательных суффиксов с основообразующими.

Проиллюстрируем эту закономерность примерами.

2.1. Комбинации *-ôd-* с основообразующими формантами

Отглагольные имена с суффиксом *-ôd-* имеют наибольшую продуктивность с формантом, включающим основообразующий суффикс *-a-/-i-* и от основ итеративных и интенсивных глаголов, в качестве баз *-ôd-*имен непродуктивны предельные глаголы неконтролируемых процессов и глаголы изменяющего воздействия на объект. Имена с конкретными значениями ограничены отдельными существительными со значениями субъекта неконтролируемого неопределенного процесса и существительными со значением внутреннего объекта³.

Комбинации *-ôd-* с другими ООС распределяются следующим образом.

В корпусе засвидетельствован ряд отглагольных имен на *-ôdî-* (ж.р., с ООС *-î-*) и *-ôdi-* (ср.р., *-ja-*). Ряд *-ôdî-*имен состоит из: *altinôdî* (Gl. 9 в.)⁴ 'промедление' к *altinôn* 'оставлять без внимания, медлить', *enginôdî*, *engôdî* (Gl. 11 в.) 'теснина' к **enginôn*, *engen* 'теснить', *gifagôdî* (Gl. 9/10в.) 'удовлетворение' к *gifagôn* 'быть достаточным, удовлетворять', *wêferôdî* (Gl.11/12 в.) 'стенание', *mittilôdî* (St.36) 'середина' (к **mittilen?* *mittilôn?* ср. свн. *mitteln* 'ставить в середину'), *murmulôdî* (St.36) 'ворчание', *hantslagôdî* (Gl.10 в.) 'рукоплескание' к *hantslagôn* 'бить в ладоши, рукоплескать', *bitrahtôdî* (Gl.1070 г.) 'рассмотрение', *weigarisôdî* (Gl. 11 в.) 'презрение', *wispalôdî* (Gl. 9/10в.) 'шип, свист'.

За исключением имен с вероятной двойной мотива-

³ Разработку классификации словообразовательных конкретных значений, релевантную для описания древневерхненемецкого материала, см. в: Пименова 2006.

⁴ Ссылка на источник дается в случае единичной или ограниченной фиксации слова в корпусе.

цией (мотивацией глаголами и прилагательными) *engôdî* 'теснина' и *mittilôdî* 'середина', в списке *ôdî*-имен зафиксированы только имена, образованные либо от глаголов действий, не направленных на объект (от безобъектных глаголов) или от глаголов, не обозначающих воздействие на объект.

Сходная ситуация характерна и для *ôdî*-имен (ср. р., основа на *-ja-*), мотивированных глаголами: *lihhisôdî* (Gl. 8 в.) 'подобие, картина' (лат. *figmentum*) к *lihhisôn* 'притворяться, выдавать что-либо за что-либо', *wegôdî* (Gl. 9 в.) 'посредничество, заступничество' к *wegôn* или *wegên* 'помогать, просить за кого-то', *wîsôdî* (Gl. 12 в.) 'дар, подарок' к *wîsôn* 'посещать, заботиться', *hefôdî* 'имущество' (принадлежность к *-ja*-основам под вопросом) к *heffen* 'обладать', *weidinôdî* (Gl. 10 в.) 'охота'.

Комбинация *-ôd-* с основообразующим *-ô-* засвидетельствована в единственном случае *wîsôda* (Gl. 12 в.) 'дар, подарок' к *wîsôn* 'посещать, навещать, заботиться', ср. параллельно синонимичное *wîsôd* (м. р., *-a/-i-* основа, Gl. 12 в.).

Как очевидно, имена, образованные с помощью более редких *ôd*-формантов, по характеру баз и значениям соответствуют составу имен, образованных по продуктивному *ôd*-типу. Наибольшее количество *ôd*-имен после образования на *-a/-i-* засвидетельствовано именно с суффиксом *-î(n)*, т. е. с формантом словообразовательного типа, наиболее близкого *ôd*-типу по своим семантическим характеристикам («субъектности», частому образованию имен от итеративных глаголов, ограничению на значения результативных объектов). Напротив, тип *ôd*-имен с основообразующим суффиксом *-ô-* не получает сколько-нибудь заметного развития. Почти полное отсутствие имен с *-ô*-вариантами к суффиксу *-ôd-* обращает на себя особое внимание на фоне, с одной стороны, достаточно распространенного варьирования имен с суффиксами *-a/-i-* и *-ô-*, ср. *roub* – *rouba* 'грабеж, добыча', и, с другой стороны, на фоне широкого варьирования *-ja-* и *-ô-*имен, ср. напр. *girusti* – *girusta* 'снаряжение'. Регулярное варьирование *-ja-* и *-ô-*, на первый взгляд, должно было повлечь за собой возможность образования вариантов на *-ôdô-* к именам на *-ôda/i-*. Однако такое варьирование не могло было иметь значительных ограничений

лишь при условии его чисто морфологического статуса; в данном же случае на образование вариантов влияет разность характеристик типа на $-\hat{o}da/i-$ и типа на $-\bar{o}$. Учитывая, что для $-\bar{o}$ -типа были характерны «объектные» значения, не свойственные $\hat{o}d$ -именам (значения результативных объектов), мы имеем основания связать ограниченность этого варьирования с низкой совместимостью значений $\hat{o}d$ -имен и значений $-\bar{o}$ -типа.

2.2. Комбинации $-t-$ с основообразующими формантами

Суффикс $-t-$ продуктивен в сочетании с основообразующими $-i-$ (имена ж. р.) и $-a-/i-$ (имена м. р.). Как было продемонстрировано в нашей работе (Пименова 2007), тип имен мужского рода характеризуется непродуктивностью объектных предельных баз и конкретных значений результативного объекта, напротив, типу имен женского рода свойственны ярко выраженные «объектные» характеристики, в том числе продуктивность значений «объектного» полюса (результативного объекта, локативов).

Менее частотные отглагольные образования с суффиксом $-t-$ относятся к основам на $-\hat{i}(n)-$, $-\bar{o}-$, $-\bar{o}n-$, $-\hat{j}a-$.

Варьирование древневерхненемецких имен на $t\hat{i}$ - и $t\bar{i}$ -косвенно подтверждает «субъектность» $\hat{i}(n)$ -типа. Прежде всего, среди $t\bar{i}$ -имен нет достоверных тематизаций объектов действия. Во-вторых, $t\bar{i}$ -образования представляют собой только имена к глаголам состояния, неконтролируемых процессов или безобъектных действий – т. е. к глаголам с «безобъектной» семантикой. Ср. *dultî* (О.) ‘терпение’, *ungidultî* (Gl. 9 в.) ‘нетерпение’, *gitwaltî* (Gl. 9 в.) ‘промедление’ (состояние или действие), *urristî* (МН. О.) ‘воскресение’ (безобъектное действие), *itslahtî* (Gl. 10 в.) ‘возврат, спад’ (к абсолютному непереходному употреблению *slahan* ‘бить’). *Urslahtî* (Gl. 9 в.) ‘расширение вен’ (при *urslaht* ‘углубление, шрам, расширение вен’) соотносится с глаголом *slahan* ‘бить’ и может быть определено как обозначение результативного объекта действия; в то же время следует учитывать возможное значение неконтролируемого процесса у глагола (ср. однокоренное совр. нем. *ausschlagen* ‘выступать, пробиваться’ в безличном значении), при

котором имя может означать 'выступление наружу' или 'выступившее наружу'. Другие имена на *-tî* соотносятся с *t*-суффиксальными прилагательными и могут иметь адъективную мотивацию, ср. напр. *bihugtî* (St.36) 'добросовестность, намерение' при *bihugt* 'тщательный', *gihugtî* (Gl., St. 36) 'память' к **gihugt* (ср. предыдущее *bihugt* и *gihugtîg* 'помнящий') *urdâhtî* (Gl.9 в.) 'изобретение, выдумка' при *urdâhti* 'неопределенный, сомнительный', *gidâhtî* (O.St.51) 'мысль' при *gidâht* 'обдуманый, думающий'.

Примеры *-tî*-имен с отчетливой глагольной мотивацией свидетельствуют об избирательном характере их производства и, соответственно, об ограниченной сфере вариативности *ti*- и *tî*-образований. Состав мотивирующих основ и значения *-tî*-имен держится в рамках параметров, свойственных отглагольному типу на *-î(n)*. Имена на *-tî* с достоверными значениями, характерными для типа на *-tî* как «объектного», напротив, рядом с *-ti*-именами не фиксируются. Другими словами, варианты на *-tî* к *ti*-именам были употребительны лишь в тех случаях, в которых это допускалось свойствами *î(n)*-типа. Из этого можно сделать вывод, что на свойства *tî*-имен в большей степени повлияли характеристики типа с суффиксом *-î(n)*, входящим в состав форманта *-tî*, чем характеристики *ti*-типа.

Закономерный характер сочетания суффикса *-t-* с *î(n)*-подтверждается данными о комбинации *-t-* с другими основообразующими формантами: *-ja-* и *-õ-*. В корпусе имеется 14 достоверных фиксаций имен среднего рода с формантом *-tja-* к 11 сильным глагольным основам и 5 – имен женского рода с формантом *-tõ-* к 6 сильным глагольным основам. В отличие от имен на *-tî-*, имена на *-tja-* и *-tõ-* не только включают образования от глаголов изменяющего воздействия на объект, ср. напр. *gislahti* (Gl.) 'рубленое, фарш', *slahta*, *manslahta* 'убийство', *grufti* (Gl. 1070 г.) 'резьба, гравюра' от *graban* 'резать', но и демонстрируют явный сдвиг конкретных значений в сторону объектной семантики. Так, оба конкретных *-tõ-* имени обозначают внешний нерезультативный объект действия: *trahta* (Gl. 12 в.) '(подносимое) кушанье', *winigifta* (Gl. 11 в.) букв. 'дружеский дар', из 8 конкретных *-tja*-имен 5 имеют значение внешнего результативного объекта действия, ср. *inslahti*, *gislahti*

‘нарезанное’, в том числе значение эффицированного объекта действия – *giskafti* (Gl.765 г.) ‘существо, создание’ от *skeffen* ‘творить’, *skefti* (Gl.765 г.) ‘копьё, дротик’ от *skaban* ‘резать’; *hefti* (Gl. 1070 г., St.67) от *habên* ‘иметь, держать’ обозначает внешний нерезультативный объект ‘владение’ или локатив (‘ручка’), *giferti* (Gl.) ‘дорога, путь’ – место действия, *giwihti* (Gl.9 в.) ‘вес’ – внутренний объект действия.

В этот же ряд укладывается *brâhta* (Gl. 8 в.) ‘взнос, вклад’ (мотивирующее значение ‘принесенное’) со значением внешнего нерезультативного объекта, предположительно относимое к *-ô-*основам.

Между *pfliht* (N.) ‘забота, защита’ и *pflihta* (Gl.) ‘навес, нос судна’ (*-ôn-*) от *pflegan* ‘заботиться, защищать, покрывать’ наблюдается примечательное разведение значений: за *tî-*именем в этой паре закрепляется отвлеченное значение, но для образования имени с субъектным переносом используется тип на *-ôn-*, у которого субъектные конкретные значения были более продуктивны.

Показательно, кроме того, что среди имен на *-ja-*, *-ô-* и *-ôn-*, в отличие от имен на *-tî-*, подавляющее большинство составляют имена, мотивированные объектными глаголами: исключение среди имен на *-tô-* составляет только *urrista* (Gl. 8/9 в.) ‘воскресение’, среди *-tja-*имен – *giblâsti* (Gl. 9/10 в.) ‘дуновение’, локативное *giferti* (Gl.) ‘путь’ и *anaruofti* (O.), *giruofti* (Gl.) ‘крик’, которые могут мотивироваться абсолютным непрерывным употреблением глагола *ruofan* ‘звать, кричать’.

Отметим также, что засвидетельствованные синонимы имен с конкретным «объектным» значением демонстрируют вариативность именно между типами с объектными характеристиками *-tja-* и *-tô-*, *-tôn-*, ср. *skefti* – *skefta* (Gl. 13 в.) ‘копьё, стрела’.

2.3. Комбинации *-id-* с основообразующими формантами

Кроме высокопродуктивных отглагольных имен с суффиксом *-idô-*, представляющими тип с ярко выраженной «объектной» доминантой, в древневерхненемецком корпусе встречаются образования, в которых *-id-* комбинируется с суффиксами *-an-* (м. р.), *-a-/i-* (м. р., ср. р. на *-id-*), *-î(n)-*

(ж. р. на *-idî*) и *-ja-* (ср. р. на *-idi*).

Как было продемонстрировано в нашей работе (Рименова 2003), свойства типа на *-idan-* полностью совпадают со свойствами типа с суффиксом *-an*.

Образования на *-ida/-idi* в корпусе единичны (9 фиксаций); все они имеют конкретные значения, в подавляющем большинстве случаев – значения предметные. Лишь *anahabid* (N.) ‘состояние, расположение, внешний вид’ (лат. *habitus*) от *anahabên* ‘иметь на себе, быть в одежде’ не обладает явно предметным значением, ср., однако вещно-предметное *habid* м. р. (N.) ‘добро, имущество’ от той же, но беспрефиксной глагольной основы *habên* ‘иметь, владеть’. У *ferid* ср. р. (Gl. 9 в.) ‘корабль’, ‘весла’ (перевод лат. *remigium*) от *faran* ‘ехать’ в глоссах засвидетельствовано также соответствие с отвлеченным значением лат. *navigatio* ‘плавание на корабле’, достоверность которого оценить невозможно.

Имена на *-id* отличаются отсутствием объектно-результативных значений. В большинстве (6 имен) отмечается субъектный перенос, ср. *hulid* (Gl. 11 в.) ‘покрывало’ от *helan* или *hullen* ‘закрывать’, *birid* (Gl. 13 в.) ‘матка, материнское лоно’ от *beran* ‘рождать’ и личное имя *leitid* ‘вождь’ от *leiten* ‘вести’ и др.; остальные случаи – обозначение объекта обладания (ср. выше *habid* м. р. ‘имущество’) и локатив *gibûid* (Gl. МН.) ‘жильё, поселок, жилая постройка’ от *(gi)bûen* ‘жить’⁵.

Эти характеристики имен на *-id* заметно отличаются от характеристик имен на *-idî* и *-idi*. Особенности образований на *-idî* соответствуют особенностям имен на *-i(n)*. Из 23 имен 5 образованы от безобъектных глаголов действия, из них 4 от дуративных; 3 – от глаголов неконтролируемых процессов, 3 – от глаголов состояния. Объектные глаголы действия в большинстве случаев мотивируют имена внутренних объектов – обозначения речевых действий и содержания действий, ср. *gibriefidî* (Gl. 10 в.) ‘описание’ от *gibriefen* ‘описывать, перечислять’ (всего 7 примеров). Кроме того, объектные глаголы действия мотивируют нере-

⁵ Совсем на периферии находится единственное имя женского рода *wizzid* ‘закон’ с неясной основной принадлежностью.

зультативные *giuobidî* (Gl. 12 в.) 'обычай, использование' и имя с субъектным переносом *gitrugidî* (Gl. 12 в.) 'обман, ложное видение'. Для образований *gimarkidî* (Gl.) 'граница, разделение' с возможностью субъектного переноса 'то, что разделяет' и *ziteilidî* (Gl. 10 в.) 'разделение' принадлежность к именам на *-idî* не может быть достоверно установлена. Имя *biwegidî* (Gl. 12 в.) 'движение' мотивировано глаголом *biweggen* 'двигать, двигаться', имеющим как объектное, так и безобъектное (непереходное) употребление.

Как мы видим, среди объектных глаголов действия, мотивирующих имена на *-idî*, отсутствуют глаголы изменяющего воздействия на объект. Несколько отклоняющееся от общей группы *ziteilidî* 'разделение' (лат. *consisio*), невзирая на неясность атрибуции, согласуется с характеристиками образований с 'чистым' формантом *-î(n)*, так как может обозначать результативное состояние ('разделённость').

В свою очередь, группа имена на *-idî*, несмотря на немногочисленность (9 примеров), содержит черты очевидного сходства с группой имен на *-ja*. Именно у образований среднего рода на *-idî* надежно засвидетельствованы характерные для типа на *-ja* значения эффицированного объекта (*gimâlidî* Gl. 11 в. 'картина') и внешнего нерезультативного объекта (*gitregidî* Gl. 12 в., N. 'имущество'). В соответствии с возможностями *-ja*-типа *-idî*-имена могут нести и чисто отвлеченное значение, ср. *gitrahtidî* (N.) 'рассмотрение, разъяснение', а также обозначать отвлеченный результат действия, ср. *biknupfidî* (Gl. 13 в.) 'соединение, узел'. Производные на *-idî* пересекаются с именами на *-idî* в обозначении внутренних объектов, ср. *urteilidî* (N.) 'приговор, решение' и могут выступать с субъектным переносом, ср. *gifengidî* (St. 58) 'одежда', однако агентивно-инструментальные значения у них не зафиксированы.

Таким образом, имена на *-id*, *-idî* и *-idî* не пересекаются по своим признакам именно в тех случаях, в которых не пересекаются сферы продуктивности типов на *-a/-i-*, *-î(n)*- и *-ja-*. Распределение имен на *-id*, *-idî* и *-idî* складывается таким образом, что их группы обязательно содержат образования, наиболее характерные для их типа и неспецифичные для производных с конкурирующими суффиксами.

3. Как мы видим, анализ комбинированных суффиксов позволяет установить неравномерность сочетаемости словообразовательных суффиксов с различными ООС, выражающуюся в неравномерной продуктивности соответствующих имён. Зависимость этой сочетаемости от семантических характеристик словообразовательных типов позволяет говорить о *семантической комплексности* комбинированных формантов.

Источники

- Gl. – Steinmeyer E., Sievers E. Die althochdeutschen Glossen. Bd.1 ff. Berlin 1879ff.
 MH. – Die Murbacher Hymnen. Hrsg. von E.Sievers, Halle, 1874.
 N.- Die Schriften Notkers und seiner Schule. Herausgegeben von P. Piper. Bd. 1-3. Freiburg in Breisgau und Tübingen, 1882–1883
 O. – Otfrids Evangelienbuch. Herausgegeben von O. Erdmann. 6. Aufl., besorgt von L. Wolff. Tübingen, 1973.
 St. – Steinmeyer 1916 – Steinmeyer E. Die kleineren althochdeutschen Sprachdenkmäler. Strassburg.

Литература

- Откупщиков 1967 – Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.
 Пименова 2006 – Пименова Н. Б. Категоризация конкретных значений отвлеченных имен (древневерхненемецкие имена) // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значений. Вторые чтения памяти О. Н. Селиверстовой 17октября 2005 г. М., МПГУ-Институт языкознания РАН. С. 232-245.
 Пименова 2007 – Пименова Н. Б. Древневерхненемецкие имена на -ti- (ж.р.) и -ti-/-ta- (м.р.) и их готские параллели: параметры сравнения словообразовательных типов в родственных языках // Lingua Gotica: новые исследования. Институт языкознания РАН. Калуга. С. 180–191.
 СГТЯ 1963 – Сравнительная грамматика германских языков. Том III: Морфология. М., Издательство АН СССР.
 Köbler 1993 – Köbler G. Wörterbuch des althochdeutschen Sprachschatzes. Paderborn u.a.
 Leiss 1997- Leiss E. Genus im Althochdeutschen // Grammatica ianua artium. Festschrift für Rolf Bergmann zum 60. Geburtstag. Hrsg. E. Glaser, M.Schlaeffler. Heidelberg. S. 33–48.
 Pimenova 2002 – Pimenova N. B. Die semantische Stellung der deverbalen î(n)-Nomina im althochdeutschen Wortbildungssystem // Historische Wortbildung des Deutschen. Hrsg. von

- H. H. Munske, P.-O. Müller, M. Habermann. Tübingen. S. 137–158.
- Pimenova 2003 – Pimenova N. Zum Konzept der diachron-vergleichenden semantischen Analyse von Wortbildungsmodellen: Schwache an-Maskulina mit abstrakter Semantik in altgermanischen Sprachen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und der deutschen Literatur 125(3). S. 1–41.
- Schützeichel 1995 – Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. 5., überarbeitete und erweiterte Auflage. Tübingen, 1995.
- Vogel 1996 – Vogel P. M. Wortarten und Wortartenwechsel. Zu Konversion und verwandten Erscheinungen im Deutschen und anderen Sprachen. Berlin; New York.

Summary

The Old Germanic stem formation suffixes of the nouns are traditionally regarded as morphological attributes having derivational function in correlative pairs with the clear distinction of word-formative meaning. On the proposes interpretation, suffixes' variation in synonymous abstract verbal nouns should be classified as a morphological variation since the derivation function of stem formation suffixes – the function of forming nouns from verbs – in such nouns is identical. However, the analysis of Old High German suggests that the stem formation suffixes' variation in abstract nouns is regulated by individual semantic characteristics of the abstract word formation types. The present characteristics also regulate the potential combinations of word formation suffixes with stem formation suffixes.

О. В. Попова

**ГРАФИЧЕСКОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ СМЫЧНЫХ ВЗРЫВНЫХ
СОГЛАСНЫХ В КЛИНОПИСНОМ ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ**

Резюме. Задачей данного исследования, проведенного на материале шести хеттских текстов разных периодов Хеттского царства (Надпись царя Аниттаса, Анатолийский миф об Иллуянке, Циплантавия, Маддуватта, Автобиография Хаттусиласа III и Песнь об Улликумми), является поиск закономерностей употребления знаков для смычных взрывных согласных. С этой целью рассматривается действие закона Стертеванта, написание смычных согласных в неиндоевропейских словах, а также проводятся статистические исследования частоты употребления знаков по периодам и по позициям.

Ключевые слова: хеттский язык, клинопись, смычные согласные, закономерности употребления знаков, удвоенное написание

Хетты заимствуют систему письма у аккадцев (которые, в свою очередь, заимствовали ее у шумеров), и в хеттской клинописи появляются некоторые отличительные особенности. В частности, это касается отображения на письме смычных согласных. В хеттских текстах отсутствует дифференциация по звонкости, знаки для звонких и глухих согласных чередуются. Существует большое количество несоответствий предполагаемого этимологией значения и значения знаков. Так, например, окончание 3 sg. повелительного наклонения, для которого реконструируется праинд. t ($<^*t(u)$), чаще передается знаком du (Sommer 1947: 73), знак tu тоже встречается, но гораздо реже.

Начиная с 20-х годов прошлого века, были попытки установить закономерности употребления знаков для звонких и глухих согласных.

1. Э. Стертевант (Sturtevant 1932: 1–12) пришел к выводу, что в хеттском языке смычные согласные, которые в праязыке были глухими, в интервокальной позиции передавались удвоенным написанием, а смычные согласные, которые в праязыке были звонкими и звонкими придыхательными, не удваивались (Закон Стертеванта). Из этого

правила, как отмечает и сам Э. Стертевант, есть множество исключений.

2. Б. Розенкранц (Rosenkranz 1959) предполагает, что употребительность знаков зависит от их сложности, он пишет также об экономии места, о неупотреблении мелких знаков.

3. Были попытки связать старовавилонское значение знаков со значением, предполагаемым этимологией. Например, Н. Эттингер (Oettinger 1979) замечает, что слова с этимологическими глухими взрывными согласными в позиции начала слова почти всегда написаны знаками с начальным глухими взрывными, а слова с этимологическими звонкими взрывными обычно написаны знаками с начальными звонкими взрывными.

Х. Айхнер (Eichner 1980: 120–166) пишет об оглушении *d* в *t* в позиции начала слова перед гласными переднего ряда. По мнению Х. Айхнера, это объясняет неупотребление знака *di* в позиции начала слова, а употребление в этой позиции знаков *ti* и *te*.

4. Д. Харт (Hart 1983: 100–154) пытается объяснить употребление / неупотребление определенных знаков модой, которая была во время написания текста. Во многих клинописных системах, родственных хеттской, существовала тенденция уменьшать число знаков, выбирая один член пары в предпочтении к другому.

Она рассматривает пару знаков *tu* / *du* и приходит к выводу, что *tu* значительно преобладает в ранних текстах, а *du* – в более поздних. Это преобладание, по ее мнению, начинается со среднехеттского периода. Хотя есть некоторые слова, которые сохраняют *tu* вопреки тенденции (*tu-uk* / *tu-e-el* асс./ген. от 'ты', *tu-e-ik-ka* 'личность, сам', *uk-tu-u-ri* 'твёрдый, определенный', *pít-tu-li* 'стеснение, страх', *èa-tu-ga* 'страшный', *Ha-at-tu-øa-øø*).

5. Также важно понятие «упрощенного» написания, о котором пишет К. Мелчерт (Melchert 1994: 14–15). Так, например, при написании энклитической частицы *-kán*, восходящей к **kom*, в последовательности *nu=kan* удвоенное качество *k* не передаётся, чтобы избежать выписывания длинного знака *ug/k*, а в последовательности *nu=ta=kan* передаётся, потому что знак *ták* прост.

6. А. Гётце (Götze 1963: 267–274) рассматривает знаки *ka*, *ga* и *qa*. Он приходит к следующим выводам:

Знак *ka* в начале слова чередуется со знаком *ga*, однако множество частых слов пишется исключительно с *ka*. Внутри слова *ka* появляется не очень часто.

Знак *qa* в начале слова очень редок, а внутри слова встречается наоборот очень часто как после гласного, так и после согласного. В обеих позициях он часто чередуется с *ga* и редко с *ka*. А. Гётце приходит к выводу, что *qa* является позиционным вариантом знака *ka*, и он предлагает отныне транскрибировать *qa* как *ka*.

Знак *ga* в начале слова чередуется с *ka*, причем *ka* появляется чаще. А. Гётце предполагает, что *g* и *k* первоначально были распределены этимологически, но в дальнейшем перемешались, так как хетты перестали чувствовать различие между глухими и звонкими согласными. Таким образом, он считает, что *ga* нельзя рассматривать как графический вариант *ka* и транскрибировать как *kà*, потому что чередование *galka* лежит не только в графической области в отличие от отношений *qa* и *ka*.

Исследование, проведенное на материале шести хеттских текстов, относящихся к трем разным периодам Хеттского царства (Надпись царя Аниттаса и Анатолийский миф об Иллуянке, Ритуал против болезней крови (Циплантавия) и Маддуватта, Автобиография Хаттусилиса III и Песнь об Улликумми), позволило сделать следующие выводы:

1. Закон Стертеванта, безусловно, действует, хотя пока не ясно, какой дифференциальный признак выражает удвоение смычных взрывных согласных в интервокальной позиции. От Закона есть отклонения, но нужно принимать во внимание сложность клинописной системы письма.

В связи с Законом Стертеванта интересно обратить внимание на написание частицы *-kán*, которая восходит к **kom*. По закону Э. Стертеванта, начальный согласный частицы должен удваиваться в интервокальной позиции. Но, как правило, этого не происходит, то ли в силу морфологического принципа письма, то ли в силу принципа «упрощенного написания», то ли потому что частицу

проще воспринимать написанной одним отдельным знаком. Частица *-kán* в интервокальной позиции с неударенным *-k-* встречается в рассмотренных текстах 133 раза. Но стоит обратиться к тексту Маддуватта. Поскольку текст представляет собой прямую речь, обращение, в нем часто встречается сочетание энклитик *-ta-* (местоимение 2 sg.) и *-kán*. И поскольку знак *ták* был довольно распространенным, это сочетание передавалось как *ták-kán*, например: *ma-an-ták-kán* 'когда тебе/тебя', *ni-ut-ták-kán* 'и тебе/тебя', *ni-wa-ták-kán* 'и тебе', *ku-iø-wa-ták-kán* 'который тебе', *me-mi-ya-an-wa-at-ták-kán* 'слово тебе', *nam-ma-ták-kán* 'потом тебе/тебя'. Как можно увидеть, при сочетании *-ta-* и *-kán* в Маддуватте нет ни одного примера написания *ta-kán*. Также в Маддуватте один раз встречается форма *nam-ma-aø-ták-kán* (*namma* 'потом' + *aøta* + *kán*) опять-таки с удвоенным *-kk-*.

Но это сочетание интересно не только из-за *-kán*, но и из-за *-ta-*. Когда это энклитическое местоимение передается знаком *ta*, *-t-* в нем удваивается в интервокальной позиции регулярно. А когда оно передается знаком *ták*, то много случаев неударенного написания *-t-*.

2. Удвоенное написание не всегда стабильно и в неиндоевропейских словах. Например, имя одного из богов, который упоминается в Песни об Улликумми, встречается в следующих формах написания: ^D*Hé-ra-du-un*, ^D*Hé-ra-du-uø* (2), ^D*Hé-bad-du-uø* (3), ^D*Hé-bad-du*, ^D*Hé-bat* (2), ^D*Hé-bad-du-un-na*.

¹*Ma-ad-du-wa-at-ta* в разных падежных формах и с разными энклитиками встречается в тексте Маддуватта 67 раз, но один раз все же встречается написание ¹*Ma-ad-du-wa-ta-øa-mi* (Mad.Vs.86). Объяснить это можно только как опisku или ошибку, так как на той же табличке встречается это слово в том же окружении, но уже со знаком *-at-*: ¹*Ma-ad-du-wa-at-ta-øa* (Mad.Vs.69), ¹*Ma-ad-du-wa-at-ta-øa-wa-mi* (Mad.Vs.87).

В тексте Ритуал против болезней крови (Циплантавия) встречается слово *tu-u-ru-up-ra-aø* «турупы». В основном слово написано с удвоенным *-p-*: *tu-u-ru-up-ra-aø*, *tu-u-ru-up-ra-an*(2), *tu-u-ru-up-ra-an-na*, *tu-u-ru-up-ri-uø* (2). Однако дважды встречается написание с неударенным *-p-*: *tu-u-ru-*

ри-иø-øа. Написания с *-р-* и *-рр-* встречаются на одной табличке. А поскольку написание с неудвоенным *-р-* встречается только дважды, то это скорее может объясняться не как описка, а как ошибка. Или писец просто не знал как пишется это слово, а фонетический облик слова не мог ему в этом помочь.

Имя собственное *ṁŠi-(ip-)pa-LÚ-iø* в Автобиографии Хаттусилиса III встречается как: *ṁŠi-ip-pa-LÚ-iø-wa-kán*, *ṁŠi-ip-pa-LÚ-in-na*, но *ṁŠi-pa-LÚ-øa-aø-øi*, *ṁŠi-pa-LÚ-iø-ta*, *ṁŠi-pa-LÚ-in-na*. Конкретно в этом случае, написание с удвоенным и неудвоенным *-р-* встречаются на разных табличках. То есть, возможно, причина в разных писцах или в неуверенности, неоднозначности произношения или написания имени.

Другое имя собственное в Автобиографии Хаттусилиса III в большинстве случаев встречается с одним *-р-*: *ṁÚr-ḫi-ᵀU-up-an*, *ṁÚr-ḫi-ᵀU-up* (2), *ṁÚr-ḫi-ᵀU-up-aø*. Однако есть также форма *ṁÚr-ḫi-ᵀU-up-pa-aø* с удвоенным *-рр-*. Это форма *gen.sg.*, а она, как видно, есть и в написании с неудвоенным *-р-*.

Как можно заметить чаще всего отклонения происходят в именах собственных. Возможно, эти слова наиболее неоднозначны в произношении, редки или иногда вообще не знакомы писцам. Все это могло влечь за собой неоднозначное написание.

Для сравнения можно привести пример написания названия города, который встречается в текстах миф об Иллуянке и Автобиография Хаттусилиса III и произношение которого хетты точно знали, что подтверждается тем, что неудвоенный на конце *-к* во всех формах, где он оказывался в середине слова, удваивается: ^{URU}*Ne-ri-ik*, ^{URU}*Ne-ri-ik-?*, ^{URU}*Ne-ri-iq-qa-az*, ^{URU}*Ne-ri-iq-qa*, ^{URU}*Ne-ri-iq-qa-aø*, ^{URU}*Ne-ri-iq-qa-za*, ^{URU}*Ne-ri-iq-qa-an-na*, ^{URU}*Ne-ri-iq-qa-ya*.

3. Соотношения между старовавилонским значением знаков смычных взрывных согласных и значением, предполагаемым этимологией, в рассмотренных текстах нет.

Как было сказано выше, Н. Эттингер предполагал, что этимологически глухие согласные в позиции начала слова обычно передаются знаками для глухих, а этимологически звонкие – знаками для звонких. Рассмотренные тексты этого предположения не подтверждают.

В интервокальной позиции как неудвоенный чаще употребляется знак *da* из пары *ta/da*. Знак *ta* в этой позиции в корнях слов с индоевропейской этимологией в рассмотренных текстах не встречается. То же можно сказать о знаках *ka/ga/qa* – в интервокальной позиции употребляется в основном *ga*. Однако нельзя сделать вывод о том, что знаки для звонких записывают рефлексы индоевропейских звонких взрывных согласных в этой позиции, так как другие знаки для глухих, в этой позиции употребляются.

Статистические исследования частоты употребления знаков по периодам показывают, что:

4. Из пары *pa/ba* знак *ba* употребляется крайне редко во все периоды (в рассмотренных текстах он встречается всего 2 раза).

Знаки *ta/da* употребляются во все периоды приблизительно в равном количестве, поэтому здесь вряд ли можно говорить о предпочтении того или иного знака в какой-либо период. Хотя Д. Р. Харт пишет о предпочтении *da* в среднехеттский и новохеттский периоды, исследование показало, что в среднехеттском тексте Маддуватта в 3.5 раза чаще употребляется знак *ta*.

В паре *ti/di* чаще употребляется знак *ti*, что соответствует выводам Д. Р. Харт. В рассмотренных текстах знак *ti* встречается 205 раз, а знак *di* – 22 раза.

В отношении пары знаков *tu/du*, действительно, можно говорить о моде. В тексте Песнь об Улликумми очевидно преобладает знак *du*. В рассмотренных древнехеттских текстах эта пара знаков редка, однако все же в надписи царя Анитгаса семь раз употребляется знак *tu* и только один раз – *du*.

Знак *gu* из пары знаков *ku/gu* в рассмотренных текстах не встречается ни разу.

Знаки *ka/ga/qa* употребляются приблизительно в равном количестве. Можно только обратить внимание на то, что в Ритуале против болезней крови (Циплантавия) *ka* не встречается ни разу (там употребляются только знаки *ga* и *qa*), а в Маддуватте, наоборот, ни разу не встречается знак *qa*, а знак *ka* употребляется довольно часто. Также *ka* пре-

обладает в Анатолийском мифе об Иллуянке. Так что относительно этих знаков вполне резонно говорить о моде. Хотя со временем они начинают употребляться меньше из-за распространения знаков типа CVC.

С замечанием о том, что выбор знаков мог определяться их простотой / сложностью и что писцы могли выбирать более простые знаки, нельзя согласиться. Довольно непростые знаки могут употребляться часто, а простые, напротив, редко. Так, например, процентное соотношение (70% к 30%) употребления знаков *ka*, *ga* и *qa* показывает, что знак *qa* употребляется все же реже *ka* и *ga*, хотя он проще.

Статистические исследования частоты употребления знаков по позициям показывают, что:

5. Знак *gi* употребляется только в начале слова.

Что касается утверждения Х. Айхнера о том, что знак *di* не употребляется в начале слова, в основном можно согласиться. Однако один раз знак *di* в позиции начала слова все же встречается в названии города ^{URU}*Di-el-tu-na-an-na* (Автобиография Хаттусилиса III), поэтому вряд ли стоит говорить о проявлении в неупотреблении знака *di* оглушения перед переднеязычными. Это, скорее, просто тенденции употребления знаков в этой позиции, предпочтение *ti* и *te* знаку *di*.

В добавление к выводам А. Гётце относительно знаков *ka*, *ga* и *qa* можно отметить, что знаки *ka* и *qa* практически не встречаются в интервокальной позиции. В начале слова *ka* встречается чаще, а в позиции после согласного опять преобладает *ga*. Знак *qa* тоже не редок и встречается в позициях начала слова, после согласного и как второй согласный удвоения.

Знак *ta* чаще встречается как второй согласный удвоения. А в интервокальной позиции знак *ta* встречается реже, чем знак *da*.

В позиции начала слова встречаются как знаки для глухих, так и знаки для звонких согласных.

Как можно увидеть, закономерности употребления знаков для смычных взрывных согласных есть, но для более точных выводов исследование следует продолжить на более обширном материале.

Литература

- KBo Keilschrifttexte aus Boghazköi. Heft III. Leipzig, 1923.
 KBo Keilschrifttexte aus Boghazköi. Heft XV. Berlin, 1965.
 KUB Keilschrifturkunden aus Boghazköi. Heft XIV. Berlin, 1926.
 KUB Keilschrifturkunden aus Boghazköi. XVII. Berlin, 1926.
 Beckman 1982 – Beckman G. The Anatolian Myth of Illuyanka // The Journal of the ancient near eastern society. Vol. 14.
 Eichner 1980 – Eichner H. "Phonetik und Lautgesetze des Hethitischen – Weg zur Entschlüsselung" // Lautgeschichte und Etymologie. Akten der VI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Wien, 24.-29. September 1978. Herausgegeben von M. Mayrhofer, M. Peters, O. E. Pfeiffer. Wiesbaden.
 Götze 1933 – Götze A. Die Annalen des Muršiliš. Leipzig. S. 267–274.
 Götze 1968 – Götze A. "Madduwattaš". Darmstadt.
 Güterbock 1951–1952 – Güterbock H. G. The song of Ullikummi // JCS (Journal of Cuneiform Studies), Vol. 5, №6; Vol. 6, №1.
 Hart 1983 – Hart G. R. Problems of Writing and Phonology in cuneiform Hittite // TPS. Oxford. P. 100–154.
 Kassian 2000 – Kassian A. S. Tow Middle Hittite Rituals Mentioning 'Ziplantawija, Sister of the Hittite King' ṽTuthališa II/I. Moscow.
 Melchert 1994 – Melchert H. C. Anatolian Historical Phonology. Amsterdam.
 Neu 1974 – Neu E. Der Anitta-Text // StBoT, 18. Wiesbaden.
 Oettinger 1979 – Oettinger N. Stammbildung des hethitischen Verbuns. Nürnberg.
 Otten 1981 – Otten H. Die Apologie Hattusilis III // StBoT, 24. Wiesbaden.
 Rosenkranz 1959 – Rosenkranz B. Zur hethitischen Orthographie und Lautlehre // Festschrift J. Friedrich zum 65. Geburtstag gewidmet. Heidelberg.
 Sommer 1947 – Sommer F. Hethiter und Hethitisch. Stuttgart.
 Sturtevant 1932 – Sturtevant E. H. The development of the Stops in Hittite // Journal of the American Oriental Society, Vol. 52, № 1. P. 1–12.
 Sturtevant 1951 – Sturtevant E. H., Hahn A. A Comparative grammar of the Hittite Language. Vol. 1, New Haven.

Graphic Representation of the Stops in the Cuneiform Hittite

The Hittites borrowed their writing system from the Accadians, and the Hittite cuneiform has its peculiarities. First of all, it concerns the graphic representation of the stops. The Hittite no longer has the distinction between voiced and voiceless stops, and the signs for voiced and voiceless stops are used interchangeably. There is a large number of inconsistencies between the meaning of signs and etymologically derived meaning.

Since 1920s several scientists, including E. H. Sturtevant, B. Rosenkranz, N. Oettinger, D. R. Hart, H. C. Melchert and A. Götze, made attempts to set out the universal rules of the use of these signs for the stops.

The aim of the present research based on six Hittite texts, which refer to three different periods of the Hittite kingdom (the Anitta text and the Anatolian Myth of Illuyanka, Ziplantawija (A ritual against blood diseases) and Madduwatta, the autobiographical Apology of Hattusili III and the Song of Ullikummi), is the search for consistent rules governing the use of signs for the stops.

With this aim in mind, the Sturtevant's law is being considered. It says that the originally voiceless Hittite stops are represented with double consonants in intervocalic position, while originally voiced stops and voiced aspirates are represented by single consonants. The use of the stops in some non-Indo-European words is also under consideration since the use of single and double consonants in these words is also rather inconsistent. For instance, the god's name, mentioned in the Song of Ullikummi, can be found in the following variant spelling: ^ḫḫé-pa-du-un, ^ḫḫé-pa-du-us, ^ḫḫé-bad-du-us, ^ḫḫé-bad-du, ^ḫḫé-bat, ^ḫḫé-bad-du-un-na.

The statistical research on the frequency of the use of signs depending on periods and position is also being conducted, since it allows us to come to certain conclusions. For instance, the sign *gi* can be used only in the beginning of the word, while the sign *di*, on the contrary, is never found in this position. The sign *ta* is preferred to the sign *da* as the second consonant of doubling.

As for some other signs, we can speak of a sort of fashion which prevailed, while this or that text was being written. This includes, for instance, the pair *tu/du* and, to a certain extent, signs *ka/ga/qa*.

Е. Г. Рабинович

ЛАТЫНЬ ПО-ГРЕЧЕСКИ

Резюме. В статье рассматривается передача латинских номенклатурных терминов по-гречески – прежде всего на примере «консула» (consul, ὑπάτος). Описывается типичная для греков вообще и для Второй софистики по преимуществу неточность в различении бюрократической и сенатской иерархии, несомненно связанная с заботой о чистоте языка, но не в меньшей мере отражающая постепенное превращение должностей в чины, не всегда обеспеченные должностью. Так прототип византийской табели о рангах создается уже в эпоху Антонинов и Северов, поначалу в форме демонстративной архаизации дискурса.

Ключевые слова: бюрократия, номенклатура, должность, чин, перевод, архаизм, аттицизм, терминология, империя, Византия.

Приступая к этому небольшому социолингвистическому очерку, вкратце напомним известное. Освоение иноязычных терминов происходит по-разному: термины можно заимствовать, как заимствованы из греческого *philosophia* и *философия*, можно калькировать, как ποῦότης в *qualitas* и в *качество*, наконец, можно переводить, и тогда термины теряют не только слышимую связь с чужим языком (это происходит и при калькировании), но и связь с исходной внутренней формой – тут лучше всего традиционный пример *крещати*, при переводе утратившее ассоциацию с водой и приобретшее новую, с крестом. Однако, если термин сохраняет системность и моносемичность, он остается термином вне зависимости от способа вхождения в язык: так *кислород* мирно соседствует со *свинцом* и *фтором*, а *треугольник* с *квадратом* и *гипотенузой* – хотя всё это, разумеется, предполагает сознательную или бессознательную заботу о недвусмысленности.

Римская должностная номенклатура была компактной и стройной системой терминов, внутренняя форма которых порой сохраняла внятность (например, *quaestor* действительно ведал финансами), однако и тогда отсутствие

совпадений с обиходными производными от тех же корней исключало путаницу, а всё вместе облегчало понимание обязанностей и ответственности магистрата. Но в расширявшейся державе разбираться в обязанностях и полномочиях приходилось уже не только римлянам и их латиноговорящим соседям, но также и другим народам – с середины II века до н.э. то были в основном греки¹. Тут нельзя не отметить, что, пусть у самих греков описываемые номенклатурными терминами номинативные зоны обычно были упорядочены не хуже, чем у римлян, в каждом полисе и в каждом македонском царстве было собственное государственное устройство и собственный набор должностей, то есть общегреческой номенклатуры не существовало, а следовательно, в отношении системности и моносемичности номенклатурной терминологии перед афинянами, например, у римлян преимуществ не было, зато перед эллинизмом в целом преимущество было коренное. Итак, адаптируясь новому управлению, *Graecia capta* осваивала его язык: началось это при завоевании, но продолжалось и затем, когда (задолго до эдикта Каракаллы) сами греки, обретая римское гражданство, становились квесторами, сенаторами, а то и консулами.

Вообще говоря, почти всю римскую номенклатуру проще всего было бы заимствовать: при сохранении в каждом автономно управляющемся полисе прежних должностей это был бы самый надежный способ избежать терминологических проблем (cf. Greenough, Kittredge 1961: 42). Иногда так и происходило: мало кто пытался, например, эллинизировать *dictator-dictatura* – правда, по большей части это касается авторов времен Империи, когда диктатура превратилась в экзотический архаизм, но и Полибий, живший в Риме при республике, не раз упоминает вполне

¹ О влиянии Рима на «плененную Грецию» пишет Сьюзен Оллок (Alcock 1993), рассматривающая в своей книге «культурную множественность ответов» на римскую власть; ср. «Рим на Востоке» У. Болла (Ball 2000) и др. работы, основанные на современном «мультикультурном» подходе (в частности, о би- и мультилингвизме Римской империи).

актуальную тогда должность *δικτάτωρ* (III.87.7; VI.18.9 et al.); немало сходных примеров и в документальных и/или не прошедших литературную цензуру текстах (скажем, в Новом Завете, довольно часто встречается *πραιτώριον* – Mt.27:27; Mc.15:16; Ioan.18:28, etc.), то есть нельзя утверждать, будто греки вовсе не заимствовали латинские термины, – просто они заимствовали их куда реже, чем казалось бы естественно. Хью Мейсон в своем, самом фундаментальном до нынешнего дня, исследовании² отмечает, что преимущество при заимствовании имела армейская лексика, так как латынь была языком армейского единоначалия, и лексика канцелярская, связанная с доминированием римлян в сфере управления, но эти и подобные частности не меняют общей картины: по подсчетам того же Мейсона (включающим надписи, документы, не ориентированные на литературную норму тексты и пр.), вплоть до византийской эпохи заимствования составляли не более восьмой части слов, означающих какие бы то ни было римские государственные институты, причем реже всего заимствовались названия должностей (Mason 1974: 3–7) – греки явно стремились обходиться собственными средствами, особенно при наименовании властей предрержащих.

² Освоение греками латинской политической терминологии до поры затрагивалась лишь в работах о стиле того или иного автора, но в начале XX века явилась монография известного Дэвида Мейджи (Magie 1905), выделившего три способа освоения латинских терминов: *transcriptio*, простое заимствование, *translatio*, перевод (включая кальку), и *comparatio*, выбор слова из «подходящих по смыслу» греческих. Работа Мейджи носит дескриптивный характер, так как социолингвистики в его время не существовало, и первым комплексно и адекватно проанализировал проблему лишь Хью Мейсон, использующий, однако, классификацию Мейджи, на которого в этой связи и ссылается. С сожалением приходится отметить, что Бруно Рошетт, специалист по латинским заимствованиям в греческом языке (Rochette 1997), использует эту же классификацию в статье о греко-латинском билингвизме (Rochette 2010: 291–297), не ссылаясь ни на покойного Мейджи, ни на живого Мейсона, – хотя библиография у статьи солидная.

В целом это вполне согласуется с распространенным среди ответственных в языковом отношении групп (в данном случае прежде всего, конечно, среди учителей риторики и грамматики, многие из которых сами были писателями) пуризмом и не является в истории языка чем-то необычным. Но само по себе избегание иноязычных слов не означает пренебрежения необходимой системностью и однозначностью, коль скоро термины можно калькировать и переводить, как делали и свв. Кирилл и Мефодий, и Ломоносов, и противившиеся всему «негерманскому» немецкие романтики, а затем идеологи Третьего рейха, чья языковая политика так ярко описана Клемперером (Klemperer 1969: 80–82); наконец, так же до сих пор нередко поступают в Исландии (Sigurdur Magnusson 1990: 243–244, 261–263) – мотивировки варьируются, но тенденция к лексической самодостаточности сохраняется.

Если, однако, присмотреться, как передавались по-гречески важные для ориентации в римской государственной реальности термины, легко усомниться не только в том, что римская должностная номенклатура была греками освоена, но и в том, что они вообще всерьез пытались ее освоить. Уже Полибий, со знанием дела описывавший римское государственное устройство, иногда передавал название одной и той же должности разными словами: скажем, консулы у него иногда ἀρχοντες (I.39.1), а иногда ὑπατοι (VI.12.1). То и другое перевод, тут и там слова подобраны по месту магистратуры в иерархии должностей, но всё вместе не помогает понять, что ἀρχοντες первой книги Семпроний и Сервилий исполняют то, что должны исполнять ὑπατοι шестой книги, потому что они-то и есть ὑπατοι; более поздние свидетельства демонстрируют, что это пренебрежение точностью сохранялось во все века классической древности³. В целом же, хотя всем римским

³ Мейсон подозревает здесь влияние школы Исократ с характерным для нее уходом от конкретности, но в пример приводит не раторов, а историков (Mason 1970: 152); между тем, хотя эпидейктическая риторика, классиком которой был Исократ, действительно чуралась обыденного, предметная ее область

должностям нашлись греческие названия (а большинству, как видно по лексикону Мейсона, и не одно), терминологическую внятность сохранили немногие и прежде всего калькированные, как «центурион» (ἐκατόνταρχος). Консулы обычно именовались ὑπατοί, для проконсулов и консуляров были созданы неологизмы, ἀνθύπατοι и ὑπατικοί, оба тем же способом, что и по-латыни, – ἀνθύπατος есть уже у Полибия (XXI.10.11; 45.1; XXVIII.5.6), ὑπατικός впервые употребляется у Страбона (XVII.3.25 et al.), хотя в качестве прилагательного (III. 4. 20 et al.), что, впрочем, не противоречит латинскому *consularis*. При освоении терминов неология по удобству не уступает заимствованию, точно так же исключая двусмысленность (ср. «оксигенация» и «кислород»), но в нашем случае пренебрежение однозначностью остается: пусть ἀνθύπατος значит «проконсул» и нарочно для того создано, отсюда не следует, что проконсул всегда ἀνθύπατος – как и любой провинциальный начальник, не только сенатский наместник, он может зваться ἄρχων или ἡγεμών. *Tribunus plebis* был δῆμαρχος, хотя в Аттике и затем в эллинистическом Египте так назывались окружные старосты; *tribunus militum* был χιλίαρχος, хотя так же, естественно, назывался начальник тысячи воинов, – поэтому без реального контекста не всегда понятно, о каком «старосте» или «тысяченачальнике» идет речь.

Приведенные примеры достаточно наглядны, а ведь у греков к моменту римского завоевания была, как сказано, собственная должностная номенклатура, более того, даже и после римского завоевания греки, пусть на муниципальном уровне, жили довольно активной политической жизнью, отлично разбираясь в тонкостях собственной терминологии⁴, так что отмеченная выше неразбериха возникала

была ограничена, так что даже один и тот же автор в деловых и показных речах использовал разные лексические стратегии (Рабинович 2000: 60–78), – тем более у историка избегание точного названия легче объяснить просто незнанием нужного слова в сочетании с намерением передать нужный смысл.

⁴ Так, Филострат в жизнеописании Лоллиана Эфесского сообщает, что тот был у афинян «воеводой латников» (στρατηγῆσας ἐπὶ τῶν ὀπλῶν), а «сей сановник встарь верстал и

лишь в связи с Римом, для которого у греков словно не находилось точных выражений. В раннюю эпоху подобное еще можно понять: при сохранении местного самоуправления иерархия римских начальников (именно начальников, а не солдат и мытарей) была не особенно актуальна, так что присланный из Рима наместник мог называться как угодно, и ἄρχων или ἡγεμών звучало ничуть не хуже, чем ἀνθύπατος. Хотя «язык, если его семантические и грамматические характеристики существенно ограничиваются, ... может сам по себе препятствовать пониманию человеком своей позиции и позиции своей группы в обществе» (Mueller 1970: 111), но, когда речь идет о чужаках, среди которых никакой позиции говорящий не занимает, ему довольно самых приблизительных знаний, пусть у Полибия эта приблизительность кажется странной⁵. Однако римских граждан среди греков становилось всё больше, они порой доходили в *cursus*'е до консула (как Кассий Дион или Герод Аттик), а планировали такую карьеру гораздо чаще – и если поначалу равнодушие к деталям римской номенклатуры еще можно гипотетически объяснить избыточностью такой информации, для более поздней эпохи это объяснение не годится.

вел на войну войско, ныне же заботится о продовольствии и о хлебных торгах» (VS. I.526; пер.Ф.Беневича; об этих стратегах известно и из других источников, e.g. Aristot. Pol.Athen. LXI.4) – а будь должность римской, Лоллиан наверное оказался бы просто «архонтом», а то и «сатрапом», как Дионисий Милетский (VS. I.524), о котором известно, что Адриан назначил его «сатрапом» Эфеса – вероятно, прокуратором (Wright 1989: 93).

⁵ Когда требовалось, греки осваивали куда более сложные аспекты римского гражданского быта, включая помесечные датировки с инклюзивным счетом дней, которые порой используются даже в не очень грамотных греческих надписях (Solin 2008: 259–72); вероятно, все эти иды и ноны не ассоциировались с идентичностью, ведь и у самих греков бывали разные календари. По тонкому замечанию Ребекки Престон, для греков их культура была «естественным порядком вещей», а потому римское при небольшой доработке просто становилось греческим (Preston 2001: 86–119); ср. *interpretatio Graeca* и сходные явления.

Куда важнее, что культурная ответственность, предписывавшая образованному римлянину хорошо знать не только греческий язык, но и греческую литературу, образованному греку, напротив, воспрещала использование каких-либо языков, кроме греческого, так что даже частое в быту употребление латинских имен представителями элиты осуждалось, а Филострат называет подобное «варварством» (VA IV.5; cf. Epist. Ap. 71; 72). Правда, варваризм мог использоваться как троп (γλῶττα), но тропы усложняют речь – между тем уже Аристотель отмечал, что для повседневного обихода нужны не глоссы, неологизмы и прочие прикрасы (κόσμοι), а всем понятные «главные» слова, κύρια (Rhet. III 1404a 24–27 et al.). Норма эта возникла в эпоху, когда вопрос о латинских заимствованиях не вставал, зато в судах и в собраниях к согражданам следовало обращаться на понятном им языке, оставляя красоты для стихов и торжественных речей, но в той или иной мере старое здравомысленное правило соблюдалось всегда, а так как в названиях должностей ничего поэтического или торжественного нет, использование для их передачи заимствований и неологизмов само собой должно было ограничиваться. В известной мере это вступает в противоречие с самой идеей κύρια, предпочитаемых именно ввиду понятности, а термин понятен, когда однозначен, что гораздо легче достигается глоссой или неологией, – нельзя, однако, упускать из виду, что терминология у греков была, но понятия «термин» не было, и mots justes отбирались по единым правилам, которые поддерживались не только софистами (своего рода экспертами по «культуре речи»), но и самими римлянами⁶: отличный

⁶ Любопытно, что это порой влияло и на латынь: так, св. Иероним при переводе Нового Завета возвращает на место латинские должностные термины, заменяя ἀνθύπατος на *proconsul* и ῥάβδουχος на *lictor* (Act. 13:7, 35), но χιλιάρχος (*tribunus militum*) у него *tribunus cohortis* (ibid. 21:31), хотя у когорты не было трибуна, так что это явная попытка передать «тысячу», и, наконец, ἡγεμῶν Пилат у него просто *praeses* (Mt. 27:2 et al.), что ничуть не определеннее «гегемона» и может относиться к любому наместнику.

пример – обильно цитируемая Мейсоном греческая версия *Res gestae divi Augusti*, с выражениями, которые сам он называет «созданными по литературному образцу» (Mason 1974:14; cf. Berthet: 231–243), хотя вернее было бы говорить об образце риторическом.

Изобилие материала побуждает выбрать один достаточно показательный пример, и таким представляется ὑπάτος – не заимствование и не неологизм, но в номенклатурном смысле слово новое, а значит, в отличие от «архонтов» и «гегемонов», имевшее, казалось бы, некий потенциал внятности. Тем не менее Филострат посвящает «Жизни софистов» λαμπροτάτῳ ὑπάτῳ Антонию Гордиану, а чуть ниже: «сей труд, ἀρίστῃ ἀνθυπάτῳ, да облегчит бремя твоих забот...» (VS I. 479–480) – выходит «консул-проконсул», хотя Филострат, пусть нередко небрежный, до такой степени небрежен не бывает⁷. Как эти слова удержались вместе? Конечно, если латинские *consul-proconsul-consularis* – настоящие термины, у греков таковыми могут считаться лишь неологизмы ἀνθυπάτος и ὑπατικός⁸, а ὑπάτος в языке существовало всегда (см. ниже) и было использовано – вероятно, все-таки Полибием – в значении *consul* достаточно произвольно. В надписях и в документах, у исто-

⁷ Декоративным консулом-суффектом будущий император Гордиан был в 229, зато в 232 очень успешно управлял Африкой, и в год посвящения книги (предположительно 232–233) для этого уже старого (158–238) человека именно проконсульский год был едва ли не самым славным в жизни.

⁸ Мейсон, отмечая, что даже консул Кассий Дион в следовании «аттическому стандарту» заменял понятные и принятые в документах заимствования (как πόλιτιφεξ) невнятно многозначными (как ἱερέυς), добавляет в этой связи, что ἀνθυπάτος тоже не имело нужной «стилистической респектабельности» (Mason 1970:153); притом чуть раньше Миллер показал, что лексически Кассий Дион ориентирован не на аттических авторов, а на современных ему аттицистов (Miller 1965: 61). И все же Кассий употребляет ἀνθυπάτος 22 раза, более того, его употребляют и софисты (те самые аттицисты) – пусть чаще предпочитая что-то вроде «архонта» и с оглядкой не только на аттическую норму, но порой и на эллинистическую, как в случае с «гекатонтархом» и «хилиархом» (еще у Геродота эти звания носят только персидские офицеры), не говоря уж о «сатрапе».

риков и у грамматиков так или иначе используются, пусть не всегда последовательно, все три производные от $\acute{\upsilon}\text{pat-}$, но данный анализ по возможности ограничен Второй софистикой и ее лидерами – культурно доминирующей и с максимальной языковой ответственностью группой, через школу давшей образцы слога последующим векам.

Итак, для приблизительной статистики были выбраны четыре автора, наверняка сохранявшие влияние в течение многих столетий (это доказывает объем дошедших до нас текстов): Дион Христомом, Элий Аристид, Лукиан и Флавий Филострат. Из производных от $\acute{\upsilon}\text{pat-}$ прилагательное $\acute{\upsilon}\text{patikós}$ у Лукиана использовано дважды (Demonax. XLII.11; 11; De saltat. LXXXIII.30), у других вообще ни разу; $\acute{\alpha}\nu\theta\acute{\upsilon}\text{patos}$ у Диона один раз (Orat. XLVII.19.7), у Элия Аристида ни разу, у Лукиана четыре раза, все в «Демонакте» (XVI.6; 7; L.2; 11 et al.), у Филострата дважды, в цитированном месте и в жизнеописании Полемона (VS I.541); редко, зато всегда уместно, так как всюду $\acute{\alpha}\nu\theta\acute{\upsilon}\text{patos}$ – главный местный начальник, которого зовут в сложных случаях и к которому ходят с жалобами, а что его же чаще называют «архонт» или «гегемон», это сейчас за пределами анализа. Как прилагательное $\acute{\upsilon}\text{patos}$ используется уже у Гомера: в «Илиаде» о Зевсе (V.756; VII.22; VIII.31; XVII.339; XIX.258; XXIII.43) и дважды о погребальном костре (XXIII.65; XXIV.787), в «Одиссее» всегда о Зевсе (I.45, 81; XIX.303; XX.230; XXIV.473). После Гомера $\acute{\upsilon}\text{patos}$ употребляется не особенно часто, но не выходит из обихода, причем по-прежнему чаще всего относится к Зевсу или к иному богу: так, у Эсхила оно один раз служит эпитетом Зевса (Agam. 509) и трижды других богов (ibid. 51; 55; 89); у Еврипида один раз так назван Зевс (Rhes. 456) и один раз просто «бог» (ibid. 703); а вот у Аполлония Родосского этот эпитет лишь раз относится к богу (Argonaut. IV.146) и еще семь раз так называются высокие объекты, например, горы (ibid. I. 222; 553; II. 207; III. 1213, et al.). У прозаиков картина специфичнее: скажем, у Ксенофонта $\acute{\upsilon}\text{patos}$ не используется ни разу, а у Демосфена дважды (XXI.52,9; XLIII.66.9, о Зевсе и об Афине), что и понятно: $\acute{\upsilon}\text{patos}$ – слово поэтическое, историку не нужное, а оратору нужное лишь в моменты «энтузиазма». Итак, гомеровское употребление

сохраняется, но в классическую эпоху появляются два (вероятно существовавших ранее) музыкальных термина: ὑπάτη, крайняя струна лиры, и ὑπάτοι, соответствующий ей тон, – впервые у Платона (Resp. 443 d 6), очень часто у Аристотеля в «Проблемах», в главах о гармонии (24 раза), то же во фрагментах трактата Аристоксена о гармонии (19), то же позднее, в приписываемом иногда Плутарху трактате *De musica* (17), то же еще позднее, у Никомаха Математика в *Harmonicum enchiridium* (41) и *Excerpta* (22), так что в музыкальной науке оба термина остаются в ходу на протяжении многих веков. Стало быть, ὑπάτος встречает римлян, будучи привычным семантически небогатым прилагательным, отчетливо тяготеющим к поэтическому контексту, но при этом субстантивированным в два музыкальных термина, несомненно широко применяемых учителями музыки в их повседневной работе, а значит, постоянно звучащих в устной речи.

Возможно, сначала и при римлянах ὑπάτος и ἀνθύπατος не были окончательно субстантивированы: по Мейсону, почти до конца II века до н.э. преобладали сочетания στρατηγὸς ὑπάτος и στρατηγὸς ἀνθύπατος (Mason 1974:12), но у Полибия на сотню с лишним упоминаний консулов и проконсулов подобное встречается всего несколько раз (e.g. I.52.5; VI.14.2), а ранние надписи, на которые ссылается Мейсон, слишком немногочисленны, и вероятнее, что στρατηγός всегда употреблялось нерегулярно, а вскоре и вовсе исчезло. Правда, сочетания ἀνὴρ ὑπάτος или (реже) ἀνὴρ ἀνθύπατος встречаются в текстах постоянно, но ἀνὴρ – слово особое, часто применяемое из этикетных соображений (cf. ἄνδρες φίλοι, ἄνδρες ἀδελφοί). В общем, обычно ὑπάτος употребляется в субстантивированном виде, в согласии с принципом экономии языковых средств, – если и не Полибий первым придумал называть консулов просто «верховными» (пусть слишком многое указывает на него), после него существительные ὑπάτος и ἀνθύπατος прочно и надолго вошли в язык. При всем том из выбранных для статистики четырех софистов Дион не употребляет ὑπάτος ни разу ни в каком смысле, Лукиан один раз называет так Зевса (Jurr. Trag. I.5), Элий Аристид трижды называет так бога или Зевса (Hier.Log. I.280; II.308; Orat.

XLIX. 376), и лишь однажды у него упоминается ὑπάτος Салуиос, консул 148 года Сальвий Юлиан (Hier.Log. II.292), – итак, из четырех софистов у троих ὑπάτος использовано пять раз, из них четырежды «по-гомеровски», причем сходные результаты дает статистический анализ более поздних авторов (Либания, Юлиана и др.), так что употребление ὑπάτος как поэтического эпитета характерно для римского периода в целом. Зато у Филострата, который дал имя Второй софистике (VS I.481) и в известном смысле подвел ее итоги, ὑπάτος употребляется 30 раз: в «Жизни Аполлония» 11, в «Жизнях софистов» 18 и еще однажды в коротком диалоге «Нерон», и это никогда не бог, не гора, не звук струны – ὑπάτος у Филострата всегда «политическое» слово, зато отнюдь не всегда «консул».

Так, в «Нероне» ὑπάτος – мятежный Виндекс, который был пропретором Галлии, вел войну и стремился к власти, как и Веспасиан, который чуть позднее тоже вел войну и тоже стремился к власти, но сумел получить ее, – поэтому, когда в «Жизни Аполлония» Веспасиан дважды подряд именуется ἀνὴρ ὑπάτος (V.35), отсюда следует только, что он, примерно как Виндекс, возглавляет войско и рвется к державе. В «Жизни Аполлония» ὑπάτος четыре раза относится к консулу: один раз это Веспасиан (V.29), дважды Телесин, консул 66 года (IV.40; VII.11) и один раз Клемент, консул 96 года (VIII.25). Дважды, однако, ὑπάτος – тот же Телесин, но уже консуляр (VII.11; VII.7); еще один раз ἄνδρες ὑπάτοι – сенаторы Орфит и Руф (VII.18)⁹; безымянный ὑπάτος поминается в фигуре речи (VIII.7; это может относиться как к Телесину, так и к Орфиту или Руфу, но имеет обобщающий смысл). В рассказе об одном из совершенных в Риме чудес Аполлония говорится о девице из семьи τελοῦσης ἐς ὑπάτους (IV.45), а о проконсуле («архонте») Азии сказано, что он ἐν ὑπάτοις φαερός (VII.5),

⁹ Оба они были консуляры (Орфит – консул 51 года, Руф – 63), но Филострат консульскими списками явно не пользовался (скажем, Веспасиан у него коллега Клавдия, хотя на деле был суффектом), и связать здесь ἄνδρες ὑπάτοι с консульской магистратурой навряд ли уместно.

но то и другое тоже несомненные фигуры речи, где «консулом» называется любой римский вельможа. Почти сходная ситуация в «Жизнях софистов»: там упоминается несколько несомненных консулов (e.g. VS II.556) и несколько возможных – годы в этом сочинении считать труднее и некоторые ὑπατοί могут быть консулярами (e.g. *ibid.* I.536 /bis/), а порой и вовсе нельзя понять, идет ли речь о консуле, консуляре, сенаторе или ином сановнике, как, например, в случае с безымянным ἀνὴρ ὑπατος, обвинившим Фаворина в блуде (*ibid.* I.489). Квадрат, проконсул Азии 165 года (у Элия Аристиды «гегемон Азии»: Hier.log. I.22), у Филострата тоже ὑπατος (I.577), но проконсулов Филострат не называет ὑπατοί, так что тут, вероятно, подразумевается консуляр либо еще кто-то сановный, вроде гонителя Фаворина или некоего Руфа, обижавшего жителей Смирны (VS I.512). Или вот (правда, в Риме) ὑπατοί καὶ παῖδες ὑπάτων «болеют» за конкурирующих софистов (*ibid.* I.490) – тоже, конечно, не консулы, просто вельможи разных возрастов, хотя в знатных римских семействах обычно бывал хоть один консул (cf. VA IV.45). Вообще о знатных – «консульских» – семьях говорится не раз, и иногда это можно и нужно понимать буквально, как в случае с Регулами (VS II.555), но в роду софиста II века Аристокла еще не могло быть нескольких консулов (*ibid.* II.507), если только не называть ὑπατοί любых знатных предков¹⁰. Таким образом, Филострат одинаково величает консулов, консуляров, сенаторов, полководцев, знатных римских предков и даже знатных греческих предков.

Филострат – не только замыкающий Второй софистики, он и тематически не слишком ориентирован на

¹⁰ Характерно, что Уилмер Райт в переводе «Жизней софистов» для “Loeb Classical Library” в таких случаях почти всегда использует «консуляр» (Wright 1989: 13–315), и эта осторожная тактика по-своему уместна, так как при ежегодной паре ординарных консулов плюс несколько суффектов новые консуляры являлись ежегодно и всякий пожилой римский вельможа почти наверняка был консуляром, – но будь так, Филострат не причислил бы к «консульским» семейство Аристокла, а это не единственный пример.

прошлое: все его тридцать ὑπατοὶ живут, самое раннее, при Нероне, а чаще позднее, так что это небогатый, но показательный материал, помогающий понять значение ὑπατος в первой половине III века. В отличие от «архонта» или «автократора», не слишком удачно использованных греками для описания римской государственной реальности, но входивших и в греческий номенклатурный лексикон, ὑπατος никогда не было у греков административным термином, более того, и при римлянах в качестве прилагательного сохраняло, как сказано, прежнее поэтическое значение, так что еще Дионисий Галикарнасский особо объясняет, какую должность занимают у римлян ὑπατοὶ и даже использует для этого транскрипцию κωνσίλια (Ant.Rom. IV.76.2)¹¹. В надписях ὑπατοὶ нередко относится к проконсулам и консулярам, более того, консуляры зовутся ὑπατοὶ (правда, лишь по разу) даже у ученых Плутарха и Аппиана, так что словоупотребление Филострата ближе всего, пожалуй, к массовому, каковым ad hoc приходится считать эпиграфическое: как и в надписях, ὑπατος у Филострата – лицо высокопоставленное, а уж консул он, консуляр, пропретор или просто влиятельный человек, это по контексту иногда понятно, а иногда непонятно даже с привлечением дополнительных источников, на что ни один софист, разумеется, не рассчитывал.

Итак, ὑπατος у Филострата начисто лишается прежнего значения, а в новом значении утрачивает остатки былой (пусть недостаточной) конкретности, превращаясь в обобщенное определение VIP-person, то есть если не пользоваться для толкования негреческими словами, ὑπατος – просто «гипат» и смысл этого слова даже более расплывчат, чем у византийского гипата (почему не «ипата»? – Е.Р.) в словаре Москвина (Москвин 2003: s.v.

¹¹ Подробнее о словоупотреблении Дионисия см.: Вух 1915; язык Дионисия довольно причудлив, отчасти из-за уверенности, что латинские слова происходят от греческих, e.g. κλήσις из *classis* (Mason 1974: 15), – однако жил он задолго до Второй софистики и в качестве антиквара не мог считаться экспертом в области слога, хотя мог, конечно, послужить источником для кого-то из позднейших аттицистов.

gipat). Действительно, ὑπάτος Филострата – чуть ли не любой сановник высокого ранга с самыми разными (не всегда понятными) полномочиями, а то и без полномочий, хотя быть гипатом почетно, раз порой это звание принимает сам император. Отсюда следует, что «гипат» – не высокая *должность*, а высокий *чин*, пусть дающий право занимать одну из высоких должностей, однако сохраняющийся и в отсутствие одной. Нельзя не отметить, что так в конце концов и вышло: после закрытия в 541 году консульских списков ὑπάτος превратился в чиновника, причем далеко не перворазрядного, а главное, без определенной должности, – что именно поручено данному гипату и поручено ли что-то, определялось чином лишь постольку, поскольку высокие должности оставались ему недоступны из-за невысокого чина. При Филострате, однако, гипат еще был лицом высокопоставленным, то есть всех или почти всех высокопоставленных лиц можно было называть гипатами и среди них, конечно, Гордиана, а значит, в посвящении ἀνὺπάτος указывает на должность наместника провинции, а ὑπάτος – лишь на высокое положение, почти как «высокопревосходительство».

В конце своей программной статьи Мейсон отмечает, что из-за присущей грекам «стилистической респектабельности» римская реальность приобрела «аттический фасад», мешающий историкам пользоваться греческими источниками (Mason 1970: 158), – и верно, если нельзя узнать даже, кем был притеснитель Смирны Руф, в более серьезных вопросах и трудности серьезнее, о чем многие знают по собственному опыту или по жалобам коллег. В начале той же статьи, однако, Мейсон заверяет, что «достаточно стандартная терминология» все-таки существовала, иначе у греков постоянно возникали бы проблемы, а их было *относительно мало* (Mason 1970: 150, курсив автора), но это утверждение кажется спорным. У абсолютного большинства грекоязычного населения Империи проблем, связанных с латинским политическим дискурсом, не могло быть просто потому, что почти все вопросы решались на местном уровне, а если уж дело доходило до наместника, тот всегда знал греческий. Остаются редкие случаи, когда нужно говорить, скажем, в преторском суде,

но для подобных ситуаций всегда имеется профессиональный корпус, тем более что языковой барьер в данном случае невысок и проблема решается, едва возникнув¹². Другое дело, что именно люди вроде Кассия Диона, Герода Аттика или Флавия Филострата – сенаторы и консулы, подолгу или постоянно жившие в Риме и наверняка хуже или лучше латынь знавшие (как-никак то был язык официальной жизни, в которой они активно участвовали десятилетиями) – что именно они превращали прокураторов в «архонтов» и понтификов в «иереев»¹³, всячески способствуя созданию того самого «аттического фасада», из-за которого так плохо видна римская государственная реальность.

Но где бы ни жили аттицисты, их влияние распространялось прежде всего на будущую Византию – на восточные области Империи, где, по крайней мере в городах, преобладало грекоязычное население, так что после разделения державы латынь там стала выходить из употребления очень быстро и уже в VI веке порой использовалась как чисто графический знак (Feissel 2008: 214–30), демонстрируя принадлежность Риму, пусть «Новому»¹⁴. А задолго до того население этой будущей Византии начало использо-

¹² При необходимости языковые барьеры преодолевались и в более сложных ситуациях: скажем, нет оснований предполагать, что Иисус говорил по-гречески, но это не помешало Пилату его допросить; а вот при распятии Иисус навряд ли понимал палачей, предложивших ему «желчь» (релаксант), так как те были не местные и изъяснялись на армейской латыни, в лучшем случае по-гречески, а чиновника рядом не было.

¹³ Так, от Герода не осталось речей, но остались надписи, по которым видно, что он точно следовал описываемой тенденции: не только консуляр у него, как и у остальных, просто «гипат» (SIG III. 857), но и «патриция» именно он с предельной неточностью превращает в «евпатрида» (ibid. 858)

¹⁴ Ср. замечания Адамса об «аллолоттографии» (Adams 2003: 37, 44–46). Если вслед за Хобсбаумом различать традицию и обычай по признаку демонстративности и действительности (Hobsbaum 1983: 2–9), можно сказать, что Византия никогда не порывала с римской традицией, но на уровне обычая достаточно рано оказалась от Рима далека – не в последнюю очередь из-за разного состава населения.

вать слова вроде «гипата», и задолго до того результатом такой лексической стратегии оказалась не утрата терминологии, никогда толком не освоенной, а создание номинативной зоны, где каждое слово обозначало целую группу римских сановников: скажем, «гипат» был большим вельможей, но не всегда занимал большую должность, коль скоро консуляр мог быть не у дел и часто бывал не у дел, зато «архонтами» и «гегемонами» назывались иногда вельможи помельче, но непременно при должности – иначе говоря, гипат и архонт различались как вельможа и начальник, пусть то и другое может совмещаться и часто совмещается¹⁵. Как замечают в своем предисловии к переводу «Вакханок» Гиббонс и Сигал, перевод можно назвать политикой “of a cultural kind” (Gibbons, Segal 2001) – и применительно к Еврипиду такая оговорка, разумеется, верна, однако эволюция речевых форм не только соотносима с эволюцией форм социальных, но может соотноситься с ними, как причина со следствием (Kutthoff 1996: 159–160), и тут более уместным примером будут не переводы Еврипида, а всевозможные новоязы, посредством дискурса способствующие преобразованию реальности («*нюстик – душа ингсоца*»). Вот так и Вторая софистика не сводилась к риторическому возрождению аттицизма на уровне языка и стиля, а была мощным движением римских греков в поисках того, что сейчас назвали бы идентичностью, хотя осуществлялось это движение почти исключительно на дискурсивном уровне. Поиск новой идентичности определялся новым социальным контекстом.

То, что сейчас называется Римской империей, долгое время номинально оставалось «республикой римского

¹⁵ В лексиконе Мейсона сравнительно немногие названия латинских должностей имеют только одно греческое соответствие, чаще не вполне однозначное (как *δήμαρχος*), реже однозначное, как (*ἑπάρχος*, *magister equitum*), а уже «эдилы», «префекты», «легаты» могут передаваться несколькими или многими способами, и даже *ἀνθύπατος* – казалось бы, отличный термин! – без включенности в систему не становится термином, так что недаром употребляется редко, будучи, по сути, ничуть не лучше «архонта» и «гегемона».

народа», надстроенной новыми институтами – единоличной властью и обслуживающей ее бюрократией, так что, например, часть провинций была в сенатском управлении, а часть в кесарском и, соответственно, на сенатской территории распоряжались проконсулы и пропреторы, а на кесарской префекты и прокураторы, теоретически бывшие ниже курульных магистратов, но фактически от них не отличавшиеся, а для греков и вовсе такие же «архонты». Естественно было ожидать отражения этой ситуации в языке, и верно, уже при Марке Аврелии высшие магистраты наравне с высшими чиновниками стали титуловаться *viri illustres* (λαμπρότατοι); были и другие звания, начиная с всадников, *egregii* или κράτιστοι (Гийан 1964: 35–48). Тем самым у проконсула и у префекта явился общий титул – пусть факультативно употребляемый и, разумеется, не наследуемый, но все-таки дававший реальному равенству некое формальное выражение, что особенно ощущалось на греческом Востоке, где магистрат мог называться тем же словом, что и чиновник, то есть, как уже сказано, *de facto* по чину, а не по должности. И заметная заслуга в стирании различий между вельможей и бюрократом принадлежала именно аттицистам, заслонившим традиционную номенклатуру «аттическим фасадом», а на деле – новым и еще не вошедшим в государственный обиход делением по чинам. Известно, что демонстративный архаизм в области стили чаще всего бывает не выражением архаизирующей тенденции в области социальных и политических практик, а, напротив, одним из аспектов инновации, в которой «архаисты» играют важную или даже главную роль, – это показал уже Юрий Тынянов в «Архаистах и новаторах». Такова была *res publica restituta* Августа, с декларативной стилистической старомодностью (от *mores maiorum* до героического эпоса) осуществлявшая новый способ управления державой, такова была обращавшаяся к первоначальному христианству Реформация, таков был «славянский язык революции» (Поливанов 1931: 168–172), – словом, эта закономерность достаточно универсальна, примеров тому много, и одним из них несомненно является вкратце рассмотренная здесь передача римской номенклатуры в согласии с аттической нормой. В имперской «матрице обще-

ния» (Gumperz 1982: 464) речевая роль грекоговорящей элиты принадлежала, разумеется, софистам, а они при всей демонстративной архаичности своего аттического слога¹⁶ лучше других умели уловить и передать происходящие перемены – постепенное поглощение всех иерархий единой бюрократической иерархией. В каком-то смысле греческая передача римской номенклатуры, преобразующая должности в чины, этим переменам даже способствовала, впрок приучая грекоговорящих римлян к грядущей табели о рангах.

Подобное положение дел представляется естественным. «Восстановленная республика» облегчила сначала интеграцию греков в державе римлян, а затем и обретение ими новой римской (ромейской) идентичности – такое почти всеобщее равенство было в интересах бюрократического государства с его ненаследуемыми привилегиями, добываемыми в процессе конкуренции (Kelly 2004), но для ромеев оно было не менее желательным. Поэтому, хотя официальным языком оставалась латынь, в ней сохранялись устаревшие или устаревающие термины управления, между тем как архаичный язык аттицистов при всей своей кажущейся неточности (или благодаря ей) гораздо лучше отражал реальные тенденции политического развития, завершившиеся реформой Диоклетиана¹⁷. С переносом

¹⁶ Об основоположниках Второй софистики, Мусонии, Дионе и Фаворине, Тим Уитмарш справедливо замечает, что они не столько имитировали древность, сколько создавали новую (согласующуюся с их целями и амбициями) версию прошлого, (Whitmarsh 2001: 269–305), – но известно, что любое редактирование прошлого всегда предполагает то или иное преобразование настоящего.

¹⁷ Эта реформа в своей «тетрархической» основе проста, зато в части *potitia dignitatum* (классификации чиновников) так детализирована (Bury 1920: 131–154; cf. Rees 2004: 13–37), что порой немногим понятнее греческих «архонтов» и «хилиархов», но связано уже не с пренебрежением к прежней терминологии, а с созданием терминологии новой, по возможности точной и оттого поначалу чересчур подробной; позднее, в византийской табели о рангах, терминология становится все упорядоченнее и, соответственно, понятнее.

сом столицы на Босфор и особенно с разделением Империи бюрократический принцип расцвел, пока, наконец, в Византии не явилась настоящая табель о рангах с делением по ведомствам, причем даже у евнухов было в тактиконе свое особое ведомство¹⁸. За тысячу лет существования государства эта табель не раз модифицировалась, но в основе своей оставалась неизменной, сохраняя, в частности, бóльшую часть терминов – теперь уже настоящих, то есть системных и моносемичных. Многие из этих терминов были из старого запаса, как ὑπάτος и (до поры) ἀνθύπατος, причем вплоть до своего исчезновения из табели анфипат всегда был старше ипата на два-три разряда, что связано, вероятно, с чрезмерной употребительностью ὑπάτος. Любопытнее, однако, что в X веке в табели на некоторое время появился ὀπίταρχος, служивший по военному ведомству и командовавший пехотой, а это – тот самый «воевода латников», о котором Филострат пишет «ныне же заботится о продовольствии и о хлебных торгах» (прим. 4). Необходимость иметь для пехоты особого полководца была объективной, необходимость как-то его называть тоже была объективной – а вот выбор слова, восходящего чуть ли не к временам марафономахов и уже при Северах применявшегося не к полководцу, а к главному афинскому интенданту, можно считать своеобразной инерцией неумирающих принципов Второй софистики.

Литература

- Гийан Р. Исследования по административной истории Византийской империи // Византийский временник – 29 (1969).
Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи IV-VI вв. // Византийский временник-24 (1964)
Москвин А. Ю. Большой словарь иностранных слов. М., 2003.
Поливанов Е. Д. О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции // Е. Поливанов. За марксистское языкознание. М., 1931.

¹⁸ Византийская табель о рангах подробно рассмотрена как в старых, но не утративших актуальности трудах Ф. И. Успенского, так и в новом «Словаре» А. Каждана (Kazhdan 1991); см. также: Bréhier 1949; Haldon 1994; et al.; при всем том главное, то есть иерархия чинов, доступно даже в Википедиях.

- Рабинович Е. Г. Безымянные имена // Елена Рабинович. Риторика повседневности. СПб., 2000.
- Alcock S. *Graecia Capta: The Landscapes of Roman Greece*. Cambridge, 1993.
- Adams J. N. *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge, 2003.
- Ball W. *Rome in the East: The Transformation of Empire*. London, 2000.
- Berthet J.-F. *Remarques sur le vocabulaire politique des Res gestae divi Augusti* // F.Biville J.-C. Decourt, G. Rougemont (ed.). *Bilinguisme gréco-latin et épigraphie: actes du colloque, 17-19 mai 2004*. Collection de la Maison de l'Orient et de la Méditerranée 37; série épigraphique et historique 6. Lyon, 2008.
- Bréhier L. *Les institutions de l'empire byzantin*. Paris, 1949.
- Bury J. B. *The Notitia Dignitatum* // *Journ. of Roman Stud.* X (1920).
- Bux E. *Das Probouleuma bei Dionysios von Halicarnass*. Leipzig, 1915.
- Feissel D. *Écrire grec en alphabet latin: le cas des documents proto-byzantins* // F.Biville, J.-C. Decourt, G. Rougemont (ed.). *Bilinguisme gréco-latin et épigraphie*. Lyon, 2008.
- Gibbons R., Segal Ch. (transl.) *Euripides' Bakkhai*. Oxford, 2001.
- Greenough J.B., Kittredge G.L. *Words and their Ways in English Speech*. New York, 1961.
- Gumperz J. *Discourse Strategies*. Cambridge, 1982.
- Haldon J. F. *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204*. London, 1999.
- Hobsbaum E. *Inventing traditions / E. Hobsbaum. The Invention of Tradition*. Cambridge, 1983.
- Kazhdan A. *Oxford Dictionary of Byzantium*. Oxford, 1991.
- Kelly C. *Ruling the Later Roman Empire*. Cambridge, MA. 2004.
- Klemperer W. "L.T.I." *Die unbewaltigte Sprache*. München, 1969.
- Kutthoff H. *Interactional sociolinguistics / "Folia Linguistica", v. 30 (1996), №№ 3–4*.
- Magie D. *De Romanorum iuris publici sacrique vocabulis in Graecum sermonem conversis*. Leipzig, 1905.
- Mason H. J. *Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis*. Toronto, 1974.
- Mason H. J. *The Roman Government in Greek Sources: The Effect of Literary Theory on the Translation of Official Titles* // "Phoenix", v. 24 (1970), №2.
- Miller F. *A Study in Cassius Dio*. Oxford, 1965.
- Mueller C. *Notes on the repression of communicative behaviour* // *Recent Sociology*, 1970, №2.
- Nordström V. *De institutorum Romanorum vocabulis Dionysii Halicarnassensis quaestiones*. Helsingfors, 1890.
- Preston R. *Roman Questions, Greek Answers: Plutarch and the Construction of Identity* // Simon Goldhill (ed.) *Being Greek under Roman: Cultural Identity, Second Sophistic and the Development of Empire*. Cambridge, 2001.

- Rees R. Diocletian and the Tetrarchy. Edinburgh, 2004.
- Rochette B. Greek and Latin Bilingualism // E. G. Bakker (ed). A Companion to the Ancient Greek Language. Blakwell Publ. 2010.
- Rochette B. Le latin dans le monde grec. Bruxelles, 1997.
- Sigurdur A. Magnusson. The Icelanders. Reykjavik, 1990.
- Solin H. Observations sur la forme grecque des indications calendaires romaines // Bilinguisme gréco-latin et épigraphie: actes du colloque, 17–19 mai 2004. Lyon, 2008.
- Vrind G. De Cassii Dionis vocabulis quae ad ius publicum pertinent. The Hague, 1923.
- Whitmarsh T. Greece is the World // Being Greek under Roman. Cambridge, 2001.
- Wright W. C. (transl). Philostratus. The Lives of the Sophists. Cambridge, Mass., London. 1989.

Summary. Latin in Greek

Under the Roman rule the Greeks encountered the system of Roman officials with their titles (like *consul*, *tribunus*, etc.), too special to be translated. However, some basic norms of Greek culture were formed centuries before, and using barbaric (all non-Greek) words would be impossible for educated people with strong cultural obligations: even Polybius, who admired Rome and Roman laws, translated practically all Roman titles. Although Latin titles were terms, to borrow them meant to use barbarisms and to translate them as terms meant to create neologisms (which are mostly for poetry), while in the social context anything non-Greek was of no value and as senseless as barbaric languages. So the Greeks translated Latin terms as non-terms and thus had no correct terminology to live within the Roman political structure. Adequate translation meant using only well-known, not invented words (κύρια), whether or not anyone could understand the very special position of e.g. *procuratores*, who had very little in common with *proconsules* – but also could be called ἄρχοντες and ἡγεμόνες. When the Greeks together with their teachers of rhetoric became Roman citizens, nothing changed: the Greeks understood non-Greek only when adopted into Greek. For the late Empire with its typical explosion of bureaucracy Greek way of equalizing magistrates and bureaucrats in the same semantic field of VIP, was much more adequate, being the first step to the new hierarchy – Diocletian's *notitia dignitatum* and later the Byzantine Table of Ranks.

Н. Е. Самохвалова

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ
В ОПИСАНИИ ОТНОШЕНИЙ РИМЛЯН И ВАРВАРОВ
В «ГЕОГРАФИИ» СТРАБОНА¹**

Резюме. Страбон в «Географии» утверждает важность географических факторов в политической и экономической истории государств и народов, а также показывает случаи влияния римлян на географическую картину мира, подчёркивая таким образом могущество Римской Империи и благотворность её воздействия на подчиненные народы.

Ключевые слова: Страбон, варвары, география.

1. Произведения, принадлежащие к античной историко-географической традиции, в большинстве своём довольно трудно однозначно отнести к одной из двух этих наук, истории или географии. Если принять в качестве отправной точки наиболее расхожее определение различия между ними и соотнести историю со временем, а географию – с пространством (например, Clarke 1999: 4–22), то становится очевидным, что описание ойкумены в трудах античных авторов, за редким исключением, сочетает в себе оба параметра, поскольку характеристикой географического пункта зачастую становится некое произошедшее там в прошлом событие.

2. Страбон – автор, написавший два самостоятельных произведения, каждое из которых отнесено им самим к одной из этих наук. От «Исторических записок» сохранилось лишь небольшое количество фрагментов, однако во вступлении к «Географии» Страбон упоминает о них, сравнивая с «Географией» и сообщая, что «этот труд («География») имеет одинаковый план с прежним («Историческими записками») и предназначен для того же круга читателей, преимущественно занимающих высокое поло-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МД-998.2010.6.

жение» (I. 1. 23; цитаты даны в переводе Г. А. Стратановского). Однако, несмотря на наличие у Страбона отдельного произведения, посвященного истории и к моменту написания «Географии» уже завершено, в «Географии» присутствует множество исторических вкраплений. Таким образом, объектом описания становится как время, так и пространство, что позволяет проследить взаимовлияние этих двух категорий.

3. Влияние пространства на время, то есть, географические характеристик на исторические процессы, проявляется многообразно и на различных уровнях. Так, например, географическое положение выдвигается как одна из основных причин возвышения Рима, причем Страбон всесторонне анализирует особенности расположения и климата Италии, выявляя все географические преимущества (окруженность морем как залог безопасности и развития торговли; разнообразие температур внутри страны, следствием которого стало разнообразие животного и растительного мира; сочетание гор и равнин; обилие рудников), и делает вывод, что эта страна «не только приспособлена самой природой к владычеству от того, что превосходит окружающие страны своими достоинствами и размерами территории, но также в силу своей близости к ним легко может добиться повиновения» (VI. 4. 1). Географическое положение становится для Страбона и одним из ключевых факторов формирования образа жизни и нравов варварских племен (Thollard 1987: 12–19; Dueck 2000: 78–79). Так, о Корсике он пишет: «образ жизни на острове отсталый, потому что остров каменистый и большей частью совершенно непроходим, так что обитатели гор, живущие разбоем, свирепее диких овец» (V. 2. 7). Расположение по отношению к морю влияет на нравы: «после знакомства с морем они (варварские племена) не только стали хуже в моральном отношении (так, они обратились к морскому разбою и убивали чужестранцев), но соприкосновение с морем привело к тому, что они заимствовали от них роскошь и торгашеские наклонности» (VII. 3. 7).

4. В отличие от влияния географических факторов на развитие истории, примеры обратного, влияния истори-

ческих процессов на пространство, гораздо реже встречаются в «Географии» и связаны в первую очередь с последствиями образования Римской Империи: римляне приходят в покоренные земли, и под их воздействием меняется территория: возникают новые гавани и дороги, города получают другие названия, характерные черты народов уходят в прошлое, заменяясь другими, привнесенными извне. Влияние римского владычества сказывается в первую очередь на этнографической картине мира: «римляне, подчинив своему владычеству много племен от природы диких в силу условий местностей, потому что это были скалистые местности, лишённые гаваней, холодные или по какой-либо другой причине неудобные для обитания большой массы населения, таким образом не только заставили народы, до сих пор разобщённые, вступить в общение друг с другом, но и научили даже более диких цивилизованной жизни» (II. 5. 26) (примеры см. также Almagor 2005: 53). Римляне переселяют народы с одного места на другое («Ана делает изгиб к югу и отделяет область междуречья, которую по большей части населяют кельты и некоторые луситанцы, переселённые сюда римлянами с другого берега Тага», III. 1. 6), основывают колонии, создавая таким образом новое географическое пространство (Clarke 1999: 294–295).

5. В «Географии» Страбона подробно анализируется влияние географических факторов на политическое, экономическое и нравственное развитие народов, но показывается также и возможность обратного влияния: римляне, завоевав большую часть обитаемого мира, оказываются в состоянии перекроить политическую и этнографическую карту, влиять на географическую картину мира. Этот мотив в структуре «Географии» становится ещё одним, немаловажным, подтверждением той мысли Страбона, что Рим ко времени жизни автора достиг «совершенного государственного устройства» и «никогда раньше римляне и их союзники не наслаждались столь продолжительным миром и таким изобилием благ, как при Цезаре Августе» и его наследнике Тиберии (VI. 4. 2).

Литература

- Almagor 2005 – Almagor E. Who is a barbarian? The barbarians in the ethnological and cultural taxonomies of Strabo // Dueck D., Lindsay H., Potheary (Eds.). *Strabo's Cultural Geography. The Making of A Kolossourgia*. Cambridge University Press. P. 42–55.
- Clarke 1999 – Clarke K. *Between Geography and History. Hellenistic Constructions of the Roman World*. Oxford: Claredon Press.
- Dueck 2000 – Dueck D. *Strabo of Amasia. A Greek Man of Letters in Augustian Rome*. London; New York.
- Thollard 1987 – Thollard P. *Barbarie et Civilisation chez Strabon*. Paris.

Summary

Strabo's *Geography* is both a historical and geographical work. Strabo shows how geographical aspects can influence history, though at the same time man's behavior can change geographical boundaries in the world. This possibility of changing geography helps Strabo characterize the Romans as powerful rulers of the world.

М. Л. Сергеев

**КОММЕНТАРИЙ К РАССМОТРЕНИЮ ГАЛЛЬСКИХ ИМЕН В
«МИТРИДАТЕ» (1555) КОНРАДА ГЕССНЕРА**

Резюме. В статье предложен комментарий к анализу галльских имен собственных в «Митридате» Конрада Гесснера. Взгляды Гесснера рассматриваются в контексте представлений о галлах и галльском языке у немецких гуманистов XVI века. Объясняется отсутствие в «Митридате» примеров галльских имен на -*magus* и приведение целого ряда германских имен без галльских параллелей. Подробно комментируется список топонимов на -*dunum* и -*durum*.

Ключевые слова: история языкознания XVI века, германские древности, галльский язык, имена собственные, этимология; history of linguistics, XVI cent., German antiquities, Gaulish language, personal names, etymology.

В последние полвека филологические сочинения Гесснера и, в особенности, «Митридат» (Gesnerus 1555) не были обделены вниманием исследователей. Можно упомянуть публикации Меткалфа, Петерса, Поппе, Коломба, Дини, Консидайна (Metcalf 1963a, 1963b; Peters 1974, 1987; Poppe 1986; Colombat 2007, 2008; Dini 2007; Considine 2008: 126–135); по-русски есть разбор сведений Гесснера о славянских языках у И. В. Ягича (Ягич, 2003 [1910]); «Митридат» по разным вопросам упоминает Л. Г. Степанова (Степанова 2000). В 2009 г. в издательстве DROZ вышло в свет переиздание «Митридата» под редакцией Бернара Коломба и Манфреда Петерса (Gessner 2009), снабженное переводом текста на французский язык и комментарием. В этой статье предлагаются некоторые комментарии к анализу Гесснера галльских имен собственных (Gesnerus 1555: 18r–19r).

Вопрос о галльском языке и о галлах был обязательной темой для филологов XVI века, проявлявших этнографический, краеведческий, исторический или лингвистический интерес. Решение вопроса о том, кем были древние

галлы (под «современными галлами» подразумевались французы) и что с ними стало после римских и германских завоеваний, на каком языке они говорили и похож ли он на существующие языки, породил многочисленные спекуляции о человеческой истории и судьбе Европы. Обсуждалось то, где были предки галлов во время Потопа; участвовали ли они в Троянской войне; как они принесли светоч науки всему миру, а лавры просветителей достались грекам; говорилось и о родстве галлов и германцев, об исторической необходимости установления мира между ними. Из авторов, писавших на «галльскую» тему, можно упомянуть Гийома дю Белле, Жана Пикарда, Гийома Постеля, Франциска Иреника, Эгидия Тшуди, Себастьяна Мюнстера (ср. об этом: Borchardt 1971; Dubois 1972).

У немецких историков вопрос о древних галлах поднимается, как правило, в связи с германскими древностями. Они традиционно начинают свои сочинения с сетований на то, что римские и греческие авторы ничего не знали о Германии, всюду ошибались с координатами мест, передачей топонимов, неверно оценивали плодородность германской земли, и пр. (ср. Pirckheimer 1532: A2r–A3r: *Quid enim Graeci praeter fabulas de Germania scripserunt?...*; Munsterus 1550: 261r–v: *...meo iudicio nullus fuit ex priscae aetatis scriptoribus, qui civitates, regiones et populos latissimae Germaniae recte consignaverit*). Не обнаружив германцев у древних авторов (Геродота, Аристотеля, Диодора и др.), но найдя у них на тех землях, на которых германцы поселились в дальнейшем (ср. карту переселений германцев: Speyer 2007: 17), кельтов и скифов, историки делали вывод, что под этими именами следует подразумевать германцев. Главы первой книги “*Germaniae exegesis*” Франциска Иреника так и называются: *Germaniam quomodo sub Gallia scriptores comprehensi sunt; Germaniam sub Celtis comprehensam; Germaniam olim etiam Scythiae appellationibus ac Sarmatiae fuisse subiectam* (Irenicus 1518: VIv–VIIIr). Характерна реакция Иреника на сообщение Диодора о том, что все [известные в I в. до н. э., когда писал Диодор; “*Epitome Bibliothecae Conradi Gesneri*”, со ссылкой на Свиду, относит «расцвет» Диодора ко времени правления Августа: Simlerus 1555: 43v. – М. С.]

народы на севере, вплоть до скифов, называются галатами: *dii immortales, ubi nunc Germania? universi aut Galatae aut Scythae sunt...* (Irenicus 1518: VIIv–VIIIr).

Такой подход критиковал известный издатель Тацита Беатус Ренанус: «...древнейшие греческие авторы ... используют имя кельтов, прилагая его попеременно то к германцам, то к галлам, поскольку не только эти наши и соседние с нашими области были неизвестны древним грекам, но и Италия и даже сам Рим были им известны в малой степени ... Но Тацит ... и Ливий, который немного древнее его, определенно (*distincte*) говорят о народах, не называя никого галлами, кроме тех, кто учреждениями, речью и нравами заслуживают называться галлами. Из-за этого я не могу надивиться на прославителей германцев, которые даже блестящие триумфы сенонских галлов стараются приписать Германии, на том только основании, что наименование кельтов многозначно (*Celtarum uocabulum amplum sit*) и что хорографы упоминают о сенонских свевах. Достаточно у Германии и собственной военной славы. ... сенонов, захвативших Рим, никто не должен считать германцами, равно как и боев, хотя они поселились за Рейном, заняв почти что среднюю территорию Германии, которую окружает Геркинский лес» (Beatus Rhenanus 1531: 79). Но у оппонентов Ренануса для подкрепления галло-германских спекуляций была в запасе масса соблазнительных языковых сопоставлений и вольных интерпретаций классических текстов. Кроме того, на их стороне была национальная гордость. Неудивительно поэтому, что Гесснер, сообщив, что о языке галлов и гельветов во времена Юлия Цезаря есть два предположения (1. это особенный язык, не связанный ни с германским (*Germanica*), ни с французским (Б. Ренанус); 2. или это германский язык (Эгидий Тшуди, Генрих Глареан): Gesnerus 1555: 17v. – цит. из: Munsterus 1550: 329), всю оставшуюся часть главы *De Gallica lingua vetere* посвящает изложению версии о германской природе галльского (такое представление о галльском преобладает в Германии и в XVI, и в XVII веках: Jones 2001: 1107; Peters 1974: 26–27).

Из «древнегалльского» языкового материала, упоминаемого античными авторами, Гесснера интересуют, главным образом, имена собственные. Он обращает внимание на двучастность этих имен, сравнивает их с греческими композитами (Gesnerus 1555: 18v) и предполагает, что каждый из компонентов обладает собственным лексическим значением. Этимологизации подвергаются повторяющиеся элементы, для которых обнаруживаются созвучия в немецком языке. Присутствие слов как в германском, так и в галльском материале должно подтверждать галлогерманскую гипотезу, хотя Гесснер сам ее не формулирует: для этого он предоставляет слово Глареану и Авентину (Gesnerus 1555: 20r. sqq.).

Сперва Гесснер приводит имена на -marus (Gesnerus 1555: 18r) (галл. maros, родств. герм. *mērjaz: Delamarre 2003: 218–219; Orel 2003: 270–271). В тексте мы видим только имена “veterum Germaniae regum”: Visomarus, Vadomarius, Richomarus, Theodomarus (ср. Schönfeld 1911, s.v. Visimar; Vadomarius; Ricimer; Theudemer; Топорова 1996: 35, 33, 31, 19), и др. (и случайно попавшее в их число галльское имя Viridomarus: ср. Caes., BG, VII, 38). Примеры галльских имен почему-то не даются. Это тем удивительнее, что глава посвящена галльскому языку. Видимо, это происходит или по недосмотру, или так как подразумевается, что галльские имена на -marus были известны читателю (подборка галльских имен на -marus с указанием источников есть у Эгидия Тшуди в «De prisca ac vera Alpina Rhaetia» (Tschudi 1538: 120), книге, которую Гесснер несомненно читал и использовал в «Митридате»: ср. 17v., 22r., 27r., 65v.; перечисление имен на -marus занимает у Эванса 3 страницы, многие из имен известны из античных авторов: Evans 1967: 225–228). Краткость изложения и особенно аргументации вообще свойственна Гесснеру в «Митридате». Это отчасти оправдывается жанром сочинения. «Митридат» – словарь, включающий все известные в I пол. XVI в. названия языков, с отсылками к литературе о них, а не монография, посвященная сопоставлению языков (в этом его принципиальное отличие от “De ratione communi omnium linguarum” Библиандра).

Не следует забывать и то, что одновременно с подготовкой «Митридата», Геснер писал и издавал многотомную «Историю животных», готовил к изданию сочинения Элиана и “De remediis secretis” Эвонима Филиатра, написал еще множество небольших, главным образом медицинских, сочинений (De Germaniae et Helvetiae thermis; De raris et admirandis herbis; Pilati montis descriptio; Enchiridion rei medicae triplicis; Sanitatis tuendae praecepta, и др.). Кроме того, он преподавал в Collegium Carolinum, по крайней мере по часу в день, и у него было много работы на должности городского врача (Wellish 1975: 158–162, 194–210). Загруженность разнообразными делами также объясняет недостатки изложения в «Митридате»: лингвистика явно была на периферии интересов Геснера.

Затем рассматривается элемент -ric(h)us, -rix: Henricus, Dieterichus, Orgetorix, Dumnorix, и др. (Gesnerus 1555: 18v) (галл. rix; germ. *rīkz «правитель» заимствовано из кельт.: Delamarre 2003: 260–261; Orel, 2003, 305; Green 1998: 150–151; ср. Топорова 1996: 51, 20; Evans 1967: 247). Геснер не разделяет имена на галльские и германские, что вполне соответствует его представлению о природе древнего галльского языка, но группирует их по источникам: Суда (Свида), Марцеллин, Цезарь, “et alii”.

Приводимые дальше Геснером имена на -mundus, -baldus, -bertus сейчас считаются германскими (germ. *mundō «рука, защита»; *balþaz «крепкий, храбрый»; *berxtaz «яркий»: Orel 2003: 275; 34; 42), галльских «созвучий» в «Митридате» для них не упоминается. Эти чисто германские вкрапления требуют объяснения иного, чем имена на -marus. Геснер, видимо, собирал галльскую ономастику в связи с германской. В главе De lingua Germanica он говорит о необходимости составления этимологического словаря германских имен собственных, сгруппированных как по алфавиту, так и по «окончаниям»: andus, manus, rix или ricus, baldus или boldus, precht, mar, hart и др. (чтобы легче были понятны орфография и значение имен), “ut aliqua ex parte supra in Vetere lingua Gallica ostendi” (Gesnerus 1555: 32r-v). И. Зиммлер, ученик Геснера, вспоминает о том, что тот действительно готовил к изданию такой словарь, что он любил объяснять

ученикам этимологии германских имен (Simlerus, 1566, 7r sq.; Манфред Петерс говорит об «утерянной работе Гесснера»: Peters 1987: 1487). Заодно с германскими именами, имеющими галльские параллели, Гесснер, вероятно, выписал из своих материалов и те, для которых параллелей нет.

Это легко себе представить, если вспомнить тот способ подготовки материалов для будущих книг, которым пользовался Гесснер и который он подробно описал в одной из глав своих «Пандектов»: он советует сделать книгу из плотной бумаги – около 100 листов, по которым предварительно протянуть сверху вниз по 4 нити, а по краям подклеить небольшие бумажные полоски. Под эти нити и полоски следует вставлять – в нужном порядке, по темам – карточки с выписками из книг или даже вырезанные фрагменты текста. Таким образом, согласно Гесснеру, многие ученые готовят материал для книг и устных выступлений: “*materiam sermonis congestam et rudem hoc modo disponant: sive materiam recens accumulaverint, sive olim conquisitam distinctis per locos schedulis non agglutinatis in usum reservent, ut cum opus fuerit ad quodcunque argumentum tractandum depromant ... et quae videntur describant, aut pro arbitrio utantur*” (Gesnerus 1548: 20r.).

Определенную загадку представляет список названий городов на -*dunum*, -*durum* (галл. *dunon* «крепость, гора» и *duon* «ворота > город»: Delamarre 2003: 154–157; для Гесснера это варианты одного «окончания» или «слова», значение которого он, правда, не приводит) и -*magus* (галл. *magos* «поле, открытая местность, рынок»: Delamarre 2003: 214; Gesnerus 1555: 18r-v, также без указания значения). Они вводятся следующими словами: “*ita dunum vel durum in vetere Gallica aut etiam Germanica lingua multis oppidorum nominibus sive terminatio, sive potius vocabulum alterum e duobus compositis adjiciebatur*”. Особенно интересно здесь уточнение «в древнем галльском или также в германском языке». На каком основании возможен такой переход – отнесение галльских имен к немецкому языковому материалу?

Как кажется, такая возможность могла следовать для Гесснера из географического содержания топонимов. К

сожалению, в указателе “Noms des lieux” в издании Коломба-Петерса (Gessner 2009: 293–308) можно найти далеко не все из них (в индексе совершенно отсутствуют Ventodurum и все имена на -magus!), во многих случаях сообщается только “ex[emple] de nom d’oppidum gaulois”, без какой-либо локализации. Большую часть топонимов, приведенных Гесснером, мне удалось найти среди географической номенклатуры, перечисленной Вилибальдом Пиркгеймером в “Germaniae ex variis scriptoribus perbrevis explicatio” (Pirckeymerus 1532). Пиркгеймер в данном случае вполне мог быть одним из источников Гесснера – в «Митридате» не раз встречаются ссылки на него (Gesnerus 1555: 15v, 26v, 43v, 53r, 54 r, 60r, 68v).

Далее я привожу список Гесснера. Курсивом выделен нелатинский эквивалент топонима (также курсивом воспроизведены уточнения Пиркгеймера, в орфографии источника: certum, conjectura и др.), в скобках дается название географической области или населявшего ее народа; в тех случаях, когда топоним отсутствует у Пиркгеймера, я пользуюсь другими источниками (XVI в. и современными), которые всякий раз указываю.

Lugdunum *Lyon* (Gesnerus 1579: 212);

Lugdunum *Seuenburg; Worcken* (Ubii, in mediterraneis; Menapii, Morini; Pirckeymerus 1532: A8r.; B1r.);

Iuerdunum *Yverdon* (Suisse: Index II. Noms des lieux в Gessner 2009: 300);

Cambodunum *Kemmat. certum* (Vindelicia: Pirckeymerus 1532: A4r.), но Campodunum *Kempten. certum* (Rhetia, iuxta Rhenum: Pirckeymerus 1532: A3v.);

Carrodunum *Kreynburg. iuxta Wasserburg cer.* (Vindelicia: Pirckeymerus 1532: A4r.);

Tarodunum (в тексте Tarodinum – видимо, опечатка) *Riedling* (Rhetia, in mediterraneis: Pirckeymerus 1532: A3v.);

Gessodunum *Ips.* (Noricum: Pirckeymerus, 1532, A5r.);

Gaunodurum *Laufenburg или Culm* (Suisse: Index II. Noms des Lieux в Gessner 2009: 298); *Stein* (Schweiz: Graesse 1922: 133);

Marcodurum *Duren, certum* (Ubii, in mediterraneis: Pirckeymerus 1532: A8r.);

- Batauodurum *nunc penitus excisum, extat tamen arx nomine Battenberg* (Batavia: Pirckeymerus 1532: B1v.); Batavodurum *Batavice Dverstat dicitur, distatque duobus plus minus miliaribus ab Ultraiecto* (Gerardus Novimagus 1532: E5v.); *Nimwegen* (Niederl.: Graesse 1922: 225);
- Bracodurum *Pfulendorff* (Rhetia, iuxta Danubium: Pirckeymerus 1532: A3v.);
- Bocodurum *Patauia* (Venuti 1578: 641); Bacodurum *Passau* (Bayern: Graesse 1922: 39);
- Nouidurum *Laybach, con.* (Pannonia Superior: Pirckeymerus 1532: A5v.);
- Ventodurum м. б. Vitodurum *Winterduer. cer.* (Helvetii: Pirckeymerus 1532: A6r.);
- Breucomagus *Breysach cert.* (Pirckeymerus, 1532, A6v.); *Brumath* (Elsass: Graesse 1922: 57);
- Rotomagus (у Гесснера Rhotomagus – видимо, отражение греческого rh: Гесснер знал, что галлы пользовались греческим алфавитом: Gesnerus 1555: 22v.) *город в Галлии* (Munsterus 1550: 327, в главе о названиях германских городов: *quae Rheno adiacent [civitates – М. С.], desinebant plerunque in magus, ut Berbetomagus, Neomagus, Nouiomagus, et in Gallia, Rotomagus*); Rothomagus *Rouen* (Frankr.: Graesse 1922: 261–262);
- Neomagus *Oppenheim vel Spira potius, Wurms; Neumegen* (Nemeti; Batavia: Pirckeymerus 1532: A7r.; B1v.);
- Berbetomagus *Speyr coniect.* (Pirckeymerus 1532: A6v.);
- Nouomagum *Nymag pagus circa Berkastel* (Germania inferior, in mediterraneis: Pirckeymerus 1532: A7v.);
- Rigomagus *Reinmegen, hic Arar Rhenum influit* (Ubii: Pirckeymerus 1532: A8r.);
- Duromagus *Durmegen, certum* (Ubii, in mediterraneis: Pirckeymerus 1532: A8r.)

С одной стороны, Гесснер считает упомянутые топонимы галльскими – видимо, из-за того, что элементы *dunum*, *durum* и *magus* характерны для галльских топонимов (ср. также галльскую этимологию *-magus* у Мюнстера: Munsterus 1550: 327), и так как по крайней мере часть из них локализуется в области расселения галльских племен, как она могла представляться в XVI веке (область гельветов

и земли к западу от Рейна; сейчас считается, что галлы (кельты) жили и на восточном берегу Рейна: Wells 1995: 605–608; ср. Weisgerber 1969 [1931]: 36). С другой стороны, большая часть приведенных топонимов в представлении германцев XVI века должна была ассоциироваться с Германией: ср. Irenicus, 1518, VIIIr–VIIIv; Aventinus 1710 [1519–1521]: 9; тж. цитата из Авентина у Геснера: Aristoteles ... Celtis Istrum, qui Germanorum est, attribuit (Aventinus 1710 [1519–1521]: 25 = Gesnerus 1555: 23v).

По-видимому, предполагая “aut etiam Germanica lingua”, Геснер применяет географический аргумент для решения лингвистического вопроса (о значительном интересе к географии у немецких гуманистов ср.: McLean 2007: 90–96; Strauss 1958; ср. также словарь названий германских городов и рек, занимающий кн. VIII–XII в “Exegesis Germaniae” Франциска Иреника: Irenicus 1518: CLXXIIr–CCXXIXr). Большая часть топонимов относится к территории восточнее Рейна и бывшим дунайским провинциям, а значит, по логике немецких гуманистов XVI века, они должны быть германскими и принадлежать немецкому языку. Здесь очевиден чрезвычайно характерный для немецкой ренессансной историографии анахронизм: совмещаются две карты центрально-западной Европы, относящиеся к разным эпохам – ранней Римской империи и XV–XVI векам. Противоречия между ними объясняются, как правило, географическими неточностями в античных источниках (ср. в начале этой статьи).

Перечисление галльских топонимов, оказавшихся на территории Германии, дополняет общую аргументацию Геснера: неизвестно куда исчезнувший галльский язык представляет собой загадку исключительно в плане номенклатуры: несмотря на существование отдельного названия для него в античных источниках («галльский/кельтский»), это диалект германского языка. Имя галлов-кельтов, как видно дальше, тоже не выбивается из этой логики, для него находится германская этимология: *Gelten enim est valere* (Gesnerus 1555: 19v; современная этимология – без определения конкретного языка-источника: экзотоним с значением «высокие» < и.-е. *k’el-to-: Bernardo Stempel 2008: 103).

Нельзя не заметить, что в других случаях немецкие авторы любят упоминать о миграциях германских народов, значительной перемене их мест обитания (ср. подробный рассказ в: Munsterus 1550: 261–267). Этот сюжет часто фигурирует как основание для того, чтобы приписать Германии все земли, которые затронула миграция германцев (ср.: Borchard 1971: 16–19, *passim*). О соотношении этих переселений с судьбами соседних народов, о выстраивании относительной хронологии речи не идет.

Библиография

- Степанова 2000 – Л. Г. Степанова. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб.: Изд-во РХГИ, 2000.
- Топорова 1996 – Т. В. Топорова. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Ягич 2003 [1910] – И. В. Ягич. История славянской филологии. М.: Индрик, 2003 (репринт издания 1910 г.)
- Aventinus 1710 [1519–1521] – Johannes Aventinus. *Annalium Boiorum Libri VII: Cum Doctissimorum Virorum Quibuscumque Editionibus Collati, Emendatius Auctiusque Excusi ... Lipsiae: Sumptibus Ioannis Friderici Braunii, 1710.*
- Beatus Rhenanus 1531 – Beati Rhenani Selestadiensis *Rerum Germanicarum libri tres*. Basileae: In officina Frobeniana, 1531.
- Bernardo Stempel, 2008 Patrizia de Bernardo Stempel. Linguistically Celtic ethnonyms: towards a classification // *Celtic and other Languages in Ancient Europe*. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2008. P. 101–118.
- Borchardt, 1971 Frank L. Borchardt. *German antiquity in Renaissance myth*. Baltimore: John Hopkins Univ. press, 1971.
- Colombat 2007 – Bernard Colombat. L’horizon de rétrospection du Mithridate de Conrad Gessner (1555) // *History of Linguistics 2005*. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 89–102.
- Colombat 2008 – Bernard Colombat. L’accès aux langues pérégrines dans le Mithridate de Conrad Gessner (1555) // *Histoire Epistémologie Langage*, 30/2 (2008). P. 71–92.
- Considine 2008 – John Considine. *Dictionaries in Early Modern Europe: Lexicography and the Making of Heritage*. Cambridge: CUP, 2008.
- Delamarre, 2003 Xavier Delamarre. *Dictionnaire de la langue gauloise: Une approche linguistique du vieux-celtique continental*. – 2e éd. – Paris: Editions Errance, 2003.
- Dini 2007 – P. U. Dini. An Illyrian of the Baltic Languages in the XVI Century // *Балты и Великое княжество Литовское. Историко-*

- лингвистический взгляд: Памяти Эгидиуса Банёниса. М.: Новое издательство, 2007. С. 285–293.
- Dubois 1972 – Claude-Gilbert Dubois. *Celtes et gaulois au XVIe siècle: Le développement littéré d'un mythe nationaliste*. Paris: Librairie philosophique J. Vrin, 1972.
- Evans 1967 – D. Ellis Evans. *Gaulish personal names: A Study of some Continental Celtic Formations*. Oxford: At the Clarendon press, 1967.
- Gesnerus 1548 – *Pandectarum sive Partitionum universalium Conradi Gesneri Tigurini, medici et philosophiae professoris, libri XXI*. Tiguri: Froschoverus, 1548.
- Gesnerus 1555 – *Mithridates De differentiis linguarum tum veterum tum quae hodie apud diversas nationes in toto orbe terrarum in usu sunt, Conradi Gesneri Tigurini Observationes*. Tiguri: Froschoverus, 1555.
- Gesnerus 1579 – *Onomasticon Propriorum nominum, primum a D. Conrado Gesnero, ex variis Dictionariis collectum ... Basileae: ex officina Henricpetrina, 1579*.
- Gessner, 2009 – Conrad Gessner. *Mithridate = Mithridates (1555) / Introduction, texte latin, introduction française, annotation et index par Bernard Colombat et Manfred Peters*. Genève: Librairie DROZ S.A., 2009.
- Graesse 1922 – J. G. Th. Graesse. *Orbis Latinus oder Verzeichnis der wichtigsten lateinischen Orts- und Ländernamen*. – 3. Aufl. – Berlin: Richard Carl Schmidt & Co., 1922.
- Green, 1998 – Dennis Howard Green. *Language and History in the early Germanic World*. Cambridge: CUP, 1998.
- Irenicus, 1518 – *Germaniae exegeseos volumina duodecima Francisco Irenico Ettelingiacensi exarata... typis ac formulis Thomae Anselmi. Hagenoae, 1518*.
- Jones 2001 – William J. Jones. *Early dialectology, etymology and language history in German-speaking countries // Geschichte der Sprachwissenschaften = History of Language Sciences: vol. 2*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001, p. 1105–1115.
- Margolin 1985 – Jean-Claude Margolin. *Science et nationalisme linguistique ou la bataille pour l'étymologie au XVIe siècle. Bovelles et sa postérité critique // The fairest flower: The emergence of linguistic national consciousness in Renaissance Europe*. Firenze, 1985. P. 139–165.
- McLean 2007 – Matthew McLean. *The Cosmographia of Sebastian Münster: Describing the World in the Reformation*. Aldershot: Ashgate, 2007.
- Metcalf 1963a – George J. Metcalf. *The Views of Konrad Gesner on Language // Studies in Germanic languages and literatures: In Memory of Fred O. Nolte*. St. Louis: Washington Univ. press, 1963. P. 15–26.

- Metcalf 1963b – George J. Metcalf. Konrad Gesner's views on the Germanic languages // Monatshefte für deutschen Unterricht, deutsche Sprache und Literatur, Vol. LV (1963). P. 149–156.
- Munsterus 1550 – Cosmographiae uniuersalis Lib. VI ... Autore Sebast. Munstero. Basileae: apud Henrichum Petri, 1550.
- Novimagus 1532 – Gerardus Novimagus. Germaniae Inferioris Historiae et loca aliquot declarata, v: Pirckeymerus, 1532.
- Orel 2003 – Vladimir Orel. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden; Boston: Brill, 2003.
- Peters 1974 – Konrad Gessners "Mithridates". Neudruck der Ausgabe Zürich 1555 hrsg. und eingeleit. von Manfred Peters. Aalen: Scientia Verl., 1974. (Einleitung: S. 5–84).
- Peters, 1987 – Manfred Peters. Sprachwissenschaftliche Tendenzen der Schweizer Reformation // Althochdeutsch: Bd. 2. Heidelberg: Carl Winter, 1987. S. 1479–1496.
- Pirckeymerus 1532 – Germaniae ex variis scriptoribus perbrevis explicatio. Authore Bilibaldo Pirckeymero, Consiliario Caesareo. Germaniae Inferioris Historiae et loca aliquot declarata, Authore Gerardo Nouimago. Genealogia ducum Burgundiae, Brabantiae, Flandriae, Hollandiae etc. ab Hectore Troiano, ad Carolum V usq. Authore Emondo Dintero. Francofurti: Chri. Egen., MDXXXII.
- Poppe 1986 – Erich Poppe. Multiplex sane linguarum ac dialectarum varietas: Zur Quellenrekonstruktion im "Mithridates" (1555) des Konrad Gessner am Beispiel des Keltischen. Münster: Inst. für Allgemeine Sprachwissenschaft der Westfälischen Wilhelms-Universität, 1986.
- Schönfeld, 1911 – M. Schönfeld. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg: Carl Winter, 1911.
- Simlerus 1555 – Epitome bibliothecae Conradi Gesneri, conscripta primum a Conrado Lycosthene Rubeaquensi: nunc denuo recognita et ... locupletata: per Josiam Simlerum Tigurinum. Tiguri: apud C. Froshoverum, 1555.
- Simlerus 1566 – Iosias Simlerus. Vita clarissimi philosophi et medici excellentissimi Conradi Gesneri Tigurini. Item, Epistola Gesneri de libris a se editis. Et Carmina complura in obitum eius conscripta ... Tiguri: Froshoverus, 1566.
- Speyer 2007 – Augustin Speyer. Germanische Sprachen: ein historischer Vergleich. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007.
- Strauss 1958 – Gerald Strauss. Topographical-Historical Method in Sixteenth-Century German Scholarship // Studies in the Renaissance, Vol. 5 (1958). P. 87–101.
- Tschudi 1538 – Aegidii Tschvdi ... de prisca ac uera Alpina Rhaetia ... Basileae: apud Mich. Isingrinium, 1538.
- Venuti 1578 – Filippo Venuti da Cortona. Dittionario Volgare, et Latino, nel quale si contiene, come i vocaboli Italiani si possono dire, & esprimere Latinamente. Bologna: Appresso Giacopo Pietro, 1578.

- Weisgerber 1969 [1931] – Leo Weisgerber. Die Sprache der Festlandkelten // id., Rhenania Germano-Celtica: Gesammelte Abhandlungen. Bonn, Ludwig Röhrscheid Verlag, 1969. S. 11–85.
- Wells 1995 – Colin Wells. Celts and Germans in the Rhineland // The Celtic World / Ed. by Miranda J. Green. – London; New York: Routledge, 1995. P. 603–620.

Summary

This paper provides some commentaries on Gessner's analysis of Gaulish personal names. I explain the omission of Gaulish examples in the discussion of names in -marus and the intrusion of pure Germanic material in -mundus, -baldus, -bertus (without any comparison with Gaulish) in the chapter, devoted to "Gallica lingua vetus". Special attention is paid to the list of toponyms in -dunum and -durum, which Gessner equates as variants of the same word: how can we understand Gessner's remark that this is termination or component of composit city names "in vetere Gallica aut etiam Germanica lingua"? Where could the grounds of attribution of Gaulish toponyms to the German language lie? I suppose that Gessner confused a linguistic argument with ageographical one. These place names are certainly not German, but the places they denote were situated mostly on the German territory (Holy Roman Empire), as it was limited in the XVI cent. The confusion of ancient testimonies about Celts/Gauls, Scyths and Germans with modern geographical reality was typical for German Renaissance scholars (Irenicus, Pirckeymerus, Glareanus, Munsterus etc.). So the list of toponyms as well as Gessner's analysis of Gaulish personal names in general were most likely intended to corroborate the hypothesis, which identified ancient Gauls with Germans (and Gaulish language with the German language). This point of view was predominant among XVI cent. German scholars.

М. В. Скржинская

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ОБИТАТЕЛИ МОРСКИХ ГЛУБИН В МИФОЛОГИИ ЖИТЕЛЕЙ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

Резюме. В статье рассмотрены найденные на Боспоре изображения Посейдона, тритонов, nereид, гиппокампов и морских драконов, а также указаны мифы, которые вдохновляли вазописцев и ювелиров, воплощавших в своих произведениях образы бога морей и его свиты. Автор приходит к заключению, что жители Боспорского царства знали популярные во всем греческом мире мифы о фантастических морских обитателях, но они не играли существенной роли в религиозных представлениях боспорян.

Ключевые слова: античная культура, религия, искусство.

Море всегда играло огромную роль в жизни эллинов. По нему пролегали пути сообщения между большинством греческих городов, которые имели торговые и военные корабли, плававшие в разные, порой весьма отдаленные страны. Греки добывали из моря рыбу и моллюсков, составлявших важную часть их питания. В морских сражениях решались судьбы многих античных государств. Все это способствовало тому, что в устных преданиях и литературе появлялось множество рассказов о владыке моря Посейдоне и фантастических обитателях морских глубин; среди них были морские нимфы nereиды, тритоны, морские драконы, кони и даже кентавры.

В религии греков Северного Причерноморья Посейдон не занимал ведущего положения, а роль покровителей мореплавателей здесь постоянно играли иные божества (Русяева 2005: 420). Однако это не означает, что на северных берегах Понта греки не знали множества мифов о боге морей и его спутниках. Судя по находкам археологов, в этом районе греческой ойкумены местом наибольшего интереса к подобным мифам было Боспорское царство. Отчасти это объясняется тем, что боспорские цари считали Посейдона своим предком. Определенные свиде-

тельства об этом дают надписи римского времени, в которых Савромат I и Рискупориды II и III названы потомками Посейдона (КБН 53, 980, 1048). Поэтому на монетах Савромат изображен стоящим с трезубцем, атрибутом бога, а рядом с бюстами Рискупорида V и Савромата IV отчеканен трезубец (Гайдукевич 1949, табл. 6, 89; Абрамзон и др. 2006: 76- 78, 108). Вероятно, традиция возводить свою родословную к Посейдону существовала уже у царей династии Спартокидов, при которых в III в. до н. э. чеканили монеты с изображением головы бога, а позже на боспорских монетах появлялись его атрибуты дельфин и трезубец (Зограф 1951: 179, 186, 195). Если в боспорских надписях изредка встречается имя Посейдона, то о других фантастических обитателях моря вообще нет упоминаний. Эту лауну можно заполнить анализом памятников изобразительного искусства из раскопок на Керченском и Таманском полуостровах.

С первых лет появления греческих ионийских колонистов на берегах Керченского пролива здесь были известны многие мифы о Посейдоне и его спутниках. Ведь ионийцы, населявшие побережье Малой Азии и острова Эгейского моря, чтити Посейдона как покровителя своего племени. По словам Геродота, (I, 148), все ионийцы собирались на празднество Панионии в честь Посейдона на мысе Микале, находившемся против острова Самоса. Там, конечно, вспоминали мифы о боге морей, могущем послать бурю, или наоборот успокоить волны. Кроме того, все греки, в том числе и боспоряне, хорошо помнили поэмы Гомера, в которых Посейдон выступал на стороне ахейцев и гневался на Одиссея.

Надо думать, что боспоряне по традиции метрополии отмечали праздник Посейдона в месяце Посейдонионе, который сохранялся в их календаре до реформы I в. до н. э. Это был повод вспомнить разные мифы о боге, которого называли в Пантикапее спасителем кораблей (КБН: № 30). В Горгиппии торжества проходили у храма Посейдона, около которого стояли его статуи (КБН: № 1134).

Памятники изобразительного искусства позволяют увидеть Посейдона глазами боспорян и узнать о некоторых мифах с его участием. Как и всюду в Элладе, бог

морей представлялся бородатым мужчиной в расцвете лет, держащий в руке трезубец – жезл, напоминавший острогу для ловли рыбы. Дельфин, его священное животное, сопровождал или возил бога, а также исполнял его поручения. Древнейшие изображения Посейдона с дельфином и трезубцем в руках находятся на кизикинских статерах, обращавшихся на Боспоре во второй половине V в. до н. э. (Мирмекийский клад 2004: № 99).

В IV в. до н. э. в Пантикапее использовали в качестве украшений золотые нашивные бляшки с изображением Посейдона, сидящего на дельфине; в одной руке он держит трезубец, а другой повод для управления животным (На краю ойкумены 2002: № 148, 149). На краснофигурной пелике того же времени вазописец иллюстрировал миф о свадьбе Посейдона и nereиды Амфитриты. Она хотела избежать брака и укрылась в пещере, но посланный богом дельфин нашел беглянку и доставил хозяину. На пелике нарисован Посейдон с трезубцем и плывущий к нему дельфин с Амфитритой на спине (Schefold 1934: № 413).

В период наивысшего расцвета дружественных отношений Афин с Боспорским царством на берегах Понта Евксинского знали миф о состязании Афины и Посейдона за обладание Аттикой. Сцена из этого мифа украшала западный фронтон Парфенона, скульптуры которого исполнил Фидий. Безусловно декор храма рассматривали многие боспоряне, посещавшие Афины (Скржинская 2002: 134–140), а один из них приобрел дорогую гидрию с изображением мифа. Центральные рельефные фигуры на этой вазе заимствованы из композиции Фидия: в центре находится оливковое деревце, рядом с ним с одной стороны стоит Афина, ударяющая в землю копьем, чтобы выросла маслина, а с другой стороны Посейдон вызывает трезубцем появление соляного источника. Дар Афины оказался предпочтительнее, и ее победу символизирует Ника, подлетающая к богине (Вальдгауэр 1914: 114).

Наибольшее количество морских фантастических обитателей включено в иллюстрации мифа о похищении финикийской царевны Европы на расписных аттических рыбных блюдах IV в. до н. э. Они найдены только на территории Боспорского государства, поэтому ученые при-

шли к выводу, что подобные изделия исполнены специально по заказу боспорян (Циммерман 1979: 89).

Наиболее подробно этот миф изложен в поэме Мосха «Европа», написанной во II в. до н. э. Поэт подробно описал, как Зевс похитил Европу, превратившись в красавца-быка. Царевна доверчиво села на спину очаровавшего ее животного, после чего бык помчался к морю, пробежал по волнам до острова Крита. Посейдон помог брату благополучно преодолеть водное пространство, на котором Европу и быка, бегущего по спокойной морской глади, сопровождали Тритоны, трубившие в раковины, дельфины и nereиды, плывущие на морских чудовищах. Прибыв на Крит, Зевс принял свой обычный божественный образ, и Европа стала его женой. Вероятно, у Мосха и афинских вазописцев был какой-то общий источник, так как стихи, написанные на два столетия позже изготовления названных рыбных блюд, очень точно иллюстрированы афинскими вазописцами. Они рисовали плывущих вслед за Европой дельфинов вместе с Тритоном и nereидой на гиппокампе, а на некоторых блюдах изображали также Посейдона. Мотив же любви Зевса передан фигурами эротов.

По верованиям греков, Тритон был сыном Посейдона и Амфитриты (Hes. Theog. 931; Lyc. 887; Polyb. VII, 91). Некогда его считали грозным морским божеством; как и его отец, он мог взволновать и успокоить море. Большая морская раковина служила его постоянным атрибутом; извлекая из нее мощный звук, Тритон обратил в бегство гигантов и уничтожил трубача Энея, пытавшегося с ним состязаться. Тритон появлялся в сказаниях об аргонавтах, он участвовал в мало известных сейчас мифах о битвах богов с гигантами и о столкновении с Гераклом (Her. IV, 179; Hyg. Astr. II, 23; Verg. Aen. X, 209).

Античные художники представляли Тритона так же, как и его отца, мужчиной в расцвете лет, но нижняя часть его туловища переходила в массивный хвост с плавником или двумя клешнями рака на конце. В эллинистический период фигуры Тритона приобрели в искусстве декоративный характер, и их стали изображать по несколько в одной картине. В составе свиты Посейдона и его сунгути

тритоны сопровождали бога и трубили в большие морские раковины. Так была украшена шкатулка с накладными костяными пластинками, принадлежавшая жителю Тиритаки (Античные государства Северного Причерноморья: 318, табл. 127, 2). В это же время появились женские соответствия тритонов. Одно из лучших изображений сохранилось на паре браслетов из Метрополитен Музея. Тритониды украшали позолоченные удила, входившие в убранство коня на азиатской части Боспора; они присутствуют в декоре саркофага из некрополя Горгиппии (Иванова 1958: 99–100, рис. 5; Власова 2004: 168, рис. 24).

Морской конь гиппокамп представлен в античной литературе и искусстве в основном как животное, перевозящее Посейдона и nereид. Это фантастическое существо имело голову и тело коня, переходящее в рыбий хвост, оканчивающийся таким же плавником или клешнями рака, как у Тритона и морского дракона. В культе Посейдона конь играл заметную роль. Недаром в гомеровском гимне (XXII, 6) бог назван укротителем коней, а одна из эпиклез бога Гиппий прямо указывала на его покровительство и связь с лошадьми (Paus. VIII, 25, 3; 37, 7). Это способствовало появлению представления о том, что Посейдону и nereидам служат морские кони. В знаменитом святилище Посейдона на мысе Микале в Малой Азии находилась статуя бога с гиппокампом в руке (Strab. VIII, 7).

Эти сказочные кони были хорошо известны на Боспоре. На чернофигурном лекифе из Пантикапея Посейдон нарисован едущим на гиппокампе (Борисковская 1997: 35, рис. 26), а nereиды, сидящие на гиппокампах, украшают расписные вазы, золотые подвески и саркофаги из раскопок Боспора. Иногда nereиды плывут на иных фантастических существах: морских драконах и кентаврах. Гиппокентавр в изобразительном искусстве встречается редко, а в Северном Причерноморье, насколько мне известно, есть лишь на одном пантикапейском саркофаге IV в. до н. э. (Иванова 1958: рис. 5). Платон в диалоге «Федр» (Phaedr. 229e) написал о «нелепых чудовищах», в числе которых назван гиппокентавр; это позволяет заключить, что такой образ присутствовал в мифологии эллинов V–IV вв. до

н. э., то есть как раз в то время, когда был сделан упомянутый саркофаг.

Гиппокампы и морские драконы иногда встречаются и как отдельные персонажи. Их фигурами украшали колесницы (Власова 2004: 106, рис. 19, 20), кольца, диадемы, нашивные бляшки. Прототипом морского дракона, вероятно, был морской конек. Его узкая морда иногда увенчивалась рогом, шея снабжалась перепончатым гребнем, чешуйчатое змеиное тело могло иметь крылья или плавники. К древнейшим изображениям морского дракона в Северном Причерноморье относятся золотые бляшки конца V в. до н. э. из кургана Куль-Оба; бляшки с подобным изображением были нашиты на одежду и покрывала в могилах курганов Большая и Малая Близница (Копейкина 1986: 47). Лучшие изображения этого фантастического животного сохранились на перстне (Уильямс, Огден 1995: 108) и на диадеме из некрополя Пантикапея (Derpert-Lippitz 1985: 275, Taf. 28). Синяя стеклянная вставка в золотой перстень изображает море, по которому плывет золотой дракон в окружении рыб. На украшенной гранатами золотой диадеме два дракона обрамляют центральную фигуру крылатой богини. Из-за отсутствия такого сюжета в письменных источниках смысл этой композиции сейчас едва ли поддается убедительному толкованию.

Среди изображений nereid, плывущих на морских фантастических существах, определенно можно выделить лишь Фетиду. Жители Северного Причерноморья нередко вспоминали мифы об этой nereide. Ведь она несколько раз появляется в поэмах Гомера, известных с детских лет каждому греку (II. I, 538; VI, 135; XVIII, 35; Od. XXIV, 75).

Художники в VI–V вв. до н. э. выбирали из мифов о Фетиде чаще всего сюжет ее свадьбы с Пелеем, а в эллинистический период рассказ о том, как nereida заказала Гефесту щит, меч, панцирь и поножи и отвезла доспехи и оружие Ахиллу сама или вместе со своими сестрами (Hom. II. XVIII, 459–476; 608–616; Hug. Fab. 106). Фетида, едущая на гиппокампе с изделиями Гефеста в руках, изображена на парных золотых подвесках из кургана Большая Близница на азиатской стороне Боспора (Уильямс, Огден 1995: № 120, 202). На рельефе одной

подвески в руках nereиды находятся поножи, а на другой – панцирь; у ног гиппокампа плывут дельфины. Фигурки nereид, везущих разные предметы вооружения, украшают серьги из кургана Куль-Оба и саркофаг из некрополя Горгиппии (Иванова 1958: рис. 4, 5, 7).

По количеству спутников бога Посейдона можно сравнить с Дионисом, постоянно изображавшимся вместе с сатирами и силенами. Но в отличие от последних бог морей и его свита не встречаются на Боспоре на предметах массового и местного производства. Это подтверждает мнение исследователей о достаточно скромной роли Посейдона в пантеоне богов Боспорского царства.

Созданные в античном искусстве образы фантастических существ получили второе рождение в произведениях европейских скульпторов и художников нового времени. В декор фонтанов они часто включали Посейдона или его римского аналога Нептуна, а также его сказочную свиту. Таков, например, самый знаменитый римский фонтан Треви: в центре его многофигурной композиции Нептун, стоящий на колеснице, ее везут гиппокампы, а тритоны держат их под уздцы. Декоративные фигуры тритонов есть и среди прославленных фонтанов Версаля (Колесница Аполлона, Пирамида).

В России увлечение образами античности достигло наибольшего расцвета в XVIII–XIX вв. Вспомним пушкинские строки из «Медного всадника»: «И всплыл Петрополь, как Тритон, по пояс в воду погружен». В наибольшем количестве морские фантастические существа встречаются в парках Петергофа. Древнее представление о Тритоне как грозном божестве воплотилось в фонтане у оранжереи в Нижнем парке: там тритон разрывает пасть морскому чудовищу. В композиции фонтана «Нептун» в Верхнем парке бог морей с трезубцем в руке представлен в окружении тритонов и гиппокампов. Два тритона, трубящие в раковины, венчают Большой каскад, у его подножья на борту бассейна находятся две тритониды с детьми тритонами. Мальчики тритоны поддерживают чаши в двух фонтанах «клоши» близ павильона Марли, а морские драконы сторожат грот каскада «Шахматная гора».

Литература

- Абрамзон и др. 2006 – Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Куликов А. В., Смекалова Т. Н., Иванина О. А. Клады античных монет из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Киев.
- Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- Борисковская 1997 – Борисковская С. П. Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикапея // Труды Гос. Эрмитажа.
- Вальдгауэр 1914 – Вальдгауэр О. Императорский Эрмитаж. Краткое описание античных ваз. СПб.
- Власова 2004 – Власова Е. В. Курган Васюрина гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб.
- Иванова 1958 – Иванова А. П. Анапский саркофаг и деревянная резьба на Боспоре в эпоху эллинизма // Труды Гос. Эрмитажа. Вып. 2.
- Гайдукевич 1949 – Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М., Л.
- Зограф 1951 – Зограф А. Н. Античные монеты. М.
- Копейкина 1986 – Копейкина Л. В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торговля. Л.
- КБН – Корпус боспорских надписей. М., Л., 1965.
- Мирмекийский клад. СПб., 2004.
- На краю ойкумены. СПб., 2002.
- Русяева 2005 – Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев.
- Скржинская 2002 – Скржинская М. В. Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // ВДИ. № 2.
- Уильямс, Огден 1995 – Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н. э. СПб.
- Циммерман 1979 – Циммерман К. Фрагменты аттических блюд в Эрмитаже // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.
- Deppert-Lippitz 1985 – Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein.
- Schefold 1934 – Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen. Berlin; Leipzig.

Fantastic marine creatures in the mythology of inhabitants of Bosporian kingdom

Hellenes all around the Greek world told many myths about Poseidon and his companions. In the Bosporian inscriptions there are only a few mentions of the sea god while other sea creatures are not mentioned there at all. Articles of fine art found on the Kerch and Taman peninsulas help us close this gap.

Poseidon, Amphitrite and their son Triton, as well as sea horses and dragons are depicted mainly on foreign (non-Bosporian) vases and jewellery. But they are rarely present on the masterpieces of local craftsmen. We point out the myths that inspired ancient jewellers, vase painters and masters who produced valuable sarcophages. These findings lead us to the conclusion that Bosporians were aware of the famous Greek myths about fantastic marine creatures, but these myths didn't play a substantial role in their religious practice.

А. Г. Следников

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРС РАЗГОВОРНОЙ ЛАТЫНИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Резюме. Статья посвящена проблемам создания современного русского курса разговорной латыни для студентов вузов. «Живая латынь» уже представлена в ряде отечественных пособий, однако пока еще отсутствует коммуникативный курс для русскоязычных пользователей. Автор статьи рассматривает соответствующие зарубежные и дореволюционные русские пособия на предмет их адаптации для создания аналогичного отечественного курса. Приложение включает коммуникативные материалы к планируемому курсу разговорной латыни для российских студентов.

Ключевые слова: «живая латынь», курс разговорной латыни, навыки говорения и письма на латыни, лексико-коммуникативные упражнения, латинские неологизмы.

Ограниченные рамки статьи побуждают нас оставить вне рассмотрения вопросы практической значимости и языковой нормы современной, так называемой «живой латыни»¹. Однако, несмотря на противоречивое, иногда тенденциозное восприятие ее со стороны западных и, в большей степени, отечественных классиков, бесспорен сам факт сохранения в наши дни письменной и разговорной формы латинского языка. Сфера применения «живой латыни» не ограничивается сегодня международными конгрессами и семинарами, новолатинской художественной и учебной литературой², периодическими изданиями и академическими кружками. С появлением в последние годы в сети Интернет многочисленных латинских сайтов и

¹ Термин «живая латынь» был, по-видимому, впервые введен в употребление в 1924 году немецким педагогом Г. Розенталем, в преподавательской деятельности которого говорение на латыни занимало видное место (Stroh 2001).

² Очерк истории движения «живой латыни» в современной Европе (Fritsch 1990: 65–73).

форумов «живая латынь» приобретает все более массовый характер. Целевая группа «виртуальной» латыни может включать в себя как специалистов-классиков, так и любителей с начальным уровнем владения языком³.

В данных обстоятельствах излишне говорить о насущной необходимости дидактического осмысления и систематизации этого прикладного узуса латинского языка, о разработке специальных коммуникативных методик, о своевременности издания лексикографических и учебно-методических пособий, целями которых явилось бы как обучение лексике и неологизмам «живой латыни», так и развитие коммуникативных навыков обучающихся. В отечественной классической филологии уже имеются пока еще немногочисленные пособия, так или иначе знакомящие с «живой латынью», среди которых выделяются работы А. В. Подосинова (Подосинов 1993–2000; 1998; 2002), А. И. Солопова (Солопов 2008), А. М. Белова (Подосинов 2002), М. Т. Дьячка (Дьячок 1997; 1999), И. Н. Громыко (Громыко 2000) и других авторов.

Обстоятельный обзор практически всего пласта коммуникативной учебной литературы по латинскому языку выполнен А. И. Солоповым (Солопов 2008: 124–139). Им рассмотрены пособия, появившиеся с Античности вплоть до нашего времени, большей частью в европейских странах. По своему виду их можно разделить на три группы. Первая группа представлена разговорниками⁴, ко второй относятся учебники и сборники тематических текстов (которые аналогичны пособиям, широко применяющимся

³ Любопытная в данной связи информация была заявлена в докладе М. Н. Крючкова “De lingua Latina viva in academiis theologicis docenda”, прочитанном на конференции УМО по классической филологии, византийской и новогреческой филологии, состоявшейся при кафедре классической филологии МГУ в январе текущего года. Согласно докладу, священноначалие МДАиС намеревается ввести в 2010–2011 учебном году в стенах главного духовного заведения страны факультативный курс «живой латыни».

⁴ Это характерно, главным образом, для пособий эпохи Возрождения и Нового времени.

сегодня при изучении современных иностранных языков), третью группу составляют словари.

Тем не менее, рассматривая возможность использования этой литературы при изучении «живой латыни» сегодня, мы можем столкнуться с проблемой адаптации ее для нужд российских учащихся. Одна из причин такой адаптации видится нам в том, что данные пособия, как правило, не рассчитаны на русскоязычного читателя, не владеющего иностранными языками. Отечественная же учебная литература по разговорной латыни либо издавалась еще в дореволюционной России, и по этой причине давно стала библиографической редкостью⁵, либо, за единичными исключениями⁶, еще только ожидает своего появления на свет. Второй причиной требуемой адаптации может стать несоответствие реалий, излагаемых иностранными латинскими разговорниками, современной российской действительности. Наконец, третьей (и весьма важной!) причиной мы бы назвали необходимость разработки комплекса лексико-коммуникативных упражнений по формированию и развитию навыков говорения и письма на латинском языке у учащихся. Насколько мы можем судить, большинство⁷ составляющих вторую группу современных иностранных учебных пособий по «живой

⁵ Из числа русско-латинских разговорников, опубликованных в дореволюционной России, А. И. Солопов указывает на пособие С. М. Ивашковского: *Colloquia Rossico-Latina, in vita communi usitatissima, divisa in lectiones, vocabulis minus vulgaribus con-comitatas, quibus sub finem addita sunt etiam aliquot proverbia et voces Latini sermonis synonymae, in gratiam Rossicae juventutis edita ab E. P. S. I.*

⁶ Среди отечественных латинских разговорников, вышедших в свет в последние годы, нам известны только два: Прусаков В. В., Казаков Г. А. *Latinitas in usu. Русско-латинский разговорник*. М.: Фак. иностр. яз. и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, 2006; второй же, будучи электронным, размещен на сайте <http://linguaeterna.ru>.

⁷ Редчайшее исключение из нашего тезиса представляет собой учебник С. Desessard. *Le latin sans peine*. Chennevières-sur-Marne, 1966, в котором, однако – поскольку он издан во Франции – языком описания является французский.

латыни» либо представляют собой лишь сборники тематических текстов с приложением латинско-иноязычного и иноязычно-латинского словаря активной лексики (Albert 1987), либо содержат *minimum minimorum* коммуникативных упражнений (Patrick 2007).

Содержательная специфика курса разговорной латыни позволяет утверждать его исключительно факультативную форму организации. Такой факультатив может явиться продолжением общеобразовательного курса латинского языка, читаемого на исторических, юридических, биологических факультетах и факультетах иностранных языков вузов в первый год обучения. Поскольку общеобразовательный курс латинского языка отличают совершенно иные цели, методы, содержание обучения и – как правило – ограниченное количество аудиторных часов, то попытка «втиснуть» «коммуникативную» латынь в рамки общеобразовательного курса представляется недопустимой. Однако отдельные элементы говорения на латыни в рамках обычного курса (Подосинов 1996: 52) «могут или даже должны стать рациональным дополнением и обогащением урока» (Fritsch 1990: 76).

Задуманный нами элементарный курс разговорной латыни для студентов вузов преследует две основные цели: ознакомление учащихся с общепринятыми сегодня новолатинской лексикой и неологизмами и развитие у них начальных навыков устной и письменной речи на латинском языке в пределах тем повседневного общения. Выбор тем не является оригинальным, во многом он повторяет тот традиционный канон коммуникативных ситуаций, сложившийся для данного типа современных пособий, как по новым иностранным языкам, так и по латинскому языку (Albert 1987; Patrick 2007). Ниже мы приводим перечень коммуникативных тем-уроков нашего пособия:

I. *Salvēte, amīci!*

II. *“Vivat acadēmīa, vivant professōres!”*

III. *De familia mea*

IV. *De habitatiōne mea*

V. *De rēbus per diem faciēdis*

VI. *Ab ōvo ūsque ad mālā*

VII. *Sic trānsit tempus subsicivum*

VIII. In pantōpōlīo

IX. De itinēre Iaroslaviēnsi

X. De Rutēnia patria nostra

XI. Epistūla

Структура уроков учебного пособия также является вполне традиционной. Каждый урок включает в себя:

– текст бытовой тематики, имеющий форму учебных лексических тем⁸;

– лексико-грамматические упражнения, направленные на формирование и развитие начальных навыков говорения и письма на латинском языке, а также на развитие практических навыков употребления того или иного грамматического явления. Подача грамматического материала не преследует здесь принцип последовательного возрастания от простого к сложному, а определяется лексическим материалом конкретной разговорной темы. Характер упражнений разнообразен (подстановочные, вопросно-ответные, упражнения на преобразование структур и т. д.). Очень важными являются упражнения на перевод с русского языка на латинский;

– диалог на тему текста урока с лексическими упражнениями к нему.

В конце пособия помещаются латинско-русский и русско-латинский словари коммуникативной лексики и оборотов речи, встречающихся в книге.

Одной из самых сложных и неоднозначных видится нам проблема отбора лексического материала для курса разговорной латыни. С одной стороны, современная «латинская периодика ... позволяет создавать относительно устойчивую традицию использования одних и тех же слов» (Солопов 2008: 598), среди которых имеется большое количество неологизмов, отражающих реалии нашего времени. Тем не менее, нам представляется, что в условиях утраты аутентичной языковой нормы латыни по причине

⁸ Такая организация материала положена, например, в основу вышеозначенных пособий: Albert 1987; Patrick 2007 и – согласно А. И. Солопову (Солопов 2008: 243) – в основу пособия Mir I. M. Nova verba Latina. Barsinone, 1970.

отсутствия ее естественных носителей, выбор новолатинской терминологии в значительной мере обуславливается принадлежностью коммуниканта к той или иной школе, либо его личными пристрастиями. Отсюда проистекает вариативность в толковании одних и тех же понятий современной действительности на латинском языке, которую мы можем наблюдать, например, при сопоставлении географических названий и новолатинской терминологии, используемых Саарбрюккенским Латинским обществом (*Societas Latina Saravipontana*) с топонимами и неологизмами, предложенными А. И. Солоповым (Солопов 2008: 407–656). В процессе отбора лексики для нашего пособия мы столкнулись с противопоставлениями типа: *Iaroslavia*, -ae f – *Georgiopolis*, -is f (прил. *Iaroslaviensis*, -e – *Georgiopolitanus*, -a, -um); *universitas* (-atis f) *studiorum* – *academia*, -ae f; *telesorium*, -ii n – *teleopter*, -eris m и т. д. По нашему мнению, оба эти подхода суть отражение двух противоположных традиций использования латинского языка – средневековой и гуманистической. За основу нашего пособия мы приняли лексику первого типа, указывая, однако, в словарях-приложениях все известные нам синонимы данного слова, с обязательной маркировкой источников и необходимыми комментариями.

С другой стороны, помня о необходимости «соблюдать правила и структурные особенности латинского языка» (Маадла 1984), мы, отказавшись от сомнительного экспериментирования, стремимся ограничиться лишь тем лексическим материалом, который предлагают общепризнанные пособия по разговорной латыни. Используемая нами литература представлена такими авторами, как Эразм Роттердамский (Erasmus) и Х.-Л. Вивес (Vives); Г. Капеллан (Capellanus 1905), Ц. Эйхензеер (Eichenseer 1982) и С. Альберт (Albert 1987; 2001); С. М. Ивашковский (Ивашковский 1849–1853); А. В. Подосинов (Подосинов 1998; 2002), А. И. Солопов (Солопов 2008), А. М. Белов (Подосинов 2002); М. Т. Дьячок (Дьячок 1999) и И. Н. Громыко (Громыко 2000); также нами привлекаются материалы журнала *“Vox Latina”* и газеты *“Memento audere semper”*. Образцы текстов и упражнений, составляющих первую

главу нашего пособия, приводятся в Приложении к настоящей статье.

На этих страницах мы затронули лишь немногие ключевые, по нашему представлению, проблемы, касающиеся создания методического пособия по разговорному латинскому языку. Надеемся, что в условиях постепенного возрождения классического образования в современной России и реформирования отечественной системы образования по западным стандартам этот вид латинской учебной литературы вновь будет востребованным, как некогда в прошлом. Nil sub sole novum.

Приложение

Материалы к элементарному курсу разговорной латыни
для студентов вузов

SAPVT PRIMVM: SALVETE, AMICI!

Convertite textum in Russicum:

Salvētē, amīci! Quōmodo vōs habētis? Sī valētis, bene est, ego valeo. Nōmen mihi est Dēmētrius Ivanov, ego Iaroslaviam habito. Viginti iam annōs habeo et sum studiōsus: in ūniversitatē litterārum linguis peregrinis studeo. Expedītē Anglīcē ac Theodiscē loquor, nunc autem Latīnum disco. Latīnum meum plūs minus bonum est, quā de causā summō studiō in littēris versor.

Tempore subsicivo institutiōnem subsidiāriam dō, liberos et adultos Anglīcē et Theodiscē ūtī doceo. Vesperi saepissime lectiōni indulgeo. Magna est mihi librōrum cōpia, librī dum novi et vetēres et Russīci et peregrīni intersunt. Plērumque opēra classicōrum, ut vocant, scriptōrum Russicōrum fabulasque historicas lego. Ergo vesperi in sessibulo sedens sēmihōram in legēdo dēgo.

Amicitia mea et multa et varia est. Sunt enim, cum quibus quotidiē communiōnem in aedibus acadēmicis vel domi vel in pūblico praesentem habeo, et cum quibus commercium epistularum teneo. Magnum in ultimis mihi auxilium Interrētium fert. Placet, magistro absente nōs acquirere facultates Latīnē scribēndi quoque loquēndi per Interrētium posse. Numerōsa sunt enim fora hodiē ac locutōria Latīna, en tantum duo: <http://linguaeterna.ru> et <http://schola.ning.com>. Advenitē!

Exercitationes

I. Complēte lacūnas, rēctis verbōrum fōrmis ūtēntes:

vocāris / est / vocātur / vocor / est / vocarisne /
sumus / vocāntur / sunt / estis / sum

a) ☐ Quis <u>vocāris</u> ?	e) ☐ Quis _____?
• Ego <u>vocor</u> Ioannes.	• Nomīna illis _____ Andreas et Paulus.
b) ☐ Quae _____?	f) ☐ Quis _____?
• Nōmen mihi _____ Iulia.	• Collēgae _____.
c) ☐ Quis _____ Alexander?	g) ☐ Quā professiōne fungēris?
• Ego _____.	• Ego magister _____.
d) ☐ _____ Helena?	
• Ita _____.	

II. Complēte lacunas, rectis verborum terminationes utentes:

1. Magister studiōsos salut_. 2. Mihī cantā_ placet. 3. Līberī lūd_ (играют). 4. Dēmētri, quid hodiē ag_? (делаешь) 5. Ad studiōrum ūniversitātem proper_. (спешу). 6. Quid scrib_? (пишете). 7. Bene ambūl_! 8. Ubi labor_? (работаете) 9. Optimē disc_ (учится). 10. Petropōlem habitā_ (живем). 11. Unum frātrem et ūnam sorōrem habe_ (имею). 12. Quam longē Latīnum disc_? (изучаете). 13. Inscrīb_ (напиши), quaeso, hōc in tabulā! 14. Moscoviā ven_ (мы приезжаем). 15. Unde ven_? (идешь) – ē theātro. 16. Hōra septīma surg_ (она встает). 17. Nolīte ad me venī_ hodiē.

III. Complēte lacūnas, rēctis verbōrum terminatiōnes ūtēntes:

1. Tempōr_ subsicīv_ amīc_ meos visīto. 2. Pater fili_ su_ salūtat. 3. Epistūl_ accipit. 4. Omnes homīnes pārēnt_ habent. 5. Quot līberī in famili_ tu_? 6. Nōm_ amīcis meis sunt Petrus et Alexīus. 7. Ubi cōgnāti tui habitānt? – Quīdam Plescovi_, cēteri Neapōl_ Inferiōr_. 8. Quot ann_ habes? – Duodevīgintī ann_. 9. Milia studiōs_ in acadēmīa nostra discunt. 10. Quot lingu_ loquēris? – Duo: Anglīc_ et Francōgallīc_. 11. Quis est homo, qui multum tempōr_ subsicīv_ habēret? 12. Scisne lingu_ Latīn_? – Haud multum scio.

IV. Convertīte interrogāta in Latīnum et ad haec respondēte:

1. Как зовут молодого человека? (iuvenis, is m)
2. Где он живет и сколько ему лет?
3. Где учится и что изучает Дмитрий?
4. На каких (quibus) иностранных языках говорит Дмитрий?
5. Как он проводит свое свободное время? (tempus subsicivum peragere, 3)
6. Есть ли друзья у Дмитрия? Кто они?

7. Каким образом (quōmodo) Дмитрий учится писать и говорить по-латыни?

8. С какой целью (quid est causae, cur...) мы учимся писать и говорить по-латыни?

V. *Convertite dialōgum in Russicum:*

- Avē! Ecquid grātum mihi facies?
- Cupio. Dīc, quid est?
- Prīmō hic adsum et nunc decanatum quaero.
- Incipisne annum acadēmicum primum? Quid est tibi nōmen?
- Nīcolāus.
- Saluum gaudeo tē advenīre, Nīcolā! Ego vocor Cōstantīnus. Unde venis?
- Rostoviā. At tū?
- Iaroslaviā. Sed non sum dē hāc acadēmīa, nam in studiōrum ūniversitāte disco paedagōgicōrum.
- Itane? Neque non in schola historicōrum?
- Hāc dēmum schola, rēctē dīcis!
- Soror mea Tatiana, Orlova cōgnomīne, ibīdem discit.
- Ain' tū? Tatiana Orlova, quae anno in natāndo Olympia vīcit? Quo facto non tantum et ūniversitāti studiōrum nostrae et urbi in dēlicīis facta est, sed etiam terrae tōtae!.. Rēvērā autem per televisōrium saepius vidētur, quam in aedībus acadēmicis.
- Hodiē quidem domo adest. Sī placet, venī ad convīvium.
- Grātiās ago! Quod ad decanatum tibi inveniēndum, ecce auditōrium ducentesīmum octāvum.

VI. *Estne hōc rēctum? Estne hōc falsum?*

1. Nicolaus est studiōsus, qui ad annum finem disciplīnae faciet.
2. Cōstantīnus, disciplīnae historiae studiōsus, Nīcolāo viam ad decanatum mōnstrat.
3. Uterque iuvenis Iaroslaviā habitat.
4. Tatiana, Cōstantīni soror, natātōrix praeclāra, Olympia nūper vīcit.
5. Tatiana natātīōnis causā scholas saepissimē praetermittit.
6. Professōres et magistri acadēmici, etsī Tatianae absentiam vitupērānt, tamen victōriis eius gaudent.
7. Tātianā domo adsēnte Nīcolāus Cōstantīnum ad coenam vocat.

VII. *Complēte tabūlam:*

	Cōstantīnus	Nīcolāus	Tatiana
Urbs, quam habitat			
Professio			
Activitātes acceptissimae			

Литература

- Дьячок 1997 – Дьячок М. Т. Русско-латинский словарь. Новосибирск: 1997.
- Дьячок 1999 – Дьячок М. Т. Основы латинского языка. М.: Приор, 1999.
- Громыко 2000 – Громыко И. Н. Русско-латинский словарь. – Минск: Новое знание, 2000.
- Ивашковский 1849–1853 – Ивашковский И. Полный русско-латинский словарь. Тт. 1–4. СПб., 1849–1853.
- Маадла 1984 – Маадла Ю. Й. О современных попытках «оживления» латыни как языка международного общения // *Interlinguistica Tartuensis*. 3, 1984. С. 58–72 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/linguistics3/maadla-84.htm> (30.05.2010).
- Подосинов 1993-2000 – Подосинов А. В., Щавелева Н. И. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную культуру. Части I-III. Основной курс. М.: Флинта: Наука, 1993–2000.
- Подосинов 1996 – Подосинов А. В. Латинский язык в школе. История, задачи и методика преподавания. М.: Русское слово / Импэто, 1996.
- Подосинов 1998 – Подосинов А. В., Козлова Г. Г., Глухов А. А. LINGUA LATINA. Латинско-русский словарь. М.: Флинта: Наука, 1998.
- Подосинов 2002 – Подосинов А. В., Белов А. М. LINGUA LATINA. Русско-латинский словарь. М.: Флинта: Наука, 2002.
- Солопов 2008 – Солопов А. И. Начала латинской стилистики. – М.: Индрик, 2008.
- Albert 1987 – Albert S. *Cottitiae Latine loquamur. Textus de rebus cottidianis hodiernisque*. Saraviponti – Saarbruecken, 1987.
- Albert 2001 – Albert S. *Cottidianum vocabularium scholare Theodisco-Latinum, Latino-Theodiscum, Francogallico-Latinum, Latino-Francogallicum*. Saraviponti – Saarbruecken, 2001.
- Capellanus 1905 – Capellanus G. *Sprechen Sie Lateinisch? Moderne Konversation in lateinischer Sprache*. Dresden und Leipzig, 1905.
- Eichenseer 1982 – Eichenseer C. *Latinitas viva. Pars lexicalis*. Saraviponti – Saarbruecken, 1982.
- Erasmus – Desiderius Erasmus. *Colloquia familiaria* [Электронный ресурс]. URL: <http://stoa.org/colloquia/> (30.05.2010).
- Fritsch 1990 – Fritsch A. *Lateinsprechen im Unterricht. Geschichte – Probleme – Möglichkeiten*. – Bamberg: C. C. Buchners Verlag, 1990.
- Patrick 2007 – Patrick R., Piazza J. *Colloquia Cottidiana. An Introduction to Everyday Useful Latin. Preliminary draft*. Copyright © 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://johnpiazza.net/colloquia_cottidiana_draft_1.pdf (30.05.2010).
- Stroh 2001 – Stroh W. *Lebendiges Latein // Der Neue Pauly. Rezeptions- und Wissenschaftsgeschichte*. Bd. 15. Stuttgart /

- Wiemar, 2001. S. 92-99 [Электронный ресурс]. URL: http://lrz-muenchen.de/~stroh/schriften/artikel_lat.html (30.05.2010).
- Vives – Vives J. L. Exercitatio Linguae Latiunae [Электронный ресурс]. URL: <http://stoa.org/colloquia/> (30.05.2010).

Summary

The present article considers the key problems of creating the modern elementary course in spoken Latin intended for Russian students. *Latinitas viva* – living Latin is a movement within the modern Classical Philology, which has been intensively developed in the XX century in Europe, lately it has also gained wide popularity in our country. This phenomenon is fixed of some native textbooks, dictionaries and monographs, which familiarize Russian readers with this applied use of Latin. However, there is no course in spoken Latin intended for Russian students, the actuality of which is constantly increasing. The author of the paper points out the necessity of learning rich foreign and pre-revolutionary native experience in teaching living Latin, which must be adopted for the needs of today's Russian students. In analyzing relevant educational supplies (Latin phrasebooks and topic books) the author sorts out a number of essential substantial and structural characteristics, which should be considered for the making of the modern elementary course in spoken Latin.

The Appendix of the article contains model communicative materials (a text with a dialog and lexical and grammatical exercises) for the planned course in spoken Latin intended for Russian students.

The present article is addressed to specialists in Classical Philology, methodologists, students and those who are interested in communicative methods in teaching Latin.

А. И. СОЛОПОВ

К ЭТИМОЛОГИИ ЛАТИНСКОГО *OCREA*

Резюме. В статье предлагается выводить лат. *ocrea* (*ocreae*), до сих пор не получившее удовлетворительного этимологического объяснения, из основы *ocris* “скалистый пик”, а в качестве первоначального значения предлагается “одежда для гор”. В процессе анализа гипотетически выделен новый суффиксальный комплекс *-ea*, представленный также в *uīnea*, *ōreae* (откуда *aureae*), *carrea*, *rīnea*, *pīcea*.

Ключевые слова: латинский язык, этимология, итальянские языки, топонимия.

Существительное *ocrea* ~*ae*, f. (обыкн. pl. *ocreae*) «1. наголенник, pl. поножи, ножные латы» = κνημίς; «2. гамаша, краги» (Mor. 120) впервые засвидетельствовано у Варрона (Varr. I. L. V 116: *ocrea*, quod opponebatur ob crus) (*cognomen*: C. Luscus Ocrea Cic. Q. Rosc. com. 43; *adde* Val. Fl. VI 251 (iam cuspis inest nec fragmina curat / Ambenus et trunco medium subit Ocrea ligno); *deriu.*: *ocreātus* Plin. n. h. XIX 27 (*ocreatis* *cruribus*); Hor. sat. II 3, 234).

Его этимология остаётся спорной:

«dub.» – Chadwick ap. Glare;

«cf. *ocris*?» – (Gaffiot, Flobert 2000);

«Peut-être mot d'emprunt à une langue non indo-européenne» (Ernout, Meillet 1985: s. u. *ocreae*);

«zu *ocris*, *ācer* (Vaniček 5; vgl. Fest. p. 181...); Substantivierung eines Adj. **ocreus* "scharfkantig" ...» (Walde, Hofmann 1938-1956: i. u. *ocrea*).

Исход *-ea* обнаруживается ещё в нескольких словах:

uīnea (тж. *uīnia*) ‘виноградник’,

ōreae (тж. *ōriae*) ‘поводья’ (откуда гиперкорр. класс.

aureae),

carrea ‘косуля’,

rīnea ‘шишка’,

pīcea ‘ель’.

Эта компактная, но довольно чётко выделяемая группа объединяется тем, что составляющие слова представляют собой производные от существительных (различных склонений), а также тем, что с точки зрения семантики они не поддаются (как, например, *linea*) выведению из суффикса *-eus* со значением материала (типа *aureus*, *charteus*, *ligneus*). По-видимому, речь идёт об устойчивом суффиксальном комплексе (по происхождению, может быть, близкому к *-iae* в *antiae* 'чёлка'), к которому относится и анализируемое *osrea*.

В отношении корня слова *osrea* представляется вполне правдоподобной давно высказанная точка зрения, связывавшая его с хорошо известной в итальянских и других индоевропейских языках основой со значением «скалистый пик, (остроконечная) гора», представляющей собой ступень аблаутного чередования к прилагательному «острый»:

лат. *ocris* ~*is*, m. 'mons confragosus' (L. Ateius Praetextatus ap. Fest. 181, 18) (большинство цитат – из Ливия Андроника) (*deriuata*: *mediocris* (*superl.* *medioximus* (*medioxumus*) – *adu.* *medioxime* Varr. Men. 320), *mediocriculus* Cato ap. Fest. 142, 17 (Gaffiot, Flobert: «dim. de *mediocris*»);

умбр. *ukar*, *osar* (*acc.* *ocrem*) 'arx, mons';

марруцинск. *ocres* 'montis' (Ernout 1909: 205);

ср.-ирл. *ochar* (*ochair*) 'Ecke, Rand', галльск. *ochr* 'край';

греч. ὄκρις ~ιός f. 'Bergspitze, Kante' (WH.); 'jagged point or prominence, any roughness on an edge or surface, as of a fractured bone' (LSJ.), Hippocr. art. 14;

прил. ὄκρις ~ίδος m., f. Aesch. Prom. 1016 (φάραγγι) 'rugged' (LSJ.) (= ὄκριόεις) – LSJ.;

ὄκριόεις Hom. Il. IV 518 *al.* 'spitzig' (WH.);

хетт. *ḫekur* 'скалистый пик'.

При этом материал итальянских языков не даёт оснований думать, что этот корень приобрёл в них переносное значение «выступающая часть (чего-л., напр., кости)», подразумеваемое в этимологии Вальде-Гофманна (развивающей идею Веррия Флакка: *ocrem...unde fortasse etiam ocreae sint dictae inaequaliter tuberatae* – Fest. 181, 23–24), но

зато хорошо засвидетельствовал значение «гора» – прежде всего в топонимии:

Ocriculum ~i, n. Liu. XXII 11, 5; XXX 19, 10; Flor. II 6; Tac. hist. III 78; Plin. n. h. III 53; Plin. ep. VI 25, 1 (Ocriculum ~i, n. Flor. I 1) (< ocri- + *kuel- ‘поселение близ горы’, в словообразовательном отношении cf. Aequicolus) (откуда *adi. Ocriculanus* ~a ~um Cic. Mil. 64 (in uillam Ocriculanam), Ocriculenum (*audi praedium*) Plin. ep. I 4, 1 (in Ocriculano), *inc. Ocriculani* Liu. IX 41, 20; Plin. n. h. III 114);

Ocra Plin. n. h. III 131 (Venetos Troiana stirpe ortos auctor est Cato, Cenomanos iuxta Massiliam habitasse in Volcis. Fe<tr>trini et Tridentini et Beruenses Raetica oppida, Raetorum et Euganeorum Verona, Iulienses Carnorum. dein, quos scrupulosius dicere non attineat, Alutrenses, Asseriates, Flamonienses Vanienses et ali< cognomine C<a>rici, Foroiulienses cognomine Transpadani, Foretani, Nedinates, Quarqueni, Taruisani, Togienses, Varuari. (131) in hoc situ interiere per oram Irmene, Pellaon, Palsicium, ex Venetis Atina et Caelina, Carn<i>s Segesta et Ocra, Tauriscis Noreia);

гора Ocra: Ὀκρά f. Strab. IV 6, 1; IV 6, 10 (*bis*); V 1, 3; VII 5, 2 (*ter*); Ptol. II 12, 1; III 1, 1 (Norden 1934: 289);

Subocrini Plin. n. h. III 133 (incolae Alpium multi populi, sed illustres a Pola ad Tergestis regionem Fecusses, Subocrini, Catali, Menoncaleni iuxtaque Carnos quondam Taurisci appellati, nunc Norici. his contermini Raeti et Vindelici, omnes in multas ciuitates diuisi. Raetos Tuscorum prolem arbitrantur a Gallis pulsos duce Raeto);

Interocrea: Ἰντεροκρέα Strab. V 3, 1 (κώμη);

Cominium Ocrito: Liu. XXV 14, 14 (Hanno ab Cominio Ocrito, quo nuntiata castrorum clades est, cum paucis frumentatoribus quos forte secum habuerat fugae magis quam itinervis modo in Bruttios rediit)

(топонимия других индоевропейских языков:

Ὀκρίον ἄκρον Ptol. II 3, 2 (мыс на юго-вост. Британии) (= Δαμνόνιον ἄκρον); II 3, 3).

К той же основе относятся, по-видимому, и некоторые итальянские антропонимы:

Ocresia ~ae, f. Plin. n. h. XXXVI 204 (non praeteribo et unum foci exemplum Romanis litteris clarum: Tarquinio Prisco regnante tradunt repente in foco eius comparuisse

genitale e cinere masculi sexus eamque, quae insederat ibi, Tanaquilis reginae ancillam Ocresiam captiuam consurrexisse grauidam. ita Seruium Tullium natum, qui regno successit. inde et in regia cubanti ei puero caput arsisse, creditumque Laris familiaris filium. ob id Compitalia ludos Laribus primum instituisse);

Ocres Sil. X 32 (tandem inclinato cornu sine more ruebat / prima acies, non parca fugae. Labienus et Ocres / sternuntur leto atque Opiter quos Setia colle / uitifero, celsis Labienum Cingula saxa / miserunt muris. iunxit fera tempora leti / Sidonius non consimili discrimine miles).

Наиболее правдоподобным толкованием представляется, таким образом, понимать *ocreae* как «горная (одежда), одежда для (каменистых) гор».

Литература

- Ernout 1909 – A. Ernout. Les Éléments dialectaux du vocabulaire latin. Paris: Champion, 1909.
- Ernout, Meillet 1985 – A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Retirage de la 4-е édition, augmentée d' additions et de corrections nouvelles par J. André. Paris, 1985 (= 1994).
- Gaffiot, Flobert 2000 – F. Gaffiot, Dictionnaire Latin-Français. Nouvelle édition revue et augmentée sous la direction de Pierre Flobert. Paris, Hachette, 2000.
- Norden 1934 – E. Norden. Alt-Germanien, Völker- und Namensgeschichtliche Untersuchungen. Leipzig und Berlin: Teubner, 1934.
- Walde, Hofmann 1938–1956 – A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3., neubearb. Aufl. v. J. B. Hofmann, Bde. I-II. Heidelberg, 1938–1954. Registerband, zusammengestellt v. E. Berger. Heidelberg, 1956.

Summary

In the paper Latin *ocrea* (*ocreae*) which still has no sufficient etymology is derived from the theme *ocris* 'rugged mountain' with the principal sense of 'mountain clothes'. In the process of analysis, a new suffixal complex is hypothetically discerned: *-ea*, as present in *uinea*, *oreae* (whence *aureae*), *caprea*, *pineae*, *piceae*.

Е. А. Сорокина

КТО ТАКИЕ ПРАГЕРМАНСКИЕ *DRUHT-?

Резюме. Статья посвящена семантической реконструкции прагерманской праформы **druht-*. В работе, построенной на анализе готских, англосаксонских и древнеисландских текстов, установлено ее первичное значение и выдвинуто предположение о возможном количестве ее членов.

Ключевые слова: древние германцы, готские, англосаксонские, древнеисландские тексты, **druht-*, Тацит.

В современной германистике не существует единой точки зрения на значение праформы **druht-*. Традиционно считается, что она относится к словам, отражающим военную деятельность древних германцев, и имеет значение 'дружина' или 'группа воинов'. Отсюда и соотнесение её с латинским словом *comitatus*, термином, использованным Тацитом для описания особого военного института древних германцев, основанного на отношениях, с одной стороны, партнёрских, с другой — иерархических. «В комитате есть вождь, ветераны и новобранцы, воплощающие различные категории возраста и компетентности, учителя и ученики. Наличие подобной стратификации, предполагающей иерархические отношения, однако, не исключает, а, напротив, подчеркивает стремление к равенству, порождаемому общностью жизней и судеб» (Кардини 1987).

По мнению П. Футе и Д. Вилсона именно такое воинское образование в древнеисландском языке называлось *drótt*, а его предводитель — *dróttin*. Членами комитатус могли быть *húskarlar*, 'хускарл'¹, *drengr*² 'воины,

¹ «Словом *húskarlar*, обозначали работников, 'дворовых', в рунических надписях эпохи викингов так называли королевских дружинников» (Мельникова 1977: 186, 188).

² «*Drengir* зовутся лишенные надела юноши, добывающие себе богатство или славу; *fardrengir* (от *far* — „поездка“). — Е.М.) те, кто ездят из страны в страну» (Мельникова 1977: 187).

члены экипажа корабля' и *þegn* 'зрелый закалённый воин' (Foote, Wilson 1970: 425–426).

С таким предположением можно было бы согласиться, если бы не противоречивый фактический материал. Во-первых, нами не отмечено ни одного случая перевода латинского *comitatus* словами, восходящими к праформе **druht*-. Во-вторых, с одной стороны, существование особого воинского института у ранних древних германцев вызывает сомнения. Так, несмотря на достаточно многочисленные сведения о древних германцах, только Тацит даёт специфическую информацию о германских комитатусах (Тацит 1993: 242–243). Однако, подчеркивая верность лидеру сообщества его членами, он никогда не использовал латинское слово *fides* 'вера, доверие', которое являлось важнейшим существенным элементом в римских взаимоотношениях между лидером и его подчиненными (Bazelmans 1991: 116). Все это наводит на мысль, что, возможно, Тацит не пытался описать конкретный древнегерманский военный институт, а иллюстрировал германскую характерную черту — жажду славы и признания (Fanning 2001: 32). Действительно, комитатусы не идентифицируются с властью и подчинением, хотя в каждом древнегерманском обществе присутствовали оба этих института, для которых существовали и специальные слова, их обозначающие. С другой стороны, по сведениям Цезаря, предводитель для военных действий собирал добровольных последователей, а связь между лидером и его подчиненными была временной (Цезарь 2007: VI 23). К тому же, по мнению Х. Кухне, лидер и подчиненные находились в отношениях взаимовыгодной лояльности (Kuhn 1956: 12). Таким образом, можно предположить, что на ранних этапах у древних германцев отсутствовали особые военные формирования, основанные на длительных и стабильных связях между лидером и его подчиненными, что, возможно, объясняет трудности в выявлении праформы, которая могла обозначать такое формирование в прагерманском языке. В то же время, возникновение стабильных групп,

основанных на отношениях личной верности и преданности лидеру³, предполагающих подчинение и выполнение ряда обязательств членами внутри группы в более поздний период, объясняет многообразие слов для их обозначения в конкретных германских языках.

Из сказанного выше следует, что попытки соотнесения праформы **druht-* с комитатами Тацита требуют более глубокого и детального изучения.

Некоторые учёные предполагают связь праформы **druht-* с латинским словом *contubernium* «товарищество проживающих в палатке во время похода» (Schmidt-Wiegand 1974: 526), что имеет под собой некоторое лингвистическое обоснование. Так, в Салической правде⁴ слово, восходящее к исследуемой праформе отмечено в качестве части слов-композигов, близких по значению к латинскому термину. Сравните: *druchtelimici* 'член отряда', *druhtislidi* 'нападение, налёт толпы' (L.S., 42, 43). Более того, из фразы *Si quis collecto contubernio hominem ingenuum in domo suo adsallierit ...* можно сделать вывод, что члены такой группы имели вождя (L.S., 42: 1).

В той же Салической правде отмечено еще одно слово, восходящее к праформе **druht-*, но имеющее значение 'шафер, дружка'. Сравните: *Si quis puellam, quae druchte ducitur ad maritum* (Lex Salica 2004: 55).

Этимологически, прагерманская праформа **druht-* возводится к и.-е. **dhereugh-* < **dher-*: **dherə* 'держать, поддерживать, подпирать' (Pokorny 1956: I, 252–255). От этого корня произошло и.-е. **dhereuo-* 'дерево'; 'надежный, верный'

³ At least for the warrior aristocracy, by the period of Germanic migrations to Britain, the bonds established between a lord and his men had become more important than traditional kinship ties 'По крайней мере, для военной аристократии периода миграции германцев на Британские острова, узы, установленные между господином и его подчиненными, становятся более важными, чем традиционные родственные связи' (Evans 1997: 52).

⁴ Салическая правда (Lex Salica) — запись на латинском языке с вкраплениями франкских слов древних судебных обычаев салических франков, образовавших в V–VI вв самое крупное варварское королевство на территории Римской Галлии.

(Трубачёв 2006: 172). Прочность и надёжность чётко прослеживаются в значении славянских и балтийских слов: слав. **drougo-* > *drugъ* 'верный, сообщник, товарищ' > лит. *draũgas* 'друг, товарищ'; латыш. *draugs* 'друг', рус. *друг* (Черных 1999: 271), а также в скр. *dhṛ'ti* 'упорство, твердость', *dhṛta-varta bah* 'верный обету', 'преданный'. Единство и совместность отмечены в рус. *дружина*; лит. *sudrugti* 'присоединиться', *draugovė* 'дружина', др.-прусск. *draugi-waldunen* 'сонаследник' (вин. падеж); скр. *sadharana* 'совместный, общий'; др.-брет. *drong* 'сходка'; др.-ирл. *drong* 'толпа, отряд'; гот. *driugan* 'исполнять военную службу' (Фасмер 2003: 543; Кочергина 2005: 308, 723).

Именно к значению 'твердость и прочность' апеллируют приверженцы первичности «военно-дружинного» значения праформы **druht-* (De Vries 1957–1961: 85; Pokorný 1959: 254; Johannesson 1956: 516). Однако общепризнанная точка зрения поддерживается не всеми учёными. Э. Дик (Dick 1965), анализируя генетические связи др.-англ. *dryht*, делает вывод о несколько ином значении, которое напрямую не связано с военной терминологией. Более того, он предположил о первичности у праформы **druht-* значений «культового и родового сообществ' по сравнению с денотатами 'свиты' или 'военного отряда'» (Цымбурский 2000: 9). И хотя работа Э. Дика была подвергнута острой критике (Campbell 1967, Green 1968 и др.), нельзя отрицать того факта, что как в пределах германской группы, так и в балто-славянских языках, присутствие иных, не связанных с военной сферой значений, очевидно. Сравните, к примеру, словен. *drũg* 'дружка на свадьбе', ст.-слав. **družьka* 'шафер жениха', 'подруга невесты'; др.-англ. *dryht-ealdor* 'свадебный дружка', франк. *dructe* 'свадебный поезд невесты'.

Х. Кун также отрицает наличие у **druht-* военного значения, но возводит его к прагерм. **druht-* < **drunk-*, объясняя тем самым использование др.-англ. *dryht* (*dryht-ealdor*) для передачи лат. *architriclinus* 'распорядитель пира' (Kuhn 1956: 24).

Однако последователи «военно-дружинного» первоначения упорно не замечают противоречивый фактический материал, продолжая связывать праформу с военной сферой. Так, значение 'шафер' Д. Грин объясняет традициями

древнегерманской брачной церемонии, когда невеста сопровождалась к её новым родичам воином, представителем вооруженной свиты её рода (Green 2000: 112). В этом же контексте объясняется и франко-латинское *dructis* из Салической правды (Wenskus 1986: 202).

По мнению В. В. Левицкого семантическое развитие и.е. корня, к которому восходит праформа **druht-*, могло иметь несколько направлений: «'быть твердым, прочным > надежный, верный > друг, товарищ > товарищ по борьбе, воин > воевать, трудиться', или 'быть прочным, твердым > сильный, смелый, храбрый > воин, товарищ по борьбе > воевать, трудиться'. Хорошо известна и обратная связь: 'труд > воинский труд'. Семы 'дружина', 'князь', 'свита' являются вторичными» (Левицкий 1994: 67).

Итак, в современной германистике традиционное первичное военное значение праформы **druht-* уже не является аксиомой и подвергается критике.

На наш взгляд, эти два подхода вполне можно примирить, если обратить внимание на общий смысл, который объясняет и военное, и светское значения, а именно, 'люди, объединенные общей деятельностью'. Тем более что еще в античности латинское *contubernium* использовалось для обозначения товарищества людей определенных профессий (RGA 1986: 203).

По нашему мнению, в период древнегерманской глоттофорной общности праформа **druht-* могла обозначать члена социальной группы, осуществляющего совместную деятельность, для которой требовалась взаимопомощь, надежность, верность. Такие отношения могли характеризовать как членов рода или общины, так и воинов. Возникает закономерный вопрос: какие функции выполняли члены такой группы и сколько человек могло входить в нее? Для ответа обратимся к анализу данных готского, англосаксонского и древнеисландского языков.

Начнем анализ с готского перевода Евангелия. Следует особо указать, что только в готском языке слово *ga-drauhts* имеет явно выраженное военное значение, а именно 'солдат, воин, страж' (Walde 1932: bd. 1, 860; Feist 1939: 185). Более того, оно напрямую не восходит к праформе **druht-*, а является аблаутным образованием от гот. *driugan*

‘выполнять воинскую службу’ и суффикса *-ti-* (Buck 1988: 1381), родственным др.-англ. *dréogan* ‘совершать, добиваться’ и восходящим к тому же и.-е. **dhereugh-* (Pokorny 1956: Bd. I, 255). Причем, встречается оно исключительно с префиксом существительных *ga-* со значением ‘совместность’ (Гухман 1998: 207) и используется для передачи греческого слова *στρατιώτης* ‘воин’. Употребление данного префикса наводит на определённые размышления: возможно, у готов человек мог считаться воином только в том случае, если он входил в состав особой группы людей, объединённых совместной деятельностью, в частности воинским делом. В древнегреческом варианте Евангелия слово, соответствующее готскому *ga-drauhts*, не имеет такого указания. Сравните: *þu nu arbaidei swe gods gadrauhts Xristaus Iesus. греч. συγκακοπάθησον ὡς καλὸς στρατιώτης χριστοῦ ἰησοῦ* ‘Страдай вместе со мной, как добрый воин Христа Иисуса’ (Tim. II, 2:3).

Более того, *ga-drauhts* не только являлся членом сообщества, но и имел над собой начальника. Сравните: *jah auk ik tanna im habands uf waldufnja meinamma gadrauhtins* ‘Я человек, имеющий власть над своими воинами’ (Mat. 8:9).

Более обширный материал представлен в древнеанглийских письменных памятниках. Отметим, что в древнеанглийском языке *dryht* традиционно имеет несколько значений, а именно ‘толпа, множество; армия’. При этом слово использовалось в основном в поэтических текстах. Необходимо подчеркнуть, что в древнеанглийском языке присутствовало и слово с префиксом *ge-*, которое обозначало группу людей, связанных выполнением определённого вида деятельности. Это могли быть воины, как представлено в отрывке из поэмы «Елена» (El. 52:27), или королевская свита Хродгара, описанная в поэме «Беовульф» (Beow. 661). Словом *gedryht* могли называть учеников и последователей Христа, ангелов Всевышнего (Christ 161: 457). Объединялись в такие группы и по родственному принципу, и по социальному статусу (Ex. 27:304; Beow. 728).

Какой вывод можно извлечь из представленных примеров? Первоначально словом *dryht* могли называть члена сообщества, где люди объединялись для выполнения различных задач. Например, для ведения войн, противо-

стояния врагам, для охраны или сопровождения вождей и королей. Это могли быть ученики, следующие за Иисусом, и ангелы, свита Всевышнего. Отсюда и префикс *ge-*, указывающий на объединение.

Чтобы дополнить проведённый анализ, постараемся выяснить возможное количество членов такого объединения. Интересно отметить, что внимательное прочтение поэмы «Беовульф» позволяет предположить, что это была небольшая группа людей, но при этом достаточно боеспособная, чтобы представлять собой ценность для союзников и опасность для врагов. Действительно, Беовульф, прослышав о беде Хродгара, с отрядом лучших воинов плывёт через море на помощь королю, чтобы наняться на службу и завоевать себе славу. Он отобрал для этих целей пятнадцать лучших гаутских воинов. Сравните: *Hæfde se góða Géata léoda / ceþran gecorone þára þe hé cénoste / findan mihte· fiftýna sum* 'Достойных из гаутских людей, / выбранных победителем, лучших из тех, / кого най́ти смог, всего **пятнадцать**' (Beow. 207). *Beowulf mæþelode bearn Ecgþéowes: / 'Ic þæt hogode þá ic on holm gestáh / saebát gesæt mid mínra secga gedriht* 'Беовульф промолвил, сын Эггтеова: «Я принял решение, я встал на волну и сел в лодку с **группой** своих воинов»' (Beow. 632).

И ещё один пример. На свою последнюю битву с драконом Беовульф идёт с отрядом воинов из двенадцати человек. И хотя в данном отрывке не встречается слово *gedryht*, сам Беовульф называется их предводителем — *dryhten*, то есть словом, производным от *dryht*. Сравните: *Gewát þá twelfa sum torne gebolgen / dryhten Géata, dracan scéawian* 'Пошёл он, всего с ним **двенадцать** (воинов), кипящий от гнева, **вождь** гаутов, увидеть дракона' (Beow. 2401).

Словом *dryht* вполне могла называться группа людей от семи человек, на что косвенно указывается в англосаксонских законах. Сравните: *þeófas wé hátaþ óþ vii men from vii hlóþ óþ xxxv siððan biþ here*, 'ворами называется группа до семи человек, от семи до 35 — отряд, более — армия' (L. In. 13).

Все вышесказанное в той или иной мере подтверждается материалом из древнеисландских текстов. Др.-исл. *drótt* традиционно переводится как 'домочадцы; народ; дружина короля'. Действительно, если обратиться к

«Речам Вафтруднира» из «Старшей Эдды», то выявляется сема 'народ, люди', так как в схожих контекстах *drótt* синонимичен слову *menn* 'люди' (*Vafþ.* 28: 22,24). Подтверждается и сема 'воин'. Однако в древнеисландском языке это значение проявляется в словах-композиатах типа *vígdrótt*, где *víg* — 'битва', *hjördrótt*, где *hjör* — 'меч', и *hjalmdrótt*, где *hjalmr* — 'шлем'. Несомненно, что людей, называемых словом *drótt*, объединяла совместная деятельность. Это могла быть трапеза после удачной ловли рыбы или свита короля или вождя. Сравните: *Þar minni seggir um sæing dæma ok hvítainga höfði næma; þeir minni feigir fára náttu fyr dag litlu, dróttum bergja* 'То воины будут улов обсуждать, у белых рыб отрывая головы: дохлыми станут в недалгое время, перед рассветом люди съедят их' (*Guðr.* II. 168: 42). *Dyggvi var fyrst konungur kalladur sinna ættmanna en áður voru þeir drottinnar kalladir en konur þeirra drottningar en drótt hirðsveitin.* 'Дюггви был первым конунгом, назван своими родичами. До этого их называл «дроттинны», а жён их — «дроттинги», людьми королевской свиты' (*Yngl.* 17: 32).

Древнеисландский материал позволяет утверждать, что первоначально слово *drótt* не обязательно относилось к военной сфере. Суть, вероятно, заключалась в том, что им могли называть члена какого-либо сообщества.

Остается обсудить возможное количество людей в таком сообществе. В «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона есть прямое указание на то, что в *drótt* входило двадцать человек (*Sk.* 198:66). С учётом данных древнеанглийского языка получается приблизительная цифра в 7—35 членов.

Соотнесение праформы **druht-* с латинским словом *contubernium* позволяет предположить группу, численностью «обыкновенно по 10 человек под начальством десятника» (Любкер 2001: т. 1, 374).

Можно допустить, что для древних германцев вооруженная группа из 7—35 членов являлась оптимальной и представляла собой серьезную силу. Она вполне могла защитить поселение от врагов, а при случае отправиться на грабёж своих соседей или защитить короля. Неслучайно, вероятно, самый ранний на сегодняшний день корабль, датируемый IV в. до н. э., обнаруженный в Хёртспинге на острове Альс в Дании, при общей длине 13,28 м вмещал

около 20—23 человек (Монгайт 1974: 108). Сравните: др.-исл. *Eftir það fór Auður að leita Íslands; hún hafði á skipi með sér tuttugu karla frjálsa* 'После этого Ауд отправилась искать Исландию. У неё был корабль с двадцатью мужчинами свободными' (Landb. 2, 15: 85).

Именно подобные суда были описаны Тацитом в строках, посвящённых скандинавскому племени свионов: «Среди самого Океана обитают общины свионов; помимо воинов и оружия, они сильны также флотом. Их суда примечательны тем, что могут подходить к месту причала любую из своих оконечностей, так как и та, и другая имеют у них форму носа. Парусами свионы не пользуются и вёсел вдоль бортов не закрепляют в ряд одно за другим; они у них, как принято на некоторых реках, съёмные, и они гребут ими по мере надобности то в ту, то в другую сторону» (Тацит 1993: 354). Более поздние суда также не отличались большой вместимостью. Так, судно, обнаруженное в болоте Нидам у деревни Эстресоттруп у Альсензунда, датируемое IV в. н. э., имело длину почти в 15 метров и управлялось тридцатью гребцами.

Подведём предварительный итог. Анализ контекстов в трёх древних германских языках позволил установить, что под праформой **druxti-*, вероятно, понимались члены особой социальной группы от 7 до 35 человек, связанные общим видом деятельности.

Литература

- Гухман 1998 – Гухман М. М. Готский язык: учебное пособие. М.: МГУ.
- Кардини 1987 – Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс.
- Кочергина 2005 – Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М.: Академический Проект: Альма Матер.
- Левицкий 1994 – Левицкий В. В. Сравнительно-этимологический словарь германских языков. Черновцы.
- Любкер 2001 – Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. В 3 томах. М.: «ОЛМА-ПРЕСС».
- Мельникова 1977 – Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М.
- Монгайт 1974 – Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Изд-во "Наука".

- Тацит 1993 – Тацит К. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Анналы. Малые произведения. Т. 2. История. СПб.: «Наука».
- Трубачёв 2006 – Трубачёв О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: КомКнига.
- Фасмер 2003 – Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ».
- Цезарь 2007 – Цезарь Гай Юлий. Записки о Галльской войне. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М.: АСТ, Ладомир. (Указывается книга и глава).
- Цымбурский 2000 – Цымбурский В. Л. "Друг" и "дрожь": к этимологии нескольких слов с затемненной внутренней формой [Электронный ресурс].
- Черных 1999 – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз.
- Bazelmans 1991 – Bazelmans J. Conceptualising early Germanic political structure: a review of the use of the concept of *Gefolgschaft* // *Images of the Past: Studies on Ancient Societies in Northwestern Europe*, ed. N. Roymans and F. Theuws. Amsterdam. P. 91–129.
- Buck 1988 – Buck C. D. *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages*. Chicago: University of Chicago Press.
- Campbell 1967 – Campbell A. *Reviews* // *Review of English studies*. Vol. XXVIII, № 71. P. 297–299.
- Dick 1965 – Dick E. S. *Ae. Dryht und seine Sippe: eine wortkundliche kultur- und religionskundliche Betrachtung zur altgerman. Glaubensvorstellung vom wachstümlichen Heil*. Münster: Aschendorff.
- Evans 1997 – Evans Stephen S. *Lords of Battle: Image and Reality of the Comitatus in Dark-Age Britain*. Woodbridge: Boydell.
- Fanning 2001 – Fanning S. *Tacitus, Beowulf and the Comitatus* // *Studies in Medieval History*. The Haskins Society Journal 9: 1997, ed. C. P. Lewis. Boydell Press. P. 17–38.
- Feist 1939 – Feist S. *Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache*. E. J. Brill.
- Foote 1970 – Foote Peter G. and David M. Wilson. *The Viking Achievement*. London: Sidgwick & Jackson.
- Green 2000 – Green D. H. *Language and History in the Early Germanic World*. Cambridge University Press.
- Green 1968 – Green D. H. *Old English "Dryht": A New Suggestion* // *The Modern Language Review*. Modern Humanities Research Association. Vol. 63, No. 2. P. 392–406.
- Johannessohn 1956 – Johannessohn A. *Isländisches etymologisches Wörterbuch*. Bern.

- Kuhn 1956 – Kuhn H. Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung 73. S. 1–83.
- Lex Salica: The Ten Texts with the Glosses, and the Lex Emendata. Synoptically edited by J. H. Hessels. With Notes on the Frankish Words in the Lex Salica by H. Kern. Adegis Graphics LLC, 2004.
- Pokorny 1959 – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern&München: Francke Verlag. Bd. 1–3.
- RG – Reallexicon der Germanischen Altertumskunde Von Johannes Hoops. Berlin ; New York: Walter de Gruyter, Bd. 1–35, 1973–2007.
- Schmidt-Wiegand 1974 – Schmidt-Wiegand R. Fränkisch druht und druhtin. Zur historischen Terminologie im Bereich der Sozialgeschichte // Historische Forschungen für Walter Schlesinger, Beumann, Helmut (Hg.). Köln. P. 524–535.
- Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1957–1961.
- Walde, Hofmann 1938–1954 – Walde A., Hofmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg. Bd. 1–2.
- Wenskus 1986 – Wenskus R., Patze H. Ausgewählte Aufsätze zum frühen und preussischen Mittelalter: Festgabe zu seinem siebzigsten Geburtstag. Stuttgart: J. Thorbecke Verlag.

Who are the proto-germanic *druht-?

This article is devoted to the semantic reconstruction of the Proto-Germanic concept **druht-*. The analysis of Gothic, Anglo-Saxon and Old Icelandic texts has allowed us to establish its meaning and the possible number of its members.

А. А. Старчук

С. К. БУЛИЧ И СОВРЕМЕННОЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Резюме. Статья посвящена вкладу С. К. Булича в развитие сравнительно-исторического языкознания в России на рубеже XIX–XX веков. На материале литографированных университетских лекций Булича анализируются несколько вопросов, актуальных и в наше время.

Ключевые слова: С. К. Булич, сравнительно-исторического языкознания в России.

Имя Сергея Константиновича Булича (1859–1921) не упоминается в современных отечественных работах по индоевропеистике, хотя можно встретить отдельные упоминания в работах по старославянскому и церковнославянскому языкам. О вкладе С. К. Булича в развитие сравнительного языкознания в России ничего не говорится в *книгах* по истории языкознания Звегинцева, Сусова, Алпатова. Между тем, необходимо помнить, что С. К. Булич, автор книги «Очерк истории языкознания в России», статей в словаре Брокгауза и Ефрона, а также музыкальных работ, не без гордости называл себя *сравнителем*, и даже его музыкальные работы носят на себе отпечаток сравнительно-исторического подхода. Например, в исследовании «Несколько финно-славянских музыкально-этнографических параллелей» он пишет о том, что до сих пор никто не предпринимал *сравнительного* изучения славянской народной музыки. В самом названии работы – «Несколько параллелей...» – заложена идея сравнения.

Во всем мире к концу XIX – началу XX века сравнительное языкознание настолько преобладало, что на филологических факультетах общему языкознанию отводилась только вспомогательная роль – служить кратким введением в сравнительно-историческое. Это обстоятельство, кстати, не дало Фердинанду де Соссюру развернуть в полной мере свое учение, потому что приходилось

уделять по программе большую часть времени сравнительному языкознанию (Сосюр 1977). Булич внес много нового в индоевропеистику, как показывают его лекции. Число литографированных лекций составляет как минимум 27 (достоверно известно, что составлено было не менее 32). 14 лекций вполне самостоятельны, другие¹ представляют собой развитие уже высказанных идей. Таким образом, насчитывается более трех тысяч страниц относительно независимых друг от друга лекций, поражающих полнотой охвата материала, ясностью изложения, четкостью терминологии и убедительностью многочисленных примеров. В то время было принято, чтобы там, где речь шла о русском, старославянском или любом другом языке, неважно, живом или мертвом, университетские профессора делали обширный экскурс в историю индоевропейских языков, реконструировали праформы и проводили сравнение одних языков с другими, но никто, по-видимому, не делал этого с такой тщательностью и убедительностью, как С. К. Булич. Вот пример из одной из лекций Алексея Ивановича Соболевского «Фонетика древнего церковнославянского языка» 1891 года:

«Общеиндоевропейский язык, по-видимому, имел небольшое количество слов со звуком *к*, который в произношении разных лиц звучал различно – то мягко, нёбно (т. е. *к₁*), то твердо, гортанно (т. е. *к₂*). Одни из этих языков-потомков (в их числе литовский) усвоили себе эти слова с *к₁*, другие (славянский) – с *к₂*».

Примеров не дается. При этом в лекциях Булича примеры и объяснения к вопросу о развитии заднеязычных палатальных и велярных занимают обыкновенно несколько страниц, поскольку, как утверждал Антуан Мейе, «есть только одна грамматика, описательная и историческая одновременно» (Холодович 1977).

В своих лекциях Булич предстает перед нами как истинный ученый-индоевропеист, с уверенностью и точ-

¹ В перечне лекций в конце статьи они содержат ссылки на номера тех лекций, которые были взяты за основу, напр.: № 13... См. № 10.

ностью рассуждая о проблемах реконструкции праиндоевропейского языка, хотя чуть ли не на каждой странице, где реконструируются праформы и отношения между ними, стоит помета «м. б.», то есть *может быть*. Мы видим четкое изложение фонетики, морфологии и синтаксиса праязыка, и хотя Булич широко пользуется работами Бругмана, Дельбрюка и других младограмматиков для приведения форм, он часто высказывает свои собственные мысли, часто не соглашается с предшественниками и дает собственные объяснения явлениям, которые рассматривает. Вот слова Бориса Михайловича Ляпунова, ученика Булича: «В смысле точности терминологии не могу не вспомнить с благодарностью прослушанного мною в 1885–1886 гг. курса лекций С. К. Булича».²

В одном из изданий лекций Булича есть одно очень любопытное высказывание, которое, однако, допускает различные толкования. В рассуждении о *schwa indogermanicum* (7–98³ и далее) Булич разбирает точку зрения Бругмана о том, что греческие гласные *α ε ο* возникли из шва под влиянием соседних согласных, которые окрасили его в различные тембровые оттенки *α, ε, ο*. «Можно также думать, – пишет Булич, – что различная окраска *ə* имела уже в индоевропейском праязыке». И далее: «Но кроме гипотезы Бругмана, можно принять другое предположение, что греческие *α, ε, ο* суть более *правильное* сохранение гласных индоевропейского праязыка и то, что мы называем *Schwa*, есть неопределенный гласный, получившийся при отсутствии ударения. В некоторых случаях его очень трудно отличить от *первичного a* и от *a*, получившегося из *ɹ* и *l*, а также из вторичного, так называемого *сварабхакти-гласного* (развивающегося из

² О преподавательской и научно-литературной деятельности С. К. Булича // Протокол заседания Совета Императорского СПб. университета 5 мая 1908 г. №64. СПб., 1909. С. 115.

³ Здесь и далее через дефис указываются номера лекций по Перечню и их страницы. Первое число – это номер лекций, последнее – номер страницы. Если между ними стоит римская цифра, она показывает, что лекции состоят из двух частей, и указывает часть лекций – первую либо вторую.

носового или плавного согласных...)» (7–99). Далее в лекциях развивается уже другая тема, поэтому о значении его слов можно только догадываться. Например, мы можем предположить, что он был на одном пути с Соссюром и даже пошел дальше его, предложив сразу три сонантических коэффициента⁴ a_2 , a_1 , a_3 . Булич высказал эти два предположения на разных страницах, но очевидно, что он пытался связать воедино неопределенный гласный и его супraseгментную характеристику – ударение. Можно было бы сформулировать это так: *«греческие α , ε , o суть более *правильное* сохранение праязыковых гласных с соответствующей окраской и то, что мы называем *Schwa*, есть эти неопределенные гласные, получавшиеся при отсутствии *ударения*». Таким образом, здесь усматривается попытка за более чем полувека перед тем, как оформились гипотезы ларингальная и слоговых акцентов, соединить эти две идеи, хотя и очень смутным и косвенным образом, *в одно целое для объяснения фактов языка*.

Если посмотреть на *фонологическую систему*, которую Булич восстанавливает для праязыка (в лекциях 1903 года, см. № 13 перечня лекций в конце статьи), то, в частности, *систему смычных* мы обнаружим именно такую, какая сегодня называется традиционной системой:

Согласные взрывные и аспираты:

Губные	p	b	ph	bh
Переднеязычные	t	d	th	dh
Заднеязычные	k	g	kh	gh
	q	g	qh	gh
	q^u	g^u	q^uh	g^uh

Точно такую же систему смычных находим и у О. Семерени (О. Szemerényi, *Introduction...*, 69), который, однако, отмечает (61, прим. 1): «Так как, по общепризнанному мнению, одновременное существование в синхронной

⁴ Термин Н. В. Крушевского, прочно вошедший в формулировки де Соссюра на русском языке.

системе трех рядов описанного выше типа на всем протяжении индоевропейского ареала не засвидетельствовано (и поэтому фактически невозможно), следует особо выделить работу Д. И. Эдельман «К типологии индоевропейских гуттуральных» // ИАН ОЛЯ, М. №32, 1973, сс. 540–546, в которой на примере язгулямского языка (северопамирский язык восточноиранской группы иранских языков) демонстрируется существование оппозиции трех типов артикуляции (простой, палатальной, лабиальной). Такая оппозиция, возможно, существует и в соседних с язгулямским языком диалектах. Еще более важным являются результаты недавнего исследования, установившего рефлексы трехрядной оппозиции в анатолийских языках, особенно в лувийском» (перевод мой)⁵. Д. И. Эдельман (цит. раб., с. 540) отмечает также, что «система троичных противопоставлений типа «простой ~ палатализованный ~ лабиализованный» вообще не чужда консонантизму индоиранских языков»; для язгулямского языка она приводит не только тернарную оппозицию фонем $k \sim K \sim k^o$, $g \sim g' \sim g^o$, но и бинарное противопоставление простых лабиализованных фонем в увулярном ряду ($q \sim q^o$, $\gamma \sim \gamma^o$, $x \sim x^o$) и у щелевых заднеязычных ($\check{x} \sim \check{x}^o$). У Зилера (см. А. Sihler, *New Comparative Grammar...*, 1995: 135) находим такую же систему трех рядов заднеязычных.

В свете современных взглядов на систему смычных⁶

⁵ См. также (цит. по: О. Szemerényi, *Introduction...*, 1999) Craig Melchert // *Studies in Memory of W. Cowgill*, 1987, 182-204; *Historische Sprachforschung* (бывш. KZ) 102, 1989, 23 (также о ликийском); Anna Morpurgo Davis and J. David Hawkins, *Studi G. Pugliese Carratelli*, 1988, 169–82 (особ. о лув. *zart-* ‘сердце’ из **kerd-*); Tischler // *Festschrift Meid*, 1989, 429; *IF* 95, 1990, 74; Mayrhofer, *Language: Journal of the Linguistic Society of America*, 65, 1989, 138; Ю. В. Откупщиков. Ряды индоевропейских гуттуральных // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Под ред. А. В. Десницкой. – Л., 1989 С. 39–69.

⁶ Ср. одну из «традиционных» систем и.-е. смычных (в которой отсутствуют глухие придыхательные) у Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы...». – Тбилиси, 1984. т. 1, с. 6, и Зилера (см. А. Sihler, *New Comparative*

интересны следующие замечания Булича (13-78, 13-79): «аспирата *ph* очень редко встречается. Она вероятна в санскр. *phēna*, нем. *Feim*, лат. *sprita* || пѣна, пена... Аспирата *th* встречается редко. Один из достоверных случаев: санскр. корень *manth-* «вертеть, пахтать», лит. *mentūrė* «мутовка» || мѣтѣ, мяту, мутовка, мутить». В лекциях 2–86 Булич прямо говорит: «Примеров для **kh* нет».

Рассмотрим первоначальную версию системы смычных, засвидетельствованную в лекциях 1891 года, то есть на 12 лет ранее (см. № 2 перечня лекций):

Взрывные:

Губные	<i>p</i>	<i>ph</i>	<i>b</i>	<i>bh</i>
Переднеязычные	<i>t</i>	<i>th</i>	<i>d</i>	<i>dh</i>
Заднеязычные	<i>k</i>	<i>kh</i>	<i>g</i>	<i>gh</i>
	<i>q</i>	<i>qh</i>	<i>g</i>	<i>gh</i>

Несомненно, младограмматическая фонологическая система, восстанавливающая два ряда заднеязычных, имела большое влияние на Булича, тем более что как раз незадолго до этого (в 1889 году, в возрасте тридцати лет) Булич вернулся из Германии, где проходил обучение у Шмидта, Вебера, Ольденберга, Дельбрюка, вел постоянное научное общение с Клуге, Шрадером, Каппелером, Майер-Любке, академиком фон Бётлингом и встречался с Бругманом и Лескином. Большинство из этих ученых были потом иностранными членами Императорской Академии Наук.

Для обоснования двух рядов Булич приводит следующую аргументацию. Если второй ряд разбить на два, согласно его соответствиям в греческом и латинском языках (т. е. отражением некоторых заднеязычных как губных, ср. **sek^w*- ‘следовать’: греч. *ἔπομαι* < **σέπομαι* (однако лат. *sequor*, лит. *sekù*); **wlk^wos* ‘волк’: лат. диал. *lupus* (однако греч. *λύκος*, скр. *vŕkas*, ст.-сл. *влькъ*)⁷, то можно различать три ряда заднеязычных. «Это деление [на три ряда] представляло бы объяснение того факта, что лабиализация во

Grammar..., 1995, 135). В обеих работах губной *b* реконструируется «в скобках»: (*b*).

⁷ O. Szemerényi, *Introduction...*, 1999, 64.

второй группе языков [т. е. в греческом и латинском] не всегда имеет место, когда в первой [группе (славянские, санскрит)] сохраняется заднеязычный взрывной. Объяснение это заключалось бы в том, что звуки, получившие лабиализацию и не получившие ее, развились из разных праязыковых [звуков]. На почве приведенного нами выше деления заднеязычных на 2 ряда эта непоследовательность лабиализации остается пока не вполне объясненной», – признает Булич. Однако в пользу двойного деления он приводит пример из живых языков, в силу своего стремления всегда объяснять любые звуковые изменения, в том числе доисторические, на основании антропофонических факторов, выявленных при изучении живых языков (постулат младограмматиков), будь то изменения «комбинаторные» или «спонтанеические»: перед *i* и *u* существуют только два типа заднеязычных, например, в словах *кипеть* и *купать*. «Кроме того, против тройного деления заднеязычных в праязыке можно привести непоследовательность лабиализации даже в пределах второй группы: часто в одном из этих языков является лабиализация, хотя в других языках той же группы ее не замечается [(см. также примеры выше)]: напр., глагол *λακείν* ‘кричать, говорить’ рядом с лабиализованной формой в латинском языке *loqui*. Подобно этой непоследовательности, замечается также и то, что в некоторых словах смешиваются даже те два ряда, на которые мы разделили праязыковые заднеязычные на таблице. Напр., **ghans* – скр. *haṁsa*, гр. *χίψ*, лат. (*h*)*anser*, лит. *žąsis* указывают на первый ряд, а слав. гѣсь вм. *зѣсь представляет второй ряд заднеязычных.

Таким образом, хотя относительно заднеязычных в праязыке есть целый ряд не вполне решенных вопросов, всего вероятнее будет признать в нем два ряда заднеязычных, отличных по своей артикуляции» (2–89).

Для готского префикса *ga-* Булич предполагает перфективирующее значение: готск. *saihwān* = «смотреть, глядеть», *gasaihwān* = «увидеть, заметить» и т. д. (9–II–27). Для него этот момент важен при реконструкции категории

вида в праиндоевропейском языке.⁸ Например, для латинского «...сложение глагола с суффиксом *com-* влечет за собой переход значения в совершенный вид... Таким образом, можно думать с большой вероятностью, что зародыш последнего явления имелся уже в индоевропейском языке» (там же).

В настоящее время реконструируется германский префикс *ga-* с видовым значением и значением будущего времени (Гамкрелидзе-Иванов 1984. Т. 1: 357). В защиту видового значения наряду со словообразовательным выступает, напр., С. В. Смирницкая (1972: 71): «у приставок развивается значение временной завершенности»; однако ранее (Смирницкая 1964: 197–202): древневерхненемецкий префикс *gi-* обнаруживает «много сходных черт с готской приставкой *ga-*», но его «нельзя считать грамматическим показателем вида (точка зрения Штрейтберга)»; вообще о глагольном виде: «В настоящее время можно считать доказанным факт отсутствия в готском и древневерхненемецком языках категории вида» (Смирницкая 1970: 144). По поводу видового значения высказывает сомнения О. Семерёnyi (Szemerényi 1999: 306; лит. см. там же). Он считает готский префикс *ga-* не имеющим перфективного значения; его следует рассматривать только как словообразовательный.

Таким образом, точка зрения Булича остается актуальной и в наше время. Рассматривая состояние сравнительного языкознания в начале 20 века в нашей стране, с этим необходимо считаться.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛЕКЦИЙ С. К. БУЛИЧА

1) Лекции по фонетике и морфологии русского языка, читанные приват-доцентом С. К. Буlichem в 1885-6 академическом году в С.-Петербургском университете. СПб., 1885–1886 (см. в ИЛИ).

2) Сравнительная грамматика индоевропейских языков: Лекции С. К. Булича. СПб., лит. Дуднева, 1891. 100 с. (см. в ИЛИ).

3) Лекции по русскому языку. Высшие женские курсы. Курс

⁸ Ср.: Вопросы глагольного вида // Сост., ред., вступ. ст. и примеч. Ю. С. Маслова. М., 1962.

II, 1891-1892. – СПб., лит. Руднева, 1892. 8, 238 с. (см. в РНБ).

4) Древне-церковный славянский язык. Курс лекций. Сост. и изд. И. Н. Стефановским. СПб., 1892. 139 с. (см. в РНБ).

5) Лекции по русскому языку проф. С. К. Булича. Высшие женские курсы. Курс I. 1892–1893. СПб., 1893. 540 с. (см. в РНБ).

6) Лекции по русскому языку проф. С. К. Булича. Высшие женские курсы. Курс II, 1892–1893 г. СПб., 1894. 117 с. (см. в РНБ).

7) Сравнительное языкознание. Лекции С. К. Булича. Ч. 1. СПб., Н. Е. Васильев, 1894. (1), 191 с. (см. в РНБ).

8) Лекции по русскому языку. Проф. С. К. Булич. Высшие женские курсы. Курс I. СПб.: типо-лит. Маркова, 1895-96. 328, 8 с. (см. в РНБ).

*Сравнительная грамматика индоевропейских языков. Сост. Н. С. Усовым. – СПб., 1896 г. (БАН, РНБ, СПбГУ, ИЛИ – не найдено).*⁹

Лекции по древне-церковно-славянскому языку 1895/6 г. Сост. П. Стефановским. СПб., 1896. (БАН, РНБ, СПбГУ, ИЛИ – не найдено).

9) Сравнительная морфология славянского и русского языков. Лекции проф. С. К. Булича, читанные студентам II-го курса в 1896/97 академическом году и в 1897/98 г. III курсу. – СПб., П. Стефановский, литография Богданова. 205, 72 с. (см. в ИЛИ).

Синтаксис русского языка для IV курса 1896/7 уч. г. Сост. Жирицким. – СПб., 1897 (БАН, РНБ, СПбГУ, ИЛИ не найдено).

Синтаксис русск. языка для IV курса 1897-1898 уч. г. Сост. Н. Ушаковым. СПб., 1898 (БАН, РНБ, СПбГУ, ИЛИ не найдено).

10) Лекции по русскому языку. Высшие женские курсы. Курс 1/2. – СПб, 1898/1900 (см. в ИЛИ) (см. № 5 и 6).

11) Лекции по языкознанию. I курс И.И-Ф.И. 1899/1900. Лит. Богданова. – 160 с. (СПбГУ, науч. библ. им. Горького, шифр Е III 1194; в РНБ отсутствует).

12) Лекции по русскому языку проф. С. К. Булича. Курс II, 1900-1901 г. СПб., 1901. 48, 112 с. (см. в РНБ) (см. № 6).

13) Лекции по сравнительно-исторической грамматике русского и старославянского языков: Вып. 1-2.- СПб., типография Безобразова и Ко, 1903.- (2).- 94.- 64.- (4) с. (на правах рукописи; Вып. 1 см. в ИЛИ; Вып. 2 см. в СПбГУ, науч. библ. им. Горького) (см. № 10).

14) Лекции профессора С. К. Булича, читанные студентам 3-го курса Императорского С.-Петербургского Историко-Филологического Института в 1903/4 acad. году. СПб, 1904. 128 с. (см. в ИЛИ) (см. № 9).

15) Лекции по сравнительно-исторической фонетике старо-

⁹ Курсивом выделены ненайденные, и поэтому пронумерованные лекции (всего пять).

славянского и русского языков. Курс I. – СПб., типография Безобразова и К^о, 1904.- (2). 86 с. (на правах рукописи; см. в РНБ) (см. № 13).

16) Лекции по морфологии, читанные проф. С. К. Буличем за 1906/7 год. СПб.: лит. Богданова, 1907. 192, 136 с. (см. в РНБ Моск. пр-кт) (см. № 9).

17) Синтаксис русского языка: Лекции проф. С.К.Булича, читанные студентам С.-Петербургского историко-филологического института на словесном отделении III и IV курсов в 1906/07 учебном году. СПб, 1907. 228 с. (Лит. Богданова; от руки) (есть только в БАН, шифр: III 1931M/9).

18) Морфология русского и древнеславянского языков. – СПб., 1908.- 68 с. (см. в ИЛИ).

19) Сравнительно-историческая фонетика русского и старославянского языка. Вып. 2. СПб., литогр. Богданова, 1908. 216, 4 с. (в ИЛИ только карточка) (см. № 13).

20) Сравнительно-историческая фонетика русского и старославянского языков. СПб., Ап. Маркевич, 1908 г. Вып. 1. 48 с. Вып. 2. 95 с. (см. в РНБ).

21) Лекции по морфологии русского и древне-славянского языков. Вводная часть. Издание кассы взаимопомощи в. ж. к. СПб, 1908. – 71 с. (см. в ИЛИ) (см. №9).

22) Морфология русского и славянского языка. Выпуск 2-й. – СПб, литография Богданова, 1908. – 376 с. (см. в ИЛИ, РНБ Моск. пр-кт) (см. №9).

23) Введение в языкознание. Лекции проф. С. К. Булича. – СПб., А. Маркевич, 1909. 183 с. (см в РНБ).

24) Лекции по историко-сравнительной фонетике русского и старославянского языков. – СПб.: изд. студентов Н. В. Зверева и др., 1910. 118 с. (см. в РНБ Моск. пр-кт) (см. № 9).

25) Курс сравнительной морфологии индоевропейских языков. Читан в 1909-1910 уч. г. – СПб, 1910. 110 с. (издано по рукописи С. К. Булича; см. в ИЛИ, РНБ).

26) Лекции по историко-сравнительной морфологии русского и древнеславянского языка. СПб.: изд. студент Н. В. Зверев, 1910. – Вып. 1. 72 с.; Вып. 2. 335 с. (см. № 9) (см. в РНБ).

27) Лекции по историко-сравнительной морфологии русского и древне-славянского языка. СПб., лит. Ю. Семечкиной, 1912. – 419 с. (см. в РНБ) (см. № 9 и 21).

Синтаксис русского языка. СПб., 1911–1912 (БАН, РНБ, СПбГУ, ИЛИ: не найдено).

Список литературы

Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2005.

- Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета. 1869–1894. Т. 1. СПб., 1896.
- Богородицкий В. А., Казанская лингвистическая школа (1875–1939), «Труды Московского института истории, философии и литературы», 1939, т. 5.
- Большая Советская Энциклопедия, 1969–1978, в 30 т.
- Булахов, М. Г. Восточнославянские языковеды: Библиографический словарь. В 3-х т. Минск, 1976. С. 44–47.
- Вопросы глагольного вида // Сост., ред., вступ. ст. и примеч. Ю. С. Маслова. М., 1962.
- Добродомов И. Г. *Сергей Константинович Булич, 1859–1921* // Русская речь. – 1984. №5, с. 84–86.
- Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964.
- Иванов Вяч. Вс. и Гамкрелидзе Т. М. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984.
- Источники словаря русских писателей. Т. 1. СПб., 1900.
- Критико-биографический словарь русских писателей и ученых / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1897. Т. V, с. 346–350.
- О преподавательской и научно-литературной деятельности С. К. Булича. – Протокол заседания Совета Императорского СПб. университета 5 мая 1908 г. №64. СПб., 1909 (см. в науч. библ. им. Горького СПбГУ).
- Откупщиков Ю. В. Ряды индоевропейских гуттуральных // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Под ред. А. В. Десницкой. Л., 1989.
- Сидорова М. *Булич Сергей Константинович* // Казанский университет 1804–2004: Библиографический словарь. Т. 1: 1804–1904. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. С. 79.
- Смирницкая С. В. К вопросу о видовом значении префикса *gi-* в древневерхненемецком языке // Вопросы общего и романо-германского языкознания. Уфа, 1964.
- Смирницкая С. В. Грамматизация словообразовательных элементов в истории немецкого языка... // Лингвистические исследования. Л., 1970.
- Смирницкая С. В. К вопросу о грамматикализации индоевропейских приглагольных частиц // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предв. материалы. М., 1972.
- Соболевский А. И. «Древний церковнославянский язык. Фонетика. Из лекций А. И. Соболевского». М., 1891.
- Соссюр, Фердинанд де. Труды по языкознанию. Переводы с фр. под ред. А. А. Холодовича. М., 1977.
- Сусов И. П. История языкознания. М.: Восток – Запад, 2006.
- Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. В 2-х т. М., 1956.

- Эдельман Д. И. К типологии индоевропейских гуттуральных // ИАН ОЛЯ, № 32, 1973.
- Sihler Andrew L. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. Oxford, 1995.
- Szemerényi O. *Introduction to Indo-European Linguistics* (4th ed.). Oxford University Press, 1999.

Summary. Sergey Bulich and today's Indo-European Linguistics

The article is devoted to the analysis of Sergey Bulich's contribution to the comparative Indo-European linguistics in Russia at the turn of the 19/20th century. The research into his lithoprinted university lectures reveals certain issues still current nowadays.

М. А. Таривердиева

**ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗОМ *CUM* В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ:
КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ**

Резюме. Статья посвящена изучению концептуальных механизмов логической связи между пропозициями в высказываниях – сложных предложениях с союзом *cum*. Исследование латинских текстов позволило выявить концепты, лежащие в основе формирования обстоятельственных отношений – концепт времени и концепт логической оценки, находящийся в отношении дополнительности к первому. Эти концепты легли в основу семантической мотивации параллельного функционирования в рамках единой системы двух грамматических моделей: «*cum* + индикатив» и «*cum* + конъюнктив».

Ключевые слова: Латинский язык, обстоятельственные отношения, концепты, предложения с союзом *cum*. Latin language, circumstantial relations, concepts, sentences with conjunction *cum*.

В латинских текстах классического периода наблюдается разнообразие подчинительных союзов – операторов смысловой связи между частями сложного высказывания. Однозначная интерпретация большинства союзов (время, причина, уступка) объясняет их распространенность в устной речи, о чем свидетельствуют литературные памятники, отражающие разговорный узус (драматургия, поэзия, эпистолография). Напротив, в языке литературной прозы отмечается преобладание древних союзов общей обстоятельственной семантики (*ut*, *cum* (*quum*)). Не отвергая традиционной стилистической мотивации употребления данных союзов, нельзя забывать о том, что главной целью любого повествования является передача определенной информации. Поэтому закономерен вопрос: как с помощью союзов общей обстоятельственной семантики удавалось обеспечить передачу разнообразных смыслов, о воплощении которых в латинской языковой картине мира свидетельствует параллельное функционирование союзов с конкретными значениями. Нетрудно предположить, что такая возможность должна быть обусловлена объектив-

ными параметрами, определяющими разнообразное использование союза адресантом и его адекватную интерпретацию адресатом.

Согласно современной грамматической теории, «грамматика на самом деле составляет концентрированную семантику: она воплощает систему значений, рассматриваемых в данном конкретном языке как особенно важные, действительно сущностно необходимые при интерпретации и концептуализации действительности и человеческой жизни в этой действительности» (Вежбицкая 1999: 44). В свете данного тезиса представляется, что исследование функционирования грамматических единиц окажется наиболее эффективным при использовании когнитивного и коммуникативного подходов: изучении соотношения ментальных и вербальных репрезентаций в опоре на ключевое понятие когнитивной лингвистики, концепт – ментальное образование, фокусирующее коллективное знание о мире, включающее в свою структуру когнитивный и ценностный элементы. Используя данный инструментарий, обратимся к рассмотрению механизма функционирования и интерпретации одного из союзов общей обстоятельственной семантики – союза *cum*.

В грамматиках придаточные предложения, вводимые союзом *cum*, дифференцируются в зависимости от формы глагола-сказуемого (индикатив-конъюнктив). Последуем тому же принципу в нашем изложении.

Для союза *cum*, вводящего придаточные предложения со сказуемым-глаголом в индикативе, приводятся следующие трактовки: *cum temporale*, *cum iterativum*, *cum inversum*, *cum explicativum (coincidens)* (Leumann, Hofmann, Szantyr 1964: 621–626; Соболевский 1998: 275). Каждое из перечисленных наименований получает объяснение в виде индивидуальных характеристик соответствующих придаточных предложений, построенных, однако, на разных основаниях.

Cum temporale и *cum iterativum* различаются характером действий, описанных в следующих за ними придаточных предложениях: единичные – повторяющиеся. Ср.: *Morietur Epicurus, cum duo et septuaginta annos vixerit* (Cic.Fat.19) и *Cum*

ver esse coeperat, Verres dabat se labori atque itineribus (Cic.Verr. 5, 27).

Основанием для введения термина *cum inversum* явилось то, что в главном предложении обычно описывается некое протяженное во времени положение дел, на фоне которого (или сразу после) происходит одномоментное действие, описание которого составляет содержание придаточного предложения: *Vixdum epistolam tuam legeram, cum ad me Postumus Curtius venit* (Cic.Att. 9, 2a, 3). Здесь мы считаем нужным заметить, что ситуативный фон какого-либо события вполне может оказаться главной целью сообщения, что и объясняет оформление соответствующей информации в виде главной части высказывания. Подобное смысловое соотношение наблюдается нередко и в тех случаях, когда союз трактуется как *cum temporale*: *Cum Caesar in Galliam venit, alterius factionis principes crant Aedui, alterius Sequani* (Caes.B.G. 6, 12, 1). Вынесение главной части высказывания на первое место в случае с *cum inversum* может носить эмфатический характер. Поэтому термин *cum inversum*, на наш взгляд, можно отнести к структуре сложного предложения, но не к его семантике.

Напротив, при рассмотрении содержания сложных предложений с союзом, трактуемым как *cum explicativum*, выявляется, что не придаточное служит пояснением главного, а наоборот, главное – придаточного: *De te, Catilina, cum tacent, clamant* (Cic.Cat. 1, 21). Кроме того, внешний рисунок действий, описанных в главном и придаточном предложениях, не совпадает и тем более не тождественен, поэтому и термин *cum coincidens* также нельзя считать вполне отражающим отношение между частями высказывания.

Данный обзор выполнен с целью продемонстрировать, что трактовки союза *cum* во всех рассмотренных случаях в действительности относятся к содержанию придаточных предложений (к тому же они не всегда убедительны). Назначение собственно союза *cum* при этом остается «в тени».

Учитывая, что во всех рассмотренных случаях содержание как главной, так и придаточной части высказываний составляет описание реальных событий (глаголы в обеих

частях сложных предложений – в формах индикатива), происходящих как параллельно друг другу, так и последовательно (на что указывают временные формы глагол-сказуемых), можно заключить, что построение соответствующих высказываний осуществляется говорящим на основании общего для них ментального концепта – соотнесения двух независимых положений дел на оси времени: единичное/повторяющееся соположение или последовательное расположение (*cum temporale/ cum iterativum*), включение одного события во временные рамки протекания другого (*cum inversum*), слияние в одной точке на оси времени (*cum explicativum/coincidens*).

Концепт времени является общим смысловым стержнем, объединяющим все рассмотренные варианты предложений, и получает общее языковое воплощение (союз *cum*). Этот концепт составляет основу семантической характеристики данных высказываний, обусловив единую для всех них грамматическую модель: «союз *cum* + глагол-сказуемое придаточного предложения в индикативе».

Традиционные интерпретации союза *cum*, присоединяющего придаточные предложения со сказуемым-глаголом в конъюнктиве – *cum historicum, cum causale, cum concessivum, cum adversativum* (Leumann, Hofmann, Szantyr 1964: 619–620; Соболевский 1998: 275).

Грамматическая особенность предложений этой группы (конъюнктив в придаточном предложении) свидетельствует о наличии в их семантике общего компонента, объединяющего данные предложения и отсутствующего в семантике придаточных предложений с глаголом в индикативе. С учетом того факта, что содержание придаточных предложений с глаголом в формах конъюнктива – описание реальных событий или положений дел (как и в придаточных предложениях с глаголом в формах индикатива), следует заключить, что конъюнктив здесь используется не в первичной функции – для обозначения желательности или предположительности некоего положения дел, а в функции вторичной, выходящей за рамки семантики собственно предиката, но также реализующейся в пределах данной части высказывания и осуществляющей воплощение семы «субъективность». Эта функция

заключается в формальном воплощении субъективной авторской оценки той роли, которую содержание придаточной части играет в общем содержании высказывания, а следовательно, – обозначения логической связи между содержанием придаточного предложения и содержанием главной части. Эта связь определяется автором путем логического анализа содержания сопоставляемых частей высказывания и может быть определена как логическая зависимость (ср.: на причинный оттенок в придаточных с *cum* и глаголом в конъюнктиве указывает ряд исследователей (Wackernagel 1926: 244; Moignet 1959: 238).

На основании опыта работы с прозаическими текстами можно констатировать, что придаточные с *cum causale* и *cum concessivum*, уступая придаточным с *cum historicum* в частотности употребления, превосходят их в грамматической палитре: в отличие от придаточных с *cum historicum*, сказуемое которых всегда выражено глаголом в прошедшем времени, сказуемые придаточных предложений с *cum causale* и *cum concessivum* демонстрируют разнообразие временных форм, обозначающих, наряду с прошедшим, и настоящее: *Zenonem, cum Athenis essem, audiebam frequenter* (Cic. N. D. 1.21, 59) – *cum historicum*; *In duobus malis cum fugiendum maius est, levius est eligendum* (Cic. Ep. ad Octav.8) – *cum causale*; *Cum homini sit iratus, tamen rei publicae causa defendit Antonium* (Cic. Phil. 8, 6, 18) – *cum concessivum*. Данное грамматическое различие обусловлено разными коммуникативными задачами, решаемыми с помощью данных высказываний: в случае с *cum historicum* это – логически связанное описание прошедших событий (историческая связь событий, по выражению И. М. Тронского (Тронский 1953: 215)); в случае с *cum causale* и *cum concessivum* на первый план выступает авторская оценка связи между описываемыми положениями дел как в прошлом, так и в настоящем, выявление логической зависимости между ними. Конкретный характер логической зависимости (причина, уступка) не получает в придаточном предложении специального лексического воплощения (операторы типа *tamen* в главной части присутствуют далеко не всегда). Эта конкретизация осуществляется как адресантом, так и адре-

сатом на основании общих фоновых знаний о мире и общих ментальных и ценностных концептов, составляющих коллективный опыт социума, членами которого являются участники коммуникации – как устной, так и письменной.

Необходимо подчеркнуть, что оценка логической связи между описываемыми событиями в предложениях с *cum historicum* (где она, как и в придаточных с *cum causale* и *cum concessivum*, эксплицируется формой конъюнктива глагола-сказуемого) вводится в текст по инициативе автора, который использует этот прием или отказывается от него, руководствуясь стратегией повествования, требованиями жанра и стиля, личными соображениями. Так, Тит Ливий в своем историческом труде «Ab Urbe condita» нередко использует в придаточных предложениях с союзом *cum* индикатив – очевидно, желая подчеркнуть объективность повествования: *In eodem terrore erimus, in quo nuper fuimus, cum Hasdrubal in Italiam transcendit* (Liv. 28, 42, 14).

Содержание высказываний в форме предложений с союзом *cum*, характеризуемым в грамматиках как *cum adversativum*, развивается в рамках единой сюжетной темы, различие между придаточной и главной частью проводится по количественному или качественному параметру: *Nostrorum equitum erat quinque milium numerus, cum hostes non amplius octingentos equites haberent* (Caes. B. G. 4, 12, 1). Распределение сюжетов между придаточной и главной частью осуществляется автором в зависимости от степени их коммуникативной значимости в общем содержании высказывания.

Предложения с *cum adversativum* по внешнему содержанию рисунку сближаются с предложениями с *cum concessivum*. Иногда исследователи не разделяют эти значения, отмечая лишь одно из них. Так, авторы «Этимологического словаря латинского языка» (Ernout, Meillet 1959: 561) в перечне значений *cum* наряду с временем и причиной называют противительность, а уступительность не упоминают. Представляется, что разница между *cum concessivum* и *cum adversativum* заключается в реализации с их помощью разных коммуникативных задач: в случае с *cum concessivum* коммуникативная задача высказывания

реализуется в содержании главной части, а в придаточной указывается на существовавшие, но не реализованные препятствия главному событию; в случае с *cum adversativum* цель высказывания – противопоставление двух равноправных сюжетов в рамках общей информационной темы. Использование в данном случае грамматической модели с конъюнктивом в придаточной части призвано подчеркнуть авторские предпочтения.

В проведенном исследовании, благодаря привлечению в качестве исследовательского инструментария понятий когнитивной лингвистики и теории коммуникации, оказалось возможным объединить все предложения с союзом *cum* в единую иерархическую систему, базирующуюся на сочетании семантических и грамматических параметров. Были выделены два базовых ментальных концепта – концепт времени и концепт логической оценки, находящийся в отношении дополнительности к первому. В соответствии с реализацией в высказываниях с *cum* только концепта времени или его сочетания с концептом оценки логической связи между положениями дел, описанными в разных частях высказывания, сформулирована единая семантическая мотивация параллельного функционирования в языке двух грамматических моделей: «*cum* + индикатив» и «*cum* + конъюнктив».

Дальнейшая дифференциация придаточных предложений, по внешнему рисунку совпадающая с традиционной, но отличающаяся от нее в семантической трактовке, получает формальное подтверждение в виде разных сочетаний и разного количества употребляемых временных форм глаголов-сказуемых в главной и придаточной частях сложных предложений. Необходимо также еще раз уточнить, что общепринятая терминология, традиционно связываемая с союзом, по сути относится к содержанию придаточной (а иногда и главной) части сложного предложения.

Литература

- Вежбицкая 1999 – Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999.
- Соболевский 1998 – Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. – СПб.: Алетейя, Летний сад, 1998.
- Тронский 1953 – Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Ernout, Meillet 1959 – Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étimologique de la langue latine. Histoire des mots. 4-ème éd. – Paris: Klincksieck, 1959.
- Leumann, Hofmann, Szantyr 1964 – Leumann M., Hofmann J.B., Szantyr A. Lateinische Grammatik. Bd.II. Lateinische Syntax und Stilistik. – München: C. H. Beck, 1964.
- Moignet 1959 – Moignet G. Sur le mode subjonctif en latin postclassique et en ancien français. T.I, II. – Paris: Presses universitaires de France, 1959.
- Wackernagel 1926 – Wackernagel J. Vorlesungen über Syntax. I Reihe. 2 Aufl. – Basel: Birkhäuser & Cie, 1926.

Summary

The article is devoted to the study of conceptual mechanisms of the logical link between propositions in the complex sentences with *cum*. Through the investigation of Latin texts it became possible to reveal concepts underlying the formation of circumstantial relations – the concept of time and the complimentary concept of logical evaluation. These concepts became the basis for the semantic motivation of a parallel functioning within a unique system of two grammar models: “*cum* + *indicativus*” and “*cum* + *conjunctivus*”.

Т. Ф. Теперик

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РОЛЬ ЭКСКУРСОВ В «АРГОНАВТИКЕ» АПОЛЛОНИЯ РОДОССКОГО

Резюме. Мифологические, этнографические и религиозные экскурсии представлены в «Аргонавтике» двумя типами нарратива: в первом случае в связи с путешествием аргонавтов описываются обряды и обычаи народов, им неизвестные; во втором – современные факты аналогичного порядка, но в связи с конкретным событием в прошлом. Соответственно при сохранении пространственных координат временные меняются, что не только изменяет точку зрения на события, но и расширяет временные и исторические рамки повествования. Монтажность эпизодов, обусловленная дискретностью сюжета поэмы об аргонавтах, определила композиционную функцию экскурсов, выполняющих роль композиционного шва, соединяющего различные элементы повествования.

Ключевые слова: Аполлоний Родосский, жанр, экскурс, нарратив, композиция.

«Аргонавтика» изобилует разного рода географическими, этнографическими, мифологическими и т. д. экскурсами в большей степени, чем любая из эпических поэм античности, поэтому сказать, что они ещё не были объектом специального изучения, было бы большим преувеличением¹.

Вкусы времени, на которые эллинистический поэт не мог не ориентироваться, определили обилие описаний предметного мира и в поэме об аргонавтах, и без преувеличения можно сказать, что сама многочисленность этих экскурсов позволяет понять жанр поэмы Аполлония как жанр не *мифологической*, но *этиологической* поэмы, хотя мы и не располагаем ещё хотя бы одним полностью сохранившимся такого рода образцом.

¹ Под экскурсом традиционно понимается отступление от основной темы повествования для описания фактов и событий, имеющих для содержания побочное значение.

Яркость отпечатка эллинистических тенденций в экскурсах в сравнении с остальным текстом очевидна, но исследованы они главным образом со стороны идеологической, содержательной, с точки зрения достоверности содержащихся в них реалий предметного мира, соответствия конкретных сведений параллельным местам у других эллинистических авторов, и т. д. и т. п. При этом один аспект, а именно – какова же их художественная роль, исследован в значительно меньшей степени. Речь идет не о каждом из экскурсов в отдельности, но обо всех вместе. Это связано с тем, что наиболее корректный ответ на вопрос и об экскурсах, и об отступлениях иного рода как о художественных элементах произведения можно получить лишь в контексте изучения *поэтики жанра*, и именно анализ жанров смешанных, гибридных, представляет собой, как показано С. С. Аверинцевым, большую сложность (Аверинцев 1989: 20).

Жанровая пойкилия – одна из характерных примет эллинистического времени, поэтому и в «Аргонавтике», несмотря на «осторожное», по словам М. Л. Гаспарова, «модернизаторство» её автора (Гаспаров, 1994 :138), сочетаются различные компоненты не только эпических, но и драматических жанров.

Так, характерными средствами трагедийной поэтики² в «Аргонавтике» являются 1) форма божественного вмешательства, восходящая к трагедийному *deus ex machina* 2) различные формы косвенной речи 3) коллективная речь, ориентированная на текст хора. К этому можно добавить изображение сновидений, так как символические, многосюжетные сны героев поэмы Аполлония в большей степени ориентированы на онейротопику трагедии, чем на гомеровскую поэтику сновидений. В гомеровском эпосе функция снов состояла не столько в том, чтобы харак-

² Драматизм настолько выразителен в ряде сцен поэмы, что некоторые авторы видят в отдельных эпизодах просто-напросто сокращения трагических сюжетов. Так, например, весь эпизод с убийством Апсирта (Arg., IV, 351–560), возможно, восходит к несохранившейся трагедии. (Штоссель 1941: 32).

теризовать персонажа, сколько в том, чтобы «двигать» действие, в то время как в трагедии – наоборот (Деверо 1976: 254).

Параллельно с драматическими приёмами в «Аргонавтике» используются художественные средства, свойственные жанрам лирическим. Это, во-первых, лирическая функция сравнения, которое, наряду с развёрнутой картиной гомеровского типа, может быть кратким, но ярким, экспрессивным, ёмким образом. Это, во-вторых, пейзажный хронотоп, в котором характерные картины пейзажа сочетаются с обозначением времени³.

И, это, в-третьих, совершенно нетипичные для эпоса формы авторского присутствия в тексте: эпический зачин, который не только повторяется в трех из четырех книг «Аргонавтики», но и сам по себе является более пространственным, занимая не одну – две, а пять – семь строк. Но если здесь автор, хотя бы в согласии с эпическим каноном, обращается к *божеству*, то довольно часто он обращается и к *героям* своего произведения а, кроме того, что эпике, во всяком случае, античной, совершенно не свойственно, и к *самому себе* тоже⁴.

«Но какая нужда меня нудит / Речь так подробно вести, сказанья о нём излагая?» (Arg., I, 650 652).

«Да, но всё это от песни *моей* отдалить меня может» (Arg., I 1, 220)⁵.

Хотя все подобного рода авторские отступления связаны, прежде всего, с содержанием, тем не менее – это всё же отвлечения, и довольно частые. Кроме муз, героев, и себя самого, в самые неожиданные моменты действия автор обращается ещё и к какому-то неведомому адресату,

³ В отличие от архаического эпоса, не придававшего пейзажу самостоятельного значения, пейзаж «Аргонавтики» осознаётся автором как самодостаточная художественная ценность (Вильямс 1989: 134)

⁴ Авторские отступления, обращения автора к себе и к героям своего произведения Massimo Fusillo (Fusillo 1997: 212.) понимает как *паратекст*, роль которого заключается в смене *точки зрения* на события.

⁵ Здесь и далее перевод Г. Церетели.

предваряя описание той или иной сцены фразой типа «ты бы сказал, что...»

«Ты бы, пожалуй, сказал: так молнии, в бурную пору / С тёмного неба срываясь, одна за другую трепещут» (Arg., III, 260–261)

«Сказал бы ты, / что не строй кораблей, но пернатых нечетная стая / В путь устремилась и ныне шумит средь морского простора» (Arg., IV, 238–239). И эти отступления в сторону неназванного адресата так же, как правило, связаны с содержанием, но, тем не менее, это – отвлечения, по количеству не уступающие авторским обращениям к себе. На то, чтобы определить этого адресата, можно потратить много усилий, однако факт, что эпической поэзии подобная диалогичность не свойственна, известен, как известно и то, из каких жанров она «пришла» – из лирических; разнообразие же форм авторского присутствия – приём, субъективирующий нейтральность эпического изложения.

Когда автор обращается к покровителю муз, Фебу, в начале первой книги поэмы, то это в целом совпадает с эпической традицией. Однако поскольку «Аргонавтика» по числу стихов гомеровским поэмам уступает, и довольно существенно, то авторское присутствие в тексте в сравнении с гомеровским усиливается: Аполлоний и по количеству инвокаций превосходит гомеровский эпос, и сами они являются более пространными. Вопрос о том, почему из четырех книг «Аргонавтики», с обращений к божеству начинаются три (первая, третья и четвёртая), предполагает различные на него ответы в зависимости от постановки самого вопроса. Можно задать вопросом, почему их целых три, но можно – и почему их только три. Наиболее распространенная точка зрения заключается в том, что вторая книга не начинается с обращения к божеству, потому что сюжетно она примыкает к первой (Падуано 1986: 69). Не отрицая зависимости инвокаций от событийной канвы, заметим, что существуют и иные возможности для интерпретации логики иновокативного призыва. Итак, обращение к божеству в начале поэмы находится в соответствии с эпическим каноном, хотя, в отличие от древнего поэта, который просил музу поведать о подвигах

героев, автор поэмы об аргонавтах сообщает, что на этот раз рассказчиком будет он сам. Отсутствие подобного обращения в начале второй книги, в общем, находится в согласии с эпической традицией. Таким образом, читатель вправе ожидать такого же отсутствия и в начале третьей книги. Однако эти ожидания не оправдываются, так как третья книга начинается с обращения к Музе любовной поэзии, связанной с содержанием этой книги тематически. Поскольку обращение содержится в начале первой и в начале третьей книги, можно предположить, что в начале четвёртой, как и во второй, его не будет. То есть, что сильной позиции четных книг свойственен один приём, нечетных – другой. Однако и этого не происходит, так как в начале четвёртой книги вновь появляется обращение к божеству, причем в самом традиционном варианте, на этот раз автор просит Музу, богиню, дитя Зевса, рассказать о судьбе Медеи (Arg., IV, 1–4).

Таким образом, дважды читательские ожидания оправдываются, и дважды – обманываются, что, с одной стороны, уравнивает традицию и новаторство, а с другой, придаёт смене элементов начальных позиций каждой из книг определенный ритм. Причем, и тогда, когда ожидания оправдываются, и тогда, когда – нет, поскольку, в отличие от слушателя эпического певца, который внимал голосу сказителя, читатель эллинистического писателя объект для сравнения в виде предшествующей традиции имел. Как количество начальных обращений автора, так и их качество идут в разрез с этой традицией, и использование такой типично гомеровской формулы, как *«Ум мой в сомненье большом, меж двух колеблется мыслей»* (Arg., IV, 5–6) это лишь подчеркивает.

Таким образом, как лирическое, так и драматическое проявляется в поэме Аполлония на трех уровнях. Во-первых, на уровне элементов организации самого текста. Во-вторых, на уровне использования конкретных приёмов изображения. И, в-третьих, на уровне модусов лиризма и драматизма в тексте поэмы.

Смысл многих из этих приёмов становится понятнее при рассмотрении художественной функции экскурсов. Наряду с элементами иных жанров, таких, как экфрасис

или идиллия, они наделяют поэму Аполлония тем самым жанровым многоголосием, которое придает эллинистическому произведению особое очарование.

Разумеется, элементы жанра идиллии, характерные как для эпизода с Гиллом, так и для пейзажного хронотопа (в час, когда...) можно объяснить и влиянием Феокрита. Или даже, как это делают некоторые ученые, прямым подражанием ему, а географические и обрядовые экскурсы – объяснить подражанием Каллимаху (Завьялова 2009: 68). Однако не всякое сходство свидетельствует о подражании, особенно в случае разительного отличия в художественных целях. В случае использования аналогичных художественных приёмов в произведениях различной жанровой ориентации сходство может служить и доказательством полемики.

Это не означает, что у многочисленных контекстов географического, мифологического и этиологического характера в эпическом повествовании нет особой содержательной ценности. Но из этого не следует, что у них нет художественной функции, определенной не только каждым конкретным элементом сюжета, а его поэтикой в целом.

И подобно тому, как большинство содержащихся в «Аргонавтике» приёмов представлено двумя типами (так, сравнения бывают и эпического, и лирического типа, монологи – и в виде прямой речи, и косвенной, изображение божественного влияния – как старого, традиционного «эпического» типа, так и нового, «драматического»⁶ и т. д.) всё многообразие экскурсов реализуется в поэме Апол-

⁶ Отличие эпического и драматического проявлений божественной помощи состоит в том, что если «эпические» божества являются полноправными участниками событий, и их помощь ожидается и прогнозируема, то в случае *deus ex machina* боги появляются неожиданно, внезапно, когда ситуация обострена и запутана, а помощи ждать, в общем, неоткуда. Налицо и композиционное отличие. Если «эпические» божества в «Аргонавтике», как правило, появляются в начале книги, то «драматические» – в конце. Кроме того, «эпические» боги олимпийского пантеона (Афина, Гера), в то время как «драматические», главным образом, – морские (Главк, Тритон).

лония двумя видами нарратива⁷. С одной стороны – это изображение стран и обычаев народов, аргонавтам неизвестных, чем и объясняется введение в основной текст описаний подобного рода (таких, как погребальные обряды у колхов, жизнь тибаренов (Arg., II, 1009–1015), моссицеков (II, 1021–29) халибов (II, 374–78) и т. д.), с другой – описываются *современные читателю обряды и памятники*, но уже в связи с конкретным событием, имевшим место в прошлом.

Например, после описания убийства Апсирта, автор рассказывает о судьбе сопровождавших его колхов, которым Гера, бросив молнию, помешала преследовать аргонавтов; не посмея вернуться к Эту, они живут и поныне в горах, называемых керавнийскими (IV, 518–521). Так же точно после описания поисков Гераклом Гилла объясняется, почему кианийцы при совершении обрядов задают о нём вопрос (Arg., I, 1353–1355), или почему горы называются амазонскими (II, 977), а река – Каллихором (II, 910), каково происхождение пеэна Фебу (II, 714) и храма Согласия, который аргонавты воздвигли, освящая свой союз (II, 719), а также храма у берегов пафлагонцев, (III, 250–252), почему острова, которые раньше звались «Плавучими», теперь зовутся «Поворотными» (II, 295–296), откуда у фригийцев обычай бить в бубны и тимпаны (I, 1137–39), а у ионийцев Кизика – молоть муку для жертв на общей мельнице (I, 1070–79). Примеров подобного рода отклонений от основного содержания много, и одно из главных различий между описанием обрядов и обычаев, аргонавтам неизвестных, и изображением аналогичных фактов, современных автору и читателю, состоит в следующем. В первом случае экскурсии, какого бы типа они ни были, «горизонтом читательских ожиданий» прогнозируются, поскольку

⁷ Распределение «географических и мифологические замечаний» на два вида (замечания-приложения и замечания-экскурсы) в зависимости от длины текста, как это делает Смыка (Смыка, 1971: 356) оправдано, но не вполне корректно с терминологической точки зрения ввиду расплывчатости слова «замечание» применительно к художественному тексту.

само путешествие аргонавтов предполагает, что рассказ о неизвестной местности или народе будет. В то время как во втором случае это не столь очевидно; сложно предугадать, в связи с каким именно событием из тех, что изображены в поэме, автор сочтет необходимым описывать тот или иной современный обычай или реалию. Иными словами, хотя между самым внесюжетным описанием и сюжетным действием существует логическая связь (Смыка, 1971: 360), логика художественной мотивации включения такого описания в тот или иной контекст совсем не очевидна.

Таким образом, если пространственные координаты эпического действия неизменно сохраняются, то временные – меняются, и это постоянное прерывание нарративного потока, изменение временной точки зрения на события, реализация в экскурсах семантики итеративности, неизбежно меняет и дискурс. Поскольку рассказ о событии излагается уже не как рассказ о прошедшем, но как рассказ о настоящем.

По существу, экскурсами достигается цель, близкая к той, которая была у гомеровских сравнений. Ведь и их сюжеты, содержащие привычные для слушателей сцены, точно так же помогали устранить временные преграды, «проецируя нечто давнее и далёкое в современный видимый и знакомый мир» (Чистякова 2001: 164).

В то же время, имеет место нечто противоположное тому, что происходит при смене прямой речи на косвенную, когда точка зрения меняется, наоборот, *с настоящей на прошедшую*, что также не может не придавать эпическому повествованию некоторого напряжения, тем самым, в определённой степени, драматизируя его. Как сходство, так и несходство поэтики «Аргонавтики» с гомеровскими поэмами, – следствие стремления автора создать новый тип эпического произведения – с минимальной опорой на традицию, и с максимальным стремлением к аккумуляции приёмов большинства имевшихся на то время поэтических жанров.

Поэтому для изучения поэмы Аполлония, как, впрочем, и для всей эллинистической поэзии, методология исследований в области интертекстуальной поэтики (Кузь-

мина, 2009) представляет особый интерес, даже мы и не всегда имеем дело с той «постоянной напряженной игрой смыслов, возникающих почти в каждой строчке образов из Гомера, Гесиода, Эмпедокла и других поэтов», какая была характерна, например, для Арата (Россиус, 1996: 4).

Но если гомеровские, то есть эпические, черты в «Аргонавтике» узнаваемы и по большей части реализованы на уровне *интертекста*, то черты иных жанров, интегрированных в эпическую поэму, в большей мере представлены на уровне *транстекстуальной* поэтики, на уровне жанрового дискурса (Пье-Гро 2007: 228). Почему же именно в «Аргонавтике» имеются черты практически всех сформировавшихся к тому времени поэтических жанров, почему именно в этой поэме так много уклонений как от жанрового канона, так и от основного сюжета? Только того, что Аполлоний, «в отличие от Гомера, имел возможность обращаться к богатой сокровищнице прошлого словесного и драматического искусства» (Чистякова 2001: 160), всё же не вполне достаточно для того, чтобы он к ней столь часто обращался. Сложно доказать, что в качестве образца автор поэмы об аргонавтах ориентировался на поэму киклического типа, но невозможно опровергнуть, что сюжет поэмы в высшей степени эпизодичен, что неоднократно ставилось в вину её автору. Эта дискретность сюжета, повлиявшая, в свою очередь, на монтажность эпизодов, соединенных с помощью элементов различной жанровой природы, не последнее место среди которых принадлежит разного рода экскурсам, и определила жанровое своеобразие поэмы об аргонавтах.

В силу, с одной стороны, чрезвычайной вариативности содержания экскурсов, включающего в себя самые различные описания нравов, обычаев и реалий, с другой – их внутренней, понятной эллинистическому читателю связи с контекстом.

Казалось бы, в содержательном плане ретардируя повествование, в сюжетном плане эти описания предметного мира его ускоряют, выполняя роль необходимой связки между различными элементами композиции, быстро позволяющей перейти от одного эпизода к другому. И, если бы даже время создания поэмы об аргонавтах по

каким-то причинам было бы нам неизвестно, на основании одной только жанровой полифонии этой поэмы, наиболее разнообразно представленной многочисленными экскурсами, можно было бы установить, что время её создания – эпоха эллинистического барокко⁸, с его тенденцией к монтажной композиции, стилевому многообразию и жанровой многоликости.

Литература

- Аверинцев 1989 – Аверинцев С. С. Жанры как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. М.
- Гаспаров 1994 – Гаспаров М. Л. Поэзия и проза – поэтика и риторика. // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.
- Завьялова 2009 – Завьялова В. П. Каллимах и его гимны. М.
- Кузьмина 2009 – Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессе эволюции поэтического языка. М.
- Пьеге Гро 2007 – Пьеге Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.
- Россиус 1996 – Россиус А. А. Художественный мир эллинистического поэта (на материале поэмы Арата из Сол «Явления»). Автореферат доктора филол. наук. М.
- Смыка О.В. О композиции «Аргонавтики» Аполлония Родосского // Вопросы классической филологии. Вып. III-IV. М., 1971. С. 344–364.
- Чистякова 2001 – Чистякова Н. А. Сказание об аргонавтах, его история и поэма «Аргонавтика» Аполлония Родосского // Аполлоний Родосский. Аргонавтика. М. С. 141–176.
- Devereux 1976 – Devereux G. Dreams in Greek Tragedy. Berkeley. Univ. of Calif. Press.
- Fussillo 1997 – Fussillo Massimo. How novels end; some patterns of closure in ancient narratives. Classical Closure. Reading the end in Greek and Latin Literature. Princeton. New Jersey.
- Paduano 1986 – Paduano G. Apollonio Rodio. Le Argonautiche. Milan.

⁸ А. А. Россиус пишет о маньеристских тенденциях в творчестве эллинистического поэта (Россиус, 1996: 32).

Stossel 1941 – Stossel F. Apollonius Rhodius. Interpretationen zur Erzellungskunst und Quellenverwertung. Bern.

Williams 1989 – Williams M. F. Landscape in the Argonautica of Apollonius Rhodius. Diss. The Univ. of Texas at Austin.

The role of excurses in Apollonius Rhodius' "Argonautica"

Various types of excurses (mythological, ethnographic and religious) are conveyed in "Argonautica" through two types of narration. As Argo's travel continues, the description is given, first, of the ceremonies and customs previously unknown to the crew, and after that, some facts of a similar character are supplied, contemporary to the reader. Each of them is connected with a certain event in the past. Consequently, while the spatial coordinates remain the same, the temporal ones change. This leads not only to the changes of the point of view, but also widens historical and temporal frames of narration.

Discrete types of the plot with the episodes being cut cinematographically determines the structural function of excurses, which is to serve as a seam made to stitch together various elements of narration.

Т. В. Топорова

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЕ ВРАТЬИ И ИХ ГЕРМАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ¹

Резюме. В статье выдвигается гипотеза о восхождении к индоевропейскому корню **wer-t-* 'вращать' (Pokorný 1959, II: 1156-1158) как др.-инд. *vrāta*, так и др.-исл. *urðir* 'силы судьбы', в которых эксплицируется семантическая мотивировка *движение* (*виток, поворот*) и актуализируются общие мотивы в структуре содержания соответствующих образов: среди множества выделяется центральный персонаж с тем же именем (вратьи – Вратья, др.-исл. *urðir* 'силы судьбы' – *Urðr*, персонификация судьбы); они изофункциональны (наделены креативной силой) и участвуют в мифе творения.

Ключевые слова: реконструкция, сопоставление, древнеиндийский, древнеисландский, Атхарваведа, Старшая Эдда, вратьи, Урд, персонификация судьбы, структура содержания мифологического образа.

Пятнадцатая книга Атхарваведы посвящена прославлению вратьев;² этот текст туманен, он изобилует непонят-

¹ Статья выполнена в рамках программы фундаментальных исследований секции языка и литературы ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации. V. Лингвистические аспекты исследования текста» (рук. д. ф. н. И. И. Чельшева).

² Прежде чем перейти непосредственно к теме статьи (в её основе лежит доклад, сделанный на Четвертых чтениях памяти акад. В. Н. Топорова «Сквозь призму мифологии» 3 декабря 2009 г.), следует отметить, что реализация этого замысла была бы невозможной без квалифицированной помощи, касающейся ведийского материала. Можно считать большой удачей, что Леонид Куликов, специалист по ведийскому языку, сотрудник Лейденского университета, с большим энтузиазмом и оперативностью вызвался снабдить меня соответствующей литературой и оценить предлагаемую мной интерпретацию материала, представленного в АВ, за что я ему очень благодарна. Важнейшим аргументом в пользу осуществления моих намерений послужило и то обстоятельство, что в моём распоряжении имелся перевод

ными местами, а о главных действующих лицах – вратьях – имеется весьма скудная информация, хотя они играют особую роль в ведийской модели мира, так как, согласно одной из теорий, «отличие АВ от остальных вед объясняется этнокультурными причинами. <...> в противоположность другим ведам, сложившимся в брахманическом круге, АВ была создана в среде вратьев» (Елизаренкова 2005: 29) и выражала их культуру – «заговоры чёрной и белой магии, культ Рудры-Шивы, пережитки фаллического культа <...>, наконец, прямое возвеличение вратьев в отдельной книге АВ» (Елизаренкова 2005: 30). О значении вратьев в эпоху вед свидетельствуют некоторые экстралингвистические факты, в частности, специальное жертвоприношение – вратьястома, с помощью которого они могли быть приобщены к брахманической религии.

Если собрать отрывочные сведения о вратьях, зафиксированные в АВ, то получится следующая картина: вели кочевой образ жизни, перемещаясь на повозках, практиковали аскетизм³, занимались магией, развивали учение о разных типах дыхания, каждому из которых соответствует отдельная область вселенной, отождествляли своё тело с элементами макрокосма. Сохранились некоторые детали внешнего облика вратьев, в частности, известно, что они носили тюрбаны, одевались в чёрное и набрасывали на плечи чёрную и белую бараньи шкуры, их отличительными признаками были колющая трость, украшение вокруг шеи и лук со спущенной тетивой. Создаётся впечатление, что речь идёт о мужском союзе с чётко регламентированными правилами поведения. Эти данные позволяют предположить, что вратьи были неким таинственным братством, принадлежащим к авангарду арийских пришельцев (Элиаде 2004), тайным обществом аскетов,

Т. Я. Елизаренковой последней части АВ и комментарии, ещё не опубликованные. Кроме того, приятной неожиданностью оказался всплеск интереса к избранному нами объекту исследования (достаточно упомянуть анализ воинских братств в индийской традиции: Васильков 2009).

³ Например, проводили в стоячем положении целый год.

проповедников некоего культа (Васильков 2005), религиозным союзом, члены которого исповедовали культ Рудры-Шивы (Charpentier 1911: 356; 371–372).

В предисловии к Атхарваведе Т. Я. Елизаренкова резюмирует сведения о *происхождении* вратьев, представлявших собой, судя по всему, «племена, жившие в восточной части Индии, а именно в Магадхе, и являвшиеся ариями по происхождению (они представляли собой раннюю волну иммиграции, вытесненную на периферию более поздними пришельцами), но не причастные к брахманической религии» (Елизаренкова 2005: 29). По поводу *социального* статуса вратьев существуют противоположные мнения: Рену считает вратьев АВ божественными существами космического масштаба (Рену 1956: 100), а Фальк, напротив, склонен видеть в них мужские союзы социально обездоленных – «младших сыновей из семей брахманов и кшатриев, которым не полагалось наследство, <...>, нападавших на царей и брахманов и отнимавших у них скот» (Елизаренкова 2005: 30). Не исключено, что эти концепции отражают различные временные полюса существования вратьев, их «начало» (Рену) и «конец» (Фальк), в целом прочерчивая путь их эволюции. В различных интерпретациях вратьев не подвергается сомнению их архаичность.

Остановимся на самом названии – др.-инд. *vrātya*. Это существительное образовано при помощи суффикса *-yah* со значением принадлежности от др.-инд. *vrāta*⁴, м. р. ‘толпа, отряд, союз’, оно обозначает ‘принадлежащий союзу’, маркируя члена мужского братства, находящегося за пределами брахманического культа. Этимология этих лексем считается неясной; возможное родство устанавливается лишь с немногочисленными лексемами из древнегерманского ареала – др.-англ. *wræð* ‘стадо, толпа’, др.-дат. *vrath*, дат. *vraad* ‘стадо свиней’. Спорным остаётся присоединение к этой группе готск. *wriþus* ‘стадо’ из-за крат-

⁴ Ср. значения др.-инд. *vrātaḥ* ‘Schar, Truppe, Haufe, Menge, Herde / troop, swarm, flock’ (Mayrhofer 1995, II: 280).

кости корневого гласного⁵ (Mayrhofer 1995, II: 280). Др.-инд. *vrāta-* традиционно связывают с др.-инд. *vr̥ṇóti*, возводимого к др.-инд. *var*² 'опоясывать, удерживать, запирать, сдерживать, обволакивать'⁶ (Mayrhofer 1995, II: 512) < и.-е. **wer-* 'связывать, упорядочивать' + *-t-*, дентальный расширитель корня (Pokorny 1959, II: 1150–1151). Кстати, идея движения актуальна и в древнегерманских лексемах. Семантическая мотивировка *стада* как совершающего хаотические *перемещения* эксплицируется как глаголом – швед. *vrāda* 'scharenweis gehen', так и наличием др.-англ. *wræð* 'Band, Binde, Bündel' (Holthausen 1963: 406) с имплицитно выраженными представлениями о *вращении, повороте*.

На основании информации, представленной в XV книге АВ, можно выделить наиболее релевантные моменты в структуре содержания образа вратьев.

1) **Движение** – главная характеристика вратьев как реально существовавших мужских союзов (а), а также вратьев в мифопоэтической модели мира (б).

а) И.-е. **wer-t-* 'вращать'⁷ (Pokorny 1959, II: 1156–1158) (<и.-е. **wer-* 'связывать, упорядочивать'), к которому восходит др.-инд. *vr̥ṇtya*, реализует идею **динамики**, доминирующую при описании вратьев, ведущих не оседлый образ жизни и всё время находящихся в движении. Ср. показательные примеры: в первой же строке первого гимна пятнадцатой книге АВ вратья называется «*передвигающийся*» (*īyatāna[h]*)⁸, что недвусмысленно указывает на

⁵ Впрочем, Штрайтберг постулирует готскую форму с долгим гласным: *wriþus* < **wrēþus*; к германским примерам добавляется также др.-исл. *ráði* 'вебрь' и кельтские и германские параллели без детерминатива *-t-*: др.-ирл. *foirenn*, валл. *gwerin* < **warinā* 'отряд, толпа', др.-англ. *weorn*, *worn* с тем же значением (Lehmann 1986: 411).

⁶ Букв. «umschließen, zusammenhalten, einschließen, zurückhalten, einhüllen» (Mayrhofer 1995, II: 512).

⁷ Ср. др.-инд. *vartate* 'вертеть, вращать', *vartáyati* 'приводить в движение, двигать' и др. (Pokorny 1959, II: 1156–1158).

⁸ На каком-либо транспортном средстве, чаще всего – на повозке; *herumwandelnder* (Charpentier 1911: 376). Знак * обозначает заим-

его кочевой образ жизни – постоянные переезды в повозках (др.-инд. *vīpatha*)⁹. Dharma-Sūtra II, 13-17 вратья постоянно называется «путешествующим гостем»¹⁰, а в XV книге АВ его типичные предикаты – вставать и бежать¹¹.

б) В первой строке седьмого гимна речь идёт о величии, ставшем *подвижным* (др.-инд. *sādthur*)*. Природу движения можно конкретизировать: в АВ постоянно подчёркивается мотив распространения вратьев вовне, охват ими всех направлений¹², передаваемый как раз др.-инд. *var*² ‘опоясывать, удерживать, запира́ть, сдерживать, обволакивать’, к которому восходит др.-инд. *vṛā-tya*. Ср. АВ XV, II: Он [вратья] последовал в *восточную* сторону (1); Он последовал в *южную* сторону (9); Он последовал в *западную* сторону (15); Он последовал в *северную* сторону (21); АВ XV, IV: Для него с *прочной* стороны (13); Для него с *направленной вверх* стороны (16); АВ XV, VI: Он последовал в (*разные*) стороны (22); Он последовал во *все* промежуточные пространства (24). Таким образом, на уровне содержания обыгрывается спектр значений, передаваемых др.-инд. *var*².

2) **Движение – рождение.** Вратья – творец, он имеет непосредственное отношение к сфере рождения. В ряде случаев изображается специфический вид динамики (возможно, колебаний, минимальных вращательных движений), идентифицируемый с рождением. Ср. начало первого гимна XV книги АВ: Был вратья, бродящий (вокруг). Он *возбудил* Праджапати (1). Этот Праджапати увидел в себе золото. Он его *породил* (2) или АВ XV, VIII: Он *пришел* в *возбуждение*. От этого *родился* раджанья (1). В изложении

ствование из неопубликованного перевода АВ Т. Я. Елизаренковой.

⁹ Ср. свидетельство об образе жизни вратьев в TMBr. XVII, 1, 2: “denn weder befließen sie sich um einen heiligen Wandel noch treiben sie Ackerbau oder Handel” (Charpentier 1911, 360) – разрядка наша (Т.Т.).

¹⁰ Цит. по (Charpentier 1911: 373).

¹¹ Ср. АВ II, 1–4; VI, 1 и др.

¹² Именно это значение имплицитно и.е. **wer-* ‘umschließen’, а также упоминание о TMBr. XVII, 23 *vṛātyacaranāt* “*vṛātya*-Wandel” (Charpentier 1911: 368).

Рену процесс первотворения выглядит следующим образом: «жил-был Вратья, производивший непроизвольное движение. Он привёл в возбуждение Праджапати; тот, в свою очередь, произвёл в самом себе ограниченную субстанцию – золото, которая сразу же приняла гигантские размеры и стала Экавратьей (единственным вратьей)» (Renou 1956: 100).

3) **Демииург пространства и времени.** Очевидна космогоническая основа образа Вратьи. В мифе творения он выполняет функцию субъекта космогенеза. Идея бытия отражает квинтэссенцию образа вратьи, ср. АВ II, 1, где он отождествляется с «бывшим и будущим»¹³. Части тела Экавратьи отождествляются с элементами вселенной, и в этом аспекте он напоминает космического первочеловека Пурушу. Ср. серию пространственных идентификаций: У этого Вратьи / Семь вдохов, семь выдохов, семь внутренних дыханий. / У этого Вратьи (тот) его вдох, который у него первый <...>, это этот *Агни*. / <...> У этого Вратьи (тот) его вдох, который у него третий, <...> это та *луна*. / У этого Вратьи (тот) его вдох, который у него пятый, <...> это те *воды*. / У этого Вратьи (тот) его вдох, который у него шестой, <...> это те *домашние животные*. / У этого Вратьи (тот) его вдох, который у него седьмой, <...> это эти *потомки* (АВ XV, XV); У этого Вратьи (то) его внутреннее дыхание, которое первое, оно эта *земля*. / У этого Вратьи (то) его внутреннее дыхание, которое второе, оно *воздушное пространство*. / У этого Вратьи (то) его внутреннее дыхание, которое третье, оно *небо*. / У этого Вратьи (то) его внутреннее дыхание, которое четвертое, оно эти *созвездия* (АВ XV, XVII, 1–4); Что касается его правого глаза, это то *солнце*. Что касается его левого глаза – это та *луна* (АВ XV, XVIII, 2).¹⁴ Ср. серию временных идентификаций: у него <...> *ночь – волосы* (АВ XV, II, 5); *Что было и что будет* – двое слуг при колеснице (АВ XV, II, 6); *Лето и весна* были у него

¹³ “In der östlichen Gegend sind ... das Gewesene und das werdende die beiden Seitenläufer” (Charpentier 1911: 377).

¹⁴ Ср. похожие мотивы: За ним последовали *земля и огонь*, и *травы*, и лесные *деревья*, и *кусты*, и *растения* (АВ XV, VI, 2).

двумя ногами, осень и дожди – (тоже) двумя (АВ XV, III, 4); У этого Вратьи (тот) его выдох, который первый, он день полнолуния (АВ XV, XVI, 1); У этого Вратьи (то) его внутреннее дыхание, которое пятое, это *времена года*. / У этого Вратьи (то) его внутреннее дыхание, которое шестое, оно *части года*. / У этого Вратьи (то) его внутреннее дыхание, которое седьмое, оно *год* (АВ XV, XVII, 5-7); *День и ночь* – его *ноздри*, <...> *год – голова* (АВ XV, XVIII, 4)¹⁵.

4) **Множество > единица**. Среди вратьев выделяется главный вратья. Ср. описание в первом гимне АВ XV Экавратьи: Оно стало единым. <...> Оно стало великим. Оно стало главным (3); Он стал единственным Вратьей (6). Этот фрагмент текста подтверждается экстралингвистическими данными о том, что «руководитель вратьев был связан в своём поведении определённым обетом (*vrāta*). Он отличался от своего отряда оружием, снаряжением, одеждой и назывался часто просто Вратья в единственном числе» (Елизаренкова, комментарий к XV книге АВ).

5) **Абстрактное > конкретное**. Как пронизательно отметил Рену, в XV книге АВ, как и в других аналогичных гимнах, развитие осуществляется от абстрактной субстанции к индивидуальному началу, от безличного к личному (Renou 1956: 100).

* * *

После анализа представлений о вратьях, засвидетельствованных в АВ, обратимся к древнегерманским параллелям, но не тем, которые фигурируют в этимологических словарях Майрхофера (Mayrhofer 1995, II: 280) или Лемана (Lehmann 1986: 411) и используются для номинации *толпы, отряда, стада* (др.-англ. *wræd*, др.-дат. *vrath*, дат. *vraad*, готск. *wriþus*), а к обозначениям **судьбы** – др.-исл. *urðr*, др.-англ. *wyrd*, др.-сакс. *wurth*, д.-в.-н. *wurt* (Vries 1977: 635-636), производным от глагола ‘становиться’ (др.-исл. *verða*, готск. *wairþan*, др.-англ. *weorðan*, др.-фриз. *wertha*, др.-сакс. *werthan*, д.-в.-н. *werdan* (др.-инд. *wartate* ‘крутиться,

¹⁵ Ср. также АВ XV, VI, 17: За ним последовали *времена года и части года*, <...> и *месяцы, и полумесяцы*.

находиться, жить', лат. *verto* 'вертеть, вращать', ст.-слав. *въртети* и др. (Vries 1977: 655).

Возникает закономерный вопрос: каковы основания для такого сравнения? Попытаемся привести аргументы в пользу этой гипотезы. Необходимо сделать лишь одно замечание: в качестве объекта сравнения выступает «правратья» или «небесный вратья», а не его «земная» ипостась¹⁶.

Во-первых, мы руководствуемся чисто **формальными** критериями. Приводимые выше древнегерманские обозначения судьбы (др.-исл. *urðr* < герм. **wurþis* < и.-е. **wrtis*) восходят к тому же индоевропейскому корню, что и др.-инд. *vrātya*, а именно к и.-е. **wer-* 'связывать, упорядочивать' с идентичным дентальным детерминативом (Pokorny 1959, II: 1150–1151).

Во-вторых, судьба, для номинации которой употребляются интересные нас лексемы, и Вратья и з о ф у н к ц и о н а л ь н ы : они трактуются как **универсальное начало, всецело детерминирующее развитие вселенной**. Как известно, в древнегерманской модели мира судьба (др.-исл. *urðr* и др.) трактовалась как самодовлеющая сила, totalmente регулирующая все процессы во вселенной, в том числе и жизнь богов¹⁷. Ср. указание на то, что вратья знает «путь, исхоженный отцами, путь, исхоженный богами» (AB XV, XII, 5) или упоминание о том, что «У этого Вратьи боги ходят вокруг с одинаковой целью. Это ведь времена года ходят следом за годом и за Вратьей» и о бессмертии вратьи (AB XV, XVII, 8, 10).

В-третьих, обнаруживается далеко идущее сходство в структуре содержания германских номинаций судьбы и др.-инд. *vrātya*, которые заслуживают особого внимания.

а) Идея **движения**, столь актуальная по отношению к вратьям, реализуется и в сфере судьбы (др.-исл. *urðr* и др.). Семантическую мотивировку др.-исл. *urðr* и других древнегерманских лексем, возводимых к и.-е. **wer-t-* 'вращать,

¹⁶ Ср. Ur- *vrātya*, das göttliche Vorbild des indischen, 'dies wissen-den' *vrātya* (Charpentier 1911: 375).

¹⁷ Ср. концепцию «гибели богов» (др.-исл. *ragna rök*).

поворачивать' (IEW 1156), проясняет однокорневой глагол – др.-исл. *verða* 'происходить, становиться' (< 'поворачиваться')¹⁸. Чтобы подтвердить этот тезис убедительными доказательствами, необходимо эксплицировать связь этого глагола с определённым типом движения – поворотом (α), продемонстрировать его применение в древнегерманских представлениях о судьбе (β), его сочетание с др.-исл. *urðr* 'судьба' (γ).

α) Ограничимся древнеисландскими примерами. Значение 'поворачивать' зафиксировано в др.-исл. *-verðr* 'повёрнутый к, обращённый к', например, в композите *sunnan-verðr* 'im Süden gelegen' (Kuhn 1968: 195).

β) Ср. наиболее показательные случаи, когда др.-исл. *verða* служит для обозначения возникновения субъектов в мифе творения и приобретает смысл 'становиться, появляться, брать начало' (Kuhn 1968: 220): Ór Élivágom stucco eitrdropar, // svá óx, unz varð ór iotunn (Vm. 31), дословно «Из Бурных брызг¹⁹ стекали капли яда, // так росло, пока стало это великаном»; hverr ása elztr ... urði (Vm. 28) «кто из асов²⁰ самым старшим ... стал»²¹; var Mótsognir mæztr um orðinn (Vsp. 10) «Мотсогнир стал старшим [из карликов]»²².

γ) Др.-исл. *verða* имеет непосредственное отношение к области манифестации судьбы не только в космогоническом мифе. Ср.: þat mun oc *verða*, at ... (Sg. 60) «это должно случиться, что ...»; *verðr* at skiliaz Sigurðr við fylki (Grp. 24), дословно «стало (было суждено) расстаться Сигурду с воителем». Тавтологическая формула *судьба (ставшее) & становиться* (герм. **wurþis* & **werþan-*) широко

¹⁸ Семантический переход 'вращать(ся)' > 'становиться' представлен, в частности, в англ. *to turn*. Ср. другие типологические параллели: др.-инд. *vartati* 'поворачивает', в медиальном залоге 'поворачивается, происходит', др.-прусск. *wirst* 'становиться', лит. *virsti* 'превращаться' на фоне лит. *versti* 'поворачивать' (Фасмер 1986: 301).

¹⁹ Название реки в эддическом мифе творения.

²⁰ Скандинавских богов.

²¹ При создании вселенной.

²² Когда боги создавали карликов «из Бримира крови и кости Бляина».

распространена в различных древнегерманских ареалах. Ср., в частности, древнеанглийские примеры: *wyrd wæs geworden* (Dan. 653) «судьба стала»; *seo wyrd gewearð*; *Unc sceal weorðan ... wyrd*; *of wyrda ... geworden* (Bosworth 1954: 1288). Природа движения, кодируемого герм. **wurþis* может трактоваться двояко: событие, возводимое в ранг судьбы (др.-исл. *urðr*), отождествляется с поворотом, витком развития в циклической модели мира или с вращением нитей судьбы нормами²³ (Vries 1970, I: 270).

б) Идею порождения также кодирует др.-исл. *urðr* 'судьба'. Вратья и древнеисландская Урд наделены креативной силой и фигурируют в мифе творения; правда, здесь нельзя не отметить и некоторых различий: если Вратья выступает как универсальное креативное начало, породившее как Праджапати, так и элементы вселенной (землю, небо, воды и т. д.), то Урд воплощает судьбу богов и людей, но не имеет отношения к их сотворению, равно как и к созданию элементов макрокосма, то есть сфера её полномочий уже.

В-четвёртых, судя по данным АВ и древнегерманских памятников письменности, устанавливается определённая иерархия: вратья и их руководитель, главный, единственный вратья (Экавратья) и силы судьбы (др.-исл. *urðir*) и персонафикация судьбы норма Урд (др.-исл. *Urðr*), причём в обоих случаях постулируется развитие от множества к единичному. Этот тезис подтверждается в АВ, но нуждается в обосновании на германском материале: прежде всего требуется доказать, что формы множественного числа соответствующих лексем первичны по отношению к формам единственного числа и что они оригинальны, не подвергаются влиянию переводных текстов. Приведём

²³ О нормах см. (Vries 1970, I: 270–272). Ср. эддические представления о «нитях судьбы, лежащих по всем странам» в 14-й строфе «Речей Регина», о прядении нормах «нити судьбы» для Хельги в третьей строфе «Первой песни о Хельги убийце Хундинга» («Так нить судьбы пряли усердно, // что содрогались в Бралюнде стены; // нить золотую свили и к небу – // к палатам луны её привязали») или ср.-в.-н. *wirtel* 'веретено' на фоне *wurt* 'судьба' (Vries 1970, I: 270).

примеры **мн. ч.**, засвидетельствованные у обозначений судьбы в различных древнегерманских ареалах. Наряду с очевидными заимствованиями, где использование множественного числа обусловлено соответствующими формами переводимого текста (ср. др.-англ. *wyrdum*, передающие лат. *casibus, fata – wyrde, fortunae – wyrde* (Bosworth 1954: 1287)) и стоящими за ними мифологическими представлениями (ср. «сёстры судьбы» – др.-англ. *Wyrd* (лат. *Parcae*) – Bosworth 1954: 1288), зафиксированы не вызывающие сомнения контексты, например: *Hē ðē mæg onwreop wyrda gegūno* (El. 589) «Он может открыть тебе многие тайны *событий* (*судеб*)»; *Hē ne leag fela wyrda ne worda* (B. 3030) «Он не лгал много ни *событий* (*судеб*), ни слов»; *wyrda heardost* «из *событий* жесточайшее», *wyrda lādost* «из *событий* ужаснейшее», *wyrda gehwylce* «из *событий* любое» (Bosworth 1954: 1288). В «Старшей Эдде» **мн. ч.** *urðir* со значением 'события, силы судьбы'²⁴ встречается в Sg. 5: *Gengo þess á milli grimmar urðir*, дословно «Произошли между ними страшные *события*». Необходимо процитировать отрывок из «Прорицания вёльвы», в котором изображаются персонификации судьбы – три норны *Urðr* 'свершившееся' (прошлое), *Verðandi* 'совершающееся' (настоящее), *Skuld* 'должное' (будущее). Ср. Vsp. 19-20: *Asc veit ec standa, heitir Yggdrasil, / ... stendr æ yfir, grœnn, Urðar brunni. // Þaðan koma meyar, margs vitandi, / þrjár ór þeim sæ, er und þolli stendr; / Urð héto eina, aðra Verðandi, / - skáro á skíði, - Skuld ina þriðjo; / Þær lög lögðo, þær líf kuro / alda börnom, örlög seggja* (Vsp. 20) «Ясень я знаю по имени Иггдрасиль, / ... над источником Урд зеленеет он вечно. // Мудрые девы оттуда возникли, / три из ключа под деревом высоким; / Урд имя первой, вторая Верданди, — / резали руны, — Скульд имя третьей; / судьбы судили, жизнь выбирали / детям людей, жребий готовят». Учитывая то обстоятельство, что имя *Verðandi*, родственное *Urðr*, встречается только в данном контексте, и имя *Skuld* никогда более не используется для номинации норн, нельзя не согласиться с высказыванием о том, что «Имя старшей

²⁴ Fates, powers of fate (La Farge, Tucker 1992: 273).

[норны], *Urðr*, совпадает с именем источника; имена других норн скорее всего придуманы для данного места» (Смирницкая 1999: 198). Таким образом, мы имеем дело с мультипликацией норн под воздействием широко распространённой индоевропейской мифологемы *трёх богинь судьбы* (ср. древнегреческих мойр или латинских парок), и можно утверждать, что в исходном варианте была лишь одна персонификация судьбы – древнеисландская Урд. Интерпретация норн²⁵ как маркера преобразования времени значительно проясняет концепцию судьбы (др.-исл. *urðr*) как совершающегося (др.-исл. *verða* 'происходить, становиться'), длинного ряда событий; ср. замечание о том, что «доныне время было циклическим, т. е. не вело к поступательному развитию. С приходом норн оно получает направленность, становится временем событийным. Начинается собственно история мира – череда событий, ведущих к порче мира и его гибели» (Смирницкая 1999: 198, разрядка наша – Т.Т.).

В-пятых, при конституировании представлений о судьбе (др.-исл. *urðr* и др.) и о вратях наблюдается тенденция эволюции **абстрактного** понятия (события, букв. «совершающегося» и уникальной космической субстанции) в **индивидуальное** начало, трансформации **безличного** в **личное**. В данном аспекте представляет особый интерес реконструкция древнегерманских сил судьбы, предложенная Я. де Фрисом: представления о древнеисландской Урд, первоначально лишённой имени и конкретного облика, а впоследствии персонифицированной, смешались с представлениями о женских существах божественного происхождения, существовавших в неопределённом множестве, помогавших при родах и наделявших новорожденных судьбой, в ходе эволюции превратившихся в трёх норн (Vries 1970, I: 272–273)²⁶.

²⁵ Точнее первоначальной норны.

²⁶ Ср. (Vries 1970, I: 272–273): "Was mit den disir der Fall ist, so auch mit den Nornen: die unbestimmte Vielheit hat sich zu einer plastischen Dreiheit verdichtet. <...> Aller Wahrscheinlichkeit nach kreuzen sich zwei grundverschiedene Vorstellungen. Die eine kann-

На основании анализа древнегерманских языковых данных можно реконструировать следующие этапы формирования концепта *судьба* (др.-исл. *urðr*, др.-англ. *wyrd*, д.-в.-н. *wurt*): **вращать** (др.-исл. *-verðr* ‘обращенный, повернутый’, второй элемент композитов) → результат вращения (**поворот**, виток) = события (др.-исл. *urðir*) → деификация (коллективные силы судьбы) → персонификация (др.-исл. *Urðr*, богиня судьбы).

Показательно, что глагол *вращать* (др.-исл. *-verðr* и др.) кодирует локально-темпоральный континуум, обозначая одновременно место (источник Урд) и время (судьбу как протяженность жизни). Если восприятие времени как *поворота*, *витка* достаточно прозрачно, то семантическую мотивировку пространства помогают понять аналогии, в частности, семантический переход *круг* (результат вращения, *поворот*) > *округ* (территориальная единица). Отглагольные производные герм. **werþan-* репрезентированы и в социальной сфере, ср. обозначения толпы, отряда – др.-англ. *wræð*, др.-дат. *vrath*, дат. *vraad*, готск. *wriþus*.

Предлагаемая реконструкция подтверждается и на славянском материале, где рефлексы **wer-t-* ‘связывать, упорядочивать’ (Рокорну 1959, II: 1150–1151), ядро которых образует глагол *вереть*, группируются в различных сферах: пространственной (русск. *верста*, мера длины, «первоначально оборот плуга» (Фасмер 1986: 300, курсив наш – Т.Т.), *веретя* ‘небольшой участок пахотной земли’, «первоначально оборот плуга, длина борозды, в конце которой плуг поворачивает» (Фасмер 1986: 297), временной (др.-русск. *вьрста* ‘возраст; пара; ровесник’, русск. *сверстник* (Фасмер 1986: 300)) и социальной (русск. *вервь* 2 ‘община’ (из значения ‘участок земли, отмеренный веревкой’ (Фасмер 1986: 294)). Следует отметить простран-

te eine ursprünglich namenlose und gestaltenlose, aber später persönlich gedachte Schicksalsmacht (Urðr); die andere bezog sich auf weibliche Wesen, die bei der Geburt hilfreich waren und das Los der Kinder prophezeiten; sie waren von unbegrenzter Zahl, aber traten gerne in der Dreizahl auf“ (Vries 1970, I: 272-273). Разрядка наша – Т.Т.

ственно-временной синкретизм др.-русск. *вьрста* 'возраст; ровесник; мера длины' (Фасмер 1986: 300).

Подводя итоги, можно констатировать, что восходящие к индоевропейскому корню **wer-* 'связывать, упорядочивать' с дентальным расширителем (Pokorny 1959, II: 1150–1151) древнеиндийские *вратьи* и древнеисландские силы судьбы (*urðir*) обнаруживают сходные мотивы в своей семантической структуре: главный мотив – *движение (виток, поворот)* эксплицирует семантическую мотивировку соответствующих лексем; среди множества выделяется центральный персонаж с тем же именем (вратьи – Вратья, др.-исл. *urðir* 'силы судьбы' – *Urðr*, персонификация судьбы); они изофункциональны (наделены креативной силой) и участвуют в мифе творения. Вопрос о статусе этих параллелей остаётся открытым, но в любом случае побуждает исследователей к дальнейшим изысканиям.

Источники

Тексты цитируются по следующим изданиям:

Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern.
Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage
von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.

Переводы текстов цитируются по следующим изданиям:

Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях.

Перевод А.И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М. И. Стеблин-Каменского. М.-Л., 1963.

Литература

Васильков 2005 – Васильков Я. В. От шаманизма к йоге: что произошло в «осевой период»? // Доклад Я. В. Василькова, прочитанный 27.10. 2005 на втором заседании семинара «Восток». СПбГУ. Факультет философии и политологии. Кафедра философии и культурологи Востока (www.yogin.ru).

Васильков 2009 – Васильков Я. В. Между собакой и волком: по следам института воинских братств в индийских традициях // Азиатский бестиарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. Сборник статей. С.-Пб., музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2009, 47–62.

Елизаренкова 2005 – Елизаренкова Т. Я. Атхарваведа – структура и содержание Атхарваведа (Шаунака). Перевод с ведийского

- языка, вступительная статья, комментарий и приложения Т. Я. Елизаренковой. В 3-х т. Т. 1. Кн. I–VII. М.: «Восточная литература» РАН. Памятники письменности Востока. СXXXV, 1.
- Смирницкая 1999 – Смирницкая О. А. Прорицание вёльвы. Заметки к семинару по исторической поэтике // *Атлантика. Записки по исторической поэтике. Atlantica. Вып. IV. М.: Издательство МГУ, 1999, 181–207.*
- Фасмер 1986 – Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка.* / Пер. с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. В 4-х томах. 2-е изд., стереотипное. М.: «Прогресс». Т. I, 1986.
- Элиаде – Элиаде М. *Йога: бессмертие и свобода.* СПб.: Издательство СПбГУ, 2004.
- Charpentier 1911 – Charpentier J. *Bemerkungen über die vrātya's // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. XXV. Band. Wien, 1911, 354–388.*
- Holthausen 1963 – Holthausen F. *Altenglisches etymologisches Wörterbuch. Zweite, bis auf das Literaturverzeichnis unveränderte Auflage.* Germanische Bibliothek. Zweite Reihe. Wörterbücher. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1963.
- La Farge, Tucker 1992 – La Farge B., Tucker J. *Glossary to the Poetic Edda. Based on Hans Kuhn's Kurzes Wörterbuch.* Heidelberg, Universitätsverlag C. Winter, 1992.
- Lehmann 1986 – Lehmann W.P. *A Gothic etymological dictionary. Based on the 3-rd ed. of Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache by Sigmund Feist. With bibliography prepared under the direction of Helen-Jo J. Hewitt.* Leiden, E.J. Brill, 1986.
- Mayrhofer 1995 – Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. II. Band.* Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1995.
- Renou 1956 – Renou L. *Études védiques et pa#ninéennes. Tome II // Publications de l'Institut de civilisation. Série IN-8, fascicule 2.* Paris: E. De Boccard, éditeur, 1956.
- Pokorny 1959 – Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch.* Bern; München, 1959. 2 Bde.
- Vries 1970 – Vries J. de. *Altgermanische Religionsgeschichte. Dritte unveränderte Auflage.* Berlin, Walter De Gruyter & Co., 1970. 2 Bde.
- Vries 1977 – Vries J. de. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Zweite verbesserte Auflage.* Leiden, E.J. Brill, 1977.

Сокращения

древнеанглийские:

- В. – Beowulf «Беовульф»
El. – Elene «Елена»

древнеисландские:

Grp. – Grípissrá «Пророчество Грипира»

Sg. – Sigurðarqviða in scamma «Краткая песнь о Сигурде»

Vm. – Vafðrúðnismál «Речи Вафгруднира»

Vsp. – Völuspá «Прорицание вёльвы»

Summary

In this article, we put forward the hypothesis that the Old Indic *vrātya*, and the Old Icelandic *urðir* derive from the Indo-European root **wer-t-* 'turn' (Pokorny 1959, II: 1156–1158). We explain the semantic motivation of *movement* (*coil, turn*) in these two words, and analyze the common motifs in the structure of the corresponding images. We focus on the central characters of the same names (*vrātya* - Vratya, Old Icelandic *urðir* 'forces of destiny' – *Urðr*, personification of fate); they are isofunctional (endowed with creative force) and participate in the Creation myth.

В. В. Файер

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ АРИСТАРХА НА РУКОПИСНУЮ ТРАДИЦИЮ «ИЛИАДЫ»

Резюме. Аристарх Самофракийский некоторые стихи «Илиады» признавал неподлинными и исключал, а некоторые только подвергал атетезе. Возможно, и текстуальные варианты Аристарха можно разделить на две аналогичные группы: (1) имевшиеся в его исходном тексте и (2) встречавшиеся в его комментарии. Если принять такое разграничение, открывается путь к решению одного из важных парадоксов влияния (или отсутствия влияния) филолога на традицию: с одной стороны, число стихов в гомеровской вульгате соответствует изданию Аристарха, с другой стороны, большинство его чтений отсутствуют в рукописях «Илиады».

Ключевые слова: Аристарх, Зенодот, Птолемей VIII, текстология, схолии, Гомер

Вопрос о мере влияния Аристарха на рукописную традицию гомеровских поэм остается одной из ключевых проблем гомероведения, побуждающих высказывать новые гипотезы и предлагать важные уточнения. Суть проблемы заключается в труднообъяснимом соотношении двух фактов: (1) с одной стороны, в середине II в. до н. э., то есть к концу деятельности Аристарха на посту директора Александрийской библиотеки, в Египте происходит стандартизация рукописной традиции, которую естественно связать с деятельностью великого филолога; (2) с другой стороны, подавляющее большинство чтений Аристарха не попадает ни в античные папирусы, ни в средневековые рукописи, а встречается либо только в схолиях, либо еще и в единичных манускриптах.

Пытаясь решить эту проблему, некоторые исследователи подвергали сомнению первый факт. Так, М. ван дер Фальк считал, что т.наз. «дикие» или «эксцентричные папирусы», которые предшествуют предполагаемой стандартизации, были специфически египетским явлением, которое со временем исчезло в ходе эллинизации (van der Valk 1963: 282–3). В этом случае на гомеровскую вульгату

александрийские филологи существенно не повлияли¹. Этому, однако, противоречат исследования Г. Боллинга и М. Апторпа, которые показывают, что число стихов в гомеровской вульгате и издании Аристарха совпадают, что свидетельствует о влиянии александрийских филологов на рукописную традицию (Bolling 1944: 30).

Очевиден факт, что некоторые чтения Аристарха сохранились в схолиях или рукописях анонимно. В развитии этого тезиса Д. Е. Афиногенов² предположил, что очень многие чтения Аристарха проникли в традицию, так сказать, по умолчанию, поэтому указания на его авторство в схолиях отсутствуют. Из-за этого создается ошибочное впечатление, что влияние александрийского филолога на традицию невелико. В этом случае, однако, требует объяснения факт, что более 200 чтений Аристарха, принятых традицией, все-таки упоминаются в схолиях³, а также остается без ответа вопрос, почему сотни чтений авторитетного филолога были отвергнуты рукописями.

Некоторые исследователи пытаются примирить два упомянутых факта, ссылаясь на специфику книжного рынка: возможно, книготорговцы ориентировались на число строк, установленное Аристархом, так как это было важно с технологической точки зрения (объем рукописи и т. д.), но пренебрегали собственно чтениями филолога. В этом случае неясно, почему книготорговцы не стали переписывать «Илиаду» Аристарха? Почему публика признавала авторитетным мнение Аристарха о числе стихов, но игнорировала его чтения (Haslam 1997: 84)?

¹ Под гомеровской вульгатой понимается текст большинства средневековых рукописей, который в целом совпадает с чтением античных папирусов. Иногда говорят о доалександрийской вульгате, которая, если мы примем гипотезу М. ван дер Фалька, окажется тождественной нашей вульгате.

² Это предположение он выдвинул при обсуждении моего доклада на Чтениях памяти И. М. Тронского в 2004 году.

³ По подсчетам Т. Аллена, 80 чтений Аристарха присутствуют во всех рукописях, а 160 – в большинстве. Впрочем, как показывают мои подсчеты, данные Аллена нуждаются в перепроверке (Allen 1931: 199–204).

Еще один способ решить проблему недавно предложила авторитетный гомеровед Маргалит Финкельберг (Finkelberg 2006). Она связала стандартизацию гомеровского текста с Птолемеем VIII, учеником и гонителем Аристарха. Исследовательница указывает, что создание эллинистических библиотек было инициативой правителей, а не ученых, и напоминает, что власти играли большую роль в стандартизации текстов Ветхого и Нового Завета. Кроме того, Птолемей VIII сам интересовался критикой текста: он был автором конъектуры к Od.5.72⁴. Новый директор Александрийской библиотеки, назначенный после изгнания (или бегства) Аристарха в 144 г., не был ученым, поэтому решение о стандартизации гомеровского текста естественно считать инициативой самого Птолемея. Правитель, видимо, решил одобрить число стихов, установленное Аристархом, но отвергнуть чтения изгнанного им филолога (Finkelberg 2006: 235). Вообще, влияние властей на историю текста «Илиады» и «Одиссеи» велико: М. Финкельберг цитирует Г. Надя, указывающего на роль афинского государства в стандартизации гомеровского текста в VI в. до н. э. (Nagy 1996: 144)⁵. Далее исследовательница обращает наше внимание на тот факт, что Александрия была не единственным центром книжного производства в эллинистическую эпоху: нельзя забывать о Пергаме, Пелле и Антиохии. Именно из этого последнего центра, полагает М. Финкельберг, берет начало средневековая рукописная традиция Гомера. Подобно тому, как именно антиохийский текст Ветхого Завета считался наиболее авторитетным в Константинополе, именно антиохийская редакция гомеровских поэм могла лечь в основу официального ранневизантийского текста «Илиады» и «Одиссеи», считает исследовательница (Finkelberg 2006: 244).

⁴ Athen. II, 62c.

⁵ К этому можно добавить, что наиболее распространенная в настоящее время точка зрения о ранней записи поэм также предполагает участие кого-либо из власть имущих, иначе трудно объяснить, откуда взялись ресурсы для этого непростого дела.

Гипотеза о влиянии властей на стандартизацию гомеровского текста достаточно привлекательна. Однако парадокс, о котором говорилось в начале статьи, никуда не исчез. Вместо странного поведения книготорговцев, которых интересует *numerus versuum*, но не чтения Аристарха, мы видим нелогичное поведение Птолемея, который, изгоняя филолога, отвергает одни результаты его трудов и использует другие. Конечно, проще объяснить эту непоследовательность самодурством правителя, чем особенностями книжного рынка, но здесь уже мы вступаем в область сугубо гипотетическую. Если принять такое объяснение, то фактически любую странность в истории любого важного текста можно списать на иррациональное влияние какого-нибудь властителя. В истории такие влияния, надо думать, бывали, но с методологической точки зрения подобных объяснений следует избегать. Прекрасным доказательством версии М. Финкельберг был бы папирус, содержащий конъектуру Птолемея VIII к «Одиссее», но пока, насколько мне известно, такой документ не найден. Представляется, что стоит продолжать поиски объяснения обсуждаемого парадокса в данных рукописной традиции.

Одной из важных особенностей деятельности александрийских филологов был изобретенный Зенодотом и использовавшийся с тех пор многими знак атетезы – указание на сомнительный характер данной строки. Использование обела свидетельствует об осторожном отношении филологов к тексту: этот знак имеет смысл только тогда, когда данная строка оставляется в произведении, а не вычеркивается из него. Эта процедура сосуществовала с процедурой удаления строк: наряду со многими стихами, которые атетировал Аристарх, схолии сообщают о немногих стихах, которые он «не читал». Как полагают Г. Боллинг и М. Апторп, Аристарх атетировал только те стихи, которые были хорошо засвидетельствованы, а удалял те, которые были плохо представлены в традиции (Apthorp 1980: XV).

Можно сказать, что процедура атетезы обращена к гораздо более узкой аудитории, чем процедура удаления строки. Если аристархов экземпляр «Илиады» копируется

без комментария, то знаки атетезы фактически теряют смысл и, скорее всего, будут опускаться. Таким образом, легко представить себе, что часть работы Аристарха сохраняется в тексте копии (*numerus versuum*), а часть – пропадает (знаки атетез с объяснениями). Нельзя ли представить себе, что обычные чтения Аристарха тоже делятся на 2 эти группы? Меньшая часть его чтений – это варианты из текста «Илиады», который он в целом одобрял, бóльшая приведена в комментарии и из осторожности не внесена в основной текст. Однако в отличие от атетез и удалений последующая традиция не дает различных терминов для этих двух типов чтений Аристарха; возможно, что соотношение этих двух групп чтений его последователям не был вполне ясно⁶.

Возможно, именно двусмысленности понятия «чтение Аристарха» мы обязаны появлению многочисленных указаний на два альтернативных чтения филолога к одному и тому же месту. Почти всегда одно из этих двойных чтений хорошо засвидетельствовано традицией, а другое – нигде или почти нигде не встречается. Когда Аристарх колебался между чтением своей основной рукописи и каким-либо другим (конъектуральным или происходящим из другого источника), и колебания находили отражение в схолиях, возникали эти двойные чтения.

Предлагаемая здесь гипотеза может успешно вписываться в контекст различных описаний деятельности Аристарха. Например, на вопрос о том, сколько было аристарховых изданий «Илиады» и какую форму они имели, можно в рамках этой гипотезы отвечать по-разному. Если мы вслед за Г. Эрбсе предположим, что существовали только одни *huronemata* Аристарха и текст вульгаты, к которому они относились, это не будет противоречить

⁶ Вообще, объяснения схолиев к чтениям Аристарха иной раз явно не принадлежат ему и носят более поздний характер. Есть основания предполагать, что даже близкие по времени к Аристарху филологи не имели четкого представления о многих аспектах его деятельности. Об этом свидетельствует уже одно название книги Аммония, ученика Аристарха, «О том, что не было нескольких изданий исправления Аристарха».

гипотезе о двух группах чтений филолога (Erbse 1959). Но и традиционная точка зрения о двух сериях комментариев Аристарха, одном прижизненном и одном посмертном его издании, согласуется с гипотезой о двух группах чтений.

Что касается гипотезы М. Финкельберг о влиянии Птолемея VIII на традицию гомеровских поэм, то и она не противоречит предлагаемому объяснению. Предположим, правитель велел распространить рукопись, которую и Аристарх, и он сам считали авторитетной. Распространяя вариант «Илиады» по своему выбору, Птолемей поддерживал свой престиж как культурного лидера и, возможно, подчеркивал бесполезность деятельности Аристарха, комментарии которого не распространялись вместе с новым изданием. В глазах Птолемея этот текст не был связан с именем изгнанного филолога, но для нас эта связь выражается в том, что Аристарх полагал неподлинными стихи, отсутствующие в этой рукописи.

Дальнейшие подтверждения гипотезы о двух сериях чтений Аристарха различного происхождения или, наоборот, аргументы против нее, может дать только исследование рукописной традиции и схолиев.

Литература

- Allen 1931 — Allen T. W. *Homeri Ilias*. Vol. I. Oxford, 1931.
Apthorp 1980 — Apthorp M. J. *The Manuscript Evidence for Interpolation in Homer*. Heidelberg, 1980.
Bolling 1944 — Bolling G. M. *The Athetized Lines of the Iliad*, Baltimore, 1944.
Erbse 1959 — Erbse H. *Über Aristarchs Iliasausgaben* // *Hermes* 87, 1959. S. 275–303.
Finkelberg 2006 — Finkelberg M. *Regional Texts and the Circulation of Books: the Case of Homer* // *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 46. 2006. P. 231–248.
Haslam 1997 — Haslam M. *Homeric papyri and transmission of the text* // *A New Companion to Homer*. Leiden—NY—Köln, 1997. P. 55–100.
Nagy 1996 — Nagy G. *Poetry as Performance. Homer and Beyond*. Cambridge, 1996.
Van der Valk 1963 — Van der Valk M. *Research on the Text and Scholia of the Iliad*. Vol. I. Leiden, 1963.

Summary

Aristarchus of Samothrace had excluded some verses from his edition of the *Iliad* (presumably those which were poorly attested in manuscript tradition) and had athetized some others (possibly those which were widespread). We may assume that his textual variants can also be divided in two similar groups: (1) those which were present in his edition (and were well attested in papyri) and (2) those which were cited only in his commentary (and were absent from most manuscripts). If we accept this hypothesis, it might help us to solve one of the important paradoxes of Homeric manuscript tradition. On the one hand, *numerus versuum* in ancient manuscript tradition is identical to mediaeval Homeric vulgate and to aristarchean edition (according to the mainstream view). That shows the influence of Aristarchus, because the standardization of Egyptian Homeric papyri concurs with the time of the great philologist. On the other hand, most readings of Aristarchus are absent from Homeric vulgate (only 30% of his readings, according to disputable calculations of T. Allen, can be seen in all or most manuscripts). That means on the opposite that the great philologist had little influence on the tradition. The suggested hypothesis can be in full or partly compatible with the others, e.g. the interesting assumption of M. Finkelberg about the role of Ptolemy VIII in Homeric tradition.

А. И. Фалилеев

**К ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ
ТОПОНИМОВ В ТРАКТАТЕ «О СТРОЕНИЯХ» ПРОКОПИЯ¹**

Резюме. В статье анализируется топонимика областей вокруг современного г. Тран (Болгария) и древнего поселения Aquae (Сербия), зафиксированная у Прокопия, для которой предлагалась кельтская этимология. Исследование показывает, что некоторые топонимы, действительно, можно с уверенностью идентифицировать как кельтские, но большая их часть, вероятнее всего, имеет иное происхождение.

Ключевые слова: Celtic, place-names, Balkans, Procopius

Во фрагменте известного труда Прокопия «О строениях», посвященном описанию Σκασιετάννα χώρα, что приблизительно соответствует округе г. Тран на западе современной Болгарии, упоминается топоним *Lusipanta* (Λουσιπάντα Proc. De aed. 122, 24), кельтское происхождение которого не вызывает сомнений, см. (Фалилеев 1999: 89–90). Известны и археологические находки, свидетельствующие о пребывании кельтов в этом регионе (Geov 1968), а у деревни Ломница, к западу от Трана, в своё время была обнаружена votивная надпись, содержащая определенные кельтские ассоциации. Неслучайно, в связи с этим, что ряд топонимов, локализованных на этих территориях и дошедших до наших дней исключительно благодаря Прокопию, был интерпретирован как кельтские, прежде всего – Веселином Бешевлиевым, сделавшим так много для понимания этого важнейшего текста (Beševliev 1968; 1970). Ниже будут рассмотрен ряд географических

¹ Настоящая работа выполнена в рамках проекта РГНФ 09-04-00-417а. Текст Прокопия цитируется по изданию: *Procopii Caesariensis opera omnia*. Recognovit Jacobus Haury. Volumen IV. *De aedificiis libri IV*. Editio stereotypa correctior addenda et corrigenda adiecit Gerhard Wirth. Leipzig, 1964. См. также (Beševliev 1970).

названий округа *Σκασσέτανα χώρα*, уже долгое время (и нередко бесосновательно) ассоциируемых с кельтским присутствием в этом регионе. Сходному анализу будет подвергнута и группа топонимов в области античного г. *Aquae* в современной Сербии.

Наименее проблематичным из топонимов, помещенных Прокопием в *Σκασσέτανα χώρα* помимо *Λουκουνάντα*, с точки зрения его принадлежности к кельтскому (галльскому) языковому пласту, оказывается географическое название *Magimia* (*Μαγυμιάς*, De aed. 122, 23; асс. pl.; по поводу использования подобных грамматических форм в ранних топонимических описаниях – в более широком контексте – см. Neugron 1952). Уже Д. Дечев (Detschew 1976: 279) сравнивал это географическое название с кельтским именем *Magima* (Holder II: 376), и это сопоставление было всецело принято В. Бешевлиевым (Beševliev 1968: 420; 1970: 102). Детали этого удачного, по большому счету, анализа нуждаются в некотором уточнении, что было очевидно И. Дуриданову. Согласно Дуриданову (Duridanov 1997: 135), топоним следует рассматривать как производное от галльского личного имени на *-imus* от основы **mag-* ‘большой’ (см. Delamarre 2003: 213, где приводятся личные имена *Magiorix*, *Maginus* и топонимы **Magio-durum*, etc., ср. др.-ирл. *maige*). Если в действительности личное имя может выступать в качестве географического названия, то вероятность существования нигде на сегодняшний день не зафиксированного антропонима **Magimia* косвенно подтверждается хорошо засвидетельствованными кельтскими именами на *magio-* (*Magius*, *Magissius* и т. д., см. показательную подборку в работе Delamarre 2007: 123) и существующей словообразовательной моделью. С другой стороны, ссылка на галльск. **magos* ‘поле, равнина’ может также быть немаловажной, ср. в этой связи топоним *Magis* в Британии (Rivet, Smith 1979: 406–7), однако морфологическое объяснение нашего топонима становится в этом случае несколько затрудненным. Наиболее перспективным представляется анализ топонима *Magimia* как производного на *-ij(ā)-* от незасвидетельствованного (но возможного) галльского личного имени **Magimius vel sim* (‘Место Магимия’), образованного по

модели, весьма частотной в топонимике «Кельтского запада» (ср., напр., *Blavia*, *Crixia*, *Onia* и см. Falileyev et al. 2010, s. vv.).

Бóльшие трудности вызывают попытки кельтской языковой атрибуции ещё одного географического названия, зафиксированного Прокопием в этом регионе – *Butta* (Βούττις, Proc. De aed. 122, 26; асс. pl., ср. также Βόττες (*ibid.*, 121, 46), которое анализируется некоторыми учеными как отдельное самостоятельное название, см.: Detschew 1976: 76, 84. Несмотря на то, что топоним рассматривался уже долгое время как фракийский (см. Detschew 1976: 76 с библиографией), В. Бешевлиев (Beševliev 1970: 99 и 103) высказался в пользу его кельтского происхождения в связи с галльскими формами, приведенными Хольдером (Holder I: 499; III: 1011). Действительно, галльское слово *buta* ‘hutte, cabane’ хорошо известно (Delamarre 2003: 95 s.v., ср. др.-ирл. *both*). Однако Д. Дечев приводит целый ряд фракийских форм на *bott-* (Detschew 1976: 76–8), поэтому кельтская интерпретация топонима, теоретически возможная, является отнюдь не обязательной. Ещё большую сложность представляет собой анализ топонима *Alaros* (Ἄλαρον, Proc. De aed. 122, 22), который рассматривали как фракийский и латинский (см. Бешевлиев 1955: 300). Впрочем, позднее В. Бешевлиев (Beševliev 1970: 102) отметил сходство этого географического названия с *Alarona castrum* и *Alara*, учтенных Хольдером. Однако последний из них обычно рассматривается в контексте «древнеевропейской» (в терминах Краэ) гидронимии, а первый является, скорее всего, до-кельтским (см. Pérez Orozso 2006: 196). Топоним же *Alaros* из Σκασσετάνα χώρα может быть, в принципе, и автохтонным, а теоретически иметь и иную структуру: ср. в этой связи анализ географического названия Ἄλαπτα как Ἄ-λαπτα в работе Detschew 1976: 11. Однако Дечев приводит лишь этот единственный пример с *a-*, и при таком словоделении вторая часть топонима *Alaros* не находит никаких параллелей во фракийском корпусе.

Ещё более противоречивым оказывается анализ топонимов, дошедших до наших дней исключительно благодаря Прокопию, в другом регионе – в районе античного

Aquae в современной Сербии. Согласно В. Бешевлиеву, сразу несколько населенных пунктов в этом регионе носят кельтские по происхождению названия. С этим трудно согласиться. Наименее проблематичным из них оказывается топоним *Setlota* (Σέτλοτες De aed. 124, 20, abl. pl.). Географическое название было признано кельтским Д. Дечевым (Detschew 1976: 434), который ссылается на известный галльск. теоним *Setlocenia* (Holder II: 1528). Этот анализ был поддержан (с расхождением в деталях) другими исследователями, см. (Beševliev 1968: 421, 1970: 25; Duridanov 1997: 134, Delamarre 2003: 272–3). Некоторое сомнения может вызвать семантическое истолкование топонима – галльск. **setlo-* означает ‘жизнь, поколение, век’ (ср. родственное валл. *hoedl* ‘id.’). Что же касается иных топонимов региона, зафиксированных Прокопием и признанных Бешевлиевым кельтскими, то они, все-таки, скорее, ими не являются. Так, географическое название *Gembero* (Γέμβερο De aed. 124, 6; номинатив проблематичен, см. Beševliev 1970: 40) было сопоставлено В. Бешевлиевым с галльск. **gabro-* ‘козёл’, **gen-* (которому приписывается значение ‘рот’), **camb-* ‘долина’ и **vera* (Beševliev 1968: 421; 1970: 25). Несмотря на позднюю аттестацию названия, подобную весьма гадательную и достаточно произвольную интерпретацию сложно принять, как и анализ топонима *Gribo* (Γρίβο, De aed. 124, 9, abl. sg.), сопоставляемого Бешевлиевым с галльск. **gravo* ‘песок’ (?), см. (Beševliev 1970: 25). Традиционно этот топоним рассматривается как автохтонный, см. (Detschew 1976: 109). Трудно согласится с В. Бешевлиевым и в его доказательстве кельтского происхождения географического названия *Meridius* (Μερίδιο De aed. 124, 22, abl. sg., ср. Iust. Nov. XI, anno 335: sed Meridianus (episcopus) quidem manent in Meridio, nulla ei communiōne cum Aquis servanda). Согласно Бешевлиеву (Beševliev 1968: 421; 1970: 25), его следует сопоставить с кельтск. *Merobriga*, *Meribriga*, однако традиционный анализ топонима в связи с лат. *Meridies*, предложенный этим же исследователем ранее (Бешевлиев 1955: 301), представляется более предпочтительным.

Сходным образом топоним *Merioponte* (Μεριοπόντε De aed. 124, 23) был сопоставлен В. Бешевлиевым (Beševliev

1968: 421; 1970: 25 и 116) с кельтск. *Merianum*, *Merium*, etc. (Holder II: 573), что менее очевидно, чем общепринятая латинская этимология географического названия (*meridies & pons*). В топониме *Scaripara* (Σκαρίπαρα, De aed. 124, 14) В. Бешевлиев (Beševliev 1968: 421; 1970: 114-5) увидел кельтофракийский гибрид с известным фрак. *-para*, сопоставив первую часть его с кельтскими именами *Scarius* и *Scarus* (Holder II: 1396-7). Хотя гибридные композиты с участием кельтского компонента действительно известны на Балканах в античности (ср., напр., Κολέδοουνον и *Singidunum*, о которых см.: Фалилеев 2009), в кельтской атрибуции учитываемых Бешевлиевым имен имеются большие сомнения. Так, можно в этой связи отметить, что Кс. Деламар (Delamarre 2007: 162) приводит в своем компендии только антропоним *Scaripus* из Этрурии, впрочем, оставив его без какого-либо лингвистического комментария. Фракийское же имя Σκάρες хорошо известно, см., напр., (Detschew 1976: 455). Другой композит, локализуемый в этом же регионе, **Arganokella* (Ἀργανόκιλι De aed. 123, 51, abl. pl., см. Beševliev 1970: 33, 42, 113), также рассматривается Бешевлиевым как *vox hybrida* в связи с кельтск. *Arganion* и **Arcaniacus* (Holder I: 207 и 182), однако примеры, приводимые Хольдером, по целому ряду причин не являются убедительными.

Особого внимания заслуживает еще один топоним, зафиксированный на этой территории Прокопием. Географическое название *Braiola* (Βραίολα De aed. 124, 25, о точной локализации см. (Loma 1991: 114)) было сопоставлено В. Бешевлиевым (Beševliev 1970: 25; cf. Duridanov 1997: 134) с данными, приведенными Хольдером – *Braiolum*, *Braia vico*. Следует, однако, иметь в виду, что сам Хольдер не приводит ранних аттестаций топонима *Braiolum*, а считает, что к нему должно восходить современное название *Brou* (Holder III: 924). Топоним же *Braia vico* известен только по одной монетной легенде (Holder I: 511), и лишь *Braiacum* оказывается хорошо документированным, впрочем, только в средневековых источниках, в отличие, к примеру, от *villa Braice*. Что же касается топонима *Braiacum*, то его включение в список Хольдером, несомненно, оправдано – в связи с наличием в нём безусловно кельтского суффикса,

который, однако, нередко оформляет и негалльские основы. Согласно А. Лома (Loma 1991: 114), топоним может восходить к известному галльск. **brog-* (о котором см.: Delamarre 2003: 91, ср. племенное название *Allobroges*). Исследователь также приводит в этой связи позднее галльск. *breialo* из т. н. Венского глоссария, интерпретации которого было посвящено немало работ (см. Toorians 2008: 175, библ.). Нет сомнений в том, что в позднегалльском рефлексом интервокального *-g-* может быть *-i-*; см. (Falileyev 2001) со ссылками на более ранние исследования. При возведении же *Braiola* к галльск. **brog-*, таким образом, существенную проблему представляет вокализм – примеры чередования *a* и *o* в галльском чрезвычайно редки (Evans 1967: 391), и в коллекции галльск. форм с **brog-* Э. Эванса примеры с *a*-вокализмом не представлены (Evans 1967: 158-161), ср. также отсутствие упоминаний галльских личных имён на **brag-* в компендии Кс. Деламаара (Delamarre 2007: 47). В принципе, если топоним действительно является кельтским, он может иметь и иную этимологию – ср., к примеру, и.-е. **b^hreg-* (LIV: 91, IEW: 163 и 165), но отсутствие известных аналогий делает этот подход весьма уязвимым. Несколько непонятной остаётся и его морфологическая структура. В любом случае, поздняя (и единственная!) аттестация этого топонима может быть весьма искаженной, ср. также компонент *-ialo-*, встречающийся в галльском ономастическом ландшафте, см. (Sims-Williams 2005). По этой причине безоговорочное признание его некельтским может быть и неоправданным, также принимая во внимание тот факт, что в его округе зафиксировано ещё одно возможно кельтское географическое название. Следует отметить, что В. Томашек (Tomaschek 1894: 62) рассматривал Βραίολα как автохтонное название и сопоставлял его вторую часть с последней частью топонима *Vindimiola* (что представляется маловероятным, ср. (Бешевлиев 1955: 301, библ.), где он считается латинским), а окончание *-ола* признавалось типично фракийским целым рядом ученых (ср. Роровић 1959: 110). Последнее положение выглядит также сомнительным – см. анализ (вероятно, некельтского) топонима *Argentiolum* (Pago de S. Miguel, Miñambres в Испании) в (Falileyev et al. 2010: 55). Таким образом, по

понятным причинам – достаточно вспомнить, сколько автохтонных топонимов сохранилось только в поздних источниках, и какое количество из них не имеет общепринятой этимологии! – фракийская версия происхождения топонима Βραίολα может оказаться предпочтительнее, однако гипотеза о его кельтской атрибуции также имеет право на существование.

Библиография

- V. Бешевлиев. Латинските местни имена в Мизия и Тракия // *ИАИ* 1955. Т.19. С. 279–303.
- A. И. Фалилеев. Кельты на Балканах (заметки на полях недавних публикаций) // *Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы третьего рабочего совещания* / Отв. редактор А. Н. Соболев. СПб. 1999. С. 87–96.
- A. И. Фалилеев. Знаки перемен: топонимы на *-dunum* на античной карте Балкан // *Переходы. Перемены. Превращения. Балканские чтения* 10. Тезисы и материалы. М. 2009. С. 62–66.
- V. Beševliev. Keltische Ortsnamen in der Kastellverzeichnissen bei Prokop // *Actes du Premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes*. Т. VI. Sofia, 1968. S. 415–423.
- V. Beševliev. *Zur Deutung der Kastellnamen in Prokops Werk "De aedificiis"*. Amsterdam 1970.
- D. Detschew. *Die thrakischen Sprachreste*. Wien 1976.
- X. Delamarre. *Dictionnaire de la langue gauloise*. Paris 2003.
- X. Delamarre. *Noms de personnes celtiques dans l'épigraphie classique*. Paris 2007.
- I. Duridanov. Keltische Sprachspuren in Thrakien und Mösien // *ZCP* 1997. B. 49/50. S. 130–142.
- D. Ellis Evans. *Gaulish Personal Names*. Oxford 1967.
- A. Falileyev. Galatian ΒΕΔΟΡΕΙ // *MSS* 2001. B. 61. S. 93–94.
- A. Falileyev (in collaboration with A. E. Gohil and N. Ward). *Dictionary of Continental Celtic Place-Names*. Aberystwyth 2010.
- B. Gerov. Keltische Spuren in Westthrakien // *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*. Budapest 1968. S. 349–355.
- J. Heugron. La fixation des noms de lieux en latin d'après les itineraries routiers // *Revue de philology* 1952. V. 78. P. 169–178.
- A. Holder. *Alt-celtischer Sprachschatz*. B. 1–3. Leipzig 1896–1910.
- A. Loma. Vorslavisches Substrat in der Toponymie Serbiens // *Die Welt der Slaven* 1991. B. 36. S. 99–139.
- S. Pérez Orozco. Las consonants laterals en las lenguas paleohispánicas // *Fontes linguae vasconum* 2005. P. 193–202.
- I. Popović. Bemerkungen über die vorslavischen Ortsnamen in Serbien // *Zeitschrift für slavische Philologie* 1969. B. 28. S. 101–114.

-
- A. F. L. Rivet, C. Smith. *The Place-Names of Roman Britain*. London 1979.
- P. Sims-Williams. Welsh *Iâl*, Gaulish Names in *Ial-* and *-ialo-*, and the God *Ialonus* // *CMCS* 2005. V. 49. P. 57–72.
- W. Tomaschek. Die alten Thraker. Teil II.2 // *Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse*. Band 131. Wien 1894. S. 1–103.
- L. Toorians. Endlicher's Glossary, an attempt to write its history // *Celtic and other languages in Ancient Europe* / Ed. J. L. Garcia Alonso. Salamanca 2008. P. 153–184.

Summary

The article deals with the place-names around modern Tran (Bulgaria) and ancient Aquae (modern Serbia) which are recorded by Procopius and which have been suspected to be Celtic in origin. The investigation shows that indeed some of them could be securely identified as Celtic, but the majority of those, claimed to be Celtic (particularly by V. Beshevliev), are most probably not.

И. Л. Хлынова

ПИСЬМО ЛИБАНИЯ К ИОАННУ ЗЛАТОУСТУ ИЗ РУКОПИСИ ИСИДОРА ПЕЛУСИОТА

Резюме. В статье анализируется вопрос о подлинности письма Либания к Иоанну из рукописи Исидора Пелусиота. В эпистолярном корпусе Исидора Пелусиота есть письмо к грамматике Офелию, в котором как аргумент в пользу ораторских достоинств Иоанна Златоуста приведено письмо Либания к нему. Издатели переписки Исидора не ставят под сомнение подлинность этого письма. Сомнения возникли у издателя сочинений Либания Рихарда Форстера. Он указывает на невозможность тех обстоятельств, о которых сообщается в письме, и на этом основании считает его подложным. В статье проанализирована аргументация Форстера против подлинности письма и доказана ее неубедительность. Статья завершается выводом о необходимости признания подлинности письма Либания к Иоанну Златоусту из рукописи Исидора Пелусиота.

Ключевые слова: подлинность, эпистолярный жанр, риторика, эпидейктическое красноречие, политическое красноречие, аргументация, стиль, корпус, издание, перевод.

Письма Исидора Пелусиота изданы в томе 78 Патрологии Миня и разделены на 5 книг. Во второй книге писем есть письмо, адресованное грамматике Офелию, в тексте которого приведено письмо антиохийского профессора риторики Либания к Иоанну Златоусту.

Вопрос о подлинности письма Исидора к Офелию и достоверности упоминаемых в нем лиц, т. е. Либания и Иоанна Златоуста, у издателей корпуса Исидора не возникал. Они возникли у издателей переписки Либания. Постараемся разобраться в их сути.

Прежде всего, скажем несколько слов о личности Исидора. Это прославленный святой Западной и Восточной Церкви. В молодости он был преподавателем риторики, затем в качестве священника был толкователем Священного Писания. Позднее, в уединении, он продолжал помогать людям своими советами и письмами и его авторитет как классически образованного богослова и аскета был

чрезвычайно высок: к его советам прислушивались александрийские патриархи и византийские императоры. Позднее некоторые исследователи высказывали сомнения в принадлежности всех составляющих корпус писем одному человеку и вообще в реальности самого существования Исидора. Вопрос возник в связи с тем, что письма, поданные как образцы эпистолярного жанра, были лишены приветствия и прощания (χαῖρε... ἔρρωσο...), характерных для греческого письма. Кроме того, они дошли не в виде кодекса, составленного самим Исидором, а были собраны его почитателями. А впоследствии обнаружилось, что в разных списках нумерация писем разнится. Указывая на частоту и точность цитирования в письмах классических и церковных текстов, стали утверждать, что это просто сборник цитат. Однако автор предисловия к критическому изданию писем Пьер Эвьё не считает, что отсутствие приветствия и прощания исключает подлинность писем (Évieux 1997: 9–176). Цитаты в письмах приводятся не дословно, а в перефразированном виде и всегда обусловлены темой письма. Но главное – это то, что единство взглядов автора писем прослеживается по всему корпусу писем, а все адресаты писем легко отождествимы с конкретными известными из истории персонажами, жившими в конкретное время в конкретном месте. Поэтому вопрос о реальности и конкретности автора эпистолярного сборника оказывается совершенно надуманным.

Недавно в критическом издании Sources Chretiennes (выпуски 422 и 454) вышла часть писем, входящих в эпистолярный корпус Исидора, а именно письма из 4-ой и 5-ой книг сборника. Письма, входящие в состав 1–3 книг до сих пор не удостоились критического издания, впрочем, именно потому, что их прежние издания были довольно-таки удовлетворительны по сравнению изданием книг 4 и 5: первые три книги сложились с самого начала публикации писем Исидора, и состав их и порядок подкреплены традицией и базируются на хороших рукописях. Письма, составляющие в настоящее время 4-ую и 5-ую книги, были опубликованы позднее, и в их составе появляется разноречивой (Évieux 1997 : 5).

Перевод писем на русский язык был осуществлен в серии: Творения святых отцев в русском переводе, издаваемые при Московской Духовной Академии (ТТ. 34–36. М., 1859).

Мы представляем новый перевод письма Исидора к грамматiku Офелию. Перевод выполнен по изданию PG 78, 483. Это письмо № 42 из книги 2. По общей нумерации письмо № 542.

Τοῦ καταπεπλήχθαι, οὐ φημι τοὺς ἄλλους (μικρὸν γὰρ ἴσως τοῖς πολλοῖς τοῦτο), ἀλλὰ καὶ αὐτὸν Λιβάνιον τὸν ἐπ' εὐ-γλωττία παρὰ πᾶσι βεβοημένον, τὴν τοῦ Ἰωάννου γλώτταν, καὶ τὸ κάλλος τῶν νοημάτων, καὶ τὴν πυκνότητα τῶν ἐνθυμημάτων, τεκμήριον, ἢ ἐπιστολή, ἐν ἣ οὐ μόνον αὐτὸν μακαρίζει οὕτω δυνάμενον εἰπεῖν, ἀλλὰ καὶ τοὺς ἐγκωμιασθέντας, καὶ ταῦτα βασιλεῖς τυγχάνοντας, ὅτι δὴ τοιοῦτου ἐπαινέτου τετυχήκασιν. Ἔστι δὲ αὕτη·

Ἰωάννη
Δεξάμενός σου τὸν λόγον τὸν πολὺν καὶ καλὸν ἀνέγνων ἀνδράσι λόγων καὶ αὐτοῖς δημο-ουργοῖς. ὦν οὐδεὶς ἦν, ὃς οὐκ ἐπήδα τε καὶ ἐβόα καὶ πάντα ἔδρα τὰ τῶν ἐκπεπληγμένων.

ἦσθην οὖν, ὅτι τοῦ δεικνύναι τὴν τέχνην ἐν δικαστηρίοις προὔτιθης τὰς ἐπιδείξεις, καὶ μακαρίζω σὲ μὲν οὕτω δυνάμενον ἐπαινεῖν, ἐπαινέτου δὲ τοιοῦτου τετυχηκότας τὸν τε δόντα πατέρα καὶ τοὺς λαβόντας υἱεῖς τὴν βασιλείαν.

Свидетельство восхищения, не говорю уже о других (потому что для многих это все равно незначительно), но самого Либания, всеми прославляемого за красноречие, речью Иоанна, красотой мысли, частотою сравнений – письмо, в котором он не только хвалит Иоанна, умевшего так сказать, но и похваленных, – которые были еще и царями, – удостоившихся такого панегириста. Вот это письмо:

«Иоанну.

Получив твою речь, большую и прекрасную, я читал ее мужам и самим начальникам. Из них не было никого, кто бы не вскочил, не вскричал и не сделал всего, что делают чрезвычайно взволнованные.

Потому что я почувствовал, что ты предпочел судебным выступлениям торжественные, и я хвалю и тебя за то, что ты мог так похвалить, и удостоившихся такого хвалителя отца подарившего и сыновей принявших царство».

Καὶ ταῦτα μὲν Λιβάνιος γέγραφε. Πλουτάρχῳ δὲ δοκεῖ τὸ σαφὲς καὶ τὸ λεῖον, γνήσιον εἶναι Ἀττικισμόν. «Οὕτω γάρ, φησίν, ἐλάλησαν οἱ ῥήτορες. Γοργίας δὲ ὁ Λεοντίνος, πρῶτος τὴν νόσον ταύτην εἰς τοὺς πολιτικοὺς λόγους εἰσήγαγε, τὸ ὑψηλὸν καὶ [τὸ] τυπικὸν ἀσπας ἄμενος, καὶ τῇ σαφηνείᾳ λυμηνάμενος. Ἦψατο δὲ, φησίν, ἡ νόσος αὕτη καὶ τοῦ θανμαστοῦ Πλάτωνος.»

Εἰ τοίνυν χρὴ ἐν τούτῳ Πλουτάρχῳ πείθεσθαι, πλεονεκτεῖ τοὺς ἄλλους ἅπαντας ὁ ἀοίδιμος Ἰωάννης, καὶ κατὰ τὴν φωνὴν ἀττικίσας, καὶ σαφηνεία, ὡς οὐκ οἶδ' εἴ τις ἕτερος, χρῆσάμενος.

И это написал Либаний. А Плутарх считает, что ясность и ровность – это подлинный аттицизм. «Потому что так, – говорит Плутарх, – говорили ораторы. А Горгий Леонтинский первый эту заразу в политическое красноречие внес, высокое и типическое привечая и ясность помрачая. Эта болезнь, – говорит он, – затронула и самого Платона».

И если нужно в этом доверять Плутарху, то превосходит всех остальных прославленный Иоанн, и в речи проявлявший аттицизм, и отличавшийся ясностью, как никто другой.

Письмо Исидора состоит из вводного замечания, в котором он как бы продолжает уже начатую в других письмах дискуссию с Офелием относительно ораторских достоинств Иоанна и приводит письмо Либания в защиту своей точки зрения. Основную часть письма составляет приведенное полностью изящное письмо Либания к Златоусту. Заканчивается письмо цитатой из Плутарха о политическом красноречии и выводом относительно ораторских достоинств Иоанна. Судя по тону письма, по тому, что Иоанн назван ἀοίδιμος (прославленным) и потому, что характеризующее его причастие (ἀττικίσας) поставлено в аористе¹, письмо, скорее всего, было

¹ Причастие в функции предикативного определения получает относительно-временное значение: аористное причастие обозначает предшествующее действие. См. С. И. Соболевский. Древнегреческий язык. СПб, 2003. С. 341, § 1375; М.Н. Славянская. Учебник древнегреческого языка. Ч. 2. М., 1996. С. 129.

написано уже после ссылки и смерти Иоанна, т. е. его можно датировать периодом от 407 до 451 года. Грамматик Офелий известен из писем Исидора как его добрый друг и заинтересованный собеседник. Ему адресовано и несколько других писем, касающихся литературной, экзегетической и нравственной тематики.

Письмо Либания к Златоусту из корпуса писем Исидора попало в некоторые рукописи Либания и было затем включено в издание Форстера (с номером 1553). Однако издатель, хотя и не отказался от издания письма, но признал его подложным (Foerster 1927: 195), т. е. написанным не Либанием, а каким-то фальсификатором. Аргументация Форстера сводится к следующему:

Он утверждает, что слова об «отце давшем и сыновьях принявших царство» могут быть отнесены только к моменту передачи власти Феодосием своим сыновьям Аркадию и Гонорию в 393 г. Но этому противоречит два факта: Во-первых, Иоанн Златоуст в 393 г. никак не мог писать похвального слова императорам. Во-вторых, в письме говорится, что Либаний прочел это слово вслух присутствующим, а Либаний, как утверждает Форстер, был в это время настолько стар и болен, что прочесть письма вслух не мог. А раз это так, то хорошо знавший Иоанна и его сочинения Исидор не мог не заметить всех этих несоответствий.

Кроме того, в письме для похвалы употребляются выражения, которые в переписке с Василием употребляются для порицания: «ὧν οὐδεὶς ἦν ὃς οὐκ ἐπῆδα τε καὶ ἐβόα καὶ πάντα ἔδρα τὰ τῶν ἐκπεπληγμένων».

Из этого Форстер делает вывод о том, что письмо является фальшивкой, т. е. текстом, написанным не Либанием, а кем-то другим (Foerster 1927: 196).

Нужно признать, что эта аргументация имеет много логических недочетов. Вот они:

1. Почему нужно утверждать, что в 393 г. Иоанн Златоуст не мог составить похвального слова воцарившимся императорам? Потому, что он был священником? Это не могло ему помешать. И даже более того: поскольку он был известен как хорошо владеющий словом священник,

церковная община могла поручить ему составление и произнесение этого похвального слова.

2. Почему Либаний, будучи действительно старым и больным, должен был быть настолько слаб, чтобы не быть в состоянии прочитать присутствующим присланную ему речь?

3. В переписке Либания и Василия один раз встречается слово $\tau\eta\delta\acute{\alpha}\nu$ и один раз слово $\beta\omicron\acute{\alpha}\nu$.

Слово $\tau\eta\delta\acute{\alpha}\nu$ присутствует в тексте письма № 6, якобы адресованного Либанием Василию в ответ на его письмо, в котором он жалуется на то, что его прежнее письмо написано плохо и даже несколько не лучше того, в котором он пишет об этом. Либаний отвечает, что оба письма написаны хорошо, и сравнением первого письма со вторым Василий только подтверждает достоинства первого, а для подтверждения достоинства второго письма Либаний упоминает о реакции слушателей на его прочтение: они вскочили со своих мест. Вот этот текст:

... καὶ ταῦτα πείθειν ἐπιχειρῶν οὕτω καλὴν καὶ ταύτην ἦν λέγεις κακῶς εἰργάσω τὴν ἐπιστολήν, ὥσθ' οἱ παρόντες ἡμῖν οὐκ εἶχον μὴ <u>πηδᾶν</u> ἀναγινω- σκομένης.	...и пытаюсь убедить в этом, ты сделал настолько прекрасным и то письмо, о котором ты го- воришь, что [сделал его] пло- хо, что те, кто были с нами, не могли удержаться и не вско- чить со своих мест при его чте- нии.

Итак, в этом тексте выражения, употребленные для похвалы в письме к Иоанну, тоже употреблены для похвалы.

Второе слово ($\beta\omicron\acute{\alpha}\nu$) встречается в письме № 11 в следующей фразе:

... πείθε τοὺς ἀνανακτοῦντας μὴ βοᾶν. – ... убеди возмущенных не кричать.

Здесь крик, действительно, выражает отрицательную реакцию – возмущение. Но это – психологически естественное выражение этой реакции, что отнюдь не доказывает, что для выражения иной – противоположной – реакции эта форма ($\beta\omicron\acute{\alpha}\nu$) неприемлема.

Таким образом, в подложных письмах выражения $\tau\eta\delta\acute{\alpha}\nu$ и $\beta\omicron\acute{\alpha}\nu$ встречаются в смысле и положительной и

отрицательной реакции. Впрочем, данные признанных неподлинными писем вряд ли могут служить основанием для суждения о подлинности другого письма.

Интересно, впрочем, что аналогичные выражения употреблял и Иоанн Златоуст, характеризуя действия Либания в трактате «Ad viduam juniorem» (К молодой вдове) (PG 48: 601): Либаний «ἐξεπλάγη καὶ ἀνεβόησε μέγα» (восхитился и громко вскричал).

Но, с другой стороны, если те обстоятельства, которые кажутся невероятными Форстеру (написание в 393 году Иоанном похвального слова императорам, чтение вслух этого слова Либанием) не показались невероятными Исидору, то как раз его свидетельство как современника может быть указанием на подлинность самого письма и достоверность содержащихся в нем сведений. Такая оценка свидетельства Исидора уже прозвучала в незаслуженно забытой статье Антона Нэгеле о взаимоотношениях Златоуста и Либания (Naegele 1907: 106–107). Теперь все упирается в аналогии, существующие между письмом 1553 и письмом 1100 (по изданию Форстера), потому что Форстер предполагает, что фальсификатор заимствовал темы, сюжеты, обороты мысли из письма 1100, чтобы составить письмо 1553 (Foerster 1927: 196).

Письмо Либания к Ромулиану. Письмо № 1100:

Ῥωμυλιανῶ.

Τὰ γράμματά σου τὰ πρὸς ἡμᾶς ἐν τοῖς περὶ σοῦ λόγοις ὄντας ἡμᾶς κατελάμβανε πολλοῖς τε ῥέουσι καὶ ἀπὸ πολλῶν στομάτων, πολλοὶ γὰρ ἦσαν οἱ παρόντες καὶ παρακαθήμενοι, τοῦ δ' ὅτι παιδεῖαν κτώμενος οὐ πέπαυσαι καὶ γὰρ τοῦτο ἔγνωμεν.

Ромулиану.

Письмо твое к нам застало нас в разговорах о тебе, которые текут обильно и из многих уст, потому что было много присутствовавших и сидящих рядом, и не переставали говорить, что твое образование принесло плоды. Хоть мы и знали это.

καὶ μὴν οἱ μὲν τὴν ἐν ταῖς ἀρχαῖς ἀρετὴν ἐθαύμαζον, οἱ δὲ τὸ μῆτε ἐπ' αὐτὰς δραμεῖν δεξιόμενον τε ἠκούσας ἀκολουθήσαι τοῖς νόμοις, ὁ δὲ τις τὸν οὐκ ἄρχοντα χρόνον ἐπῆνει, τὸν οὐκ εἰς τὸ λυπεῖν τινας τῷ τῶν ἀρχῶν ἀποχρώμενον.

ἀναγνωσθείσης δὲ τῆς ἐπιστολῆς καὶ πολλάκις, ἦν γὰρ ἀξία τοῦ καὶ πολλάκις, ἅπαντες ἐμακάριζον σέ τε καὶ ἐμέ, σέ μὲν τοῦ τιμᾶν τοὺς περὶ λόγους πόρους, ἐμέ δὲ ὡς ὑπὸ τοιαύτης τιμώμενον κεφαλῆς.

ἀντὶ δὴ τούτων ἀπολαύεις μὲν τῆς εὐνοίας τῶν θεῶν, ἀπολαύεις δὲ τῆς τῶν θείων βασιλέων, πατρός τε καὶ τῶν παίδων. ὧν δεόμεθα τὸν φίλτατον ἡμῖν ἀποδοῦναι Ῥωμυλιανὸν καὶ ποιῆσαι πάλιν ἡμῖν τὴν πόλιν τῆ 'κεινὸν παρούσῃ βελτίω.

1) Датировку этого письма из выражения «τῶν θείων βασιλέων, πατρός τε καὶ τῶν παίδων» он сравнивает с выражением из 1553 («τόν τε δόντα πατέρα καὶ τοὺς λαβόντας υἱεῖς τὴν βασιλείαν»), и на этом основании совершенно логично датирует 1553 письмо, но на основании этой датировки почему-то утверждает, что Иоанн не мог тогда произнести этой хвалебной речи. Т. е. из правильного сопоставления по непонятным причинам получается надуманный и неправильный вывод.

2) Либаний будучи очень старым и близким к смерти, по предположению Форстера, не мог сам читать речь, но мог сделать то, о совершении чего написано в письме 1100. Что же он там сделал? «Τὰ γράμματά σου τὰ πρὸς ἡμᾶς ἐν

и одни хвалили твою добродетель, которую ты проявил, получив власть, другие – то, что ты не стремился к ней, а когда получил, следовал законам, а еще один хвалил тебя в то время, когда ты еще не имел власти и не злоупотреблял возможностями наделенных властью, чтобы нанести кому-нибудь обиду.

Когда письмо было прочитано, и многократно, потому что оно было достойно многократного прочтения, все восхвалили тебя и меня, тебя за то, что ты удостоился награды за работу над словом, а меня как хвалимого за тебя.

За это да будет тебе благоволение богов, да будет и благоволение божественных царей – отца и сыновей. Которых мы просим самого любезного нам – Ромулиана – возвратить и снова сделать наш город благодаря его присутствию более прекрасным.

τοῖς περὶ σοῦ λόγοις ὄντας ἡμᾶς κατελάβανε», т.е. просто описана ситуация, когда говорили об отсутствующем Ромулиане, и как раз в это время пришло письмо от него. Либаний участвовал в общих разговорах, и этому несколько не мешала его слабость. Впрочем, кто прочел письмо, не ясно, нельзя исключить, что и сам Либаний, потому что написано безлично: «ἀναγνώσθεισός δὲ τῆς ἐπιστολῆς».

3) Форстер утверждает, что «направление и нить фальсификатору дано 1100-е письмо» (Foerster 1927: 196). Сюжет писем совершенно различен: в письме 1100 Либанию приносят письмо Ромулиана как раз в то время, когда о нем говорят и обсуждают его успехи, известные, впрочем, и до получения письма. Затем рассказывается, что Ромулиана хвалили за его успехи в служебной деятельности. Завершается письмо замечанием о богах и императорах (которое дает датировку) и пожеланием Ромулиану осчастливить родной город своим возвращением.

Письмо 1335 начинается сообщением о том, что речь Иоанна, полученная, видимо, немного ранее, была прочитана Либанием в кругу «мужей и начальников», специально для этого собравшихся. Ничего общего с внезапностью появления письма в письме 1100 здесь нет. Сильное волнение всех объяснимо хотя бы тем, что они не очень рассчитывали на хороший прием при дворе хвалебной речи от своего города, в котором недавно были волнения и который был в опале. А в письме 1100 никакого волнения, вызванного появлением письма, не было. Далее в 1553 Либаний хвалит Иоанна за переход к торжественным речам от судебных, т.е. собственно за достижения в ораторском искусстве. Этого тоже нет в письме 1100, где о жанрах красноречия и о предпочтении одного жанра другому ничего не говорится, а похвала относится к добродетели Ромулиана, проявленной при вступлении в должность и при ее исполнении. Зато в биографии Златоуста переход от судебных к торжественным речам можно сопоставить с переходом от политически значимых выступлений, связанных с антиохийским восстанием, к экзегетическим проповедям. Наконец, в конце письма похвала умению хвалить подана с таким тонким ост-

роумием, что, если письмо поддельно, то фальсификатор должен быть по литературному дарованию равен Либанию, т. к. письмо выглядит чрезвычайно изящным и остроумным.

В общем, на основании самых общих черт оба письма выглядят как имеющие между собой очень мало общего и в сюжете, и в стиле и в характере подачи материала (1100-е растянуто, 1553 лаконично и изящно).

Наконец, Форстер сравнивает одно выражение с началом 30-го письма императора Юлиана (*Foerster* 1922: 196).

Вот начало этого письма:

Письмо Юлиана Феодору. Письмо 30

Θεοδώρῳ [ἀρχιερεῖ]. Δεξάμενός σου τὴν ἐπιστολὴν ἦσθην μὲν...– Феодору [архиерею]. Получив твоё письмо, я, с одной стороны, почувствовал ...

Форстер сопоставляет следующие выражения:

Письмо 1553 Либания: «Δεξάμενός σου τὸν λόγον...» (Получив твою речь)... «... ἦσθην οὖν, ὅτι ... προὔτιθης τὰς ἐπιδείξεις...» (Потому что я почувствовал, что ты предпочел ... торжественные).

Письмо 1100 Юлиана: «Δεξάμενός σου τὴν ἐπιστολὴν ἦσθην μὲν...» (Получив твоё письмо, я, с одной стороны, почувствовал...).

Во-первых, *δεξάμενός* и *ἦσθην* в письме Либания несены по разным фразам, а у Юлиана следуют непосредственно друг за другом. Следовательно, одинаковые выражения действительно употреблены, но в разной грамматической конструкции.

Во-вторых, разные авторы одного века и одного литературного направления могут употреблять одинаковые выражения, и это нисколько не доказывает заимствования.

Таким образом, нужно признать, что аргументация Форстера против подлинности письма Либания к Иоанну Златоусту представляется неубедительной:

1. Иоанн мог в 393 году произнести торжественную речь в честь вновь воцарившихся императоров. Нет никаких фактов, противоречащих этому предположению.

2. Нет никаких доказательств того, что Либаний был настолько слаб, чтобы не смочь прочесть вслух речь Иоанна.

на. Напротив, есть косвенное доказательство того, что он мог это сделать: в письме 1100, датирующемся тем же годом, есть данные об участии Либания в общих разговорах по поводу успехов Ромулиана. Если Либаний мог принимать участие в общих разговорах, мог, следовательно, и прочесть присланную ему речь Иоанна.

3. Данные переписки Либания и Василия противоречивы, а к тому же, поскольку письма признаны неподлинными, то на основании почерпнутого из них материала нельзя делать выводов о подлинности другого письма. Но о том, что присутствующие в письме выражения были свойственны речи Либания, свидетельствует отрывок из трактата Златоуста «К молодой вдове», в котором именно такими выражениями охарактеризована речь самого Либания: они использованы для передачи эмоциональной реакции Либания, реакции восхищения и радости, что дает косвенное указание на то, что и сам Либаний мог описывать чью-то восторженную реакцию в таких же словах.

4. Тот факт, что Исидор Пелусиот, хорошо знавший Иоанна и его сочинения, не сомневался в подлинности письма и использовал его как аргумент в своей переписке, еще раз доказывает необоснованность высказанных издателем сочинений Либания сомнений.

Поэтому письмо Либания к Иоанну из рукописи Исидора Пелусиота должно занять свое достойное место среди подлинных писем Либания.

Литература

- PG 78: *Patrologiae cursus completus ... Accurante J.-P. Migne. Series Graeca. T. 78. Parisiis, 1859.*
- PG 48: *Patrologiae cursus completus ... Accurante J.-P. Migne. Series Graeca. T. 48. Parisiis, 1862.*
- Foerster 1927: *Prolegomena ad epistulis // Libanii opera / Rec. R. Foerster. Vol. IX. Lipsiae: B.G. Teubner, 1927. (Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1963^r). P. 195.*
- Évieux 1997: *Avant propos. Introduction // Isidore de Péluse. Lettres. Tome I: Lettres 1214–1413. Paris: Cerf. (SC; 422).*
- Naegele 1907: *Naegele, Anton. Chrysostomos und Libanios // Χρυσόστομος: Studi e ricerche intorno a S. Giovanni Crisostomo. Roma: Liberia Pustet, 1907.*

Summary

The article deals with the question of authenticity of the letter of Libanios to John Chrysostom from the manuscript of Isidor Pelusiot. In the correspondence of Isidor there is a letter to the grammarian Ophelios, in which as an argument for rhetorical dignities of John Chrysostom is quoted a letter of Libanios, addressed to John. Editors of Isidor's correspondence did not doubt the authenticity of this letter. It is the editor of Libanios's *œuvres* Richard Foerster, who called into question the authenticity of this letter. He pointed at the impossibility of the circumstances reported by the letter and for this reason considers it spurious. According to Foerster, John could not deliver a laudatory speech in honor of the emperors in 393 A.D.; Libanios, being sick, could not read it; some expressions of letters are not peculiar to the discourse of Libanios; at last Isidor Pelusiot, well acquainted with John Chrysostom and circumstances of his life, could see the incongruities of the letter, but ignored them.

The article demonstrates that nothing hinders the assumption that John in reality delivered a laudatory speech in honor of the emperors in 393 A.D.; that Libanios was not so sick, that he could not engage in general conversation (see letter 1100), and consequently he could read the speech, which was sent to him; that the data of *mutuae inter Basilium et Libanium epistulae* are contradictory and these letters being recognized as non-genuine can not serve to prove the authenticity of another letter; that one excerpt from the treatise of John Chrysostom "Ad viduam juniorem", where by the similar expressions is described the discourse of Libanios, shows that these expressions of letter under investigation were peculiar to his discourse. And lastly that the fact of Isidor's exploitation of John's letter is a weighty argument in favor of the authenticity of this letter.

The article concludes that the letter of Libanios to John Chrysostom from the manuscript of Isidor Pelusiot should be recognized as authentic.

Е. Ю. Чепель

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА СОФОКЛА:
ТРАГЕДИЯ «АЯКС» И ἐπιτάφιος λόγος**

Резюме. В статье впервые рассматриваются сцены двойного агона трагедии Софокла «Аякс» как своеобразный ἐπιτάφιος λόγος над погибшим героем. На основе лексико-тематического анализа автор выявляет близкое сходство текста трагедии со знаменитым надгробным словом Перикла, что позволяет по-новому взглянуть на соотношение жанров ораторской прозы и аттической трагедии.

Ключевые слова: Трагедия «Аякс», поэтика Софокла, надгробная речь, ἐπιτάφιος λόγος, Перикл, трагический агон, риторическая традиция в трагедии.

В этой статье я хотела бы рассмотреть трагедию Софокла «Аякс» с точки зрения ораторских жанров и риторических традиций. Проблема взаимодействия драматических жанров с ораторской прозой всегда привлекала внимание исследователей, а в последнее время стала особенно актуальной (Ober, Strauss 1982, Bers 1994, Pelling 2005, Conacher 1981, Hall 1995, Wilson 1996, Croally 1994). Часто взаимодействие между жанрами описывается как прямое заимствование трагиками из ораторской и софистической традиции. Например, в вышедшем в 2007 г. справочнике по греческой риторике (Blackwell Companion to Greek Rhetoric) в главе, посвященной риторике и трагедии, М. МакДональд видит в ст. 1047–1160 и 1126–1315 трагедии Софокла «Аякс» влияние софистов (McDonald 2007: 480). Однако, согласно гипотезе, выдвинутой Э. Скъяппа, во время расцвета трагедии в середине V в. риторическое искусство как τέχνη еще только зарождалось и оформлялось (Schiappa 2010; Gagarin 2007, Hubbard 2007), поэтому я буду говорить, скорее, о взаимовлиянии и взаимопроникновении, чем о заимствовании у ораторов и софистов.

Сцены после самоубийства Аякса, в которых МакДональд видит влияние софистической традиции и которые я бы хотела рассмотреть в этой статье, уже в античности

вызывали у читателей и ученых недоумение. Схолиаст по поводу этих сцен замечает, что: τὰ τοιαῦτα σοφίσματα οὐκ οἰκεῖα τραγῳδίας. μετὰ γὰρ τὴν ἀναίρεσιν ἐπεκτεῖναι τὸ δράμα θελήσας ἐψυχρεύσατο καὶ ἔλυσε τὸ τραγικὸν πάθος («Такие ухищрения не свойственны трагедии. Видимо, желая растянуть трагедию после того, как тело Аякса было унесено, он (Софокл) ослабел и утратил трагический патос», к ст. 1123). Важно, что схолиаст (так же, как и современные исследователи) рассматривает σοφίσματα как нечто чужеродное в тексте трагедии. Он связывает это жанровое несоответствие смертью главного героя, после которой трагический «патос» уже не нужен. Действительно, Аякс бросается на меч в стихе 865, после его смерти остается более трети текста, который посвящен спору о том, следует ли его хоронить. Трагедия распадается на две несвязанные между собой части, из которых вторая кажется ненужной и избыточной. В связи с этим многие исследователи занимались поиском единства трагедии «Аякс». Некоторые из них считали последние сцены спора Тевкра с Атридами поздними вставками, другие доказывали их исключительную значимость для понимания всей трагедии в целом (Jebb 1896: 9, Holt 1981: 276). Кроме проблемы единства эти сцены сами по себе вызывают много вопросов: зачем так много места уделено этой теме, почему Тевкр спорит с двумя Атридами об одном и том же, почему непримиримый враг Аякса Одиссей оказывается в споре на стороне Тевкра (Holt 1981: 282). За последние сто лет было предложено много различных интерпретаций сцен двойного агона с Атридами в основном с точки зрения их целесообразности и значимости для трагедии в целом (библиография и краткий очерк мнений по вопросу см. в Holt 1981: 282–283, Barker 2004: 2–3).

Согласно определению Дж.Хеска, трагический агон – это «сцена соревнования или спора, состоящая из монолога одного из персонажей на тему, центральную для данной трагедии, и второй ответной речи, которая пытается опровергнуть первую. Затем следует диалог между двумя персонажами, включающий стихомифию» (Hesk 2003: 198). Считается, что трагический агон развивал и активно использовал Еврипид (Duchemin 1945: 108–123). Однако,

основные черты агона выделяют уже у Эсхила. Например, агонем считается сцена с ковром в трагедии «Агамемнон» (Holt 1981: 275–276). Джебб отмечает, что агон не был связан с зарождающейся ораторской прозой и софистикой и изначально присутствовал в трагедии как столкновение двух противоположных позиций (Jebb 1896: 5). Если в драме Еврипида и Аристофана формирование агона можно связать с небывалым расцветом софистики и риторики в Афинах (McDonald 2007: 475–490) то, что касается Софокла и трагедии «Аякс», которая считается ранней (ок. 442 г.), вопрос сложнее, и говорить о прямых заимствованиях из ораторской прозы следует с большой осторожностью.

В то же время исследователи отмечали различные лексические и смысловые параллели трагедии в целом с ораторской прозой. Дж. Хеск отмечает общую политическую направленность «Аякса» (Hesk 2003: 13). П. Роуз рассматривает ситуацию спора Тевкра с Менелаем и Агамемноном как продолжение суда о успехах Ахилла, но оформленного уже как политическое дело, нечто вроде ostracism, который разворачивается на глазах у зрителей (Rose 1995). Софокл подбирает для этого суда термины афинского судопроизводства V в. ($\psi\eta\phi\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\nu$ ст. 449, $\psi\eta\phi\omicron\pi\omicron\upsilon\acute{\omicron}\varsigma$ ст. 1135, $\delta\iota\kappa\alpha\sigma\tau\alpha\acute{\iota}$ ст. 1136, $\kappa\omicron\iota\tau\alpha\acute{\iota}$ ст. 1243), которые не встречаются в других его трагедиях (Кнох 1961: 22–23). Политический контекст возникает еще до самоубийства главного героя. Б. Нокс видит его в так называемой «обманной» речи Аякса (стт. 658–705), в которой уже предвосхищен спор с Атридами (Кнох 1961: 15): *«Эта часть речи Аякса изобилует словами, значимыми для зрителей трагедии. Атриды, как говорит Аякс (ст. 668 и сл.), правители, поэтому им нужно подчиниться. Использование причастия ἄρχοντες как существительного встречается у Софокла только здесь и, конечно, является обычным словом для обозначения афинских магистратов. Последующие стихи, описывающие порядок смены времен года, дня и ночи, усиливают намек, ведь архонты не оставались всегда в своей должности, а каждый год уступали ее своим преемникам. Это скрытое сравнение объясняет появление неожиданного слова τιταῖς в ст. 670 – слова, которое означает «почести, привилегии, почетная должность». Через несколько стихов круг ночи «подает в*

отставку» в пользу белоконного дня: ἐξίσταται – слово, часто используемое в политическом контексте (например, в речи Перикла – Фукидид II 61)».

Основная тема двойного агона во второй части трагедии – погребение героя Аякса. В связи с этим мне представляется необходимым исследовать эти сцены с точки зрения ораторского жанра надгробной речи (ἐπιτάφιος λόγος). Расцвет этого жанра приходится как раз на вторую-третью четверть V в. Он возникает и существует в рамках уникального афинского ритуала общественного погребения павших воинов, который описан Фукидидом во второй книге его Истории. Это один из первых риторических и вообще прозаических афинских жанров. Исследователи отмечают его особую близость к поэзии и особенно к трагедии. «Эпидейктический оратор, по-видимому, постоянно должен был все время ориентироваться на поэтов в своей речи» (Burgess 1902: 168). В сохранившихся надгробных речах присутствует постоянное соотнесение и даже соревнование оратора, произносящего надгробную речь, с поэтическими образцами. Например, Перикл противопоставляет свою речь, основанную на фактах, хвалебным песням Гомера (Ομήρου ἐπαίνετου Фукидид II 41), а Лисий соревнуется с теми, кто до него прославлял в стихах и в речах павших воинов (Лисий II 2). Исократ в надгробной речи в честь кипрского тирана Эвагора сравнивает себя с поэтом и жалуется на то, что у ораторов нет возможности пользоваться такими поэтическими средствами, как размер и ритм (Исократ IX 9–10). По мнению, Н. Лоро (Loraux 1986: 231) надгробная речь занимала промежуточное положение между ораторским искусством и поэтическим, между λέγειν и ποιεῖν. Некоторые черты самого обычая общественного погребения: ритуальность, перформативная направленность, высокая патетичность, а также его социальные, политические и идеологические (объединение афинских граждан вокруг общих ценностей через совместное участие в торжественном ритуале, акт коллективной самоидентификации (Carey 2007: 240, Gagarin 2007: 27, Loraux 1986: 263) функции сближают его с драматическими представлениями в театре Диониса. Аристотель в «Риторике» называет слушателя эпидейктической речи

зрителем (θεωρός, 1358b6). И драматическое представление, и надгробная речь имеют целью не столько убедить, сколько затронуть зрителя на глубоко эмоциональном уровне. Так, Платон с иронией сообщает, что каждый раз, когда он слушает надгробную речь, он потом три дня не замечает земли под ногами и чувствует себя жителем островов блаженных (Менексен 235a-c). Последнее, впрочем, похоже на стандартный комплимент оратору (ср. Осы 639–640). Оба жанра: трагедия и надгробная речь – жанры исключительно афинские (надгробная речь называется часто *πάτριος νόμος*), патриотические и прославляют, в конечном счете, город Афины. Кроме того, это жанры возвышенные и серьезные (*σεμνοί*, Logaux 1986: 306, 321), и потому легко становятся объектами пародии в комедии.

Однако о соотношении жанра надгробной речи с драмой написано немного (об «Антигоне» Burnett, Tyrell 1990, о «Лисистрате» Vannicelli 2002, также McDonald 2007, об «Умоляющих» Еврипида Toher 2001 и Collard 1972). Удивительно, что такое соотношение подробно не рассматривалось на материале «Аякса». Ведь в этой трагедии тема погребения не только занимает больше половины текста, но и является, как считается в научной литературе, ключевой для понимания всей трагедии. Например, Джебб пишет, что *«настоящая кульминация трагедии не смерть Аякса, а решение о том, что он будет похоронен»* (Jebb 1896: 11).

Обычно погребение и оплакивание умерших рассматривается в греческой трагедии в контексте надгробного плача – треноса. В таком трагическом треносе исследователи видят проявление чего-то иррационального, запретного для города, противоположного идеалу афинского гражданина и воина (Alexiou 1974, Logaux 2002). Но погребение Аякса оформлено не в виде плача, что было бы типично для трагедии (*οἰκεία τραυφδία*) и не вызвало бы недоумения у схолиаста, а как спор, в котором важны аргументация и рациональная мысль и который всегда считался в трагедии словесной, риторической и даже софистической моделью.

Следует отметить, что жанр надгробной речи также нарочито отказывается от треноса. В ритуале общественного погребения павших воинов оплакивание (*θηνηεῖν*)

должно уступить место прославлению. Женский, эмоциональный, скорбный, тип похорон недопустим (Loraux 1986: 49, 51). Похороны как дело мужчин – часть идеологии афинского полиса, в котором после реформы Солона частное погребение оставлено женщинам, а общественное совершается мужчинами. Надгробную речь о павших должен был произносить афинский гражданин и политический деятель, и главная интонация этой речи не скорбная, а торжественная: это похвала (ἔπαινος) павшим воинам и афинскому государству (Фукидид II 44; Лисий II 77–80; Платон, Менексен 248с, Гиперид, Надгробная речь, 42). В трагедии Софокла θρῆνος также ассоциируется с женским типом погребения: Аякс считает оплакивание пустым занятием женщин (стт. 582, 852). Свое погребение он завещает совершить Тевкру (стт. 826–830). В споре с Агамемноном Тевкр произносит похвальную речь – ἔπαινος Аяксу, перечисляя его заслуги: он один спас греческие корабли (ст. 1276), он один сражался с Гектором (ст. 1283). Такое перечисление заслуг павших воинов и в особенности прославление уникальности и незаменимости их подвигов типично для надгробной риторики (Bernett, Tyrell 1990: 445, Ziolkowski 1981: 123, Лисий II 18, 20, 26, 57; Демосфен LX 10, 4, 11, 33, Платон, Менексен 245с, 245е, 237е, Фукидид II 40, 2, 40, 5, 41, 3).

Текст трагедии после смерти Аякса можно было бы назвать единым ритуалом погребения, который разворачивается на глазах у зрителей (Easterling 1988). После самоубийства (ст. 865) Аякса его тело находится на сцене. Тевкр выходит на сцену в ст. 891: это персонаж, который должен совершить погребение Аякса. Менелай с Агамемноном пытаются помешать ему сделать это. Тевкр не забывает ни на минуту о похоронах. Однако он действует отчасти в традиции частных, скорбных похорон: появляясь на сцене, он произносит плач по Аяксу (984–1039), после ухода Менелая приглашает к участию в обряде Текмессу с Еврисаком (1168–1184). В надгробных речах обязательно присутствует обращение к родственникам погибших со словами утешения, но женщины и дети не должны участвовать в самом обряде. В определенном смысле ситуация спора с Атридами вынуждает Тевкра «переключиться» с

частного, семейного, скорбного вида похорон на общественный, хвалебный. Когда появляется Одиссей и разрешает хоронить Аякса, Тевкр приступает к ритуалу, и трагедия заканчивается. Таким образом, агон, который занимает почти весь текст после самоубийства до конца трагедии, является одновременно препятствием и условием для «правильного» погребения Аякса.

Несмотря на запрет обоих Атридов, Тевкр во что бы то не стало стремится похоронить Аякса. В надгробных речах погребение вопреки запрету фигурирует как особая афинская добродетель. Именно афиняне благочестиво соблюдают ритуалы погребения и хоронят даже своих врагов в отличие от других греков, которые погрешают против божественных законов и запрещают погребать умерших. Ораторы IV в. активно используют в надгробной риторике миф о походе семи вождей против Фив (Bernett, Tyrell 1990: 441–442). Так, в речи Лисия пересказывается версия о войне афинян с фиванцами из-за непогребенных тел убитых аргосцев (Лисий II 7). Афиняне вступили в войну с кадмейцами ради того, чтобы был исполнен эллинский закон и чтобы не были оскорблены боги. О том же – о дерзком нарушении ($\upsilon\beta\rho\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\nu$) Креонтом установлений по отношению к мертвым вспоминает в надгробной речи Демосфен (LX 8). Все тот же набор мифов (о кадмейцах и Гераклидах) с иронией упоминает Платон (Менексен 239b, почти дословно совпадая с речью Демосфена), он возникает и в «Панегирике» (55–60) Исократ. Видимо, в IV в. миф о войне из-за погребения погибших уже является топосом надгробной (и шире эпидейктической) ораторской прозы. По мнению М. Тохер (Toher 2001: 340–343), эта новая версия мифа о кадмейцах стала использоваться в надгробных речах после трагедии Еврипида «Умоляющие», где она появляется в контексте одного из наиболее формализованных трагических агонов о государственном устройстве афинян и фиванцев, который Виламовиц даже назвал *tragischer Epitaphios*. В споре о телах павших воинов Тесей действительно повторяет аргументацию уже известную нам по надгробным речам: похоронить мертвых – это всеэллинский закон (Умоляющие ст. 526), почтить мертвых – благочестиво (Умол. ст. 559), это божественный и

древний закон Пандиона, за который афинский царь отвечает перед греками (Умол. 562).

Однако, очевидно, что еще до Еврипида мотив запрета погребения в войне между Фивами и Аргосом использует Софокл в «Антигоне». Хор фиванцев воспринимает запрет Креонта хоронить Полиника естественно (стт. 211–214), только Антигона вспоминает о божественных законах, которым надо подчиняться прежде законов написанных (стт. 454–455). О неписаных законах, несоблюдение которых влечет за собой всеобщий позор, говорит в своей речи и Перикл (Фукидид II 37). Оппозиция писанных и неписанных законов встречается также в надгробной речи Горгия (DK B6 p285 7–8 = Epitaphios, fr.6).

При таком отношении афинян к погребению Агамемнон и Менелай выглядят преступниками законов афинских, общеэллинских и божественных. Они неправы так же, как, по мнению некоторых исследователей, неправ Креонт в «Антигоне» («wrong, always and absolutely wrong» Bernett, Tyrrell 1990: 456). М. Хит даже считает, что «главной целью Софокла в этих сценах было вызвать не положительные, а отрицательные эмоции – гнев, осуждение и ненависть аудитории по отношению к Атридам» (Heath 1987: 207). «Низость Менелая такого восхитительно греховного качества, что зрители должны были ненавидеть его с большим удовольствием» (Hesk 2003: 111). Нечестие Менелая и Агамемнона в глазах зрителей усугубляется еще и тем, что они запрещают похоронить не кого-нибудь, а афинского героя (Jebb 1896: 16). Настойчивые ассоциации самого Аякса и хора с Саламином и Афинами проходят через весь текст (стт. 135, 596, 860, 1220–21 Rose 1995: 61–85). Аяксу и Тевкру в Афинах воздавали почести как героям, по имени Аякса был назван один из аттических демонов, и среди зрителей трагедии могли быть представители этого дема. К Аяксу возводили род знаменитые афинские семьи Алкивиада, Кимона, Мильтиада, Фукидида (Hesk 2003: 21–23, Jebb 1896: 11). Будучи героем-покровителем Саламина, именно он помог афинянам в Саламинской битве (Геродот VIII 64, 121). Еще до Софокла он был представлен на сцене как саламинский герой в трилогии Эсхила. Тема Саламина и Саламинской битвы имеет большое значение для афин-

ской идеологии и для жанра надгробной речи в особенности. Это одна из самых великих афинских побед, воспетая еще Эсхилом в «Персах», и в надгробной речи она наряду с мифологическими образцами является хрестоматийным примером афинской доблести (Loraux 1986: 161).

Для зрителей трагедии Аякс – «свой», афинский герой, а его воины – такие же афинские гоплиты, как большинство присутствующих в театре. Он должен получить после смерти по крайней мере такие же почести, какие получил бы каждый из них во время церемонии общественного погребения. То, что говорит о нем хор, обнаруживает интересные параллели с речью Перикла. В тексте трагедии Софокла гробница Аякса названа хором «приснопамятной» (τὸν ἀείμνηστον τάφον ст. 1166). Это слово кроме трагиков (фр. 12 Еврипида, Эсхил Персы, 760) используется в надгробных речах: Лисий II 20, Фукидид II 43. В надгробной речи Перикла это слово употреблено в контексте, наиболее близком к тексту трагедии Софокла. Перикл рассуждает о том, что настоящая гробница воинов – воспоминание в уме каждого (ἄγραφος μνήμη παρ' ἐκάστῳ τῆς γνώμης «неписаная память в уме каждого») и что они приобрили себе почетнейшую гробницу, в которой их слава останется навсегда и будет памятна в любое время и в слове, и в деле (κοινῇ γὰρ τὰ σώματα διδόντες ἰδίᾳ τὸν ἀγῆρων ἔπαινον ἐλάμβανον καὶ τὸν τάφον ἐπισημότατον, οὐκ ἐν ᾧ κεῖνται μᾶλλον, ἀλλ' ἐν ᾧ ἡ δόξα αὐτῶν παρὰ τῶ ἐντυχόντι αἰεὶ καὶ λόγου καὶ ἔργου καιρῶ αἰείμνηστος καταλείπεται).

Кроме того, хор именует Аякса δυστράπελος (ст.914). Это редкое слово больше не встречается ни в одной трагедии. Его антоним εὐτραπέλως употребляет Перикл в надгробной речи, подводя итог похвале государственного устройства Афин (Фукидид II 41). Из речи Перикла, следует, что εὐτραπέλια – одно из ключевых качеств афинского демократического идеала. Нокс считает, что антонимичное словоупотребление свидетельствует здесь о том, что Аякс принадлежит миру героическому и не вписывается в новую демократическую действительность (Кнох 1961: 7). Однако само соотнесение покончившего с собой

Аякса с павшими афинскими воинами значимо в контексте сравнения этих сцен с жанром надгробной речи.

Менелай и Агамемнон упоминаются как враги Аякса еще задолго до своего появления на сцене (стг. 251, 445, 620, 717). Зрители на протяжении всей трагедии подготовлены к тому, что Атриды будут продолжать ненавидеть Аякса и после его смерти. Неудивительно, что первые слова Менелая на сцене – запрет Тевкру хоронить Аякса, высказанный в оскорбительной форме (ст. 1047–8). Атриды выглядят полной противоположностью афинскому идеалу политического деятеля. После первой речи Менелая хор предостерегает его от нечестивой дерзости (*ύβρις*) по отношению к умершим (стг. 1091–92)

ΧΟ. Μενέλαε, μὴ γνώμας ὑποστήσας σοφὰς
εἶτ' αὐτὸς ἐν θανοῦσιν ὑβριστῆς γένη.

(Менелай, хотя ты начал с мудрых речей, как бы тебе потом самому не оказаться дерзким перед мертвыми).

Тевкр также призывает Менелая к соблюдению божественных законов (стг. 1129–1131)

ΤΕΥ. Μὴ νῦν ἀτίμα θεοῦς, θεοῖς σεσωσμένος.

ΜΕ. Ἐγὼ γὰρ ἂν ψέξαμι δαιμόνων νόμους;

ΤΕΥ. Εἰ τοὺς θανόντας οὐκ ἔας θάπτειν παρῶν.

(Тевкр. Не бесчесть же богов, если ты спасен богами.

Менелай. Разве я мог бы хулить божественные законы?

Тевкр. Да, если ты здесь стоишь и не позволяешь хоронить умерших).

О том же Одиссей говорит Агамемнону (стг. 1343–45). Таким образом, обвиняя Аякса в нечестивой дерзости (*ύβρις*), Атриды сами оказываются нечестивцами (Rose 1995: 44). При этом дерзость Аякса по сравнению дерзостью Атридов оказывается даже оправданной и справедливой (Hesk 2003: 147–148; Fischer 1992: 86–151). Фишер называет поведение Аякса «таким видом нечестивого поведения, которое оставаясь преступным с точки зрения общества и закона, иногда оказывается необходимым перед лицом тирании и несправедливости». Мотив справедливой *ύβρις* по отношению к тем, кто сам совершает *ύβρις*, присутствует в надгробной речи Горгия: павшие воины были дерзкими

по отношению к дерзким (ὕβρισταὶ εἰς τοὺς ὑβριστάς DK 82B6 1. 14–15 = Epitaphios, fr.6).

Однако в чем состоит дерзость Аякса с точки зрения Менелая и Агамемнона? Очевидно в том, что он не признает их власть над собой. Именно тема власти и порядка в государстве становится главной темой первой речи Менелая (стт. 1052–1090). Для всей трагедии в целом эта тема очень важна. По мнению Хеска, «трагедия напрямую говорит о политике, последствиях войны, границах соблюдения законов и требованиях личной чести, семейных связей и общественного порядка, которые вступают в противоречия друг с другом» (Hesk 2003: 13). Как правитель, Менелай считает погребение нечестивца прямой угрозой вверенному ему государству. Этот мотив погребения как угрозы обществу присутствует также в трагедии «Антигона». Но если в «Антигоне» тема власти и неподчинения ей с самого начала занимает центральное место в сюжетной структуре, то в «Аяксе» она выходит на первый план только в сцене погребения. До появления Менелая главной темой было безумие Аякса. Менелай начинает с безумия Аякса, но затем переходит к проблеме власти в государстве (стт. 1073–1076):

Οὐ γάρ ποτ' οὐτ' ἄν ἐν πόλει νόμοι καλῶς
φέρουσιντ' ἄν, ἐνθα μὴ καθεστήκη δέος,
οὐτ' ἄν στρατός γε σωφρόνως ἄρχοιτ' ἔτι
μηδὲν φόβου πρόβλημα μηδ' αἰδοῦς ἔχων.

(Никогда в городе не будут соблюдаться законы, если в нем не утверждён страх, и над войском нельзя начальствовать, если его не удерживает страх и стыд).

Современному читателю кажется непонятным, почему в споре о погребении Аякса Менелай пользуется аргументами из области политической теории. Объяснение Э. Баркера состоит в том, что Софокл специально тематизирует здесь власть и неподчинение этой власти, чтобы вписать в демократическую идеологию афинского общества самоубийство Аякса как отказ подчиняться недемократической власти (Barker 2009: 295–325). Исследователь считает, что несогласие Аякса с Атридами на протяжении всей трагедии оправдывает его героическое безумие. В

итоге герой Аякс после погребения может заслуженно занять свое место в ряду культовых божеств.

Я бы хотела обратить внимание на то, что тема государственного устройства является главной темой жанра надгробной речи. Развернутые размышления о том, что именно прекрасное государственное устройство афинян воспитало столь мужественных и доблестных мужей присутствует во всех сохранившихся речах. Прославление города и его государственного устройства было общим местом надгробных логосов. В надгробной речи Перикла, произнесенной в 431 г. и переданной Фукидидом, тема афинского государственного устройства является центральной. Этот знаменитый логос Перикла создает идеологический и идеализированный образ афинской демократии. При сравнении речи Перикла, а также других надгробных речей с первой речью Менелая, мы увидим интересные параллели.

Для Менелая государство держится на двух столпах – на страхе и стыде (δέος и αἰσχύνη). Эти понятия составляют как бы центральную ось речи Менелая, он повторит их еще в ст. 1079 и в ст.1084. Слово δέος, редкое в трагедии, у ораторов также нечасто встречается в контексте речи о государственном устройстве, в значении reverentia, а не просто metus. Стэнфорд указывает в комментарии, что в Спарте существовал особый культ страха – был даже храм Страх (Фобоса), в то время как афиняне почитали Стыд (Айдос). Он считает, что политическая доктрина Менелая взята из современных теорий государства Афин и Спарты и приводит параллели с речью Перикла. Действительно, оба понятия в близком контексте использует Перикл, когда говорит о необходимости соблюдать неписанные законы: страх, δέος, то, что заставляет подчиняться законам, и всеобщий позор, αἰσχύνη, то, что удерживает от их нарушения (Фукидид II 37):

τὰ δημόσια διὰ δέος μάλιστα οὐ παρανομοῦμεν, τῶν τε αἰεὶ ἐν ἀρχῇ ὄντων ἀκροάσει καὶ τῶν νόμων, καὶ μάλιστα αὐτῶν ὅσοι τε ἐπ' ὠφέλια τῶν ἀδικουμένων κεῖνται καὶ ὅσοι ἄγραφοι ὄντες αἰσχύνην ὁμολογουμένην φέρουσιν.

(В общественных делах мы из благоговения не преступаем закон, прислушиваясь всегда к правителям и к законам,

особенно к тем из них, которые установлены в защиту обиженных и которые, хотя и не записаны, покрывают [нарушителей] позором во всеобщем мнении).

О стыде перед законами упоминает Лисий в своей надгробной речи (II 25), описывая доблесть марафонских героев. О страхе и стыде в связи с государственным правлением рассуждает в своей надгробной речи Демосфен (LX 25). Противоположность этим двум добродетелям гражданина, страху и стыду – ὕβρις, преступный образ мысли, дерзость, неповиновение. С точки зрения Менелая, ὕβρις заключается в том, чтобы поступать согласно своему желанию. Государство, в котором каждый может делать, что хочет (δρᾶν θ' ἃ βούλεται παρῆ), находится на грани уничтожения. За любым удовольствием (ἡδῶμεθα) неотвратимо последует расплата (стт. 1081–1086). Мысль об удовольствии, за которым следует горе, также, по-видимому, принадлежит ораторской и софистической традициям. В речи Перикла право поступать в частной жизни по своему желанию (καθ' ἡδονήν) тоже ограничивается страхом и стыдом, однако не считается чем-то преступным и не наказывается горькой досадой со стороны сограждан (Λυτῆράς δὲ τῆ ὄψει ἀχθηδόνας προστιθέμενοι).

Начав речь с запрета хоронить Аякса, Менелай повторяет его в конце речи, но теперь уже этот запрет основан на аргументах власти и государственной пользы. Аякс никогда не желал подчиняться Атридам и делал, что хотел. Именно его отказ подчиниться приводит его к самоубийству, он сам осознает это, когда в «обманной речи» притворяется послушным (ст. 667). Поэтому он оказывается ὕβριότης по логике Менелая (стт. 1087–88).

Кроме тематики государственной власти, государственного и общественного устройства, тема неподчинения Аякса Атридам развивается как тема свободы, прежде всего свободы слова. В надгробных речах, которые отражали и формировали афинскую идеологию, свобода слова – один из пунктов прославления демократического устройства государства (об этом Перикл: Фукидид II 42; Демосфен LX 26). После перебранки с Тевкром (стт. 1120–1141) Менелай продолжает свою мысль о том, что госу-

дарство, в котором не подчиняются власти и распускают язык (γλώσση θρασὺν), терпит кораблекрушение (стт. 1142–1149). Образ корабля-государства Софокл использует также в «Антигоне» (Креонт начинает с него свою первую речь на сцене – речь о власти и о недопустимости погребения Полиника, стт. 163–210) и в «Царе Эдипе» (стт. 22–24). Менелай еще раньше (стт. 1081–2) упоминал его в связи с понятиями страха и стыда, на которых держится государство. Этот изначально поэтический образ закрепился впоследствии в ораторской прозе (Демосфен, Третья речь против Филиппа, 69; Лисий, Против Андокида, 49; Демосфен, фрагм. 13, 16, 5).

Как и Менелай, Агамемнон видит преступление Тевкра против общества в необузданности речи (ст. 1258): θρασῶν ὑβριζεῖς καὶ ξέλευθεροστομεῖς («ты нагло дерзишь и не обуздываешь уста»). Агамемнон постоянно подчеркивает, что Тевкр не имеет права говорить с ним (стт. 1126, 1260–1264). Лексическую параллель к этому обвинению мы найдем у Эсхила в «Умоляющих». Царь Пеласг, который в этой трагедии воплощает идеалы греческой демократии, противопоставляет свободную греческую речь варварским обычаям египтян (стт. 948–949). Парадоксально, что в «Аяксе» Агамемнон упрекает Тевкра одновременно в свободной речи и варварской речи (ст. 1263), о чем будет сказано ниже.

Спор Креонта и Антигоны (стт. 450–500) также связан со свободой слова. Креонт хочет, чтобы Антигона говорила кратко (σὺ δ' εἶπέ μοι μὴ μῆκος, ἀλλὰ συντόμως ст. 446), а Антигона обвиняет Креонта в тирании и в том, что страх сковывает язык фиванского народа (стт. 504–507, 509). Так же как Менелай использует образ корабля, Агамемнон толкует Тевкру о быке, которым управляет маленький прут (стт. 1253–1255). Его угроза напоминает слова Креонта, обращенные к Антигоне: разъяренных коней укрощают малой уздой (стт. 477–9).

Темы власти, подчинения или неподчинения ей, свободы слова и дерзости в рамках афинского культурного дискурса всегда связана с противопоставлением тирании и демократии. Атриды прямо не названы в трагедии тиранами, но афинские зрители без сомнения видели в

них угрозу тирании – идеологему, хорошо известную им по политическим речам ораторов. В ответ Менелая Тевкр произносит речь (стг. 1093–1117), в которой отводит от Аякса обвинение в неподчинении государственной власти. Аякс не должен был подчиняться Атридам, так как они не имеют права ему приказывать (стг. 1100–8). Тевкр обвиняет Менелая в превышении власти, в стремлении к власти неограниченной, то есть в тирании. Обвинение в тирании в Афинах было обычным топосом политического ораторства и вообще обычным ходом в обвинительных и хулильных речах. Как распространенный штамп его высмеивает Аристофан в «Осах» (417, 470, 487, 498). В надгробной риторике тема тирании всегда присутствует скрыто или явно. Любая надгробная речь построена на противопоставлении афинских демократических добродетелей всему остальному греческому миру и пронизана постоянным сравнением Афин с другими полисами, соревнованием государственных устройств, в котором побеждает, конечно, афинское. Тирания – политическая система, основанная на силе, в то время как афинское демократическое устройство основано на законах (Logaiax 1986: 95, 172, 209). Чаще всего антагонистом Афин в надгробной речи выступает, конечно, Спарта, поэтому стоит особо отметить, что узурпатором власти в «Аяксе» оказывается именно спартанец Менелай.

Тирания в идеологическом дискурсе всегда так или иначе связана с аристократическим образом жизни и мысли. Речи Менелая и Агамемнона это как раз речи аристократов, полных презрения к «неблагородному» Тевкру: они не считают достойным разговаривать с ним и предпочитают грубую силу искусству убеждения (стг.1159–1160). Тема благородного происхождения, которая проходит через всю трагедию (Holt 1981: 280), становится центральной в агоне Тевкра и Агамемнона. Агамемнон начинает свою речь обвинением Тевкра в низком происхождении (стг. 1228–1233):

σέ τοι, τὸν ἐκ τῆς αἰχμαλωτίδος λέγω.
 Ἴη που τραφεῖς ἀν μητρὸς εὐγενοῦς ἄπο
 ὑψηλ' ἐκόμπεις κατ' ἄκρων ὠδοίπορες,
 ὅτ' οὐδὲν ὦν τοῦ μηδὲν ἀντέστης ὑπερ

(Я к тебе обращаюсь, сын пленной рабыни. Будь ты воспитан благородной матерью, как бы ты превозносился, раз уж, будучи никем и ничем, в защиту никчемного выступаешь)

В ответ на это обвинение Тевкр в своей речи приводит родословную Агамемнона (исследователям кажется неоправданным то, что этой теме уделяется столько места, Holt 1981: 282), в которой подвергает сомнению благородство его предков (стг. 1290–9). В ораторской прозе происхождение было важным элементом аргументации. Чтобы создать у слушателей положительный или отрицательный образ человека, оратор рассказывал о его происхождении. «Одним из важных критериев оценки индивида в Афинах, да и в целом в древней Греции всегда оставалось его происхождение» (Суриков 2001: 172–177). Интересно, что Агамемнон подчеркивает низкое происхождение матери Тевкра, хотя на самом деле, как возразит ему чуть позже сам Тевкр (ст. 1304), его мать была знатной женщиной, троянской царевной. Скорее всего, подобные генеалогические дискуссии были нередкими в Афинах после закона Перикла 451 г. о принадлежности к афинскому гражданству по материнской линии. Обвинение Агамемнона в низком происхождении по матери даже считают основанием для датировки трагедии после 451 г. (Hesk 2003: 14). Этот закон «не позволял аристократам открыто прокламировать генеалогические традиции и заставлял их скрывать свои родословные» (Суриков 2001: 176), так как в них почти всегда присутствовали представители аристократических родов из других греческих полисов или даже варварских династий. Так, Кимон, сын Мильтиада, по материнской линии был потомком фракийских царей: его мать Гегесипила была дочерью фракийского царя Олора. Как отмечает Суриков, если прежде это обстоятельство было для него предметом законной гордости, то после закона Перикла оказывало ему дурную услугу. В надгробной риторике повествование о происхождении и предках павших воинов было обязательной частью речи, оно присутствует во всех речах и специально подчеркивается ораторами. Но благородство павших, унаследованное ими от предков, заключается не в аристократическом происхож-

дении. Ораторы прославляли погибших за то, что они предпочли славную смерть постыдной жизни (Ziolkowski 1981: 56; Фукидид II 42, 4; 43, 6, Лисий II 33, 41, 62, Платон, Менексен 236d, Демосфен LX 26, 28, 31, 37, Гиперид, Надгробная речь, 40). Именно в этом заключается и благородство Аякса (479–480):

ἀλλ' ἢ καλῶς ζῆν ἢ καλῶς τεθνηκέναι // τὸν εὐγενῆ χρῆ.
(должно, чтобы благородный человек или прекрасно жил или прекрасно умер).

Это подтверждает и Одиссей в конце агона (ст. 1355). Если Менелай и Агамемнон пытаются лишить Аякса погребения, выставив Аякса человеком низким, неблагородным (стг. 1070–71, 1352) потому только, что он не подчиняется им, то главный аргумент Одиссея – доблесть, ἀρετή Аякса (ст.1357). Прославление ἀρετή погибших воинов – также неотъемлемая часть надгробной речи как похвального слова (ἐπαινος) (Ziolkowski 1981: 62).

В конце речи Агамемнон повторяет свое обвинение в низком происхождении в более резкой форме. Он говорит, что не понимает варварской речи Тевкра (ст. 1263). Это обвинение звучит странно: Тевкр уже давно сражается вместе с греками под Троей, и речь его никак не может быть непонятной Агамемнону. Кроме того, Тевкр, сын Теламона, герой греческого эпоса никогда не изображался как варвар. Комментаторы Софокла испытывают в этом месте определенные затруднения: Гарви видит в этом обвинении доказательство несерьезности всех предыдущих обвинений Агамемнона, Стэнфорд считает этот стих интерполяцией на основании его абсурдности в данном контексте. Однако еще раньше Менелай также пытается выставить Тевкра варваром: в стихомифии после обмена речами он называет его лучником (ст. 1120). Лучник в идеологическом контексте надгробной речи и греческой трагедии означает «не афинянин», «варвар» (Hall 1987: 156). Воин, погибший за родину, может быть только афинянином и гоплитом. Это хорошо отражено в надгробных речах: в них не может идти речь о лучниках или неафинянах. Наоборот, специально подчеркивается «коренное» афинское происхождение павших и их предков, их

автохтонность. Тем не менее, реальность оказывается шире и свободнее идеологической структуры: в списках погибших воинов, найденных на афинской агоре, присутствовали также группы лучников-варваров (τοξόται). Лоро пишет о них: «эти варвары, которые были уже сильно эллинизированы, возможно, не имели ничего общего со скифскими лучниками, из них Афины формировали и нанимали отряды лучников для своего войска» (Loraux 1986: 32). Их выделяли в особую группу не по этническому критерию, а в соответствии с их τέχνη (Loraux 1986: 34). Возможно, Софокл хотел представить Тевкра зрителям трагедии именно как такого лучника. Тевкр с достоинством отвечает Менелаяу, что его искусство лучника – не низкое (ст. 1121). Прилагательное βάρβαρος, использованное здесь, не употребляется в поэзии. Этот короткий спор Менелая с Тевкром об искусстве лучника кажется настолько неподходящими к теме трагедии и к действию на сцене, что античный схолиаст именно в этом месте не выдерживает и пишет к ст.1123 то самое примечание, с которой я начала статью. Однако для зрителя в афинском театре эти стихи не так уж бессмысленны. Менелай и Агамемнон пытаются сделать из Тевкра не-афинянина, варвара и раба, чтобы исключить его из общности граждан и таким образом лишить права слова и дела (Hall 1995: 40–50, Hesk 2003: 198). Обвинение в варварстве, стремление к «деконструкции эллинства» противника – прием, который часто использовался в афинском суде. Существовало предубеждение против варварского или негреческого акцента, оно часто использовалось против ответчиков, которые были афинскими гражданами только наполовину. В этих случаях те, кто плохо говорил на аттическом диалекте, нанимали для ведения защиты ораторов (Демосфен LVII 18, XXXVI 1, XLV 30, Hall 1995: 45–50). Однако Тевкр возвращает Атридам их обвинение: Агамемнону – прямо, ссылаясь на то, что предок Агамемнона Пелоп был фригийцем (ст. 1292), Менелаяу – косвенно, обвиняя его в стремлении к тиранической власти и ведении войны из-за женщины (ст. 1111–1112, мотив, который в трагедии часто – например, в «Агамемноне» Эсхила и в «Андромахе» Еврипида – указывает на варваризацию персонажа).

Итак, агон, вызвавший недоумение у схолиаста и современных читателей, для афинского гражданина было признаком мастерства поэта. Такое тонкое встраивание повседневного мира политических споров и идеологических речей в драматическое представление не могло не доставить удовольствие зрителям трагедии. Для структуры «Аякса» это внесение оказалось плодотворно. Погребение Аякса становится ключевым моментом трагедии и привлекает к себе все внимание зрителей именно благодаря новой форме трагического агона, насыщенного тематическими и лексическими параллелями с жанром надгробной речи, значимым для зрителей. Спор о погребении развивается посредством таких актуальных для общества тем, как проблемы власти и происхождения, тирании, государственного устройства. Благодаря такой политической поэтике Софокла этот спор предстает как единое целое, как *ἐπιτάφιος λόγος* над героем-Аяксом, поделенный между разными ораторами. Таким образом, трагический жанр обогащается, расширяя свои возможности за счет привлечения элементов жанров ораторской прозы, прежде всего жанра надгробного слова.

Близкие лексические и тематические параллели с речью Перикла могут объясняться тесным общением Софокла с кружком Аспазии и Перикла, а также его интересом к философским и софистическим проблемам того времени. Что касается других, более поздних надгробных речей, не будет ошибкой предположить, что они испытали сильное влияние речи Перикла (здесь следует вспомнить, что образцовую надгробную речь, которую пересказывает Платон в «Менексене», сочинила Аспазия). О развитии жанра надгробной речи нам известно немного, и не исключено, что в 40-е годы, когда еще только формировалась техническая сторона ораторского искусства, не без влияния Перикла и его идеологической программы получил свое оформление и жанр надгробной речи, основные черты которого в жесткой, уже застывшей форме мы находим в надгробных речах IV в. Если принять такую гипотезу, то на основании рассмотренного материала влияние Софокла и сцен двойного агона «Аякса» на

формировании жанра надгробной речи можно также считать весьма вероятным.

Издания и комментарии

- Dawe R. D. *Sophocles' Tragoediae*. Teubner, 1984.
Garvie A. F. *Sophocles' Ajax*. Warminster, 1998.
Hesk J. *Sophocles' Ajax*. London, 2003.
Hogan J. C. A commentary on the plays of Sophocles. Southern Illinois Univresity, 1991.
Jebb R. C. *Sophocles: The plays and fragments. Part VII. The Ajax*. Cambridge, 1896.
Stanford W. B. *Ajax*. London, 1963.

Литература

- Alexiou M. *The ritual lament in greek tradition: interdisciplinary approaches*. Cambridge University Press, 1974.
Barker E. *Entering the agon: dissent and authority in Homer, historiography and tragedy*. Oxford University Press, 2009.
Barker E. The fall-out from dissent: hero and audience in Sophocles' *Ajax* // *Greece&Rome*. Vol. 51. 2004. P. 1–20.
Bennett L. J., Tyrell W. B. *Sophocles' Antigone & funeral oratory* // *American journal of philology*. Vol. 111. 1990. P. 441–456.
Bers V. *Tragedy and rhetoric* // *Greek rhetoric in action*. Ed. I. Worthington. London, 1994. P. 176–95.
Burgess Th. C. *Epideictic literature*. Chicago, 1902.
Carey C. *Epideictic Oratory* // *The Blackwell companion to Greek rhetoric*. Ed. I. Worthington. Oxford, 2007. P. 236–253.
Collard C. *Funeral oration in Euripides' Supplices* // *Bulletin of the institute of classical studies*. Vol. 19. 1972. P. 39–54.
Conacher J. *Rhetoric and relevance in Euripidean drama* // *American Journal of Philology*. Vol. 102. 1981. P. 3–25.
Croally N. T. *Euripidean polemic: The Trojan Women and the function of tragedy*. Cambridge, 1994.
Duchemin J. *L'Agon dans la tragedie grecque*. Paris, 1945.
Easterling P.E. *Tragedy and ritual. "Cry 'Woe,woe', but may the good prevail!"* // *Metis*. Vol. 3. 1988. Pp.87-109.
Fischer N. R. E. *Hybris: A Study of the Values of Honour and Shame in Ancient Greece*. Warminster, 1992.
Gagarin M. *Background and origins: oratory and rhetoric before the sophists* // *The Blackwell companion to Greek rhetoric*. Ed. I. Worthington. Oxford, 2007. P. 25–36.
Hall E. *Inventing the barbarian. Greek self-identification through tragedy*. Oxford: Clarendon Press, 1987.

- Hall E. Lawcourt dramas: the power of performance in Greek forensic oratory // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. Vol. 40. 1995. P. 39–58.
- Heath M. The poetics of Greek tragedy. London, 1987.
- Holt P. The Debate-scenes in the Ajax // *American journal of philology*. Vol. 102. 1981. P. 275–288.
- Hubbard Th. K. Attic comedy and the development of theoretical rhetoric // *The Blackwell companion to Greek rhetoric*. Ed. I. Worthington. Oxford, 2007. P. 490–509.
- Knox B. M. W. The Ajax of Sophocles // *Harvard studies of classical philology*. Vol. 65. 1961. P. 1–37.
- Lloyd M. Agon in Euripides. Oxford; New York, 1992.
- Loraux N. The Invention of Athens: The Funeral Oration in the Classical City. Harvard University Press, 1986.
- Loraux N. La voix endeulliee. Essai sur la tragedie grecque. Paris, 1998. Цит. по пер. The mourning voice. An essay on Greek tragedy. Ithaca&London, 2002.
- McDonald M. Rhetoric and tragedy: weapons of mass persuasion // *The Blackwell companion to Greek rhetoric*. Ed. I. Worthington. Oxford, 2007. P. 473–490.
- Ober J., Strauss B. Drama, Political Rhetoric and the Discourse of Athenian Democracy // *Nothing to do with Dionysos?* Ed. J. Winkler, F. Zeitlin. Princeton, 1982. P. 237–271.
- Pelling Chr. Tragedy, rhetoric and performance culture// *The Blackwell Companion to Greek Tragedy*. Ed. J. Gregory. Oxford, 2005. P. 83–102.
- Rose P. Historicizing Ajax // *History, tragedy, theory: dialogues on Athenian drama*. Ed. B. Goff. Austin, 1995. P. 59–90.
- Schiappa E., Timmerman D. M. Classical Greek Rhetorical Theory and the Discipline of Discourse. Cambridge University Press, 2010.
- Toher M. Euripides' Supplices and the social and function of funeral ritual // *Hermes*. Vol. 129. 2001. P. 332–343.
- Vannicelli P. Moritur et ridet: Indizi di logos epitaphios nella "Lisistrate" di Aristofane // *Quaderni urbinati di cultura classica*. Vol. 72. 2002. P. 63–72.
- Whitehouse J.E.G. The dead as spectacle in Euripides' Bacchae' and 'Supplices' // *Hermes*. Vol. 114. 1986. P. 59–72.
- Wilson P.J. Tragic rhetoric: the use of tragedy and the tragic in the fourth century // *Tragedy and the tragic: Greek theatre and beyond*. Ed. M. Silk. Oxford University Press, 1996. P. 310–331.
- Ziolkowski Th.E. Thucydides and the Tradition of Funeral Speeches at Athens. New York, 1981.
- Суриков И. Е. О некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // *Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти*. М., 2001. С. 172–177.

Summary

The article "Political poetics of Sophocles: the tragedy 'Ajax' and ἐπιτάφιος λόγος" contains lexical and topical analysis of the agon scenes of "Ajax" in comparison with the rhetorical tradition of funeral oration, particularly with Pericles's funeral speech. E. Chepel traces back how Sophocles experiments with political ideas of his time interweaving them into his poetics. Though the Athenian audience of the theatre of Dionysus would be delighted with such σοφίσματα, modern critics and even ancient scholiast find them most inappropriate to tragic genre. The article tries to reestablish the debate scenes in "Ajax" as an important and exquisite piece of Sophocles's tragic poetics. Funeral ritual being of great importance for Athenian democracy becomes an important theme of Sophocles's dramaturgy in general and the keystone of his "Ajax". In the scenes of disputation between Teucros and the Atrides the crucial problem of Ajax's burial is being resolved through political issues of power, authority, unwritten laws, freedom of speech, citizenship and nobleness. The notions of δέος and αἰσχύνη form the kernel both of Menelaus' speech about Ajax' ὕβρις and of Pericles's praise of Athenian state system. On the grounds of the comparative analysis of these scenes and the ἐπιτάφιοι λόγοι of the 4th c. it wouldn't be a mistake to consider that Sophocles's 'Ajax' could have influence on the development of funeral oration.

А. Б. Черняк

**«ПАЛОМНИЧЕСТВО ЭГЕРИИ» КАК ИСТОЧНИК ПО
АРХИТЕКТУРЕ И СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ ЕГИПТА IV в. н. э.***
(VII,2 *m<o>nasteria cum militibus*; IX,4 (*vineae*) *quae dant balsamum*)

Резюме: «Паломничество Эгерии» содержит два любопытных сообщения при описании путешествия в дельту Нила по следам ветхозаветного «Исхода»: VII, 2 *m<o>nasteria... cum militibus et praepositis*, где гапакс объясняется исконным сходством или даже тождеством раннеегипетского монастыря с военным лагерем, что подтверждается археологией и IX,4 *vineas, quae dant balsamum* – сообщение Эгерии подтверждается ее современником Палладием (Pall. hist. laus. VIII, 3), но зарубежная египтология не упоминает наш текст в обоих случаях (Bagnall, Roger S. Egypt in late Antiquity. Princeton 1993, 32, 296).

Ключевые слова: «Паломничество Эгерии», раннеегипетские монастыри, римский военный лагерь, бальзам.

Самое древнее из дошедших до нас паломничеств дошло до нас далеко не в полном виде: сохранившийся текст¹ показывает ее в третий год ее пребывания в Святой Земле на Синае, откуда она едет в дельту Нила по следам бежавших из Египта евреев во главе с Моисеем – другим латинским паломничествам повезло гораздо больше². Что-то от этой невезучести у текста Эгерии, несмотря на огромную его популярность с момента открытия в 1886 г.,

* Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого Программой фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации (2009–2011 гг.)» (проект «Анализ средневекового текста»).

¹ Это монтекассинская рукопись середины XI в., сейчас находится в Ареццо (А), см. Черняк 2006.

² См. сборник Гейера (Geyer), где, помимо praefatio, перед каждым текстом приводятся важнейшие рукописи и легко составить представление о популярности того или иного сочинения.

осталось до сих пор. Я убедился в этом во время работы над комментарием к «Паломничеству», когда столкнулся с суперсовременной монографией Роджера Багналла о позднеантичном Египте³. Речь в сущности идет о двух пассажах:

I. *monasteria = castrum*.

Паломн.: VII, 2 *Sunt ergo a Clesma, id est a mare rubro, usque ad Arabiam ciuitatem mansiones quattuor per herem<um>, sic tamen per heremum, ut cata mansiones m<on>nasteria sint cum militibus et praepositis, qui nos deducebant semper de castro ad castrum* «От Клизмы, т. е. от Красного моря, до города Арабия четыре ночлега по пустыне, и притом так, что при каждом ночлеге есть караульни с воинами и начальниками, которые нас постоянно провожали от поста до поста» (Помял.: 113).

Оборот *monasteria cum militibus* etc. вызывает затруднения.

Ван Оорде (1930) понимает это место как *castellum, statio militum*, т. е. «крепость/замок, военный пост» (ср. «караульня» у Помяловского), см. Lex. Aeth. 131b s.v. *monasterium* III. Вилкинсон (1971) переводит: «quarters...for soldiers and his officers», т. е. как «казармы» (Wilk.: 101), но в примечаниях не комментирует это место (p. 216). Мараваль (1982) переводит «il y a des postes avec des soldats et des officiers»⁴ (Maraval: 155), а в примечании вроде бы склоняется к идее Вермеера о возможном сходстве монастырей с военными лагерями (Vermeer 1965: 129–130). ThLL (1986) помещает наш пассаж под «2. *sensu latiore i.q. locus a multitudine seiunctus et solitarius*» (VIII, 1404, 64ss.). Наталуччи (1991) ищет более точный эквивалент «...insediamenti isolati con soldati e ufficiali» (Nat.: 95), а в примечании не желает принять гапакс в значении *statio militum*, предпочитая вслед за П. Смиральей (Smiraglia

³ См. Vagnall 1993, Bibliography pp. 339–360. Автор, профессор Колумбийского университета, основывается главным образом на папирологических и археологических источниках.

⁴ Ср.: Etude ling. 137: «poste militaire».

1982: 288–294) постулировать лакуну после *monasteria sint* (р. 253).⁵ Наконец, Рёвекамп (1996), внимательно рассмотрев все объяснения, отдает предпочтение Вермееру (Röw.-Thön. 149, A. 46 «(einsamer) Posten»).

Одна страничка из монографии Багналла (Bagnall 1993: 296) проливает свет на нашу проблему. Оказывается, египетские монастыри внешне очень напоминают римский военный лагерь⁶, порой даже до такой степени, что археологи расходятся во мнении. Причина этого сходства понятна: расположенные в пустыне обитатели страдали от нападений бедуинов⁷ и просто вынуждены были возводить высокие стены. Некоторые объясняют этот факт тем, что основатель египетского монашеского общежития («лавра», буквально «улица») св. Пахомий (+346) был в миру солдатом⁸.

Все это, на мой взгляд, дает ключ к оговорке Эгерии: она ведь еще раньше посетила Фиваиду (ср. IX, 6 *quando Alexandriam vel ad Thebaidem fueram*) и облик египетского монастыря был ей хорошо знаком. Поэтому, оказавшись в египетском номе Арабия, между Клисмой/Суэцем и восточным (пелусийским) рукавом Нила, первый же военный лагерь она приняла за монастырь (в лагерях бывали и церкви!) или, по крайней мере, удивилась их сходству. В дальнейшем она на это не обращала внимания (ср. VII, 4 *Nam castrum est ibi nunc habens praepositum cum milite*).

Отметим попутно, что слово *monasterium*, мн. ч. *-ia* (в А ошибочно *manasteria*, явно под влиянием предшествующе-

⁵ Речь идет о восстановлении <et castra>, Atti 362 или *cum m<onachis et castra cum m<ilitibus*, Röw.-Thön.149, A.46.

⁶ Впрочем, некоторые ближе по архитектуре к египетской деревне («rambling assemblages of Egyptian village»). Отдельные монастыри насчитывали 1300–1400 монахов (Табеннизи), так что сравнение с маленькой деревней вполне правомерно, см. Gottlieb-Rosenberger 56.

⁷ Решить эту проблему можно было только обратив своих соседей в христианство, как это удалось св. Евфимию в начале V в., см. Gottlieb-Rosenberger: 57.

⁸ Bagnall 1993: п. 207, а также pp. 250, 295; Kl. Pauly Bd. III, 1383–1384. Общую библиографию по теме можно найти в Gottlieb-Rosenberger: 53.

го *mansiones*) это очень недавнее заимствование из греческого; его первоначальное значение «келья отшельника», *cellula*⁹; значение «монастыри» уже у Афанасия Александрийского в «Житии св. отца нашего Антония» (ок. 357 г.)¹⁰. У Эгерии это значение встречается только дважды: IX,2 *a pisinno in monasterio nutritus est* и XXIII, 4 *murus missus est ad custodiendam ecclesiam propter Hisauros... ne forte conentur aliquid facere circa monasterium, quod ibi est deputatum*; в прочих 23 случаях стоит мн. ч. «кельи»¹¹. Так, видимо, и надо переводить наше место¹².

Далее *castrum* ед. ч. это калька гр. κάστρον. Слово *praepositus* в значении «офицер» появляется только в императорской латыни, см. OLD 1437b (Тас. hist. I, 36 etc.). Отсюда фр. *prévôt* 'прево' и рефлексы в староокситанском и испанском (REW 6722). Использовалось оно и в церковной администрации, ср. нем. *Propst* 'старший пас-

⁹ ThLL VIII (1986) 1402–1404 s.v.; Isid. orig. XV, 4, 5 «*monasterium unius monachi habitatio est*».

¹⁰ Milani 1969: 210 s. v. Ранее был популярен другой грецизм: *coenobium* = р. общежитие. *Monasterium* получил предпочтение явно благодаря ассоциации с *monachos*.

¹¹ См. Lex. Aeth. 131b. И выше в XXIII,3 *haec (Marthana) autem monasteria apud tactitum seu virginum regebat* речь идет о, по крайней мере, двух разных женских монастырях, см. ук.м. (но «кельи» у Wilk.122 и Röw.-Thön. 217). XXIII,2 *ad sanctam ecclesiam nichil aliud est nisi monasteria sine numero virorum ac mulierum* Ван Оорде относит к кельям (= Wilk.121 «cells»; Nat.153; Röw.-Thön. 217 «Einsiedeleien», а у Маравая – «монастыри»).

¹² Здесь все равно остается много неясного. Видимо, дело в том, что казармы, жилища солдат, *tabernacula*, напоминали кельи (они могли быть не только из кожи, как шатры и палатки. но и из дерева или камня, см. Rich-Chéruef 621b s.v., Kl. Pauly V,479 s.v.). Вопрос в том, помещались ли они на территории станции или находились с ней рядом. Первое, на мой взгляд, более вероятно: римская почтовая станция, *mansio*, предназначалась в первую очередь для армии как перевалочный пункт и, видимо, мало чем отличалась от обычного *castellum*; на Востоке известны и *mansiones camelorum*: Plin. nat. hist. XII, 14, 32 (верблюды тоже использовались в римской армии), см. Rich-Chéruef: 202a s.v. и подробнее RE XIV 1249 s.v. *mansio* (Kubitschek).

тор, благочинный'. Вообще военные метафоры часты в раннем христианстве: *miles Christi* и т. д.

II. Египетский бальзам.

IX, 4 *Proficiscentes ergo inde totum per terram Gessen iter fecimus semper inter vineas, quae dant vinum, et vineas, quae dant balsamum* «Отправившись затем все по земле Гессен, мы шли постоянно среди виноградников, производящих вино, и плантаций, производящих бальзам» (Помял.: 110).

Дельта Нила издавна славилась своим вином, см. Монтэ 1990, 103 сл., но бальзам это нечто особенное – ранее бальзам ввозили в больших количествах для нужд храмов и для бальзамирования мумий¹³. Родина бальзамового дерева, судя по всему, Аравия, но его рано начали выращивать на северо-западе Иордании и юге Сирии: купцы из Гилеада/Галаада (к востоку от р. Иордан), которым братья продали Иосифа, везли в Египет благовония: Gen. 37, 25 *aromata et resinam et stacten*¹⁴ («и се путницы исмаилтяне идяху от Галаада и вельблюды их полны фимиама и ритины и стаки; идяху же везуще во Египет»). Плиний знает только иудейский бальзам, см. Plin. XII, 111 *balsamum, uni terrarum Iudaeae concessum*; ср. Tac. Hist. V, 6 *balsamum modica arbor* (и W. Heraeus a.l.); Strab. XVI, 763. Только Диоскорид, старший современник Плиния¹⁵, говорит в этой связи об Индии и Египте: Diosc. I, 18. Тем не менее его свидетельство подтверждается не только нашим пассажем, но и современником Эгерии Палладием¹⁶: у него будущий

¹³ О бальзаме в античности см. Kl. Pauly I, 818; RE II, 2 (1896) 2836 ss. (Wagler) и из комментариев Maraval p. 162–3, n. 3 (но Страбон XVI, 763 знает бальзам только в Иудее/Гиерикунт/).

¹⁴ *Resina* 'смола, камедь', *stacte* (*stacta*) 'сок мирры, мирровое масло'. Слово *камедь* из гр. κομμι, уменьш. κομμίδιον (<егип. kema(i), ср. лат. gummi).

¹⁵ См. о нем: Kl. Pauly II, 91 s.v. *Dioscurides* 5.

¹⁶ Kl. Pauly IV: 433 s. v. *Palladius* 6. Его годы жизни 364– сса 431; главный труд, *Historia Lausiaca* «Лавсаик», посвящен истории египетского монашества, см. Аверинцев 1987: 342–343.

авва Амун до ухода в Нитрийскую пустыню работает на бальзамовой плантации (Pall. hist. laus. VIII, 3)¹⁷.

Египетский бальзам мог быть следствием аккультурации (фараоны Позднего царства, Птолемеи, римляне, ср. Plin. XII, 113: *seritque nunc eum fiscus, nec unquam fuit numerosior?*). Эгерия и ее гиды, похоже, приписывали плантации бальзамового дерева евреям, ср. XI, 4 *iter habuimus totum super ripam fluminis Nili inter fundos frequentissimos, quae fuerant quondam villae filiorum Israhel*. Однако П. Монтэ этого не упоминает (см. выше). Местное производство бальзама в позднеантичном Египте не подтверждает и Багналл, хотя и не исключает¹⁸. На мой взгляд, напрасно: описания Палладия и Эгерии выглядят очень достоверными¹⁹. Любопытны и немаловажны и суждения современных ботаников²⁰.

Таким образом, Эгерии и здесь не повезло: в обоих рассмотренных выше случаях на нее не обратили никакого внимания. Впрочем, в истории с бальзамом ее судьбу разделил и Палладий. Стало быть, египтологи были суровы не к женщинам, а, так сказать, ко всему паломническо-монашескому жанру в целом: в индексах Багналла Палладий, проведший в Фиваиде не один год, не значится. Однако монография американского ученого дает нам такое представление об уровне современной египтологии, успешно развивающейся благодаря продолжающимся раскопкам и папирусным находкам, что остается только

¹⁷ «День весь работал в саду и в бальзамовой роще (он занимался добычей бальзама). Бальзамовый куст растет так же, как виноград, и для того чтобы возделывать его и ходить за ним, требуется много трудов» (Лавсаик: 31).

¹⁸ См. Bagnall 1993, 32: «some (spices) perhaps domestically produced».

¹⁹ Peregr. IX, 4 (*vineae*) *quae dant balsamum* «виноградники бальзама», ср. Iustin. XXXVI, 3, 4 *in vinearum morem excoluntur* и т. д.

²⁰ А. Эрну в комментарии к пассажу Плиния приводит мнение каноника П. Фурнье, директора «Monde des Plantes»: «Le Baumier... habite le sud-ouest de l'Arabie et la Somalie (страна Пунт, куда древние египтяне плавали, см. Монтэ: 183–191 – А.Ч.), mais a été cultivé très anciennement au Caire et dans la vallée du Jourdain» (Ernout 1949: 100 a.l.).

пожать плечами и слегка позавидовать этой самодостаточной и разве что слишком сфокусированной на своем материале дисциплине.

Список сокращений

Лавсаик – см. Pallad.

Помял. – Peregrinatio ad loca sancta saec. IV exeuntis edita, rossice versa, notis illustrata. Издал И. Помяловский. ППС Т. 7/2, вып. 20. СПб. 1889 (Р. 257–262: Adnotationes criticae, quas composuit I. I. Cholodnjak).

Путник – Путник Антонина из Плаценции. Издал И. Помяловский. ППС. Вып. 39. СПб., 1895.

ППС – Православный Палестинский сборник.

A – codex Aretinus s. XI

Anon. Plac. – Milani, Celestina. *Itinerarium Antonini Placentini*. Un viaggio in Terra Santa del 560–570 d. C. Milano, 1977.

Atti – Atti del Convegno internazionale sulla *Peregrinatio Egeriae*. Arezzo, 1990.

Etude ling. – V. Väänänen. Le journal-épître d'Égérie (*Itinerarium Egeriae*). Etude linguistique. Helsinki 1987

Franc.-Weber – *Itinerarium Egeriae*. Editio critica cura et studio Aet. Franceschini et R. Weber. Turnholti [Brepols], 1958 (Corpus Christianorum, 175).

Geyer – *Itinera Hierosolymitana saec. IV–VIII*. Rec. Paul Geyer. Vindobonae, 1898. (CSEL XXXIX).

Kl. Pauly – *Der kleine Pauly*. Bd. I–V. München, 1979.

Komm. – E. Löfstedt. *Philologischer Kommentar zur «Peregrinatio Aetheriae»*. Untersuchungen zur Geschichte der lateinischen Sprache. Uppsala; Leipzig, 1911.

Lex. Aeth. – J. van Oorde. *Lexicon Aetherianum*. Amstelodami, 1930.

Maraval – P. Maraval. *Egérie*. Journal de voyage. Paris, 1982 (SCH 296); reimpr. 2002.

Natal. – Egeria, *Pellegrinaggio in Terra Santa*, a cura di Nicoletta Natalucci. Bologna, 1999 (1991).

OLD – *Oxford Latin Dictionary*. Ed. by P. G. W. Glare. Oxford: Clarendon Press, 1968–1982.

Pallad. hist. laus.- Палладий. Лавсаик. М. 2003 (= СПб. 1854)

Prinz – *Itinerarium Egeriae (Peregrinatio Aetheriae)*. Hgg. von O. Prinz. Heidelberg 1960⁵.

Rich – Chéruel – Rich, Antony. *Dictionnaire des antiquités romaines et grecques*. Trad. sous la dir. de M. Chéruel. Paris 1877

Röw.–Thön. – Egeria, *Itinerarium = Reisebericht*. Mit Auszügen aus Petrus Diaconus, *De locis sanctis = Die heiligen Stätten*, übersetzt und eingeleitet von Georg Röwekamp. unter Mitarb.v. D.Thönnnes. [Herder] (Fontes Christiani 20) Freiburg u.a. 1995.

SCh – Sources chrétiennes.

- Tac. hist. – P. Cornelius Tacitus. *Historiarum libri qui supersunt*. Schulausgabe v. C. Heraeus, 4 Afl. bes. v. W. Heraeus. Leipzig, 1899.
- Wilk. – Egeria's travels: newly translated, with supporting documents and notes / by John Wilkinson. Warminster, England: Aris & Phillips, 1999. 3rd ed.

Литература

- Аверинцев 1987 – Аверинцев С. С. От берегов Боспора до берегов Евфрата. М.: «Наука».
- Монтэ 1990 – Монтэ, Пьер. Египет Рамсесов. М.
- Черняк 2006 – Черняк А. Б. 'Путешествие Эгерии к святым местам': несколько слов о рукописи // *Индоевропейское языкознание и классическая филология* – X. СПб. С. 341–343.
- Bagnall 1993 – Bagnall, Roger S. *Egypt in late Antiquity*. Princeton.
- Ernout 1949 – Pline l'Ancien. *Histoire naturelle*. Livre XII. Texte ét., tr. et comm. par A. Ernout. P.: Les Belles Lettres.
- Gottlieb-Rosenberger 2003 – Gottlieb, Gunther /Rosenberger, Veit. *Christentum und Kirche im 4. und 5. Jahrhundert*. Heidelberg, Winter.
- Milani 1969 – Milani Celestina. I grecismi nell' «Itinerarium Egeriae» // *Aevum*. T. XLIII, 3/4. P. 200–234.
- Smiraglia 1982 – Smiraglia P. Due note sul testo di Egeria // *Vichiana*. T. XI. P. 283–294.
- Vermeer 1965 – Vermeer G. F. M. *Observations sur le vocabulaire du pèlerinage chez Égérie et Antonin de Plaisance*. Nijmegen.

***L'Itinerarium Egeriae* comme source sur l'architecture et l'agriculture de l'Égypte du IV-ème s. (VII,2 *m<o>nasteria cum militibus*; IX, 4 (*vineae*) *quae dant balsamum*)**

Dans la description de son détour par le delta oriental du Nile à la recherche des traces de l'Exode biblique, Égérie fait deux observations fort pertinentes: 1) VII,2 *m<o>nasteria ...cum militibus et praepositis*, où le hapax *monasteria* = *statio militum* s'explique aisément par l'identité des couvents égyptiens avec les camps militaires, fait attesté par l'archéologie, et 2) IX,4 *vineas, quae dant balsamum* –le témoignage de l'abbesse est soutenu par Pallad. *hist. laus*. VIII,3. Il est curieux de noter que R. Bagnall qui est spécialiste en matière, n'en fait aucune mention (v. Bagnall, Roger S. *Egypt in late Antiquity*. Princeton 1993, 32, 296).

А. В. Шацков

**ПАССИВНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕДИАЛЬНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА
В ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ¹**

Резюме: В данной работе рассматриваются проблемы, связанные с интерпретацией хеттских глагольных форм, передающих пассивные значения, и их диахроническим распределением. Как выясняется, в древнехеттских текстах мы не видим примеров безусловно пассивных употреблений медиальных форм.

Ключевые слова: хеттский язык, глагол, залог, страдательный залог, медиальный залог, агенс.

В хеттском языке не было категории пассивного залога, и соответствующие значения могли выражаться либо с помощью форм медиального (медиопассивного) залога, либо при помощи сочетания причастий переходных глаголов и глагола-связки. Основным из этих двух способов было использование причастий², например: URU^{DIDL.HI.A}=ma [(kuiēs Š)]A KUR^{URU}Hatti istappantes eser KBo 3.6 II 24-5 «города, которые были блокированы врагом» (см. далее Hoffner, Melchert 2008 304f.). При помощи форм медиального (медиопассивного) залога пассивные значения выражались значительно реже.

Результатом огромной работы по анализу хеттских медиопассивных форм глаголов, проведенной выдающимся немецким ученым Э. Ноем, стали две книги, которые и сейчас нисколько не утратили своего значения. В первой

¹ Статья написана в рамках проекта МК-3009.2010.6, выполняемого по гранту Президента РФ для поддержки молодых российских ученых.

² Необходимо отметить, что в хеттском языке причастия были нейтральны по отношению к залогу и их перевод обычно зависит от переходности или непереходности глагола, то есть причастия от переходных глаголов обычно переводятся как пассивные. Однако бывают и исключения, например, причастие *sekkant-* от *sekk-* «знать» может значить как «знающий», так и «известный».

из них были собраны все известные медиопассивные формы (Neu 1968a)³, а во второй (Neu 1968b) автор проанализировал функции медиального залога (среди которых он указывает и пассивную) и выдвинул свою гипотезу относительно предыстории данной категории. Среди прочего, Э. Ной определяет, какие именно функции медиопассивного залога (рефлексив, пассив и т. д.) засвидетельствованы у форм каждого глагола. Таким образом, на основании этой книги можно составить список глаголов, у медиальных форм которых засвидетельствованы пассивные употребления, от чего я и отталкивался в своей работе.

Впрочем, не со всеми интерпретациями Э. Ноя можно согласиться. Иногда пассивное значение приписывается формам глаголов, сохранившимся только в сильно поврежденных контекстах, из-за чего функцию медиального залога в данном случае невозможно установить. Это касается, например, таких глаголов, как *hass-* «открывать» или *ishuwai-* «бросать, лить».

Еще одним фактором, мешающим идентификации пассивных употреблений медиальных форм глаголов, является крайне редкое использование агенса в подобных конструкциях, о чем подробно пишет Э. Ной (Neu 1968b: 6f.). Впрочем, это касается предложений не только с синтетическими глагольными формами, но и с составными именными сказуемыми, так что отсутствие выраженного агенса не является достаточным основанием для того, чтобы считать все подобные конструкции не пассивными.

В тех случаях, когда агенс был явно выражен, он ставился в инструментальный падеж или в аблатив, к которому со временем перешли многие функции инструментального падежа (Hoffner, Melchert 2008: 268). Эти данные хорошо согласуются с работой С. Джемисон, которая показала, что в праиндоевропейском языке агенс

³ К списку медиопассивных форм, представленному в этой книге, можно добавить разве что несколько форм из текстов, обнаруженных после уже издания этих трудов, в основном, из архива в Машат-Хююке.

должен был выражаться при помощи инструментального падежа (Jamison 1979).

В целом я насчитал всего 13 примеров употребления синтетических пассивных форм с явно выраженным агенсом. Вот некоторые из них:

KARAŠ^{HLA}=kan TA ^{DU} UL zahtari KUB 5.1 IV 72 «войско не будет поражено богом ветра» и

KUR-uas A.ŠÀ kuras IZI-it warnutari KUB 8.25 I 3, 9 «поля страны будут сожжены огнем».

Стоит отметить, что практически все эти примеры происходят либо из текстов молитв Мурсили II против чумы, либо из текстов оракулов. Все они также являются довольно поздними, за исключением, возможно, текста KUB 8.25, который представляет собой новохеттскую копию древнехеттского оригинала. Здесь стоит оговориться, что я не включаю в это число пассивные конструкции с формами инструментального падежа в текстах оракулов в таких примерах, как nu=ssi IŠTU MUŠEN^{HLA} Û SU^{MEŠ} handaittat KBo 4.4 II 51 «для него было установлено посредством (полета) птиц и гаданий (на мясе)».

В тех случаях, когда агенс не выражен, функцию хеттских медиальных форм часто бывает сложно интерпретировать. Так, иногда невозможно определить, в какой именно функции употреблен тот или иной глагол. Например, в KBo 17.78 I

3 ... n=as aki nu=ssi=san kuit NÍ.TE-si

4 [and]a wemiyazi n=at suppiyahtari=pat

Э. Ной (Neu 1968a 158) интерпретирует *suppiyahtari* как пассив и дает перевод «wird ... gereinigt», в то время как Ф. Хаас считает эту форму переходной и переводит ее следующим образом: «das reinigt er (der Wettergottmann)» (Haas 2000 54). Ср. также дискуссию относительно формы *sippandandat* KBo 12.62 13 у Г. Кюммеля (Kümmel 1967 159f.), где речь может идти о человеческих жертвоприношениях. Медиальные формы от каузативных глаголов с большой долей вероятности⁴ будут иметь инхоативное значение,

⁴ Об отношениях между каузативными и инхоативными глаголами см., например, Haspelmath 1993.

поэтому *huniktari* в КВо 5.1 I 2 *mān SAĻ-za harnauī eszi* (3) *nu* ^{DUG}*LIŠ.GAL hu-u-ni-ik-ta-ri nasma GIŠ.KAK duwarnatttari* не обязательно переводить вместе с Э. Ноем как «beschädigt wird». Предпочтительнее использовать непреходную форму «если женщина садится на родильный стул, и стул трескается или штифт ломается...» (ср. Puhvel 1991 381 «and the pan cracks»).

Если в приведенных выше примерах мы вряд ли имеем дело с пассивными употреблениями медиальных форм, то в некоторых других случаях выбор между рефлексивной, медиостативной и пассивной функциями оказывается очень сложным⁵. Например, медиальные формы *anda imtiya-* могут означать как «быть смешанным», так и «смешиваться», некоторые медиальные формы *aus-* «видеть» можно трактовать как «быть видимым», так и «являться» и т. д. Наиболее показательна в этом смысле группа глаголов, (некоторые) медиальные формы которых могут значить «быть завершенным» или «завершаться». Это *karp-* «поднимать», *tarupp-* «объединять, собирать», *assanu-* «заботиться, завершать», *kars-* «(от)резать». В таких случаях мы не можем с полной уверенностью заявлять, что имеем дело именно с пассивными употреблениями.

Таким образом, список пассивных форм, не вызывающих никаких сомнений, получается небольшим (например, *ŠA mZAG.ŠEŠ=wa kuwapi memias UL daddat nu=wa namma EGIR-anda tamain UN-an wiyami nu=wa apel memias dattari KUB 26.92 14f.* «Так как слово Бентесины не было принято, я пошлю еще одного человека, и его слово будет принято»). Примечательно, что среди безусловно пассивных употреблений нет ни одного примера из древнехеттских текстов, хотя они встречаются в поздних копиях древнехеттских текстов. Кроме того, пассив, выраженный при помощи медиальных форм глаголов, встречается по

⁵ При употреблении рефлексивных глаголов в предложении также часто встречается возвратная частица *-za*, однако ее присутствие обусловлено в том числе и лексически, с некоторыми глаголами, например, с *IR-(n)alḫ-* «подчиняться» эта частица не используется.

большей части в определенных типах текстов: в описаниях празднеств и в текстах оракулов. Например, почти все медиальные формы глагола *da-* «брать», приведенные в книге Э. Ноя (немногим более 10 примеров (не считая повторяющихся на соседних строчках), засвидетельствованы в текстах, посвященных религиозному празднику в Исуве (СТН 628).

Конечно, употребление медиальных форм с пассивным значением может отражать праязыковое состояние⁶, однако относительная редкость пассивных употреблений медиальных форм в хеттском, достаточно поздняя их фиксация и ограниченность определенным кругом текстов может указывать на то, что пассивные употребления медиальных форм развились уже на каком-то этапе истории хеттского языка, когда рефлексивные или инхоативные формы медиа были переосмыслены как пассивные⁷.

Литература

- V. Haas, 2000. *Hethitische Bestattungsbräuche*. *Altorientalische Forschungen*, B. 27, S. 52-67.
- M. Haspelmath, 1993. *Inchoative / causative verb alternations. Causatives and Transitivity*. Eds.: B. Comrie, M. Polinsky. Benjamins, Amsterdam, pp. 87-120.
- H. Hoffner, H. Craig Melchert, 2008. *A Grammar of the Hittite Language*. Eisenbrauns, Winona Lake. 468 p.
- S. Jamison, 1979. *The Case of the Agent in Indo-European*. *Die Sprache* 25, pp. 129-43.
- H. M. Kümmel, 1967. *Ersatzrituale für den hithitischen König*. *StBoT 3*; Harrassowitz, Wiesbaden. 244 p.
- H. Craig Melchert, 2003. *Language. The Luwians*. Ed.: H. Craig Melchert. Brill, Leiden – Boston. P. 170 – 210.
- E. Neu, 1968a. *Interpretation der hethitischen mediopassiven Verbalformen*. *StBoT 5*. Harrassowitz, Wiesbaden. 213 p.

⁶ Несмотря на отсутствие оснований для реконструкции какой-либо самостоятельной пассивной категории, многие исследователи считают, что медиальные формы могли иметь пассивные значение уже в праиндоевропейском языке, ср., например, Szemerényi 1996 254.

⁷ В других анатолийских языках только лувийском есть медиальные формы глаголов, которые можно интерпретировать как пассивные (Melchert 2003 205).

-
- E. Neu, 1968b. *Das hethitische Mediopassiv und seine indogermanische Grundlagen*. StBoT 6; Harrassowitz, Wiesbaden. 216 p.
- Puhvel J. 1991. *Hittite Etymological Dictionary*. Volume 3: Words beginning with H. Mouton, Berlin - New-York. 461 p.
- O. Szemerényi, 1996. *Introduction to Indo-European Linguistics*, 2nd English Edition. Clarendon press, Oxford. 362 p.

Summary

The article addresses issues concerning the interpretation of the Hittite mediopassive forms with passive meaning as well as their diachronic distribution. It seems that in the Old Hittite texts there are no medial forms with a clearly passive meaning, while they become more frequent in the younger texts.

А. И. Шмаина-Великанова, Н. В. Брагинская

ИОАКИМ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ЛИЦО И ПЕРСОНАЖ

Резюме. Реконструируется ситуация, которая позволяет увидеть в Иоакиме Книги Иудифи проекцию того же исторического персонажа, что и Иоаким/Алким Маккавейских книг. Это ситуация первоначального сотрудничества Иуды Маккавея и назначенного Антиохом V первосвященника. На основании анализа ряда умолчаний в Маккавейских книгах авторы приходят к выводу, что Маккавейские книги опустили период сотрудничества героя Иуды Маккавея и первосвященника Иоакима/Алкима, выводя его на историческую сцену сразу как врага Иуды. Это позволит предложить весьма точную датировку Книги Иудифи между 164 и 161 гг. до н.э.

Ключевые слова: Книга Иудифи, 1–2 Маккавейские книги, Книга Варуха, «Иосиф и Асенет»

Среди иудейских сочинений второй половины II в. н. э., то есть эпохи Маккавейского восстания и первых Хасмонеев, откликнувшихся на Антиоховы гонения, есть книги исторические, как 1 и 2 Маккавейская. Они рассказывали о событиях современности как о еще одном разыгрывании событий библейской древности: реальных исторических лиц описывали как нового Давида, нового Иеремию и т. д. В то же время существовал симметричный этому способ рассказать о событиях современности или недавней истории, не связывая себе никакими деталями и источниками, в форме вымышленного повествования об условном библейском прошлом. Это сочинения мы назовем символическими, например, Книга пророка Даниила, Книга Иудифи, Книга Варуха¹, особняком в этом ряду стоит и

¹ Отнесение этих сочинений к периоду, после 164 г. до н.э., хотя и не является общепринятым для всех этих сочинений или для всех их частей в одинаковой мере, тем не менее, в настоящее время едва ли не господствует в библеистике. Поэтому мы не

апокриф «Иосиф и Асенет»². Историческое прошлое, которое было уместно для первоначальной аудитории апокрифа, должно было помещаться в Египте, что же касается первых трех, то они отсылают на недавние события, представляя Навуходоносора древним Антиохом Эпифаном, так же как Иуда представлялся новым Давидом. В Книге Иудифи Иерусалимский храм недавно заново отстроен и освящен после возвращения израильтян из плена (5: 19); в Книге Варуха он только что разрушен и в то же время еще почитаем вавилонскими пленниками, которые шлют ему дары; в Книге Даниила – предрекается, осквернение храма чужеземным правителем. Все названные выше сочинения начинаются с указания точной даты, однако содержат в себе, очевидные и, по-видимому, нарочитые противоречия с книгами Библии (за исключением ИА, поскольку события этого апокрифа отнесены к легендарной древности). На фоне фантастической географии и совмещения в одном времени событий, разделенных столетиями, прекрасное знание авторами Танаха, аллюзии и составленные из библейских цитат центонные молитвы³ убеждают в намеренной псевдо-историчности этих книг⁴.

останавливаемся на обсуждении радикально других датировок этих книг.

² Как нам представляется, последняя книга написана с позиций «проегипетской» партии, сторонников убитого первосвященника Онии III и его сына Онии IV, бежавших от гонений и гражданской войны под защиту Птолемея VI Филометора.

³ О библейских цитатах в молитвах Иудифи см.: Craghan 1982: 84–86, Moore 1985: 38–85, в молитвах в Книге Баруха см.: DeSilva 2002: 207–210.

⁴ Имена царей в Книге Даниила реальны, но сведения, сообщаемые о них, отмечены сознательной и целенаправленной манипуляцией историческими данными; см. Вейнберг 2005: 233. Так, Валтасар не был сыном Навуходоносора; а его преемником был Кир, а не Дарий Мидянин. Исторические события, действующие лица и географические названия в Книге Иудифи взяты из разных эпох или не находят подтверждения ни в каких источниках. Главный город, вокруг которого разворачиваются основные события, – это Ветилуя, он нигде более не упомянут. Царь Арфаксад, против которого Навуходоносор предпринимает поход, служащий завязкой, ближе не известен. Упоминание

В двух этюдах, помещаемых ниже, мы хотим предложить два способа интерпретации указанных сочинений: исторический и герменевтический. В этюде «Иоаким: историческое лицо и персонаж» мы реконструируем уникальную историческую ситуацию, при которой между Иоакимом/Алкимом Маккавейских книг и Иоакимом Книги Иудифи нет противоречий. Это позволит предложить весьма точную датировку Книги Иудифи. В этюде «Книга Иудифи как символическая повесть: анализ имен» рассматриваем семантику всех вымышленных имен и главного вымышленного топонима Ветилуя. Этот анализ выявляет определенный символический замысел, который говорит о среде, создавшей эту книгу и ее ценностях, но датировка останется расплывчатой. Впрочем, уточнения даты и уточнение замысла не являются взаимоисключающими.

* * *

Наше внимание обратило на себя то обстоятельство, что во всех четырех названных книгах встречается имя «Иоаким»⁵.

исторического события, с которого начинается повествование: «В двенадцатый год царствования Навуходоносора, царствовавшего над Ассириями в великом городе Ниневии...» и т. д. для читателей, знавших, хотя бы по Священному Писанию, что Навуходоносор – царь Вавилона, господствовавший над Ассирией, а не ассирийский царь, было очевидным, с нашей точки зрения, указанием на вымышленность декораций. Письмо Варуха сопровождало посылку Иерусалимскому храму даров от пленников в Вавилоне и книги, которую просят прочитать в Иерусалиме. Исторический Варух вместе с Иеремией попал в Египет, а в Вавилоне, по преданию, оказался много позже, после смерти Иеремии. Он не мог ничего посылать храму из Вавилонии. История женитьбы Иосифа на Асенет разворачивает в яркое повествование скудные упоминания Книги Бытия (41:45, 50,52; 46:20), совмещая персидские реалии и эпоху патриархов.

⁵ Имя «Иоаким» существует на иврите в трех вариантах: как *Элияким*, то есть «Мой Бог воздвигнет», как *Иегояким* – «Господь воздвигнет», как *Иаким* – «Воздвигнет», подразумевается то или другое дополнение. Иногда одно и то же лицо переименовывается из *Элиакима* в *Иакима* (4 Цар 23:34 = 2 Пар 36:4) или пишется несколько по-разному. С этим связано и расхождение в

Нам неизвестно, насколько обычным было это имя во II в. до н. э. Мы можем только констатировать, что в Библии оно чрезвычайно редкое, а в литературе Второго храма подозрительно частое. Причем лишь в одном случае, а именно в Книге пророка Даниила, которая в целом также условно исторична, как и остальные, царь Иоаким и есть царь, т.е. по-видимому, тот Иоаким, при котором началось переселение евреев в Вавилон. Причина этому в том, что Даниил цитирует Иеремию (24:1)⁶.

Итак, исторических Иоакимов Танаха двое: царь (4 Цар 23:34-36, 24:1-6, 19 (=2 Пар 36: 4-8), 1 Пар 3:15-15, Иер 1:3, 22:18, 24, 24:1, 26:21, 36:2) и первосвященник (Неем 12:10, 12, 22-26).

Царь был далеко не лучшим, первосвященник был из темного периода после пленного времени, известно, чей он был сын и чей отец, то есть он персонаж родословной и не более того, хотя сомневаться в его существовании оснований нет. Еще одно историческое лицо, носившее это имя – первосвященник Иоаким/Элиаким в грецизированной форме – Алким, который играет важную роль в Маккавейских книгах и о котором рассказывает Иосиф Флавий, опираясь в основном на 1 Маккавейскую.

Нас будет в данном случае прежде всего интересовать Иоаким из Книги Иудифи, но понять, на что это имя намекает, можно только принимая во внимание всех Иоакимов псевдо-исторических сочинений эпохи ранних Хасмонеев.

Уже давно высказывалась мысль, что первосвященник Иоаким из Книги Иудифи соответствует Иакиму/Алкиму

написании имени первосвященника, которого, вероятно, одни именовали *Элиякимом*, а другие *Иоакимом*, а также казус с образованием имени *Иаким* на месте глагола: вместо *we-yakim* («и восстал») появился *Иаким* (1Езд 5:5). BDB 1906/2005: 220.

⁶ В приложении к Даниилу (Сусанна и старцы), есть еще один Иоаким, муж Сусанны, лицо вполне благонамеренное, богатое и знатное, но никак не действующее. Этот «дополнительный» Иоаким, сам по себе изъяснен быть не может. В контексте прочих можно предположить, что имя имеет звучание вымышленного и само является знаком вымышленности.

– историческому первосвященнику эпохи Маккавейского восстания (Ball 1888; а также Steinmann 1953: 23–34, особенно 32). Это отождествление наталкивается на целый ряд трудностей, на которые указал автор Анкоровского комментария Мур (Moore, 53–54). Действительно, с историческим Иоакимом/Алкимом его связывает только имя, должность и ситуация нападения врага, который намерен объявить себя Богом и отменить традиционный культ евреев (Иудифь 3: 8). Однако поведение первосвященника из Книги Иудифи и Маккавейских книг на первый взгляд не имеют ничего между собой общего. В Маккавейских книгах Алким – крайне отрицательный персонаж, коварный интриган, антипод Иуды Маккавея, доносивший на него властям. В отличие от 2 Макк, где действуют также Ясон и Менелай, в 1 Макк по имени назван только Алким. Поэтому в 1 Макк Алкиму достается роль главного врага Иуды из священнической среды. Алким – соучастник преступлений Антиоха и его военачальников, коварный предатель, враг независимости Иудеи, узурпатор первосвященнической должности, пособник пыток и убийств благочестивых. О его смерти говорится как о каре за нечестие, в ее описаниях есть некоторые признаки болезни «за грехи», упоминаются его беспомощность и особенные мучения (1 Макк 9. 55–56).

В Книге Иудифи первосвященник Иоаким – это достаточно пассивный и слабый правитель, который не способен защитить Иерусалим и храм от посягательств язычников. Но в то же время он молится о спасении страны и приходит отдать дань восхищения и преклонения перед подвигом Иудифи. Монтагю полагал, что Иоаким просто репрезентирует священство в целом, к которому автор относится очень сдержанно, но не враждебно (Montague 1973: 16).

Еще один вымышленный первосвященник Иоаким встречается в зачине Книги Варуха. Этот зачин вызывающе антиисторичен, даже в большей мере, чем зачин Иудифи. Если зачин Иудифи противоречит общеизвестным фактам, которые однако не затрагивают внутреннюю логику происходящего (для которой неважно, какого царства полководец идет войной на Иудею), то в Книге Варуха

противоречие находится внутри повествования, и сочетание ст. 1: 1 и 1: 7 создают невозможную ситуацию. А именно, из первого стиха мы узнаем, что храм сгорел пять лет тому назад, а из 7-го выясняется, что там есть первосвященник Иоаким и туда посылают сосуды, спасенные из храма, для продолжения богослужения⁷. Дело не в том, что богослужение в храме было возобновлено не ранее 517/516 г., то есть не через 5, а через 70 лет после разрушения, о чем ясно говорится, например, в Книгах пророков Аггея (целиком), Захарии (гл. 1, 3, 4, 6, 8) и Книге Ездры (гл. 5). Дело в том, что ситуация, в которой состоятельные, но слабые эмигранты зывают к бедным, но продолжающим правильную религиозную жизнь населенникам метрополии, никак не согласуется с периодом плена. Она скорее относится к периоду Антиоховых гонений, когда в Иерусалимском храме было прервано богослужение и жертвенник был осквернен. Так и Никельсбург, анализируя Книгу Даниила, считает Навоходоносора и Вальтасара масками Антиоха Эпифана и Эвпатора (Nickelsburg 1984: 145). В Книге Варуха, в отличие от Книг Иудифи и Даниила и от Иосиф и Асенет, практически нет никаких имен. В первых 13 стихах первой главы сосредоточены все исторические и псевдоисторические имена, названия и реалии (сам Варух, исторические Иехония, Седекия, Навоходоносор и псевдо-исторические Вальтасар и Иоаким, далее упоминаются только имена патриархов в

⁷ Более ста лет тому назад библеисты пытались найти историческое объяснение нелепым действиям Варуха. Им пришлось для этого предположить, что раз в Иерусалим посылают деньги на жертвоприношения (1: 10), значит, они происходят (Bissell 1899: 414). Доверие Книге Варуха приходит в противоречие с доверием Книге Иеремии, несопоставимо более надежной, хотя бы потому, что первая написана на триста лет позже второй. Некоторые обращали внимание на сообщение о приходе в захваченный и разоренный город с дарами для храма обитателей Сихема, Силома и Самарии (Иер 41: 5; ср. Whitehouse 1913: 570), однако, эти 80 человек пришли вскоре после событий, не знали, как обстоит дело. Им не пришлось принести дары в храм, они были убиты и брошены в ров. Трудно считать это краткое сообщение свидетельством о продолжении культа.

молитвенной формуле), как у Даниила среди разнообразных условно исторических фигур в первых стихах упомянут по-видимому исторический царь Иоаким.

В «Иосиф и Асенет» тоже есть царь Иоаким, но несколько не исторический, скорее «басенный» персонаж. Единственному негодяю повести, сыну фараона, его собственный отец советует жениться не на красавице Асенет, а на дочери царя Моавитского Иоакима. Царя с таким именем нет в известных списках моавитских царей, и в целом они не носили еврейских имен. Достоянная пара сыну фараона не Асенет, идеальная героиня, а дочь зловещего царя проклятого народа, что содержит в себе слабо завуалированное проклятие. Вымышленный царь проклятого народа имеет очевидно символический характер, тем более, что в «Иосиф и Асенет» нет, кроме этого, ни одного небиблейского имени, все небиблейские персонажи остаются безымянны. Если, как мы, вслед за Г. Бохаком, полагаем, апокриф создан в Земле Онии или сторонниками Онии и его храма в Египте, то для этой «партии» исторический первосвященник Алким – узурпатор и как «царь предателей» может изображаться в виде царя моавитян. Его нарисовали на полях этого оптимистического сочинения как карикатуру на врага (Bohak 1996: 86).

Иоаким нейтральный в Книге Варуха, положительный, но не геройский в Книге Иудифи, проклятый в «Иосиф и Асенет» помещен в условные исторические декорации, но носит имя одного из главных участников событий Маккавейского восстания, это не историческое лицо и не чисто вымышленное: это подлинное историческое лицо, которое изображает вымышленное.

Однако сама возможность усмотреть в Иоакимах Книгах Варуха и Иудифи, а также «Иосифе и Асенет» маски исторического первосвященника Алкима требует анализа исторических Маккавейских книг.

О том, что сказано об Алкиме, написано достаточно, мы намерены рассмотреть то, что источники о нем умалчивают.

1 и 2 Маккавейские книги молчат о том, каким образом после осквернения храма и его Очищения произошло его Освящение. Могло ли произойти Освящение, если не была

принесена жертва всесожжения? Могла ли быть принесена жертва всесожжения, если не было первосвященника? А если он был, то кто был им? Иуда очистил храм, а кто принес жертву всесожжения? То, как наши источники изображают первосвященника-отступника Менелая и первосвященника-коллаборациониста Алкима, делает предположение о сотрудничестве с ними Иуды немыслимым.

Вопрос о первосвященнике при праздновании первой Хануки обойден и в Маккавейских книгах, и у Иосифа Флавия. Всесожжение упоминает только Иосиф (Иуд. древн. 12. 7. 6. 319). Иуда сказал, что нужно очистить храм и принести положенные жертвы (Иуд. древн. 12. 7. 6. 317). Он и его соратники, как мы читаем и в Маккавейских книгах, очищают храм, убирают оскверненный жертвенник, делают новый и новую утварь, но жертвы приносят некие «они», что передается множественным числом глагола... Без первосвященника?

Как известно, существуют неразрешимые хронологические проблемы, связанные с датировкой отвоевания храма и смертью Антиоха Эпифана, проблематичны не только абсолютные даты, но в некоторых случаях даже последовательность событий (Bringmann 1983: 15–28, Grabbe 1991: 59–74, Bartlett 1998: 36–53). Так, в 1 Макк смерть Антиоха следует за Очищением и Освящением храма, и царь успевает узнать о том, что иудеи разрушили возведенную на жертвеннике храма «мерзость». А во 2 Макк сначала умирает Антиох Эпифан, а потом происходит празднование «Кущей в месяце Хаслеве»⁸ и т. п. И сравнительно небольшой период от осквернения до очищения, когда богослужения не было, датируется в научной литературе двойко : с 168 по 165 гг. или с 167 по 164 гг.

⁸ Стих, завершающий описание кончины Антиоха Эпифана помещен в 2 Макк 10. 9 после описания первой Хануки и оторван от описания последних дней и болезни Антиоха Эпифана. Возможно, эпитоматор не смог совладать с описанием событий, которые происходили почти одновременно, и поместил смерть Антиоха перед описанием Очищения и Освящения храма, не имея в виду того, что они следовали друг за другом во времени.

Менелай был отстранен от должности сыном Антиоха Эпифана Антиохом Эвпатором под руководством Лисия (2 Макк 13. 3–8, Иосиф Флавий. Иуд. Древн. 12. 9. 7. 385–387). Естественно предположить, что это произошло после смерти Эпифана в декабре 164 г., однако, исследователи не исключают и ложной вести о смерти Эпифана, после которой Эвпатор или Лисий от его имени уже начали действовать. Датировка письма Антиоха Эвпатора о прекращении гонений и возвращении иудеям права совершать свое богослужение и о том, что отец его умер, неясна, но исследователи допускают, Эпифан был еще жив и сведения о его смерти были ложны.

Если Антиох Эпифан умер до того, как Иуда завладел храмом, или Эвпатором была получена такая весть, то Менелай мог быть смещен наследником до Освящения храма, а Алким оказаться назначенным на его место и участвовать в Освящении. Но если даже, следом за 2 Макк, полагать, что Антиох умер после Освящения храма, и официально первосвященником во время, когда храм освящался, оставался Менелай, то этот первосвященник не мог участвовать в Очищении и новом Освящении храма, отвоеванного у него же и очищенного от скверны, которую он прежде воздвиг. Хотя казнен Менелай был позже, при начале похода против Иуды, осадившего селевкидский гарнизон в Акре, он давно находился вне Иерусалима и выполнять роль первосвященника не мог. Но кто же тогда в этот момент первосвященник?

Нам представляется весьма важным и интригующим то обстоятельство, что Алким в Маккавейских книгах появляется в повествовании явно не при первом его вступлении на арену политической борьбы, а с некоторой оттяжкой.

О назначении Алкима Антиохом Эвпатором в 1 и 2 Макк не сказано ничего. Об этом эпизоде, как и о первосвященстве Алкима в царствование Антиоха Эвпатора, молчат обе книги. Алким появляется уже как первосвященник, который хочет *сохранять* за собой должность (1 Макк 7. 5) или *опасается за свою должность* при смене царя (2 Макк 14. 3). В 1 Макк 7. 21 сообщается, что Алким

боролся за сан первосвященника. Но с кем же он боролся? Кто был его соперником?

Итак, до того, как на престол восходит Деметрий I, жестоко расправившийся с Антиохом Эвпатором и Лисием, об Алкиме нет ни одного упоминания. Когда Деметрий стал царем Сирии, Алким отправляется к нему с дарами испросить утверждения его в должности (1 Макк 7. 9). С момента своего появления в 1 и 2 Макк Алким действует исключительно как враг Иуды. Но кем он был прежде высадки Деметрия I в Триполи летом 162 г.? Между смертью Антиоха Эпифана и свержением его сына Деметрием I прошло около двух лет. У нас нет никаких сведений о конфликтах Иуды и Алкима в этот период, хотя Алким какое-то время был первосвященником в Иерусалиме, находившемся в руках Иуды. Как сообщает Иосиф Флавий (Иуд. древн. 12. 9. 7. 386), между Менелаем и Алкимом нет никаких других первосвященников⁹.

Алким был, как сказано в 1 Макк 7. 14, «священником из семени Аарона», то есть его прямым потомком, и мог быть первосвященником. Поэтому он и говорил о первосвященстве как «чести его предков», которой его лишили (см. 2 Макк 14. 7). Иосиф Флавий называет Алкима первосвященником при всяком упоминании (Иуд. древн. 12. 9. 7. 385; 20. 10. 3. 235–6), хотя и оговаривает, что тот не был из *семьи* первосвященников (Иуд. древн. 12. 9. 7. 387). Алким занимал должность или 4 года (Иуд. древн. 12. 10. 6. 413–414), или же 3 года (Иуд. древн. 20. 10. 3. 235–237)¹⁰.

Голдстин и Сколник считают, что в источниках об Алкиме осуществлено с большой, но, как всегда бывает, неполной последовательностью *damnatio memoriae*, т. е. радикальная цензура всего того, что касалось этой фигуры (Goldstein 1976: 332–336 и Scolnic 2005: *passim*).

⁹ Не считать же таковым брата Менелая Лисимаха, которого тот просто оставил вместо себя на время своего отсутствия (2 Макк 4. 29) и который был убит возмущенной толпой (2 Макк 4. 39–42).

¹⁰ Объяснение этих расхождений предлагает Goldstein 1976: 393 и Appendix VI.

Интересно, что свидетельства об Иуде как первосвященнике в торжественный момент Очищения и Освящения храма нет. Иосиф сообщает, что народ передал первосвященство Иуде после смерти Алкима (Иуд. древн. 12. 10. 6. 414). С данными Маккавейских книг согласовать это трудно, так как, по 1 Макк, не Иуда пережил Алкима, а Алким – Иуду (1 Макк 9. 54-56), и после смерти Алкима должность первосвященника семь лет не была занята (1 Макк 10. 21). Формальных прав быть первосвященником у Иуды не больше, чем у Алкима, а скорее меньше¹¹; кроме того, он постоянно вел военные действия и погиб в бою, что несовместимо с постоянным же служением в храме. И тем не менее, Иосиф, возможно, доносит, пусть и в искаженном виде, семейную традицию о принятии на себя Иудой с согласия вооруженного народа экстраординарных обязанностей первосвященника, и потому, назначенный царем, первосвященник Алким должен был «бороться» за свой сан, а разные цари заново утверждали его в должности¹².

Даже без далекоидущих гипотез о том, что Алким участвует в Освящении храма вместе с Иудой, несомненно, что Алким руководил богослужением в течение некоторого важного периода, когда Иерусалим был в руках Иуды. Вероятно и то, что он пережил Иуду (с поправкой на неточность хронологических данных), погибшего в 161 или 160 г., и оставался первосвященником до своей смерти,

¹¹ Стоит заметить, что во Втором письме к египетским иудеям, приложенном к 2 Макк, не упоминается ни завоевание Иерусалима, ни очищение Иудой храма. Возможно, затрагивать эту тему было не совсем недипломатично?

¹² У Иосифа в договор с римским сенатом (Иуд. древн. 12. 10. 6. 415-19), который приводится и в 1 Макк 8. 23 сл., по сравнению с 1 Макк добавлены слова «при первосвященнике Иуде». Возможно, договор вымышлен, во всяком случае, по 1 Макк, Иуда заключал его не в качестве первосвященника. 1 Макк заслуживает здесь большего доверия, а стремление вывести на историческую сцену первосвященника Иуду, возможно, отражает тенденцию затушевывать присутствие на этой сцене первосвященника Алкима.

которую различные ученые датируют от 160 до 158 г. (май 153 г. Вавилонской эры).

Маккавейские книги не только молчат о периоде вероятного сотрудничества Алкима с Маккавеями, Алким получает в них самые резкие характеристики. В 1 Макк 7. 5 и 9 Алким – «нечестивец» и глава отступников и нечестивцев, а в 2 Макк 14. 3 говорится, что он «добровольно осквернил себя во времена размежевания». Но никаких свидетельств о пристрастии Алкима к эллинским обычаям не приводится и обвинения никак не конкретизированы. Каким бы ни было ритуальное осквернение, если оно вообще имело место, оно не было таким, от которого нельзя очиститься, так как после этого при Иуде и, возможно, после него Алким мог служить в храме¹³. Он утвержден Селевкидами в качестве первосвященника очищенного и обновленного храма, и благочестивое посольство асидеев – шестьдесят благочестивых иудеев, старейшин и книжников – приходит к нему для переговоров, признавая его первосвященство. И тут случилось нечто совершенно необъяснимое. Они приходят после данной им Алкимом клятвы – и все они убиты (1 Макк 7. 13). Это злодеяние не могло входить в планы Алкима, так как он должен был после этого остаться среди ненавидящих его сограждан. Автор 2 Макк ничего не говорит о шестидесяти. Иосиф относит их убийство целиком на счет Бакхида, а не Алкима. Однако Алким этому, во всяком случае, не воспрепятствовал и, возможно, послужил для ревнителей благочестия приманкой: они поверили ему, а не представителю царя. Есть и другие необъяснимые преступления Алкима и Бакхида – убийство «перебежчиков» и «людей из народа» (1 Макк 7. 19). Бакхид убивает «перебежчиков» всякий раз, когда терпит неудачу с поимкой Иуды или Ионатана

¹³ Алкиму вменяется в вину разрушение стены внутреннего двора Святилища (1 Макк 9. 54), но, во-первых, это действие происходит уже на пору более позднюю, чем пора «размежевания», а, во-вторых, могло быть продиктовано как раз соображениями благочестия: не отделять народ от священников, как того хотели и кумраниты.

или когда ему отказывают в их выдаче. Это напоминает убийство вовсе не перебежчиков, но заложников. По-гречески «перебежчики», *automoloi* – это «приходящие сами», а «приходящие сами» – это описательно добровольные заложники, какими предстают являющиеся к Бакхиду и Алкиму старцы. Не исключено, что при передаче еврейского описательного выражения на греческий одни *приходящие сами* («добровольные заложники») превратились в других *приходящих сами* («перебежчиков»). В то же время гибель большого числа мирных людей, простых или особо уважаемых, из-за невыдачи Иуды бросает тень на героя. Возможно поэтому *перебежчики* вместо *заложников* закрепились в источниках, и об их массовых убийствах, какие едва ли могли прийти в голову даже Антиоху Эпифану, постоянно говорит Иосиф Флавий.

Алким же остается после этого правителем в Иудее и всячески старается снискать расположение народа, и в результате за ним идет-таки большое войско иудеев, с которыми он разыскивает сторонников Иуды и убивает, а Иуда в ответ разыскивает сторонников Алкима и убивает этих (1 Макк 7. 22). Автор 1 Макк не рассказывает о том, что между Иудой и Никанором возникло что-то вроде дружбы, пусть даже и очень сомнительной и ненадежной, а автор 2 Макк рассказывает (см. 2 Макк 14. 15–27 и примеч. к 1 Макк 7. 27) и об этих мирных отношениях, и о том, что они были опасны для Алкима, который донес царю теперь уже и на Никанора за его союз с потенциальным бунтовщиком. Это гражданская распря, прорывающаяся войной, в которой *обе* стороны стремятся привлечь Селевкидов на свою сторону, и она мало походит на черно-белую картину, которая оседает в учебниках. Нет ничего, чтобы указывало на разногласия Иуды и Алкима в вопросах веры или культа. Не они разделяют первосвященника и правителя Алкима и мятежника и народного вождя Иуду, их разделяет вопрос о том, продолжать ли военное противостояние Селевкидскому двору после того, как гонения на веру прекращены. Когда Иудею постигнет

голод, население перейдет на сторону Алкима (1 Макк 9. 24), и с Иудой останется горстка людей¹⁴.

Как пережил Алким морально и социально убийство приглашенных им на переговоры книжников, 1 Макк и 2 Макк не сообщают. Но после описания бессмысленной, устрашающей расправы над шестьюдесятью парламентариями в 1 Макк 7. 17 цитируется Псалом 79, где оплакиваются «тела святых» и тут же сказано, что написал его «сам» Алким. Переписчикам такое положение дел – приписывание Псалма не Давиду, а предателю Алкиму – казалось столь нелепым, что в текст были внесены исправления. Тем не менее, если бы Алким не писал этого Псалма, автор 1 Макк был бы последним человеком, который стал бы его ему приписывать. Он упоминает Псалом 79, чтобы подчеркнуть, до чего дошел автор, если предсказал свои собственные злодеяния против соотечественников в тех же стихах, в которых оплакал гибель иудеев от рук нечестивцев.

Если Алким был и в самом деле автором этого псалма, то, может быть, это говорит нам о том, в каком невыносимом положении оказывается предводитель раздираемого междоусобием народа, если он должен лавировать между ним и внешней властью. Авторы 1 и 2 Макк не могли вместить в свое понимание истории подобного драматизма, противоречивости и трагизма и слепили из мучительной двойственности символического предателя.

Критический по отношению к Книгам Маккавеев и к более поздней раввинистической традиции пересмотр представлений об Алкиме предпринял уже Голдстин (Goldstein 1976: 330–337). Сколник (Scolnic 2005), последовавший за ним, доказывает, что Алким является автором 79 Псалма, что он был не только «семенн Аронова», но и принадлежал к Садокидам, что он служил в храме, когда Лисий назначил его первосвященником, что он был благо-

¹⁴ Трудно сказать, был ли это результат недорода или голод и сам был вызван длительной гражданской войной, или, наконец, из-за войны, голодающие не могли получить помощь от властей.

честивым и уважаемым человеком. Взвешенную позицию по отношению к Алкиму сформулировал У. Раппапорт: «сторонник Селевкидов в политике, не эллинизатор в культуре и противник Маккавеев в обществе»¹⁵.

Предположим, что Книга Иудифи создана благочестивыми иудеями, которые видят слабость своего первосвященника, но не сомневаются в его добрых намерениях. Однако иерусалимское священство не может оказать сопротивления врагам, спасение не в нем. Для такого видения Алкима подходит очень узкий промежуток времени, когда Алким сотрудничал с Иудой, находясь в тени героя и воителя.

Это позволяет датировать Книгу Иудифь очень коротким периодом до начала вражды Иуды и Алкима, периодом их сотрудничества, обойденного молчанием в Маккавейских книгах, то есть периодом между 164/163 и 162/161 гг.¹⁶

Литература

- ABD 1992 – The Anchor Bible Dictionary. David Noel Freedman (Editor-in-Chief). New York; London; Toronto; Sydney; Auckland: Doubleday, 1992. Vol. 1–6.
- Ball 1888 – Ball, C. *Judith*. Apocrypha of the Speaker's Commentary. London. 1888.
- Bartlett 1998 – Bartlett, John R. 1 Maccabees (Guides to Apocrypha and Pseudepigrapha) Sheffield: Sheffield Academic Press, 1998.
- BDB 1906/2005 – The Brown – Driver – Briggs – Gesenius Hebrew and English Lexicon with an Appendix containing the Biblical Aramaic by Francis Brown, D.D., D.Litt. with the Cooperation of S. R. Driver, D.D., Litt.D. and Charles A. Briggs, D.D., D.Litt. – Electronic edition based on the printed edition originally published by Oxford University Press 1906. – Copyright © 2005 by Varda Books.

¹⁵ ABD 1992: s.v. Alcimus (p. 145).

¹⁶ Соответственно «Иосиф и Асенет» написан вскоре после смерти Алкима (160 или 159), пока карикатура на узурпатора была актуальна. Это придает дополнительный вес соображениям о взаимосвязи «Книги Иудифи» и «Иосиф и Асенет», высказанным Т. А. Михайловой в статье опубликованной данным сборнике.

- Bissell 1899 – Bissell E. C. *The Apocrypha of the Old Testament*. New York: Scribner.
- Bohak 1996 – Bohak G. *Joseph and Aseneth and the Jewish Temple in Heliopolis*. Atlanta.
- Bringmann 1983 – Bringmann K. *Hellenistische Reform und Religionsverfolgung in Judäa: eine Untersuchung zur jüdisch-hellenistischen Geschichte (175–163 v. Chr.)* / von Klaus Bringmann. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht. (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen; Phil.-hist.Kl., 3rd series 132; Göttingen).
- Craghan 1982 – Craghan J., C.S.S.R. *Esther, Judith, Tobit, Jonah, Ruth*. Old Testament Message, Volume 16. Wilmington, Delaware.
- DeSilva 2002: DeSilva, David Arthur – *Introducing the Apocrypha : Message, Context, and Significance*. Grand Rapids, Mich. : Baker Academic, 2002.
- DeSilva 2006 – Desilva, David A. *Judith the Heroine? Lies, Seduction, and Murder in Cultural Perspective // Biblical Theology Bulletin*, 36/2 (2006): 55-61.
- Eckhardt 2009 – Eckhardt Benedikt. *Reclaiming Tradition: The Book of Judith and Hasmonean Politics* *Journal for the Study of the Pseudepigrapha* 18.4. P. 234–263
- Goldstein 1976 – *I Maccabees. A New Translation with Introduction and Commentary* by Jonathan A. Goldstein. Garden City, New York: Doubleday (The Anchor Bible 41).
- Grabbe 1991 – Grabbe L. L. *Maccabean Chronology. 167–164 or 168–165 // Journal of Biblical Literature*, Vol. 110, No. 1. (Spring, 1991): 59–74.
- Montague 1973 – Montague G. *The Books of Esther and Judith*. New York.
- Moore 1985 – Moore C. A. *Judith. A new translation with introduction and commentary*. New York. (AB, 40; New York: Doubleday).
- Nickelsburg, 1984 – Nickelsburg G. W. E. 1984. “*Stories of Biblical and Early Post-biblical Times*” and “*The Bible Rewritten and Expanded.*” in Stone, ed., 1984. P. 33–156
- Scolnic 2005 – Scolnic Benjamin E. *Alcimus. Enemy of Maccabees*. (Studies in Judaism) Lanham, Boulder, New York, Toronto, London: University Press of America.
- Steinmann 1953 – Steinmann, J. 1953. *Lecture de Judith*. Paris.
- Whitehouse 1913 – Whitehouse O. C. *The Book of Baruch // The Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament in English* / ed. by R. H. Charles. Oxford. P. 569–95.
- Вейнберг 2005 – Вейнберг И. *Введение в Танах. Ч. 4. Писания*. М.; Иерусалим, 2005.

Summary

The paper pays attention to the name Joakim which occurs suspiciously often in the Judeo-Hellenistic works of the Maccabean period. It functions as a sign of conventional pseudo-historicity and at the same time alludes to the real and very controversial historical figure of the high priest Joakim/Alkim. The authors reconstruct a situation which makes it possible to identify the high priest of the Maccabees books and the fictional high priest of the Book of Judith called Joakim. Two images of Joakim seem to be quite opposite. In the Book of Judith Joakim, although not a great hero, tries to defend the country, brings sacrifices and prays that God gives salvation to his people. In the 1 and 2 Maccabees Books Joakim/Alkim is a betrayer of his people, Juda's bitter enemy and accomplice in crimes of the persecutors. The authors analyse the preteritions in the Books of Maccabees, which pass over in silence certain circumstances which would disclose that there was a short period of collaboration of Juda and Alkim. The authors of the Maccabees books depict Alkim not earlier than the rupture of his 'diplomatic' relations with Juda. Around the turn of the 2-1 c. BC Hasmonean propaganda of the 1 Macc as well as the laudation of Juda in 2 Macc presented Joakim/Alkim not only as an opportunistic leader but as a murderer of the pious Jews and an insidious villain. The Book of Judith gives more sympathetic portrait of the high priest and it is likely that it was written during the period of cooperation of the priest and military leader Juda between the end of 164 and 161 B.C.

А. И. Шмаина-Великанова

**КНИГА ИУДИФИ КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ:
АНАЛИЗ ИМЕН**

Резюме. Рассматривается семантика всех вымышленных имен и главного вымышленного топонима «Ветилуя». Все персонажи оказываются символическими и за авантюрной историей о соблазнении, обмане и убийстве, а также за патриотическим «плакатом» о превосходстве иудейских женщин над языческими воителями выявляется определенный замысел. Созданный автором Книги Иудифи сложный образ города-матери, города-вдовы, города-девы объединяет требования ритуальной чистоты с парадоксальной верой в торжество слабых. Это позволяет предполагать в среде возникновения книги ту же среду, что и для Второй Маккавейской, а именно раннефарисейскую.

Ключевые слова: Книга Иудифи, Ветилуя – город-дева, город-мать, город-вдова, семантика бездетной вдовы, символические имена, их этимология, ранние фарисеи.

*Стоит, белеясь. Ветилуя
В недостижимой вышине.*

А. С. Пушкин «Когда владыка ассирийский...»

Мы хотели бы обратиться к Книге Иудифи с тем, чтобы проанализировать обнаруженные в ней вымышленные имена и другие символические детали. В работе об «Иоакиме» мы показали, что историзм Книги Иудифи кажущийся, персонажи и географические названия в значительной своей части вымышленные. Здесь мы возвращаемся к ним, чтобы выяснить «умысел этого вымысла», несомненно не развлекательный. Посмотрим, не складываются ли все эти вымышленные имена и реалии в некую цельную символическую картину и не поможет ли это сделать выводы о выраженном в символах замысле автора.

В Книге Иудифи немного имен. Все исследователи отмечают правильность и подлинность персидских имен, хотя в этой книге их носят не исторические личности. Впрочем, имя Олоферн принадлежит историческому лицу, но

совершенно иной эпохи¹. Что касается еврейских имен, то все отмечают, что говорящими являются имена «Иудифь» – «Иудейка и «Ахиор» – «Брат мой свет», но, по нашему мнению, символичны все имена и многие другие детали.

Немаловажно, что Иудифь не только своим именем обозначена как принадлежащая к народу Израиля, но снабжена самой глубокой во всей Библии родословной. Она насчитывает пятнадцать поколений (8: 1). Иудифь происходит к тому же из колена Симеона, в действительности исчезнувшего, но чье символическое присутствие объясняется непосредственно в тексте: образ воинственного предка вдохновляет Иудифь на подвиг (9: 2). Кроме того, Иудифь – дочь Мерари. Принадлежит к колону Симеона, она никак не связана с храмовым служением. Но ее отец – тезка Мерари, сына Левия, то есть первого левита. Тем самым, в ней соединяются два образа Израиля: воин и священник.

В имени же Ахиора, по нашему мнению, свернута история его обращения. Ахиор – аммонитянин, аммонитяне – потомки Лота, главные враги и ближайшие родственники, «двоюродные братья» израильтян: у Израиля, своего брата он обретет свет.

Из имен правителей города первым назван и чаще других упоминается Озия, сын Михи из колена Симеонова

Озия – частое невымышленное имя, означает «Моя Мощь Господь». Имя это носит воинственный иудейский царь, в нем самом содержится некоторая воинственность, да еще и отмечено, что он принадлежит к исчезнувшему, но отмеченному воинской доблестью колону Симеона. Это имя здесь имеет, по мнению Мура, иронический привкус (ведь Озия готов сдать город), остальные имена, как думает Мур, никакой семантической нагрузки не несут. Мы полагаем, что имя Хаврия (Χαβρις), сына Гофонила, если исходить не из греческого написания, а реконструируемого ивритского, близко имени Хеврон. Хеврон – это, во-первых, город, во-вторых – внук Левия, сын Мерари. Имя

¹ Некий военачальник Олоферн упомянут в надписи Артаксеркса III, Moore 1985: 55.

Хаврий, Hbri, вымышленное, но как существительное означает «моя община», «мои братья». Гофониил один из первых легендарных судей Израиля (Суд 3: 7–11). Хотя о нем известно немного, но само его имя связывает Книгу Иудифи с Книгой Судей, тем самым Иудифь – с Деборой и Иоилью, женщинами-воительницами (Суд гл. 4–5). Как сын Мерари Хаврий/Хеврон может находиться в каком-то, тоже символическом, родстве с Иудифью, дочерью Мерари. Третий правитель – Хармий (Χαρμῖς), сын Мельхиила. Это имя существует, так зовут одного из священников, приложивших печати к договору между Богом и Израилем (Неем 10: 5, Езд 2: 39, ср. упоминание в списке: 1 Хр 24: 8). Его имя отчетливо связано с понятием *херем* – заклятие, табу, священное. Имя его отца означает «Бог – мой царь», таким образом, его имя и отчество представляет собой цельное утверждение: «Бог царствует и ведет священную войну». Кроме того, оно близко священному топониму – горе Хермон. Таким образом, имена всех трех правителей имеют подчеркнuto мужской, священно-патриотический характер и призваны одновременно создать подходящий фон для Иудифи, дочери Мерари из колена Симеонова, с другой стороны, – оттенить ее доблесть и благочестие.

Покойный муж Иудифи – Манассия, Менаше, что означает «Успокоение», «Утешение», «Забвение». В более поздние времена муж именовался «покоем», *менуха*, для жены (Рут Зута 1:9). О том что такое представление о роли мужа для жены было традиционным, можно заключить из слов Ноемини: «Да даст вам Господь найти покой каждой в доме своего мужа!» и «Дочка, не должна ли я позаботиться о твоём покое тебе на благо?», то есть найти мужа Руфи (Книга Руфь 1: 9, ср. 3:1). Тем самым имя мужа повторяет то, что он – муж. А что он персонаж чисто вымышленный, несуществующий, выражено тем, что он происходит из исчезнувшего колена Симеонова и носит имя другого исчезнувшего колена – Манассии. Иными словами, его имя говорит о том, что Иудифь вдова: у нее был некий муж и этого мужа нет.

В целом все названные в тексте имена создают некий образ Израиля, священный, женственный или слабый и воинственный.

В отличие от имен географические названия в книге Иудифи по большей части не символичны, но указывают на общую с Маккавейскими книгами топографию (напр., Дотема, Галаад, Азот, Аскалон, Скифополь, Беторон, Иамния (Иемнаан?) и др.), что в частности служит аргументом в пользу датировки книги Маккавейским периодом или, во всяком случае, того, что автор черпал вдохновение в рассказах о походах и обороне тех же городов и деревень, о которых рассказывает история Маккавейских войн.

На этом фоне бросается в глаза название главного города, внутри и в окрестностях которого разворачивается все повествование. Это – Ветилуя (Βαιθυλοῦα, Vulg: Bethulia). Топоним вымышленный и может быть прочтен как правдоподобное географическое название, образованное по модели Бейт-лехем, Вифлеем, Бейт-эль – Вифиль и т. д. Ветилуя тогда может быть понята как Бейт-илуи, то есть «Дом Илуя». Кто такой «Илуи» неясно, фонетически тоже не до конца понятна огласовка второго слога. Однако мы предлагаем прочесть это слово слитно. И тогда оно будет выглядеть как транслитерация слова *бетула* – девственница².

Итак, даже на самом поверхностном уровне прочтения мы узнаем, что вдова Еврейка защищает город Деву, а этот город есть врата Иудеи, только овладев этой Девой, можно войти в Иудею. Поэтому в образе Иудифи есть некоторый вызов и противоречие вовсе не того свойства, которые мерещатся исследователям социально-феминистского направления. Дело не в том, что мужчины пассивны, ограничены и трусливы, а женщина изображена как стратег и бесстрашный воин (о Иудифи как образе доблести и воинского подвига см. Desilva 2006: 55-60)³, а в том, что на

² Как известно, транслитерации ивритских, арамейских и персидских слов в Книге Иудифи есть, см. Moore 1985: 66–67.

³ Хотя инверсия гендерных ролей все же бросается в глаза. Правители Ветилуи готовы отдать ее врагам, а Иудифь их стыдит.

страже этих ворот, на страже девственности страны Израиля должен находиться муж или жених. Это заставляет нас сопоставить Книгу Иудифи со 2 Маккавейской книгой. В этом, гораздо более, чем 1 Маккавейская, символическом сочинении есть знаменитая 7-я глава, описывающая мученичество семерых сыновей вдовы и ее смерть. Давно стало общим местом, что эта безымянная мать семерых безымянных сыновей символизирует город-мать Иерусалим, а сыновья – жертву детей Израиля⁴. Когда жертва матери принесена и мученической кровью искуплены грехи страны Израиля, на ее защиту поднимается тот самый муж и жених, которого мы не видим в Книге Иудифи. После рассказа о попытках начинается рассказ о восстании под руководством Иуды Маккавея, чье имя – мужской коррелят к Иудифи. Позволительно и в самом имени «Иудифь» усмотреть указание на Иуду Маккавея, поскольку до нашей героини никто в иудейской традиции такого имени не носил, в то время, как имя «Иуда» одно из самых частых в истории. Нам представляется возможным, что за этой последовательностью жертва-очищение от осквернения-победа стоит раннефарисейская концепция общая для 2 Маккавейской и Книги Иудифи.⁵

Самые разные исследователи строили самые разные предположения об идейной направленности Книги Иудифи. Приведем по одному имени на каждую гипотезу: хази-

Грозный воин Олоферн обольщен, но засыпает в ее присутствии и погибает от ее руки. Даже герой в высшей степени положительный – Ахиор ведет себя несколько по-женски: увидев в руках Иудифи отрубленную голову Олоферна, он падает в обморок, затем кланяется Иудифи в землю, чего не делает в Библии ни один мужчина ни перед одной женщиной, и, наконец, убежденный подвигом Иудифи, обращается в ее веру.

⁴ Сам образ Иерусалима как матери семерых сыновей библейский, он присутствует в молитве матери Самуила в 1 Цар 2:9, в Книге Иеремии 15: 9, отсылка к этому устойчивому образу есть и в Книге Руфи 4: 16. Что же касается Иерусалима или Сиона как матери, то библейских примеров можно привести десятки.

⁵ См. о концепциях ранних фарисеев, например, ABD 1992: s.v. Pharisees (p. 291–292).

ды (Baslez 2004: 362–76), фарисеи (Moore 1985: 70–71), саддукеи (Rosca 2005: 85–98), ессеи (Philonenko 1996: 1139–53).

В целом мы присоединяемся к гипотезе Мура, который датирует Книгу Иудифи последними годами Гиркана – 106–103 гг. до н. э. Нам представляется все же, что говорить о фарисеях как об оформившемся движении в эпоху создания Книги Иудифи преждевременно, но можно говорить о протофарисеях или раннефарисейских настроениях, тем более, что мы склоняемся к датировке еще более ранней. Поскольку фарисеи в той или иной степени не только объявляли себя наследниками благочестивых «хасидеев» протохасмонеийского периода, но и были ими, это предположение избавляет нас от необходимости столь точной датировки. Некоторую непрерывность этой традиции можно усмотреть с собственно Маккавейских времен по время разрушения храма.

То, что Бог спасает Израиль, когда тот ему верен, говорят со всей прямотой и пророки, эта же мысль о зависимости счастья и процветания Израиля от послушания и верности Богу Израиля составляет основную историософскую концепцию всей девтеронормической истории от Книги Бытия до 4-й книги Царств. Поэтому в аналогичной убежденности Иудифи и Ахиора нет ничего протофарисейского. Предположение о раннефарисейских настроениях возникает в связи с ролью, которую играют в Книге Иудифи (и в меньшей мере, но также и во 2-й Маккавейской) понятия осквернения и очищения.

Иудифь втолковывает Олоферну, что Бог не поможет народу Израиля, если тот будет осквернен, а ей поможет, поскольку она избегает того осквернения, к которому будут принуждены жители осажденной Ветилуи.

Про Иуду говорится, что он ушел от осквернения в пустыню (2 Макк 5: 27), а Иерусалим, оскверненный идолослужением, очищен жертвой мучеников (2 Макк 7: 37–38). Вводя Иуду в повествование, автор 2 Маккавейской подчеркивает его стремление любой ценой соблюсти ритуальную чистоту. Само по себе это не обязывает нас видеть здесь фарисейские убеждения, поскольку Иуда священник. Однако и Иудифь совершает то, чего никакое благочестие не может потребовать от женщины: живет в шатре на

крыше, отделенная ото всех, не выходит снова замуж, как священник, если жена умерла, ест только чистую пищу, даже в стане врагов, и даже там ежедневно молится и совершает омовение. Подчеркивание роли ритуальной чистоты принимает гипертрофированные формы, когда Иудифь на пиру Олоферна, наедине с ним, в процессе соблазна, ест и пьет только то, что приготовила ее служанка (12: 19). Бог вознаграждает ее свехсердие тем, что страстно влюбленный в нее Олоферн напивается и засыпает (12: 16–12: 20). Автор готов пойти на литературное неправдоподобие, он создает условный образ иудейки *par excellence*, непохожей на сложные и не стерилизованные образы героинь Книги Судей, ради того, чтобы высказать веру первых фарисеев в ритуальную чистоту как самое надежное средство спасения. Итак, мы видим во 2 Маккавейской и в Книге Иудифи некое единое представление о связи неосквернения и искупления осквернения и помощи Бога (см. Моогэ 1985: 61–63). Так благодаря неоскверненности и искуплению осквернения других непобедим Иуда – защитник родины-матери, непобедима и Иудифь – сама эта родина-мать, защищающая своих детей.

В торжествующей песне она говорит о своих детях, весь Израиль – ее дети. Скорее всего эти же представления разделяет и автор Книги Варуха. В этой книге изгнанники надеются, что их щедрые жертвоприношения и их угнетенное состояние в плену послужит искуплением и достаточным основанием для возрождения храма, Иерусалима и страны Израиля.

Однако в фигуре Иудифи есть некоторая странность и мифологическая и религиозная. Библия знает город как деву, как деву-мать и как мать-вдову. Асенет в апокрифе дева-мать: она сказочная дева-башня, дева-храм, ее сын – одно из самых многолюдных колен Израиля – Ефрем, и одновременно она является городом-матерью для всех обратившихся. Вдова с детьми изображается не только во 2 Маккавейской книге, но и в Книге Варуха. Персонифицированный Иерусалим – мать и вдова (гл. 4 и 5), появляется сначала как вдова, видевшая плен и смерть детей (4: 10–20), затем как мать, чающая возрождения и возвращения детей (4: 30–5: 9). Но бездетная вдова, как Иудифь, как с точки

зрения библейского, нацеленного на будущее богословия, так и с точки зрения мифологической семантики плодородия, может быть, только проклятой или безмерно несчастной. О Иудифи «вдова» говорится постоянно⁶. Иудифь сама называет себя вдовой в самый важный момент, когда она молит Бога помочь ее «вдовой руке» осуществить ее замысел (9: 9). Невозможно предположить, что автор Книги Иудифь не сознавал этой стороны образа бездетной вдовы Иудифи, напротив, он создавал именно такой образ. Мы полагаем, что многократно заклеимленный «воинствующий партикуляризм» Книги Иудифи далеко не так однозначен, как кажется. Дело в том, что у Иудифи есть дети, только они приемные. Весь народ – ее дети, вся страна, как у Деборы, о которой говорится, что она была женой, но ни слова не говорится о ее детях: она – мать Израиля (Суд 5: 7). Если мы сравним Песнь Иудифи с Песнею персонифицированного Иерусалима в Книге Варуха, мы увидим, что Иудифь точно так же обращается к детям, точно так же, подобно символической столице, плачущей и радующейся о своих настоящих детях, настоящая Иудифь плачет⁷ и радуется⁸ о своих символических детях. Итак, для того-то она и бездетная вдова, отказывающаяся выходить замуж, что она царь-девица, всепобеждающая дева-воительница и в этом качестве символизирует, как и Иуда Маккавей, торжество страны Израиля над всеми врагами; и одновременно она символизирует страну Израиля как самую малую угнетенную и страждущую, которой не на кого надеяться, кроме Бога, «спасителя безнадешных», как она называет его в молитве (9: 11). В таком

⁶ См. 8: 4, 5, 6; 9: 4, 9; 10: 3; 16: 7. Кроме того, говорится о том, что оставил ей покойный муж (8:7), и об одеждах, которые она носила, когда жив был Манассия (10: 3), о том, что Иудифь жила одиноко после смерти своего мужа и была похоронена в склепе своего мужа (16: 22).

⁷ 16: 4: «Асур сказал, что пределы мои сожжет, юношей моих мечом истребит, грудных младенцев бросит о землю, малых детей моих отдаст на расхищение, дев моих пленит».

⁸ 16: 11: «Тогда воскликнули смиренные мои и враги испугались, немощные мои – и враги пришли в смущение».

случае Иудифь оказывается подобием Израиля из одного из самых таинственных библейских обетований: «Возвеселись неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, немучавшаяся родами; потому что у оставленной гораздо больше детей, нежели у имеющей мужа, говорит Господь» (Исайя 54: 1). Образ безмужной и бездетной страдающей женщины, оказывающейся парадоксально плодоносной, связывает Иудифь/Иудею с образом униженного и замученного Раба Господня у того же Второисаии и имеет мессианский подтекст.

Помимо имен и названий, в наличии в Книге Иудифи фарисейских настроений нас убеждает обнаруживаемая нами числовая символика. Увлеченность гематрией, то есть подсчетами всякого рода в священных текстах, а также подсчетами «слов», то есть числовыми значениями букв, отличает фарисейскую традицию на всех этапах, начиная с почитаемых фарисеями апокрифов (например, Книга Юбилеев, III–II в. до н.э.) и кончая уже собственно раввинистической литературой.

Посмотрим на немногие числа, встречающиеся в Книге Иудифи. Жители Ветилуи приходят в отчаяние на 34-й день осады (7: 19). Озия уговаривает их потерпеть 5 дней (7: 30). Итак, спасение должно придти к ним на 39-й день. Во-первых, 39, 40 без одного, представляет собой число важное для иудейской традиции: 40 ударов без одного – это наказание для осквернившегося и возвращающегося к храмовой религии иудея⁹. Тем самым Ветилуя проходит такое покаяние. Помимо этого, по гематрическому правилу, сложив все упоминающиеся в гл. 7 цифры: 3, 4, 5, мы получаем 12 – число, символизирующее Израиль в целом и чаемую полноту времен. Про Иудифь мы узнаем, что она вдовует три года и четыре месяца (8: 4), что при сложении дает 7 и сообщает снова о том, что она вдовела всю свою «неделю», всю свою жизнь (16: 22). Эту жизнь Иудифь оканчивает на сто пятом году (16: 23). Что выглядит странно и «не кругло»: пяти лет ей не хватает до полноты

⁹ См. Втор. 25: 3, 2 Кор. 11: 24, Мишна тр. Маккот 3: 12–13, Мишна тр. Назикин 4: 3, Сифрей Втор. 23: 8

дней Иакова и целых пятнадцати до ста двадцати из иудейского благопожелания. Однако такие неожиданности странны только на первый взгляд. Например, Товия умер ста пятидесяти восьми лет (Тов 14: 11), но гематрия этого числа составляет слово «Машиах» (Мессия). Возвращаясь к Иудифи, мы обнаруживаем другой не менее известный иудейских герменевтический принцип: зашифрованную отсылку к другому библейскому тексту. Скорее всего срок ее жизни указывает на 105-й псалом. Этот псалом достаточно уникален по своему содержанию, он излагает краткую историю Завета между Богом и Израилем и составляет, на наш взгляд, прямую аналогию речи Ахиора (5: 5–21) и речи Иудифи перед Олоферном (11: 9–11). В псалме, как и в речи, описывается история Завета и делается тот же вывод о непосредственной связи между исполнением Израилем Божьей правды и его безопасностью.

Анализ имен и других деталей Книги Иудифи приводит нас к выводу, что она представляет собой не маленький исторический роман и не военно-патриотическую «агитку», но символическую повесть с достаточно сложным богословским заданием. Это задание отвечает и убеждениям автора 2-й Маккавейской книги. Тем самым, можно предположить, что независимо от датировки того и другого сочинения оба они выражают раннефарисейское понимание Маккавейской эпохи.

Литература

- ABD 1992 – The Anchor Bible Dictionary. David Noel Freedman (Editor-in-Chief). New York; London; Toronto; Sydney; Auckland: Doubleday. Vol. 1–6.
- Baslez 2004 – Baslez M.-F. 'Polémologie et histoire dans le livre de Judith', RB 111. P. 362-76.
- Moore 1985 – Moore C. A. Judith. A new translation with introduction and commentary. New York. (AB, 40; New York: Doubleday).
- Rocca 2005 – Rocca S. The Book of Judith, Queen Sholomzion and King Tigranes of Armenia: A Sadducee Appraisal // *Materia Giudaica*. Vol. 10.
- Philonenko 1996 – Philonenko M. L'origine essénienne du livre de Judith // *Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres*. P. 1139–53 (возражения А. Caquot: 1153–56).

Summary

The paper analyses all the fictional names of the Book of Judith and the name of the city Bethulia. The suggested meaning of its Hebrew original is *betulā* – virgin. All the characters are symbolic and consciously pseudo-historical. The system of symbolic names discloses the author's message. It is not just patriotic laudation of Jewish woman and her superiority against the pagan military leader. The author studies images of mother-city, virgin-city and widow-city, an unusual image of childless widow and brings into correlation the exaggerated requirements of the ritual chastity with the paradoxical believe in the triumph of the most weak and poor. The concept of the Book of Judith discloses itself as work from the circles of the early Pharisees.

I. Yakubovich

INDO-EUROPEAN *MĀ 'TO GROW'

Резюме. В настоящей статье обосновывается реконструкция нового праиндоевропейского глагольного корня *mā 'расти'. Реконструкция произведена на основании сравнения трех групп лексем, рассматривавшихся как этимологически несвязанные в предшествующей научной литературе. К рефлексам реконструированного глагола относятся восточноиранские глагольные основы со значением 'быть, становиться' (напр. хотано-сакское *hātā-* и тумшукско-сакское *ratu-*), хеттское *māi-* / *miya*^{-hi} 'расти', латинское *mātūrus* 'зрелый' и русское *матёрый*.

Ключевые слова: индоевропеистика, этимология, семантическая реконструкция, иранистика, анатолистика, согдийский, хеттский, латинский, старославянский.

The purpose of this paper is to argue for the existence of a previously unrecognized Proto-Indo-European verbal root by comparing three groups of forms that were commonly regarded as etymologically unrelated.¹ The reflexes of Indo-European *mā 'to grow' are preserved as finite verbal forms in Iranian (*mā 'to become, be') and Anatolian (Hitt. *māi-* / *miya*^{-hi} 'to grow'), and as adjectival derivatives in Slavic and Italic (Russian *матёрый* and Latin *mātūrus* 'full-grown').²

¹ This paper benefited from the discussion with Dzhoy I. Edelman (Moscow), H. Craig Melchert (UCLA) and Nicholas Sims-Williams (Cambridge, UK), as well as the interaction with the audience of the 21st UCLA Indo-European Conference (2009), where its content was first presented. I am also grateful to Pavel Basharin (Moscow), Benjamin Fortson (Ann Arbor) and Alexei Kassian (Moscow) for their bibliographic help and to Douglas Hitch (Whitehorse, Canada), who took pains to improve the style of this contribution. All the shortcomings are mine alone.

² This paper is written in the non-laryngealist framework. Consequently, I use the reconstructions *mā and not ***meh*₂ 'to grow', *mē and not ***meh*₁ 'to measure' etc., unless I cite the works belonging to the followers of the traditional Laryngeal Theory. I would like, however, to stress the fact that the choice of notation does not impact

1. Iranian. The starting point of my analysis is the East Iranian verbal root reconstructed as **maH* ‘to be, become’ in Cheung 2007: 257. The reflexes of this root cited in Cheung’s dictionary include Khotanese *hämä-* (**fra+mā-*) ‘to become, be’, Sogdian suppletive past stems *m’t* and *wm’t* (**wi+mā-*) ‘to be, remain’, Yazghulami *mi-/mad* ‘to be’, Wakhi *wmby-/ wmyt* (**ā+mā-*) ‘to be’, used in modal forms, and Yidgha *fərmē* (**fra+mā-*), glossed by Morgenstierne through Persian *bāšad*, the present subjunctive form of *budan* ‘to be’. To this one can add a few more forms. Hitch (1992: 93 with fn. 6) plausibly compares Khotanese *hämä-* with Tumshuqese *ramy-* ‘to be, become’, both presumably derived from the same prefixed variant (**fra+mā-*).³ I further suggest that Sogd. *’mt(’)yc* ‘true’ with its derivatives (Gharib 1995, #171–2, 174–6) is ultimately derived from the past stem of **ā+mā-* with the same semantic change that one can observe in English *sooth* ‘true, truth’ < IE **(v)sont-* ‘being’. The same root etymology can be suggested for Sogd. *’mnk* ‘truth’ < Ir. **ā-mā-na-ka-* (Gharib 1995, #164–5).⁴

The etymological dictionaries available to date mention a variety of unsustainable hypotheses regarding the Indo-European origin of Ir. **mā* ‘to be, become’ or its reflexes in individual daughter languages. Bailey (1979: 483a) attempts to

my etymological conclusions. Those, who prefer the laryngealist reconstructions, will have no difficulties performing the appropriate mechanical substitutions.

³ Hitch (ibid.) suggests including Avestan **frā+m(ā)y-* ‘to turn into’ into the same family of cognates. However, pace Bartholomae (1904: 1166), Av. *framita-* may mean not ‘turned into’ but ‘appeared’ and represent an intransitive match to Av. *ā-maii-* ‘to show’. If so, it can be linked to the Indo-European verbal root **mā* ‘to show, give sign’ (Rix 2001: 425; *meh₂*). This root has other likely derivatives in Iranian, notably Manichaean Middle Persian *nm’y-* ‘to show’. Regrettably, the Iranian reflexes of IE **mā* ‘to show, give sign’ are commonly lumped together with those of IE **mē* ‘to measure’ (e.g. in Rix 2001, 424–25 and Cheung 2007: 254–57).

⁴ N. Sims-Williams (pers. comm.) informs me that Sogd. *’mtk*, cited in Cheung 2007: 257 as a derivative of *’m-* ‘to come to’ < **ā+mā-*, is apparently extracted from the outdated glossary Reichelt 1931: 46. This word is now recognized as meaning ‘ready’ and should be treated together with the other spellings of the same lexeme, which is ultimately derived from IE **mē* ‘to measure’ (Cheung 2007: 255–56).

reconstruct Khotanese *hämä-* as **ham+i-*, deriving it from Ir. **ai* 'to go' and citing Persian *šudan* 'to become' < Middle Persian *šudan* 'to go' as a typological parallel. Steblin-Kamenskij (Стеблин-Каменский 1999: 455) favorably cites the suggestion of Szemerényi (1971: 517), who connects Sogd. (*w*)*m't* and its cognates with Indo-European **men* 'to remain' (Rix 2001: 437). As a less likely alternative, he mentions Sokolova's opinion that the same Iranian root is to be reconstructed as **mai/mi* 'to be' (Соколова 1973: 23). Cheung 2007 does not offer a new Indo-European etymology for the root under discussion, but mentions the same suggestions by Sokolova and Szemerényi, indicating that the last one is "morphologically difficult". At the same time, he adduces a possible parallel to the semantic development postulated by Szemerényi, namely Tocharian A/B *māsk-* < **mṅ-skē-* 'to be (located)', which is derived from the same IE **men* 'to remain'. It is appropriate to address these suggestions before embarking upon what is considered here as the correct etymology of Ir. **mā* 'to become'.

Bailey's hypothesis is contradicted by the data collected in the same lexical entry. The attempt to deny the connection between the synonymous Saka verbs, Khot. *hämä-* and Tumsh. *ramy-* 'to become, be', which are both amenable to the reconstruction of **mā* with the same historical prefix **fra-*, appears to be strictly *ad hoc*.⁵ The genetic relationship between Khot. *hämä-* and Wakhi *ытыу-/ытыт*, which Bailey accepts, is incompatible with his reconstruction *hämä-* < **ham+i-*, since Wakhi *ы* represents a regular outcome of Ir. **ā* (Стеблин-Каменский 1999: 56-7). The semantically vague comparison between Sogdian *wm't* 'was' and Parthian *wm'y-/wm'd* 'to experience, endure', which Bailey (1979: 87a) uses in order to separate the Sogdian form from Khot. *hämä-*, was shown to be non-compelling already in Szemerényi 1971.

⁵ Douglas Hitch (pers. comm.) indicates that although much is not understood about Tumshuqese phonology, Tumsh. *ramy-*, consistently written with the *Fremdzeichen ra*, could plausibly represent /rəmi-/.

The etymology involving IE **men-* ‘to remain’ is largely based upon the Sogdian data. Already Benveniste (1929: 13) noticed that the present stem *m(‘)yn-* ‘remain, be’ < Ir. **mānaya-* belonged to the same paradigm as the past stem *(w)m’t* in Sogdian. This observation can be confirmed through the analysis of the paraphrase in the Sogdian Marriage Contract (Yakubovich 2006). The clause Nov. 3 rev. 2-4 in the main text of the agreement *rtmms kδ ZNH ctyH ZNH m’ny w’n’kw β’ty ZY ‘M ‘wttkyn pr’yw wδwH L’ my-n’tk’m* ‘And if it comes to mind to Chat that she will not remain with Ot-tegin...’ is rephrased in Ot-tegin’s guarantee letter as Nov. 4 obv. 15-16 *rtms ‘cw ‘m’y ctyH δ’m’k ‘pr’yw’ L’ nm’t m’t* ‘And if it is not agreeable for Chat to remain with me...’, where the infinitive *m’t* is regularly derived from the past stem. Benveniste, however, did not claim that these two paradigmatically related forms are also genetically related. Szemerényi formulated the diachronic hypothesis much later: “This usage points the way to the correct understanding of *wimāt-*: *-mā-* is not the stem **māy-* but the nil grade of *man-* ‘wait, stay’. The proper verbal adjective would, of course, have been **mata-*, since **man-* is an *aniṭ*-root. But this would have been identical with PPP of **man-* ‘think’. No wonder that a way out was sought by following such models as *zan-/zāta-* ‘born’” (Szemerényi 1971: 517).

Szemerényi’s etymology, ingenious as it is at the first glance, remains an artificial construct. Given the widespread character of **mā-* in East Iranian, one would expect that the paradigmatic association of this alleged secondary stem with the reflexes of IE **men-* ‘to remain’ would also be common. Yet, Khotanese, at least, shows the clear formal and semantic contrast between *hāmā-* ‘to become, be’ (Emmerick 1968: 152) and *māñ-* ‘to remain’ (Emmerick 1968: 109), both of which are endowed with full paradigms, while the Wakhi and Yazghulami languages display full paradigms of the reflexes of **mā-*. The unique merger of the two genetically unrelated verbs into a single paradigm in Sogdian apparently went hand in hand with the unique semantic change. Sogdian *m’t* can mean ‘to remain’, as in the example cited above, while Sogdian *m(‘)yn-* can mean ‘to be’, as in SCE 255-7 *xwnx ZKZY βγnptw mynt PZY ‘ny’ mrtxm’k w’n’kw ywct PZYn ptxwy’yn’k βwt PZYn ‘wzy’n wn’nt* ‘one who is a priest so as to teach other people to

act as butchers and to slaughter animals...’ (MacKenzie 1970). No parallel semantic shift can be observed elsewhere in Iranian. Neither can one claim that the proportional analogy based on *zan-/ zāta- is limited to the Sogdian language. In Sogdian, this verb had been itself complexly remodeled in to yield the pair of zan-/ zand- ‘to give birth, to be born’ and āžay-/ āžit- ‘to be born’ and therefore could not trigger the remodeling of other verbs. To this one can add that the preterit form *w-m’t* is considerably more frequent than the simplex *m’t*, but the matching present stem ***w-m()*yn- is not attested in Sogdian.

The only argument in favor of Sokolova’s reconstruction **mai/mi* is the presence of *i/y* in the present stems of Tumshuqese, Wakhi and Yazghulami forms. There are, however, no reasons to think that this element historically belongs to the root and not to the suffix. On the other hand, the past stem forms, Sogd. (*w*)*m’t* and Wakhi *ymyt*, plead for reconstructing the Iranian past participle **māta-*. It is probably true that the Iranian high vowels yielded Yazghulami *a* in some verbal past stems, perhaps due to the exceptional generalization of the historical feminine participle with *a*-umlaut, as in Yazgh. *vad* ‘was’ < Ir. **būtā* (f.) (Эдельман 1987: 393).⁶ Accordingly, one could venture the reconstruction Yazgh. *mad* < Ir. **mitā* (f.). Nevertheless, since Yazgh. *mad* is the normal outcome of Ir. **māta-*, one should give preference to this reconstruction, which does not assume an exceptional pattern of analogical leveling.⁷ The present stem of Ir. **mā* ‘to

⁶ Alternatively, the vocalization of Yazgh. *vad* instead of the expected **vod* is due to the analogical influence of **mad* (Эдельман 1987: 358-9). With regard to the etymology of *mad*, Edelman (ibid.) follows Szemerényi’s idea, deriving this stem from the Indo-Iranian **man* ‘to remain’. She does not, however, explain the formation of the corresponding present stem *mi-* in Yazghulami.

⁷ Even if one accepts **m(a)i-* as the Pre-Yazghulami reconstruction of the verb ‘to be’, it would be possible to analyze this root as a result of language-internal restructuring of Ir. **mā*. Compare the Yazghulami transitive stems *γay-* / *γēd* ‘*futuere*’ < Ir. **gā* ‘to go in’, *pay-* / *payd* ‘to herd’ < Ir. **pā* ‘to herd, protect’, *zənay-* / *zəned* ‘to wash’ < Ir. **snā* ‘to swim’ etc. All these stems display the reanalysis of the suffixal *-y-* as part of the root.

become' is to be reconstructed as **mā-ya-* (Wakhi *ымыы-* < **ā-mā-ya-*). Its likely dialectal restructuring to **m(i)-ya-* (Yazgh. *mi-*, Tumsh. *ramy-* < **fra-m(i)-ya-*) could be based on the productive Indo-Iranian pattern of intransitive present stems in **-ya-* appended to the zero grade of the root.

2. Anatolian. The Hittite verbal stem *māi-* / *miya*^{hi} 'to grow' (act.), 'to be born' (med.) is well attested both directly, through finite forms, and indirectly, through numerous nominal derivatives, e.g. LÚ *mayas* 'adult person (?)', *miyātar* 'growth, abundance', and *amiyant-* 'small' (Kloekhorst 2008: 172, 540-41). The derived adjective ^{LÚ}*mayant-* 'grown-up, adult' is recorded in both Hittite and Palaic texts (Kloekhorst 2008: 542), while the historical participle *miyanti-* is attested in the Iron Age Luvian inscription of KARATEPE with the meaning 'long' (Tischler 1990: 91). In addition, Luvian features the abstract noun *mashāhit-* 'growth, prosperity', attested in cuneiform transmission, and the denominative verb *mashani-* 'to make grow', known from the Iron Age Luvian inscription SULTANHAN (Tischler 1990: 91, Kloekhorst 2008: 541). The last two forms are presumably derived from *masha-* 'growth', which in turn represents a verbal noun endowed with the productive suffix *-sha-* (Starke 1979). This noun either reflects a contraction of the earlier *maya-sha-* or is derived directly from **ma*, the Pre-Luvian shape of the root 'to grow'.

Although this cluster of Anatolian cognates is much better known to Indo-Europeanists than the East Iranian forms discussed in the previous section, it also lacks a commonly accepted Indo-European etymology. The range of opinions on the origins of Hitt. *māi-* / *miya*^{hi} is presented in Tischler 1990: 92-94. The most popular hypothesis, explicated in Oettinger 1979: 471, connects it with Hitt. *mīu-* 'soft' and Lat. *mītis* 'soft, ripe'. This would imply that the palatal glide was the organic part of the root, which can be accordingly reconstructed as *meiH* (Rix 2001: 428). Kloekhorst (2008: 541) justly criticizes this etymology as semantically rather vague, upholding instead the connection between Hitt. *māi-* / *miya*^{hi} and Old Irish *már*, *már*, Middle Welsh *mawr* 'large', with the comparatives Gothic *mais*, Old High German *mēro* 'more'. While Kloekhorst's alternative is superior from the semantic

viewpoint, his reconstruction *meh₂ (=mā) 'big, much' runs into serious formal problems. The Celtic and Germanic forms cited in his dictionary were taken with good reason as belonging to the family of IE *mē-ro- ~ *mō-ro- 'great' (Pokorny 1959: 704, cf. Matasović 2009: 258).⁸ The semantically unconvincing attempts to link the Hittite root with IE. *mē 'to measure', *mā- 'good, timely', or *mei 'to move' have enjoyed less following among scholars in the recent years.

I propose that Hitt. *māi-* / *miya*^{-hi} 'to grow' is cognate with Ir. *mā 'to become'. The natural semantic change 'to grow' > 'to become' can be illustrated through the English phrase *to grow strong / tired / stale / irritated / anxious / more beautiful* etc. Such forms as Gk. φύεσθαι 'to grow' or Russ. *обыльё* 'grass' demonstrate that the polysemy 'to grow ~ to become' can be reconstructed for the Indo-European verb *bhū (Rix 2001: 98–101; *b^hueh₂). The formal side of the proposed comparison is likewise unproblematic once we accept the analysis of *māi-* / *miya*^{-hi} as a reflex of the Early Indo-European (Indo-Anatolian) *i*-presents reconstructed in Jasanoff 2003: 91–127.⁹ This morphological category was productive in Anatolian, where it could extend itself even to the verbs that have no traces of it in "classical" Indo-European, notably Hitt. *dāi-* / *tiya*^{-hi} 'to put' ~ IE. *dhē 'id.' (cf. Jasanoff 2003: 98). But in the case of Hitt. *māi-* / *miya*^{-hi} it remains likely that this stem actually continues an

⁸ It is true that the adjectives cited in Kloekhorst 2008: 541 are ambiguous with respect to their vocalism, but their reconstruction with the second laryngeal or *ā would force one to ignore their obvious connection with the second component of Greek ἐγγεσίμωρος 'famous with spear' and related forms, and especially with the personal names in *-mēro-, such as Old High German *Walde-mar* or Old Russian *Владу-мъръв* 'famous through power'. At the same time, the traditional reconstruction *mēro- ~ *mōro- 'great' is also somewhat problematic, because the ablaut in a thematic adjective is not expected.

⁹ While Jasanoff (2003: 94) hesitated to reconstruct the *i*-present for this particular verbal root, this was solely due to the lack of etymological comparanda at his disposal. The proposed etymology strengthens Jasanoff's overall argument for the reconstruction of *i*-presents in Anatolian. In his notation, Hitt. *māi-* / *miya*^{-hi} can be reconstructed as *moh₂-i- / *mlh₂-i-

Indo-Anatolian *i*-present. We have seen in Section 1 that all the East Iranian languages forming the present stems from *mā* ‘to become’ contain traces of the **-ya-* suffix, which is the expected outcome of the Indo-Anatolian the present marker **-i-* in Indo-Iranian.

The proposed binary comparison between Iranian and Anatolian is not conducive to determining the original vocalism of the reconstructed root. In Iranian, long non-high vowels naturally all fall together, while Hitt. *māi* features the root in the historical apophonic *o*-grade, where the difference between the morphophonemes {ā}, {ē}, and {ō} is likewise neutralized.¹⁰ Consequently, it could be possible in principle to assume the reconstruction **mē* ‘to grow’, thus reconciling the new proposal with the alleged nominal cognates *māi-* / *miya*-^{hi} offered in Kloekhorst 2008. I will argue, however, in the following section that there is a better match to the Iranian and Anatolian verbs, which supports the reconstruction of their root as **mā*.

3. Latin and Slavic. The latest etymological dictionary of the Latin language connects Lat. *mātūrus* ‘ripe, full-grown’ with Lat. *Mātūta* ‘the goddess of Dawn’, and *mātūtīnus* ‘of early morning’ (de Vaan 2008: 367). The lexemes that are commonly adduced as further cognates of this group include Lat. *māne* ‘early, in the morning’, *mānus* ‘good’, and Celt. **māti-* ‘good’ yielding Old Irish *maith*, Middle Welsh *mad*, and Middle Breton *mat* (Pokorny 1949: 693). Heiner Eichner rounded up this etymological nest by adducing Hitt. *mēhur* ‘time’ and claimed that all the nominal forms cited above are derived from IE **meh₂* ‘to be timely’, the finite forms of which have all been lost (Eichner 1973, see especially p. 65).

This construct, in my opinion, is prone to deconstruction. The concept ‘to be timely’ is not frequently expressed through

¹⁰ For this phonetic environment, my observation can be also reformulated in laryngealist terms as the neutralization of opposition between **oh₁*, **oh₂*, and **oh₃*. According to “Pinault’s Law”, all the three laryngeals are expected to disappear before **y* already in the proto-language.

a special finite verb, definitely not in the Indo-European language family. Furthermore, the comparison between Lat. *mānus* 'good' and *māne* 'early, in the morning' does not require deep semantic reconstruction: the same meaning shift is still transparent in modern French *de bonne heure* 'early in the morning'. In a similar fashion one also can account for the semantic difference between Celt. **māti-* and Lat. *Mātūta*, *mātūtīnus*. All these lexemes appear to contain an Italo-Celtic root with the basic meaning 'good' and of uncertain origin.

The etymology of Hitt. *mēhur* 'time' represents a notorious point of contention among Indo-Europeanists and Hittitologists, but the difference in root vocalism complicates its comparison with the other lexemes adduced in Eichner 1973.¹¹ I believe that Hitt. *mēhur* is not to be disconnected from Hitt. *mē(y)an-* 'range (of the year), extent', therefore I accept the derivation of both nouns from IE **mē* 'to measure'.¹² A different explanation of *mēhur* is offered in Kloekhorst 2008: 568, but it is likewise incompatible with Eichner's proposal. Note also that *mēhur* is not mentioned among the cognates of Celt. *mati-* 'good' in the latest Celtic etymological dictionary (Matasović 2009: 259–60).

We are left with Lat. *mātūrus* 'ripe, full-grown'. It was sporadically compared in the past with Hitt. *māi-* / *miya*^{-hi} 'to grow' (references in Tischler 1990: 93), but invariably in association with the Italo-Celtic words for 'good' and 'early', which did not add credence to these suggestions. Once we attach the Hittite verb to Lat. *mātūrus* alone, the semantic

¹¹ Eichner himself justifies his comparison by reconstructing the acrostatic ablaut **mēh₂-ur* / **meh₂-un-os* and assuming the special development $\bar{e}h_2 > \bar{e}$, as opposed to $\bar{e}h_2 > \bar{a}$. The validity of the last hypothesis, known as "Eichner's Law" represents another major point of disagreement among the Indo-Europeanists. But even if one accepts "Eichner's Law", it is clear that the reconstruction of a synchronically unattested morphological alternation weakens this particular etymology.

¹² In my opinion, [h] in Hitt. *mēhur* represents not a special reflex of the "first laryngeal", but rather a hiatus-breaker (similarly Cowgill 1979: 27–8 fn.8 and Lehrman 1998: 214, fn. 13). This etymology requires further discussion.

problems are all eliminated. The secondary influence of the Latin words for 'early' as a folk etymology can, however, be seen in the second meaning of *mātūrus* 'early, precocious' (cf. the semantic discussion in Ernout and Meillet 1967: 391a) and perhaps in the basic meaning of the adverb *mātūrē* 'at the proper time, early, quickly', if not derived through the metaphor "when time is ripe".

This does not, however, solve morphological problems. The Latin suffix *-tūrus* is the synchronic marker of future active participles. If Lat. *mātūrus* 'ripe, full-grown' had been formed from **mā* 'to grow' according to the standard pattern, one would expect it to mean "one that has to grow", i.e. 'young'. One way to get around this difficulty would be to assume that *mātūrus* is older than the other Latin adjectives provided with the same suffix, and may even have served as their formal model. This was, in fact, the scenario entertained in Fortson 2007: 88, where *mātūrus* is analyzed as the **-ro-*adjective derived from **mātū*, the instrumental case of the verbal noun **mātu-*. Under my reconstruction of **mā* 'to grow', **mātu-* could be translated as 'growth, stature', while *mātūrus* would mean "provided with stature", i.e. 'grown up'.

Yet comparative data plead for a different solution. The Slavic cluster of cognates that includes Russian *матёрый*, Ukrainian *мáтерпий* 'full-grown', Old Church Slavic *матерьство* 'πρεσβείον', Church Slavic *матерь*, *маторь* 'old', Slovenian *matór* 'elderly', Bulgarian *мáмор* 'firm, full-grown, old' etc. can be reconstructed as **matorŭ*. The suffixal *e-*vocalism in some Slavic forms may reflect a contamination with the word for 'mother', an obvious folk etymology for this group, which is nonetheless reflected in some serious etymological works. One cannot agree more with Dercksen (2008: 304), who indicates that Lat. *mātūrus* 'full-grown, ripe' is the best candidate for an external lexical cognate of Slavic adjectives, even though their suffixes do not exactly match. The suffix of Slav. **ma-torь*, unlike that of Lat. *mā-tūrus*, is synchronically unproductive and therefore must be regarded as more ancient. Presumably, the *ū* vocalism was introduced

into the Latin adjective under the double pressure of the common suffix *-tūrus* and words such as *Mātūta*, *mātūtīnus* that were falsely perceived as its cognates.¹³

Given that Slav. **ko-torv* 'which of the two' corresponds to Gk. *πότερος* and Ved. *katarás* 'id.' (the last one without the effect of Brugmann's Law), the suffix of Slav. **ma-torv* can likewise be identified with the IE **-tero-* signifying a choice between two alternatives. Thus the original dichotomy reflected in Slavic **ma-torv* and Italic **mā-tero-* could be "more grown", as opposed to "less grown, young", but the polar semantic nuance might undergo bleaching already in Proto-Indo-European. It is not quite clear whether this polar adjective could be derived directly from the verbal stem or the derivation went through a verbal noun. Whatever the derivation, it should have been similar to that of Gk. *φέτερος* 'better, best', which is related in some way to *φέρειν* 'to carry' (for discussion, see Chantraine 1980: 1188–89).

The comparison of the Iranian and Anatolian verbal roots with **mā-tero-* 'full-grown' precludes their comparison with **mēro-/mōro-* 'large, great' for phonetic reasons and *vice versa*. Two considerations support the first alternative. First, the semantics of **mā-tero-* speaks for its deverbal character, while an adjective with the meaning 'large' is more likely to be primary. Second, the reflexes of **mēro-/mōro-* 'large, great' are associated with the contiguous area stretching from the northwest to the southeast of Europe and may well represent a regional term spreading by way of language contact. By contrast, a lexeme confined to Slavic and Italic is expected to reflect an Indo-European linguistic archaism. On the basis of these two arguments, I prefer to keep **mēro-/mōro-* out of the picture and reconstruct the verbal root treated in the present paper as **mā*.

¹³ This explanation need not undermine Fortson's hypothesis about the historical derivation of participles in **-tūros* from instrumental nouns. In fact, Fortson (2007: 89) discusses in some detail the structure of *fūtūrus* that was more likely to serve as a formal model for the other future participles. Assuming that the meaning of Pre-Latin **fū-* < IE **bhū* was 'to become' rather than 'to be', *fūtū-rus* can be analyzed as "imbued with becoming, imminent", hence 'future'.

4. Concluding remarks. The reconstructed morpheme **mā* was not the only exponent of the meaning 'to grow' in Indo-European. The most well-represented verbal root belonging to this semantic field was **xauḡ* / **xweks* 'to grow, increase' (Rix 2001: 274, 288-89; **h₂eug* / **h₂euks*). Among its derivatives are Tocharian A/B *ok-/auk-*, Lithuanian *augti* 'to grow', Latin *augēre* 'to increase', Avestan *waxš-*, Attic Greek *ἀύξεισθαι*, and German *wachsen* 'to grow'. Its reflexes, however, do not seem to be attested in Anatolian, and definitely not as finite verbal forms. Another common Indo-European verbal root that had 'to grow' among its basic meanings was **bhū* (Rix 2001: 98-101; **b^hueh₂*). This root is preserved in the Luvian adverb *puwa* 'formerly', which is the lexicalized form of *bhū* in its derived meaning 'to become, be' (Ivanov 2001). There is also about a dozen of other verbal roots having the meaning 'to grow' in individual Indo-European families, although their semantics need not be projected into Proto-Indo-European.

This embarrassment of the choice helps to explain why the reflexes of **mā* 'to grow' are limited to four language families. Already in Indo-Anatolian this ancient root must have been in competition with **bhū*, which it succeeded in marginalizing in Anatolian. In Late Indo-European, however, it was itself marginalized through the rise of **xauḡ* / **xweks* and language-specific verbs meaning 'to grow'. In Indo-Iranian it lingered on in the derived meaning 'to become' (again in competition with **bhū*), while in the rest of the family only its nominal reflex **mā-tero-* 'full-grown' was sporadically preserved.

Those who are willing to venture beyond Indo-European and inquire into the possible Nostratic connections of **mā* 'to grow' are reminded of Dravidian **mā(j)-* 'large, great', which is adduced as an external cognate of Hitt. *māi-* / *miya*^{-hi} in Kassian 2009: 164.

Литература

- Соколова В. С. 1973. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Ленинград: Наука.
 Стеблин-Каменский И. М. 1999. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Петербургское Востоковедение.

- Эдельман Д. И. "Язгулямский язык". 1987. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. Под ред. В. С. Расторгуевой. Москва: Наука. Стр. 348–407.
- Bailey, Harold W. 1979. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge University Press.
- Bartholomae, Christian. 1904. *Altiranisches Wörterbuch*. Strasburg. Reprint 1961. Berlin: Walter de Gruyter.
- Benveniste, Émile. 1929. *Essai de grammaire sogdienne. Deuxième partie: morphologie, syntaxe et glossaire*. Paris, P. Geuthner.
- Chantraine, Pierre. (1968-)1980. *Dictionnaire étymologique de la langue grec*. Paris: Klincksieck.
- Cheung, Johnny. 2007. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden: Brill.
- Cowgill, Warren. 1979. "Anatolian hi-conjugation and Indo-European Perfect: Installment II". *Hethitisch und Indogermänisch*. Ed. E. Neu and W. Meid. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- Dercksen, Rick. 2008. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden: Brill.
- Eichner, Heiner. 1973. "Die Etymologie von heth. mehur". *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 31: 53–107.
- Emmerick, Ronald E. 1968. *Saka Grammatical Studies*. Oxford University Press.
- Ernout, Alfred and Antoine Meillet. 1967. *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. Fourth edition. Paris: Klincksieck.
- Fortson, Benjamin W. IV. 2007. "The Origin of the Latin Future Active Participle". *Verba Docenti (Fs. Jasanoff)*. Ann-Arbor: Beech Stave. Pp. 83–95.
- Gharib, Badr-uz-zaman. 1995. *Sogdian dictionary*. Tehran: Farhangan.
- Hitch, Douglas. 1992. "Tumshuqese reṣth- (reṣth-) : Khotanese *hīṣt- 'send'". *Journal of Turkish Studies* 16 [= Richard Nelson Frye Festschrift I. Essays presented to Richard Nelson Frye on his Seventieth Birthday by his Colleagues and Students]. Pp. 91–95.
- Ivanov, Vyacheslav V. 2001. "Indo-European *bhuH in Luvian and the Prehistory of Past and Perfect". *Proceedings of the Twelfth Annual UCLA Indo European Conference*. Ed. M. Huld et al. Washington: Institute for the Study of Man. P. 81–106.
- Jasanoff, Jay. 2003. *Hittite and the Indo-European verb*. Oxford University Press.
- Kassian, Alexei S. 2009. "Anatolian Lexical Isolates and their External Nostratic Cognates". *Аспекты Компаративистики 4. Orientalia et Classica XXVIII*. Moscow: Russian State University for the Humanities. P. 152–86.
- Lehrman, Alexander A. 1998. *Indo-Hittite Redux*. Moscow: Paleograph.
- Kloekhorst, Alvin. 2008. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden: Brill.

- MacKenzie, David. N. 1970 The "Sutra of the causes and effects of actions" in Sogdian. Oxford University Press.
- Matasović, Ranko. 2009. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden: Brill.
- Oettinger, Norbert. 1979. Die Stammbildung des Hethitischen Verbuns. Nürnberg: Karl.
- Pokorny, Julius. 1959. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke.
- Reichert, Hans. 1931. Die sogdischen Handschriften-reste des Britischen Museums II. Heidelberg: Winter.
- Rix, Helmuth. 2001. Lexicon der indogermanischen Verben: Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen (2nd ed.). In cooperation with M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Ipp, and B. Schirmer. Wiesbaden: Reichert.
- Starke, Frank. 1979. "Zu den hethitischen und luwischen Verbalabstrakta auf -šha-". Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung 93: 247–61.
- Szemerényi, Oswald. 1971. "Iranica IV". Orbis 19: 500–519.
- Tischler, Johann. 1990. Hethitisches Etymologisches Glossar. Fascicle 5–6 (L-N). With contributions by G. Neumann and E. Neu. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck.
- de Vaan, Michiel. 2008. Etymological Dictionary of Latin. Leiden: Brill.
- Yakubovich, Ilya S. 2006. "Marriage Sogdian Style". Iranistik in Europa – gestern, heute, morgen. Akten der Tagung Graz, 11.-15.02.2002. Ed. B. Fragner et al. Vienna: Österreichische Akademie der Wissenschaften. P. 307–344.

Summary

The purpose of this paper is to argue for the existence of a new Proto-Indo-European verbal root by comparing three groups of forms that were commonly regarded as etymologically unrelated. The reflexes of Indo-European **mā* 'to grow' are preserved as finite verbal forms in Iranian (**mā* 'to become, be') and Anatolian (Hitt. *māi-* / *miya*^{-hi} 'to grow'), and as adjectival derivatives in Slavic and Italic (Russian *мамѣпѣу* and Latin *mātūrus* 'full-grown').

It is concluded that the reconstructed root belonged to the most archaic stratum of the Indo-European lexicon. Already in Indo-Hittite (Early Indo-European) this ancient root must have been in competition with **bhū* 'to grow, become', which it succeeded in marginalizing in Anatolian. In Late Indo-European, however, it was itself marginalized through the rise of **(x)aug* / **(x)weks* 'to grow, increase' and language-specific verbs meaning 'to grow'. In Indo-Iranian it lingered on in the derived meaning 'to become' (again in competition with **bhū*), while in the rest of the family only its

nominal reflex **mā-tero-* 'full-grown' was sporadically preserved. The last form represents an etymological polar adjective stressing the opposition with young animals/plants.

A number of ancient contaminations and folk etymologies complicate the analysis of the reflexes of IE **mā* 'to grow'. In Sogdian, for example, it became united in a single paradigm with the reflexes of IE **men* 'to remain', which contributed to the change in its semantics. In Latin, **mā-tero-* became synchronically associated with *māne* 'early in the morning' etc. and acquired the second meaning 'early, precocious', while the change in suffix vocalism is due to the influence of future active participles in *-tūrus*. In Slavic, the inherited *маторь* underwent a dialectal change into *матерь* by association with the word for 'mother'.

ОГЛАВЛЕНИЕ

M. S. KASYAN. Two Virgins – Two Cities: Artemis Ephesia and Aseneth, the Wife of Joseph.....	3
Н. Л. КАЦМАН. Латинский язык как общеобразовательный предмет обучения в России на протяжении XX века.....	17
A. KEIDAN. Compositional history of Pāṇini's <i>kāraṇa</i> theory.....	33
М. Л. КИСИЛИЕР, В. В. ФЕДЧЕНКО. «Евангелие Любви» (Иоанн 20: 19–25): цаконский вариант.....	47
С. Д. КЛЕЙНЕР. <i>Aureus</i> и <i>flava oliua</i> в контексте древнесаксонских глосс.....	58
A. CORSO. <i>Cupido fulmen tenens</i>	63
А. О. КОРЧАГИН. О жертве всеожжения в греческой Библии.....	76
P. A. KOCHAROV. The Etymology of Armenian <i>gelardn</i> 'Spear'.....	83
М. Н. КРЮЧКОВ. Семантико-синтаксическое сжатие зависимых условных конструкций в латинском языке.....	90
А. Е. КУЗНЕЦОВ. Сатурнов стих и греческий гекзаметр: структурные соответствия.....	94
А. В. ЛЕБЕДЕВ. Западногреческие философские поэмы и гомеровская традиция: преемственность или разрыв?.....	101
С. Н. ЛЕБЕДЕВ. Спартанский декрет против Тимофея Милетского в музыкальном трактате Боэция.....	111
О. Л. ЛЕВИНСКАЯ. «Метаморфозы, или Золотой осел» Апулея как «роман с ключом»: египетский ключ.....	120
S. LURAGHI. Transitivity, intransitivity and diathesis in Hittite.....	133
Л. В. ЛУХОВИЦКИЙ. Византийское иконоборчество – спор о терминах?.....	155
А. И. ЛЮБЖИН. Античные интересы Ивана Ивановича Шувалова (Заметки к каталогу его библиотеки).....	164
В. Л. МАКАРОВА. <i>Et abigo ea manu cordis</i> : о некоторых метафорических употреблениях лексемы <i>cor</i> в «Исповеди» Аврелия Августина.....	176
В. Р. MASLOV. On the derivation of <i>πρῶοιμιον</i>	191
R. MATASOVIĆ. The devoicing of final stops before *s and the root nouns in Proto-Indo-European.....	197
Т. А. МИХАЙЛОВА (Смирнова). Ветхозаветный апокриф «Иосиф и Асенеф» и некоторые текстологические параллели.....	205
М. Р. НЕНАРОКОВА. Седулий Скотт. «Nos sitis atque fames...» (опыт филологического комментария).....	217
А. С. НИКОЛАЕВ. A new argument against the assumption of an «Aeolic phase» in the development of Homeric epic diction.....	229
Н. Б. ПИМЕНОВА. Семантические закономерности комбинации словообразовательных суффиксов с основообразующими формантами в древне-в.-нем. отвлеченных именах.....	246

О. В. ПОПОВА. Графическое отображение смьчных взрывных согласных в клинописном хеттском языке.....	258
Е. Г. РАБИНОВИЧ. Латынь по-гречески.....	267
Н. Е. САМОХВАЛОВА. К вопросу о взаимовлиянии истории и географии в описании отношений римлян и варваров в «Географии» Страбона.....	288
М. Л. СЕРГЕЕВ. Комментарий к рассмотрению галльских имен в «Митридате» (1555) Конрада Гесснера.....	292
М. В. СКРЖИНСКАЯ. Фантастические обитатели морских глубин в мифологии жителей Боспорского царства.....	305
А. Г. СЛЕДНИКОВ. Элементарный курс разговорной латыни для студентов российских вузов: проблемы и перспективы.....	314
А. И. СОЛОПОВ. К этимологии латинского <i>ocrea</i>	325
Е. А. СОРОКИНА. Кто такие прагерманские * <i>druht</i> ?.....	329
А. А. СТАРЧУК. С. К. Булич и современное индоевропейское языкознание.....	340
М. А. ТАРИВЕРДИЕВА. Предложения с союзом <i>sit</i> в латинском языке: когнитивно-коммуникативный аспект.....	352
Т. Ф. ТЕПЕРИК. Художественная роль экскурсов в «Аргонавтике» Аполлония Родосского.....	360
Т. В. ТОПОРОВА. Древнеиндийские враты и их германские параллели.....	371
В. В. ФАЙЕР. К вопросу о влиянии Аристарха на рукописную традицию «Илиады».....	387
А. И. ФАЛИЛЕЕВ. К лингвистической интерпретации некоторых топонимов в трактате «О строениях» Прокопия.....	394
И. Л. ХЛЫНОВА. Письмо Либания к Иоанну Златоусту из рукописи Исидора Пелусиота.....	402
Е. Ю. ЧЕПЕЛЬ. Политическая поэтика Софокла: трагедия «Аякс» и <i>ἐπιτάφιος λόγος</i>	414
А. Б. ЧЕРНЯК. «Паломничество Эгерии» как источник по архитектуре и сельскому хозяйству Египта IV в.н.э. (VII,2 monasteria cum militibus; IX,4 (vineae) quae dant balsamum)....	436
А. В. ШАЦКОВ. Пассивные употребления медиальных форм глагола в хеттском языке.....	444
А. И. ШМАИНА-ВЕЛИКАНОВА, Н. В. БРАГИНСКАЯ. Иоаким: историческое лицо и персонаж.....	450
А. И. ШМАИНА-ВЕЛИКАНОВА. II. Книга Иудифи как символическая повесть: анализ имен.....	467
I. YAKUBOVICH. Indo-European * <i>mā</i> 'to grow'.....	478

Авторы статей:

- АВДОХИН АРКАДИЙ СЕРГЕЕВИЧ, Институт восточных культур и античности РГГУ. arkadiy.avdokhin@gmail.com
- АСКЕРМАНН KATSIARYNA, Mag., Institut für Sprachwissenschaft der Universität Wien, katsiaryna.ackermann@univie.ac.at
- АНДЕРСЕН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – студент кафедры истории средних веков исторического факультета СПбГУ. vlad.andersen@gmail.com.
- АНДРЕЕВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, м.л. науч. сотр. ИЛИ РАН.
- АНТОНЕЦ ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА, кандидат филологических наук, преп. кафедры классической филологии филологического факультета МГУ. scatebr@mail.ru
- АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, доктор филол. наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор МГУ. logotheta@mail.ru
- БАРЗАХ ЗОЯ АНАТОЛЬЕВНА, канд. филол. наук, докторант ИЛИ РАН, Санкт-Петербург. zoia_barzakh@mail.ru
- БАСАРГИНА ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВНА, канд. ист наук, старший науч. сотр. СПб Филиала Института истории естествознания и техники РАН. akhos@mail.ru
- БЕЛИКОВ АЛЕКСЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, аспирант кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. albel86@mail.ru
- БЕЛИКОВ АРСЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ, аспирант. Саратовский Гос. Университет, Институт истории и международных отношений. arseniyb@mail.ru
- БЕЛОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, канд. филол. наук, преп. кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ им. М. В. Ломоносова. indogermanica@yandex.ru
- БЕЛОУСОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ, канд. филол. наук, асс. кафедры древних языков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. abelv@yandex.ru
- BLAZIENĖ GRASILDA. Institut für litauische Sprache, Vilnius. grasilda.blaziene@lki.lt
- БРАГИНСКАЯ НИНА ВЛАДИМИРОВНА, главный науч. сотр. Ин-та высших гуманитарных исследований РГГУ, рук. Центра антиковедения Ин-та вост. культур и античности РГГУ, satissuperque@mail.ru
- БОНДАРКО НИКАЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН.

VUKADINOVIĆ SNEŽANA, University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, Department of History, assistant of classical languages. snezana.vukadinovic@nscable.net

ГАБИНСКИЙ МАРК АЛЕКСАНДРОВИЧ – докт. филол. наук, Кишинев, Молдавия. positiveexperience@gmail.com

GARCÍA ALONSO JUAN LUIS, Profesor Titular de Universidad de Salamanca, Facultad de Filología, Departamento Filología Clásica e Indoeuropea. jlga@usal.es

ГЕРЦЕНБЕРГ ЛЕОНАРД ГЕОРГИЕВИЧ, доктор филологических наук, профессор, гл. науч. сотр. ИЛИ РАН, Санкт-Петербург. ailouros34@gmail.com

ГРОШЕВА АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА, докт. филол. наук, ст. н. с. ИЛИ РАН.

ДОМОСИЛЕЦКАЯ МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА – канд. филол. наук, ст. н. с. ИЛИ РАН. marinaling@mail.ru

ДОНЧЕНКО СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, аспирант кафедры индийской филологии СПбГУ. donych@rambler.ru

ДЫБО ВЛАДИМИР АНТОНОВИЧ, докт. филол. наук, профессор, чл.-корр. РАН, гл. науч. сотр. Институт славяноведения РАН.

ЕВДОКИМОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА, канд. филол. наук, науч. сотр. Институт языкознания РАН. arochka@gmail.com

ЕМЕЛЬЯНОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ. banshur69@gmail.com

ЕСЕЛОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, аспирантка ИЛИ РАН. eselana@mail.ru

ЖЕЛТОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА, канд. филол. наук, доц. кафедры классической филологии СПбГУ. elena.zheltova@mail.ru

ЗАБУДСКАЯ ЯНА ЛЕОНИДОВНА, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры классической филологии филологического факультета МГУ. yanazabud@mail.ru

ЗАВЬЯЛОВА ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА – канд. филол. наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ. valent_zavyalova@mail.ru.

ИВАНОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН.

ИСКАКОВА НАЗИРА – аспирантка кафедры профессионального английского языка Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана. Алма-Ата. iskakova_nazira@mail.ru

КАЗАНСКИЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, академик РАН, доктор филол. наук, директор ИЛИ РАН. nkazansky@iling.spb.ru

- КАМЕНЕВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА, м.л. науч. сотр. ИЛИ РАН.
КАРЕВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА, м.л. науч. сотр. ИЛИ РАН.
КАСЬЯН АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, канд. филол. наук, Институт восточных культур и античности РГГУ, Москва. a.kassian@gmail.com
КАСЬЯН МАРИЯ СЕРГЕЕВНА, ст. преподаватель кафедры классической филологии, Институт восточных культур и античности РГГУ, Москва; mkass@mail.ru
КАЦМАН НИНА ЛАЗАРЕВНА, канд. филол. наук, профессор кафедры классической филологии МЛГУ. ninakatsman@mail.ru
KEIDAN ARTEMIJ, Dr. Oriental Institute, University of Rome "La Sapienza". artemio.keidan@gmail.com
КИСИЛИЕР МАКСИМ ЛЬВОВИЧ, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН, ст. преп. кафедры общего языкознания СПбГУ, директор Греческого института в Санкт-Петербурге; kisimac@gmail.com
КЛЕЙНЕР СВЕТЛАНА ДМИТРИЕВНА, м.л. науч. сотр. ИЛИ РАН.
КОРСО АНТОНИО, профессор Падуанского университета, Италия. antoniorcorso@hotmail.com
КОРЧАГИН АЛЕКСЕЙ ОЛЕГОВИЧ, аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова. megistos@mail.ru
КОЧАРОВ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ, канд. филол. наук, ст. н. с. ИЛИ РАН.
КРЮЧКОВ МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ, аспирант кафедры классической филологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва. caecus@yandex.ru
КУЗНЕЦОВ АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ, доктор филол. наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. megasorcatos@yahoo.com
ЛЕБЕДЕВ АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ, канд. филол. наук, вед. науч. сотр. Института философии РАН, проф. Центра антиковедения Института восточных культур и античности РГГУ. anlebedev@gmail.com
ЛЕБЕДЕВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, канд. искусствоведения, доцент Московской гос. консерватории имени П. И. Чайковского. olorulus@mail.ru
ЛЕВИНСКАЯ (АХУНОВА) ОЛЬГА ЛЕОНИДОВНА – канд. филол. наук, доц. кафедры классической филологии, Институт восточных культур и античности РГГУ. levinskaja@mail.ru.
LURAGHI SILVIA – Prof. Dr., Dipartimento di Linguistica Teorica e Applicata, Università di Pavia. luraghi@unipv.it
ЛУХОВИЦКИЙ ЛЕВ ВСЕВОЛОДОВИЧ – канд. филол. наук, м.н.с., Институт славяноведения РАН. lukhovitskiy@gmail.com.

- ЛЮБЖИН АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ, канд. филол. наук, Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова. vultur@mail.ru
- МАКАРОВА ВИОЛЕТТА ЛЕОНИДОВНА, аспирант ИЛИ РАН. violamak62@rambler.ru
- MASLOV BORIS PAVLOVICH, Assistant Professor in Comparative Literature, University of Chicago. maslov@uchicago.edu
- MATASOVIĆ RANKO, Professor Dr. Department of Linguistics, University of Zagreb, rmatasov@ffzg.hr; www.ffzg.hr/~rmatasov
- МИХАЙЛОВА (СМИРНОВА) ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА, аспирант Института высших гуманитарных исследований РГГУ, асс. кафедры древних языков РГГУ. robinrobin@mail.ru
- НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА, канд. филол. наук, с. н. с. Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН. maria.Nenarokovayandex.ru.
- НИКОЛАЕВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ, канд. филол. наук, докторант ИЛИ РАН.
- ПИМЕНОВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА, канд. филол. наук, профессор кафедры западноевропейских языков и переводоведения Московского городского педагогического университета. n_pimenova@yahoo.com; pimenova@daad-alumni.de
- ПОПОВА ОЛЬГА ВИТАЛЬЕВНА, асп. филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. olga.v.popova@gmail.com
- РАБИНОВИЧ ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА – докт. ист. наук, профессор кафедры общего языкознания СПбГУ. egr@ER1126.spb.edu
- САМОХВАЛОВА НАТАЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА, аспирант сектора «Восточная Европа в древнем и средневековом мире» ИВИ РАН. vixrisum@gmail.com
- СЕРГЕЕВ МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ, аспирант ИЛИ РАН. mslogos@yandex.ru
- СКРЖИНСКАЯ МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА – докт. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной Академии наук Украины. kij@bk.ru
- СЛЕДНИКОВ АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ, ст. преп. кафедры иностранных языков, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; Международный университет бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), преподаватель латинского языка. slednicovusger@inbox.ru
- СОЛОПОВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ, доктор филол. наук, зав. кафедрой классической филологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва. scatebr@mail.ru, classic@philol.msu.ru

- СОРОКИНА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА, доктор филол. наук, доцент каф. языкознания Волгоградского государственного педагогического университета. Helen-Sorokina@yandex.ru
- СТАРЧУК АЛЕКСЕЙ А., магистрант СПбГУ. alexei_star@mail.ru
- ТАРИВЕРДИЕВА МАРИЯ АКОПОВНА, доктор филол. наук, проф., заведующая кафедрой классической филологии Московского государственного лингвистического университета.
- ТЕПЕРИК ТАМАРА ФЁДОРОВНА, докт. филол. наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. teperik@mail.ru
- ТОПОРОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА, докт. филол. наук, вед. н. с. Института языкознания РАН. t1960@list.ru
- ФАЙЕР ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры латинского языка и основ терминологии МГМСУ, старший преподаватель кафедры древних языков ИЛ РГГУ. librarius@narod.ru
- ФАЛИЛЕЕВ АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ, доктор филологических наук, ведущий науч. сотр. ИЛИ РАН. axf@aber.ac.uk
- ФЕДЧЕНКО ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА, канд. филол. наук, асс. кафедры общего языкознания СПбГУ. ilmen2005@yahoo.com
- ФИЛИППОВ КОНСТАНТИН АНАТОЛЬЕВИЧ, доктор филол. наук, проф., зав. кафедрой немецкой филологии СПбГУ
- ХЛЫНОВА ИРИНА ЛЕОНИДОВНА, преподаватель Российского университета дружбы народов и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Irina_Chlynova@mail.ru
- ЧЕПЕЛЬ ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА, аспирант кафедры классической филологии ИВКА РГГУ. eupraksia@gmail.com
- ЧЕРНЯК АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ – канд. филол. наук, ст. н. с. ИЛИ РАН.
- ШАЦКОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН.
- ШМАИНА-ВЕЛИКАНОВА АННА ИЛЬНИЧНА, доцент, Центр изучения религий, РГГУ. anna.shmaina@gmail.com
- ЯКУБОВИЧ ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ, кандидат филологических наук, науч. сотр. ИМК МГУ. sogdiana783@gmail.com